

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2020

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 2 0 **Том 26**

2 0 2 0 **Volume 26**

№ 4
Октябрь – Декабрь

№ 4
October – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,

Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,

Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,

Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 Кочешков Г.Н., Аграфонов П.Г.**
Ярославль и Ярославский край
в латиноязычных источниках XV–XVI вв.
- 15 Бенда В.Н.**
Совершенствование учебно-воспитательного процесса в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (СШКК) во второй половине XVIII в.
- 22 Хомяков С.В.**
От «дорогого Ильича» к заветам вождя: трансформация восприятия личности В.И. Ленина в сельской провинции 1920-х гг. (Бурят-Монгольская АССР)
- 28 Ларина Е.В.**
Политика пролетаризации образования на примере учебных заведений Москпрофобра
- 33 Орешкин О.Ю.**
Торгово-хозяйственная деятельность Рыбинской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин в 1933–1935 гг.
- 40 Соболева А.Н.**
Деятельность Российского общества Красного Креста в БМАСССР в годы Великой Отечественной войны
- 44 Балахонова М.А., Околотин В.С.**
Ивановский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны
- 50 Никифоров Ю.С.**
Идеолого-политическое обеспечение трансформации экономики и социума в СССР 1950–80-х гг.: исторические вызовы и скрытые тенденции
- 58 Согомонян З.А.**
Кризис индустриальных районов на Среднем Западе США: первый этап (середина 1960-х – начало 1980-х гг.)
- 65 Христенко Д.Н.**
Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и новая внешнеполитическая концепция Дж. Буша-старшего
- 70 Зверев К.А.**
Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 78 Волкова Т.Ф., Макарова Е.И.**
Изображение персонажей-мусульман автором «Казанской истории»
- 83 Овчинина И.А.**
«Эта вещь писана для знатоков» (пьеса А.Н. Островского «Не всё коту масленица»)
- 89 Белякова Е.Н.**
Эволюция образов главных героев в процессе работы А.Н. Островского над комедией «Лес» (на материале чернового автографа пьесы)
- 94 Медведева Н.А.**
Жанровые особенности пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые»

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 G.N. Kocheshkov, P.G. Agrafonov**
Yaroslavl and Yaroslavl land
in Latin-language sources of the 15th – 16th centuries
- 15 V.N. Benda**
Improvement of the educational process in the Land Gentry Cadet Corps in the second half of the 18th century
- 22 S.V. Khomyakov**
From “Dear Ilyich” to the covenants of the leader: transformation of perception of the personality of Vladimir Lenin in the rural province in the 1920s (Buryat-Mongol Autonomous Socialist Soviet Republic)
- 28 Ye.V. Larina**
The policy of proletarianisation of education based on the example of educational institutions of Moscow department of professional education
- 33 O.Yu. Oreshkin**
Trade and economic activity of the Rybinsk interdistrict base of Ivanovo regional office of the Torgsin (Trade with Foreigners) in 1933–1935
- 40 A.N. Soboleva**
Activities of the Russian Red Cross society in Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the years of the Axis aggression
- 44 M.A. Balakhonova, V.S. Okolotin**
Ivanovo State Pedagogic Institute during the Nazis aggression
- 50 Yu.S. Nikiforov**
The ideological and political support for the transformation of the economy and society in the USSR of the 1950–1980s: historical challenges and hidden trends
- 58 Z.A. Sogomonyan**
Crisis of Industrial Regions in the Midwestern USA: the First Stage (the mid-1960s – early 1980s)
- 65 D.N. Khristenko**
The Gulf War (1990–1991) and new foreign political concept of George Herbert Walker Bush
- 70 K.A. Zverev**
The Russian-speaking population of Latvia in the modern period: correlation of status with local state historical politics

SCIENCE OF LITERATURE

- 78 T.F. Volkova, Ye.I. Makarova**
Image of Muslim characters by the author of “Kazan Chronicle”
- 83 I.A. Ovchinina**
“This... is written for pundits” (Alexander Ostrovsky’s play “It’s Not All Shrovetide for the Cat”)
- 89 Ye.N. Belyakova**
The evolution of the images of the main characters in the process of Alexander Ostrovsky’s work on the comedy «The Forest» (based on the draft autograph of the play)
- 94 N.A. Medvedeva**
Genre features of the play “Guilty without Fault” by Alexander Ostrovsky

- 100 Винокурцева Ю.О.**
Противоречия и крайности русской реальной критики в оценке литературной позиции И.А. Гончарова
- 107 Николаева Е.В.**
Рассказ Льва Толстого «Кавказский пленник»: к вопросу о творческой истории
- 113 Мьякинченко М.А.**
В.М. Карепина (Достоевская) – сестра и героиня романов Ф.М. Достоевского
- 120 Михновец М.В.**
«Киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду
- 128 Холодова З.Я.**
Художественное мышление М.М. Пришвина в трактовке Р.В. Иванова-Разумника
- 135 Бондарчук Е.М.**
Предметно-вещная онтология «финальной книги» Б. Пастернака «Доктор Живаго»
- 148 Смирнова Н.Н.**
Образ в теории чтения М.О. Гершензона
- 155 Велигорский Г.А.**
Варварская страна или полицейское царство: негативный образ России в детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века
- 161 Цветков Ю.Л.**
От барочной драмы к трагедии: первая и третья редакции пьесы Гуго фон Гофманстала «Башня»
- 167 Таганов А.Н.**
Принцип клинамена в поэтике Альфреда Жарри
- 172 Фролова Н.С.**
Кенийская поэзия экспатриантов на примере творчества Марджори Макгой и Стивена Пардингтона
- 179 Столетова А.С.**
Писательский авторитет в процессах общественных трансформаций 1960–1970-х гг. (мировоззренческая проекция и идеологическая подоплека)
- 187 Чернов А.В., Дворянова М.В.**
Скринлайф: авторская рефлексия в контексте проблематики медиакommunikации эпохи Web 2.0
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 194 Коваль С.П., Таибова О.Ю., Цветков М.Ю.**
Актуальные проблемы правового регулирования института конфликта интересов на государственной гражданской службе в Российской Федерации
- 202 Новикова Ю.О.**
Правовое регулирование кооперации в России в 1917 г.
- 209 Романовская В.Б., Иммаева Б.А.**
Определение критериев деструктивности в деятельности новых религиозных движений (теоретико-правовой аспект)
- 216 Ларина Л.Ю.**
Лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством за совершение преступления как средство обеспечения транспортной безопасности
- 222 Груздев В.В., Ганжа Н.В.**
Сравнительно-правовой анализ конституционных основ противодействия коррупции некоторых стран Ганзейского союза Нового времени
- 100 Yu.O. Vinokurtseva**
Contradictions and extremes of Russian real criticism in assessing the literary position of Ivan Goncharov
- 107 Ye.V. Nikolayeva**
Leo Tolstoy's novella "The Prisoner of the Caucasus": on the question of creative history
- 113 M.A. Myakinchenko**
Varvara Karepina, née Dostoevskaya – sister and heroine of Fyodor Dostoevsky
- 120 M.V. Mikhnovets**
The geopolitics of the «Kirghiz steppe» in the works of Fyodor Dostoevsky: from the «zone of undeveloped wilderness» to the new Heartland
- 128 Z.Ya. Kholodova**
Mikhail Prishvin's artistic outlook in Razumnik Ivanov-Razumnik's interpretation
- 135 Ye.M. Bondarchuk**
Subject-material ontology in "Doctor Zhivago", the "final book" by Boris Pasternak
- 148 N.N. Smirnova**
Image in Mikhail Gershenzon's Theory of Reading
- 155 G.A. Veligorsky**
A barbaric country or a police kingdom: a negative image of Russia in the children's literature of Great Britain of the late 19th – the early 20th century
- 161 Yu.L. Tsvetkov**
From Baroque drama to tragedy: the first and third editions of the play «Der Turm» by Hugo Laurenz August Hofmann von Hofmannsthal
- 167 A.N. Taganov**
The clinamen principle in the poetics of Alfred Jarry
- 172 N.S. Frolova**
Expatriate Kenyan poetry: Marjorie Phyllis Oludhe Macgoye and Stephen Derwent Partington
- 179 A.S. Stoletova**
Writer's authority in the processes of social transformations of the 1960s and 1970s (worldview projection and ideological background)
- 187 A.V. Chernov, M.V. Dvoryanova**
Screen life: author reflection in the context of media communication problem of Web 2.0 epoch
- JURAL SCIENCE**
- 194 S.P. Koval', O.Yu. Taibova, M.Yu. Tsvetkov**
Topical problems of legal regulation of the institution of conflict of interest in the state civil service in the Russian Federation
- 202 Yu.O. Novikova**
Legal regulation of cooperation in Russia in 1917
- 209 V.B. Romanovskaya, B.A. Immayeva**
Determination of the criteria of destructiveness in the activities of new religious movements (theoretical and legal aspect)
- 216 L.Yu. Larina**
The prohibition of driving a vehicle for committing a crime as a means of ensuring transport security
- 222 V.V. Gruzdev, N.V. Ganzha**
Comparative legal analysis of the constitutional bases of combating corruption in some states of the New Hanseatic League

- 227 Кириллов Д.А., Сеченова Е.Г.**
Конституционно-правовое исследование понятия «tolerance» в документах ООН в связи с принятием Резолюции о религиозной толерантности
- 233 Груздев В.В., Груздева М.Л., Ершов В.Н., Смирнов В.А.**
О воздействии больших вызовов и социокультурных угроз на семью и семейное право
- 238 Богустов А.А.**
О некоторых направлениях развития авторского права в проектах Гражданского кодекса СССР
- 243 Бердинских С.В.**
К вопросу о пределах деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий
- 249 Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В.**
Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 255 Мосалева Г.В.**
Державная традиция и духовное измерение российской государственности в русской литературе XVIII–XIX вв.
- 260 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ**

- 227 D.A. Kirillov, E.G. Sechenova**
Constitution-law study of the concept of “tolerance” in the UN documents in connection with the adoption of the Resolution on religious tolerance
- 233 V.V. Gruzdev, M.L. Gruzdeva, V.N. Yerшов, V.A. Smirnov**
The impact of great challenges and sociocultural threats to the family and family law
- 238 A.A. Bogustov**
On some directions of the development of copyright in the projects of the civil code of the USSR
- 243 S.V. Berdinskikh**
On the issue of the limits of the prosecutor’s activity for the protection of public interest in the sphere of use and protection of specially protected natural territories in court
- 249 D.V. Bakhteyev, L.V. Tarasova**
The application of artificial intelligence in commercial courts of the Russian Federation: perspectives and issues

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 255 G.V. Mosalyova**
Sovereign tradition and spiritual dimension of Russian statehood in Russian literature of the 18th–19th centuries
- 260 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF ARTICLES**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-8-14>
УДК 94(470) «15/16»

Кочешков Геннадий Николаевич

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Аграфонов Петр Геннадьевич

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ЯРОСЛАВЛЬ И ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ В ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ XV–XVI ВВ.

Темой настоящей статьи стали европейские латиноязычные источники XV–XVI веков, имеющие своим предметом особенности и отличительные черты ярославской земли, а также происходившие здесь события. В этот период латынь играла роль главного инструмента международного обмена информацией, была письменным языком научного сообщества. Поэтому и большинство сочинений иностранных путешественников XV–XVI вв., включая материалы о Русском государстве, написано на классической латыни. Часть этих трудов составляют тексты, посвященные Ярославскому краю. Сведения, представленные в этих работах, составляют существенный комплекс материалов по истории края, характеризующий различные стороны его жизни. В зависимости от характера литературной деятельности, интересов, целей и способов получения информации европейские авторы затрагивают темы, связанные с природно-географическими особенностями Ярославского края, описывают хозяйство, торговлю и другие занятия населения, характерные черты городов или повседневную жизнь ярославцев. Но более всего иностранных авторов закономерно интересуют вопросы, касающиеся истории описываемых территорий, их государственно-политической организации, административного деления, принципов управления, современных им событий, а также религиозной сферы.

Ключевые слова: Ярославль, Ярославский край, Ростов, латиноязычные источники, Герберштейн, Иван Грозный, политическая история, климат, нравы, XV–XVI вв.

Информация об авторах: Кочешков Геннадий Николаевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2630-6668>, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

E-mail: kocheshg@mail.ru

Аграфонов Петр Геннадьевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1030-4334>, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

E-mail: ppeter@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.06.2020

Для цитирования: Кочешков Г.Н., Аграфонов П.Г. Ярославль и Ярославский край в латиноязычных источниках XV–XVI вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 8–14. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-8-14>

Gennadiy N. Kocheshkov

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

Pyotr G. Agrafonov

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YAROSLAVL AND YAROSLAVL LAND IN LATIN-LANGUAGE SOURCES OF THE 15TH – 16TH CENTURIES

The topic of this article is European Latin-language sources of the 15th – 16th centuries, having their subject distinctive features of Yaroslavl land as well as the events that took place here. During this period Latin played the role of the main tool for the exchange of international information and it was the written language of the scientific community. Therefore, most of the works of foreign travellers of the 15th – 16th centuries including the materials about the Russian state is written in the classical Latin. Some of these works are texts devoted to Yaroslavl land. Information provided in these works make up a significant complex on the history of Yaroslavl land describing various aspects of its life. Depending on the nature of literary activity, interests, goals and methods of receiving information European authors covered topics related to natural and geographical features of the land, they described the economy, trade and other occupation of the population, characteristic features of cities or everyday life of Yaroslavl residents. But most of all foreign authors are naturally interested in the following questions of the history of these territories, their state-political organisation, administrative division, management principles and the religious sphere. Due to the limited Russian sources of the history of Yaroslavl land of this time, the testimonies of foreign authors become particularly significant. The richness of information often makes them extremely valuable.

Keywords: Yaroslavl, Yaroslavl land, Rostov, Latin-language sources, Sigismund von Herberstein, Ivan IV Terrible, political history, climate, mores, 15th – 16th centuries

Information about the authors: Gennadiy N. Kocheshkov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2630-6668>, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia

E-mail: kocheshg@mail.ru

Pyotr G. Agrafonov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1030-4334>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia

E-mail: ppeter@yandex.ru

Article received: 27.06.2020

For citation: Kocheshkov G.N., Agrafonov P.G. Yaroslavl and Yaroslavl land in Latin-language sources of the 15th – 16th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 8-14 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-8-14>

Ярославский край является предметом интереса иностранных авторов с эпохи раннего Средневековья до начала XXI века. Так, в XVIII веке различные аспекты истории, культуры и хозяйства края исследовали так называемые «русские иностранцы» [Кочешков, Аграфонов: 8–13]. В XV–XVI веках Ярославский регион оказался в центре внимания иностранцев, писавших свои работы на латыни.

Это связано с тем, что в эпоху Возрождения, когда европейские гуманисты проявляли огромный интерес к античности, а писатели стремились подражать античным образцам, вспыхивает интерес к древним языкам – греческому и, в первую очередь, к латинскому. Латынь тогда играла роль главного инструмента международного обмена информацией, была общим письменным языком ученого сообщества. Поэтому и большинство сочинений иностранных путешественников XV–XVI вв., включая материалы о Русском государстве, написано на классической латыни. Заметную часть этих трудов составляют тексты, посвященные Ярославскому краю, его истории, политической жизни, экономическому развитию.

По сложившемуся общепринятому мнению, первым иностранцем, упомянувшим Ярославский край в своем сочинении, считается поляк Матвей Меховский, писавший в начале XVI века. Но это утверждение не соответствует действительности. Еще в конце XV века в свет вышло сочинение знаменитого польского историка и дипломата, крупного католического иерарха Яна Длугоша «*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*» («Хроники славного королевства Польши»), в котором присутствуют упоминания о Ярославской земле.

Крупнейший польский историк XV века, дипломат и католический иерарх Длугош более всего известен именно благодаря этому труду, который представляет собой самую полную хронику польского средневековья, изложение в которой доведено до 1480 года. Длугош пользуется сведениями литовских и русских летописей, польских, венгерских и чешских хронистов, а также архивными данными. Наряду со сведениями исторических источников он не обходит вниманием легенды, агиографические материалы, воспоминания современников и т. д. Язык хроники – латынь.

Описывая историю не только Польши, но и других славянских государств, в том числе и Руси, Длугош неоднократно упоминает Ростов. Повествуя о событиях 1005 года, он рассказывает,

в частности, о разделе между сыновьями наследства Владимира, князя Руси. «Вышеславу, старшему по рождению, даёт Новгород, Изяславу – Полоцк, Святополку – Туров, Ярославу – Ростов; но, после того как Вышеслав был унесён смертью, Ярослав [получает] Новгород, Борис – Ростов, Глеб – Муром, Святослав – древлян, Всеволод – Владимир, Мстислав – Тмутаракань...» [Длугош: 236]. Эти же сведения представлены в «Повести временных лет».

С другой стороны, во многом повествование Длугоша заметно отличается от летописных свидетельств. Эти отличия текста хроники от сохранившихся древнерусских источников и по сей день продолжают оставаться источниковедческой загадкой. Далее, описывая события 1089 года, Длугош говорит: «После того как новгородский князь Давид Святославович ушел из Новгорода в Смоленск, Мстислав Владимирович приходит по просьбе новгородцев из Ростова и занимает Новгородское княжество» [Длугош: 282]. Давид Святославич – сын киевского князя Святослава Ярославича. Где он княжил в 1080-е гг., неизвестно, в 1095 г. он был в Смоленске, потом в Новгороде. Старший сын Мономаха Мстислав родился в 1076 году. По всем данным, в 1091 г. он, видимо, посажен в Новгород, а оттуда в 1095 г. переведен в Ростов.

Позже Ростов упоминается как одна из крепостей в период борьбы между Изяславом и Олегом. Согласно Длугошу, «Изяслав погиб, уступив победу Олегу. Поскольку воины Изяслава разбежались по разным местам, муромцы пустили в крепость князя Олега; также и крепость Ростов, так как ростовцы сдались ему и заплатили дань. Он обратил их под свою власть. Опасаясь могущества князя Олега и его тирании, брат убитого Изяслава, Мстислав, который сидел в Новгороде, идет ему навстречу. Напуганный таким исходом, Олег отступает в Ростов, а Мстислав преследует его» [Длугош: 284]. Отметим, что эти события отражены в «Хронике» достаточно объективно.

«Год от рождества Господня 1184-й. Четырнадцатого июня умер владимирский князь Михалко, которому во всех княжествах наследовал его брат Всеволод. Мстислав Ростиславич, намереваясь прогнать его со столов, которые ему достались, поднялся против него с ростовцами и, побежденный Всеволодом, бежал в Ростов, а потом в Новгород» [Длугош: 330]. Речь идет о событиях 1176 – начала 1177 гг., а именно – о столкновении интересов Всеволода Большое Гнездо (младше-

го сына Юрия Долгорукого) и его племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Сокращая летописный рассказ, хронист не заметил, что противник Всеволода Мстислав Ростиславич – племянник не Глеба, как ошибочно пишет Длугош, а Всеволода.

Последний раз Ростов упомянут в «Хронике» под 1228 годом, когда Длугош говорит об очередном разорении русских земель татарами. В том числе, «...отобрав у князя Владимира крепость Ростов, они сжигают замок, завладев множеством пленников и добычей досыта» [Длугош: 363]. Это известие хрониста, по-видимому, стало следствием ошибки, так как Владимир Константинович был князем в Угличе, а не в Ростове. Летописный источник сведений Длугоша о бесчинствах татар на северо-востоке Руси в 1228 году не установлен, поскольку краткость информации не позволяет идентифицировать тексты.

Наполненная неточностями, иногда неосознанными, иногда сознательными, «Хроника» Длугоша тем не менее служит любопытным источником о ранней истории Ростова. Утверждая, что Ростов был сожжен татарами в 1228 году, Длугош ошибается, так как разорение города произошло десятью годами позже, в 1238 году. Неточностей в «Хронике» немало, но тем не менее она служит значимым источником по ранней истории Ростова.

В начале XVI века, а точнее, в 1517 году была издана книга польского историка и географа Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях», неоднократно переиздававшийся в европейских странах. Написанное со слов иностранцев, побывавших на Руси, то есть на основании свидетельств, полученных из третьих рук, это сочинение тем не менее практически впервые открыло русское государство европейским современникам и внесло существенный вклад в знакомство с ним западного мира. Автор описывает географию и природу Московии, образ жизни населения и категорически отрицает существование людей с собачьими головами и тому подобного. Написанный на латыни, «Трактат» практически сразу был переведен на основные европейские языки.

Среди территорий, принадлежащих правителю России, Меховский упоминает (впервые для иностранцев) и Ярославское княжество, «имеющее срок миль протяжения» [Меховский: 211].

Матвей (Матфий) Меховский был придворным врачом и астрологом короля Сигизмунда I. Сам он никогда не бывал в Московском государстве и писал, основываясь на различных материалах. Политическая ангажированность Меховского очевидна, несмотря на достаточно нейтральный в целом характер «Трактата». Это приводит в некоторых случаях к недостоверности информации или как минимум к тенденциозному преподнесению данных, которые тогда были еще свежи в памяти современ-

ников Меховского, а порой и широко известны. Политические симпатии и антипатии Меховского проявились здесь с достаточной определенностью.

Еще одно латиноязычное сочинение, содержащее информацию о Ярославском крае, было написано почти одновременно с «Трактатом» Меховского. Это письмо итальянца Альберта Кампензе папе Клименту VII о делах Московии, подготовленное в 1523 или 1524 гг. Его автор, родом из Нидерландов, переселился затем в Италию. Кампензе тоже не был в Русском государстве. На основе материалов, собранных им из третьих рук, Кампензе составил информационное письмо о Московии, основной смысл которого – обоснование целесообразности объединения православной и католической церкви. В своем обращении к папе Кампензе пытается убедить Климента VII в необходимости содействия такой политике.

В этой работе о Ярославском крае говорится следующее: «Сверх того в Москве есть еще много других владений и княжеств, как то: княжество Ярославское, Шухерцонское, Шаховское, Рубенское, Хельмское, Цубецувожское и Климовское. Каждая из сих областей занимает в пространстве от ста до ста пятнадцати миль и выставляет государю своему, по его назначению, определенное число всадников – из дворян, и пеших воинов – из простого народа» [Письмо Альберта Кампензе: 24].

В 1518 г. австрийский посол в Москве Франческо да Колло ди Конельяно вел переговоры о мире между Россией и Польшей. Позже он стал автором своеобразного отчета о пребывании в России – «Донесения о Московии». В нем, излагая наряду со своими дипломатическими функциями политико-географическую структуру русского государства, да Колло упоминает в его составе Ростовское и Ярославское княжества, находящиеся, наряду с остальными территориями, «под господством и полною властью» московского князя.

Очерчивая владения Василия III, Да Колло писал: «Имеет сей князь под господством и полною властью своею одну и другую Русь целиком, то есть черную и белую, кои суть царства громаднейшие... Помимо сих двух Русей и Княжества Московского названный Князь имеет под собою... княжества Вятское, Волоцкое, Ржевское, Бельское, Устюжское, Ростовское, Ярославское, Белозёрское...» [да Колло: 62].

Список источников, в которых сведения о Ярославском крае весьма лапидарны, завершает книга «Религия московитов» Иоганна Фабри – доктора богословия, гражданского и церковного права, принадлежавшего доминиканскому ордену и занимавшего епископскую кафедру в Вене. В Московском государстве Фабри никогда не был; его работа о России, написанная в 1525 году, основана на записях бесед с послами Василия III, побывавшими на переговорах с представителями Карла V

в Испании. Члены посольства добирались обратно в Москву через южную Германию, где имели встречи с представителями церкви, в том числе с Иоганном Фабри.

Свое повествование о Московии он строит в основном как рассказ о епархиях Московской Руси на 1525 год, в котором представлен и перечень основных церковных иерархов. В их числе Фабри называет епископа Ростовского [Фабри: 21]. Это описание не вполне точно – в частности, при определении сана отдельных иерархов. Так, во главе Новгородской и Ростовской епархий стояли архиепископы.

В 1517 году, когда в Кракове было напечатано сочинение Меховского, в Москву прибыл австрийский дипломат, путешественник, писатель, барон Сигизмунд Герберштейн. Окончив Венский университет, Герберштейн поступил на военную службу. За проявленные заслуги император Максимилиан I Габсбург произвел его в рыцари и привлек к дипломатической службе. Основная задача, стоявшая перед Герберштейном в Москве – содействовать заключению мира между Русью и Литвой, с одной стороны, и одновременно способствовать вовлечению Москвы в войну с Турцией.

Спустя почти десять лет, в 1526 году, барон снова приехал в Москву. Много позднее, почти в середине столетия, Герберштейн издал свои знаменитые «Записки о московитских делах». В этой работе он дал свой вариант истории государства с древности, представив затем очерк современной ему Московской Руси – ее хозяйства, повседневной жизни, торговли, религии, важнейших городов.

Авторский подход к предмету изложения в «Записках» отличается субъективностью, но собранные Герберштейном данные, в частности географические, стали значимым источником новых сведений и материалом для уточнения географических карт территории России. Этот труд хорошо известен исследователям ярославской истории как любопытный, хотя и тенденциозный источник по истории Ярославского края. Страницы, посвященные территории нашего региона, открываются сюжетом, в котором автор восхищается вкусом рыбы из Плещеева озера, предлагаемой к монаршему столу. Автор называет ее «перяславской сельгой» (selgi Pereaslawski) [Герберштейн: 82].

Далее следует сюжет, который с разной степенью правдивости позднее повторяется в сочинениях многих авторов XVI века. Речь идет об описании Холопьего городка. По мнению барона, торговать там могут только турки и татары, в то время как европейцы – ливонцы, немцы и шведы – имеют право торговать лишь в Новгороде. Правда, позже автор пишет, что ярмарки в Холопьем собирают людей из самых дальних краев [Герберштейн: 126]. Холопий город находился на реке Мологе, в XIX в. это урочище Холопье. По мнению Тихомирова, го-

род во времена Герберштейна действительно был крупным центром торговли [Тихомиров: 250]. По русским источникам нельзя проверить утверждение Герберштейна о том, что в Холопьем городе существовало так называемое штапельное право, то есть принадлежавшее избранным городам в средневековой Европе право принуждать купцов торговать товарами в специально отведенном месте в пределах таких городов.

Ниже приводится знаменитое высказывание Герберштейна о способах ведения торговли русскими купцами, которое подтверждает мнения и других иностранных авторов: «Торгуют они с великим лукавством и коварно, не скупясь на слова, как о том писали некоторые. Мало того, желая купить вещь, они оценивают ее с целью обмануть продавца менее чем в половину ее стоимости, и держат купцов в колебании и нерешительности...» [Герберштейн: 126].

Любопытно также вряд ли достоверное утверждение автора о том, что «здесь в Хлопигороде серебро или деньги в малой цене; еще в меньшей – золото. Богатые же купцы из Московии или Германии выменивают там соболей, горностаев и т. п. на шляпы, ложки, нитки, другие названные выше товары, поскольку монеты... там неупотребительны» [Герберштейн: 126]. Также не выдерживает критики версия об основании Холопьего городка беглыми рабами новгородцев.

В описании города также есть неточности. По мнению Герберштейна, город «отстоит на две мили от Углича» [Герберштейн: 153]. Реальное его местоположение удалено от Углича почти на 80 км. Ближайшим к Холопьюму поселением была Молога. Об этом ниже говорит и сам Герберштейн при описании местности вокруг Холопьего города: «Недалеко оттуда видна крепость, ныне разрушенная, на реке Мологе, которая течет из земель Новгорода Великого на протяжении восьмидесяти миль и впадает в Волгу, при устье ее расположены город и крепость того же имени, а в двух милях оттуда на берегу той же реки находится лишь церковь Хлопигорода. В этом месте бывает самый многочисленный из всех существующих во владениях московита базар» [Герберштейн: 153–154].

Описание торговых путей, которые проходят через территорию Ярославского княжества, сделано весьма подробно, что неудивительно для дипломата и торговца Герберштейна. Следует согласиться с мнением автора о суровых климатических особенностях Ярославщины [Герберштейн: 152]. Важным для историков остается описание городов края – Ярославля, Углича, Переяславля, довольно подробное и в значительной степени правдивое [Герберштейн: 153–154].

Герберштейн дает также общее описание территории Ярославского княжества: «Страна эта достаточно плодородна, особенно в той части, где

она прилегает к Волге... государь обыкновенно коротает там время охотой. В тех же краях находится озеро, из которого вываривается соль» [Герберштейн: 154]. И ниже определяет значение края: «Среди всех княжеств и областей московского государя первое место по богатству почвы и изобилию во всем занимает Рязань. За ней следуют Ярославль, Ростов, Переяслав, Суздаль и Владимир, которые по плодородию земли ближе всего к Рязани» [Герберштейн: 162].

У Герберштейна имеются сведения о политическом положении бывших ярославских князей после присоединения Ярославского княжества к Москве. «Страна эта... составляла собственность вторых сыновей государей, но их покорил силою тот же монарх. Впрочем, и доселе еще остаются герцоги этой области, которых они называют князьями (Knes), титул однако государь присволяет себе, предоставив страну князьям как своим подданным. Владеют же этою страной три князя, потомки вторых сыновей; русские называют их ярославскими» [Герберштейн: 162].

Другими словами, барон хочет сказать, что от политической власти ярославских князей не осталось ничего, и если еще можно говорить о них как о «герцогах области», то разве только в том смысле, что они происходят от удельных самостоятельных ярославских князей и имеют поместья в бывшем Ярославском княжестве, но их юридическое положение сравнивалось с положением других государевых слуг [Циулин: 200].

Таким образом, при всех ошибках, вольно или невольно допущенных автором, «Записки о московитских делах» остаются наиболее информативным источником об экономическом и политическом состоянии Ярославского края в XVI веке.

Информацию Герберштейна о Ярославском крае во многом подтверждают сведения Алессандро Гваньини, приведенные в его сочинении «Описание Европейской Сарматии». Александр (Алессандро) Гваньини – по происхождению итальянский дворянин, уроженец Вероны. С 1550-х годов служил ротмистром в войске великого княжества Литовского. В 1571 году принял подданство Речи Посполитой, участвовал в войнах с Русским царством. Гваньини был широко образован, писал на нескольких языках, включая литовский и русский, что наложило отпечаток на его сочинения.

В «Описании Европейской Сарматии», которое было написано в начале 1570-х годов, он пользуется несколькими письменными источниками, включая литовские исторические хроники. В работе представлены материалы о Московской Руси Польше, Литве и Ливонии.

«Обширный деревянный город с кремлем Ярославль стоит на реке Волге в сорока шести милях от Московии. Область эта очень плодородна...» [Гваньини: 56]. Далее Гваньини дает ха-

рактеристику Ростову (называя его резиденцией архиепископа и упоминая деревянный ростовский кремль), Угличу, Переяславлю и Холопьюему городку [Гваньини: 56]. Встречено у него и описание края в целом. Как и Герберштейн, Гваньини отмечает плодородие ярославской земли, «особенно той ее части, которая обращена к Волге». Он пишет о соляных варницах на берегах Плещеева озера, дает информацию о ярмарке в Холопьем городке, но, в отличие от Герберштейна, пишет, что туда съезжаются не только русские и татары, но и «шведы, литовцы, ливонцы и другие многочисленные народы, которые занимаются товарообменом» [Гваньини: 56].

Затронул Гваньини и события политической истории Ярославского края. «Некогда она (*область вокруг Ярославля*) назначалась вторым по рождению сыновьям великих князей Московии, которых монарх Московии Иоанн Васильевич лишил власти и обратил в рабство; из их потомства до сих пор остаются те, которые называются ярославские knesi (то есть князья), но имеют малую долю доходов в области. Ведь сам князь Московии присваивает себе и титул, и княжество» [Гваньини: 56].

В частности, Гваньини рассказал о гибели правителя княжества Ростовского. Последним ростовским князем был Петр, которого «нынешний великий князь московский уничтожил вместе с его потомством» [Гваньини: 56].

Последний сюжет находит подтверждение в сочинении Павла Одерборна. Этот историк и богослов, родом из Померании, служил пастором в Риге и Ковно. С 1593 г. он стал придворным проповедником Фридриха Курляндского. В 1582 году Одерборн опубликовал работу под названием «Религия и обычаи Московии», а в 1585 году добавил к ней труд «Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московии». В последнем он пишет об одном из периодов обострения жестокости царя, в том числе в отношении наиболее знатных людей государства: «Сначала Грозный убил князя Ростовского Петра, обезглавил его и бросил его труп в Волгу, а затем расправился с “familia” невинного» [Одерборн: 204].

Речь в этих отрывках идет не о Петре (ошибка Гваньини), а о князе Семене, единственном сыне князя Василия Александровича Ростовского, известном по прозвищу Звяга. Семён Ростовский-Звяга был известен как сторонник князя Владимира Старицкого, который в 1553 году намеревался перейти к королю Польши Сигизмунду II Августу. Заговор был раскрыт, Семен Ростовский арестован. Суд приговорил князя Ростовского к смертной казни, но казнь была заменена ссылкой.

Затем Грозный помиловал его, некоторое время князь даже занимал должность второго нижегородского воеводы. Но в 1565 году князь Ростовский вновь был схвачен вместе с несколькими

десятками слуг (названных Одерборном «familia»). По пути в столицу князь был убит опричниками, а Грозному привезли его отрубленную голову.

Жестокий характер Ивана Грозного, отраженный в политической истории Ярославского края, показывает в своем сочинении Альберт Шлихтинг. Померанский аристократ, Шлихтинг служил в литовском войске и в 1564 году оказался в русском плену. В Москве Шлихтинг стал переводчиком Лендзеля – личного медика Грозного – и оставался в этой должности почти семь лет. Вернувшись в Литву, в 1570 году он опубликовал сочинение «Новости из Московии, сообщённые дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана».

В этой работе он касается, в частности, судьбы пленных, захваченных после «отобрания» Изборска у Польши. Шлихтинг сообщает, что «...тиран разослал своих телохранителей и по другим крепостям, а именно в Ярославль, Переславль, Ростов, Кострому, Лазинк(?), чтобы побросать в воду всех пленных» [Шлихтинг: 35]. Далее подробно описана жуткая процедура казни не только мужчин, но и их жен и детей. Следует отметить, что Ярославский край как место ссылки и пребывания пленных в разные исторические периоды был предметом изучения в специальной работе, посвященной этой теме [Кочешков, Аграфонов: 24–30].

Завершает обзор латиноязычных сочинений XVI века, содержащих сведения о Ярославском крае, труд итальянца Поссевино «Московия».

Папский легат Антонио Поссевино стал первым иезуитом, побывавшим в Москве. Во время Ливонской войны Поссевино пытался склонить Ивана IV к унии с католицизмом. Как известно, эта миссия не увенчалась успехом. Поссевино – автор нескольких работ о России. Наиболее известен среди них труд «Московия» (1586 год).

Ярославль в этом сочинении упоминается трижды как небольшой город, имеющий крепость, «не заслуживающую пренебрежения»; «Крепости и укрепления... сложены из камня и кирпича, к ним относятся две крепости в Москве, крепости в Новгороде, самом Пскове, Порхове, Старице, Александровой слободе, отчасти в Ярославле...» [Поссевино: 43]. Этим они отличаются от укреплений других городов, при постройке которых используется только земля и дерево.

Ярославль, наряду с Москвой и Белоозером, по мнению Поссевино, служит местом, где хранится царская казна. Этим сведениям вряд ли следует доверять. Упоминает Поссевино и Ростов, который, как и Великий Новгород, является резиденцией архиепископа [Поссевино: 21].

Латиноязычные источники XV–XVI века, касающиеся ярославских земель, составляют значительный комплекс материалов по истории края этого периода. В зависимости от своих интересов

и задач европейские авторы касаются природно-географических характеристик региона или повседневной жизни его населения. Но более всего в центре их внимания находятся вопросы государственно-политической или религиозной сферы. Материалы латиноязычных исследователей представляют безусловный интерес вне зависимости от того, побывал автор на описываемых им территориях или получил информацию из вторых рук. Степень достоверности данных может быть различной, но в любом случае представленные сведения дополняют или уточняют картину, сложившуюся на основании иных источников.

Ограниченность круга источников по истории указанного периода особенно повышает значимость свидетельств иностранных очевидцев или ученых. Тенденциозность или недостаточная осведомленность авторов перечисленных работ в известной степени тоже может послужить дополнительной характеристикой излагаемого сюжета.

Таким образом, сведения по истории Ярославского края XV–XVI веков, разбросанные в трудах перечисленных авторов, объединяются в информационно насыщенный пласт материалов, характеризующий различные стороны жизни региона. Стремление к точности данных и искренний интерес к особенностям территории, очень далекой для европейцев, делают эти сведения поистине бесценными.

Список литературы

- Гваньини А.* Описание Московии. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1997. 176 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.
- Длугош Ян.* Польская история // Н.И. Щавелева. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. 493 с.
- Да Колло Франческо.* Донесение о Московии. М.: Наследие, 1996. 85 с.
- Кочешков Г.Н., Аграфонов П.Г.* «Русские иностранцы» XVIII века и Ярославский край // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 6. С. 8–13.
- Кочешков Г.Н., Аграфонов П.Г.* Ярославль – город «теремной» или «тюремный»? Ссылные и пленные иностранные граждане на территории Ярославского края (XV–XIX вв.) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 24–30.
- Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. 288 с.
- Одерборн Павел.* «Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московии» // Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. 384 с.
- Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. 626 с.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. 271 с.

Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск: Русич, 1996. Т. 1. 448 с.

Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М.: Изд-е АН СССР, 1952. Кн. 40. С. 214–259.

Фабри Иоганн. Религия московитов // Россия и Германия. М.: Изд-е РАН ИВИ, 1998. Вып. 1. С. 10–45.

Циулин Н.И. Ярославль в сообщениях иностранных авторов // Краеведческие записки. Ярославль: Ярославское кн. изд-во, 1957. Вып. 2. 290 с.

Шлихтинг Альберт. «Краткое сказание о характере и жестоком правлении Московского тирана Васильевича», начала 70-х гг. XVI в. // Новое известие о времени Ивана Грозного. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 31–45.

References

Guagnini A. *Opisanie Moskovii* [Description of Muscovy]. M.: «Greek-Latin Cabinet» Yu.A. Shichalin Publ., 1997, 176 p. (In Russ.)

Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow, MSU Publ., 1988, 430 p. (In Russ.)

Dlugosz, Jan. *Pol'skaya istoriya* [Polish history]. Shchaveleva N.I. [Ancient Rus in «Polish history» Yana Dlugosha]. M., 2004, 493 p. (In Russ.)

Da collo, Francesco. *Donesenie o Moskovii* [Report on Muscovy]. M., Heritage Publ., 1996, 85 p. (In Russ.)

Kocheshkov G.N., Agrafonov P.G. «*Russkie inostrancy*» XVIII veka i Yaroslavskij kraj [«Russian foreigners» of the XVIII century and the Yaroslavl region]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, № 6, pp. 8–13. (In Russ.)

Kocheshkov G.N., Agrafonov P.G. *Yaroslavl' – gorod «teremnoj» ili «tyuremnyj»? Ssyl'nye i plennye inostrannye grazhdane na territorii Yaroslavskogo kraja (XV–XIX vv.)* [Yaroslavl – city «teremnoj» or «prison»? Exiled and captured foreign citizens on the territory of the Yaroslavl region (XV–XIX centuries)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*

[Vestnik of Kostroma State University], 2017, № 4, pp. 24–30. (In Russ.)

Mekhovsky M. *Traktat o dvuh Sarmatiyah* [A Treatise on two Sarmatians]. M.; L., 1936, 288 p. (In Russ.)

Oderborn Paul. «*Zhizn' Ioanna Vasil'evicha, velikogo knyazyza Moskovii*» [«Life of John Vasilyevich, Grand Duke of Muscovy»]. *Sotsial'no-politicheskaia istoriia Rossii XVI – nachala XVII v.* [Socio-political history of Russia of the XVI – the early XVII century]. M., 1963, 384 p. (In Russ.)

Pis'mo Al'berta Kampenze k pape Klimentu VII o delah Moskovii [Letter of Albert Campenza to Pope Clement VII on the Affairs of Muscovy]. *Biblioteka inostrannykh pisatelei o Rossii*. [Library of foreign writers about Russia]. St. Petersburg, 1836, vol. 1, 626 p.

Possevino A. *Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v.* [Historical writings about Russia of the XVI century]. M., 1983, 271 p. (In Russ.)

Skrynnikov R.G. *Velikij gosudar' Ioann Vasil'evich Groznyj* [The Great sovereign John Vasilyevich the tremble]. Smolensk, Rusich Publ., 1996, vol. 1, 448 p. (In Russ.)

Tikhomirov M.N. *Spisok russkikh gorodov dal'nih i blizhnih* [List of Russian cities far and near]. *Istoricheskie zapiski*. [Historical notes. Publication of the USSR Academy of Sciences], 1952, vol. 40, pp. 214–259. (In Russ.)

Fabri Johann. *Religiya moskovitov* [Religion of the Muscovites]. *Rossia i Germaniia*. [Russia and Germany]. M., RAS IVI Publ., 1998, iss. 1, pp. 10–45. (In Russ.)

Tsiulin N.I. *Yaroslavl' v soobshcheniyah inostrannykh avtorov* [Yaroslavl in the reports of foreign authors]. *Kraevedcheskie zapiski*. [Local history notes]. Yaroslavl, Yaroslavl book publishing house, 1957, vol. 2, 290 p. (In Russ.)

Schlichting, Albert. «*Kratkoe skazanie o haraktere i zhestokom pravlenii Moskovskogo tirana Vasil'evicha*», nachala 70-h gg. XVI v. [«A short tale about the character and cruel rule of the Moscow tyrant Vasilyevich», the early 70-ies of the XVI century]. *Novoe izvestie o vremeni Ivana Groznogo* [The New word about the time of Ivan the tremble]. L., Izd-vo an SSSR, 1934, pp. 31–45. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-15-21>
УДК 94(470)''18''37

Бенда Владимир Николаевич

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СУХОПУТНОМ ШЛЯХЕТНОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ (СШКК) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Цель исследования – проанализировать опыт организации учебно-воспитательного процесса и повседневной жизнедеятельности Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением роли СШКК, которую он сыграл в подготовке командных кадров (офицерских и унтер-офицерских) для русской армии и в развитии военной школы российского государства в указанный период. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению учебно-воспитательного процесса кадетского корпуса с точки зрения учёта и использования их опыта в настоящее время в связи с возрождением и развитием системы специализированных авиационных, артиллерийских и других кадетских корпусов. На основании изученных архивных и других источников автор акцентирует внимание на роли руководителей военно-учебных заведений в привитии обучающимся высоких нравственных качеств и профессиональных знаний. В научный оборот впервые вводятся некоторые ранее не опубликованные архивные материалы.

Ключевые слова: XVIII век, Екатерина II, Сухопутный шляхетный кадетский корпус, учебная программа, учебно-воспитательный процесс, М.М. Философов, И.И. Бежкой, М.И. Кутузов

Информация об авторе: Бенда Владимир Николаевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9553-7262>, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург – Пушкин, Россия

E-mail: bvn.1962@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.09.2020

Для цитирования: Бенда В.Н. Совершенствование учебно-воспитательного процесса в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (СШКК) во второй половине XVIII в. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 15-21. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-15-21>

Vladimir N. Benda

Pushkin Leningrad State University

IMPROVEMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE LAND GENTRY CADET CORPS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

The purpose of the research is to analyse the experience of organising the educational process and daily life of the Land Gentry Cadet Corps of the Russian Empire. The article deals with the issues related to the definition of the role of Land Gentry Cadet Corps, which it played in the training of command personnel (officers and non-commissioned officers) for the Russian army and in the development of the military school of the Russian state during this period. Scientific novelty of the work lies in the approach to the study of the educational process in the cadet corps from the point of view of accounting and use of their experience to being in connection with the revival and development of specialised aircraft, artillery and other military schools in modern Russia. Based on the studied archival and other sources, the author focuses on the role of heads of military educational institutions in instilling high moral qualities and professional knowledge in cadets. Some previously unpublished archival sources are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: 18th century, Catherine II, Land Gentry Cadet Corps, curriculum, educational process, Mikhail Filosofov, Ivan Betskoy, Mikhail Kutuzov

Information about the author: Vladimir N. Benda, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9553-7262>, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg – Pushkin, Russia

E-mail: bvn.1962@mail.ru

Article received: September 18, 2020

For citation: Benda V.N. Improvement of the educational process in the Land Gentry Cadet Corps in the second half of the 18th century. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 15-21 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-15-21>

Во второй половине XVIII столетия русская армия продолжала оставаться одной из лучших армий в мире. Это обеспечивалось развитием крупного промышленного производства и его техники, науки и культуры. В указанный период русское государство и его вооружённые силы развивались в условиях ведения многочисленных войн, которые велись с целью сохранения своей свободы и независимости и территориальной целостности. С этой задачей успешно справлялась русская регулярная армия, которой были присущи особенности её обучения и воспитания, а также богатые славные боевые традиции, сложившиеся и передаваемые ей предыдущими поколениями русских солдат и офицеров. Общеизвестно, что в «век золотой Екатерины» проводилось активное реформирование русской военной и светской школы. Поставив перед собой среди прочих важных задач своего правления задачу просвещения своих подданных, Екатерина II не могла не обратить внимания на состояние российских образовательных учреждений, в том числе и военных. Основными каналами подготовки офицеров для русской армии по-прежнему являлась гвардия и военно-учебные заведения. Одним из важных учебных центров по подготовке офицерских кадров для русской армии являлся Сухопутный шляхетный кадетский корпус (СШКК).

Вопросам развития российской военной школы во второй половине XVIII в. посвящена довольно обширная историография различных периодов издания. В дореволюционный период были опубликованы наиболее значимые исследования и работы И.И. Бецкого [Бецкой], М.С. Лалаева [Лалаев], А.И. Лемана [Леман], С.А. Будаевского [Будаевский] и других. В советский период по данной проблематике были опубликованы работы Н.И. Алпатов [Алпатов], Н.Н. Ауровой [Аурова]. В современный период по данной проблематике были изданы труды С.В. Волкова [Волков], Ю.А. Галушко и А.А. Колесникова [Галушко, Колесников], В.М. Крылова [Крылов] В.А. Гурковского [Гурковский] и др. К числу наиболее крупных исследований, посвящённых истории СШКК, следует отнести, прежде всего, ставший классическим труд А.В. Висковатова [Висковатов], а также работы В.П. Наумова [Наумов: 123–126], В.Г. Данченко, Г.В. Калашникова [Данченко, Калашников] и др. В наших ранее опубликованных работах отдельные аспекты этой темы также освещались с различной степенью детализации и подробностей [Бенда: 123–127, Бенда: 33–39]. Мы не ставим перед собой цель дать подробное исследование истории Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, тем более ранее это уже было сделано другими исследователями, и ограничиваемся скромной задачей рассмотрения некоторых, на наш взгляд, наиболее интересных вопросов его истории на

этапе развития военной школы во второй половине XVIII в., а также с целью выяснения той роли, которую он сыграл в подготовке командных кадров для русской армии.

7 марта 1765 г. Екатерина II издала в Правительствующий сенат именной указ «О бытии Шляхетному кадетскому корпусу под ведением Ея Императорского Величества»¹, которым определила юридическое положение кадетского корпуса и систему его подчинения. По этому поводу в указе было указано, что «...мы для того определили (для обучения и воспитания благородного юношества. – В. Б.) к сему делу... генерал-поручика Бецкого и генерал-майора Философова... До будущего о сем корпусе определения, повелеваем оному быть под нашим единственным ведением...» Таким образом, СШКК выводился из подчинения Военной коллегии и других государственных органов и подчинялся исключительно главе государства и высшему органу государственного управления – Сенату.

Этот же указ обозначил кардинальные перемены в устройстве и работе кадетского корпуса, для осуществления которых назначался и новый исполнитель – генерал-поручик Иван Иванович Бецкой. 22 марта 1764 г. Екатерина утвердила (конфирмовала) «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» [Бецкой: 1–11], разработанное главным директором Академии художеств И.И. Бецким. Основная задача «Генерального учреждения...» состояла в том, чтобы «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение». После назначения И.И. Бецкого начальником СШКК его положение поначалу не было определено точно. В должности главного директора состоял генерал-майор М.М. Философов, который не был уволен с этой должности и лишён своих должностных обязанностей. Состояние СШКК на начало 1766 г. отражено в рапорте директора корпуса генерал-майора Михаила Философова, озаглавленном как «Подлинное число при императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе унтер-офицеров и кадетов в каких науках находятся на 01.01.1766 г.»². В этом документе указано, что в «науках», то есть дисциплинах, которые подразделялись на предметы обучения, обучалось следующее количество кадетов (стиль документа сохранен. – В. Б.). В математических науках: 1) в фортификации – 142; 2) в артиллерии – 61; 3) курс математики – 47; 4) теоретическая геометрия – 96; 5) практическая геометрия – 231; 6) гражданская архитектура – 42; в словесной науке: 1) философия – 13; 2) юриспруденция – 15; 3) история – 478; 4) география – 463; в язычных классах: 1) в российском языке иноземцев – 70; 2) в немецких переводах – 90; 3) в немецкой грамматике – 343; 4) в немецкой азбуке – 9; 5) в французских переводах – 123; 6) в французской грамматике – 160; 7) в французской азбуке –

69; 8) в итальянском языке – 16; 9) в латинском языке – 32; 10) в русском штиле – 60; 11) в немецком штиле – 69; 12) в французском штиле – 29; 13) в русском правописании – 196; 14) в немецком правописании – 310; 15) в французском правописании – 60; 16) в русском письме – 33; 17) в немецком письме – 109; 18) в рисовании – 528; 19) в музыке – 40; в экзерцициях: 1) в танцевании – 482; 2) в фехтовании – 119; 3) в вольтижировании – 19; 4) в верховой езде – 84.

13 апреля 1766 г. указом Екатерины II в Правительствующий сенат генерал-майор М.М. Философов был уволен с должности директора Сухопут-

ного шляхетного кадетского корпуса³. При сдаче должности директора был составлен документ, озаглавленный как «Ведомость, в каком действительном состоянии оставляет шляхетный сухопутный кадетский корпус при сложении должности директорской генерал-майором Философовым с показанием противу того, в каком состоянии оной был при начальном вступлении его в оную должность»⁴ (см. табл. 1). Содержание документа вызывает несомненный интерес и позволяет проследить динамику совершенствования и развития как самого учебного процесса в корпусе, так и кадетского корпуса в целом.

Таблица 1

Ведомость, в каком действительном состоянии оставляет шляхетный сухопутный кадетский корпус при сложении должности директорской генерал-майором Философовым с показанием противу того, в каком состоянии оной был при начальном вступлении его в оную должность*

<i>Состояние классов в 1764 г. в декабре месяце при начальном отправлении должности директора генерал-майором Философовым</i>	<i>Настоящее состояние классов в 1766 г. апреля 17 день при сложении должности директора генерал-майором Философовым</i>
В фортификации	
Состояло 36 человек	Ныне состоит 151, в том числе окончивших и оканчивающих курс фортификации 76. Да сверх того в последний выпуск выпущено со знанием оной 23 человека.
В курсе математики	
Состояло 44 человека	Ныне состоит 87, в том числе окончивших арифметику, геометрию и алгебру 76. Выпущено 7 человек.
В артиллерии	
Состояло 36 человек	Ныне состоит 68, в том числе окончивших и оканчивающих 8, выпущено 9 человек.
В гражданской архитектуре	
Состояло 27 человек	Ныне состоит 47, выпущено 7 человек.
В геометрии теоретической и практической	
Состояло 129 человек	Ныне состоит 335, да выпущено 33 человека.
В арифметике	
Состояло 348 человек	Ныне состоит 128, да выпущено 33 человека.
В языках	
В русском вышнем классе	
Состояло 11 человек	Ныне состоит 60, да выпущено 28 человек.
В немецком вышнем	
Состояло 63 человека	Ныне состоит 124, выпущено 17 человек.
В немецком нижнем	
Состояло 313 человек	Ныне состоит 302, выпущено 48 человек.
Во французских вышних классах	
Состояло 21 человек	Ныне состоит 93, да выпущено 22 человека.
В нижних французских классах	
Состояло 186 человек	Ныне состоит 182, да выпущено 25 человек.
В латинском	
Состояло 28 человек	Ныне состоит 34, выпущено 8 человек.
В итальянском	
Состояло 10 человек	Ныне состоит 17, в том числе в переводах знающих 12, да выпущено 3 человека.

В философии	
Состояло 7 человек	Ныне состоит 19, в том числе окончивших мораль и метафизику 6, выпущено 5 человек.
В юриспруденции	
	Ныне состоит 17, в том числе окончивших курс естественных прав и продолжающих российское право 5, выпущено 5 человек. Оной класс во исполнение высочайшего Е. И. В. повеления учрежден вновь в 1764 г. в октябре месяце и обучаем канцелярии советником Штруге с хорошим успехом.
В истории	
Состояло 284 человека	Ныне состоит 490, в том числе окончивших 94, в середине знания оной 246, выпущено 56 человек.
В географии	
Состояло 284 человека	Ныне состоит 460, в том числе окончивших и оканчивающих географию 129, выпущено 52 человека.
В рисовании	
Состояло 434 человека	Ныне состоит 527, в том числе разными красками рисующих 114, тушью 277, карандашами 136, выпущено 21 человек.
В танцовании	
Состояло 434 человека	Ныне состоит 479, в том числе изучивших контрдансов и минуэтов 312, выпущено 68 человек.
В фехтовании	
Состояло 69 человек	Ныне состоит 4 128, в том числе окончивших и оканчивающих географию 92, выпущено 30 человек.
В фолтижировании	
Состоял 1 человек	Ныне состоит 18, выпущено 4 человека.
В верховой езде	
Состояло 84 человека	Ныне состоит 91, в том числе обучающихся в школьной езде 41, выпущено 42 человека.
В музыке	
Состояло 27 человек	Ныне состоит 4, выпущено 8 человек.

* *Примечание.* Стиль документа сохранен.

На основании данных, указанных в таблице 1, можно предположить, что за время нахождения в должности директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса генерал-майора М.М. Философова кадеты достигли значительных успехов при изучении наук. Более того, в бытность директором корпуса М.М. Философова в кадетском корпусе увеличилось число классов, а именно: класс юриспруденции, класс фортификации, три класса геометрии, в том числе один на немецком языке, два класса на французском языке, три класса немецкого языка, два класса истории и географии на русском языке, что, несомненно, также способствовало улучшению качества и уровня подготовки будущих офицеров.

Штат императорского сухопутного шляхетного кадетского корпуса при сдаче должности директора корпуса М.М. Философовым включал 78 штаб-, обер- и унтер-офицеров – в наличии было 60; 600 кадет по штату – в наличии 519. Всего же по штату в СШКК полагалось иметь 1 426 человек на всевозможных должностях и различного назначения. По состоянию на 22 апреля 1766 г. в наличии числилось 1 143 человека (некомплект 283 человека)⁵.

Под руководством И.И.Бецкого в 1766 г. был составлен новый устав и штат. 20 января 1767 г. Екатерина II утвердила новый штат Императорского сухопутного кадетского корпуса⁶ с окладами денежного содержания должностных лиц согласно штатному расписанию. Перед корпусом ставилась задача устранить влияние семьи и путём рационального воспитания дать государству «новую породу людей». Для осуществления поставленной задачи был составлен обширный учебный план, включавший 19 общеобразовательных, 3 специальные дисциплины и 9 художеств. Такое многообразие учебных предметов, или дисциплин, привело к тому, что когда Екатерина II поручила секретарю «комиссии об учреждении училищ», созданной указом от 7 сентября 1782 г. П.В. Завадовскому проверить организацию учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе и «сочинить учебной части Сухопутного кадетского корпуса надлежащий план», то оказалось, что в организации учебно-воспитательного процесса имелись существенные и многочисленные недостатки. Комиссией были разработаны предложения по распределению изучаемых наук по возрастам и количеству

часов, отводимых на изучение того или иного предмета в неделю⁷. 1-й возраст: 1) обучается в неделю российской грамоте и катехизису – 6 ч.; 2) арифметике на языке российском – 2 ч.; 3) французской грамоте – 4 ч.; 4) немецкой грамоте – 4 ч.; 5) латинскому языку – 4 ч. (нельзя изучать вместе с французским из-за одинаковых букв); 6) письмо российское – 3 ч.; 7) письмо на иностранных языках – 3 ч.; 8) рисование – 4 ч.; всего – 30 часов (то есть в день по 6 часов занятий. – В. Б.); 2-й возраст: 1) продлевает российское чтение, катехизис и первые понятия грамматики с переводами – 5 ч.; 2) арифметика и геометрия на российском языке – 3 ч.; 3) французская грамота – 4 ч.; 4) немецкая грамота – 4 ч.; 5) латинская грамота – 4 ч.; 6) письмо российское – 3 ч.; 7) письмо на иностранных языках – 3 ч.; 8) рисование – 4 ч.; всего – 30 часов; 3-й возраст: 1) толкование евангелиев, катехизиса и священной истории – 3 ч.; 2) грамматика российская и сочинения – 4 ч.; 3) грамматика французская и сочинения – 4 ч.; 4) грамматика немецкая и сочинения – 4 ч.; 5) грамматика латинская и сочинения – 4 ч.; 6) история и география – 4 ч.; 7) математика – 5 ч.; 8) рисование – 4 ч.; всего – 32 часа; 4-й возраст: 1) упражнение в российском слого – 2 ч.; 2) повторять все исторические и географические науки, да еще начинать здесь статистическую историю, полицейскую и государственной экономии науки – 6 ч.; 3) продолжать науки математические и начинать естественную историю и физику – 6 ч.; 4) упражняются в французском слого – 2 ч.; 5) упражняются в немецком слого – 2 ч.; 6) преподавание математических наук на французском языке, которые воспитанники слушали уже на своем родном – 3 ч.; 7) латинский язык – 2 ч.; 8) логика, право естественное, всенародное и прочие гражданские науки постепенно – 2 ч.; 9) рисование – 2 ч.; всего – 30 ч.; 5-й возраст: 1) упражнение в российском слого – 2 ч.; 2) продолжать статистическую историю, полицейскую и государственной экономии науку – 4 ч.; 3) оканчивают все математические науки – 8 ч.; 4) упражнение в французском слого – 2 ч.; 5) упражнение в немецком слого – 2 ч.; 6) упражнение в латинском языке – 2 ч.; 7) преподавание математических наук на французском языке – 4 ч.; 8) преподавание математических наук на немецком языке – 4 ч.; 9) гражданские науки – 2 ч.; 10) рисование – 2 ч.; всего – 32 ч.

В 1782 г. состоялся первый выпуск кадет из СШКК, находившегося под руководством действительного тайного советника И.И. Бецкого. Всего было выпущено 119 кадет. 29 мая 1782 г. за усердие и старание, проявленные в ходе обучения в кадетском корпусе, и показанные отличные знания четыре офицера-выпускника были отправлены директором корпуса в заграничное путешествие сроком на три года. Все они на время путеше-

ствия получили соответствующую инструкцию от И.И. Бецкого [Северный архив: 327–330].

С 1786 г. Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус находился под управлением генерал-адъютанта Ф.Е. Ангальта. Время его руководства корпусом считается одной из блистательных страниц истории корпуса, а выпускники того времени называли золотым веком истории их «alma mater» [Антонов: 12]. При всем своём гуманизме педагогическая система Ф.Е. Ангальта имела и определённые недостатки. Увлечение общеобразовательными предметами и «изящными искусствами» привело к ослаблению качества подготовки по военным дисциплинам, которые преподавались в недостаточном объёме, а строевой подготовкой просто пренебрегали. Известный историк, профессор А.И. Каменев, длительное время занимавшийся изучением вопросов подготовки офицерских кадров в России, в своей работе [Каменев: 33] в качестве оценки выпускников СШКК периода руководства им Ф.Е. Ангальтом приводит слова графа С.Р. Воронцова, который утверждал, что офицеры-выпускники знали многое, кроме того, что полагалось знать офицеру в области военного дела.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что со своей первостепенной задачей по укомплектованию армии подготовленными офицерами СШКК в полной мере не справлялся. Армия испытывала острую нужду в таких офицерах, особенно в офицерах, способных и подготовленных к штабной работе, без которых невозможно было организовать её нормальную повседневную деятельность. По всей видимости, это обстоятельство и определило выбор кандидатуры М.И. Кутузова на пост директора, который был назначен на эту должность в сентябре 1794 г. после смерти Ф.Е. Ангальта. К моменту своего назначения на эту должность М.И. Кутузов имел уже обширный практический опыт ведения боевых действий и управления войсками. Имевший опыт, разностороннее и хорошее образование давали ему возможность внести необходимые изменения в процесс подготовки офицерских кадров. В частности, благодаря М.И. Кутузову в учебный план были введены изучение таких дисциплин, как тактика и военная история, способствовавших развитию патриотических чувств кадетов и пониманию ими исторических задач, стоящих перед Россией. Кстати, заметим, что обе эти дисциплины кадетам преподавал лично М.И. Кутузов. В 1800 г. Сухопутный корпус был преобразован в 1-й кадетский корпус. За период с 1762 по 1800 год в него было принято 2 186 человек, а выпущено 985. Из них около 820 человек направлялись офицерами в гвардию и полевую армию [Галушко, Колесников: 449–450]. В.М. Крылов в своей работе указывает, что за первые 70 лет своего существования из СШКК было

выпущено 3 300 воспитанников, среди которых были выдающиеся государственные и военные деятели, учёные и писатели [Наумов: 25].

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. 1-е собр. (ПСЗ. Собр.-1). СПб.: Тип. II отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 17: (1765–1766). 1115 с.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 74.

³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 11. Л. 113.

⁴ Там же. Л. 114–119.

⁵ Там же. Л. 120–121 об.

⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2 (Канцелярия Главной артиллерии и фортификации). Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 1728. Л. 93.

⁷ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 105–108 об.

Список литературы

Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа: (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М.: Учпедгиз, 1958. 244 с.

Антонов А.Н. Первый кадетский корпус: Краткие исторические сведения. СПб.: Скоропечатня Рашкова, 1906. 58 с.

Аурова Н.Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М.: ИРИ РАН, 2003. 274 с.

Бенда В.Н. Особенности организации учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе в первой половине XVIII в. // КЛИО: журнал для учёных. № 4 (47). 2009. С. 123–127.

Бенда В.Н. Вклад военных деятелей и учёных в развитие военной науки и научно-методических основ подготовки офицерских кадров (вторая половина XVIII века) // Вестник Вятского государственного университета: научный журнал, 2017. № 8. С. 33–39.

Бецкой И.И. Учреждения и уставы касающиеся до воспитания и обучений в России юношества обоюбого пола, во удовольствие общества собраны и новым тиснением изданы. СПб.: Тип. Сухопутн. кадет. корпуса, 1774. Т. 1–2. Т. 1. 203 с.; Т. 2. 175 с.

Бецкой И.И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания, в России, обоюбого пола благородного и мещанского юношества: С прочими в пользу общества установлениями. СПб.: Тип. И.К. Шнора, 1789. 479 с.

Будаевский С.А. Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных Главному их управлению. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1892. Ч. 3: 1881–1891 гг. 164 с.

Висковатов А.В. Краткая история Первого кадетского корпуса, составленная бывшим воспитан-

ником одного корпуса Александром Висковатовым. СПб.: Воен. Тип. Гл. Штаба, 1832. 128 с.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.

Галушко Ю.А., Колесников А.А. Школа российского офицерства: исторический справочник. М.: Информационно-издательский центр «Русский мир», 1993. 223 с.

Гурковский В.А. Кадетские корпуса Российской империи: в 2 т. М.: Белый город, 2005. Т. 1. 264 с.; Т. 2. 368 с.

Данченко В.Г., Калашиников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 463 с.

Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА им. Ленина, 1990. 195 с.

Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб.: Издание ВИМАИ и ВС, 1998. 672 с.

Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетнего благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1700–1880. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880–1892. Ч. 1–2. 465 с.

Леман А.И. Очерки кадетской жизни. СПб.: Тип. дома презрения малолетн. бедных, 1888. 248 с.

Наумов В.П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус под управлением И.И. Шувалова (1762–1763) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII. Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. С. 123–126.

Северный архив. 1823. Февраль. № 4. С. 327–330.

References

Alpatov N.I. *Uchebno-vospitatel'naya rabota v dorevolyutsionnoi shkole internatnogo tipa (Iz opyta kadetskikh korpusov i voennykh gimnazii v Rossii)* [Educational work in a pre-revolutionary boarding school (From the experience of cadet corps and military gymnasiums in Russia)]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958, 244 p. (In Russ.)

Antonov A.N. *Pervyi kadetskii korpus. Kratkie istoricheskie svedeniya* [First cadet corps. Brief historical information]. Saint Petersburg, Skoropechatnya Rashkova Publ., 1906, 58 p. (In Russ.)

Aurova N.N. *Sistema voennogo obrazovaniya v Rossii: kadetskie korpusa vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [System of military education in Russia: cadet corps in the second half of the XVIII – first half of the XIX century]. Moscow, IRI RAN Publ., 2003, 274 p. (In Russ.)

Benda V.N. *Osobennosti organizatsii uchebnogo protsessa v Sukhoputnom kadetskom korpusе v pervoi polovine XVIII v.* [Features of the organization of the educational process in the Land cadet corps in the

first half of the XVIII century]. *KLIO. Zhurnal dlya uchenykh* [Journal for scientists], № 4 (47), 2009, pp. 123–127. (In Russ.)

Benda V.N. *Vklad voennykh deyatelei i uchenykh v razvitie voennoi nauki i nauchno-metodicheskikh osnov podgotovki ofiterskikh kadrov (vtoraya polovina XVIII veka)* [Contribution of military figures and scientists to the development of military science and scientific and methodological foundations of training officers (the second half of the XVIII century)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universitet: nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Vyatka state University. Scientific journal], 2017, № 8, pp. 33–39. (In Russ.)

Betskoi I.I. *Uchrezhdeniya i ustavy kasayushchiesya do vospitaniya i obuchenii v Rossii yunoshstva oboego pola, vo udovol'stvie obshchestva sobrany i novym tisneniem izdany* [Institutions and charters relating to the education and training of young people of both sexes in Russia, in the name of society collected and published by a new stamp]. Saint Petersburg, tip. Sukhoputn. kadet. korpusa Publ., 1774, vol. 1–2; vol. 1, 203 p.; vol. 2, 175 p. (In Russ.)

Betskoi I.I. *Sobranie uchrezhdenii i predpisani, kasatel'no vospitaniya, v Rossii, oboego pola blagorodnago i meshchanskago yunoshstva: Sprochimi v pol'zu obshchestva ustanovleniyami* [Collection of institutions and regulations concerning education in Russia, both genders of noble and middle-class youth: With other provisions for the benefit of the society]. Saint Petersburg, tip. I.K. Shnora Publ., 1789, 479 p. (In Russ.)

Budaevskii S.A. *Istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu* [Historical sketch of military educational institutions subordinated to their Main management]. Saint Petersburg, tip. P.P. Soikina Publ., 1892, part 3: 1881–1891, 164 p. (In Russ.)

Viskovatov A.V. *Kratkaya istoriya Pervogo Kadetskogo korpusa, sostavlenaya byvshim vospitannikom onogo korpusa Aleksandrom Viskovatovym* [A brief history of the First cadet corps, compiled by a former pupil of this corps Alexander Viskovatov]. Saint Petersburg, voen. tip. Gl. Shtaba Publ., 1832, 128 p. (In Russ.)

Volkov S.V. *Russkii ofiterskii korpus* [Russian officer corps]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993, 368 p. (In Russ.)

Galushko Yu.A., Kolesnikov A.A. *Shkola rossiiskogo ofitserstva: istoricheskii spravochnik*

[School of Russian officers. Historical reference book]. Moscow, Russkii mir Publ., 1993, 223 p. (In Russ.)

Gurkovskii V.A. *Kadetskie korpusa Rossiiskoi imperii* [Cadet corps of the Russian Empire. In 2 volumes]. Moscow, Belyi gorod Publ., 2005, in 2 vol.; vol. 1, 264 p., vol. 2, 368 p. (In Russ.)

Danchenko V.G., Kalashnikov G.V. *Kadetskii korpus. Shkola russkoi voennoi elity* [Cadet corps. School of the Russian military elite]. Moscow, ZAO Tsentropoligraf Publ., 2007, 463 p. (In Russ.)

Kamenev A.I. *Istoriya podgotovki ofiterskikh kadrov v Rossii* [History of officer training in Russia]. Moscow, VPA im. Lenina Publ., 1990, 195 p. (In Russ.)

Krylov V.M. *Kadetskie korpusa i rossiiskie kadety* [Of the Cadet corps and the Russian cadets]. Saint Petersburg, VIMAI i VS Publ., 1998, 672 p. (In Russ.)

Lalaev M.S. *Istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu. Ot osnovaniya v Rossii voennykh shkol do iskhoda pervogo dvadtsatipyatiletnego blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha, 1700–1880* [Historical sketch of military educational institutions subordinated to their Main Department. From the Foundation of military schools in Russia to the outcome of the first twenty-five-year prosperous reign of the sovereign Emperor Alexander Nikolaevich, 1700–1880]. Saint Petersburg, tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1880–1892, part 1–2, part 1, 2465 p. (In Russ.)

Leman A.I. *Ocherki kadetskoi zhizni* [Essays on cadet life]. Saint Petersburg, tip. doma prezreniya maloletn. bednykh, 1888, 248 p. (In Russ.)

Naumov V.P. *Sukhoputnyi shlyakhetnyi kadetskii korpus pod upravleniem I.I. Shuvalova (1762–1763)* [Land gentry cadet corps under the direction of I. I. Shuvalov (1762–1763)]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XXXVII. Pervyi kadetskii korpus vo dvortse Menshikova: K 275-letiyu osnovaniya: materialy nauchnoi konferentsii* [Proceedings of the State Hermitage. Vol. XXXVII. The first cadet corps in the Menshikov Palace: to The 275th anniversary of the Foundation: Materials of the scientific conference]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, pp. 123–126. (In Russ.)

Severnyi arkhiv [Northern archive], 1823, № 4, Fevral', pp. 327–330. (In Russ.)

**ОТ «ДОРОГОГО ИЛЫЧА» К ЗАВЕТАМ ВОЖДЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ
ЛИЧНОСТИ В.И. ЛЕНИНА В СЕЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ 1920-Х ГГ.
(БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ АССР)**

Статья подготовлена в рамках государственного задания
(проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая:
история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9)

Жизнь основателя советского государства Владимира Ильича Ленина с каждым новым десятилетием после его смерти приобретала все больше мифологизированных черт, пока окончательно (волей политического руководства и действием массового сознания) не трансформировалась в символ вождя-демиурга – создателя нового мира. Этот процесс был начат уже в 1924 г., с воздвижением первого деревянного мавзолея на Красной площади. В отличие от идеологически передовых коллективов предприятий столичного Верхнеудинска, образ Ленина для которых хоть и являлся шаблонным, но приобрел интерпретации простого человека, для значительного количества сельских жителей Бурят-Монгольской АССР его личность была практически неизвестна и лишь отдаленно связывалась с революцией и коммунистами. В статье анализируются интерпретации личности В.И. Ленина сельским населением Бурятии на протяжении 1920-х гг. Целью исследования является изучение трансформации образа В.И. Ленина в восприятии сельского населения Бурятии 1920-х гг., что позволит полнее проследить начальный этап процесса догматизации учения основателя партии большевиков.

Ключевые слова: отечественная история, Бурят-Монгольская АССР, советская власть, коммунистическая идеология, культ вождя, общественное сознание, культурная революция

Информация об авторе: Хомяков Сергей Васильевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.09.2020

Для цитирования: Хомяков С.В. От «дорогого Ильича» к заветам вождя: трансформация восприятия личности В.И. Ленина в сельской провинции 1920-х гг. (Бурят-Монгольская АССР) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 22-27. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-22-27>

Sergey V. Khomyakov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

**FROM “DEAR ILYICH” TO THE COVENANTS OF THE LEADER:
TRANSFORMATION OF PERCEPTION OF THE PERSONALITY
OF VLADIMIR LENIN IN THE RURAL PROVINCE IN THE 1920S
(BURYAT-MONGOL AUTONOMOUS SOCIALIST SOVIET REPUBLIC)**

*The research was carried out within the state assignment of FASO Russia
(project XII.191.1.1. “The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China:
history, culture, contemporary society”, № АААА-А17-117021310269-9)*

The life of Vladimir Ilyich Lenin, the founder of the Soviet state, had acquired more and more mythological features with each new decade after his death until it finally transformed into a symbol of the demiurge leader – the creator of the new world (by the will of political leadership and by the transformation of mass consciousness). This process began already in 1924, with the erection of the first wooden mausoleum on Red Square. In contrast to the ideologically advanced teams of industrial enterprises in the autonomy’s capital city of Verkhneudinsk, the image of Lenin for whom, despite staying in a template form, had still acquired interpretations of a common man, for a significant number of rural residents of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, his personality had remained almost unknown and only vaguely associated with the Revolution and Communists. Interpretations of Lenin’s personality by the rural population of Buryatia during the 1920s are analysed in this article. The aim of the article is to study the transformation of the image of Lenin in the perception of the rural population of Buryatia during the 1920s, which will make it possible to follow more fully the initial stage of the dogmatization of the teachings of the founder of the Bolshevik Party.

Keywords: Russian history, Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet power, communist ideology, cult of leader, social consciousness, cultural revolution

Information about the author: Sergey V. Khomyakov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, the City of Ulan-Ude, Buryatia autonomy, Russia

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Article received: September 13, 2020

For citation: Khomyakov S.V. From “Dear Ilyich” to the covenants of the leader: transformation of perception of the personality of Vladimir Lenin in the rural province in the 1920s (Buryat-Mongol Autonomous Socialist Soviet Republic). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 22-27 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-22-27>

Изменение восприятия личности В.И. Ленина в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг., (что стало основным мотивом в кампании становления культа вождя) изучалось историками в контексте вопросов гражданского противостояния и последующего строительства новой советской государственности и общества. Так, еще А.М. Селищев в работе «Забайкальские старообрядцы» (не затрагивая личность Ленина) высказывался об отношении сельского населения к власти большевистской партии в переломный период 1919 г. Советский историк Ф.А. Кудрявцев в работе «История бурят-монгольского народа» в рамках догматической парадигмы своего времени говорил о ключевой роли партии коммунистов и ее лидера в построении новой счастливой жизни у бурят. Современные исследователи этого вопроса (Т.Д. Скрынникова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнавский) объясняли происходящие в 1920-е гг. социокультурные изменения еще и сдерживанием националистического аспекта («негативная этничность»). Эти и другие работы были использованы при выполнении задачи исследования.

Ключевое значение для работы имели материалы республиканской газеты «Бурят-Монгольская правда», материалы отдела редких и ценных книг Национальной библиотеки Республики Бурятия, а также заметки полевых исследователей быта населения и его национального фольклора 1920-х гг. (А.Н. Добромислов, П.С. Степанов), хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области и Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ) соответственно.

В исследовании были использованы элементы сравнительно-исторического и историко-генетического методов. Первый помог дать оценку неодинаковым успехам пропаганды формирующегося культа Ленина для разных категорий населения Бурятии. С помощью второго удалось проследить развитие этой пропаганды на протяжении 1920-х гг. на примере отдельно взятых групп.

Сельское население образованной в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР представляло собой поликонфессиональный конгломерат различных народов, из которых наибольшее количество составляли русские (православные и старообрядцы) и буряты (буддисты и шаманисты). Отношение к новой реальности обуславливалось различными факторами, в том числе ностальгической тенденцией по отношению к царской династии, традициями в диалоге с властью, а также спецификой культуры и религиозных убеждений. Их восприятие личности Ленина в последние годы его жизни было проч-

но связано с революцией, а также деятельностью утвердившейся здесь коммунистической партии (и зачастую вытеснялось их одушевлением и персонализацией, передачи им соответствующих характеристик – «революция-матушка», «родная советская власть», «великая партия большевиков»).

Доминирующей была внедряемая мысль о том, что только партия большевиков (и не отдельные ее представители) принесла бурятскому народу возможность стать грамотными, свободу от царской администрации и, самое главное, не просто самоуправление, а национальную автономию – Бурят-Монгольскую АССР. «Помещенный в прошлое негатив позволял в то же время наиболее ярко показать достижения Коммунистической партии в развитии советских национальностей» [Скрынникова, Батомункуев, Варнавский: 16]. Именно она, по словам советского историка Ф.А. Кудрявцева, «...освободила бурят-монгольский народ от национального гнета феодальной и капиталистической кабалы и рабства, возродила его к новой свободной и счастливой жизни» [Кудрявцев: 4].

Русское православное и древлеправославное население (старообрядцы, компактно проживающие близ г. Верхнеудинска с середины XVIII в.), по свидетельствам исследователей, относилось к советской власти в целом сочувственно, только лишь с ней олицетворяя приход новой жизни и победу в Гражданской войне. Люди вспоминали, как большевики в 1918 г. «...разрешили воспользоваться крестьянам спорной бурятской землей» [Селищев: 11]. Также население было благодарно им за избавление от набегов банд атамана Семенова, которые «...и деньги брали, и секли до полусмерти» [Селищев: 1]. Однако, по наблюдениям исследователя А.М. Селищева, такая симпатия (которая во многом сошла на нет к концу 1920-х гг. во время проводимой антирелигиозной кампании) была основана на факторе общего врага и личного знакомства с красноармейцами (но не на известности единого лидера, направляющего к новой жизни), а также соседствовала с ожиданием реставрации монархии: «...хорошо бы, если бы где-то вверху сидел царь, а поближе к нам, к народу, правителями были бы большевики или вроде них» [Селищев: 11]. Такие настроения говорят о практически полном отсутствии информированности сельчан о деятельности Ленина и его роли в происходящих событиях в начале 1920-х гг.

Смерть Владимира Ильича в январе 1924 г. становится отправной точкой для начала формирования фундаментальной основы советской идеологии – культа Ленина – и в данном случае – по-

воротным моментом для обобщенного восприятия его образа как инициатора всех произошедших позитивных явлений и благ в провинции. Героизация образа Ленина была необходима большевикам для обоснования своей преемственности во власти как учеников-наследников, а стремление к увековечиванию его личности было продиктовано задачей создания собственной государственной мифологии (вытесняющей имперские концепты богоизбранности и вселенского центра православия, но использовавшей модель синкретичного мировоззрения, соборности, которая «...как принцип соответствует требованиям традиционного “внешнего” контроля в простых обществах и потому сохраняет для них значение идеала, отраженного в той или иной форме во всех главных социальных установлениях») [Вишневецкий: 161]. Ее существование обеспечило бы для страны стабильное состояние на долгие годы. Центральное место в советской мифологии занял бы создатель первого социалистического государства («нового мира»), а вокруг него в новоявленном пантеоне постепенно появились бы герои рангом ниже (П. Морозов – для детей-пионеров, А. Стаханов – для пролетариата, В. Чапаев и В. Чкалов – для военных и допризывников, а также наследники Ленина у власти – для всех).

Поэтому одной из важнейших составляющих формирующегося культа становится сакрализация личности, нашедшая свое проявление и в создании Мавзолея, и в запрете на изображение Ленина где угодно: «Москва. Комиссия ЦИК СССР по увековечиванию памяти Ленина запретила печатание и распространение изображения Ленина на папиросных коробках, гильзах, конфетках, всяких обложках и этикетках, а также предметах украшения»¹. С другой стороны, справедливо отметить, что в первые годы после смерти Ленина, в условиях прочного положения православной веры у большинства населения страны, властью делались попытки получения симпатий к его фигуре посредством печатания и подобных статей: «...в беседе с представителями печати бывший патриарх Тихон заявил: “Ленин не был отлучен от православной церкви, поэтому всякий верующий имеет право и возможность его помянуть, хотя мы идейно расходились с Лениным, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей, поистине христианской души”»². В таких условиях поиска оптимальной модели построения культа личности во второй половине 1920-х гг. не могло быть только лишь целенаправленных мероприятий властей в масштабах всей страны, возникали и стихийные процессы. Различия же в масштабах их воздействия на городское и сельское население позволяло решать попутные задачи (например, проблема часто встречающегося незнания имени Ленина и его роли в селах Бурятии решалась посредством изучения его биографии в пунктах ликбеза³).

Безусловно, стихийной тенденцией в этот период (часто поддерживаемой властями) для сельской местности Бурятии стало массовое переименование улиц и самих населенных пунктов в честь Ленина. «Агинский Аймак РКП совместно с гражданами аймака на общем собрании постановил в целях увековечивания памяти дорогого Ильича организовать клуб его имени, открыть при школах три стипендии, ходатайствовать о переименовании с. Агинского в Ленинское, назвать Агинскую школу 2-ой ступ. именем Ленина, а также собирать средства для сооружения памятника вождю»⁴. Конечно, в последующие годы практически в любом поселении республики если не памятник на главной улице, то сама улица непременно будет названа в честь Ленина, однако уже к концу 1920-х гг. внедрение культа вождя в мировоззрение бурят становится вполне успешным.

Носителем коммунистической идеи являлась ВКП(б), которая после 1924 г. окончательно стала отождествляться в общественном сознании с образом Ленина. Населением полностью принималась мысль о его гениальности, без которой немислима была бы победа большевистской революции, а значит, и те кардинальные изменения, которые коснулись практически всех сторон общественной жизни бурят. Проявлением изменений в идеологических акцентах стали торжественные церемонии по поводу второй годовщины смерти Ленина в 1926 г. Практически в каждом бурятском улусе проходили траурные мероприятия, митинги, собрания. Улусник А. Улкутуев из Боханского аймака пишет в Бурят-Монгольскую правду: «22 января улусная молодежь устроила собрание, посвященное смерти т. Ленина. После доклада один из бурят громко сказал: “Ленин умер, но его учение всегда в нас”»⁵. В других поселениях – еще более насыщенная программа. «Джида. 22 января в Торейской школе был устроен вечер воспоминаний. Классы украшены красными флажками, картинами. Утро открыло пение Интернационала, похоронный марш и доклад»⁶.

Однако главный фактор успеха мифологизации личности Ленина для бурят видится не столько в переименованиях и программах траурных вечеров в честь вождя в его памятные даты (что обуславливалось инициативой местных властей), а в появлении народных стихов и песен о Ленине на бурятском языке (чего не наблюдалось в русскоязычных селах республики). «Бугорок вспахавшего. Серого коня не забудем. Бурятскому народу помогавшего. Учителя Ленина не забудем»⁷. Данные строки песни часто дублируются и в других подобных песнях о Ленине и несут в себе общий смысл важности этого имени для простого человека из села. Он мог не иметь представления об учении марксизма-ленинизма, не вникать в политическую идеологию, даже смутно себе представлять образ

вождя, но распевая куплеты песен о Ленине, понимал простую истину – раньше было плохо, тяжело, а с приходом новой власти стало хорошо и легко. Ленин в этих строках – это не человек, сидевший за письменным столом и обладавший исключительным искусством убеждения: его образ похож на знакомого коня-труженика, пахавшего землю. Такое простое сравнение было гораздо ближе и понятней бурятам-скотоводам.

Направленность новых бурятских песен можно считать следствием включения образа Ленина в героико национальных песен, где уже именно он – персонафикация могучей стихии, давшей бурятскому народу свободу. «Когда перестал идти сильный дождь, то легче стало птенцу кроншнепа. Когда установилась власть Ульянова, то народу стало легче и лучше. Облегчившему участь каурой лошади. Высокому вагону – благодарность. Облегчившему участь хлебопашцев. Красному Ленину – благодарность»⁸. В первых четырех строках просматривается аналогия Ленина со сверхъестественными силами, способными управлять стихией – только не природной, а социальной. В последней строке указывается неразрывная связь Ленина с коммунизмом и революцией, и он уже представлен здесь как само олицетворение прошедших событий.

Справедливо будет уточнить и то, что особое значение в идеологическом оформлении коллективного мировоззрения получила активная пропаганда атеизма, которая, отвергнув внешние формы религии, активно использовала ее как архетип, в том числе и для появления в массовом сознании новой мифологии. «В дореволюционный период религия представлялась мощнейшим инструментом воздействия на подавляющее большинство населения, поскольку априори подразумевалось наличие у него религиозной веры, то есть наличие базовой мировоззренческой функции религии в сознании почти всех людей. Понимая это, коммунистические власти направили свои усилия на искоренение этой функции посредством замещения ее коммунистической атеистической пропагандой и на то, чтобы религия в сознании людей стала ассоциироваться исключительно с отсталостью и безграмотностью» [Амоголонова: 63–64].

Не менее важной задачей в 1920-е гг. была ликвидация неграмотности взрослого населения: для обеспечения деятельности ликпунктов создавались адаптированные учебные пособия. В них (как и в учебниках для детей) информация репрезентировалась посредством иллюстраций, показывающих преимущества социализма, и восхваления лидеров партии. Особый интерес представляет «Бурят-монгольский советский букварь для взрослых»⁹ Ч. Базарона на старомонгольском письме. Уже само название заявляет о приверженности бурят-монголов советскому строю и стремлении как

можно быстрее быть инкорпорированными в советское идеологическое и культурное пространство. На страницах букваря изображены портреты в последовательности – Маркс, Ленин, Калинин, Сталин. Изучение языка производилось одновременно с изучением их биографий. Некоторые изображения (например, Ленина) украшены внизу замысловатыми орнаментами, рисунками, как это делалось в книгах сказок и легенд, только теперь у бурятского народа появляется новый герой.

Из числа специализированных учебных пособий можно выделить работу того же Ч. Базарона «Сельскохозяйственный букварь для взрослых»¹⁰. В плане наглядности и в символическом аспекте он является даже более информативным, чем предыдущий букварь. Кроме того, уже на форзаце и первой странице учебника видна новая характерная черта – портрет Ленина уже без остальных деятелей партии и Маркса с Энгельсом. Вполне понятно, что в специализированном сельскохозяйственном букваре жизнеописания и биографии коммунистов были бы лишними и шли бы во вред специальной информации и материалам, но присутствие Ленина говорит о том, что даже в этих узких рамках издания обойтись без вождя было уже невозможно.

В целом можно заключить, что для сельского бурятского населения республики идеологическая кампания по сакрализации имени Ленина имела вполне ощутимый успех уже к концу 1920-х гг. Наряду с благодарностью Ленину за автономию и коренное изменение жизни, а также лояльностью к решениям властей по вопросу сохранения его памяти буряты, несмотря на изучение его реальной биографии в учебниках (которая, впрочем, связываясь ими с собственными успехами в овладении грамотностью, несла в себе положительную коннотацию), включили его имя и деятельность в свой народный песенный репертуар, во многом изначально мифологизировав образ, не совсем приняв характерное для жителей советской столицы и других городов 1920-х гг. отношение к недавно умершему Ленину как к товарищу и наставнику.

В православных селах Бурятии с 1924 г. также имел место с годами все более широкий резонанс по поводу смерти Ленина, причем в отличие от старообрядческих поселений, только начинающих преодолевать свое изолированное от внешнего мира состояние (отчего и объясняется во многом и слабая реакция там на идущее повсеместно все-союзное создание ленинского культа), здесь прослеживается достаточно высокий уровень информированности о жизни Ленина и вовлеченности в процесс, о чем говорят и такие примечательные газетные заметки: «...Кульское. В день похорон В.И. Ленина всем служащим пришлось собраться в кульскую школу для совещания о проведении дня похорон и спевки “Похоронного марша”. Окончив спевку, стали убирать портрет т. Ленина в тра-

ур, а так как в школе был портрет т. Луначарского в рамке, то и решили служащие на время в эту рамку вставить портрет т. Ленина. Когда вынули из рамки портрет т. Луначарского, то неожиданно обнаружили в ней еще портрет Николая II. Несколько товарищей взяли портрет царя, на «ура» и содрали с клеенки, на которой он так крепко был приклеен»¹¹. Были и другие подобные сообщения: «У нас в с. Турунтаево 20-го вечером состоялось траурное собрание, зал переполнен. После доклада о жизни Ленина принята резолюция, в которой крестьяне обещают хранить его заветы»¹².

Что касается старообрядческих поселений Бурятии, то идеологическое воспитание небольшой части актива среди молодежи (культработники, комсомольцы, получившие образование в г. Верхнеудинске и отправленные работать в родные села) позволяло присоединяться к всесоюзной тенденции увековечения памяти Ленина как в близких, так и в самых отдаленных от Верхнеудинска поселениях. В первом случае есть смысл говорить о некоторых подвижках в этом вопросе, что стало возможным благодаря высокому уровню поддержки советской идеологии среди молодежи, увидевшей в ней возможность изменить свою жизнь, а также шефства рабочих городских предприятий, расположенных относительно недалеко: «Верхний Жирим. Давно наши крестьяне хотели ознакомиться с жизнью Владимира Ильича Ленина и дождались. Приехали шефы – ячейка ГПУ и устроили ряд бесед о нем. Шефам вынесли благодарность. С их помощью мы надеемся освободиться от старообрядческой церкви»¹³.

Во втором случае и к концу 1920-х гг. сложно говорить о всеобщей известности имени Ленина, тем более о его сакрализации и благодарности за новую жизнь. Здесь ставились скромные безликие памятники вождю партии, которые становились фактором спонтанной и поверхностной (в сравнении с городским пространством) мифологизации личности Ленина (в основном для немногочисленного актива). Она практически не затрагивала местное население и выражала (кроме очевидного отсутствия мастеров и средств на полноценный памятник) тенденцию медленного распространения сведений о нем: «...сочувствующие ВКП(б) поставили в селении памятник В.И. Ленину в виде простой деревянной усеченной пирамиды, которая содержится в черном теле, доски покорило»¹⁴. Посредством простых символических конструкций здесь скорее воспроизводились метафизическая идея революции как начала всей жизни и привычное простому человеку архетипичное представление о спасителе мира, ведущем к этой новой жизни.

Плохое же состояние памятника говорит как о формальном отношении к подобным вопросам даже со стороны «сочувствующего коммунистам актива», так и о том, что, несмотря на самоиници-

тиву в воздвижении памятников, а также чтение газет с изображениями и биографией Ленина, к концу 1920-х гг. целенаправленная государственная политика по увековечиванию памяти вождя революции находила еще слабый отклик в селах и деревнях старообрядцев, на значительном отдалении от столицы Советского государства. Многочисленное же население (в том числе и молодое, на идеологическое воспитание которого был сделан основной упор) сел, отдаленных и от местных городских центров, таких как Верхнеудинск и Чита (куда не доезжали с беседами на идеологическую тематику городские комсомольцы), и вовсе, как и в начале десятилетия, не демонстрировало знаний и особого интереса к самой личности вождя, воспринимая революцию и ее автора как данность. Так, например, в с. Аленгуй «...в другой раз на вопрос, кто такой Ленин, одна девушка сказала: “какой-то там ваш читинский”, а другая: “не знаем, вам лучше знать”»¹⁵.

В итоге можно прийти к следующим заключениям. В Бурят-Монгольской АССР на протяжении 1920-х гг. была распространена всесоюзная тенденция пропагандирования идеи «нового мира», который пришел на смену всему темному, устаревшему и ненужному. С 1924 г., одним из ключевых проявлений такой идеи становится культ вождя, который вел всех к счастливой жизни, а умерев, стал ориентиром для своих последователей. Продвижение культа Ленина было обусловлено острой необходимостью укрепить вокруг него мобилизационный импульс зарождающегося единого советского общества, что в условиях сильной разнородности образа жизни и быта, культуры и религиозных представлений у населения республики представлялось еще более сложной задачей и имело свою местную специфику.

В сельской местности, жители которой составляли большинство в Бурятии, данная проблема в 1920-е гг. усугублялась низким уровнем распространения грамотности, пока еще слабой сетью культурных учреждений в селах, их отдаленностью от Верхнеудинска, а также недоверием к новой власти отдельных категорий (например, значительная часть старообрядцев). Отсюда следовал формальный подход к проводимым мероприятиям по увековечиванию памяти Ленина, что было характерно как для русского православного населения, так и для старообрядческого (что может говорить, соответственно, и об их нежелании в этот период встраиваться в новое общество, ломая свой традиционный быт). Сельчане-буряты же, с самого начала утверждения советской власти в регионе относясь к ней в целом позитивно (во многом благодаря появлению национальной государственности), культ Ленина восприняли более успешно, что было обусловлено привлекательной для них идеей инкорпорирования в единое общество равных на-

циональностей и нашло свое проявление в отождествлении Ленина с защитником и спасителем бурятского народа.

Примечания

¹ Распоряжение комиссии по увековечению памяти В.И. Ленина // Бурят-Монгольская правда. 1924. 9 мая. № 102. С. 2.

² Бывший патриарх Тихон о Владимире Ильиче // Бурят-Монгольская правда. 1924. 30 янв. № 23. С. 1.

³ Ликвидация безграмотности («ликбез») – в данном случае массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР.

⁴ Памяти В.И. Ленина // Бурят-Монгольская правда. 1924. 2 марта. № 51. С. 3.

⁵ Дни скорби (Ленинские дни в деревне и улусе) // Бурят-Монгольская правда. 1926. 6 фев. № 28. С. 3.

⁶ Там же.

⁷ Бурятские революционные песни с. Мухоршибирь // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 663. Л. 2.

⁸ Бурятские песни: Переводы (Тетрадь 2) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 671. Л. 28.

⁹ Базарон Ч. Бурят-монгольский советский букварь для взрослых // Отдел редких и ценных книг Национальной библиотеки Республики Бурятия (ОРЦК НБ РБ). Верхнеудинск, 1925. 131 с.

¹⁰ Базарон Ч. Сельскохозяйственный букварь для взрослых // ОРЦК НБ РБ. Верхнеудинск. 1927. 126 с.

¹¹ Еще о портретике «царя-батюшки» // Бурят-Монгольская правда. 1924. 15 марта. № 61. С. 3.

¹² Дни скорби (Ленинские дни в деревне и улусе) // Бурят-Монгольская правда. 1926. 6 фев. № 28. С. 3.

¹³ В Верхнем Жириме // Бурят-Монгольская правда. 1925. 14 фев. № 37. С. 4.

¹⁴ Добромыслов А. Семейские заметки (1927) [Рукопись] // Государственный архив Иркутской области. Ф. 565. Оп. 1. Д. 1–3. Л. 20.

¹⁵ Там же.

Список литературы

Амоголонова Д.Д. Буддизм и советская идентичность в Бурятии в 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 59–65.

Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. Москва: ОГИ, 1998. 432 с.

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 242 с.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Иркутск: Изд-во Государственного Иркутского университета, 1920. 81 с.

Скряникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (Советский период). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 216 с.

References

Amogolonova D.D. *Buddizm i sovetskaya identichnost' v Buryatii v 1920-1930-h gg.* [Buddhism and soviet identity in Buryatia in 1920s – 1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, № 421, pp. 59–65. (In Russ.)

Vishnevskij A.G. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizaciya v USSR* [Sickle and ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, OGI Publ., 1998, 432 p. (In Russ.)

Kudryavcev F.A. *Istoriya buryat-mongol'skogo naroda* [History of the Buryat-Mongol people]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk USSR Publ., 1940, 242 p. (In Russ.)

Selishchev A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Trans-Baikal Old believers]. Irkutsk, Gosudarstvennyj Irkutskij universitet Publ., 1920, 81 p. (In Russ.)

Skrynnikova T.D., Batomunkuev S.D., Varnavskij P.K. *Buryatskaya etnichnost' v kontekste sociokul'turnoj modernizacii (Sovetskij period)* [Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (Soviet period)]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2004, 216 p. (In Russ.)

**ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ
НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ МОСКПРОФБОРА**

В статье рассматривается процесс пролетаризации среднего и низшего профессионально-технического образования и его результаты. На примере приемных кампаний в учебные заведения Московского отдела профессионально-технического образования выделяются и описываются методы формирования социального состава учащихся. На конкретных примерах показано утверждение принципа классового отбора при приеме в техникумы, школы фабрично-заводского ученичества, профессиональные школы. Представители рабоче-крестьянской молодежи пользовались преимущественными правами при зачислении их в учебные заведения. Выявлены особенности действия принципа командирования в учебные заведения как способа улучшения социального состава учащихся. Командировочные удостоверения выдавались областными и местными партийными и профессиональными организациями. Наличие удостоверения увеличивало шансы на поступление, хотя и не гарантировало его. В статье показана роль идеологического воспитания учащихся в рамках политики пролетаризации. Политико-просветительская деятельность велась в рамках преподавания курса обществоведения, кружковой работы, а также усилиями представителей РКСМ. В ходе исследования проанализированы материалы отчетов по приемным кампаниям в профессионально-технические учебные заведения Москвы и Московской губернии. В заключении отмечены успехи при формировании состава учащихся с позиции классового отбора.

Ключевые слова: правила приема, принцип классового отбора, пролетаризация, командирование, социальный состав, идеологическое воспитание

Информация об авторе: Ларина Елена Владимировна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5847-0011>, соискатель кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

E-mail: lennick@inbox.ru

Дата поступления статьи: 01.11.2020

Для цитирования: Ларина Е.В. Политика пролетаризации образования на примере учебных заведений Москпрофобра // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 28-32. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-28-32>

Yelena V. Larina

The Stoletovs Vladimir State University

**THE POLICY OF PROLETARIANISATION OF EDUCATION BASED ON THE EXAMPLE
OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF MOSCOW DEPARTMENT
OF PROFESSIONAL EDUCATION**

The article considers the process of proletarianisation of secondary and lower vocational schools and their results. Certain methods of forming the social composition of students are highlighted and described in the example of admission campaigns to educational institutions of Moscow department of professional education. Concrete examples show the adoption of the principle of class selection for admission to technical schools, factory schools, and professional schools. The representatives of working and peasant youth took advantage of enrolling them to educational institutions. The features of the principle of sending students to educational institutions as a way to improve the social composition of students are revealed. Travel orders were issued by regional and local Communist Party and professional organisations. The presence of travel order increased the opportunity of admission, although that did not guarantee it. The article also shows the role of ideological upbringing of students in the context of the policy of proletarianisation. Political and educational activities were carried out within the framework of teaching a course in social studies, extracurricular class activities, as well as the efforts of representatives of the Russian Communist Youth Union. In the course of the study the materials of reports on admission campaigns to vocational and technical educational institutions in Moscow and Moscow Province were analysed. In conclusion we note the progress in formation of the composition of students from the position of class selection.

Keywords: admission policies, principle of class selection, proletarianisation, secondment, social composition, ideological upbringing

Information about the author: Yelena V. Larina, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5847-0011>, applicant of Department of Russian history the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia

E-mail: lennick@inbox.ru

Article received: November 01, 2020

For citation: Larina Ye.V. The policy of proletarianisation of education based on the example of educational institutions of Moscow department of professional education. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 28-32 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-28-32>

Революционные события 1917 года стали поворотной точкой в истории Российского государства. Произошедшая более ста лет назад революция и по сей день привлекает к себе самое пристальное внимание, не утихают споры ученых о ее причинах и последствиях. Революция повлекла за собой широкий спектр преобразований, затронувший все сферы общественной жизни. На первый план выдвигались лица рабоче-крестьянского происхождения, занимавшие теперь особое положение в социальной структуре. Представители пролетариата получили значительные привилегии, в частности в области профессионального образования. В данном контексте интересно рассмотреть процесс контролируемого властью изменения социального состава учащихся средних и низших профессиональных учебных заведений Московского отдела профессионально-технического образования (Москпрофобра).

Вопросы становления советской системы образования, изменение социального состава учащихся часто становились предметом исследования историков. Б.А. Синанов рассматривает социальный состав и особенности политики пролетаризации вузов Северной Осетии в 1920-е годы [Синанов]. В исследовании М.В. Ермушина поднимается вопрос пролетаризации высших и средних учебных заведений Верхнего Поволжья. В диссертационных работах, посвященных профессиональному образованию, авторы в основном делают акцент на проблеме пролетаризации вузов – термин «пролетаризация» в большей степени применялся по отношению именно к высшей профессиональной школе и означал привлечение в вузы молодежь из рабоче-крестьянской среды [Ермушин].

Однако наметившаяся тенденция пролетаризации профессионального образования коснулась не только высшей школы, но также средних и низших учебных заведений. Проводилось целенаправленное обновление состава учащихся через прием абитуриентов с учетом их социального происхождения и партийной принадлежности, на основе принципа классового отбора.

Москпрофобр разработал специальные инструкции, регламентирующие прием абитуриентов в средние и низшие профессиональные учебные заведения. Согласно правилам, предпочтение отдавалось детям детских домов МОНО, за исключением школ фабзавуча, куда они принимались во вторую очередь. В качестве особых условий для воспитанников госучреждений проводился прием без вступительных экзаменов. Так, губернская приемная комиссия направила в приемную комиссию Бедняковской сельскохозяйственной школы сообщение: «...всех посылаемых при списках членов РКСМ и детей из детских домов принимать без испытаний»¹. Затем принимались подростки, работавшие в производстве, и дети рабочих дан-

ного производства, а также лица из трудового беднейшего крестьянского населения – при приеме их в сельскохозяйственные учебные заведения. Дети школьных работников, члены РКП или комсомола (если они не подошли к предыдущей группе), члены профсоюзов и бывшие красноармейцы-фронтовики или их дети также имели преимущество при зачислении в учебные заведения.

В последнюю очередь зачислялись все прочие лица, не подходящие к данным группам, опять же с предпочтением лицам пролетарского происхождения или «лицам, обнаружившим особые способности в соответствующих специальностях»². Преимущества, данные выходцам из рабоче-крестьянской среды, были продиктованы стремлением расширить прослойку учащихся пролетарского происхождения. Однако следует признать, что приоритет отдавался воспитанникам детских домов, которые освобождались от вступительных испытаний. Объяснялось это необходимостью скорейшего решения еще одной острой проблемы – ликвидации беспризорности.

Принцип классового отбора, положенный в основу формирования контингента учащихся, на протяжении долгого времени оставался одной из важнейших черт сферы образования. Нередко такой подход к формированию состава учащихся профессионально-технических учебных заведений становился серьезным препятствием для поступающих. На заседании местной приемной комиссии Егорьевского сельскохозяйственного техникума в 1924 году принимались решения о зачислении абитуриентов. На основании правил приема в поступлении было отказано Сахарову С., Кадилину Д. и Кадилину М. с формулировкой «как детям служителей религиозного культа». Сыну бывшего торговца, Денисову М., также было отказано в поступлении «как неподходящему по социальному положению»³. В свою очередь дети крестьян: Ларин А., Смирнов Г., Григорьев Е. и другие беспрепятственно допускались к вступительным экзаменам⁴.

Другим способом увеличить рабоче-крестьянское представительство в учреждениях профессионального образования было командирование. Командировочные удостоверения выдавались областными и уездными партийными и профессиональными организациями. Кроме того, право выдавать удостоверение имели фабричные комитеты. Так, работницы Дедовской фабрики Филиппова Е. и Стенюкова А. были командированы культурно-просветительской комиссией при фабкоме в Знаменскую профессионально-техническую школу. Фабком Иваново-Октябрьской фабрики «командировал двух товарищей» для поступления в Знаменскую школу⁵. Наличие такого удостоверения могло оказать определенное содействие, но не гарантировало поступление.

В отчете по профессиональному образованию в Москве и Московской области за 1924/25 учебный год были приведены сведения о социальном составе учащихся учебных заведений Москпрофобра. В промышленно-экономических техникумах и профессиональных школах 56 % и 77 % учащихся соответственно принадлежало к рабоче-крестьянской среде, в сельскохозяйственных техникумах и профшколах их число достигло 64 % и 88 % соответственно⁶. Примечательно, что несколько большее количество представителей рабоче-крестьянской молодежи обучалось именно в профессиональных школах. В последних требования к уровню образовательной подготовки поступающих были не столь высоки, достаточным был уровень образования, равный первой ступени единой трудовой школы.

Но, несмотря на видимые успехи, в некоторых учебных заведениях все же отмечались недочеты по вопросам приема. В 1925 году Москпрофобр, рассмотрев список поступивших в Орехово-Зуевский педагогический техникум, отметил «крайне слабый в отношении социальном и партийном» состав учащихся⁶. Однако в то же время были приняты лица непролетарского происхождения. Среди зачисленных в техникум оказались 6 человек, являвшихся детьми служителей культа⁷. Одним из объяснений неудовлетворительного социального состава учащихся было недостаточное информирование среди рабочего и крестьянского населения о приемной кампании. Кроме того, отсутствие при техникуме интерната или общежития затрудняло поступление в городские учебные заведения жителей сельской местности.

Тем не менее в ноябре 1925 года заведующий Москпрофобром А. Лялин отчитался о выполнении постановлений 13-й губернской партийной конференции по линии профессионального образования. Он сообщил, что принцип классового приема в учебные заведения, предусмотренный правилами приема, в 1925 году был практически выдержан. Количество рабочих, приступивших к обучению, составило 68,4 % от общего числа, количество крестьян было значительно ниже –

16,3 %⁸. Вероятно, причины низкой доли крестьян в составе учащихся по-прежнему заключались в слабом информировании и отсутствии общежития при учебном заведении.

Анализ социального состава профессиональных учебных заведений Москвы и Московской губернии подтверждает, что абсолютное большинство обучающихся составляли рабочие (дети рабочих), служащие и их дети, и только в третью очередь крестьяне.

Согласно данным (таблица 1), за два учебных года количество учащихся пролетарского происхождения выросло практически вдвое, наблюдался определенный рост и учащихся из среды крестьян. В то же время количество служащих и их детей в составе учебных заведений Москпрофобра несколько сократилось.

Сравнивая данные по Москве и Московской губернии со статистикой в целом по СССР, интересно отметить, что в отчетный период в техникумы Профобра (таблица 2) было принято значительно большее количество молодых людей из среды крестьян и служащих, нежели пролетарского происхождения.

Техникумы готовили специалистов по различным видам образования: промышленно-экономическое, сельскохозяйственное, педагогическое, медицинское, художественное, широкий выбор специальностей привлекал в их стены представителей разных социальных групп. Аналогичная ситуация складывалась и в техникумах Москпрофобра. Так, в 1924/25 учебном году в них обучались примерно равные доли студентов из рабочих и крестьян – 2 587 и 2 509 соответственно, в то же время количество учащихся из среды служащих достигло 5 169¹¹. В школах ФЗУ традиционно получали образование рабочие и их дети. В 1926/27 учебном году фабрично-заводские ученичества Московской губернии на 77 % были заполнены представителями пролетарской молодежи¹². Во второй половине 1920-х годов всплеск интереса именно к рабочему образованию во многом был продиктован начавшей в стране индустриализацией.

Таблица 1

Динамика социального состава учебных заведений Москпрофобра⁹

Социальное происхождение	1924/25 учебный год	1926/27 учебный год
Рабочие и их дети	4 225	7 843
Крестьяне и их дети	1 163	1 505
Служащие и их дети	2 701	2 261

Таблица 2

Динамика состава принятых в средние и низшие учебные заведения Профобра¹⁰

	1924/25 уч. г.			1926/27 уч. г.		
	На сто принятых:					
	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Рабочие	Крестьяне	Служащие
Техникум	21,8	35,5	34,4	21,8	37,1	30,8
Школы ФЗУ	83,3	4,9	Нет сведений	76,7	8,9	Нет сведений

Соблюдение принципа классового отбора при приеме в учебные заведения позволило «выдержать» состав учащихся с позиции социального происхождения, но в то же время приемные комиссии учитывали успеваемость и отмечали слабую образовательную подготовку поступающих. В 1924/25 учебном году на заседании местной приемной комиссии решался вопрос о приеме в Мануфактурно-техническое училище учеников, командированных с фабрик Красно-Пресненского треста. В результате, несмотря на наличие командировочного удостоверения, в зачислении было отказано 11 абитуриентам с формулировкой «по неуспеваемости»¹³. В 1926 году по результатам приемной кампании учебно-методическая комиссия Москпрофобра отмечала недостаточный уровень подготовки, который не соответствовал ни документам об образовании, ни программному минимуму профессиональных учебных заведений¹⁴.

В 1920-е годы в учебных заведениях Москпрофобра была организована работа, направленная на идеологическое воспитание студентов. Политико-просветительская работа в основном проводилась ячейками РКСМ. В большинстве случаев она выражалась в деятельности разнообразных кружков: ленинизма, истории марксизма и прочих. Увеличивалось количество партийных и комсомольских работников.

Высоким воспитательным потенциалом обладало преподавание обществознания. В рамках данного предмета происходило изучение политграмоты, политической экономии, истории классовой борьбы. В первое время осуществлению политического воспитания через учебную программу препятствовала нехватка квалифицированных преподавателей, но уже во второй половине 20-х годов ситуация изменилась. Агитационно-пропагандистский отдел МК ВКП(б) через Москпрофобр направлял преподавателей обществоведения для трудоустройства в учебные заведения. Таким образом, Москпрофобр направил для «использования преподавательницей обществоведения» в Орехово-Зуевскую школу ФЗУ товарища Львову Э.А.¹⁵

В отчетах о преподавании обществоведения отмечалась нехватка учебных пособий. В Лотошинской школе молочного хозяйства «Пособия есть: одна книжка на двоих», в Бедняковской школе «пособия есть, но мало». В связи с этим преподаватели основному использовали лекционный метод¹⁶. В Зуевской сельскохозяйственной школе использовали практический метод обучения. Для его реализации был организован кружок «Агитпроколлектив», члены которого прикреплялись к деревням и вели пропагандистскую работу на селе¹⁷. Сочетание теоретического и практического методов обучения считалось наиболее эффективным.

Политика правительства, направленная на пролетаризацию профессионального образования, начала

складываться уже в первые годы советской власти. Ее реализация осуществлялась по двум основным направлениям. Важнейшим аспектом было формирование благонадежного социального состава учащихся через контролируемый прием в учебные заведения. Одним из главных условий приема была принадлежность абитуриентов к «классу трудящихся». Примуущественные права данной категории фиксировались в инструкциях. С другой стороны, в рамках пролетаризации профессиональной школы среднего и низшего звеньев осуществлялось идеологическое воспитание молодежи. Комплексный подход позволял подготовить не только квалифицированных специалистов, но и оказывать влияние на формирование политического мировоззрения граждан.

Примечания

- ¹ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 3. Д. 762. Л. 65.
- ² ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 495. Л. 21.
- ³ ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 3. Д. 173. Л. 107.
- ⁴ ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 2. Д. 173. Л. 110–111.
- ⁵ ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 2. Д. 100. Л. 18–19.
- ⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 782. Л. 86.
- ⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 762. Л. 22.
- ⁸ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 762. Л. 35.
- ⁹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 100. Л. 17.
- ¹⁰ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 782. Л. 55.
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 2. Д. 35/в. Л. 27.
- ¹² ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 783. Л. 86.
- ¹³ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 783. Л. 56.
- ¹⁴ ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 2. Д. 173. Л. 15–16.
- ¹⁵ ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 3. Д. 173. Л. 142.
- ¹⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 794. Л. 109.
- ¹⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 794. Л. 51.

Список литературы

- Абросимова М.В.* Работа Московской партийной организации по подготовке рабочих кадров через школы ФЗУ (1926–1932 гг.) // Путь борьбы и побед. М., 1975. С. 78–96.
- Горина О.С.* Пролетаризация художественного образования в Прикамье в 1920-е – начале 1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия История. 2009. № 4. С. 106–112.
- Ермушин М.В.* Формирование технической интеллигенции в 1921–1929 гг.: На материалах Верхнего Поволжья: автореф. дис ... канд. ист. наук. Кострома. 2001. 27 с.
- Синанов Б.А.* Политика пролетаризации вузов как часть советской повседневности 1920-х гг.: (На материалах Северной Осетии) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. № 10. С. 185–195.

Reference

- Abrosimova M.V. Rabota Moskovskoj partijnoj organizacii po podgotovke rabochih kadrov cherez*

shkoly` FZU (1926-1932 gg.) [The work of the Moscow party organization to train workers through the factory schools (1926-1932s.)]. *Put` bor`by` i pobed* [The path of struggle and victory]. Moscow, 1975, pp. 78–96. (In Russ.)

Gorina O.S. *Proletarizaciya hudozhestvennogo obrazovaniya v Prikam'e v 1920-e – nachale 1930-h gg.* [Proletarianization of art education in the Kama region in the 1920s and early 1930s.]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Perm University Bulletin.], 2009, № 4, pp. 106–112. (In Russ.)

Ermushin M.V. *Formirovanie tehniczeskoj intelligencii v 1921 – 1929 gg.: Na materialax*

Verhnego Povolzh`ya [Formation of the technical intelligentsia in 1921-1929: on the materials of the Upper Volga region]: avtoref. dis ... kand. Ist. nauk. Kostroma, 2001, 27 p. (In Russ.)

Sinanov B.A. *Politika proletarizacii vuzov kak chast` sovetskoj povsednevnosti 1920-x gg. (Na materialax Severnoj Osetii)* [The policy of proletarianization of higher education institutions as a part of Soviet everyday life in the 1920s (based on the materials of North Ossetia)]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molody`h ucheny`x* [Izvestiya SOIGSI], 2013, № 10, pp. 185–195. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-33-39>
УДК 94(470)“1933/1935”:33

Орешкин Олег Юрьевич
Ивановский государственный университет

ТОРГОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЫБИНСКОЙ МЕЖРАЙОННОЙ БАЗЫ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНТОРЫ ТОРГСИН В 1933–1935 ГГ.

В статье представлены основные этапы организации Рыбинской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин и его дальнейшей реорганизации. Исследованы вопросы об эволюции управленческих решений в течение 1932–1933 гг., направляемых от вышестоящих организаций. Уделено внимание информации о поставщиках, обслуживавших МРБ. Приводятся примеры хозяйственных и финансовых нарушений в работе магазина. Указаны сведения о ключевых валютных ценностях, привлеченных Рыбинской МРБ и подчиненными ей торговыми точками в 1933–1934 гг. Проведено сравнение финансовых показателей работы Рыбинской МРБ Торгсин с результатами других подразделений Ивановской областной конторы. Отмечен ее вклад в работу областной конторы. Изучены причины, способствовавшие изменению показателей в разные периоды. Особое внимание уделено расчетам весового объема покупки золота и серебра. Показана динамика изменений показателей скупки бытового золота и серебра, золотых и серебряных монет, а также получение иностранной валюты. Представлены данные о странах, откуда наиболее активно осуществлялись переводные операции. Рассмотрен потенциальный экономический эффект от деятельности Рыбинской МРБ Торгсин. В статье сделан вывод о роли Торгсина как одного из источников получения валютных ценностей.

Ключевые слова: Ивановская областная контора Торгсин, Рыбинская межрайонная база Торгсин, торговая точка, валютные ценности, индустриализация, экспорт, торговля с иностранцами

Информация об авторе: Орешкин Олег Юрьевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: vicit1945@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.10.2020

Для цитирования: Орешкин О.Ю. Торгово-финансовая деятельность Рыбинской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин в 1933–1935 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 33-39. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-33-39>

Oleg Yu. Oreshkin
Ivanovo State University

TRADE AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE RYBINSK INTERDISTRICT BASE OF IVANOV REGIONAL OFFICE OF THE TORGSIN (TRADE WITH FOREIGNERS) IN 1933–1935

The article presents the main stages of the organisation of the Rybinsk interdistrict base (the IDB) of Ivanovo regional office Torgsin (Trade with Foreigners) and its further reorganisation. The questions about the evolution of managerial decisions during 1932–1933, sent from higher organisations, are investigated. Attention is paid to the information on the suppliers who served the IDB. Examples of economic and financial violations in the work of the store are given. The information on the key currency values attracted by Rybinsk IDB and its subordinate outlets in 1933–1934 is indicated. The comparison of the financial indicators of Rybinsk Torgsin IDB with the results of other divisions of Ivanovo regional office is carried out. Its contribution to the work of the regional office is noted. The reasons for the change in indicators in different periods have been studied. Particular attention is paid to calculating the weight volume of purchases of gold and silver. The dynamics of changes in indicators of the purchase of household gold and silver, of gold and silver coins, as well as the receipt of foreign currency are shown. The data on the countries from which the transfer operations were most actively carried out are presented. The potential economic effect from the activities of Rybinsk Torgsin IDB is considered. The article draws a conclusion about the role of Torgsin as one of the sources of obtaining currency values.

Keywords: Ivanovo Torgsin regional office, Rybinsk interdistrict base, trade point, currency values, industrialization, export, trade with foreigners

Information about the author: Oleg Yu. Oreshkin, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1338-5053>, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: vicit1945@mail.ru

Article received: October 13, 2020

For citation: Oleg Yu. Oreshkin. Trade and economic activity of the Rybinsk interdistrict base of Ivanovo regional office of the Torgsin (Trade with Foreigners) in 1933–1935. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 33-39 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-33-39>

Революционные события в России и последовавшее за этим установление советской власти привели к кардинальным изменениям не только политической системы, но и социально-экономического устройства. Идеологические противоречия между СССР и странами Запада напрямую влияли на развитие экономики. В 1920–1930-е гг. Советский Союз оказался в изоляции. В этот период активно обсуждается вопрос о путях финансирования советского народного хозяйства, происходит поиск внутренних источников.

Центральное место в экономике занимала проблема развития промышленности и сельского хозяйства в условиях социалистического строя, а также укрепление денежной системы и накопление золотовалютных резервов.

На современном этапе развития России вопрос об источниках обеспечения благосостояния страны по-прежнему актуален. В новых экономических условиях изменились характер и структура экономики, методы ее реализации, однако проблема развития отечественного производства, стабильности денежной системы, накопления золотовалютных резервов, поиска новых источников сохраняет свою значимость.

Связь истории и современности, проведение исторических аналогий является важной составляющей для исследователя.

Достижения советской экономики предлагалось обеспечивать различными методами. Среди внутренних резервов государства для осуществления модернизации советской промышленности, в частности, называются: доходы от легкой промышленности, банков, транспорта, внешней торговли, налогов с производителей, средства от сельского хозяйства, государственные займы [Орельчикова: 7].

Важнейшим источником дохода были поступления от экспорта. За 1929–1932 гг. советское правительство выручило валюты на 3,335 млн рублей (в ценах соответствующих лет) [Зинченко: 158]. Вместе с тем отмечается ежегодное сокращение экспортных доходов. Так, в 1930 г. общий доход от вывоза всех товаров составил 812,7 млн рублей, а в 1933 г. – уже 388,7 млн рублей [Зинченко: 19].

Хлеб стал крупнейшей статьёй советского экспорта. Однако и по этому направлению существуют сложности. Так, в 1930 г. было экспортировано до 5,8 млн т зерна, в 1931 г. – до 4,8 млн т, в 1932 г. – 1,6 млн т [Мошков: 130].

Сокращение отмечается и в золотодобывающей промышленности. В период 1928–1931 гг. государственная добыча в среднем не превышала 30 т чистого золота в год, что в золотом рублевом эквиваленте (1 рубль 29 копеек за 1 г чистоты) составляло менее 40 млн золотых рублей. При этом с конца 1926 по 1931 г. общая внешняя задолженность Советского Союза выросла с 420 млн до 1,4 млрд золотых рублей [Осокина 2019: 2].

Сокращение ключевых экспортных доходов к началу 1930-х гг. обозначило необходимость поиска дополнительных резервов для дальнейшего финансирования промышленности в вопросе импортного обеспечения.

Одним из таких резервов становится Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР) [Осокина 2009: 11–12].

Система Торгсина рассматривается не только как один из дополнительных источников накопления валютных ценностей для целей индустриализации, но и как одна из форм открытого снабжения населения товарами, наряду с коммерческой и колхозно-базарной торговлей [Алексеев: 110].

С другой стороны, методы управления Торгсином, специфика товарно-денежных отношений, вопросы ценообразования позволяют исследовать Торгсин с точки зрения рыночного элемента государственной экономики СССР в 1930-е годы [Грошкова: 98–99].

Примером представительства Торгсина в периферийных территориях становится Ивановская областная контора Торгсин (далее ИВОК) и действовавшие на ее территории межрайонные базы.

История Рыбинского уезда неразрывно связана с территорией Ярославской губернии. Лишь после Октябрьской революции статус уезда меняется. В 1921 г. из части Ярославской губернии в качестве самостоятельной единицы была образована Рыбинская губерния. В ее состав вошли 5 уездов: Мологский, Мышкинский, Рыбинский, Пошехон-Володарский и Углический. [Иванов: 18]. В 1923 г. Рыбинский уезд вновь оказался в составе Ярославской губернии и оставался в таком статусе до 1929 г.

В 1929 г. была образована Ивановская промышленная область (ИПО), в ее состав вошли территории бывших Ивановской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний.

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 июня 1929 г. «О составе округов и районов Ивановской промышленной области и их центров» была введена окружная система административно-территориального деления ИПО. Документ определил создание 7 округов (Александровский, Владимирский, Кинешемский, Костромской, Шуйский, Ярославский, Рыбинский) [Околотин: 223]. В 1930 г. решением ЦИК и СНК СССР окружная система была ликвидирована [Околотин: 227].

Основу территориального деления составили районы. Рыбинский округ был разделён на 8 районов: Брейтовский, Ермаковский, Мологский, Мышкинский, Некоузский, Пошехон-Володарский, Рыбинский и Углический [Иванов: 64].

Созданная в 1929 г. окружная система и организованная в 1930 г. система районирования во многом совпадала с границами бывшей Рыбинской губернии и стала основой для определения границ Рыбинской межрайонной базы Торгсин Ивановской области.

Универмаг Торгсина в г. Рыбинск является одним из первых отделений на территории Ивановской области, и в течение 1932 г. это была единственная торговая точка будущей МРБ.

Дальнейшее становление торговой сети будущей Рыбинской МРБ происходит в 1933 г. и связано с появлением Ивановской областной конторы (далее ИВОК) Торгсин.

ИВОК приступила к своей работе с 1 мая 1933 года [Орешкин 2020: 83].

Две торговые точки появляются почти одновременно в 1933 г.: в Мышкине 12 мая и 15 мая в Угличе. Оба отделения были подчинены Рыбинскому универмагу под руководством директора Хрищатова (в исследуемых нами документов фамилия приводится без инициалов)¹.

В июне 1933 г. ИВОК направил докладную записку в секретариат обкома ВКП(б) Ивановской области «О дополнительном развертывании сети универмагов и отделений Торгсин по ИПО»². В результате до 1 августа 1933 г. должны были быть открыты торговые точки в Пошехонье-Володарске, Мологе, Некоузе³. В документе содержалось экономическое обоснование открытия торговых точек и анализ условий развития территорий. В частности, в отношении Пошехонье – Володарска сообщалось, что там преобладали занятия портных и корзинщиков, в Мологе отмечалось развитие судостроения. Также было развито отходничество (торговля, трактиры, строители)⁴.

Однако сроки были незначительно изменены. Универмаг в Володарске был организован 14 августа 1933 г. под руководством Теплякова Ильи Яковлевича⁵, а с 16 августа 1933 г. открывается универмаг в Мологе. Директором назначен Коротков Павел Петрович⁶.

И наконец, торговая точка в Некоузе появилась на основании приказа ИВОК № 57 от 19 августа 1933 г. Возглавил универмаг Поздняков А.В.⁷

Вместе с тем в документах мы не находим точных сведений и приказов областной конторы об организации отделений Торгсин в двух других районах бывшего Рыбинского округа: Ермаковском и Брейтовском. Мы предполагаем, что в деревне Ермаково и с. Брейтово торговые точки не открывались, а на этих территориях действовала разъездная торговля.

Для управления и обслуживания возросшей торговой сети еще в июле 1933 г. была создана Рыбинская МРБ. В ее подчинение переходили Углич, Мышкин, Некоуз, Молога, Пошехонье-Володарск⁸. Таким образом, база осуществляла снабжение в 8 районах области.

Однако в 1934 г. начинается обратный процесс – сокращение торговой сети Торгсин и передача ее магазинов в систему Государственной объединению розничной торговли (далее ГОРТ). На заседании сектора валюты и внешней торговли от 3 февраля 1934 г. № 075/2с «О сокращении

сети Торгсин и равномерном распределении точками издержек обращения» были установлены критерии сокращения сети. Ключевыми стали два требования: уровень реализации товаров не менее 500 рублей золотом в месяц и объем расходов 200 % к сумме реализации. Таким образом, точка, делающая обороты ниже 550 рублей в месяц или несущая расходы ниже 200 % (при среднем размере 40 %) подлежала сокращению⁹.

Новая тенденция затронула как ИВОК в целом, так и Рыбинскую МРБ в частности. На основании распоряжения В/О от 9 мая 1934 г. до 1 июля 1934 г. должны были прекратить свою деятельность отделения Торгсина в Мышкине и Некоузе¹⁰.

В течение второй половины 1934 г. по линии МРБ были закрыты торговые точки в населенных пунктах: Пошехонье – Володарском и Мологе¹¹. Таким образом, к началу 1935 г. продолжали работать только головной универмаг в Рыбинске и магазин в Угличе.

Углический магазин прекратили свою деятельность 1 ноября 1935 г.¹², а Рыбинский универмаг подлежал закрытию 20 декабря того же года¹³.

Директором головного универмага и межрайонной базы было одно и то же лицо. За период деятельности Рыбинского универмага в его руководстве сменилось 4 директора. Примечательным было назначение в декабре 1933 г. новым руководителем Рыбинской МРБ И.М. Зайцева¹⁴. До назначения он занимал в разное время должность директора, заместителя директора Владимирского универмага и заведующего базой¹⁵.

Пожалуй, это один из немногих примеров ротации в системе ИВОК на уровне МРБ, когда директор одного головного универмага перемещается на аналогичную должность в другую территорию.

Несмотря на специфику деятельности Торгсина, для системы были характерны и общие процессы. Например, одним из таких проявлений была организация социалистических соревнований между магазинами и универмагами. В частности, по линии изучаемой МРБ такие договоры о соперничестве были заключены между Рыбинском и Ярославлем¹⁶.

Торговая деятельность, осуществляемая Торгсином, предполагала серьезный контроль над их работой. Распространённым явлением были хищения, подделки квитанций и иных финансовых документов. Серьезным нарушением правил торговли был прием советских рублей в качестве оплаты за товар. Одновременно действовали спекулянты, которые скупали у населения серебро, товарные книжки и реализовывали данные ценности в Торгсине [Алексеев: 135].

Не исключением с точки зрения хозяйственных и финансовых нарушений были и торговые точки изучаемой нами территории. В конце августа 1933 г. дисциплинарное взыскание в форме постановления на вид вынесено в отношении директора МРБ. Причина взыскания заключалась в халатном

отношении, выразившемся в отправлении в Угличский универмаг рыбы кеты в плохой таре¹⁷.

Другим примером нарушений была ситуация в Рыбинском универмаге. На одном из заседаний отмечалось, что неисправность трех настольных весов привела к обвешиванию покупателей и к отпуску товаров с превышением веса¹⁸.

Товары, реализуемые торговыми точками, поступали как от местной промышленности, так из других регионов СССР.

К местным поставщикам, обеспечивавшим товарами Рыбинский куст, относились Мышкинский маслопром, Рыбинская мельница № 5 (ржаная мука), Некоузский маслозавод, Рыбинский контора заготзерно (пшено и мука ржаная), Пошехонье-Володарский маслопром (сливочное масло), Ярославская табачная фабрика «Союз табак»¹⁹.

Среди поставщиков других регионов необходимо отметить прямые поставки как от регионов РСФСР, так УССР. В фондах ГАИО мы находим в качестве поставщиков Бурыйнский рафинадный завод УССР²⁰. Внутри РСФСР среди поставщиков из других регионов встречается Ленинградская обувная фабрика «Пролетарская победа»²¹.

Вопреки названию объединения, основными его покупателями в магазинах ИПО были не иностранцы, а советские граждане, которые приобретали в обмен на валютные ценности главным образом не антиквариат и предметы роскоши, а товары первой необходимости.

В тоже время возможность свободного приобретения товаров в Торгсине стала выходом для советских граждан, не попадавших под категорию обеспечивавшихся нормированным снабжением. Тем самым Торгсин выполнил важную социальную миссию, дав миллионам людей возможность выжить в голодные годы первых пятилеток [Твердюкова: 91–92].

Несмотря на статус периферийной территории, в Торгсинах ИПО и, в частности, торговой сети Рыбинской МРБ действовали все виды валютных операций, разрешенных на общесоюзном уровне. Региональная контора осуществляла скупку бытового золота и серебра, золотой и серебряной монеты, бриллиантов, а также прием иностранной валюты наличным способом и через заграничные переводы [Орешкин 2020: 84].

Какими же были результаты скупочной деятельности? Рассмотрим итоги этой работы подробнее.

В первый отчетный 1933 г. торговая сеть Рыбинской МРБ Торгсин в ИПО приобрела валютных ценностей на общую сумму 290 494,56 рублей (табл. 1).

Уточним, что итоговые цифры скупки по области имеют незначительное расхождение. Официальная сумма отличается от фактической суммы, получаемой при сложении доходов от различных валютных операций. Возможно, это ошибка, допущенная сотрудниками Торгсина, но мы будем придерживаться официальной суммы. Для сравнения отметим, что в целом за этот период торговая сеть ИВОК приобрела валютных ценностей на общую сумму 2 245 637,6 рублей [Орешкин 2020: 84].

Таким образом, мы видим, что вклад Рыбинской МРБ в скупку ценностей составляет 12,9 % от общего объема ценностей, полученных ИВОК за 1933 г. Среди других МРБ ниже показатели были только у Костромского головного универмага. Наибольшие успехи база продемонстрировала в приобретении изделий из золота, сумма составила 162 404,33 рублей – это больше половины всех доходов торговой сети МРБ.

В изучаемых документах мы не находим указаний на весовое значение полученного драгоценного металла. Однако мы можем произвести собственные примерные расчеты по золоту и серебру, чтобы представить ориентировочный порядок цифр. Так, самое дорогое золото (96-й пробы) стоило 1,29 рубля за 1 г²³. Если мы разделим сумму его скупки в 1933 г. на стоимость за грамм, то получим цифру 125,9 кг золота.

Серебро на апрель 1933 г. в зависимости от пробы оценивалось от 8 рублей (48-й пробы) до 14 рублей (84-й пробы) за кг²⁴. Таким образом, получается, что за первый год работы могло быть скуплено от 6 т 106 кг до 10 т 685 кг. Конечно, приводимые объемы скупки являются очень условными, их динамика зависела не только от разных проб скупаемых ценностей, но и от периодического повышения цен на них. Однако даже эти данные свидетельствуют о высоком потенциале периферийных территорий в деле накопления валютных ценностей. Внутри торговой сети Рыбинской МРБ универмаг в Рыбинске был лидером в деле накопления валютных ценностей. На универмаг приходилось 80,1 % от всей скупки внутри МРБ, что составляло 234 307,63 рублей. Однако в архивных документах представлены общие данные по Мышкину и Рыбинску. Высокими были показатели скупки у магазина в Угличе – 35 450,54 рублей. Для сравнения отметим, что диапазон привлеченных валютных ценностей по другим торговым точкам составлял от 4 127,18 и 10 025,50 рублей²⁵.

Наиболее скромными оказались доходы МРБ от поступления иностранной валюты. Переводы по-

Таблица 1
Выполнение валютного плана торговой сетью Рыбинской МРБ Торгсин за 1933 г. (в рублях)²²

Золото монета	Золото лом	Серебро монета	Серебро лом	Наличная инвалюта	Переводы из других стран	Итого:
25 597,00	162 404,33	10 844,42	85 485,41	2 890,89	2 546,00	289 768,05 (фактическая сумма) 290 494,56 (официальная сумма)

Таблица 2

Выполнение валютного плана торговой сетью Рыбинская МРБ Торгсин за 1934 г. (в рублях)

Рыбинская МРБ ²⁷							
Золото монета	Золото лом	Серебро монета	Серебро лом	Инвалюта	Переводы из других стран	Бриллианты	Итого
20 752,50	88 212,73	4 446,11	45 982,77	1 823,18	4 691,15	2 832,99	168 741,43 (фактический) 169 010,56 (официальный)

Таблица 3

Выполнение валютного плана магазином Торгсин в Угличе за 1934 г. (в рублях)

Магазин в Угличе ²⁸							
Золото монета	Золото лом	Серебро монета	Серебро лом	Инвалюта	Переводы из других стран	Бриллианты	Итого
5 925	19 311,63	2 151,66	8 896,56	311,10	365,06	26,61	36 987,62

ступали в Рыбинскую МРБ из более 10 стран. Наиболее активно валюту отправляли из США, Франции и Польши²⁶.

В следующем 1934 г. происходит значительное сокращение валютных поступлений (табл. 2).

Анализ данных таблицы показывает, что снижение показателей затронуло все виды валютных и скупочных операций. Тенденция была характерна в целом для ИВОК, и, как мы уже отмечали, это было связано с сокращением торговой сети. В этом году МРБ вышла на первое место по области, получив наибольший доход от скупочных операций. Он составил 169 010,56 рубля. При этом в целом по области было приобретено ценностей на сумму 1 047 209 рублей [Орешкин 2020: 85].

Вклад МРБ в общие показатели области вырос с 12,9 % до 16,3 %. По показателям привлечения ценностей база в 1934 г. вышла 3-е место, уступив только Ивановской и Ярославской МРБ. По-прежнему наибольший доход МРБ получала от скупки золота, он составил 88 212,73 рублей. По данному показателю база уступала только Ярославской МРБ. Результаты скупки серебра составили 45 982,77 рублей и, как в предыдущем году, были вторым по значению результатом. Мы проследим изменение динамики весовых значений скупки золота и серебра, используя цены 1933 г. Применяя данные расчеты, мы получили 68,4 кг золота, а показатели объемов серебра – от 7 т 11 кг до 12 т 270 кг. Таким образом, мы можем предположить, что общий объем ценностей, приобретенных скупочными пунктами, мог составлять применительно к золоту 386,1 кг, а применительно к серебру – варьироваться от 3 т 284 кг до 5 т 747 кг. Однако вновь отметим, что расчеты являются очень условными и могут выступать исключительно ориентиром.

В изучаемых нами архивных документах Ивановского областного архива мы не находим дополнительных сведений о результатах скупки по торговым точкам МРБ. Такие сведения представлены только по Угличу.

Пример торговой точки в Угличе показывает, что, несмотря на общее сокращение торговой сети,

а следовательно, и снижение показателей скупки в 1934 г., были магазины, где объемы полученных ценностей не только не снизились, а наоборот, имеется даже незначительный рост. Однако пример Углича скорее исключение. В тоже время потенциал магазина гарантировал его деятельность почти до конца 1935 г., и реорганизацию он пережил одним из последних.

К сожалению, в исследуемых нами документах мы не обнаруживаем данные по скупочным операциям за 1935 г. Это касается данных в целом по области. Вместе с тем анализ данных даже за 1933–1934 гг. показывает, что только за два года торговая сеть Рыбинской МРБ приобрела различных валютных ценностей на сумму, равную почти 500 000 рублей. Общая цифра составила 459 505,12 рублей. При этом ежегодно высоким оставался удел скупки изделий из золота и серебра, а также золотых монет.

Всего на уровне СССР за период деятельности Торгсина с 1931–1935 гг. у населения было скуплено валютных ценностей на сумму 287 млн рублей [Гладков 4: 313]. За 5 лет существования Торгсина розничная сеть охватывала 258 точек. В системе Торгсин работало около 20 тысяч человек, а в феврале 1936 г. было ликвидировано, исчерпав свои возможности [Касьяненко: 293].

Другая причина сворачивания торговли Торгсина заключается в стабилизации системы государственного снабжения населения продуктами питания. Это привело к снижению интереса со стороны советских граждан к товарам (прежде всего продовольственной группы) Торгсина [Косякова: 164].

Накопленные валютные ценности в дальнейшем не аккумулировались исключительно внутри региона и могли быть направлены на финансирование любого предприятия страны. Оценить потенциальный вклад валютных накоплений ИВОК Торгсин мы можем, сопоставив их с расходами на оснащение предприятий тяжелой промышленности внутри области в этот период.

Примером такого сопоставления в региональном масштабе являются данные по заводу «Автоприбор» в г. Владимире. В 1933 г. завод «Автоприбор»

был полностью укомплектован импортным оборудованием на 123 единицы стоимостью 272 692 рубля золотом [Призыв: 2]. Таким образом, объем валютных ценностей, накопленных торговой сетью Рыбинской МРБ Торгсин за 1933–1934-х гг., позволил бы почти полностью оснастить два таких завода тяжелой промышленности.

Для сравнения отметим, что в масштабе СССР данный показатель выглядит несколько скромнее. В частности, расходы на строительство гигантов социалистической промышленности составили: для Горьковского автозавода – 43,2 млн руб., Сталинградского тракторного завода (СТЗ) – 35 млн руб., Автозавода им. Сталина – 27,9 млн руб., Днепроостроя – 31 млн руб., Господшипника – 22,5 млн руб., Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) – 23 млн руб., Харьковского тракторного завода (ХТЗ) – 15,3 млн руб., Магнитогорского металлургического комбината – 44 млн руб., Кузнецкого металлургического комбината – 25,9 млн руб. и Уралмаша – 15 млн руб. [Осокина 2017: 212].

Однако сопоставляя затраты на ХТЗ и Уралмаш, мы видим, что только силами Рыбинской МРБ можно было обеспечить оснащение каждого из предприятий свыше 3 % от общей потребности. Цифра, конечно, скромная, но вновь уточним, что речь идет о крупнейших промышленных стройках того времени, а Рыбинская МРБ и ее головной универмаг являются лишь одним из подразделений ИВОК. Во-вторых, имеются в виду не советские деньги, а накопленные валютные ценности, которые направлялись на приобретение импортного оборудования.

Для сравнения отметим, что в целом областная контора за период с 1933 по 1935 г. получила не менее 3 859 046,6 рублей [Орешкин 2020а: 64]. Данный показатель позволяет говорить, что силами ИВОК потенциально возможно было обеспечить Харьковский тракторный завод на сумму свыше 25 % от общего объема затрат на его строительство и оснащение. А самая дорогостоящая стройка – Магнитогорский металлургический комбинат – мог быть профинансирован Ивановской конторой на 8,7 % от общих расходов, выделенных на данный проект.

Опыт работы Рыбинской МРБ и ИВОК в целом позволяет нам рассматривать Торгсин как эффективный дополнительный источник привлечения валютных ценностей в СССР, необходимых для финансирования индустриализации как на общесоюзном, так и региональном уровнях.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 3. Л. 157.
- ² ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 4. Л. 1
- ³ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 4. Л. 1
- ⁴ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об.
- ⁵ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 17. Л. 30.

- ⁶ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 17. Л. 32.
- ⁷ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 3. Л. 96.
- ⁸ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 3. Л. 110.
- ⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4433. Оп. 1. Д. 97. Л. 9.
- ¹⁰ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 80. Л. 193.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 103. Л. 12.
- ¹² Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 17. Л. 176.
- ¹³ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 103. Л. 117.
- ¹⁴ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 3. Л. 16.
- ¹⁵ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.
- ¹⁶ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 13. Л. 266.
- ¹⁷ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 17. Л. 40.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 17. Л. 38.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 67, 68, 70 об., 71 об.
- ²⁰ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 76–77.
- ²¹ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 75.
- ²² ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 26.
- ²³ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 576. Л. 234.
- ²⁴ ГАВО. Ф. Р-1950. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
- ²⁵ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 59.
- ²⁶ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 18. Л. 44.
- ²⁷ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 92. Л. 396 об.
- ²⁸ ГАИО. Ф. Р-1485. Оп. 2. Д. 92. Л. 98.

Список литературы

- Алексеев О.Г.* Торговля и снабжение населения в городах Восточной Сибири в период карточной системы (1928–1935 г.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. 236 с.
- Грошкова Н.А.* Социальное распределение и элементы рынка в государственной экономике, 1931–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. 157 с.
- Завод «Автоприбор» // Призыв: газета. 1933. № 28. С. 2.
- Внешняя торговля СССР 1918–1966: статистический сборник / ПЭУ МВТ СССР / ред. В.С. Зинченко. М.: Международные отношения, 1967. 242 с.
- Косякова Е.И.* Городская повседневность Ново-николаевска – Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г. Новосибирск, 2006. 266 с.
- История социалистической экономики: в 7 т. / под ред. И.А. Гладкова. М.: Наука, 1978. 520 с.
- Касьяненко В.И.* Завоевание экономической независимости СССР, 1917–1940. М., 1972. 335 с.
- Машков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации, 1929–1932 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 230 с.
- Околотин В.С.* ИПО (1929–1936 гг.): Уроки экономической истории. Иваново: ИГТА, 2009. 528 с.
- Орельчиков А.Ю.* Индустриализация в СССР (20–30-е годы XX в.): учебное пособие. М.: МИИТ, 2006. 21 с.
- Орешкин О.Ю.* Некоторые особенности деятельности Ярославской межрайонной базы Всесоюзного объединения по Торговле с иностранцами

в СССР (Торгсин) в 1933–1935 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 3. С. 81–86.

Орешкин О.Ю. Дополнительные источники финансирования индустриализации СССР (на примере деятельности Торгсина в Ивановской промышленной области в 1933–1935 годы) // Преподавание истории в школе. 2020а. № 7. С. 62–65.

Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.

Осокина Е.А. Торгсин в советской экономической системе 1930-х годов // Труды Института российской истории / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М., 2013. Вып. 11. С. 206–226.

Осокина Е.А. Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина // Royalib.com: электронная библиотека. URL: https://royallib.com/read/osokina_elena/alhimiya_sovetskoy_industrializatsii_vremya_torgsina.html#20480 (дата обращения: 05.06.2020).

Справочник по административно-территориальному делению Ярославской области, 1917–1967 (уезды, волости, районы, сельские Советы, города, рабочие поселки) / под ред. А.Н. Иванова. Ярославль, 1972. 223 с.

Твердюкова Е.Д. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920-х – середина 1950 гг.): дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2011. 486 с.

References

Alekseev O.G. *Torgovlia i snabzhenie naseleniia v gorodakh Vostochnoi Sibiri v period kartochnoi sistemy (1928–1935)*: dis. ... kand. ist. nauk [Trade and supply of the population in the cities of Eastern Siberia during the card system, 1928–1935]. Krasnoiar'sk, 2007, 236 p. (In Russ.)

Groshkova N.A. *Sotsial'noe raspredelenie i elementy rynka v gosudarstvennoi ekonomike, 1931–1935*: dis. ... kand. ist. nauk [Social distribution and market elements in the state economy, 1931–1935]. Kursk, 2000, 157 p. (In Russ.)

Zavod Avtopribor [Plant Avtopribor]. *Gazeta Prizyv* [Newspaper Call], 1933, № 28, p. 2. (In Russ.)

Istoriia sotsialisticheskoi ekonomiki: v 7 t. [History of socialist economics: in 7 vols.], ed. by I.A. Gladkova. Moscow, Nauka Publ., 1978, 520 p. (In Russ.)

Vneshnyaya trgovlya SSSR 1918–1966. Statisticheskij sbornik [Foreign trade of the USSR 1918–1966. Statistical collection], ed. by V.S. Zinchenko. PEU MVT SSSR. Red. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1967, 242 p. (In Russ.)

Kasyanenko V.I. *Zavoevanie ekonomicheskoi nezavisimosti SSSR, 1917–1940* [The conquest of economic independence of the USSR, 1917–1940]. Moscow, Politizdat Publ., 1972, 335 p. (In Russ.)

Mashkov YU.A. *Zernovaya problema v gody sploshnoj kollektivizatsii. 1929–1932 gg.* [The grain

problem in the years of complete collectivization, 1929–1932]. Moscow, Mosk. Un-t Publ., 1966, 230 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskia promushlennaia oblast' (1929–1936). Yroki ekonomicheskoi istorii* [Ivanovo Industrial Region (1929–1936). Lessons of Economic History]. Ivanovo, ISTA Publ., 2009, 528 p. (In Russ.)

Orel'chikov A.YU. *Industrializatsiya v SSSR (20–30-e gody XX v.): uchebnoe posobie* [Industrialization in the USSR (20–30s of the XX century)]. Moscow, MIIT Publ., 2006, 21 p. (In Russ.)

Oreshkin O.YU. *Nekotorye osobennosti deyatel'nosti YAroslavskoj mezhraionoj bazy Vsesoyuznogo ob"edineniya po Torgovle s inostrancami v SSSR (Torgsin) v 1933–1935 gg.* [Some features of the activity of the Yaroslavl interdistrict base of the All-Union Association for Trade with Foreigners in the USSR (Torgsin) in 1933–1935]. *Vestnik kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, № 3, pp. 81–86. (In Russ.)

Oreshkin O.YU. *Dopolnitel'nye istochniki finansirovaniya industrializatsii CCCR (na primere deyatel'nosti Torgsina v Ivanovskoj promyshlennoj oblasti v 1933–1935 gody)* [Additional sources of financing for the industrialization of the USSR (on the example of Torgsin's activities in the Ivanovo industrial region in 1933–1935)]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching history at school], 2020а, № 7, pp. 62–65. (In Russ.)

Osokina E.A. *Zoloto dlya industrializatsii: Torgsin* [Gold for industrialization: Torgsin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 592 p. (In Russ.)

Osokina E.A. *Torgsin v sovetskoj ekonomicheskoy sisteme 1930-h godov* [Torgsin in the Soviet economic system of the 1930s]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Rossijskaya akademiya nauk, Institut rossijskoj istorii; отв. ред. YU.A. Petrov, red.-koord. E.N. Rudaya. Moscow, Publ., 2013, vol. 11, pp. 206–226. (In Russ.)

Osokina E.A. *Alkhimiia sovetskoi industrializatsii. Vremia Torgsina* [Alchemy of Soviet industrialization. Torgsin's time]. *Royalib.com: elektronnaia biblioteka* [Royalib.com: Digital library]. URL: https://royallib.com/read/osokina_elena/alhimiya_sovetskoy_industrializatsii_vremya_torgsina.html#20480 (дата обращения: 05.06.2020). (In Russ.)

Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniiu Iaroslavskoi oblasti 1917–1967 (uezdy, volosti, raiony, sel'skie Sovety, goroda, rabochie poselki) [Handbook on the administrative-territorial division of the Yaroslavl region 1917–1967 (counties, volosts, districts, rural Soviets, cities, working villages)], ed. by A.N. Ivanova. Iaroslavl Publ., 1972, 223 p. (In Russ.)

Tverdyukova E.D. *Vnutrenniaia trgovlia i ee gosudarstvennoe regulirovanie v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950)*: dis. ... dokt. ist. nauk [Internal trade and its state regulation in the USSR (late 1920s - mid- 1950)]. Sankt-Peterburg, 2011, 486 p. (In Russ.)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА
В БМАССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Статья подготовлена в рамках государственного задания
(проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая:
история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9)

Цель исследования – выявить особенности функционирования общества Российского Красного Креста на территории Бурят-Монгольской АССР в 1941–1945 гг. В статье автором раскрыты основные направления деятельности регионального общества Красного Креста, которые включали в себя подготовку кадров санитарной работы (медицинских сестер, санитарок, дружинниц); помощь в развертывании и дальнейшей работе эвакуогоспиталей; участие в организации военно-санитарных поездов и уходе за ранеными; заготовку донорской крови; обучение населения оказанию первой медицинской помощи; содействие органам здравоохранения в проведении просветительской и воспитательной работы по санитарной обороне. Кроме этого, проанализированы различные формы активности самого населения в получении медицинских навыков, особенно молодежи республики. Научная новизна заключается в том, что в оборот вводится ряд неопубликованных ранее источников, собранных непосредственно для данного исследования. Это позволило выделить некоторые детали, которые ранее не смогли найти отражение в других работах. В результате исследования определено, что деятельность регионального общества придерживалась основных направлений работы Российского общества Красного Креста и, несмотря на возникавшие трудности, была достаточно эффективной в условиях сложного военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красный Крест, РОКК, медико-санитарная подготовка, санитарные дружины, медицинские сестры, эвакуогоспитали

Информация об авторе: Соболева Анастасия Николаевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9861-1162>, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

E-mail: soboleva03_88@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.10.2020

Для цитирования: Соболева А.Н. Деятельность Российского общества Красного Креста в БМАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 40-43. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-40-43>

Anastasiya N. Soboleva

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

**ACTIVITIES OF THE RUSSIAN RED CROSS SOCIETY
IN BURYAT-MONGOL AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC
IN THE YEARS OF THE AXIS AGGRESSION**

*The research was carried out within the state assignment of FASO Russia
(project XII.191.1.1. “The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China:
history, culture, contemporary society”, № АААА-А17-117021310269-9)*

The purpose of the study is to identify the features of the functioning of the Russian Red Cross society on the territory of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1945. In the article, the author reveals the main areas of activity of the regional Red Cross society, which included training of personnel for sanitary work (nurses, orderlies, squads); assistance in the deployment and further operation of evacuation hospitals; participation in the organisation of military medical trains and care for the wounded; preparation of donor blood; training the population to provide first aid; assistance to health authorities in carrying out educational and educational work on sanitary defence. In addition, various forms of activity of the population itself in obtaining medical skills, especially the youth of the republic, have been analysed. The scientific novelty lies in the fact that a number of previously unpublished sources are put into circulation, collected directly for this study. This made it possible to highlight some details that previously could not be reflected in other works. As a result of the study, it was determined that the activities of the regional society adhered to the main directions of the work of the Russian Red Cross Society and, despite the difficulties that arose, was quite effective in a difficult wartime.

Keywords: World War II (East Front), Red Cross, Russian Red Cross society, medical and sanitary training, sanitary squads, nurses, evacuation hospitals

Information about the author: Anastasiya N. Soboleva, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9861-1162>, Candidate of Historical Sciences, Researcher at Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the City of Ulan-Ude, Buryatia autonomy, Russia

E-mail: soboleva03_88@mail.ru

Article received: October 30, 2020

For citation: Soboleva A.N. Activities of the Russian Red Cross society in Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in the years of the Axis aggression. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 40-43 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-40-43>

Одним из ключевых событий XX в. является Великая Отечественная война, для победы в которой советское государство использовало всевозможные ресурсы, в частности опиралось на ряд общественных оборонно-массовых организаций, где особое место занимало Российское общество Красного Креста (РОКК), основанное еще в 1867 г. в соответствии с принципами Женевской конвенции.

Очевидным обоснованием актуальности выбранной темы является то, что ее изучение с учетом региональных особенностей и специфики позволит внести важный вклад в создание более целостной картины военного времени 1941–1945 гг.

Для достижения указанной цели определены следующие задачи: опираясь на ряд впервые вводимых в научный оборот архивных документов, раскрыть основные направления деятельности регионального отделения общества Красного Креста; проанализировать различные формы активности населения республики в получении медицинских навыков и включения в работу ячеек РОКК; оценить эффективность функционирования ячеек Красного Креста на территории Бурят-Монгольской АССР в сложных условиях военного времени.

В работе использованы принцип историзма и научной объективности, хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный и ретроспективный методы.

Теоретическую базу исследования составили документальные источники по данной научной проблеме, в первую очередь – архивные материалы из фондов Государственного архива Республики Бурятия, а также другие источники, в которых содержатся ценные фрагменты воспоминаний очевидцев тех лет, что позволяет наиболее полно раскрыть проблемы их повседневности в тяжелое военное время.

Верхнеудинское отделение Российского общества Красного Креста было создано 12 мая 1894 г. по приказу военного губернатора Забайкальской области. В 1904 г. в г. Верхнеудинске начал работу «Лазарет Ее Императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны», который врач М.В. Танский в своем автобиографическом очерке называл «Лазаретом местного Красного Креста»¹. Важно отметить, что до прихода к власти большевиков членами Российского общества Красного Креста были высокопоставленные лица, представители аристократии и высшего духовенства. Не был исключением и Верхнеудинский комитет РОКК. После Октябрьской революции 1917 г. Общество превратилось в оборонно-массовую организацию, на которую была возложена задача поддержки мобилизационной готовности населения в случае нападения врага.

Особенно значимой деятельностью Красного Креста стала к середине 1930-х гг., когда началось обострение международной политической обстановки. Активистами Общества развернулась широкая пропаганда санитарно-оборонных знаний среди населения: организовывались санкультапоходы, массовые рейды, санкультэстафеты, месячники, штурмы, санитарно-культурные займы. На предприятиях, заводах, колхозах вели работу кружки санитарных знаний и санитарные посты. Как и по всей стране, с 1934 г. в Бурят-Монгольской АССР началось подготовка взрослого и детского населения к сдаче комплекса на получение значков «Готов к санитарной обороне» (ГСО) и «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО). Комплекс включал в себя следующие нормативы: санитарную грамоту, военно-санитарный норматив, норматив по физкультуре и гигиене.

Отовсюду звучали лозунги – «Вступайте в Общество Красного Креста», «Будьте готовы к санитарной обороне», «Готовясь к обороне, учитесь в кружках Красного Креста помогать раненым и больным», «Спасти жизнь бойца – долг патриотки». По местным радиоканалам проводились передачи на темы: «Значение санитарной работы в мирное и военное время», «Роль женщины в санитарной обороне страны», «Задачи общества в подготовке массовых кадров медсестер» и др. Печать, радио, доклады, устные беседы – все это использовалось для трансляции необходимой информации жителям республики.

К началу 1940-х гг. Общество Красного Креста усилило агитационно-просветительскую работу и развернуло свою деятельность в новых направлениях, призванных помочь Красной Армии приблизить победу.

По инициативе местных комитетов РОКК открываются курсы и курсы красных сестер и медицинских сестер запаса. Так, например, в августе 1941 г. в г. Улан-Удэ на таких курсах было подготовлено 420 чел.², все они были приняты на военный учет. «Перед нами не стояло другого выбора, нам нужно было защищать Родину. Как только был объявлен набор на курсы медсестер, многие девушки разных возрастов не раздумывая туда пошли. Мы изучали основы оказания первой медицинской помощи и были готовы в любой момент ее оказать. Дисциплина на курсах была высокой, а посещаемость почти стопроцентной, притом что многие приходили сразу после трудовой смены», – вспоминает ветеран Великой Отечественной войны А.Е. Изгородина [Женщины Бурятии: 237].

Несмотря на возникавшие многочисленные трудности, включая недостаток профессиональных кадров, литературы, наглядных пособий, отдель-

ных помещений для занятий, активисты общества Красного Креста старались помогать санитарным учреждениям, поэтому договаривались с медицинскими учреждениями о выделении кабинетов для занятий и прохождения практики, рисовали стенгазеты, выпускали листовки и участвовали в подготовке серийных изданий, например таких, как «Библиотечка раненого бойца», «Библиотечка санитаров» и др.

Большинство обучающихся на курсах девушек и женщин высказывали желание отправиться в действующую армию. «Все мы тогда, молодые девчонки, просились на фронт. Военкоматы, райкомы, горкомы были забиты молодежью» [Глазкова: 6], – вспоминает инструктор райкома Красного Креста, ветеран Великой Отечественной войны Н.И. Глазкова.

Важной задачей общества Красного Креста страны в целом и в Бурят-Монгольской АССР в частности являлась подготовка санитарных дружин. Так, по данным на 25 августа 1941 г., число сандружинниц в г. Улан-Удэ достигло 920 чел³. Их задачей было поддерживать санитарное благополучие, оказывать первую доврачебную помощь и осуществлять дальнейшую транспортировку раненых в эвакогоспитали республики, над которыми, как правило, они должны были взять шефство.

В августе 1941 г. в г. Улан-Удэ стали открываться первые эвакогоспитали, в которые в кратчайшие сроки были перепрофилированы различные учреждения республики. Так, например, в школе № 1 открылся госпиталь, специализировавшийся на лечении ранений и ожогов, а в школе № 42 – нейрохирургического профиля. В октябре того же года эвакогоспитали заработали в школах № 3 и № 4. В январе 1942 г. госпитали были развернуты в школе № 29 и общежитии педагогического института. В январе 1943 г. школа № 20 была переориентирована под госпиталь для лечения инфекционных заболеваний. К 1945 г. в г. Улан-Удэ было организовано 14 эвакогоспиталей. Кроме того, они также были созданы в Кяхте, Бабушкине, Танхое, Заиграево, Кабанске, Каменске и других поселениях республики.

Члены общества Красного Креста принимали непосредственное участие в развертывании и деятельности госпиталей: мыли полы, доставляли мебель, расставляли кровати, набивали матрацы, шили постельное белье, регистрировали поступивших раненых, проводили санитарную обработку, кормили тяжелых больных, устраивали ночные дежурства, занимались заготовкой бинтов, перевязками, помогали хозяйственному персоналу на кухне и в столовой. Медсестра военных лет, ветеран Великой Отечественной войны К.Я. Андреева, вспоминает: «Чтобы оснастить госпитали самым необходимым, люди несли из дома все, что могли: шторы, патефоны, мебель, книги. Все, что могло пригодиться,

скрасить досуг, обустроить быт. Каждый был готов ко всему, к любой работе от мытья полов до перевязки раненых» [Женщины Бурятии: 121].

Помимо шефства над эвакогоспиталями актив общества Красного Креста совместно с органами социальной опеки оказывал разностороннюю помощь многодетным семьями, детям-сиротам и инвалидам войны: собирал деньги на улучшение жилищно-материальных условий, отшивал комплекты одежды, доставлял продуктовую помощь остро нуждающимся, оказывал содействие в трудоустройстве, помогал определять детей в детские сады и ясли. Иногда помощь носила и чисто бытовой характер, например, принималось участие в уборке и ремонте домов, заготовке дров, обработке огородов, уходе за скотиной.

В начале 1942 г. обученные санитарные дружинницы и медсестры из общества Красного Креста приняли участие в работе военно-санитарного поезда № 281, основная задача которого заключалась в перевозке раненых из Сталинграда, Смоленска, Польши, Румынии, Киева. За годы войны поезд вывез с фронта более 32 тыс. раненых бойцов [Балданов: 134]. Санитарная дружинница поезда, ветеран Великой Отечественной войны А.И. Ковалева, в своих воспоминаниях делилась: «Нам было по 16–18 лет, но страха за себя у нас не было, был только страх за спасение раненых. На каждый вагон приходилось по две сандружинницы, которые должны были перенести на себе 50–60 раненых. Нам дали приказ – не допускать смертности в пути следования. Мы отвечали за каждого раненого бойца, поэтому у нас не было ни одного случая смертности в эшелоне, мы всех довозили до госпиталей» [Ковалева: 247].

Также в Улан-Удэ было сформировано два пассажирских санитарных поезда № 676 и № 677, переоборудованных работниками паровозогорномремонтного завода под раненых с носилками в два яруса. В их работе также принимали участие сандружинницы Красного Креста. «Над поездами развевались флаги с красным крестом, но их также бомбили, хотя это запрещено международной конвенцией. Немцы бомбили вокзалы, оперативные пункты, стратегически важные объекты, но мы все равно ездили, нам хотелось участвовать в защите своей Родины» [Глазкова: 6], – делится воспоминаниями инструктор райкома Красного Креста, ветеран Великой Отечественной войны Н.И. Глазкова.

Важным аспектом и неотъемлемой частью деятельности Красного Креста являлось донорское движение. Активисты РОКК повсеместно пытались объяснить значение донорства и важность переливания крови для спасения жизни людей в тяжелое военное время. Для этого они выступали с докладами на предприятиях и заводах страны, ездили в колхозы, совершали подворные обходы, участвовали в радиосводках, организовывали

встречи выздоровевших бойцов с потенциальными донорами.

В г. Улан-Удэ станция по переливанию крови была создана еще в 1939 г. по приказу Совета народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР. Она состояла из следующих отделов: клинической лаборатории, лаборатории заготовки крови и лаборатории стандартных сывороток. С первых дней войны станция переливания крови была переведена на особый режим работы. Заготовка крови стала проводиться ежедневно. Появилась консервированная кровь, которая выдавалась круглосуточно в эвакуогоспитали и лечебные учреждения. В 1943 г. было заготовлено 374,9 литра крови. В 1944 г. в республике проведено 1 100 переливаний крови.

Актив общества Красного Креста совместно со здравоохранением республики постоянно находились в поиске новых форм для включения широких слоев населения в оборонно-санитарную работу. В конце 1944 г. для обеспечения медицинской помощи на селе был поставлен вопрос об организации курсов колхозных сандружинниц и медсестер. В начале 1945 г. ячейками РОКК в Кабанском районе были организованы такие курсы, куда пришли обучаться 26 девушек⁴, которые после окончания обучения подключились к работе сельских медицинских пунктов.

Большое внимание в военные годы уделялось профилактике инфекционных заболеваний, росту которых способствовала миграция населения в сочетании с острой нехваткой жилья, резкой перенаселенностью, голодом и общим ухудшением условий жизни. Поэтому одной из главных задач медицинских работников и членов общества Красного Креста в этот период было поддержание санитарно-эпидемического благополучия страны и недопущение возникновения вспышек инфекционных заболеваний в тылу и на фронте.

Активистами РОКК повсеместно устраивались санитарные посты, следившие за состоянием мест общественного пользования; на заводах, предприятиях, колхозах, в библиотеках, школах и профучилищах делались доклады о различных эпидемических заболеваниях; распространялись листовки и памятки по личной гигиене; устраивались уголки здоровья; оказывалась медицинская помощь; ставились прививки; велась санобработка. Подобная работа осуществлялась по всей стране, не была исключением и Бурят-Монгольская АССР.

Таким образом, деятельность Российского общества Красного Креста на территории Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны активно велась и также, как и по всей

стране, сосредоточилась на ряде особо важных направлений: подготовке кадров санитарной работы (медицинских сестер, санитарок, дружинниц); участии в организации военно-санитарных поездов и уходе за ранеными; заготовке донорской крови; обучению населения оказанию первой медицинской помощи; содействию органам здравоохранения в проведении просветительской и воспитательной работы по санитарной обороне. Несмотря на возникавшие трудности, работа регионального отделения РОКК доказала свою эффективность в условиях сложного военного времени и внесла большой вклад в общее дело победы.

Примечания

¹ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1778. Оп. 1. Д. 31.

² ГАРБ. Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 349.

³ ГАРБ. Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 1.

⁴ ГАРБ. Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 2.

Список литературы

Балданов В.П. 80 лет с народом и для народа // 80 лет на страже здоровья: сб. ст. Улан-Удэ, 2003. Ч. 1. С. 134–136.

Глазкова Н. Мы все хотели защитить Родину // Улан-Удэ. 2015. 31 июля. № 22.

Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и воспоминания. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 320 с.

Ковалева А.И. Я сандружинница войны // Советский район: годы и люди. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2003. С. 247–248.

References

Baldanov V.P. *80 let s narodom i dlia naroda* [80 years with the people and for the people]. *80 let na strazhe zdorov'ia: sb. st.* [80 years on the guard of health: collection of articles]. Ulan-Ude Publ., 2003, ch. 1, pp. 134–136. (In Russ.)

Glazkova N. *My vse khoteli zashchitit' Rodinu* [We all wanted to protect our Homeland]. Ulan-Ude, 2015, July 31, № 22. (In Russ.)

Zhenshchiny Buriatii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: Dokumenty i vospominaniia [Women of Buryatia during the great Patriotic war 1941–1945: documents and memories]. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2005, 320 p. (In Russ.)

Kovaleva A.I. *Ia sandrzhinnitsa voiny* [I'm a health worker]. *Sovetskii raion: gody i liudi* [Sovetsky district: years and people]. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2003, 247–248 pp. (In Russ.)

Балахонова Мария Андреевна
Ивановский государственный университет
Околотин Владимир Сергеевич
Ивановский государственный университет

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война оказала своё влияние на деятельность высших учебных заведений города Иванова и области. Произошли значительные изменения в организации учебного процесса, содержании учебных планов, успеваемости, численности преподавателей и студентов, бытовых условиях. Органы власти приняли ряд организационных мер для обеспечения работы вузов в условиях военного времени. В данной статье рассмотрена деятельность одного из ведущих вузов Ивановской области – Ивановского государственного педагогического института – в 1941–1945 гг. Отдельное внимание уделено организации учебного процесса на факультетах, изменениям в образовательных программах, успеваемости, численности преподавателей и студентов, условиям труда и отдыха. Кроме этого, в статье исследуются административные действия руководства области по обеспечению пединститута топливом, а его преподавателей и студентов – продуктами питания, отражена результативность принятых мер. Условия, в которых вуз осуществлял свою деятельность, позволяют нам сделать вывод о том, что хотя он был не самым крупным и не самым престижным, но сумел «выжить» в эти тяжёлые годы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «военный быт», воспоминания, Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ), Ивановский государственный педагогический институт (ИГПИ), постановления, профессорско-преподавательский состав, учебный план

Информация об авторах: Балахонова Мария Андреевна, аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: mary.1995@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Дата поступления статьи: 07.11.2020

Для цитирования: Балахонова М.А., Околотин В.С. Ивановский государственный педагогический институт в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 44-49. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-44-49>

Mariya A. Balakhonova
Ivanovo State University
Vladimir S. Okolotin
Ivanovo State University

IVANOV STATE PEDAGOGIC INSTITUTE DURING THE NAZIS AGGRESSION

The events of the East Front of World War II had an impact on the activities of the higher educational institutions in the City of Ivanovo and Ivanovo Region. There had been significant changes in the organisation of the educational process, the content of the curricula, the academic performance, the number of the teachers and the students, and the living conditions. The Soviet authorities took a number of the organisational measures to ensure the work of higher education institutions in the wartime conditions. This article examines the activities of one of the leading higher education institutions in Ivanovo Region – Ivanovo State Pedagogic Institute – in 1941–1945. Special attention is paid to the organisation of the educational process at the faculties, the changes in the educational programmes, the academic performance, the number of the teachers and the students, the working and leisure conditions. In addition, the article examines the administrative actions of the regional leadership to provide the pedagogic institute with fuel and its teachers and students, with food; we reflect the effectiveness of the measures taken. The result of this study was the conclusion about the essence of the «survival» of the institute in a military environment, the adaptation of the educational process to the emerging problems, the contribution of teachers and students to the country's defence and the work of the rear. The conditions in which the institute carried out its activities allow us to conclude that although it was not the largest and not the greatest prestigious, the establishment had managed to «survive» in those difficult years.

Keywords: World War II (East Front), “military life”, memories, All-Union Committee for Higher Education, Ivanovo State Pedagogic Institute (ISPI), resolutions, faculty, curriculum.

Information about the author: Maria A. Balakhonova, postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
E-mail: mary.1995@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>, Doctor of Historical Science, Associate Professor of the department of Russian history, Ivanovo State University, Russia

E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Article received: November 7, 2020

For citation: Balakhonova M.A., Okolotin V.S. Ivanovo State Pedagogic Institute during the Nazis aggression. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 44-49 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-44-49>

Деятельность учебных заведений региона в 1941–1942 гг. была осложнена многими обстоятельствами: прежде всего, изъятием части учебных корпусов под нужды госпиталей, а также мобилизацией значительной части преподавателей и студентов в действующую армию.

Ивановский государственный педагогический институт был создан 21 декабря 1918 г. как Иваново-Вознесенский институт народного образования. 12 июля 1923 г. он был преобразован в педагогический техникум. 23 августа 1932 г. вновь был воссоздан педагогический институт.

В июне 1941 г. работа в вузе шла своим чередом: одни студенты сдавали сессию, а те, кто уже получили диплом, готовились к преподаванию в школах. Однако с началом войны все изменилось. 23 июня 1941 г. был обнародован указ Президиума Верховного Совета, предусматривавший мобилизацию граждан 1905–1918 гг. рождения по 14 военным округам. Своим действием он охватывал и территорию Ивановской области, входившую в состав Московского военного округа [Околотин 2016: 16]. Контингент профессорско-преподавательского состава и студенчества в связи с мобилизацией в Красную армию значительно уменьшился, что можно доказать конкретными цифрами. Если в начале 1941/42 уч. г. в вузе числилось 1 107 студентов, то к декабрю 1941 г. – только 743, а к концу учебного года – 672. Согласно приказу пединститута № 108 от 14 июля 1941 г. выбыли по мобилизации в Красную армию декан физмата Ю.П. Алексеев, помощник декана исторического факультета И.П. Афанасьев, помощник директора по заочному обучению Н.Г. Пресняков¹. Что касается преподавателей, часть выбывших в армию удалось заменить, но студенческих групп стало на 8 меньше².

Был изменён и порядок организации учебных занятий. На основании приказа Народного комиссариата просвещения РСФСР № 205/5.31 от 13 июля 1941 г. институту надлежало провести занятия в период с 1 августа до 27 сентября включительно; время с 29 сентября по 16 октября включительно отвести на проведение экзаменов и педагогической практики; в период с 17 по 31 октября включительно провести государственные экзамены, что было вызвано необходимостью досрочного выпуска студентов³. Так, в 1941 г. институт единственный раз в своей истории сделал сразу два выпуска: плановый – летом 1941 г. и внеплановый – в конце того же года; студенты этого выпуска вместо положенных четырёх лет прouchились всего три.

Для того чтобы привлечь в вуз абитуриентов, был введён льготный порядок поступления. Приказом Всесоюзного комитета по делам высшей шко-

лы № Д-09-4/мп от 6 августа 1941 г. было решено освободить от приёмных испытаний и принять по аттестатам выпускников средней школы, закончивших их на «хорошо» и «отлично»⁴. Негативным последствием данного явления для ИГПИ было то, что при таких «льготных» условиях на студенческую скамью попадало много людей, которые в дальнейшем не справлялись с вузовской программой и вынуждены были покидать стены института.

На основании приказа ВКВШ № Д-09-38 от 1 июля 1941 г. и приказа Наркомпроса РСФСР № Н-365 от 21 октября 1942 г. в связи с военным положением в пединституте была организована военная подготовка преподавателей и студентов в объёме 200 часов. Весь профессорско-преподавательский состав и студенты были обучены применению личных средств противохимической защиты, навыкам участия в местной противовоздушной обороне, борьбы с пожарами и зажигательными авиабомбами, оказанию первой помощи при ранениях и ожогах⁵. Для девушек были организованы курсы медицинских сестёр запаса⁶. В расписании вуза появились совершенно новые, не характерные для обычного расписания военные дисциплины, которые требовали не только моральной, но и физической готовности.

В первые месяцы войны в Иваново и область стали поступать раненые. Большая часть студентов после учёбы отправлялись работать в госпитали медицинскими сёстрами и санитарками. Так, С.Ю. Сляднёва, выпускница ИГПИ 1941 г., вспоминала: «Я стала медицинской сестрой эвакогоспиталю № 1388. Бывшие классные комнаты, длинные коридоры и даже зал переполнены ранеными. Работали по 12–14 часов, домой шли только спать. Трудно было физически, но ещё труднее было порой чувствовать своё бессилие и невозможность помочь раненым бойцам. И врачи, и сёстры, и санитарки делали всё что можно. Всегда нужно было внимание, слово надежды, тёплое прикосновение руки. Это нужно было и бойцам, и нам, потому что, когда при твоём появлении в палате раненые улыбаются, тебе становится легче и радостнее. Чувствовать себя нужной – это очень важно» [Сляднёва: 190].

В 1941/42 и 1942/42 уч. гг. институт располагал весьма скромными по своей площади учебными помещениями и студенческим общежитием. До войны пединститут имел три учебных здания. С осени 1941 г. в распоряжении института осталось только одно здание площадью в 730,25 кв. м на ул. Нижегородской (современный проспект Ленина). Два учебных корпуса и общежитие были отданы под госпитали. Таким образом, учиться было практически негде, и на несколько месяцев учебный процесс практически «замер».

Недостаток помещения заставил перейти институт на 3 смены с 7.00 до 22.20 с занятиями по 45 минут и 5-минутными перерывами между занятиями и 30-минутными – между сменами. Перерыв в занятиях и другие подобные неудобства порождали отсев студенчества. Из 1 107 студентов в начале учебного года к декабрю осталось 734 обучающихся, а к концу учебного года – 672 человека⁷. Сейчас двусменные занятия в вузе считаются чем-то «ненормальным», а в годы войны студенты учились в целых три смены.

Из-за недостатка помещений и постоянных мобилизаций число учебных часов было сокращено. Лекции сохранялись почти все, а вот практических занятий стало гораздо меньше. В эти годы, естественно, изменились учебные планы и программы. На каждом факультете прослеживалось влияние военного времени.

На литературном факультете намеченный учебный план и программы по отдельным дисциплинам были полностью выполнены. В курсах русской литературы, начиная с фольклора и до советской литературы, стержневой идеей выступал русский патриотизм. В курсе западной литературы новейшего времени проводилась чёткая грань между фашизмом и антифашизмом. Особое внимание уделялось военным темам, например такой, как «6-я годовщина со дня смерти борцов против фашизма»⁸.

На факультете иностранного языка учебный план и программы были выполнены полностью. В учебно-производственной работе все преподаватели использовали военную тематику, проработали на 3-м курсе «военный разговорник». Студенты готовили доклады на изучаемом языке преимущественно на военные темы не реже 1 раза в неделю, а в некоторых группах даже ежедневно⁹.

На физико-математическом факультете учебный план был выполнен, кроме курса «Методика преподавания математики». В курс астрономии были введены элементы аэронавигации, изучение задач на определение географических координат, в курс проективной геометрии – теория аэрофотосъёмки, в курс дифференциальных уравнений – задача о траектории снаряда¹⁰.

На историческом факультете учебные планы и программы по абсолютному большинству дисциплин были выполнены полностью. Преподаватели как на лекциях, так и на практических занятиях старались насыщать преподавание материалов в соответствии с условиями войны. Так, например, на спецсеминарах по истории СССР была освещена тема «Ивановцы на фронтах Великой Отечественной войны». В лекциях особое внимание было уделено борьбе русского народа с иноземными захватчиками¹¹. Таким образом, каждый факультет узнал, что означает учёба в военные годы: новые дисциплины, обстановка «военной готовности».

Что касается научно-исследовательской работы, приказом Наркомпроса РСФСР № 205 от 3 сентября 1941 г. и № 5-к от 13 января 1942 г. было решено пересмотреть тематику научных работ кафедр, сосредоточив кадры научных работников и средства на темах, имевших важное значение в период войны¹². Следует отметить, что, несмотря на тяжёлые годы войны, наука не прекращала своего существования. По плану научно-исследовательской работы на 1942 г. намечалось окончание 12 кандидатских и 2 докторских диссертаций.

Если говорить об успеваемости, то по итогам 1941/42 уч. г. отличные отметки получили 30 % студентов, хорошие – 32 %, посредственные – 33 %. Такая статистика говорит о том, что сложившиеся военные условия повлияли на успеваемость студентов и привели к такому немаленькому количеству посредственных оценок [Балдин 2004: 148].

Условия труда и отдыха оставляли желать лучшего. В осенне-зимний период аудитории отапливались очень плохо, иногда даже замерзали чернила. По словам М.М. Бизяевой, выпускницы ИГПИ 1941 г., «когда учёба возобновилась, начались регулярные поездки за дровами на 26-й км в Комсомольский район. Но всё равно в аудиториях было страшно холодно, сидели в пальто, чернила замерзали в чернильницах-непроливайках». Поэтому поздней осенью – зимой приходили в ватниках и валенках [Бизяева: 17].

Проблемы были и с освещением. Так как осенне-зимние дни были короткими, приходилось поздно гасить свет утром и рано включать его вечером. Напряжение в сети тогда было слабым, поэтому от тусклого света портилось зрение. Иногда свет во время лекции могли даже отключить, и тогда студенты расходились по домам [Балдин 2004: 141].

Что касается питания, то первые два года столовая была закрыта, поэтому студентам приходилось питаться в самых различных учреждениях общественного питания в городе. Чаще всего они ходили в столовую при фабрике-кухне. Там можно было не только сытно пообедать, но и взять продукты на дом. На обширном пространстве между ремизо-бердочным заводом и ул. Нижегородской работал рынок «Барашек». Здесь можно было купить всё что угодно, но цены «кусались». Например, буханка хлеба стоила от 170 до 210 руб. Так как зарплата доцента составляла 1 000 руб., преподаватели ходили на рынок как на экскурсию – посмотреть на вкусные продукты, а затем снова возвращались на занятия [Ставицкая: 11].

Одевались студенты также плохо. Многие меняли красивые хорошие вещи на продукты питания. Студенты и преподаватели тех лет вспоминают, что люди на улицах встречались скромно и даже бедно одетые. К.А. Великосельская, выпускница ИГПИ 1946 г., рассказывала о том, как в холодные зимние дни её соседка по парте, чтобы

согреться, надевала на ноги вязаные детские шапочки [Ставицкая: 12].

Проблемы были и с жильём. Поскольку общежитие было передано под госпиталь, студенты переселялись в частный сектор. Но далеко не все могли оплатить квартиру, поэтому вуз взял на себя обязательство платить хозяевам квартир по 50–60 руб. в месяц и выдавать также 1–2 кубометра дров. Однако топлива обычно не хватало даже для нормального отопления учебных корпусов. Поэтому договоры, заключённые об аренде жилья, вуз нарушал, и студенты, выселенные недовольными хозяевами частных квартир, нередко оказывались на улицах. Ночевать приходилось иногда в учебных аудиториях [Ставицкая: 12].

Таким образом, объединив все бытовые трудности, достаточно ёмко сформулировала две основные проблемы студенчества военных лет выпускница ИГПИ 1945 г. Л.В. Николенко: «постоянно хотелось есть, и все четыре года мы учились, не снимая пальто». Но студенты справлялись с голодом и холодом – практически одну треть каждого года они находились не в вузовских аудиториях, а на трудовом фронте, где приходилось заниматься тяжёлой, совсем не девичьей работой [Николенко: 20].

Глядя на всё это, власть предприняла попытки предотвратить все «вузовские беды». 1 августа 1942 г. бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета приняли совместное постановление «О подготовке вузов и техникумов к новому 1942–1943 гг.». В констатирующей части постановления говорилось о неудовлетворительной подготовке вузов и техникумов. Отмечалось, что многие из них, в том числе пединститут, не имели учебных помещений. Заготовка и подвоз топлива проходили крайне медленно. Больше половины не имели столовых и подсобных хозяйств. План приёма на первые курсы не выполнялся. В этой связи бюро обкома и исполком облсовета постановили обеспечить безусловное выполнение плана, провести необходимый ремонт всех учебных корпусов и организовать обучение студентов в учебном году не более чем в две смены [Околотин 2019: 307].

Также обком ВКП(б) своевременно обратил внимание администраций вузов на необходимость тщательной подготовки учебных помещений и общежитий к зиме. В результате 18 ноября 1942 г. бюро обкома ВКП(б) и бюро горкома ВКП(б) были вынуждены принять совместное постановление «О хозяйственном состоянии и бытовом обслуживании в институтах г. Иванова». В нём отмечалось, что положение многих вузов и общежитий, в том числе пединститута, было достаточно бедственным: разбиты стёкла, нет света и горячей воды, хозтоваров. Для устранения столь катастрофического положения было принято решение создать группу из ответственных, которая должна была

в суточный срок рассмотреть все вузовские нужды [Околотин 2019: 309].

21 ноября 1942 г. было принято постановление «О мероприятиях по улучшению хозяйственного состояния вузов и бытового обслуживания студентов г. Иванова». Были отпущены ткани для пошива белья, также электролампочки для освещения помещений и оконные стёкла для их остекления [Околотин 2019: 310].

Таким образом, можно сказать, что два первых учебных года были для пединститута самыми тяжёлыми. Много преподавателей и студентов ушли на фронт. Студентки разрывались между занятиями и работой в госпиталях. Были полностью изменены правила приёма в вуз, организация занятий, учебные планы. На каждом факультете прослеживалось влияние военного времени. Условия труда и быта оставляли желать лучшего.

Но уже в 1943/44 и 1944/45 уч. гг. была значительно улучшена учебно-методическая работа кафедр, проведена тщательная переработка некоторых программ, разработаны темы семинарских и практических занятий, осуществлена постановка большого количества специальных и факультативных курсов. В частности, кафедра русской литературы проводила спецкурс «Патриотические идеи в русской художественной литературе», кафедра истории СССР вводила спецкурс «Исторические памятники Ивановской области»¹³

Стала проводиться политико-воспитательная и культурно-массовая работа среди студентов. Ей занимались преподаватели-агитаторы, проводившие в группах беседы на политические темы, заслушивались доклады о международном и военно-историческом положении. Особую активность проявили агитаторы И.И. Мордвишин и А.И. Орлов¹⁴. По словам М.М. Бизяевой, «успевали ходить в кино, в театр. Запомнились концерты замечательных певцов И.С. Козловского и С.Я. Лемешева, приезжавших в наш город в июне 1944 г. Очень любили вечера вопросов и ответов, проводившихся в большой аудитории первого этажа на ул. Нижегородской. Народу собиралось столько, что открывали окна, чтобы было слышно тем, кому не хватило места в помещении. Особенно любили «интервьюировать» историка И.И. Мордвишина», задавая ему самые немислимые вопросы» [Бизяева: 19].

Улучшилось и материально-бытовое обслуживание студентов и профессорско-преподавательского состава. Перед началом учебного года после двухлетнего перерыва была открыта столовая. Продовольственные карточки в ней студенты тратили за 10–12 дней, поэтому для них были введены абонементы, по которым в течение месяца можно было получить более или менее удовлетворительный стандартный обед.

С 1943 г. при пединституте был открыт магазин ОРСа (отел рабочего снабжения). Преподаватели

и студенты вузов стали получать продовольственные карточки по группе рабочих. В отчёте института появляются данные о выделении учащимся промтоваров (бельё, одежда, обувь), правда, в очень ограниченном количестве. Привилегиями при их распределении пользовались участники войны.

С 1943 г. при вузах разрешили организовывать подсобные хозяйства. По замыслу, они через столовые должны были обеспечивать преподавателей и студентов продуктами питания. Для пединститута Фурмановский пригородный совхоз и трест пригородных совхозов выделили 300 га земли в 32 км от города и скот. Однако они не оправдали своих надежд вследствие неудовлетворительного содержания скота, разбазаривании инвентаря, хищении продуктов питания и фуража. Ещё одной материальной поддержкой для преподавателей и студентов были урожаи с выделенных в личное пользование участков. Студенты вспоминают, что овощи выращивали даже около домов многоэтажек на газонах [Ставицкая: 13].

Для продовольственных нужд студенты каждое лето работали на заготовках торфа. По словам М.М. Бизяевой, «весной 1944 г. экзамены были прерваны, и мы поехали на лесозаготовки. Сами валили деревья, обрубали сучья, распиливали брёвна. Каждый должен был заготовить 10 кубометров. То падало не туда, куда надо было, то пилу зажимало так, что она ломалась, то заедали комары и слепни» [Бизяева: 18].

К 1944/45 уч. г. вышел приказ ВКВШ № 535 «О возвращении вузам и техникумам учебных зданий и общежитий» от 30 октября 1944 г., согласно которому было решено освободить с 1 января 1945 г. все учебные здания и общежития вузов и техникумов, а также возратить изъятые у них в период военного времени оборудование лабораторий и мастерских¹⁵. Это обстоятельство позволяло преподавателям и студентам вернуться в комфортные условия.

Также по приказу ВКВШ «О приёме студентов в вузы в 1944 г.» был изменён порядок приёма: руководством вузов было приказано привлечь к проведению вступительных экзаменов наиболее грамотных преподавателей вуза и отменить «льготный порядок» поступления¹⁶. Таким образом, контингент студентов стал расти и, согласно статистике, в 1943/44 уч. г. составил 936, а 1944/45 уч. г. – 1 160 человек.

К концу войны, когда учебный процесс более или менее вошёл в нормальное русло, уровень успеваемости студентов повысился. В 1944 г. весеннюю сессию сдали на «хорошо» и «отлично» уже 68,4 %. В вузе насчитывалась в это время 125 круглых отличников [Балдин 2004: 148].

Таким образом, в 1943/44 и 1944/45 уч. гг. в вузе стали происходить прогрессивные изменения. Возобновилась прежняя работа кафедр, студенты

вновь стали участвовать в общественной и культурной жизни. Улучшились питание и одежда, стали исчезать проблемы с жильём.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что деятельность пединститута не прекращалась даже в самые тяжёлые для страны 1941–1945 гг. Выполняя распоряжения Всесоюзного комитета по делам высшей школы, Народного комиссариата просвещения РСФСР, обкома ВКП(б), были приняты меры по реорганизации учебного процесса, улучшению бытовых условий вуза. В свою очередь, преподаватели и студенты вносили особенный вклад в судьбу фронта и тыла, уходя на войну, работая в госпиталях, а также выживая в вузе в суровых военных условиях.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 5. Л. 135.
- ² ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 19. Л. 1.
- ³ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 1. Л. 167.
- ⁴ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 2. Л. 40.
- ⁵ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 4. Л. 25.
- ⁶ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 2. Л. 30.
- ⁷ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 19. Л. 1.
- ⁸ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 19. Л. 2.
- ⁹ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 19. Л. 3.
- ¹⁰ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 19. Л. 3.
- ¹¹ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 19. Л. 4.
- ¹² ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 1. Л. 230.
- ¹³ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 63. Л. 5.
- ¹⁴ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 63. Л. 9.
- ¹⁵ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 70. Л. 20.
- ¹⁶ ГАИО. Ф. Р-804. Оп. 3. Д. 70. Л. 97.

Список литературы

- Балдин К.Е.* Ивановский государственный университет, 1918–2003 годы: очерки истории; М-во образования Рос. Федерации, Иван. гос. ун-т. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 587 с.
- Балдин К.Е.* Ивановский пединститут в годы Великой Отечественной войны (по мемуарным источникам) // Бурьялинский альманах. 2015. № 1. С. 10–15.
- Бизяева М.М.* Далёкие студенческие годы // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. Вып. 2. С. 17–19.
- Великосельская К.А.* Пять мгновений памяти // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. Вып. 2. С. 22–25.
- Николенко Л.В.* Об учёбе на литфаке // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. Вып. 2. С. 20–21.
- Околотин В.С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново, А-Гриф, 2017. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. 343 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2019. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново, 2019. 623 с.

Сладнёва С.В. Страницы из жизни // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. Вып. 2. С. 185–197.

Ставицкая Е.В. Ивановский педагогический институт в годы Великой Отечественной войны // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. Вып. 2. С. 5–16.

References

Baldin K.E. *Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 1918–2003 gody: ocherk iistorii* [Ivanovo state university, 1918–2003: essays of history]; M-vo obrazovanija Ros. Federacii, Ivan. gos. un-t. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Publ., 2004, 587 p. (In Russ.)

Baldin K.E. *Ivanovskij pedinstitut v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po memuarным istochnikam)* [Ivanovo pedagogical institute in the years of Great Patriotic war (on the memoir sources)]. *Burylinskij al'manah* [Burylinsky collection], 2015, № 1, pp. 10–15. (In Russ.)

Bizjaeva M.M. *Daljokie studencheskie gody* [Distant student's years]. *Ivanovskij gosudarstvennyj universitet glazami sovremennikov*. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1995, vol. 2, pp. 17–19. (In Russ.)

Velikosel'skaja K.A. *Pjat' mgnovenij pamjati* [Five instants of memory]. *Ivanovskij gosudarstvennyj*

universitet glazami sovremennikov [Ivanovo State University through the eyes of contemporaries]. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 1995, vol. 2, pp. 22–25. (In Russ.)

Nikolenko L.V. *Ob uchjobenaltifake* [About the study on the literary faculty]. *Ivanovskij gosudarstvennyj universitet glazami sovremennikov* [Ivanovo State University through the eyes of contemporaries]. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1995, vol. 2, pp. 20–21. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ivanovo region in the years of Great Patriotic war]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2017, vol. 1: 22 ijunja – 31 dekabrja 1941 goda, 343 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ivanovo region in the years of Great Patriotic war]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2019, vol. 2: 1 janvarja – 31 dekabrja 1942 goda, 623 p. (In Russ.)

Sljadnjova S.V. *Stranicy iz zhizni* [Pages from life]. *Ivanovskij gosudarstvennyj universitet glazami sovremennikov* [Ivanovo State University through the eyes of contemporaries]. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1995, vol. 2, pp. 185–197. (In Russ.)

Stavickaja E.V. *Ivanovskij pedagogicheskij institut v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ivanovo pedagogical institute in the years of Great Patriotic war]. *Ivanovskij gosudarstvennyj universitet glazami sovremennikov* [Ivanovo State University through the eyes of contemporaries]. Ivanovo, Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 1995, vol. 2, pp. 5–16. (In Russ.)

Никифоров Юрий Сергеевич
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Вологодский государственный университет

ИДЕОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ И СОЦИУМА В СССР 1950–80-Х ГГ.: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И СКРЫТЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

*Исследование выполнено при поддержке РФФ,
проект № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–90-х гг.:
классовый генезис и эволюция экономического устройства»*

В работе исследуются тенденции идеолого-политической трансформации советского общества и экономики в позднем СССР на фоне исторических вызовов 1950–80-х гг. В статье ставится вопрос о ключевых направлениях и участниках идеолого-политических изменений. Анализируется спектр мнений, отражающий как официальный (властный), так и экспертный (научный) дискурс проблемы. Теоретико-методологическая основа исследования связана с идеями М.А. Безнина и Т.М. Димони о протобуржуазии, формировании государственного капитализма в СССР 1950–80-х гг. Важную теоретическую роль играет тезис исследователя Г.Г. Попова о скрытом конфликте в СССР двух типов власти (экспертов и политических функционеров). Источниковая база исследования представлена как ключевыми официальными документами советской эпохи (Конституция СССР 1977 г., материалы внеочередного XXI съезда КПСС), так и текстами представителей общественно-политической мысли 1950–2000-х гг. В статье высказывается научная гипотеза о том, что в официальной риторике советской власти 1950–80-х гг., связанной с социально-экономической сферой, наблюдалась скрытая трансформация ценностей: от традиционных коммунистических идеалов к примату материальных интересов. По мнению автора, ведущее место среди ученых-экспертов, настроенных критично к советской экономике, занимала либеральная идеология, которая значительно повлияла на субъективность контента их сочинений.

Ключевые слова: идеология, СССР, регионы, центр, государственный капитализм, исторические вызовы, элита, эксперты

Информация об авторе: Никифоров Юрий Сергеевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль; старший научный сотрудник, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия

E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Дата поступления статьи: 12.07.2020

Для цитирования: Никифоров Ю.С. Идеолого-политическое обеспечение трансформации экономики и социума в СССР 1950–80-х гг.: исторические вызовы и скрытые тенденции // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 50–57. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-50-57>

Yuriy S. Nikiforov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University,
Vologda State University

THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL SUPPORT FOR THE TRANSFORMATION OF THE ECONOMY AND SOCIETY IN THE USSR OF THE 1950–1980S: HISTORICAL CHALLENGES AND HIDDEN TRENDS

*The study was supported by the Russian Science Foundation,
project No. 19-18-00269 «Transformation of Russian society in the 1950-1990s:
class genesis and evolution of the economic structure»*

The article examines the trends in the ideological and political transformation of Soviet society and the economy in the late USSR against the backdrop of the historical challenges of the 1950-80s. The article raises the question of key areas and participants in ideological and political changes. The spectrum of opinions is analysed, reflecting both the official (authoritative) and expert (scientific) discourse of the problem. The theoretical and methodological basis of the study is connected with the ideas of Mikhail Beznin and Tat'yana Dimoni on proto-bourgeoisie, the formation of state capitalism in the USSR of the 1950-80s. An important theoretical role is played by the thesis of the researcher Grigoriy Popov about a hidden conflict of two types of power (experts and political functionaries) in the USSR. The source base of the study is presented both by key official documents of the Soviet era (the Constitution of the USSR of 1977, materials of the extraordinary 21st Congress of the Communist Party), and texts of representatives of socio-political thought of the 1950-2000s. The article makes a scientific hypothesis that in the official rhetoric of Soviet power in the 1950s and 1980s related to the socio-economic sphere, a latent transformation of values was observed – from traditional communist ideals to the primacy of material interests. According to the author, the leading place among expert scholars critical of the Soviet economy was occupied by liberal ideology, which significantly affected the subjectivity of the content of their books.

Keywords: ideology, USSR, regions, centre, state capitalism, historical challenges, elite, experts

Information about the author: Yuriy S. Nikiforov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, scientific secretary of Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia; Senior researcher of Vologda State University, Vologda, Russia

E-mail: nikifor2108@yandex.ru

Article received: July 12, 2020

For citation: Nikiforov Yu.S. The ideological and political support for the transformation of the economy and society in the USSR of the 1950–1980s: historical challenges and hidden trends. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 4, pp. 50-57 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-50-57>

Актуальность обращения к проблемам трансформации экономики и социума в СССР 1950–80-х гг. связана как с существующими проблемами в современной России в области построения социального государства, неравномерности развития регионов и центра, общественного неравенства [Анисимова, Воейков], так и с неутраченными дискуссиями в научном сообществе относительно механизмов социально-экономической трансформации позднего СССР. Так, в ходе научного методологического семинара, организованного профессором Т.М. Димони в рамках научного проекта № 19-18-00269, поддержанного грантом РНФ, доктор экономических наук К.А. Гулин высказался о существовании по крайней мере трех подходов к формированию социально-экономической политики и принятию решений в СССР. Во-первых, он выделил ортодоксальный подход (решения принимались в рамках процедур «демократического централизма» при широком обсуждении, учете мнений всех групп социалистического общества и т. п.). Во-вторых, подход строгой иерархии (решения принимались на верхнем уровне и спускались сверху вниз в виде приказов, команд и т. д.), который нашел отражение в широко применяемых в современной науке понятиях «командная экономика» [Гроссман], «централизованно управляемая экономика» [Залески], «административно-командная экономика» (термин, приписываемый Г.Х. Попову). В-третьих, можно говорить о том, что решения принимались на основе мотивации рентно-ориентированного (корыстного) поведения, бюрократического или административного торга [Кордонский].

В настоящей статье будет предпринята попытка оценить ключевые тенденции идеолого-политического обеспечения трансформации экономики и общества в позднем СССР на фоне исторических вызовов 1950–80-х гг.

Говоря об идеолого-политическом обеспечении трансформации позднего СССР, следует определить, что понимается под *идеологией*. Наиболее точным в контексте проблемы исследования кажется следующее определение: «идеология имеет построение в виде системы взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [Желудков:

394]. Исследователь В.В. Матвеев постулирует тезис об идеологии как стратегическом факторе становления и развития институтов, указывая на причинно-следственную связь проблем хозяйственной и идеологической сфер: «Обсуждение проблемы соотношения экономических и идеологических институтов однозначно свидетельствует о том, что данная проблема имеет место». Отмечая значимость обращения к идеологии, Матвеев подчеркивает, что «во многих случаях именно идеология становится стратегическим фактором общественного развития» [Матвеев: 28]. С этим мнением трудно не согласиться, так как советское государство и общество были, по сути, идеократическими. По точному замечанию Е.Ю. Зубковой, «в обществе, скованном жёстким идеологическим обручем, слово, понятие, образ всегда служили инструментом политического действия» [Зубкова: 100]. В этой связи достаточно вспомнить «Программу построения коммунизма» в СССР к 1980 г., выдвинутую Н.С. Хрущевым в 1961 г. на XXII съезде КПСС [Доклад Первого секретаря ЦК КПСС].

Детальное рассмотрение проблемы требует некоторых предварительных замечаний, касающихся теоретико-методологической основы исследования. Во-первых, проблема будет изучаться с точки зрения концепции существования *государственного капитализма в СССР 1950–80-х гг.*, через призму понятия «система разделенного права собственности», которые в значительной степени определяли классовый генезис и эволюцию экономики СССР 1950–80-х гг. С точки зрения М.А. Безнина и Т.М. Димони, «важнейшая особенность российского советского госкапитализма состояла в действии системы разделенного права собственности». По мнению вологодских исследователей, «уникальность этой системы позволила сформировать специфичную, присущую только России корпорту управленцев, «разделивших» между «отрядами» политиков, хозяйственников, финансистов, плановиков *права со-собственников...* в отношении производственного капитала». Парадоксальным последствием подобного генезиса советского общества стало «возникновение исторической ситуации, когда «разделенное» управление собственностью не давало полностью консолидировать высший класс и окончательно оформить его» [Безнин, Димони: 118–135].

Во-вторых, анализируя классовый генезис и эволюцию экономического устройства СССР, следует учитывать *контекст, исторические вызовы, с ко-*

торыми столкнулась экономика Советского Союза в 1950–80-х гг. По мнению Г.Г. Попова, «советское общество существенно эволюционировало в пост-сталинский период», столкнувшись с рядом вызовов: новая модель гонки вооружений, требовавшая квалифицированных кадров в тяжелой промышленности; замедление роста производительности труда на фоне больших потерь в Великой Отечественной войне; вызов энергетики, которая «больше не могла, как в XIX в., быть основанной на угле»; вызов сельского хозяйства, которое было основано «на практиках доиндустриальных обществ»; замедление экономического роста и факторной производительности на базе наращивания трудовых затрат; запоздалая отдача от инноваций в народном хозяйстве; приоритет в НТП в пользу ВПК («низкая способность советской гражданской экономики к инноватике оставалась “ахиллесовой пятой” СССР») [Попов: 123].

В-третьих, обозначим ключевых акторов и векторы идеолого-политического обеспечения трансформации советского общества и экономики. Взяв за основу логику анализа Г.Г. Попова, идеолого-политическое обеспечение процессов, происходивших в экономике и социальной сфере СССР, можно представить в виде спектра различных мнений, отражающих официальный (властный) и экспертный (научный) векторы проблемы. Г.Г. Попов отмечал, что в СССР имел место «конфликт двух типов власти – власти экспертов и политических функционеров» [Попов: 138].

Изучение официального (властного) вектора проблемы требует исследования таких базовых источников, как материалы съездов КПСС (1950–80-х гг.), Конституция 1977 г., официальные нормативно-правовые акты, касающиеся социально-экономической жизни СССР, выступления и/или публикации главных официальных лиц страны. Интерес представляют также черновые варианты речей и/или статей высших советских и партийных руководителей 1950–80-х гг., отложившиеся в фондах РГАНИ. Особый ракурс изучения властного вектора проблемы – взгляд через призму мемуаров партийных и советских государственных деятелей [Байбаков, Бовин], которые и являлись основными акторами в официальном векторе идеолого-политического обеспечения трансформационных процессов позднего СССР.

Выскажем *гипотезу*, которую попытаемся аргументированно доказать в ходе исследования. Представляется, что в риторике советской власти (выступлениях официальных лиц и нормативно-правовых документах) 1950–80-х гг., связанной с социально-экономической сферой, наблюдалась *скрытая и постепенная трансформация от традиционных политических идеалов к примату материальных интересов*.

Обратимся к официальным документам советской эпохи 1950–80-х гг. для того, чтобы попытаться

доказать высказанную гипотезу. В преамбуле Конституции СССР 1977 г. пафосно декларировался ряд чисто идеологических концептов: «всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму», утверждение в СССР общественной собственности на средства производства [Конституция СССР]. В статье 10 главы 2 Конституции СССР утверждалось, что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности». Однако если детально вчитаться в содержание отдельных статей той же главы, то можно увидеть, что в главном официальном документе СССР прослеживаются некоторые скрытые признаки дрейфа в направлении государственного капитализма. Так, в статье 11 отмечается, что «в исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства». Хочется обратить внимание на два момента. Во-первых, в статье, несмотря на декларативную преамбулу первого абзаца («государственная собственность – общее достояние всего советского народа») четко позиционируется именно государство как собственник, а вовсе не советские люди. Во-вторых, применяя терминологию М.А. Безнина и Т.М. Димони, отметим, что фактически, на деле вся эта государственная собственность принадлежала чиновникам, «когорте управленцев» – представителям различных партийных, советских, хозяйственных элит. В этой связи целесообразным представляется вспомнить другой фрагмент Конституции СССР 1977 г. – знаменитую статью 6 о КПСС как «руководящей и направляющей силе советского общества, ядре его политической системы, государственных и общественных организаций». В свою очередь, без членства в КПСС сделать карьеру и влиться в состав элиты в СССР практически было невозможно.

Существенный интерес представляет *статья 17*, которая допускала индивидуальную трудовую деятельность, с одной стороны, формально ограничивая сферу ее применения («кустарно-ремесленные промыслы, сельское хозяйство, бытовое обслуживание населения»), а с другой стороны, делая ее границы нечеткими («а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей»). Фактически эта статья с определенными оговорками может быть рассмотрена как

шаг в трансформации советского общества на пути к частному (индивидуальному и семейному) бизнесу. Конечно же, эта статья, как и другие в Конституции 1977 г., облекалась в идеологически приемлемую оболочку, призванную завуалировать ее скрытый смысл («государство регулирует индивидуальную трудовую деятельность, обеспечивая ее использование в интересах общества»).

Контент-анализ показывает значительное число упоминаний в основном законе страны 1977 г. близких по смыслу словосочетаний: «материальное поощрение» (ст. 8), «материальные и моральные стимулы» (ст. 14), «наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» (ст. 15), «курс на повышение уровня оплаты труда, реальных доходов трудящихся» (ст. 23). Учитывая то обстоятельство, что конституция – это документ, который прорабатывается очень тщательно, вплоть до запятой, следует обратить внимание на последовательность изложения элементов, касающихся стимулирования и/или потребностей граждан СССР, в тексте основного закона: сначала материальные и только затем моральные/духовные стимулы (например, статьи 14 и 15 Конституции СССР 1977 г.).

В статье 16 Конституции 1977 г. вовсе идет прямое неприкрытое перечисление *рыночных, капиталистических категорий* – «хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы». Подтверждение этой мысли можно увидеть в работе ключевых центральных органов управления советской экономикой. Так, анализируя работу Госплана СССР, исследователь Г.Г. Попов справедливо отмечал, что уже в первой половине 1950-х гг. экономика СССР «постепенно стала переходить на фактически капиталистические основы планирования, где главным критерием является рентабельность капитала» [Попов. Между либерализацией: 123].

Еще один важный пласт официальных документов – материалы съездов КПСС. В этом смысле достаточно показательными представляются документы внеочередного XXI съезда КПСС. По сути, философия материального стимулирования звучала открытым текстом в выступлении Хрущева: «Государство будет иметь десятки и сотни миллиардов рублей *дополнительных накоплений*. Они явятся большим резервом в руках государства для улучшения *материального благосостояния* народа» [КПСС. Материалы внеочередного съезда: 38]. В других сообщениях на XXI съезде КПСС теоретические конструкции ораторов изобиловали конструкциями будущей косыгинской реформы: «*Надо всемерно укреплять хозяйственный расчет* в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве». «Принцип *распределения по труду*, – утверждалось в программном докладе, – обеспечивает *материальную заинтересованность людей*

в результатах производства» [КПСС. Материалы внеочередного съезда: 150–154].

Материалы XXI съезда КПСС затрагивали фундаментальный вопрос, касающийся *легитимирования государством форм собственности*: «В ходе коммунистического строительства будет подниматься уровень обобществления колхозного производства, происходить сближение колхозно-кооперативной собственности с общенародной собственностью, стирание граней между ними. Будут возрастать и усиливаться *неделимые фонды колхозов*, шире развиваться межколхозные производственные связи. Слияние колхозно-кооперативной и общенародной форм собственности произойдет в будущем не в результате свертывания колхозно-кооперативной собственности, а путем повышения уровня ее обобществления до общенародной при помощи и поддержке *со стороны социалистического государства* [КПСС. Материалы внеочередного съезда: 154]. В этом длинном фрагменте официального документа за фасадом формально декларируемых колхозно-кооперативной и общенародной собственности в конце цитаты виден штрих, указывающий на ключевое звено процессов трансформации экономического устройства СССР. Конечно же, обращает на себя внимание ведущая роль государства – его «помощь и поддержка», что вполне соотносится с теорией Т.М. Димони и М.А. Безнина о государственном капитализме и «системе разделенного права собственности». В материалах съезда акцент Хрущевым делается на позитивных изменениях в ментальности советского общества: «Все выше поднимается трудовой энтузиазм советских людей, растет их забота об общественном благополучии», *изживается стремление к наживе*, все большее значение приобретают *моральные стимулы к труду* на благо общества» [КПСС. Материалы внеочередного съезда: 154]. Однако, несмотря на подобное моделирование лакированной советской действительности, даже в этом сугубо официальном документе докладчик вынужден констатировать (пусть и в нисходящих оттенках) те характеристики, которые присущи скорее капиталистической реальности – «стремление к наживе».

Гораздо более широким по своим границам и неоднозначным в политико-идеологическом обеспечении трансформации классового генезиса и экономического устройства СССР является *экспертный (научный) вектор* проблемы. Во-первых, в рамках этого вектора можно выделить публикации ведущих ученых-экономистов 1970–80-х гг. в официальных газетах и теоретических журналах СССР («Правда», «Коммунист», «Экономика и организация промышленного производства», «Партийная жизнь», «Вестник Академии наук СССР», «Экономическая газета», «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Гос-

плана» и др.). Одной из знаковых в этой группе представляется статья Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия» в газете «Правда» за 1962 г. [Либерман], которая в историографии, как правило, называется в числе научно-идеологических факторов, повлиявших на косыгинскую реформу 1965 г. Вторых, выделим тексты общественных деятелей, в том числе диссидентов, посвященные альтернативному видению проблем социально-экономического развития СССР [Сахаров]. В-третьих, отметим работы зарубежных экспертов-исследователей советской экономики [Berliner, Campbell, Hanson, Schroeder], в том числе советских эмигрантов [Бирман, Прокопович]. Рассматривая широкий спектр этих трудов, важно учитывать ряд факторов, влиявших на контент исследований. Представляется, что ключевую роль играли идеологические предпочтения авторов. Безусловно, ведущее место среди исследователей, настроенных критично к советской экономике, занимала либеральная идеология. Особенно ярко данный тренд прослеживается в трудах отечественных экономистов-эмигрантов. Этот слой работ представлен именами таких ключевых фигур, как И.Я. Бирман, С.Н. Прокопович, Н.М. Ясный. Большой интерес в работе «Народное хозяйство СССР» С.Н. Прокоповича представляет глава XIII «Народный доход и формирование национального капитала» [Прокопович]. Не менее ценны работы Н.М. Ясного. Исследователь творчества Н.М. Ясного В.Г. Армбрустер отмечал достижения этого ученого в исследовании советской ценовой политики и статистики, его критические исчисления показателей престижа советского строя («индекса трат на жизнь и определение с помощью последнего индекса реальных заработков городских рабочих, служащих и колхозных крестьян»). Особая заслуга Н.М. Ясного – выделение кризисных периодов в развитии советской плановой экономики, разрушающих стереотип о поступательном росте экономической системы СССР [Армбрустер: 23, 31, 36].

Однако наиболее продуктивным для изучения с точки зрения хронологического охвата представляется творчество эмигрантов более поздней волны, создававших свои труды в 1970–80-е гг. Обратимся к мнению зарубежного эксперта-аналитика И.Я. Бирмана. Конечно же, Бирман лишь достаточно условно может быть назван зарубежным экспертом. Скорее, он совмещал преимущества изучения советской системы изнутри и взгляда извне. Тем более ценна его точка зрения. Работа «Экономика недовострой» Бирмана интересна не только тем, что советская экономика анализируется профессиональным учёным, чья карьера протекала как в СССР, так и в США. В своем труде Бирман успешно пытается применить двойную оптику исследования, взглянув на советский экономический строй одновременно как ученый и как обыватель.

Вот что он сам писал по этому поводу: «Эмигрируя в 1974 г., я отлично осознавал, что дела в советской экономике из рук вон плохи. Как “обыкновенный” житель видел рост цен (явный на рынках и не совсем явный, но весьма ощутимый в госторговле), удлинение очередей, ухудшение качества товаров. Как экономист я знал причины: общее замедление темпов развития экономики, слабый рост производительности труда, назревание проблем с сырьем и топливом, недостаточный научно-технический прогресс, развал сельского хозяйства» [Бирман: 178]. И.Я. Бирман выделял такие проблемные векторы трансформации экономического устройства СССР, как колхозный строй, советская система планирования и снабжения, нелепость системы цен. Он отмечал, что «нет способа сразу, немедленно улучшить экономическое положение, всякие радикальные преобразования неизбежно приведут сначала к ухудшению экономической ситуации и лишь по прошествии некоторого (может быть, значительного) времени начнут давать положительный эффект». По мнению И. Бирмана, «самый очевидный пример», демонстрирующий парадоксальные сложности реформируемости советской системы, – это *колхозный строй*, который является «наиболее глубокой причиной того, что Россия не может обеспечить себя хлебом». С одной стороны, экономист убежден, что «колхозы надо ликвидировать». С другой стороны, парадоксальное мнение ученого-эмигранта заключается в том, что «ликвидация колхозов означает, что на время хлеба станет еще меньше. Должны пройти годы, пока на месте возникнут крепкие производительные хозяйства, в которых производство организовано рационально» [Бирман: 169]. Мысль Бирмана ретроспективно подтверждает исследование современного ученого Е.В. Серовой, которая выделила 4 этапа эволюции агропродовольственной политики в современной России, подчеркивала трудности 1-го этапа (1991–1994 гг.), когда сельское хозяйство России «погружалось в рынок, правительство продолжало торговую политику экономики продовольственного дефицита, субсидируя импорт некоторых продовольственных товаров и ограничивая экспорт, особенно зерна. Страна получала продовольственную гуманитарную помощь» [Серова].

Другой частный аспект, демонстрирующий трудности трансформации советской экономической системы и социума, по мнению И. Бирмана, демонстрировала промышленность СССР, которая была «связана со многими тысячами поставщиков». Бирман, описывая ситуацию 1970-х гг., писал о пароксизмах и слабой реформируемости советской системы планирования и материально-технического снабжения на примере завода ВАЗ в Тольятти: «Сегодня завод как-то обеспечивается всем необходимым с помощью системы планирования и материально-технического снабжения.

Опять-таки всем ясно, что эта система плоха. Но ее невозможно изменить за ночь; пока на ее месте появится нечто другое, завод может просто встать». Наконец, наиболее проблемной сферой экономики СССР Бирману представлялась *система ценообразования*: «Система цен нелепа, ее тоже надо самым радикальным образом изменить. Но тогда очень много предприятий немедленно станут убыточными» [Бирман: 169–170].

Интересно коснуться мнения ученых, которые более известны как политики и творцы рыночных реформ в России 1990-х гг. Однако их взгляды и философия сформировались в позднюю советскую эпоху. Так, один из главных идеологов рыночных реформ в России 1990-х гг. Е.Т. Гайдар может считаться ярким представителем либерального подхода общественной мысли, посвященной социально-экономическим трансформациям нашей страны во 2-й половине XX в. Он выделил несколько этапов в трансформации советского общества. 1-й этап (1917–1921 гг., военный коммунизм) и 2-й этап (1921–1929 гг., нэп), выделенные Гайдаром, сделали страну «максимально похожей на восточную державу». В эти периоды, с точки зрения ученого, возникла «первая возможность “перерождения” советского общества, которая не реализовалась. Следующий период 1929–1953 гг. характеризуется Гайдаром как «тоталитаризм и единственный период, когда действительно в стране торжествовал коммунизм» [Гайдар: 258].

На 3-м этапе, уже в 1953–1985 гг., по мнению Гайдара, произошел «спуск с коммунистических “зияющих высот” и начался кризис коммунизма. Он отмечал, что «при внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности внутри нее развиваются своеобразные «теневые» процессы, возникает особый «бюрократический рынок». С его точки зрения, внутри защитной оболочки государственной (а точнее – «лжегосударственной») собственности зарождается, развивается в скрытой, но действенной форме «квазичастная», «прачастная» собственность. Конечно же, читая эти строки из работы Гайдара, хочется обратить внимание на негативные уничижительные эпитеты, которые использовал автор для характеристики советского экономического строя («лжегосударственная», «квазичастная», «прачастная»). Все это наглядно демонстрирует субъективизм Гайдара в освещении экономической истории СССР XX в. Однако это обстоятельство не мешает выделить в рассуждениях Гайдара рациональное зерно. Так, ученый справедливо подмечал такое негативное явление, как «перерождение номенклатуры» и незаметный процесс «предприватизации» собственности. Гайдар прямо указывал на госкапиталистический вектор трансформации советского общества. Он писал, что «общество начинает опять походить на “империалистическое”,

“государственно-капиталистическое”, отчасти на “восточное”, но в искаженной форме». По мнению Гайдара, этим процессам в немалой степени способствовал внешнеполитический контекст: «Политическая ситуация опять сравнительно мирная: холодная война государства и во внешнем мире, и со своим обществом. Но война позиционная, застойная, почти бескровная» [Гайдар: 259]. Это утверждение вызывает определенное сомнение, поскольку проследить четкую связь между перерождением партийно-государственной элиты и напряжением холодной войны представляется проблематичным. Наконец, заключительный этап (1985–1991) вполне логично и закономерно идентифицируется Гайдаром как «конец коммунизма». Именно в это время, по мнению ученого, «подспудные процессы предыдущего периода выходят на поверхность». Среди этих процессов Гайдаром выделяется «открытая номенклатурная приватизация», включая легализацию частной собственности и деформацию государственной собственности, которую экономист в духе либеральной идеологии называет тоталитарной. «Номенклатура, – констатировал Гайдар, – открыто превращается в капиталистическую... Строй похож уже не на “империализм”, а на что-то переходное к “западной” модели, к рыночной экономике, к открытому обществу и свободному капитализму. Правда, эти перемены вполне еще обратимы. Политически все это идет на фоне тотального разгрома государства, полностью проигравшего психологическую и холодную войну как во внешнем мире, так и внутри страны» [Гайдар: 259].

Подводя итоги, отметим, что среди ключевых акторов идеолого-политического обеспечения трансформации экономики и социума в СССР 1950–80-х гг. следует назвать высших советских и партийных руководителей, а также экспертное сообщество (ученых-экономистов, общественных деятелей).

Список литературы

- Анисимова Г.В., Воейков М.И.* Социально-экономическое неравенство: российские тенденции // Россия и современный мир. 2017. № 1. С. 46–61.
- Армбрустер В.Г.* Н.М. Ясный: К 80-летию со дня рождения. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1963. 49 с.
- Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М.: Газоил пресс, 1998. 351 с.
- Безнин М.А. Димони Т.М.* Институциональные особенности российского госкапитализма: от Сталина до Брежнева // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 118–135.
- Бирман И.* Экономика недостатков The economy of shortages. New York: Chalidze, 1983. 470 с.
- Бовин А.Е.* Воспоминания: XX век как жизнь. Москва: Захаров, 2003. 773 с.

Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. 331 с.

Желудков М.А. Значение идеологического обеспечения в становлении принципа уважения чужой собственности в России // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 3 (59). С. 393–397.

Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущёва: культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 97–107.

Конституция (Основной закон) СССР 1977 г. // https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 19.04.2020).

Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000, 238 с.

КПСС. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1959. 259 с.

Либерман Е. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17, № 3. С. 420–432; Правда. 1962. 9 сентября.

Матвеев В.В. Идеология как стратегический фактор становления и развития институтов // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 21–31.

О Программе КПСС: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н.С. Хрущева 18 октября 1961. URL: <http://www.historyru.com/doc/persons/xr/docorg/doc10c.html> (дата обращения: 15.03.2020).

Попов Г.Г. Кризис инновационного развития советской экономики периода «застоя» в понимании руководства СССР и ученых-современников того период // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 136–143.

Попов Г.Г. Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950–1960-х гг.) // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 113–128.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Т. 2. 355 с.

Сахаров А.Д., Турчин В.Ф., Медведев Р.А. По вопросу имеющему большое значение. Письмо А.Д. Сахарова, В.Ф. Турчина, Р.А. Медведева руководителям партии и правительства. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Torino: [б. и.], 1968. 76 с.

Серова Е.В. Аграрная реформа в России переходного периода. URL: <http://ru-90.ru/node/1321> (дата обращения: 28.05.2020).

Berliner J.S. The Innovation Decision in Soviet Industry. Cambridge, Mass., MIT Press, 1976, 561 p.

Berliner J.S. Soviet industry from Stalin to Gorbachev: Essays on management and innovation. Aldershot (Hants), Elgar, Cop, 1988, 306 p.

Campbell R.W. Management Spillovers From Soviet Space and Military Programs. Soviet Studies, 1972, No. 4, vol. XXIII, pp. 586–607.

Grossman G. The «Second Economy» of the USSR. Problems of Communism, 1977, Sept. – Oct., pp. 25–40.

Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy: an economic history of the USSR from 1945. London, Longman, 2003, 279 p.

Schroeder G.E. The Slowdown in Soviet Industry, 1976–1982. Soviet Economy, January – March, 1985, pp. 61–64.

Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1980, 788 p.

References

Anisimova G.V., Voejkov M.I. *Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo: rossijskie tendencii* [Socio-economic inequality: Russian trends]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2017, No. 1, pp. 46–61. (In Russ.)

Armbuster V.G. *N.M. Yasnyj: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya* [N.M. Yasny. On the occasion of the 80th birthday]. Myunhen, Institut po izucheniyu SSSR Publ., 1963, 49 p. (In Russ.)

Bajbakov N.K. *Ot Stalina do El'cina* [From Stalin to Yeltsin]. Moscow, Gazoil press Publ., 1998, 351 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Institucional'nye osobennosti rossijskogo goskapitalizma: ot Stalina do Brezhneva* [Institutional features of Russian state capitalism: from Stalin to Brezhnev]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical economics], 2019, No. 2, pp. 118–135. (In Russ.)

Birman I. *Ekonomika nedostach* [The economy of shortages]. New York, Chalidze Publ., 1983, 470 p. (In Russ.)

Bovin A.E. *Vospominaniya. XX vek kak zhizn'* [Memories. XX century as life]. Moscow, Zaharov Publ., 2003, 773 p.

Gajdar E.T. *Vlast' i sobstvennost': Smuty i instituty. Gosudarstvo i evolyuciya* [Power and property: Troubles and institutions. State and evolution]. SPb., Norma Publ., 2009, 331 p. (In Russ.)

Zheludkov M.A. *Znachenie ideologicheskogo obespecheniya v stanovlenii principa uvazheniya chuzhoj sobstvennosti v Rossii* [The value of ideological support in the establishment of the principle of respect for the property of others in Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tambov University Bulletin], 2008, No. 3 (59), pp. 393–397. (In Russ.)

Zubkova E.YU. *Reforma Hrushchyova: kul'tura politicheskogo dejstviya* [Khrushchev reforms: a culture of political action]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 1993, No. 9, pp. 97–107. (In Russ.)

Konstituciya (Osnovnoj zakon) SSSR 1977 [Constitution (Basic Law) of the USSR 1977]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (access date: April 19, 2020). (In Russ.)

Kordonskij S.G. *Rynki vlasti. Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets of power. Administrative markets of the USSR and Russia]. M., OGI Publ., 2000, 238 p.

KPSS: Materialy vneocherednogo XXI s"ezda KPSS [CPSU. Materials of the Extraordinary XXI Congress of the CPSU]. Moscow, Politizdat, 1959, 259 p. (In Russ.)

Liberman E. *Plan, pribyl', premiya* [Plan, profit, premium]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Historical and economic research], 2016, vol. 17, No. 3, pp. 420–432; Pravda, 1962, 9 september. (In Russ.)

Matveev V.V. *Ideologiya kak strategicheskij faktor stanovleniya i razvitiya institutov* [Ideology as a strategic factor in the formation and development of institutions]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical economics], 2019, No. 2, pp. 21–31. (In Russ.)

O Programme KPSS: Doklad Pervogo sekretarya CK KPSS tovarishcha N.S. Hrushcheva 18 oktyabrya 1961 [Report of the First Secretary of the CPSU Central Committee, Comrade N.S. Khrushchev October 18, 1961. About the CPSU Program]. URL: <http://www.historyru.com/doc/persons/xr/docorg/doc10c.html> (access date: 15.03.2020). (In Russ.)

Popov G.G. *Krizis innovacionnogo razvitiya sovetской ekonomiki perioda «zastoya» v ponimanii rukovodstva SSSR i uchenyh-sovremennikov togo period* [The crisis of the innovative development of

the Soviet economy during the “stagnation” period in the understanding of the leadership of the USSR and contemporary scientists of that period]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical economics], 2019, No. 2, pp. 136–143. (In Russ.)

Popov G.G. *Mezhdurazlichie liberalizatsii kommunizma i ortodoksal'nym marksizmom (osmyslenie evolyucii sovetskogo ekonomicheskogo razvitiya 1950–1960-h gg.)* [Between the liberalization of communism and orthodox Marxism (comprehension of the evolution of Soviet economic development of the 1950–1960s)]. *Terra Economicus*, 2019, No. 17 (4), pp. 113–128. (In Russ.)

Prokopovich S.N. *Narodnoe hozyajstvo SSSR* [National economy of the USSR]. New York, 1952, CHEkhova Publ., vol. 2, 355 p. (In Russ.)

Saharov A.D., Turchin V.F., Medvedev R.A. *Po voprosu imeyushchemu bol'shoe znachenie. Pis'mo A.D. Saharova, V.F. Turchina, R.A. Medvedeva rukovoditelyam partii i pravitel'stva. Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noj svobode* [On a matter of great importance. Letter A.D. Sakharova, V.F. Turchina, R.A. Medvedev leaders of the party and government. Reflections on Progress, Peaceful Coexistence and Intellectual Freedom]. Torino, 1968, 76 p. (In Russ.)

Serova E.V. *Agrarnaya reforma v Rossii perekhodnogo perioda* [Agrarian reform in transitional Russia]. URL: <http://ru-90.ru/node/1321> (access date: 28 May 2020). (In Russ.)

**КРИЗИС ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РАЙОНОВ НА СРЕДНЕМ ЗАПАДЕ США: ПЕРВЫЙ ЭТАП
(СЕРЕДИНА 1960-Х – НАЧАЛО 1980-Х ГГ.)**

Очень важным историческим феноменом последних десятилетий стал системный кризис старопромышленных районов во многих странах мира. В данной статье в качестве примера подобных событий рассматривается упадок традиционного индустриального уклада в регионе Великих озер в США. Работа охватывает первый этап кризиса в Приозерье (середина 1960-х – начало 1980-х гг.). Исследование выполнено на основе рядов исторической статистики, а также с привлечением различных нечисловых данных. Отмечается, что начало кризиса было связано с усилившейся конкуренцией: предприятия базовых для Приозерья отраслей (металлургия, автомобилестроение и др.) все сильнее отставали от современных производств, расположенных в южных штатах США, а также в Японии и Западной Европе. В дальнейшем регион (при некоторых различиях по отраслям и штатам) переживал очень глубокие провалы в условиях рецессий 1969–1970, 1974–1975 и 1980–1982 гг., испытывая также постоянное давление из-за высокого курса доллара. Вместе с тем дальнейшее ухудшение ситуации в начале 1980-х гг. привлекло общественное внимание к положению дел в регионе, что, в свою очередь, способствовало развороту местной и федеральной власти к более активным антикризисным действиям.

Ключевые слова: старопромышленные регионы, кризис, американское Приозерье, 1960–1980-е гг.

Информация об авторе: Согомоян Завен Аршавинович, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1774-9232>, аспирант, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия

E-mail: zavens@inbox.ru

Дата поступления статьи: 16.06.2020

Для цитирования: Согомоян З.С. Кризис индустриальных районов на Среднем Западе США: первый этап (середина 1960-х – начало 1980-х гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 58-64. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-58-64>

Zaven A. Sogomonyan
South Urals State Humanitarian Pedagogic University

**CRISIS OF INDUSTRIAL REGIONS IN THE MIDWESTERN USA: THE FIRST STAGE
(THE MID-1960S – EARLY 1980S)**

The systemic crisis of old industrial regions in many countries of the world is a very important historical phenomenon of recent decades. This article examines the decline of traditional industrialism in the Great Lakes region of the United States as an example of such events. The article covers the first stage of the regional crisis (the mid-1960s – early 1980s). The study is based on historical statistics, as well as on various non-quantitative data. It is argued that the onset of the crisis was associated with aggravated competition – basic sectors of the local economy (steel manufacturing, automotive industry, etc.) were increasingly lagging behind advanced factories located in the southern states of the USA, as well as in Japan and Western Europe. Later the region (with some differences by industry and state) faced very deep failures during recessions of 1969–1970, 1974–1975 and 1980–1982, also experiencing constant pressure due to the high dollar exchange rate. However, a further deterioration in the early 1980s drew public attention to the situation in the region, which contributed to the turn of local and federal authorities to more active anti-crisis politics.

Keywords: old industrial regions, crisis, U.S. Great Lakes region, 1960s – 1980s

Information about the author: Zaven A. Sogomonyan, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1774-9232>, postgraduate student, South Urals State Humanitarian Pedagogic University, Chelyabinsk, Russia

E-mail: zavens@inbox.ru

Article received: June 16, 2020

For citation: Sogomonyan Z.A. Crisis of Industrial Regions in the Midwestern USA: the First Stage (the mid-1960s – early 1980s). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 58-64 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-58-64>

Историческая судьба старопромышленных регионов, а также попытки их последующей модернизации все чаще привлекают внимание ученых. Большие перспективы этого направления именно для исторической науки подчеркивает, например, в своем аналитическом обзоре видный уральский исследователь С.А. Баканов [Баканов: 165]. Одним из самых интересных объектов для наблюдения среди давних бастионов индустрии, несомненно, является Средний Запад (и в особенности район Великих озер) в США, отличавшийся бурным ростом заводов, фабрик и железных дорог еще с последней трети XIX в., но вступивший примерно через сто лет в затяжную полосу неудач. Относительный экономический упадок «снежного пояса» (snow belt) (или, как стали говорить с 1980-х гг., «ржавого пояса» (rust belt)) неоднократно рассматривался в американской научной литературе и в обобщающем плане, и применительно к истории отдельных городов [например: High; High, Lewis]. Однако эти работы, при всей их глубине и информативности, отличаются довольно ограниченным использованием количественных данных. Между тем опора на статистику как на исходную точку для последующего анализа позволяет лучше понять хронологию событий, а также уточнить отраслевые и географические аспекты общего процесса.

Проведенное исследование охватывает главным образом период середины 1960-х – начала 1980-х гг., который, как будет показано в дальнейшем, может рассматриваться в качестве первого этапа системного кризиса в американском Приозерье. Основой для определения территориальных рамок работы являются стандарты Бюро переписи населения США, которое разделяет Средний Запад на две части – Северо-восточный центр (СВЦ) и Северо-западный центр (СЗЦ). Именно

СВЦ (штаты Висконсин, Мичиган, Иллинойс, Индиана и Огайо), в целом совпадающий с историческим понятием Приозерье и включающий в себя основную часть индустриальных ресурсов Среднего Запада, является предметом рассмотрения в данной публикации. Основой для исследования послужили, прежде всего, различные серии статистических сводок, которые регулярно публикуют Бюро экономического анализа при Министерстве торговли США [Bureau...] и уже упоминавшееся Бюро переписи [U.S. Census...]. Кроме этого, автор опирается на материалы американской прессы и другие неколичественные источники.

Анализ основных событий в экономической истории региона, в их хронологической последовательности и с детализацией по штатам следует начать с воссоздания общей панорамной картины. На рисунке 1 представлены долгосрочные изменения доли СВЦ в суммарных показателях всей страны по численности населения и объему ВВП. К сожалению, статистические данные Министерства торговли, отражающие динамику ВВП и его компонентов, уходят в прошлое только до 1963 г. Однако многочисленные сопоставления показывают, что в США – стране с очень высокой географической мобильностью населения – данные по ВВП, как правило, тесно связаны с общими демографическими характеристиками. Длительный экономический упадок какой-либо территории обычно приводит к тому, что значительная часть ее жителей мигрирует в другие районы, предпочтительные в плане доступных рабочих мест с хорошим уровнем заработной платы. Таким образом, можно предположить, что в целом стабильная доля СВЦ по численности населения (около 20 %), наблюдавшаяся в первой половине и середине XX в. (рис. 1), устойчиво сочеталась с примерно такой же (или чуть более высокой) долей региона в национальной экономике.

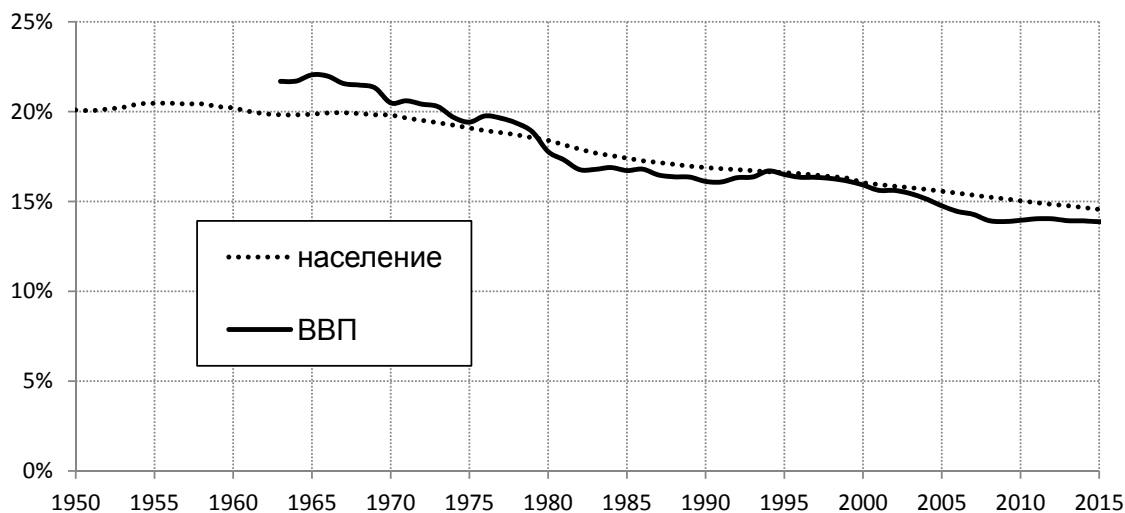

Рис. 1. Доли Северо-восточного центра в общих показателях США по численности населения и объему ВВП, 1950–2015 гг. (расчеты автора на основе данных: [Bureau...; U.S. Census...])

Локальный максимум по доле СВЦ в населении страны (19,94 %) был достигнут в 1967 г., после чего данная характеристика неуклонно снижалась. Высшая точка по доле в национальном ВВП (22,05 %) была пройдена еще в 1965 г.¹ Таким образом, статистика позволяет достаточно точно датировать эту важную историческую грань. Если, например, канадский исследователь С. Хай ведет отсчет промышленного упадка в Приозерье с 1969 г., когда вся экономика США вошла в очередной циклический кризис [High], то автор этих строк видит основание для того, чтобы сместить хронологическую планку на несколько лет раньше – к середине 1960-х гг. По тем же линиям на рисунке 1 видно, что примерно с 1983–1984 гг. и до конца 1990-х гг. намечилось то, что с долей условности можно назвать стабилизацией. Имеющиеся данные, таким образом, позволяют говорить, что на период середины 1960-х – начала 1980-х гг. пришелся первый и особенно тяжелый этап кризиса в индустриальном Приозерье США.

Что же произошло в первой переломной точке, то есть в середине 1960-х гг.? К этому моменту был уже в достаточной мере накоплен и стал открыто проявляться эффект от двух разнонаправленных тенденций, намечившихся еще раньше. С одной стороны, американский Средний Запад, как и многие другие районы с долгой историей промышленных достижений, отличался консервативными подходами в среде владельцев и управляющих большого бизнеса. Многие из них не спешили радикально менять то, что давно работало и обеспечивало хорошие результаты в течение десятилетий. Так, в сталелитейной индустрии Огайо не раньше 1966 г., то есть со значительным опозданием, начался переход с мартенов на кислородные конвертеры [Смирнягин: 97].

С другой стороны, в каждой из определяющих для региона отраслей (в черной металлургии, автомобилестроении, нефтепереработке и т. д.) стремительно развивались конкурирующие компании из Японии, Южной Кореи, ФРГ, Италии и некоторых других государств, прошедших после Второй мировой войны через глубокую технологическую модернизацию. При этом снижение международных торговых барьеров и развитие транспорта упрощали задачу доставки иностранной продукции на рынок США. Наконец, обострился и фактор внутренней конкуренции: очень часто инвестиции у Среднего Запада перехватывали некоторые южных штаты страны, которые, во-первых, отличались привлекательной для бизнеса слабостью профсоюзов и, во-вторых, с середины 1960-х гг. быстро преодолевали различные отталкивающие проявления расовой дискриминации.

В большом и не совсем однородном регионе у Великих озер, численность населения которого приближалась тогда к 40 млн человек, разворот

в сторону понижительной тенденции произошел почти синхронно. В Висконсине сокращение вклада в общеамериканский ВВП началось с 1965 г., в Индиане и Мичигане – с 1966 г., а в Иллинойсе и Огайо – с 1967 г.

Не менее важно и то, что за относительно мягким и почти незаметным для современников спадом середины 1960-х гг. последовал более тяжелый провал во время рецессии 1969–1970 гг.

Этот кризис был общим для всей экономики США, но особенно сильно от него пострадали индустриальные центры Среднего Запада. В данном случае дополнительную роль сыграли факторы, связанные с происходившей тогда дестабилизацией Бреттон-Вудской системы валютного регулирования. Названная система, сложившаяся вскоре после Второй мировой войны и основанная на привязке курса доллара к золоту, а других валют – к доллару, не выдерживала проверки новым временем. Поскольку США по темпам экономического роста все сильнее отставали от Японии и Западной Европы, законы спроса и предложения объективно должны были привести к усилению японской иены и некоторых других валют, но официальный курс доллара оставался искусственно завышенным в рамках Бреттон-Вудских механизмов. (Следует также заметить, что подобные дисбалансы наблюдались уже несколько лет, но именно на исходе 1960-х гг. они стали особенно выраженными вследствие еще одного обстоятельства – увеличения денежной массы и всплеска инфляции внутри США [Гринин, Коротаев: 171].) Из-за очень дорогого, вопреки рыночным факторам, доллара американским промышленным товарам все труднее было конкурировать на внутреннем рынке с зарубежными аналогами. Соответственно, спрос на местную продукцию сокращался.

В результате на рубеже 1960–70-х гг. произошло еще более заметное снижение доли индустриальных штатов СВЦ в экономике США (см. рис. 1). Показательно и то, что наиболее резким (с 5,04 % в 1968 г. до 4,56 % в 1970 г.) было падение показателей у Мичигана: этот штат, специализирующийся на производстве автомобилей, испытывал особенно большое давление от импорта из Японии и Европы. Наконец, на этом же этапе ускорилось сокращение и демографической доли региона (рис. 1). Иначе говоря, продолжавшиеся уже несколько лет экономические трудности провоцировали заметный отток самого активного населения в другие части страны, а почти остановившийся рост числа жителей, в свою очередь, еще больше сдерживал спрос на товары и услуги. Промышленное Приозерье входило в порочный круг экономических и экономико-демографических проблем, которые почти автоматически обеспечивали дальнейшее ухудшение ситуации.

В августе 1971 г. президент Р. Никсон принял очень непростое решение об отказе от конвертации

доллара в золото по фиксированному курсу. Это событие, известное как «шок Никсона», открыло путь и к девальвации доллара, и к окончательному разрушению Бреттон-Вудской системы. Как минимум первое из названных обстоятельств принесло экономике США определенную пользу. Американским товарам теперь было проще конкурировать с продукцией, произведенной в других странах. Конечно, такая ситуация была благоприятной и для индустрии Среднего Запада.

Впрочем, положительные моменты, связанные с девальвацией, оказались достаточно ограниченными и, что еще важнее, краткосрочными. Уже осенью 1973 г. началась новая последовательность событий с негативным знаком. Война, вспыхнувшая тогда на Ближнем Востоке, привела к эмбарго на поставку арабской нефти в США и другие страны, поддержавшие в ходе конфликта Израиль. В результате произошло очень резкое повышение мировых цен на нефть и другие энергоносители. Это, в свою очередь, развернуло хозяйство промышленно развитых государств в сторону энергосбережения: в частности, стремительно вырос спрос на экономичные малолитражные автомобили азиатских и европейских марок, тогда как более консервативная индустрия штата Мичиган явно опаздывала с обновлением своих модельных рядов. Также очень важным обстоятельством было нарастающее отставание детройтских корпораций от их конкурентов из Японии по таким параметрам, как общая организация производства и его оснащение робототехникой [Смирнягин: 102].

За время кризиса 1974–1975 гг. вновь произошло заметное сокращение доли СВИЦ в экономике Соединенных Штатов (см. рис. 1), что, однако, не исключало и некоторую внутрорегиональную дифференциацию. Лидером по темпам падения (уже до отметки 4,18 % в 1975 г.) по-прежнему оставался Мичиган, очень сильно зависевший от автомобилестроения. Значительный спад наблюдался в Огайо (особенно из-за тяжелой ситуации в таком сегменте, как производство шин), но в этом случае ситуацию смягчала сравнительно небольшая доля данной суботрасли в экономике штата. Довольно стабильным выглядел самый малонаселенный из штатов СВИЦ – Висконсин, где устойчивость обеспечивалась за счет сельского хозяйства (прежде всего, молочных ферм), а также разнообразного машиностроения. Наконец, очень любопытную тенденцию продемонстрировал Иллинойс, являющийся, наоборот, крупнейшим по числу жителей в приозерной пятерке. Имея в своем составе огромный город Чикаго и основную часть его агломерации, Иллинойс закономерно возглавил развитие постиндустриальных тенденций в своем регионе. Так, в 1975 г. доля промышленности в экономике Иллинойса (26,2 %) была значительно ниже, чем у соседей (32–34 %), а доля финансово-

го сектора (15,4 %) несколько выше по сравнению и с ними (12–14 %), и со средними данными по США (14,8 %). Чикаго вместе с Нью-Йорком, Сан-Франциско и Лос-Анджелесом уверенно входил в число четырех крупнейших банковских центров страны [Nikitin: 2546]. Стоит также отметить, что открытый в 1974 г. чикагский офисный небоскреб «Сирс Тауэр» стал на тот момент самым высоким в мире [Терранова: 101–102].

Таким образом, ситуация в индустриальном Приозерье не выглядела однородной; некоторым из упомянутых различий еще предстояло развиваться и играть большую роль в дальнейшем. Но общая тенденция, заключающаяся в ослаблении позиций СВИЦ, в целом сохранялась как во время кризиса 1974–1975 гг., так и во время некоторого подъема американской экономики на следующем хронологическом отрезке. Рост национального ВВП и новая девальвация доллара в 1976–1979 гг. лишь в ограниченной степени помогли старопрмышленному региону.

Пока на фоне слабого доллара (и, соответственно, некоторой защиты от импорта) краткосрочное экономическое восстановление демонстрировал Мичиган, резко ухудшилась картина в штате Огайо, особенно в его отдельных частях.

Сначала в центре внимания оказался расположенный там сталелитейный город Янгстаун, где уже давно происходило сравнительно плавное сворачивание производства. Между тем 19 сентября 1977 г. – в день, вошедший в историю как «черный понедельник», – местная компания «Янгстаун шит энд тьюб» заявила о предстоящем сокращении 5 тыс. рабочих мест. Для сравнительно небольшого города это означало мощный взлет безработицы, отток населения и, как отмечалось в прессе, разрушение «индустриальной культуры, истоки которой уходят в прошлое на сотню и более лет»². Позднее события в Янгстауне стали рассматриваться как классический пример социальных бедствий на пути постиндустриального транзита и как очень важный объект для изучения в русле истории повседневности и сбора свидетельств от очевидцев [High, Lewis: 65–86].

Затем с острыми проблемами столкнулся соседний Кливленд, который, имея заметное превосходство над Янгстауном по численности населения и разнообразию отраслей, должен был обладать большей устойчивостью к перепадам рыночной конъюнктуры. Однако и в этом случае длительное ослабление местной индустриальной базы (черной металлургии, нефтепереработки и т. д.) не обошлось без последствий. Хроническая нехватка средств в бюджете привела в декабре 1978 г. к дефолту по муниципальным долговым обязательствам, причем немалую роль, по оценке некоторых наблюдателей, сыграло стремление кливлендских финансистов (отказавших властям в кредитах) по-

менять действующую администрацию на новую – более дружественную к большому бизнесу³.

Тем временем дальнейшие сдвиги, способные создать очередные трудности для Среднего Запада, намечались уже на уровне федеральной политики. Новый виток инфляции заставил находившихся тогда у власти демократов во главе с президентом Дж. Картером начать на рубеже 1978–1979 гг. решительный разворот в экономической политике от привычного кейнсианского регулирования к расширению рыночной свободы, но при этом и к строгому контролю над денежной массой. Очень важную работу выполнял в этом плане П. Волкер, ставший в августе 1979 г. новым руководителем Федеральной резервной системы (ФРС). При нем ФРС начала быстро повышать учетную ставку, что вскоре позволило снизить инфляцию до приемлемых значений. Однако у «шока Волкера» были и негативные последствия. Высокие ставки означали меньшую доступность займов, торможение инвестиций, а также рост курса доллара к иене и ряду других валют, создававший, как это уже было до 1971 г., проблемы во внешней торговле. Наконец, новая политика ФРС (наряду со многими другими факторами) внесла вклад в приближение очередного кризиса, охватившего американскую экономику в 1980–1982 гг.

Именно это время оказалось для индустриального Приозерья особенно тяжелым – даже по сравнению с общей для США неблагоприятной картиной. Доля региона в национальном хозяйстве падала еще быстрее, чем в прошлые годы. Теперь, к тому же, она впервые оказалась существенно ниже по сравнению с долей по числу жителей (см. рис. 1): иными словами, этот край с его конвейерами и прокатными станами так глубоко погрузился в кризис, что уже не дотягивался до средних по стране значений ВВП на душу населения.

Падение долевых экономических показателей было не только ярко выраженным, но и на этот раз повсеместным. Как обычно, больше всех пострадал Мичиган (там между 1978 и 1982 гг. произошло снижение вклада в ВВП США с 4,4 % до 3,6 % (то есть почти на одну пятую)), однако провалы Индианы и Огайо были вполне сопоставимыми, и даже относительно стабильные штаты Иллинойс и Висконсин потеряли примерно по одной десятой от

своих предкризисных долей. Интересными были и важнейшие отраслевые особенности. В привычно тяжелом положении оставался автопром, в котором стоимость произведенной продукции за указанный период и в текущих ценах сократилась на 14 %, но еще хуже складывалась ситуация в металлургии. В целом по региону производство первичного металла обрушилось на 18 % (при относительно стабильной ситуации в Индиане, но с впечатляющими провалами в других штатах: на 12 % в Висконсине, 17 % в Огайо и даже по 31 % в Иллинойсе и Мичигане).

Таким образом, в регионе все меньше оставалось «островов стабильности», и все чаще встречались экономические сегменты, уже не просто охваченные спадом, а столкнувшиеся фактически с разрушением своего прежнего уклада. Большой финансовый сектор Чикаго или относительно эффективное сталелитейное производство в городе Гэри (штат Индиана)⁴ воспринимались как редкие исключения на фоне таких явлений, как, например, массовый исход различных корпораций из Кливленда и почти трехкратное превышение безработицы над общенациональным уровнем, характерное для ряда городов в Мичигане [Смирнягин: 98, 103].

Именно на этом этапе длительный упадок индустрии американского Приозерья, принявший теперь особенно разрушительные формы, стал привлекать повышенное общественное внимание. Так, в 1982 г. было опубликовано первое фундаментальное исследование по данной проблематике – монография «Деиндустриализация Америки», написанная известными экономистами Б. Блюстоуном и Б. Харрисоном [Bluestone, Harrison]. Позднее в том же году журнал «Тайм», комментируя экономическую ситуацию в регионе, впервые применил к нему яркую характеристику «ржавая чаша» (rust bowl)⁵. Вскоре это название (особенно в более позднем варианте «ржавый пояс» (rust belt)) прочно закрепилось за промышленной частью Среднего Запада.

Ключевые статистические итоги почти 20-летнего периода, рассмотренного в этой работе, представлены в таблицах 1 и 2. Еще раз оглянувшись на пройденный регионом путь, нетрудно заметить, что серия неблагоприятных обстоятельств местного, общенационального и международного масштаба привела к индустриальному упадку, который не-

Таблица 1

Процентные доли штатов Приозерья в ВВП США, 1963–1982 гг.

Штаты	1963	1970	1975	1980	1982	изм.*
Висконсин	2,10	1,99	2,02	1,95	1,85	–11,8
Иллинойс	6,51	6,20	5,98	5,35	5,12	–21,4
Индиана	2,58	2,42	2,35	2,17	2,02	–21,5
Мичиган	5,02	4,56	4,18	3,84	3,59	–28,6
Огайо	5,48	5,31	4,88	4,47	4,19	–23,5

* *Примечание.* Изменение доли в 1983 г. по сравнению с долей в 1963 г. (в процентах).

Таблица 2

**Процентные доли штатов Приозерья в общих показателях США
по производству отдельных товарных групп, 1963–1982 гг.**

Товары	1963	1970	1975	1980	1982	изм.*
первичный металл	40,3	40,2	38,1	38,3	38,0	-5,5
металлопрокат	45,7	39,1	38,2	33,7	31,9	-30,1
автомобили	71,2	64,6	68,4	62,7	65,9	-7,3
электротехника	32,5	28,6	27	21,3	19,1	-41,4
изделия из резины и пластика	39,0	34,8	32,5	29,9	28,8	-26,0

* *Примечание.* Изменение доли в 1983 г. по сравнению с долей в 1963 г. (в процентах).

сколько варьировался по территориям и отраслям, но при этом все равно был фактически всеобщим. Особо тяжелая ситуация в Мичигане все равно не позволяла говорить о сравнительной стабильности в других штатах, так же как спад в производстве первичных металлов не переставал быть серьезной проблемой из-за того, что провалы в машиностроении и нефтепереработке выражались еще более шокирующими числами.

В заключение, однако, следует отметить, что эта картина выглядела уже не такой безрадостной при переходе через исторический рубеж 1982 г. Статистика убедительно показывает, что к середине 1980-х гг. в Приозерье появились существенные признаки экономической стабильности. На смену периоду 20-летнего упадка, рассмотренному в данной статье, шел сопоставимый по длительности этап адаптации и модернизации (см. рис. 1). Большую роль в этот период предстояло сыграть упоминавшимся точкам роста (например, некоторым финансовым корпорациям [Никитин: 174–177]), немалое значение имели и целенаправленные усилия со стороны местной и федеральной власти [Согомнян: 60–62]. Но в любом случае последующие попытки экономической модернизации района Великих озер – это большая тема, требующая отдельного изучения с опорой на данные о кризисном периоде середины 1960-х – начала 1980-х гг.

Примечания

¹Здесь и далее вся количественная информация в тексте и таблицах, касающаяся экономики СВЦ и его отдельных штатов, включая детализацию по различным отраслям, а также все сопоставления с общими показателями страны приводятся по итогам расчетов, основанных на интерактивных сводках Бюро экономического анализа при Министерстве торговли США [Bureau...].

²New York Times. 21.09.1977.

³Washington Post. 17.07.1979.

⁴New York Times. 26.04.1981.

⁵Time. 27.12.1982.

Список литературы

Баканов С.А. Концепция «старопромышленных регионов» в историко-экономических исследовани-

ях: проблемы теории и историографии // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2015. № 24 (379). Вып. 66. С. 160–167.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена. М.: Либерком, 2010. 336 с.

Никитин Л.В. От домны к банку: развитие кредитного сектора в традиционных промышленных центрах США (1980-е – начало 2010-х гг.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2014. № 2 (25). С. 172–182.

Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.

Согомнян З.А. «Рейганомика» и модернизация старопромышленных районов на Среднем Западе США в 1980-е годы // Клио. 2018. № 10 (142). С. 58–63.

Терранова А. Небоскребы. М.: Астрель, 2004. 312 с.

Bureau of Economic Analysis (BEA). Regional Economic Accounts. URL: <http://www.bea.gov/regional/index.htm> (дата обращения: 06.05.2020).

Bluestone B., Harrison B. The Deindustrialization of America: Plant Closings, Community Abandonment, and the Dismantling of Basing Industry. New York, Basic Books, 1982, 332 pp.

High S. Industrial Sunset: the Making of America's Rust Belt, 1969–1984. Toronto, University of Toronto Press, 2003, 318 p.

High S., Lewis D.W. Corporate Wasteland. The Landscape and Memory of Deindustrialization. Ithaca (N. Y.), IRL Press, 2007, 192 p.

Nikitin L.V. National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s – 2015. Журнал Сибирского Федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 11. С. 2545–2553.

U.S. Census Bureau. Population. Population Estimates. Historical Data. URL: <http://www.census.gov/popest/data/historical> (дата обращения: 05.05.2020).

References

Bakanov S.A. *Kontseptsiiia «staropromyshlennykh regionov» v istoriko-ekonomicheskikh issledovaniakh:*

problemy teorii i istoriografii [The Concept of the “Old Industrial Regions” in the Historical and Economic Studies: Problems of Theory and Historiography]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriiia* [Bulletin of Chelyabinsk State University: History], 2015, № 24 (379), pp. 160–167. (In Russ.)

Grinin L.E., Korotaev A.V. *Global'nyi krizis v retrospektive. Kratkaia istoriia pod"emov i krizisov ot Likurga do Alana Grinspena* [The Global Crisis in Retrospect. A Brief History of Booms and Crises from Lycurgus to Alan Greenspan]. Moscow, Librokom Publ., 2010, 336 p. (In Russ.)

Nikitin L.V. *Ot domnykh k banku: razvitie kreditnogo sektora v traditsionnykh promyshlennykh tseftrakh SShA (1980-e – nachalo 2010-kh gg.)* [From Blast Furnaces to Banks: Development of Credit Sector in Traditional Industrial Centres of the USA (1980s – early 2010s)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia* [Perm University Herald. History], 2014, № 2 (25), pp. 172–182. (In Russ.)

Smirniagin L.V. *Raiony SShA: portret sovremennoi Ameriki* [Regions of the USA: a Portrait of Modern America]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 379 p. (In Russ.)

Sogomonian Z.A. *«Reiganomika» i modernizatsiia staropromyshlennykh raionov na Srednem Zapade SShA*

v 1980-e gody [“Reaganomics” and Modernization of Old Industrial Areas in the Midwest of the USA in the 1980s]. *Klio* [Clio], 2018, № 10 (142), pp. 58–63.

Terranova A. *Neboskreby* [Skyscrapers]. Moscow, Astrel' Publ., 2004, 312 p. (In Russ.)

Bureau of Economic Analysis (BEA). Regional Economic Accounts. URL: <http://www.bea.gov/regional/index.htm> (access date: 06.05.2020).

Bluestone B., Harrison B. *The Deindustrialization of America: Plant Closings, Community Abandonment, and the Dismantling of Basing Industry*. New York, Basic Books, 1982, 332 p.

High S. *Industrial Sunset: the Making of America's Rust Belt, 1969–1984*. Toronto, University of Toronto Press, 2003, 318 p.

High S., Lewis D.W. *Corporate Wasteland. The Landscape and Memory of Deindustrialization*. Ithaca (N. Y.), IRL Press, 2007, 192 p.

Nikitin L.V. *National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s – 2015*. *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 2015, vol. 8, № 11, pp. 2545–2553.

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-65-69>
УДК 323(7+5)“1990/1991”

Христенко Дмитрий Николаевич
Ярославский государственный медицинский университет

ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ (1990–1991 ГГ.) И НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЖ. БУША-СТАРШЕГО

В статье анализируется внешнеполитическая концепция «нового мирового порядка» Д. Буша-старшего, которую он выдвинул в ходе войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.). Несмотря на свою короткую длительность, ближневосточный конфликт стал символом трансформации международных отношений, обусловленной кризисом биполярной системы, и становлением Соединенных Штатов как главной военно-политической силы в мире. Вследствие этого Вашингтон стремился заново осмыслить свою роль на мировой арене. Эту задачу и была призвана решить концепция «нового мирового порядка». Основными источниками для данной статьи послужили мемуары бывшего американского президента Дж. Буша-старшего и его госсекретаря Дж. Бейкера, документы администрации Белого дома, а также публикации наиболее авторитетного издания по международным отношениям в США «Форин Аффферс». Методология исследования включает в себя пространственно-временной анализ Ф. Броделя, историко-описательный и историко-генетический методы. Отмечается, что внешнеполитическая концепция «нового мирового порядка» оказалась в центре общественного внимания и вызвала острую дискуссию в США, по итогам которой был отвергнут ее основной элемент – опора на союзников и верховенство международного права. Попытки российской дипломатии предложить скорректированную трактовку концепции «нового мирового порядка» не встретили понимания за океаном. Вашингтон взял курс на единоличное лидерство в мире, что спровоцировало дестабилизацию ситуации на мировой арене на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: война в Персидском заливе, Дж. Буш-старший, новый мировой порядок, внешняя политика, США, Ирак, ООН

Информация об авторе: Христенко Дмитрий Николаевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета, г. Ярославль, Россия

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.09.2020

Для цитирования: Христенко Д.Н. Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и новая внешнеполитическая концепция Дж. Буша-старшего // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 65-69. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-65-69>

Dmitrii N. Khristenko
Yaroslavl State Medical University

THE GULF WAR (1990–1991) AND NEW FOREIGN POLITICAL CONCEPT OF GEORGE HERBERT WALKER BUSH

The article examines the foreign policy concept of the «new world order» of George Herbert Walker Bush, which he put forward during the Gulf War (1990-1991). Despite its short duration, the Middle East conflict has become a symbol of the transformation of international relations initiated by the crisis of the bipolar system and arising of the United States as the main military and political world power. Consequently, Washington sought to rethink its role in the world arena. This task was intended to solve by the concept of a «new world order». The main sources for this article were the memoirs of the former American president and James Addison Baker III (U.S. Secretary of State), documents of White House' administration, as well as publications of «Foreign Affairs» – the most influential journal on international relations in the United States. The research methodology includes the space-time analysis of Fernand Paul Achille Braudel, historical-descriptive and historical-genetic methods. It is noted that the foreign policy concept of a «new world order» was in the centre of public attention and caused a heated discussion in the United States, as a result of which was rejected its main element – reliance on allies and the rule of international law. The attempts of Russian diplomacy to propose a corrected interpretation of the concept of a «new world order» did not meet the understanding overseas. Washington took a course towards sole leadership in the world that triggered the deterioration of the state of affairs in the world arena in the long term.

Keywords: Gulf War, George Herbert Walker Bush, new world order, foreign policy, USA, Iraq, United Nations

Information about the author: Dmitrii N. Khristenko, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Article received: September 10, 2020

For citation: Khristenko D.N. The Gulf War (1990–1991) and new foreign political concept of George Herbert Walker Bush. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 65-69 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-65-69>

Война в Персидском заливе, вспыхнувшая на Ближнем Востоке ровно тридцать лет назад, продолжалась всего около полугода, с августа 1990 г. до февраля 1991 г., но ее значение нельзя недооценивать. Принимая во внимание утверждение Ф. Броделя о том, что наиболее существенную роль в историческом процессе играет история «длительного времени» [Бродель: 641], можно было бы сделать логическое умозаключение, что война в Персидском заливе не может считаться эпохальным событием. Однако это не так. Взятый в контексте окончания холодной войны, ближневосточный конфликт стал кульминационной точкой происходившей на глазах современников трансформации международных отношений, связанных с распадом биполярной системы и выходом США на позиции ведущей военно-политической силы в мире.

Не случайно, что именно в ходе войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.), президентом Дж. Бушем-старшим была выдвинута концепция «нового мирового порядка», предлагавшая совершенно иную перспективу действий Вашингтона на мировой арене.

Ощущение глубокой исторической значимости происходящих событий было осознано Дж. Бушем-старшим и его советником по вопросам национальной безопасности Б. Скоукрофтом всего через три недели после начала войны в Персидском заливе, первым этапом которой стало вторжение иракских войск в Кувейт. В конце августа 1990 г. в Белом доме состоялась дискуссия, в ходе которой Дж. Буш-старший и Б. Скоукрофт пришли к выводу о том, что вся внешняя политика Соединенных Штатов находится на пороге «фундаментальных изменений» [Буш, Скоукрофт: 316]. Подобная ситуация была связана с тем, что СССР впервые за «сорок лет конфронтации» открыто поддержал Вашингтон, совместно с Белым домом осудив действия режима С. Хусейна [Буш, Скоукрофт: 316]. Тогда же американским президентом была сформулирована фраза, которая станет ключевой в его новой внешнеполитической концепции: «В сравнении с периодом, который нам довелось пережить, предстоящая эра представлялась новым мировым порядком, и эта фраза – пусть не очень оригинальная – в тот день использовалась нами для характеристики открывающихся перед нами возможностей» [Буш, Скоукрофт: 316].

Так, сначала для внутреннего круга своих сотрудников, а впоследствии и для широкой общественности Дж. Бушем-старшим был задан новый идеологический дискурс внешнеполитических действий США. Стоит отметить, что лежащая в его основе идея американского исключительного права вмешиваться в международные отношения прослеживалась еще у Рональда Рейгана, при котором Дж. Буш-старший занимал должность вице-

президента. Но если при Р. Рейгане речь преимущественно шла о праве США возглавлять борьбу «свободного мира» с «коммунистической угрозой» СССР, то администрация Дж. Буша-старшего перешла к трактовке американской исключительности как права определять не только внешнею, но и внутреннюю политику суверенных стран независимо от отношений Москвы и Вашингтона. В частности, в апреле 1989 г., как отмечал Б. Скоукрофт, Белый дом решил «сделать перемены в Восточной Европе самостоятельной целью, а не просто инструментом, который будет использоваться против Советского Союза. В практическом плане это означало, что мы будем в большей мере следить за внутренней политикой этих стран и экономическими реформами, чем за внешней политикой как критерием американской поддержки» [Буш, Скоукрофт: 316]. Агрессия Ирака против Кувейта и начало войны в Персидском заливе дали возможность Дж. Бушу-старшему публично сформулировать новую внешнеполитическую стратегию.

В выступлении перед американскими законодателями на Капитолийском холме 11 сентября 1990 г. глава Белого дома масштабно очертил две главные составляющие «нового мирового порядка»: идею противодействия агрессии с позиций морали и международного права, а также убеждение в необходимости американского лидерства. Президент США заявил о рождении «нового мира», подчеркнув, что «ни один диктатор не может больше рассчитывать на конфронтацию между Востоком и Западом, которая блокировала согласованные действия ООН против агрессии». Дж. Буш-старший отметил, что «на смену закону джунглей приходит верховенство права», и роль Соединенных Штатов в поддержании легитимного миропорядка возрастает в чрезвычайной степени¹.

Последовавшие многочисленные обращения Дж. Буша-старшего к концепту «нового мирового порядка» на протяжении всего кризиса в Персидском заливе спровоцировали в США активное обсуждение перспектив развития внешней политики страны. Развернулась широкая дискуссия, в которой приняли участие известные журналисты, общественные деятели, ученые и члены ведущих «мозговых центров».

Главный вектор обсуждения был связан с внутренним наполнением концепции «нового мирового порядка» в том смысле, как его заявил Дж. Буш-старший, что и определило основные направления дискуссии. Эксперты, подчеркивавшие первый компонент – противодействие агрессии на основе моральных ценностей и права – полагали, что политика США должна опираться на развитую систему коллективной безопасности, что означало опору на союзников, разделяющих базовые ценностные установки, и авторитетные международные организации. К приверженцам данного направления от-

носились такие исследователи, как А. Рубинштейн, Б. Руссет и Дж. Суттерлин. В их интерпретации новый мировой порядок означал возрождение идеи коллективной безопасности, выдвинутой В. Вильсоном после Первой мировой войны, предполагавшей создание международной организации – Лиги Наций и системы взаимных межгосударственных обязательств с целью коллективного отражения любой возникшей агрессии одной страны против другой [Rubinstein; Russet, Sutterlin].

Наоборот, эксперты, подчеркивавшие второй компонент – американское лидерство – были уверены, что Вашингтон должен взять на себя руководство на мировой арене, доказывая преимущество однополярного мира во главе с США. Варьировались только оценки масштабов американской вовлеченности – если Ч. Краутхаммер выступал за подавляющую гегемонию США, то Збигнев Бжезинский высказывался за «выборочное глобальное присутствие», полагая достаточным контроль наиболее важных мировых центров [Krauthammer, Brzezinski].

Сам Дж. Буш-старший в ходе войны в Персидском заливе занял промежуточную позицию, пытаясь совместить оба подхода. С одной стороны, он жестко блокировал попытки советского лидера М.С. Горбачева помешать проведению наземной военной операции против иракских войск в феврале 1991 г. [Буш, Скоукрофт: 424]. С другой стороны, американский президент подчеркивал, что США получили мандат на боевые действия от ООН, что Вашингтон создал солидную коалицию из арабских союзников (Египет, Сирия, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.) и что именно соображения того, что США ведут войну не ради собственной выгоды, но в интересах мирового сообщества, заставили его остановить боевые действия на границе с Ираком [Буш, Скоукрофт: 435–436].

Действительно, нельзя сомневаться, что обладая подавляющим превосходством над вооруженными силами С. Хусейна, американские войска могли бы достаточно легко войти в Багдад и свергнуть одиозного иракского лидера. Однако этого не произошло, более того, С. Хусейн успешно подавил восстания курдов и шиитов весной – летом 1991 г., продемонстрировав, что по-прежнему контролирует обстановку в стране.

Все это вызвало разочарование и в экспертной среде, и в американском обществе. Стало очевидно, что Америку гораздо больше заботят собственные национальные интересы, чем отвлеченные идеи о «новом мировом порядке», где господствуют моральные ценности и действует система коллективной безопасности. Буквально по горячим следам вышли работы серьезных американских исследователей Р. Хилсмана и Дж. Рекорда, где итоги войны оценивались не иначе как «политическая неудача» и «пустая победа» [Hilsman, Record].

Такое же мнение стало распространяться и среди жителей США. К лету 1991 г., по результатам опросов общественного мнения, большинство респондентов – 67 % – считали, что война окончилась «неполной победой», а 57 % опрошенных заявили, что они «разочарованы» политикой Буша, давшей С. Хусейну возможность остаться у власти [Hess: 218].

Даже такой видный теоретик международных отношений, как Г. Киссинджер, постфактум резко раскритиковал Дж. Буша-старшего. Бывший советник по национальной безопасности и госсекретарь США был убежден, что необходимо было довести войну в Персидском заливе до своего логического конца и устранить С. Хусейна с политической сцены [Киссинджер: 208].

В результате Дж. Буш-старший, как он сам признавался в своих мемуарах, написанных на основе дневниковых записей, внутренне испытал чувство горького разочарования. Оно было связано с отсутствием формальной безоговорочной капитуляции Ирака подобно капитуляции нацистской Германии в 1945 г., что оставило у него неприятный осадок [Буш, Скоукрофт: 433].

Разочарование итогами войны в американском обществе дополнялось растущим неприятием самой сути внешнеполитической концепции Дж. Буша-старшего. Причем критика зазвучала со стороны крайне активной и влиятельной социальной группы, образующей саму основу его электората – правых консервативных христианских республиканцев из южных штатов. Символом этого недовольства стал бестселлер влиятельного религиозного проповедника Пэта Робертсона «Новый мировой порядок», вышедший в 1991 году. В нем предсказывалось создание глобальной диктатуры, центром которой станет Организация Объединенных Наций. В результате произойдет полная трансформация всей жизни американского общества, когда и внешняя, и внутренняя политика США окажутся под контролем ООН [Олбрайт: 106–107]. Несмотря на очевидную абсурдность этих утверждений, работа П. Робертсона получила широкую популярность в консервативных кругах.

Более здравые критические аргументы высказывались ранее на Капитолийском холме. Еще перед началом военной операции «Буря в пустыне» против иракских войск сенатор-демократ Боб Керри от штата Небраска предупреждал, что использование американских войск в Персидском заливе станет трагической ошибкой, из-за которой потенциал создания «нового мирового порядка» будет променян на привычный метод ведения дел на мировой арене. Вместо того чтобы сделать упор на дипломатию и многостороннее сотрудничество, Вашингтон в результате войны неизбежно вернется к опоре на силовые методы решения вопросов в международных отношениях [Baker: 349].

И даже ключевой сотрудник администрации Дж. Буша-старшего, госсекретарь Дж. Бейкер, по всей видимости, не вполне разделял понимание внешнеполитической концепции с главой Белого дома. Описывая в своих мемуарах процесс постконфликтного урегулирования на Ближнем Востоке после окончания войны, Дж. Бейкер признавал, что Вашингтон не смог предложить внятного объяснения новой внешнеполитической концепции, что, по его мнению, породило путаницу и неправильное восприятие. Сам госсекретарь заявлял, что под «новым мировым порядком» необходимо понимать не отсутствие региональных конфликтов, но распространение демократических идей под руководством США [Baker: 415].

Тем не менее в ходе предвыборных дебатов в 1992 г. Дж. Буш-старший вновь обратился к концепции «нового мирового порядка», формулируя свои внешнеполитические приоритеты. Американский президент отметил, что для него новый мировой порядок «означает свободу и демократию», предполагает активное «вовлечение» в ситуацию на мировой арене и отказ от изоляционизма. Дж. Буш-старший отметил, что только военные усилия США в ходе кризиса в Персидском заливе предотвратили сценарий, при котором «С. Хусейн захватил бы три пятых мировых нефтяных запасов и уже бы имел ядерное оружие»². Однако избирателей подобные заявления не убедили, и Дж. Буш-старший, в вину которому прежде всего ставили спад в экономике США, не смог переизбраться на второй срок, уступив свое место У. Клинтону.

Новая администрация США практически сразу же отказалась от использования понятия «нового мирового порядка», выдвинув в качестве основы своей внешней политики концепцию «расширения демократии», автором которой был советник У. Клинтона по национальной безопасности Э. Лейк [Войтловский: 311]. Но примечательно, что в новой внешнеполитической доктрине сохранился важнейший элемент старой – заявка на американское лидерство в мире. Были лишь несколько по-иному смещены акценты, что определило новое прочтение минувших событий.

Так, оригинальную трактовку войны в Персидском заливе предложил в 1997 г. авторитетный исследователь Р. Хаасс, доказывавший, что в ходе ближневосточного конфликта Вашингтон впервые выступил в принципиально новой роли – роли добровольного «мирового шерифа», возглавившего временную коалицию государств, заинтересованных в решении конкретной задачи – отражение агрессии Ирака. Тем самым был создан прецедент для формирования подобных временных коалиций в будущем [Haass].

Таким образом, отголоски дискуссии о «новом мировом порядке» продолжались все 1990-е годы, причем не только в США, но и в России. И если

первая половина этого десятилетия прошла под знаком дипломатии А. Козырева, нацеленной на безоговорочное сотрудничество с западными партнерами, то после того как министром иностранных дел был назначен Е. Примаков, позиция России была изменена в сторону более решительного и твердого отстаивания национальных интересов.

Е. Примаков попытался предложить скорректированную трактовку «нового мирового порядка», подчеркивая, что с окончанием холодной войны произошел переход от мировой биполярной системы не к однополярному, а к многополюсному миру. Главная сложность заключалась в том, что не изменилось наполнение международных отношений, и на смену системы «баланса сил» великих держав так и не «пришло равноправное партнерство».

В связи с этим, доказывал Е. Примаков, действительный переход к «новому мировому порядку» был бы возможен лишь при условии недопущения возникновения «новых разделительных линий» на мировой арене, освобождения от «менталитета «ведущих» и «ведомых» государств, демократизации международных экономических отношений, а также «скоординированности» и «кооперативности» в решении глобальных вопросов, включая укрепление международной безопасности и помощь развивающимся странам [Примаков: 5–6].

Данные постулаты не нашли понимания в Вашингтоне, где, наоборот, все сильнее укреплялась вера в свою исключительность. Это стало очевидно во время бомбардировок Югославии 1999 г., спровоцировавших острый кризис в российско-американских отношениях, символом которого стал знаменитый «разворот над Атлантикой» главы российского правительства.

Спустя четыре года, в 2003 г., США без какой-либо санкции ООН и при единодушном осуждении мирового сообщества развязали новую войну с Ираком, и американские войска вошли в Багдад. Это стало началом долгосрочного кризиса на Ближнем Востоке, который обернулся многочисленными разрушениями и жертвами как среди гражданского населения, так и американских солдат. Правительства Франции и Германии публично осудили действия Вашингтона и американский гегемонизм. Примечательно, что в вышедшей в том же году знаменитой работе американского аналитика Роберта Кейгана «О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке», посвященной феномену трансатлантического раскола, отмечалось, что его начало восходит как раз к правлению Дж. Буша-старшего. Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) продемонстрировала, утверждал Р. Кейган, фундаментальную разницу в подходах к окончанию холодной войны: в то время как Европа надеялась «получить порядочные дивиденды от мира», США стремились «пожать плоды» своей однополярности, когда у Вашингтона «появилась

возможность осуществлять вмешательства где угодно и когда угодно» [Кейган: 28–30]. Соглашаясь с данной оценкой, можно добавить, что односторонняя политика США, доведенная до своего крайнего воплощения, вызвала отторжение даже у ближайших союзников в Европе.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что у концепции «нового мирового порядка» Дж. Буша-старшего, выдвинутой в ходе войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.), оказалась очень короткая жизнь. Она не нашла действительной поддержки ни в американском обществе, ни в политических кругах, ни среди союзников. В результате вместо выстраивания равноправного сотрудничества с партнерами на мировой арене, включая и Россию, и ведущими международными организациями (ООН) Вашингтон взял курс на силовое решение международных кризисов, что привело к дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке, а впоследствии и в других регионах мира на длительную перспективу.

Примечания

¹ Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. September 11, 1990. Public Papers of the Presidents of the United States: George H.W. Bush. 1990. Book II: July 1 to December 31, 1990. Wash., GPO, 1991, pp. 1219.

²The Second Clinton-Bush-Perot Presidential Debate. Second Half of Debate. October 15, 1992. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-15-1992-second-half-debate-transcript/> (дата обращения: 12.08.2020).

Список литературы

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3: Время мира. 680 с.

Буш Дж., Скоуक्रофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004. 502 с.

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годов. М.: Крафт+, 2007. 453 с.

Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М.: РОССПЭН, 2004. 160 с.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. 350 с.

Олбрайт М. Религия и мировая политика. М., 2007. 352 с.

Примаков Е. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.

Baker J. The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace, 1989–1992. New York, G.P. Putnam's Sons, 1995, 687 p.

Brzezinski Z. Selective Global Commitment. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 4, pp. 1–20.

Haass Richard N. The Reluctant Sheriff: the United States after the Cold War. New York, Council on Foreign Relations, 1997, 148 p.

Hess Gary R. Presidential Decisions for War: Korea, Vietnam, the Persian Gulf and Iraq. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 2009, 328 p.

Hilsman R. George Bush vs. Saddam Hussein: Military Success! Political Failure? Novato. California, Lyford Books, 1992, 273 p.

Krauthammer Ch. The Unipolar moment. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 1, pp. 23–33.

Record J. Hollow Victory: a Contrary View of the Gulf War. New York, Brassey's, 1993, 186 p.

Rubinstein A.Z. New World Order or Hollow Victory. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 4, pp. 53–65.

Russet B., Sutterlin J. The U.N. in a New World Order. Foreign Affairs, 1991, vol. 70, № 2, pp. 69–83.

References

Braudel F. *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 3: Vremja mira* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3: The Perspective of the World]. Moscow, Progress Publ., 1992, 680 p. (In Russ.)

Bush G., Scowcroft B. *Mir stal drugim* [A world transformed]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2004, 502 p. (In Russ.)

Vojtolovskij F.G. *Edinstvo i razobshhennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo miroporjadka 1940–2000-e gody* [Unity and disunity of the West: ideological reflection in the minds of the elites of the United States and Western Europe of the transformations of the political world order of the 1940–2000s]. Moscow, 2007, 453 p. (In Russ.)

Kissinger H. *Nuzhna li Amerike vneshnjaja politika?* [Does America Need a Foreign Policy?]. Moscow, Ladomir Publ., 2002, 350 p. (In Russ.)

Albright M. *Religija i mirovaja politika* [The Mighty and Almighty]. Moscow, 2007, 352 p. (In Russ.)

Primakov E. *Mezhdunarodnye otnoshenija nakanune XXI veka: problemy, perspektivy* [International relations on the eve of the XXI century: problems, prospects]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [The Mighty and Almighty], 1996, № 10, pp. 3–13. (In Russ.)

**РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛАТВИИ В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД:
ВЗАИМОСВЯЗЬ СТАТУСА С МЕСТНОЙ ПОЛИТИКОЙ ПАМЯТИ**

В статье рассматривается изменение статуса русскоязычного населения Латвии во взаимосвязи с местной политикой памяти. В данной работе нам удалось проанализировать значительное количество законодательных источников Латвийской Республики, в том числе на латышском языке, и раскрыть причинно-следственные связи в принятии решений касательно национальных меньшинств. Опираясь на выделенный законодательный материал (часть которого вводится в научный оборот впервые), а также работы латвийских авторов, мы проследили изменения в политическом и социально-экономическом статусе русскоязычного населения Латвии на протяжении 1990-х – 2000-х гг. и можем констатировать, что местная государственная историческая политика была непосредственно связана с государственными интеграционными мероприятиями и явилась идеологической платформой для складывания дискриминационного законодательства по отношению к национальным меньшинствам. Тем не менее русскоязычное население, оказавшись в крайне неблагоприятных условиях, с резко снизившимся социально-экономическим и политическим статусом, сумело консолидироваться и адаптироваться к условиям независимой Латвии, заняв свою нишу во всех сферах общественного пространства.

Ключевые слова: русскоязычное население Латвии, политика памяти, государственная историческая политика, интеграция национальных меньшинств

Информация об авторе: Зверев Кирилл Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарных наук и социальных технологий Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия

E-mail: zverew.kir@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.10.2020

Для цитирования: Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в контексте местной политики памяти (1991–2014 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 70–77. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-70-77>

Kirill A. Zverev
Kostroma State University

**THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION OF LATVIA IN THE MODERN PERIOD:
CORRELATION OF STATUS WITH LOCAL STATE HISTORICAL POLITICS**

The article considers the change in the status of the Russian-speaking population of Latvia in conjunction with the local memory policy. In this work, we were able to analyse a significant number of legislative sources of the Republic of Latvia, including in the Latvian language, and to reveal cause-and-effect relationships in decision-making regarding national minorities. Based on the highlighted legislative material (some of which are introduced into scientific circulation for the first time), as well as the works of Latvian authors, we traced changes in the political and socio-economic status of the Russian-speaking population of Latvia during the 1990s - 2000s. We can state that the local state-historical policy is directly related to state integration measures and it was the ideological platform for discriminatory legislation in relation to national minorities. Nevertheless, the Russian-speaking population found itself in unfavourable conditions, a sharply reduced socio-economic and political status, managed to consolidate and adapt to the conditions of independent Latvia, taking its niche in all spheres of social society.

Keywords: Russian-speaking population of Latvia, politics of memory, state historical policy, integration of national minorities

Information about the author: Kirill A. Zverev, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kostroma State University, Kostroma, Russia

Article received: October 5, 2020

For citation: Zverev K.A. The Russian-speaking population of Latvia in the modern period: correlation of status with local state historical politics. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 70–77 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-70-77>

В течение XX в. Прибалтийский регион претерпел коренные изменения в этническом плане. Если в 1930-х гг. Эстония, Латвия, Литва являлись в целом моноэтническими государствами с явным доминированием коренного населения (более 85 %)¹, то за период пребывания в составе СССР во всех трёх республиках в несколько раз возросла доля русскоязычных, в особенности в Латвии, где, согласно переписи 1989 г., доля латышей снизилась до 52,1 % от всего населения, русскоязычные же составили 47 %².

В данной статье термином «русскоязычное население» мы обозначаем постоянных жителей Прибалтийских республик (в первую очередь Латвии), для которых русский язык является родным или функционально первым языком, независимо от их этнического происхождения (например, для этнических русских или лиц других национальностей). Под *политикой памяти* мы понимаем набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие [Миллер: 6–23]. Понятие «*историческая политика*» используется нами как синоним политики памяти.

В годы перестройки в Латвийской ССР, как и в других частях Советского Союза, активизировались националистические силы, выступавшие за большую самостоятельность от Москвы. Данные патриоты-националисты оформились в Народный фронт Латвии, который одержал победу на выборах 1990 г. в местный республиканский Совет и начал активно действовать.

4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР принимает «Декларацию о восстановлении государственной независимости Латвийской Республики»³. В документе отмечалось об оккупации Латвии Советским Союзом в 1940 г., а создание Латвийской ССР объявлялось юридически ничтожным с самого начала⁴. Декларация возобновляла действие Конституции Латвии от 15 февраля 1922 г., а также Рижского мирного договора между РСФСР и Латвией от 11 августа 1920 г. Позже, 21 августа 1991 г., ссылаясь на Декларацию о восстановлении независимости, Верховный Совет Латвии подтвердил независимость республики, приняв конституционный закон «О государственном статусе Латвийской Республики»⁵, в котором повторялись основные тезисы вышеупомянутой декларации. Эти документы стали основой для формирования латвийской государственной исторической политики.

Здесь следует отдельно процитировать выдержки из преамбулы восстановленной и дополненной позднее конституции: «*Латвийское государство, провозглашенное 18 ноября 1918 года, создано путем объединения исторических латышских земель на основании непреложной воли латышской нации*

и ее неотъемлемого права на самоопределение, чтобы гарантировать существование и развитие латышской нации, ее языка и культуры на протяжении веков. <...> Народ Латвии не признавал оккупационные режимы, сопротивлялся им и снова обрёл свободу, восстановив государственную независимость 4 мая 1990 года на основании непрерывности государственности. Народ Латвии почитает тех, кто боролся за его свободу, чтит память жертв чужой власти, осуждает коммунистический и нацистский тоталитарные режимы и их преступления. <...> Идентичность Латвии в культурном пространстве Европы с давних времен формируется латышскими и ливскими традициями, латышской жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями»⁶. Прослеживается явный этноцентризм Основного закона, в целом отвечавший реалиям 1920-х гг., когда этнические латыши доминировали в Республике и стояла задача создания национального государства. К 1991 г. ситуация кардинально изменилась – ведь нелатыши составляли до 48 % населения – конституция же фактически никак на данное обстоятельство не реагировала. Другой важный момент преамбулы – это трактовка всего периода истории Советской Латвии как периода «оккупации», а также тезис о правопреемственности и восстановлении Латвийской государственности в 1990 г.

Закономерным продолжением реставрации межвоенного Латвийского государства стало принятие 15 октября 1991 года Верховным Советом Латвийской Республики постановления «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации»⁷, согласно которому гражданство Латвии было признано только за лицами, бывшими гражданами Латвийской Республики на 17 июня 1940 года, и их потомками. Все остальные – по большей части русскоязычные, прибывшие в страну в период существования Латвийской ССР, – должны были пройти процедуру натурализации⁸.

В свете принятия данного закона до 30 % населения Латвии (почти 800 000 человек) [Бузаев: 10] приобрели статус неграждан, при том что часть из них поддержали стремление республики к независимости от СССР. Вне латвийского гражданства остались и 50 тысяч этнических латышей, которые ещё до 1918 года поселились в России и вернулись в Латвию лишь в годы советской власти [Марьяш: 139].

Интересно, что в опросе о независимости Латвии, проводившемся в марте 1991 г., приняли участие 1 666 128 жителей республики, из которых 1 227 562 человек (73,7 %) проголосовали «за» выход из состава СССР⁹. Если сопоставить данные переписи населения ЛССР за 1989 г.¹⁰ с результатами данного опроса-референдума, то полу-

чается, что до половины местных русскоязычных поддержали независимость Латвии [Розенвалдс: 152], то есть были весьма лояльны к правительству Народного фронта. Однако данный факт не смог переломить националистический уклон местного истеблишмента, опасавшегося, что в случае реализации нулевого варианта предоставления гражданства нелатыши изберут враждебных для нарождающегося государства представителей, которые в итоге «запросто ликвидируют эту независимость» [Марьяш: 138].

Логика латвийского руководства здесь была тесно связана с оформлявшейся государственной исторической политикой. Тезис о «советской оккупации», по замыслу официальной Риги, прекрасно согласовывался с положением статьи 49 Женевской конвенции 1947 г., которая гласит, что «*Оккупирующая держава не сможет депортировать или перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию*»¹¹. То есть оккупационная держава – Советский Союз – переместила своих «колонистов» – местных неграждан – на территорию оккупированной Латвии. Значит, «русские колонисты» не могут получить гражданство автоматически, должны либо покинуть Латвию («Чемодан – вокзал – Россия») [Клауцен; Марьяш], либо пройти процедуру натурализации.

По нашему мнению, подобное решение вопроса гражданства было продиктовано нежеланием национальной элиты делиться властью и экономическими благами с потенциальными конкурентами – нелатышами. В условиях предстоящих выборов во все органы власти правом избирать и быть избранными были наделены лишь правоприменные граждане. Кроме того, отсутствие гражданства налагало ограничения в возможностях трудоустройства и участия в приватизации государственной собственности [Богушевич: 72–78].

Только 12 апреля 1995 г. Сейм принимает закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства»¹² (Закон «О негражданах»). Данный закон регулировал статус лиц, оставшихся после распада Советского Союза в Латвии, но не являвшихся её гражданами. Тогда же начался процесс натурализации, для успешного прохождения которого требовалось сдать экзамен на знание латышского языка, истории Латвии, её Конституции, а также принести клятву на верность Республике. Кроме того, первые годы существовали особые ограничительные квоты о количестве ходатайств на получение гражданства – «окна натурализации». В период с 1995 по 1998 гг. по закону натурализоваться могли 150 000 неграждан, но сделали это лишь 11 400 жителей [Бутулис: 222]. Лишь в 1998 г. под давлением ОБСЕ на референдуме были приняты поправки к закону о гражданстве¹³, отменявшие «окна на-

турализации» и упрощавшие процедуру получения латвийского паспорта (упрощённая процедура для лиц старше 65 лет и детей, родившихся после 21 августа 1991 г.)

Таким образом, возникла парадоксальная ситуация – с 1991 по 1995 г. до трети населения независимой Латвии не только не получили автоматически гражданство, но и не имели возможности натурализоваться. По мнению ряда исследователей [Бузаев, Никифоров; Фурман, Задорожнюк: 457–458], это была попытка реализации надежды на массовый выезд нелатышского населения из страны (как это было с балтийскими немцами в 1939–1941 гг.) и возвращения к моноэтническому государству. Но данные расчёты не оправдались, хотя часть русскоязычного населения покинуло Латвию¹⁴. Степень поддержки данного тренда этническими латышами показывают результаты голосования на референдуме 1998 г., когда 45 % граждан высказались против упрощения процедуры натурализации¹⁵.

Следующим «ударом» по нелатышскому населению стало принятие Закона о языке 1992 г.¹⁶ и его новой редакции от 1999 г.¹⁷ Единственным государственным языком провозглашался латышский, свободное владение им явилось обязательным для всех государственных служащих, а также работников сферы обслуживания – от врачей до продавцов. Был учреждён и контролирующий орган – Инспекция государственного языка, в обязанность которой вменялась проверка уровня владения латышским языком (вплоть до отстранения от работы лица, показавшего низкие знания), наблюдение за СМИ в дублировании всей информации на государственном языке и др. При этом закон совершенно не реагирует на тот факт, что до трети населения страны являются русскоязычными, а два крупнейших города страны – Рига и Даугавпилс – латышскими являются лишь наполовину. Об уровне владения латышским официальная статистика свидетельствует следующее. Если в 1989 г. только 23 % представителей национальных меньшинств владели латышским языком, то в 2000 г. латышским языком владели уже 53 %, а в 2009 г. – около 92 %, в 2014 г. латышским языком в той или иной степени владели 94 % представителей национальных меньшинств. 3/4 молодых людей – представителей национальных меньшинств в возрасте от 18 до 24 лет – ответили, что «отлично» (39 %) или «хорошо» (38 %) знают латышский язык¹⁸.

Финский исследователь Юкка Рислакки считает вышеозначенные цифры официальной статистики завышенными и приводит данные о 80 % русскоязычных, способных говорить по-латышски [Рислакки: 76–77]. По мнению Рислакки, латышское двуязычие уже осуществлено, и в будничной жизни это означает «русификацию», так как обычно латыши подчиняются ситуации и говорят с русски-

ми по-русски. Согласно исследованиям, нелатыши чувствуют себя в городах уютнее, чем латыши, поэтому в Латвии не может быть применен финский вариант двуязычия [Рислаки: 77].

По мнению исследователей, русский язык в Латвии царит особенно в технических областях, на производстве, на транспорте, в сфере ИТ и в банках. В конце советского времени 62 % рабочих в Латвии были нелатышами, 65 % врачей не понимали по-латышски. Сейчас русский язык доминирует в частном секторе (кроме сельского хозяйства), им необходимо владеть на государственной и муниципальной службе. В Латвии бизнесмены и работодатели зачастую являются русскими и рассматривают Латвию как часть русскоязычной Европы, считают, что их работники должны хорошо знать русский. Это лишает многих латышей из провинции возможности работать в крупных городах Латвии [Рислаки; Veckalne: 10–11].

Бесспорный факт – знание латышского языка среди русскоязычного меньшинства возросло многократно за годы независимости. Разумеется, значительную, хотя и противоречивую роль здесь сыграли и реформы в сфере образования национальных меньшинств.

В период существования Латвийской ССР в республике функционировала билингвальная система образования, позволявшая пройти все ступени обучения – от детского сада и школы до университета и аспирантуры как на латышском, так и на русском языках. Однако в соответствии с местной политикой памяти и тезисами о «советской оккупации» и целенаправленной политике советского руководства по ассимиляции латышей» [Пуренс, Лиепиня; Кениньш; Kurlovičs, Tomašūns] у системы двуязычного образования не было шансов на сохранение. В 1990-е гг. начался постепенный перевод русскоязычных школ на латышский язык обучения (3 предмета в средней школе осваивались на государственном языке). Важной вехой здесь явился Закон об образовании 1998 г.¹⁹ и поправки к нему²⁰, согласно которым с 1 сентября 2004 г. на латышском языке должны были преподавать не ме-

нее 3/5 учебных часов в 10–12 классах школ национальных меньшинств (в средней школе 60 % учебного содержания осваивается на латышском языке, а 40 % – на языке национального меньшинства)²¹. Фактический перевод старшей ступени в русскоязычных школах на латышский вызвал массовые акции протеста учащихся и их родителей, но реформа была продолжена. Оппоненты школьной реформы называют её попыткой ассимиляции национальных меньшинств и указывают на снижение уровня знаний у русскоязычных школьников [Плинер, Бухвалов: 64–80].

Помимо прочего, в социально-экономическом плане на статус русскоязычного населения повлияла и другая сторона государственной исторической политики – а именно реституция собственности, национализированной после включения Латвии в состав СССР. Соответствующий закон²² был принят в Латвии на заре независимости – осенью 1991 г. и привел к тому, что порядка 220 тыс. человек (10 % жителей Латвии) проживали в квартирах и домах, подлежащих возврату бывшим владельцам [Худенко] (а значит, должны либо арендовать данное жильё, либо освободить его). Официальной статистики о национальной принадлежности данных лиц не существует. Однако, учитывая тот факт, что в экспропрированное жильё селили, как правило, вновь прибывших в республику специалистов (в основном русскоязычных), а также то обстоятельство, что каждый пятый рижанин оказался квартиросъёмщиком в денационализируемом доме [Худенко] (этнические латыши в Риге к 1991 г. составляли менее половины населения²³), можно предположить, что именно русскоязычное население и пострадало в значительной степени от реституции.

Тем не менее, несмотря на все перечисленные выше особенности, будет ошибочным считать, что русскоязычное население Латвии было полностью лишено возможности влиять на принятие важных политических решений и не смогло самоорганизоваться для отстаивания своих прав. Натурализация и приобретение латвийского гражданства открыва-

Таблица 1

Уровень электоральной поддержки партии «Русский союз Латвии» (до 2014 г. «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии»)24

Выборы	%	Количество мандатов
Парламентские выборы 1998	14	16 (из 100)
Парламентские выборы 2002	19	25 (из 100)
Европарламент 2004	10,66	1 (из 9)
Парламентские выборы 2006	6	6 (из 100)
Европарламент 2009	9,66	1 (из 8)
Парламентские выборы 2010	1,4	0
Парламентские выборы 2011	0,78	0
Парламентские выборы 2014	1,58	0
Европарламент 2014	6,38	1 (из 8)

Уровень электоральной поддержки партии «Центр согласия»²⁵

Выборы	%	Количество мандатов
Парламентские выборы 2006	14,4	17 (из 100)
Европарламент 2009	19,6	2 (из 8)
Парламентские выборы 2010	26	29 (из 100)
Парламентские выборы 2011	29,5	30 (из 100)
Парламентские выборы 2014	23	24 (из 100)
Европарламент 2014	13	1 (из 8)

ло возможность избирать и быть избранным, чем незамедлительно воспользовались представители общины. Одной из первых русскоязычных политических партий Латвии стало основанное в 1993 г. «Движение за социальную справедливость и равноправие», позднее переименованное в «Равноправие», затем появилась «Русская Партия», «Социалистическая партия Латвии» и др. Активизация процесса натурализации и необходимость консолидации в борьбе за избирателей побудили данные силы к объединению в 1998 г. в «Русский союз Латвии» (*Latvijas Krievu savienība*; до 2014 г. «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» / *PCTVL – Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā*), который стал весьма популярным у нелатвийского населения (см. табл. 1).

Падение популярности «Русского союза Латвии» к концу 2000-х гг. объясняется появлением конкурента в лице другой русскоязычной партии «Центр согласия» (ЦС, латгш. *Saskaņas centrs*, SC), которая добивается значительных успехов (см. табл. 2).

Разумеется, данные политические силы пользуются поддержкой исключительно русскоязычной общины. В Латвии, в отличие от соседней Эстонии, избирательными правами обладают исключительно граждане страны. Неграждане лишены возможности участвовать в политической жизни. Тем не менее увеличение количества натурализовавшихся нелатвийцев приводит к их вовлечению в электоральные процессы. Политические партии и голосование здесь, как в Литве и Эстонии [Зверев: 109–112], разделены по этническому принципу – это также можно назвать следствием реализации политики памяти. Однако, находясь в менее благоприятном правовом положении по сравнению с соседними Прибалтийскими республиками, именно русскоязычное население Латвии сумело консолидироваться и создать крупные политические объединения, способные отстаивать интересы национальных меньшинств не только на местном или республиканском уровне, но и в общеевропейском пространстве. Но это не смогло повлиять на пересмотр основ местной политики памяти и на статус латвийских русских.

Подводя итог, можно констатировать, что проводимая официальной Ригой политика памяти была непосредственно связана с государственными интеграционными мероприятиями и явилась

идеологической платформой для складывания дискриминационного законодательства по отношению к национальным меньшинствам.

Тем не менее местное русскоязычное население, оказавшись в крайне неблагоприятных условиях, с резко снизившимся социально-экономическим и политическим статусом, сумело консолидироваться и адаптироваться к условиям независимой Латвии, заняв свою нишу во всех сферах общественного пространства.

Примечания

¹ *Rahvaloendused Eestis: 1881, 1897, 1922, 1934, 1959, 1970, 1979, 1989 = Population censuses in Estonia = Переписи населения в Эстонии / Statistikaamet. – Tallinn: Statistikaamet, 1997. 55 l.; Ceturtais tautas skaitīšana Latvijā 1935. Gadā // Centrālā statistiskās pārvalde. URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/tautas-skaitisana/meklet-tema/186-ceturta-tautas-skaitisana-latvija-1935-gada> (дата обращения 15.07.2019); Lietuvos gyventojai 1923 // Lietuvos statistikos departamentas. URL: <https://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=16374> (дата обращения: 16.07.2019).*

² 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

³ Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. Maijā // Latvijas Republikas Saeima. URL: http://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 21.08.2019); Текст декларации на русском языке: О восстановлении независимости Латвийской Республики: Декларация Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики // Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). URL: <http://www.gorby.ru/userfiles/latvia.pdf> (дата обращения: 21.08.2019).

⁴ Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. Maijā // Latvijas Republikas Saeima. URL: http://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 21.08.2019).

⁵ Par Latvijas Republikas valstisko statusu // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512>; Конституционный Закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики» // Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). URL: http://www.gorby.ru/userfiles/latvia_21.pdf (дата обращения: 21.08.2019).

⁶ Цит. по: Конституция Латвийской Республики на русском языке (официальный перевод) // Centrālās vēlēšanu komisijas: сайт Центральной избирательной комиссии. URL: https://www.cvk.lv/upload_file/krievu/Satversme_RUS.pdf (дата обращения: 31.01.2020).

⁷ Par Latvijas Republikas pilsoņu tiesību atjaunošanu un naturalizācijas pamatnoteikumiem // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69914> (дата обращения: 21.08.2019).

⁸ Натурализация (от фр. *naturaliser*) – индивидуальный прием в гражданство иностранца по его заявлению. Обычно натурализация возможна после более или менее длительного проживания иностранца на территории данного государства (в Латвии также требуется владение официальным языком государства, наличие средств к существованию, отсутствие судимостей и т. п.), круг прав у натурализованных граждан уже, чем у прирождённых (не могут быть избраны президентом, могут быть лишены гражданства).

⁹ Iedzīvotāju aptauja par Latvijas Republikas neatkarību (Опрос населения о независимости Латвийской Республики) // Centrālās vēlēšanu komisijas: сайт Центральной избирательной комиссии. URL: <http://web.cvk.lv/pub/public/27555.html> (дата обращения: 30.01.2020).

¹⁰ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

¹¹ Цит. по: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (дата обращения: 22.08.2019).

¹² Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības (закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства») // Latvijas Vēstnesis. № 63. 25.04.1995. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> (дата обращения: 02.02.2020).

¹³ Grozījumi Pilsonības likumā (поправки к закону «О гражданстве») // Latvijas Vēstnesis.

№ 315/316. 27.10.1998. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> (дата обращения: 02.02.2020).

¹⁴ Latvijas 2000.gadadatautas skaitīšanas rezultāti / Statistikas datu krājums. (Results of the 2000 population census in brief: statistical bulletin / Central Statistical Bureau of Latvia.). Rīga: Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde, 2002. 294 p.

¹⁵ 1998. Gada Tautas nobalsošana (Референдум 1998 г.) // Centrālās vēlēšanu komisijas (Сайт Центральной избирательной комиссии). URL: <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/base.velbals> (дата обращения: 03.02.2020).

¹⁶ Par grozījumiem un papildinājumiem Latvijas Padomju Sociālistiskas Republikas Valodu likumā (Поправки к Закону о языке Латвийской Советской Социалистической Республики) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. № 15/16. 16.04.1992.

¹⁷ Valsts valodas likums (Закон о государственном языке) // Latvijas Vēstnesis. № 428/433. 21.12.1999. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740> (дата обращения: 05.02.2020).

¹⁸ Програма освоения латышского языка // Сайт Министерства Иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integracija-obshestva-v-latvii/programma-osvoeniya-latyshskogo-yazyka> (дата обращения: 03.02.2020).

¹⁹ Izglītības likums (Закон об образовании) // Latvijas Vēstnesis. № 343/344. 17.11.1998. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/50759> (дата обращения: 09.02.2020).

²⁰ Grozījumi Izglītības likumā (Поправки к Закону об образовании) // Latvijas Vēstnesis. № 24. 13.02.2004. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/84315> (дата обращения: 09.02.2020).

²¹ Введение системы образования для национальных меньшинств // Сайт Министерства Иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integracija-obshestva-v-latvii/vvedenie-sistemy-obrazovaniya-dlya-nacionalnyh-menshinstv-istoricheskij-obzor> (дата обращения: 09.02.2020).

²² Par pamīprašumu denacionalizāciju Latvijas Republikā (Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. 21.11.1991. № 46.

²³ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

²⁴ Centrālās vēlēšanu komisijas: сайт Центральной избирательной комиссии. URL: <https://www.cvk.lv/ru/vyboru/vyboru-v-seim> (дата обращения: 31.01.2020).

²⁵ Centrālās vēlēšanu komisijas: сайт Центральной избирательной комиссии. URL: <https://www.cvk.lv/ru/vyboru/vyboru-v-seim> (дата обращения: 23.02.2020).

Список литературы

Богусевич Т. Политическое участие и представительство национальных меньшинств и их доступ к государственной службе // Балтийские исследования. Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе: сб. науч. трудов / Клуб исследователей Восточной Европы. Калининград: КГУ, 2004. Вып. 2. С. 72–78.

Бузаев В.В. Неграждане Латвии. Рига: ЛКПЧ, 2007. 117 с.

Бутулис Илгварс. История Латвии / лит. Перевод: Роалд Добровенский. Рига: Jumava, 2010. 239 с.

Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления: сб. статей. Москва; Рига: Московское бюро по правам человека, 2012. 238 с.

Зверев К.А. Особенности «Русского вопроса» в Эстонии 1992–2009 гг. на уровне муниципальной политики (на примере Таллина) // Клио. 2014. № 11 (95). С. 109–112.

История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.

Кениньш И. История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.

Клауцен А.П. Песенная революция. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. 425 с.

Марьяш Р.М. Калейдоскоп моей памяти. Рига: Acis, 2003. 470 с.

Миллер А.И. Россия: Власть и общество // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46), май – август. С. 6–23.

Плинер Я.Г., Бухвалов В.А. Реформа школ национальных меньшинств в Латвии: анализ, оценка, перспективы. Рига, 2008. 140 с.

Рислакки Ю. Манипуляции фактами: латвийский вариант: четырнадцать острых вопросов и прямых ответов; перевод с финского языка Геннадия Муравина. Рига: Jumava, 2011. 283 с.

Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 149–161.

Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В.В., Никифоров И.В.; предисл. Жданок Т.А.; под ред. Демурина М.В., Симиндя В.В. Москва: Фонд «Историческая память», 2009. 280 с.

Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры //

Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. Вып. 5. С. 439–479.

Худенко К. Сегодня будем ломать вашу дверь. Как Латвия отмечает 25 лет с начала денационализации жилья. URL: [rus.DELFI.lv](https://rus.delfi.lv/news/daily/story/segodnya-budem-lomat-vashu-dver-kak-latviya-otmechaet-25-let-s-nachala-denacionalizacii-zhilya.d?id=48096673). Режим доступа: <https://rus.delfi.lv/news/daily/story/segodnya-budem-lomat-vashu-dver-kak-latviya-otmechaet-25-let-s-nachala-denacionalizacii-zhilya.d?id=48096673> (дата обращения: 22.02.2020).

Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga, Zvaigzne ABC, 1999, 44 l.

Veckalne S. Latvieši vai krievi. Kurš kuru? Rīgas Balss, 2007, 11 janv., № 2, pp. 10–11.

References

Bogushevich T. *Politicheskoe uchastie i predstavitel'stvo nacional'nyh men'shinstv i ih dostup k gosudarstvennoj sluzhbe. Baltijskie issledovaniya. Nacional'nye i religioznye men'shinstva v Baltijskom regione: Sbornik nauchnyh trudov. Klub issledovatelej Vostochnoj Evropy* [Political participation and representation of national minorities and their access to public service. Baltic Studies. National and Religious Minorities in the Baltic Region: Collection of Scientific Papers. Club of Eastern Europe Researchers]. Kaliningrad, KGU Publ., 2004, vol. 2, pp. 72–78. (In Russ.)

Buzaev V.V. *Negrazhdane Latvii* [Non-citizens of Latvia]. Riga, LKPCH Publ., 2007, 117 p. (In Russ.)

Butulis Ilgvars. *Istoriya Latvii* [History of Latvia], trans. by Roald Dobrovenskij. Riga, Jumava Publ., 2010, 239 p. (In Russ.)

Diskriminaciya russkih v stranah Baltii: prichiny, formy, vozmozhnosti preodoleniya [Discrimination against Russians in the Baltic States: reasons, forms, opportunities to overcome. Digest of articles]: sbornik statej. Moscow, Riga, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka Publ., 2012, 238 p. (In Russ.)

Zverev K.A. *Osobennosti «Russkogo voprosa» v Estonii 1992–2009 gg. na urovne municipal'noj politiki (na primere Tallina)* [Peculiarities of the “Russian Question” in Estonia 1992–2009. at the level of municipal policy (in example of Tallinn)]. Klio, 2014, № 11 (95), pp. 109–112. (In Russ.)

Istoriya Latvii: kniga dlya uchitelya: eksperim. metod [History of Latvia: a book for a teacher: experiment. method. allowance]: posobie, ed. by Vilnis Puren, Dzintra Liepinya; per. s latyshskogo. Riga, RaKa Publ., 2000, 241 p. (In Russ.)

Kenin'sh I. *Istoriya Latvii: uchebnik dlya 8–9-h klassov* [History of Latvia: a textbook for grades 8–9]. Riga, Zvajgzne Publ., 1990, 223 p. (In Russ.)

Klaucen A.P. *Pesennaya revolyuciya. Kak latyshskie nacionalisty pobedili krasnyh latyshskih streлков. Vospominaniya* [Song revolution. How the Latvian nationalists defeated the Red Latvian riflemen. Memories]. M., Svet Publ., 2018, 425 p. (In Russ.)

Mar'yash R.M. *Kalejdoskop moej pamyati* [Kaleidoscope of my memory]. Riga, Acis Publ., 2003, 470 p. (In Russ.)

Miller A.I. *Rossiya: Vlast' i obshchestvo* [Russia: Power and Society]. *Pro et Contra*, 2009, № 3–4 (46), maj – avgust, pp. 6–23. (In Russ.)

Pliner YA.G., Buhvalov V.A. *Reforma shkol nacmen'shinstv v Latvii: analiz, ocenka, perspektivy* [Reform of minority schools in Latvia: analysis, assessment, prospects]. Riga, 2008, 140 p. (In Russ.)

Rislakki YU. *Manipulyacii faktami: latvijskij variant: chetyrnadcat' ostryh voprosov i pryamyh otvetov* [Manipulation of Facts: Latvian Version: Fourteen Poignant Questions and Direct Answers]; trans. by Gennadiy Muravin. Riga, Jumava, 2011, 283 p. (In Russ.)

Rozenvalds YU. *Problema «(de)germetizacii» politicheskoy elity Latvii i Estonii: perspektivy russkoyazychnogo men'shinstva* [The problem of “(de) sealing” the political elite of Latvia and Estonia: the prospects of the Russian-speaking minority]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2012, № 3 (9), pp. 149–161. (In Russ.)

Sovremennaya evropejskaya etnokratiya: Narushenie prav nacional'nyh men'shinstv v Estonii i Latvii [Contemporary European Ethnocracy: Violation of the Rights of National Minorities in Estonia and Latvia]. Buzaev V.V., Nikiforov I.V.; predisl. ZHdanok T.A.; pod red. Demurina M.V., Simindeya V.V. Moscow, Fond «Istoricheskaya pamyat'» Publ., 2009, 280 p. (In Russ.)

Furman D., Zadorozhnyuk E. *Social'nye problemy rossijskogo zarubezh'ya. Prityazhenie Baltii: Baltijskie russkie i baltijskie kul'tury* [Social problems of the Russian diaspora. Attraction of the Baltic: Baltic Russian and Baltic cultures]. *Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic States and Russia: Societies and States]. M., Referendum, 2002, vol. 5, pp. 439–479. (In Russ.)

Hudenko K. *Segodnya budem lomat' vashu dver'. Kak Latviya otmechaet 25 let s nachala denacionalizacii zhil'ya* [Today we will break down your door. How Latvia celebrates 25 years since the beginning of housing denationalization]. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/story/segodnya-budem-lomat-vashu-dver-kak-latviya-otmechaet-25-let-s-nachala-denacionalizacii-zhilya.d?id=48096673> (access date: 22.02.2020).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-78-82>
УДК 821.161.1

Волкова Татьяна Фёдоровна

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Макарова Екатерина Игоревна

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ-МУСУЛЬМАН АВТОРОМ «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

В статье рассматривается одна из особенностей «Казанской истории», повести о трехсотлетней истории взаимоотношений Руси и Казанского царства, – необычное отношение автора, сторонника политики Ивана Грозного, к казанцам, которые в ряде случаев изображаются им сочувственно, приводятся примеры разрушения литературного этикета в Повести, разъясняются причины подобных описаний, кроющиеся в биографии безымянного автора «Казанской истории». В статье в данном аспекте рассмотрены эпизоды о нарушении великим князем московским Василием Василевичем договора с беглым крымским царем Улу Ахметом о его пребывании у границ Руси (глава 9), об измене Ивану III казанского хана Махмет-Амина и его дальнейшем раскаянии (глава 12), о предательстве казанского царя Шигалея, ставленника Москвы, погубившего спасшего его казанского вельможу Чуру Нарыковича (глава 25). Во всех этих эпизодах Казанской истории находят отражение не только обстоятельства личной симпатии к казанцам автора Повести, прожившего двадцать лет пленником в Казани, но и характерная для литературы XVI века тенденция – разрушение литературного этикета.

Ключевые слова: «Казанская история», разрушение литературного этикета, персонажи-мусульмане, взятие Казани

Информация об авторах: Волкова Татьяна Фёдоровна, доктор филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Макарова Екатерина Игоревна, магистр, преподаватель, Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И.А. Куратова, г. Сыктывкар, Россия

E-mail: ekaterina.st123@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.08.2020

Для цитирования: Волкова Т.Ф., Макарова Е.И. Изображение персонажей-мусульман автором «Казанской истории» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 78-82. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-78-82>

Tat'yana F. Volkova

Sorokin Syktyvkar State University

Yekaterina I. Makarova

Sorokin Syktyvkar State University

IMAGE OF MUSLIM CHARACTERS BY THE AUTHOR OF "KAZAN CHRONICLE"

One of the features of "Kazan Chronicle" – the manuscript of the three hundred year history of relations between Russia and Kazan Khanate – is the unusual attitude of the author, a supporter of the policy of Ivan the Terrible, to the Kazan Tatars (the latter ones in some cases are portrayed sympathetically by him), is discussed in the article; examples of the destruction of literary etiquette in the "Chronicle" are given, the reasons for such descriptions, hidden in the biography of the unnamed author of "Kazan Chronicle", are explained. Episodes about violation of the contract with the fugitive Crimean tsar Ulanus, about the stay of the latter at the borders of Russia, by Vasily II the Blind, the Grand Prince of Moscow (Chapter 9), about treason of Kazan Khan Muhammad Amin against Ivan III the Great and about the further repentance of the former (Chapter 12), the perfidy of Shahghali, Khan of Kazan, who was Moscow's appointee, and killing by him of Chura, son of Naryk, Kazan nobleman who had saved him (Chapter 25), are discussed in the article in this aspect. In all those episodes of "Kazan Chronicle", what is reflected is not only the circumstances of the personal sympathy towards Kazan Tatars from the side of the author of the "Chronicle", who had lived for twenty years as a prisoner in Kazan, but also the destruction of literary etiquette, which was a trend characteristic of the 16th century literature.

Keywords: "Kazan Chronicle", destruction of literary etiquette, Muslim characters, Siege of Kazan

Information about the authors: Tat'yana F. Volkova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Komi autonomy, Russia

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Yekaterina I. Makarova, Master, teacher, Kuratov Syktyvkar Humanitarian Pedagogic College, Syktyvkar, Komi autonomy, Russia

E-mail: ekaterina.st123@mail.ru

Article received: 12 August, 2020

For citation: Volkova T.F., Makarova Ye.I. Image of Muslim characters by the author of "Kazan Chronicle". Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 78-82 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-78-82>

«Казанская история» – одно из самых интересных и значительных произведений русской литературы XVI в., позволяющее проникнуть в круг узловых проблем развития средневековой русской литературы, ее связей с литературой нового времени. Написанная в годы обостренных отношений Ивана Грозного с феодальной знатью, она отразила – в трактовке исторических событий – политическую борьбу 60-х годов XVI в., когда она создавалась (1564–1565). В этой борьбе автор «Казанской истории» последовательно стоит на стороне Ивана Грозного [Моисеева 1964: 7]. И в этом плане «Казанская история» вписывается в целый ряд произведений, рассказывающих о взятии Казани русскими войсками в 1552 г., таких как «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», «Степенная книга царского родословия». Но «Казанская история» в ее первоначальной редакции значительно отличается от этих произведений и охватом событий (рассказу о казанском походе 1552 г. предшествуют 50 глав повествования обо всей истории русско-казанских отношений, начало которой автор «Казанской истории» возводит ко временам Батыя), и жанровыми особенностями (в «Казанской истории» использованы художественные достижения практически всех основных средневековых жанров, сформировавшихся к XVI веку в русской литературе), и развитым сюжетом, в котором обнаруживаются все используемые в новой литературе элементы сюжета, выстраивающиеся при этом не в одну, а в три сюжетные линии, которые накладываются друг на друга, но вполне самостоятельны. Это, во-первых, история военных столкновений русских с казанцами, во-вторых, описание мирных переговоров московских великих князей с казанскими царями и предательств некоторых казанских правителей и мурз, которые порождали новые военные конфликты между русскими и казанцами, в-третьих, особая – провиденциальная – сюжетная линия, рассказывающая о том, как вмешивался божественный промысел в историю военных отношений Руси и Казани. И все эти сюжетные линии служат раскрытию идейного замысла автора – показать личные заслуги Ивана Грозного в казанской победе, изобразить его участие в казанском взятии как боговводимый подвиг и оправдать московского самодержца за пролитую в Казани кровь – как русскую, так и казанскую [Волкова 1985: 309–312].

В «Казанской истории» наряду с освоенным уже русской литературой публицистическим вымыслом активно вводится и вымысел художественный, который служит только цели занимательности повествования, не подчиняясь никаким идеологическим установкам [Волкова 1989: 68–76].

Но особенно резко отличалась «Казанская история» от современной ей исторической литературы отношением автора к тогдашним врагам Руси –

казанцам, людям иной веры, своими набегам на русские селения доставлявшим много горя русскому населению. Отношение это было необычным для произведений того времени и в литературном, и в нравственном отношении. Именно эти необычные описания воинов-врагов привели акад. Д.С. Лихачева к очень важному для поэтики древнерусской литературы наблюдению о разрушении литературного этикета в XVI в., когда к врагам Руси стали применяться такие этикетные формулы, которые раньше применялись только к русским воинам [Лихачёв: 10–11]. И эти нарушения впервые обнаруживаются именно в «Казанской истории». Вот, например, как описывается в ней воинская доблесть казанцев и их патриотизм: «И много съкшеса казанцы, и многих от вой русских убивше, и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земли своей» [Казанская история: 524].

И таких характеристик в «Казанской истории» достаточно много. При этом необычно изображаются и русские воины – как жестокие и беспощадные: «Рустии же вои... рыскашу, яко звѣрие по пустынямъ, съмо и овамо, яко лвы рыкашу, восхитити лова – ищущи казанцевъ, в домѣх их и во храминах, и в погребѣх, и въ ямах скрывающихся. И гдѣ аще обрѣташу казанца стара или юношу, или средоличнаго, и ту скорѣ того оружиемъ своимъ смерти предаваху...» [Казанская история: 524].

Отметим также, что отношение автора «Казанской истории» к казанцам было двояким: автор осуждает тех предводителей казанцев, под руководством которых разорялись русские земли, уводились в плен русские люди, которые нарушали данные московским великим князьям клятвы о мире и изменяли им. Именно из-за жесткой непримиримой позиции казанских военачальников, по мысли автора, и пролилась в 1552 г. казанская кровь, хотя не только сам царь уговаривал казанцев обойтись без кровопролития, но и пленная черемиса и даже их жены и матери, что очень ярко описано в Повести.

Но совсем иначе автор «Казанской истории» относится к простым казанцам, показывая, как много они натерпелись страха в ходе осады и взятия Казани. Они изображаются как жертвы неумного правления казанских царей и вельмож. Так, рассказывая о последствиях для казанцев взрыва пороха в подкопах, прорытых русскими воинами под казанскими стенами, автор «Казанской истории» ярко описывает смертельный испуг жителей Казани: «А иже внутрь во градѣ казанцы, мужи и жены, от страха силнаго гряновения омертвѣша, и падоша ниць на землю, чающи под собою земли погрязнути или содомский огонь, с небеси сшедши, попалити их. И быша, аки камыщи, безгласни, друг на друга зряще, яко изумлени, и ничтоже друг ко другу своему провѣщати могуше, и долго лежаще» [Казанская история: 514].

Поразительно также и то, что автор «Казанской истории» сочувственно относится не только к простым казанцам, но и к некоторым казанским царям и вельможам, которые сами становились жертвами предательства русских людей и своих же единоверцев в разных жизненных обстоятельствах.

Такому необычному отношению к персонажам-иноверцам, за которыми стояли исторические личности, находится объяснение в столь же необычной биографии автора «Казанской истории», имя которого, к сожалению, не сохранилось. Он сообщил о самых драматических эпизодах своей жизни, связанных с Казанью, в начале своей «красной» повести, как он сам называет созданное им произведение. Согласно его признанию, он провел целых 20 лет в Казани, попав в плен к казанцам, по-видимому, во время одного из их набегов на Русь. Став пленником, он принял мусульманство и благодаря этому получил возможность быть приближенным ко двору казанских царей и установить дружеские отношения с казанскими вельможами. При этом автор «Казанской истории» приоткрывает завесу и над причинами, которыми он при этом руководствовался. Они были намного глубже простого желания сохранить свою жизнь в плену. Судя по созданному им произведению, это был человек весьма образованный, талантливый и любознательный. Оказавшись при дворе царя Сафа-Гирея, он попытался изучить историю страны, в которую его занесла судьба: стал искать материалы о зарождении Казанского царства в русских летописцах, но там мало что нашел для себя полезного; тогда он стал собирать казанские предания и не побоялся вставить эти мусульманские легенды в свое произведение. Он стал расспрашивать казанских вельмож, что им известно о начале казанского царства. Интересен тот факт, на который обратила внимание Г.Н. Моисеева, что автор «Казанской истории» не воспользовался возможностью вернуться на родину в 1551 г., в правление московского ставленника на казанском престоле Шах-Али (Шигалей «Казанской истории»), когда все русские были отпущены на родину. Он же остался в Казани почти до конца осады города. Исходя из того, что безымянный автор все же покинул Казань и уже перед самым ее взятием вернулся к православной вере, более того, получил от Ивана Грозного земельный надел на Руси, исследовательница высказала предположение о том, что он выполнял в Казани какое-то тайное правительственное задание [Моисеева 1953: 274]. В чем оно состояло, судить сейчас невозможно, но ясно, что оно не помешало русскому человеку всей душой полюбить казанцев, страдания которых он наблюдал собственными глазами.

Приведу несколько наиболее ярких примеров сочувственного отношения автора к своим мусульманским героям, которые в некоторых жизненных ситуациях повели себя более по-христиански, чем

русские великие князья и некоторые казанские правители – ставленники Москвы: проявили христианское смирение и пришли к подлинному покаянию, за что и получили от Бога поддержку.

Так, например, в главе 9-й «Казанской истории» рассказывается о событиях, произошедших во время правления на Руси великого князя Василия Васильевича. Автор «Казанской истории» описывает его конфликт с золотоордынским ханом Улу-Ахметом, который, лишившись в 1436 г. в результате междоусобной борьбы престола, бежал на Русь. Обосновавшись возле Москвы, он стал собирать войско, чтобы отомстить князю Едыгею за свое изгнание из Орды. Великий князь Василий Васильевич, услышав о военной активности Улу-Ахмета, испугался, подумав, что тот собирается напасть на Русскую землю, и отправил к нему своих послов, чтобы те попросили Улу-Ахмета уйти от границ Руси. Улу-Ахмет стал просить великого князя дать ему возможность еще некоторое время задержаться на московской территории: «Брате, господине мой, мало ми время помедли, яко вборзе имамъ пойти от земли твоея. Никоего же зла тебѣ никако же сотворю по обѣщаю же нашему с тобою и по любви, но и впредь и до смерти моея, егда мя устроить Богъ и паки сѣсти на царствии моемъ» [Казанская история: 320–322]. Однако, как отмечает автор «Казанской истории», Василий Васильевич забыл слова Писания, что «покорно слово сокрушает кости и смиренныя сердца и сокрушенныя Богъ не уничтожитъ» [Казанская история: 322] и послал на Улу-Ахмета брата своего Дмитрия Галицкого. Улу-Ахмет в отчаянии обратился к «русскому Богу»: «Видь нынѣ скорбь и бѣду мою, но помози ми и буди намъ истинный судия, правосуде межъ мною и великимъ княземъ, и обличи вину коегождо насъ. Ищеть бо онъ неповинно убити мя, яко подобно время обрѣтъ и ищеть неправедно погубити мя. Обѣщанием нашимъ и клятву с нимъ солгалъ и преступилъ, и великое бжежение мое и прежнюю мою любовь к нему, аки любезному сыну, забывъ, видя мя нынѣ в велицей напасти и бѣдѣ утѣсняема zelно и погибающа отвсюду» [Казанская история: 322–324]. И Бог услышал его молитвы: русское войско, посланное на Улу-Ахмета, было разбито, потому что, как говорит автор, «покорение бо и смирение» Улу-Ахмета «пренеможе и побѣди великаго князя нашего свирѣпое сердце» [Казанская история: 324]. В завершение этого эпизода, комментируя описанное, автор говорит: «яко не токмо спомогает Богъ христианомъ, но и поганымъ способствуетъ» [Казанская история: 324].

Интересна в рассматриваемом аспекте и история взаимоотношений другого казанского хана, Махмет-Амина, и великого князя Ивана III (глава 12). Махмет-Амин был воспитан при дворе Ивана III, куда он попал в 1479 г. десятилетним мальчиком после неудавшейся попытки русских

посадить его на ханский престол в Казани вместо брата. Но через шесть лет, в 1485 г., Иван III все же поставил Махмет-Амина на царство в Казань. После смерти брата Алехамы Махмет-Амин женился на своей снохе. Та, по словам автора «Казанской истории», «яко прелукавая змия, научаема от вельмож царевых, охавившиися о выи», стала советовать мужу изменить великому князю и перебить всех русских людей, живущих в Казани. Махмет-Амин «прелстися от злыя жены своея и послуша проклятого совѣта ея» [Казанская история: 330]. Великий князь Иван Васильевич не успел отомстить Махмет-Амину, потому что вскоре умер. Но за свои бесчинства Махмет-Амин был наказан Богом неизлечимой язвой («порази его Богъ язвою неизцелною от главы и до ногу его» [Казанская история: 338]). Эта тяжелая болезнь произвела в нем душевный переворот, и Махмет-Амин, осознав, что «бысть... неисцельнъ недугъ сей» ему «за неправду» его и «измѣну», глубоко раскаялся в своих злодеяниях и по-христиански оценил бесполезность всех своих богатств перед лицом смерти: «О, горе мнѣ, окаянному! Погибаю, и все золото и серебро, и царския вѣнцы, и златотворныя одежды, и многоценныя постели царския, и красныя мои жены, и предстоящыя ми отроки младыя, и добрыя кони, и величание, и честь, и дани многия, и все мое безчисленное богатство, и вся моя драгая царская узорочья оставляются инѣм по мнѣ! Аз же, поганый, токмо в суете труждахъся без ума, и нѣсть ми нынѣ пользы ни от жены-змии, прелстившия мя, ни от множества силы моея... – вся бо исчезоша, яко прахъ от вѣтра»» [Казанская история: 340].

Таким образом, автор «Казанской истории» приводит своего героя-мусульманина к осознанию важнейшей заповеди христианства о покаянии, которое единственно может спасти человеческую душу от гибели, и к пониманию того, что «русский Богъ» послал ему страшную болезнь за совершенное им предательство. Это подчеркнуто и авторским комментарием: «И се Богъ преступающим клятву воздает» [Казанская история: 340]. Раскаившийся Махмет-Амин отправляет к Василию Ивановичу послов с дарами, прося прощения за свои грехи, и вскоре умирает. Великий князь Василий Иванович «умилися о прощении царя того», простил ему всё, забыл о совершённом Махмет-Амином зле и с великой честью принял его дары.

В третьем сюжете, на котором мы еще хотим остановиться в этой статье, оба героя – мусульмане, но один находится в лагере московском, другой – в казанском. Второй, казанец, столкнувшись с несправедливостью своих соплеменников в отношении избранного ими добровольно и приведенного на царство в Казань из Руси служившего Москве касимовского царя, принимает решение помочь несправедливо униженному человеку и рассчитывает на его поддержку и помощь в совместном бегстве

на Русь, но первый, спасенный, забывает про своего спасителя. Эта печальная история рассказана автором в 25-й главе «Казанской истории». А герои ее – царь Шигалей, обманутый коварными казанцами, и знатный казанский вельможа Чура Нарыкович, как его именует автор «Казанской истории». Прелюдией к сюжету о Чуре служит рассказ о том, как после изгнания своего царя Сап-Кирея, ставленника Крыма, который отдавал в своем правлении приоритет крымцам, приехавшим с ним в Казань, казанцы остались без царя и стали думать о том, кого пригласить на Казанский престол. В этой ситуации они задумали очередную хитрость – попросить у московского великого князя на царство касимовского царя Шигалея, ему служащего, который в это время сильно досаждал им своими военными притеснениями – «всегдашним воеванием земли их», и уже в Казани избавиться от него. И этот замысел им почти удался, но здесь в сюжете появляется «большой князь» казанский Чура Нарыкович, который тогда «власть... над всѣми велику имѣяше в Казани» [Казанская история: 378]. Именно ему, пишет автор, «и вложи Богъ милосердие о царѣ, вѣрнаго ради его (то есть Шигалея) страдания за христианы» [Казанская история: 376]. Движимый этим, вложенным в него Богом, милосердием, Чура и помогает Шигалею, плененному казанцами, избежать неминуемой смерти, которую ему уготовили казанцы, и бежать в Москву. Сам же Чура, понимая, что за освобождение Шигалея он сам заплатит жизнью, собрав все свое семейство и все свое имение, решает бежать вслед за Шигалеем и сдаться на милость «московского царя». Он договаривается с Шигалеем, чтобы тот подождал его в условленном месте, и они вместе поехали бы на Русь: «Ты же, мною избавлень бывъ от смерти, не забуди мене... И аз готовъ буду с тобою из Казани бѣжати к Москвѣ... И совѣт ему даде, яко да дождеть его царь на нѣкоем мѣсте знаемъ...» [Казанская история: 378–380]. Но когда Чура достиг условленного места, то Шигалея там не оказалось: «И забы царь, и не пожда на мѣсте реченнѣм друга своего Чюры Нарыковича, избавльшаго его от смерти» [Казанская история: 380]. Когда же казанцы обнаружили бегство Шигалея и Чюры со всем его семейством, они отправились в погоню за ними. Но Шигалей успел далеко уйти, а Чуру они настигли. «Онъ же, обострожився от нихъ в мѣсте крѣпце, чая отбитися от нихъ. И бившеся с ними долго. И убиша своего храбраго воеводу Чюру Нарыковича и с сыном его, и со всѣми отроки его...» [Казанская история: 380–382]. Этот сюжет показался автору «Казанской истории» прекрасной иллюстрацией известного евангельского изречения, которым он и закончил эту главу: «И болши сея любви нѣсть ничто же, еже положити душу свою за господина своего или за друга» [Казанская история: 382].

На какие размышления наводят рассмотренные нами в этой статье эпизоды «Казанской истории», число которых можно значительно увеличить? Они свидетельствуют не только о таланте повествователя, которым, несомненно, обладал автор «Казанской истории». Он в полной мере «отработал» тот «земли удѣл», котрым его наградил Иван Грозный, чтобы он жил «служба ему». Это была в первую очередь писательская служба, с которой автор «Казанской истории» справился замечательно, создав произведение, в котором царь как избранник Божий предстает идеальной личностью, наделенной и полководческим талантом, и богомольностью, и справедливостью, и христианским смирением. Но в рамках этого идеализированного рассказа прорисовывается и другая грань личности его создателя – широта его христианской души, способной увидеть даже в человеке другой веры проявление истинно христианских качеств.

Список литературы

Волкова Т.Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 308–322.

Волкова Т.Ф. Развитие повествовательности и художественного вымысла в русской исторической литературе XV–XVII веков: учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1989. С. 57–76.

Казанская история / подгот. текста и пер. Т.Ф. Волковой // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М.: Художественная литература, 1985. С. 300–565.

Куликова Е.И. Единый принцип сюжетной организации в «Казанской истории» // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: материалы Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов. Сыктывкар, 13 мая 2016 года [Текст. науч. электрон. изд., на компакт-диске]. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 112–113.

Лихачев Д.С. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 5–16.

Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 266–290.

Моисеева Г.Н. Казанская история // Казанская история / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1964. С. 3–28.

References

Volkova T.F. *Rabota avtora "Kazanskoj istorii" nad sjuzhetom povestvovanija ob osade i vzjatii*

Kazani [The Work of the Author of the "Kazan Chronicle" upon the Plot of the Story about the Siege and Conquest of Kazan]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1985, vol. 39, pp. 308–322. (In Russ.)

Volkova T.F. *Razvitie povestvovatel'nosti i khudozhestvennogo vymysla v russkoj istoricheskoj literature XV–XVII vv.* [The Development of the Narrative and Fiction in Russian Historical Literature of the 15th–17th Centuries]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 1989, 90 p. (In Russ.)

Kazanskaja istorija, podgotovka teksta i perevod T.F. Volkovoj [Kazan Chronicle, text preparation and translation T.F. Volkova]. *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Vtoraja polovina XVI v.* [Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XVI century]. Moscow, Fiction Publ., 1985, pp. 300–565. (In Russ.)

Kulikova E.I. *Edinyj princip sjuzhetnoj organizacii v "Kazanskoj istorii"* [The Unified Principle of the Narration Structure in the "Kazan Chronicle"]. *Slovo i tekst v kul'turnom i politicheskom prostranstve: materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii studentov i aspirantov, 13 maja 2016 goda* [The Word and Text in the Cultural and Political Space: Materials of the All-Russian Scientific Conference of Students and Postgraduates, 13 May 2016]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 2016, pp. 112–113. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Literaturnyj jetiket drevnej Rusi (k probleme izuchenija)* [Literary etiquette of ancient Russia (on the problem of study)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, vol. 17, pp. 5–16. (In Russ.)

Moiseeva G.N. *Avtor "Kazanskoj istorii"* [The Author of the "Kazan Chronicle"]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 9, pp. 266–290. (In Russ.)

Moiseeva G.N. *Kazanskaja istorija* [Kazan Chronicle], podgot. teksta, vstupitel'naja stat'ja i primechanija G.N. Moiseevoj [Kazan Chronicle, preparations text, introductory article and notes by G.N. Moiseeva]. Moscow, Leningrad, 1964, pp. 3–28. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-83-88>
УДК 821.161.1.09"19"

Овчинина Ирина Алексеевна
Ивановский государственный университет

**«ЭТА ВЕЩЬ ПИСАНА ДЛЯ ЗНАТОКОВ»
(ПЬЕСА А.Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ ВСЁ КОТУ МАСЛЕНИЦА»)**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
исследовательского проекта 19-012-00070 А

В статье рассматриваются художественное своеобразие пьесы А.Н. Островского «Не всё коту масленица». Основное внимание уделяется характеру конфликта, особенностям развития драматургического действия. В связи с этим подчёркивается то новое в поэтике и в системе персонажей, что опровергает существовавшие в критике суждения о повторяемости тем и образов у Островского, утверждения о том, что пьеса свидетельствует о падении таланта драматурга. Прежде всего освещается, как в пьесе отражаются черты русского быта и нравов пореформенного периода, когда свободомыслие проявляется у непросвещённых людей, стремящихся к простому человеческому счастью. В сценах из московской жизни «Не всё коту масленица», как и в других произведениях Островского, комические ситуации органично сочетаются с тревожными, драматичными по сути, моментами. Отмечена ярко выраженная театральность, а также роль внесценических персонажей и событий, происходящих за пределами сценического пространства.

Ключевые слова: творчество А. Н. Островского, жанр, драматургическое действие, комизм, критика, конфликт, финал, персонаж, быт

Информация об авторе: Овчинина Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: ovchn@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.09.2020

Для цитирования: Овчинина И.А. «Эта вещь писана для знатоков» (пьеса А.Н. Островского «Не всё коту масленица») // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 83-88. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-83-88>

Irina A. Ovchinina
Ivanovo State University

**“THIS... IS WRITTEN FOR PUNDITS”
(ALEXANDER OSTROVSKY’S PLAY “IT’S NOT ALL SHROVETIDE FOR THE CAT”)**

The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00070 A

The article considers some specific artistic features of Alexander Ostrovsky’s play “It’s Not All Shrovetide for the Cat”. Special attention is paid to the character of the conflict and to the peculiarities of the drama action development. In this connection some new things in the poetics and the system of personages are underlined, and this refutes the existing critical opinion that Alexander Ostrovsky repeats himself in his themes and images, that the play manifests the decline of the playwright’s talent. First and foremost, the article pays attention to the fact how the play reflects the Russian mode of life, morals and manners after the Serfdom Abolition reform when freedom of thought is displayed by common uneducated people who are striving for their human happiness. Comic situations in the scenes from Moscow life “It’s Not All Shrovetide for the Cat” as well as in other Alexander Ostrovsky’s plays go with uneasy, dramatic in their essence moments and the combination is absolutely organic. The article points to the play’s pronounced theatricality and also to the role of those personages who do not appear on the stage directly but act in the situations which happen beyond the stage limits.

Keywords: Alexander Ostrovsky’s creative work, genre, drama action, comic, criticism, conflict, dénouement, personage, mode of life

Information about the author: Irina A. Ovchinina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: ovchn@yandex.ru

Article received: September 5, 2020

For citation: Ovchinina I.A. “This... is written for pundits” (Alexander Ostrovsky’s play “It’s Not All Shrovetide for the Cat”). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 83-88 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-83-88>

Сцены из московской жизни – так на завершающем этапе работы над пьесой «Не всё коту масленица» А.Н. Островский определил её жанр. Судя по черновому автографу, 10 марта 1871 г. драматург начал писать комедию, состоящую из нескольких актов, но затем, переосмысливая написанное, внёс существенное изменение: «Прежде чем перейти к финальным эпизодам, Островский пересматривает структуру пьесы, обозначенную 10 марта: зачёркивает слова “Действие” и вместо них вписывает “Сцена”» [Виноградов: 92]. Смена жанрового подзаголовка свидетельствует о том, насколько важно для драматурга как можно точнее определить особенности формы произведения.

В письме к Ф.А. Бурдину от 17 апреля 1871 г. Островский писал: «Это скорее этюд, чем пьеса, в ней нет никаких сценических эффектов; эта вещь писана для знатоков, тут главное: московский быт и купеческий язык, доведённый до точки, а во дворце ни о том, ни о другом понятия не имеют. Я боюсь, что после такой сильной пьесы, как “Лес”, эта покажется слабой и расхолодит произведённое уже впечатление» [Островский 11: 349]. Услышав пьесу на вечере у начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова, П. В. Анненков спешит поделиться с Островским впечатлением от «прелестных» сцен в письме от 27 апреля 1871 г.: «Сколько тут поучающего, а не пошлого комизма, какая отделка и что за язык – просто музыка. Говорят – это безделица, написанная в виде отдохновения, между делом, но и в безделице этой столько содержания, столько игры таланта, что о ней думается даже и более, чем о других, весьма заносчивых произведениях. И радует меня особенно то обстоятельство, что, под годами, не иссякает у Вас струя весёлости и творчества, а как будто кипит ещё сильнее» [Неизданные письма: 16–17].

Действительно, здесь видна и творческая весёлость, и лёгкость пера, запечатлевшего своеобразие характеров персонажей, их яркую речь, особенности уклада русского купечества, знакомый по ранним пьесам мир, в котором сосуществуют самодуры и зависящие от их своеволия безропотные люди. Увидеть в «безделице» глубокое содержание дано было немногим критикам. Но рядовой зритель, для которого и творил Островский, почувствовал, как много здесь правды, житейской мудрости, искренней любви к человеку, вдумчивые читатели отметили новое в содержании и в художественной отделке пьесы.

Четыре сцены, быстро сменяющие друг друга, отражают новые реалии быта и нравов пореформенной России. Это было время, когда свободолюбие затронуло не только просвещённую часть общества, но и людей, живущих скромной домашней жизнью. Со временем то, что было узаконено обычаями, нравами, традициями, начинает разру-

шаться, сталкиваясь со здоровым человеческим чувством: «...всё дурное потому и оказывается ужасным, что оно трагически нарушает здоровое и светлое существование человека и тем самым обличает свою неестественную, уродливую сущность» [Скафтымов: 499].

Сам конфликт между людьми, относящимися к одному сословию, но находящимися на разных уровнях благополучия и исповедующими разные жизненные ценности, содержит в себе зерно, из которого может произрасти драма. В пьесе «Не всё коту масленица» такой элемент, тяготеющий к драме, конечно, есть. Но он приглушён в целом комедийной основой произведения, хотя ситуация вполне могла бы развиваться в драматичном русле. Драма намечена в участии Ипполита, которого Ахов откровенно эксплуатирует, демонстративно унижает на глазах любимой девушки, в жизни матери и дочери Кругловых, понимающих, насколько тяжело их материальное положение. Драма происходит и в доме самодура Ахова: известно, что он загубил жизнь своей жены, что его семья практически развалилась. Подобного рода сведения рассыпаны по тексту пьесы и рисуют картину тяжелого гнёта, под которым находились разные персонажи, в том числе и внесценические (муж Кругловой, жена и сыновья Ахова). Самые неприглядные события, переданные в форме воспоминания или рассказа, в основном происходят за пределами сценического пространства. Эти штрихи очень важны для понимания и среды, и характера действующего лица. Натерпевшись обид от покойного мужа, такого же самодура, как и Ахов, Круглова боится за судьбу дочери, которой она признаётся: «А как приснится, бывало, по началу-то, твой покойный отец, так меня сколько раз в истерику ударяло. Верить ты, как я зла на них, на этих самодуров проклятых! И отец-то у меня был такой, и муж-то у меня был ещё хуже, и приятели-то его все такие же; всю жизнь-то они из меня вымотали. Да, кажется, приведишь только мне, так я б одному за всех выместила» [Островский 3: 343].

На сцене в основном звучит яркое слово, нередко вызывающее смех, то весёлый, то грустный, то ироничный или торжествующий. Островский здесь верен обозначившемуся ещё в начале творческого пути стремлению видеть в человеке лучшее, о котором он поведал в письме к М.П. Погодину от 30 сентября 1853 г.: «...этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим» [Островский 11: 57]. Соединением высокого с комическим отмечено большинство произведений драматурга. В сценах «Не всё коту масленица» нет «высокого героя», но есть персонажи, без пафоса и без лишних слов подчиняющиеся высоким нравственным принципам. С каким достоинством держатся мать и дочь Кругловы в присутствии Ахова, как Круглова не позволила Ипполиту совершить бесчест-

ный поступок – присвоить обманным путём деньги Ахова!

По справедливому замечанию В.Я. Лакшина, Островский в пьесе «Не всё коту масленица» через два десятилетия «заглянул в те же уголки Замошворечья», чтобы показать, «что тронулось, перемешалось, и что осталось неизблемым в “тёмном царстве”» [Островский 3: 490]. Драматург на самодуров смотрит уже иначе, показывая, что распоясавшиеся купцы не столь страшны, сколь смешны. Над ними могут насмехаться даже женщины, которые ранее трепетали, боялись слово молвить. Ахов недоумевает, куда у Кругловой страх делся перед ним: «Кабы муж твой был жив, так вы бы давно уж метались по дому-то, как кошки угорелые» [Островский 3: 385]. Деньги у него есть, а прежней власти нет. Настают времена, когда терпению людей слабых и зависимых от воли богатеев приходит конец. Самодурство даёт трещину. Это блистательно показано в комедии «Горячее сердце», пьеса «Не всё коту масленица» продолжает тему. Переключки с «Горячим сердцем» говорят не о том, что Островский исписался, что талант его меркнет, а о том, что он всё шире смотрит на современный мир, видя в нём не только тревожные черты, но и новые начала, дающие основания для оптимизма. Говоря о пьесах пореформенного периода, Ю.В. Лебедев замечает: «В них Островский служит отходную старому купеческому миру: усиливается весёлый, комический элемент, оживающее явление из трагического превращается в смешное. Комедии эти написаны зрелым мастером. С утончённым искусством Островский обыгрывает в них конфликты, некогда освещавшиеся драматически и даже трагически» [Лебедев: 550].

Всем ходом драматургического действия Островский говорит о праве человека на счастье. Сцена изгнания Аховым Ипполита из дома Кругловых является ключевой в развитии сюжета; она многое объясняет в настроении и в дальнейших поступках героев. Ипполит не перечит хозяину, когда тот, демонстрируя своё превосходство, в присутствии Агнии его унижает: «Ты, как завидел хозяина, так бежать должен»; «За волосы, что ль, тебя вытащить отсюда?»; «Пошёл вон, говорят тебе»; «Вон без разговору, вон!» Безропотность молодого человека, столь легко сдавшегося, вызывает осуждение у Агнии: «Стыдно, стыдно трусить!»

Ипполит, скромный, робкий, привыкший подчиняться старшим, явился своеобразным отражением маленького человека. Конечно, он ничего общего не имеет с «маленьким человеком» литературы 1840-х гг. Характерно, что Агния в сердцах употребляет именно это слово (маленький), досадуя на молодого человека, проявившего трусость: «Что его жалеть-то; он не маленький. Кабы у него совесть, так он сам бы стыдился, что его жалеют. Какого маленького обидели! Видеть его не могу. <...>

Не канатом он с Ермилом-то связан, бросил да и пошёл. А я было чуть не полюбила его, плаксу» [Островский 3: 352–353]. В этой ситуации логичнее было бы сравнить Ипполита с ребёнком, но драматург образ поворачивает новой гранью – прошло время, когда маленького человека можно было бы пожалеть. Изменились общественные условия, изменились люди; человек не взрослеющий, позволяющий собой помыкать, не заслуживает и сочувствия. «А долго дожидаться, когда вы вполне человеком будете?» – спрашивает Агния Ипполита. Такой маленький человек, пребывающий в стадии невзросления, не вызывает доверия у девушки, которая хочет видеть в мужчине защиту. Она выросла при матери, она не знает, как тяжела была рука разгневанного отца, она не знает страха перед главой семьи. Едва не потеряв всякую надежду на благоклонность Агнии, Ипполит побеждает внутренний страх, начинает действовать, пусть и странным способом, угрожая на глазах у Ахова свести счёты с жизнью, размахивая ножом, который он прихватил в доме Кругловых. Пережив потрясение, будучи изгнанным из дома Кругловых, он обретает решимость, на которую его подвигла Агния. Так и в эстетическом смысле образ обретает наполненность, художественную завершенность. Для русской литературы, как и вообще для русской культуры, не проходит бесследно художественный опыт предшествующих периодов, он переосмысливается, обретает новые формы. Приказчик Ипполит не похож ни на Митю из комедии «Бедность не порок», ни на Бориса из «Грозы». Он им сродни как литературный тип, но он другой, немного забавный, менее образованный, чем Митя или Борис, менее идеален, чем Митя, но он более ответствен за свои поступки, более решителен и ироничен, чем Борис.

Немаловажное значение в произведении имеет культурный контекст. В комедии «Бедность не порок» Митя читает стихи А.В. Кольцова, подбирает музыку, Ваня Бородкин («Не в свои сани не садись») поёт народные песни. Эстетические пристрастия персонажей являются важнейшей характеристикой составляющей, так как в этих пьесах передаётся противостояние культуры подлинно народной и псевдопросвещённой, чуждой и народу. В сценах из московской жизни «Не всё коту масленица» такого противостояния нет. Цитаты, реминисценции, переключки необходимы для понимания характера, для создания образа среды. Духовной пищей Ипполита были, скорее всего, трактирные песни, жестокие романсы, строчки из которых остались в его памяти. Ими он пользуется как готовыми формулами, чтобы выразить своё тяжёлое внутреннее состояние: «Всему конец, – прощай навек!»; «Всему конец, прости навек!»; «Глаза закроются навек, и сердце биться перестанет»; «Умерла моя надежда, и скончалась любовь – значит, всему конец»; «Стало быть, мне не до шуток,

когда булат дрожит в моей руке»; «Чёрный ворон, что ты въёшься над моею головой!»

Тональность его высказываний резко меняется, когда он решает бороться за счастье. Оказывается, он способен на «игру ума», на здоровую насмешку над самодуром Аховым, он способен на любовь, на чувство, заставившее его выиграть маленькую, но жизненно важную битву, ранее позорно уступив хозяину в первой сцене. При этом бунт Ипполита несколько карикатурен: вместо дуэли с pistolетом в руке он размахивает ножом, атрибутом разбойника с большой дороги. И этот атрибут направляет на самого себя. Ахов, напротив, теряет свою всесильность, падает с пьедестала, который он сам себе воздвиг.

Купеческий мир изображён через противопоставление дома Кругловых, живущих в бедной, но «чистенькой» обстановке, с привычными атрибутами в виде самовара, цветов на окнах «с чистыми белыми занавесками», с пальцами и – огромного дома богатого купца Ахова, блуждающего по сорока комнатам. В доме Кругловой всё устроено в соответствии с традициями и моралью русской семьи. Здесь царит атмосфера доброты, гостеприимства, взаимного доверия. При этом драматург и не идеализирует персонажей. Мать с дочерью живут бедно. Поправить своё положение они могут лишь удачным замужеством Агнии. Двадцатилетней девушке Агнии Кругловой приглянулся приказчик Ахова Ипполит, о котором драматург в ремарке сообщает, что он «одет чисто и современно». Ощущение чистоты, непорочности подкрепляется всем ходом действия. Но Агния уже не похожа ни на Олимпиаду Самсоновну («Свои люди – сочтёмся!»), ни на Любовь Торцову, героиню комедии «Бедность не порок», ни на Дашу («Не так живи, как хочется»). В ней есть самостоятельность, какой была наделена Параша в «Горячем сердце», некоторая строптивость, проявляющаяся в умении возразить матери, которая увидела, как Ипполит поцеловал Агнию [Островский 3: 347]:

Агния. Эка важность, поцеловал!

Круглова. По-твоему, это не важность?

Агния. Да, конечно. Вот, кабы укусил, это нехорошо.

Круглова. Ты в своём разуме или рехнувшись? А срам, стало быть, ничего?

Агния. Какой срам! Срам-то бывает у богатых; а мы, как ни живи, никому до того дела нет. И хорошо и худо, всё для себя, а не для людей. Хорошо живи, люди не похвалят, и дурно живи, никого не удивишь.

Круглова. Извольте подумать, чем она занимается!

Агния. А вы думали, я все ещё в куклы играю?

Круглова. Потихоньку-то от матери...

Агния. Да я и при вас, пожалуй.

Круглова. Стыдочку-то, стало быть, немного.

Агния. На что его нужно, на то он есть.

Круглова. А всё-таки нехорошо, что мать-то не знает.

Агния. Знать-то вам нечего; ещё ничего верного-то нет. Придёт время, не беспокойтесь, скажем; мы этот порядок знаем.

Из диалога видно, что девушка наделена наблюдательностью, остроумием, своеволием, она живёт своим умом, не видя ничего зазорного в невинных встречах и поцелуях. Она же прогоняет Ипполита, осуждая его за покорность, с которой он сносит унижения от Ахова. Ей не нужен слабый, беспомощный человек, не способный защитить ни себя, ни семью.

В исторических условиях, сложившихся к концу 1860 – началу 1870-х гг., критики приветствуют молодых людей, сопротивляющихся деспотизму, в том числе и деспотизму семейному, людей, свободных от предрассудков своей среды¹. Характерно, что В.П. Буренин разделял мнение ряда критиков о том, что талант Островского к 1870-м годам угас. Однако он особо выделяет пьесу «Не всё коту масленица», которая «принадлежит к числу самых удачных бытовых сцен» драматурга. Критик, скрывшийся под псевдонимом Z., отметил и привычную сферу изображения, и «всё те же типы дикого самодурства, с одной стороны, и принижённых личностей – с другой», а также анекдотическую завязку пьесы и «довольно медленный» «ход действия». Буренин утверждает, что творчество драматурга именно в этой пьесе достигло «высшего предела своего развития», что прежде всего выразилось в монументальном образе Ахова: «Это самодур, дошедший до цинического простодушия, можно сказать, до идиотизма в своём самодурстве» [Буренин: 1]. Критик подчёркивает значение финальной сцены, которая «выполнена превосходно и освещает ярко героя во всём его диком безобразии», в сцене, где проявилась ирония персонажа «над самим собою», «невольное признание своей одичалости» [Буренин: 1, 2].

А между тем последнюю сцену некоторые рецензенты считали натянутой, фальшивой, несообразной². Для театра важно, насколько убедительны причинно-следственные отношения, какова связь между поступками персонажей и событиями. В пьесах москвитянинского периода («Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется») эта связь имела чётко выраженный моралистический характер, а в более поздних творениях («Гроза», «Грех да беда на кого не живёт», «Горячее сердце») она гораздо сложнее. На первый взгляд, «Не всё коту масленица» возвращает читателя и зрителя к более упрощённой художественной системе. Пословичное название придаёт произведению моралистический смысл, но в то же время оно имеет ярко выраженный театральный характер. Если в начале пьесы Ахов ведёт себя и у Кругловых как хозяин, то в финале ситуация кардинально меняется. Ипполит явно разочаровывает Ермила Зотыча своим признанием в том, что угроза зарезаться была «игрой ума»: «Какой мне расчёт резаться в моих таких цветущих летах?» Он сумел за «службу свою» получить деньги, которые отдаёт

Кругловой как будущей теще, доказав тем самым, что на него можно положиться. Агния перестает сердиться на Ипполита: «Теперь можно и помириться с вами». Дарья Федосеевна указывает самодуру на место («Не порти ты нашу бедную, чистую радость своим богатым умом!»), не скрывая своего отношения к сватающемуся старику: «Да осыпь ты меня золотом с ног до головы, так я всё-таки дочь свою на позорище не отдам». Потерпевший фиаско, Ахов в финале выглядит не самоуверенным и грозным, а жалким и комичным: «Как мне теперь людям глаза показать? Что обо мне добрые люди скажут?..» Чувствуя, что прежний порядок рушится, он искренне недоумевает и негодует: «Как жить? Как жить? Родства народ не уважает, богатству грубить смеет! <...> Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?» [Островский 3: 388, 389]. Пословица («Не всё коту масленица, бывает и великий пост») подводит итог не только действию, но и самодурству как социальному явлению, означаемому «разгул своеволия властного человека» [Журавлёва: 89]. Говоря о развязках в пьесах Островского, В.А. Сахновский-Панкеев отмечает: «Развязка восстанавливает равновесие, нарушенное в завязке: конфликт исчерпан, противодействие одной из борющихся сторон сломлено, одержана победа» [Сахновский-Панкеев: 122].

К концу XIX века значение творчества Островского всё меньше подвергалось сомнению, приходило понимание глубины и актуальности произведений драматурга. В частности, педагог и общественный деятель Ц.П. Балталон суждения о том, что у Островского в последние годы проявляется упадок таланта, объясняет «упадком критики и недостатком художественного чутья у читающей публики», не оценившей новых приёмов творчества, выразившихся в убыстрённом развитии действия, «без посторонних задерживающих эпизодов» [Балталон: 183]. Пьеса «Не всё коту масленица», убеждён автор статьи, исполнена «глубокого общественного значения: она представляет собою первую действительную победу здоровых и гуманных взглядов молодого поколения над принципами самодурства, вследствие пробуждения в народной массе сознания своих человеческих прав» [Балталон: 190]. Так, в отличие от Катерины Кабановой, героини драмы «Гроза», Агния «уже понимает, что деспотизм самодуров опирается и держится на малодушии тех самых, которые им покоряются, и потому, с мужеством римлянки, советует своему жениху вооружиться нравственной силой для защиты своих человеческих прав» [Балталон: 188]. И даже Ипполит, который принадлежит к характерам робким, задумывается над своим положением и пытается осознать новые черты времени, «создавшие новые понятия о законе и нравах», тогда как Ахов «не признаёт никакого закона, в смысле

ограничения прав личности». Источник комизма положения этого персонажа критик усматривает «в контрасте между его негодованием и бессилием» [Балталон: 190].

В 1894 году, посмотрев пьесу на сцене театра Корша, Ю.Н. Говоруха-Отрок под псевдонимом Ю. Николаев с чувством горечи писал, что актёры «совершенно разучились играть Островского»: «Актёры очень старались, но из этого ничего не выходило. Потерян верный тон». И по прошествии времени произведение не утратило художественной привлекательности: «Но даже и в плохом исполнении Островский производит впечатление. Слышишь со сцены этот удивительный, своеобразный язык, в самом складе своём исполненный комизма, а истинный комизм побеждает даже плохую игру актёров, заставляя зрителей невольно смеяться хорошим, осмысленным смехом». Говоруха-Отрок, отстаивающий эстетические принципы Островского, отмечает в пьесе драматурга особенности развития действия, художественное и смысловое значение эпизодов: «У Островского всегда много внутреннего действия, и это действие развивается легко и свободно, но во внешнем действии у него много перерывов и скачков, как бы задерживающих ход комедии, – много эпизодических отступлений, картин быта. Вот эти-то эпизодические вставки требуют особенно яркого исполнения». Однако актёры, как замечает критик, не умеют передать эпизодические места. Отметив шаблонные театральные приёмы, рецензент делает вывод о том, что русское сценическое искусство и русская литература «переживают период какой-то странной растерянности» [Говоруха-Отрок: 3]. Внимательное изучение каждого произведения великого драматурга в контексте всего его творчества – задача островковедения, требующая объективного, взвешенного, современного подхода.

Примечания

¹ Библиографические известия // Новости. 1871. № 151. 29 сент. С. 2.

² Театральное эхо // Петербургская газета. 1872. № 9. 16 янв. С. 2.

Список литературы

Балталон Ц. Тронулось ли вперёд тёмное царство? // Артист. 1894. № 36. Апр. С. 183–201.

<Буренин В.П.> Журналистика // Петербургские ведомости. 1871. № 274. 5 окт. С. 1–2.

Виноградов А.А. Из наблюдений над черновым автографом комедии А.Н. Островского «Не всё коту масленица» // Филологический аспект. 2019. № 9 [53]. С. 88–93.

<Говоруха-Отрок Ю.Н.> Театральная хроника. Театр Корша. «Не всё коту масленица» Островского // Московские ведомости. 1894. № 235. 28 авг. С. 3.

Журавлёва А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1988. 198 с.

Лебедев Ю.В. Творчество А.Н. Островского 1864–1870 годов // Островский А.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. Т. 3. Кострома, 2020. С. 545–553.

Неизданные письма к А.Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932. 744 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Сахновский-Панкеев В. Драма. Конфликт, композиция, сценическая жизнь. Л., 1969. 232 с.

Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 499.

References

Baltalon Ts. *Tronulos' li vpered temnoe tsarstvo?* [Has the dark kingdom moved forward?]. *Artist* [Artist]. 1894, № 36, April, pp. 183–201.

<Burenin V.P.> *Zhurnalistika* [Journalism]. *Peterburgskie vedomosti* [Peterburgskie vedomosti], 1871, № 274, 5 Oktober, pp. 1–2.

Vinogradov A.A. *Iz nabliudeniia nad chernovym avtografom komedii A.N. Ostrovskogo "Ne vse kotu maslenitsa"* [From observations of the draft autograph of the comedy A.N. Ostrovsky "Not everything for the cat is Maslenitsa"]. *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect], 2019, № 9 (53), pp. 88–93.

<Govorukha-Otrok Iu.N.> *Teatral'naiia khronika. Teatr Korsha. "Ne vse kotu maslenitsa" Ostrovskogo* [Theatrical chronicle. Korsh Theater. Ostrovsky's "Not All Shrovetide for the Cat"]. *Moskovskie vedomosti* [Moskovskie vedomosti], 1894, № 235, 28 August, p. 3.

Zhuravleva A.I. *Russkaia drama i literaturnyi protsess XIX veka* [Russian drama and literary process of the XIX century]. Moscow, 1988, 198 p.

Lebedev Iu.V. *Tvorchestvo A.N. Ostrovskogo 1864–1870 godov* [Creativity of A. N. Ostrovsky 1864–1870]. *Ostrovskii A.N. Poln. sobr. soch. i pisem: v 18 t. T. 3* [Ostrovsky A.N. Complete collection op. and letters: in 18 vols. Vol. 3]. Kostroma, 2020, pp. 545–553.

Neizdannye pis'ma k A.N. Ostrovskomu [Unpublished letters to A.N. Ostrovsky]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1932, 744 p.

Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete works: in 12 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973–1980.

Sakhnovskii-Pankeev V. *Drama. Konflikt, kompozitsiia, stsenicheskaia zhizn'* [Drama. Conflict, composition, stage life]. Leningrad, 1969, 232 p.

Skaftymov A.P. *Nravstvennye iskaniia russkikh pisatelei* [Moral searches of Russian writers]. Moscow, 1972, 543 p.

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-89-93>
УДК 821.161.1.09"19"

Белякова Елена Николаевна
Костромской государственной университет

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ
В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО НАД КОМЕДИЕЙ «ЛЕС»
(НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА ПЬЕСЫ)**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
научного проекта № 19-012-00070А

Предложенная статья предполагает продолжение разговора об одном из наиболее полемичных текстов А.Н. Островского, начатого на страницах журнала В.В. Тихомировым, который в своей статье «Комедия А.Н. Островского “Лес”: в поисках героя. Опыт комментария» заострил внимание на проблеме оценки героев комедии «Лес» критиками XIX века. Жанрово-композиционные особенности пьесы, в которую оказались включены старые и новые типы героев в привычных и новых конфликтных коллизиях, обрели ещё более явные очертания при обращении к рукописным источникам пьесы в процессе подготовки полного собрания сочинений А.Н. Островского. На наш взгляд, реакция современников драматурга, не увидевших в пьесе «Лес» ничего принципиально нового, обусловлена, в частности, сложным рисунком образов главных героев, концепция которых складывалась постепенно. При этом эволюция характеров действующих лиц комедии оказывала непосредственное влияние на становление авторского замысла. И попытка восстановить общий рисунок авторской работы по созданию характеров главных героев пьесы, осмыслить специфику противоречий, имплицитно присутствующих в их образах, является логичным продолжением начатого ранее дискурса.

Ключевые слова: рукописный источник, пьеса, система образов, образ героя, эволюция образа, авторский замысел, характер, тип героя, драматический конфликт

Информация об авторе: Белякова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия

E-mail: helenbel31@yandex.ru

Дата поступления статьи: 26.10.2020

Для цитирования: Белякова Е.Н. Эволюция образов главных героев в процессе работы А.Н. Островского над комедией «Лес» (на материале чернового автографа пьесы) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 89-93. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-89-93>

Yelena N. Belyakova
Kostroma State University

**THE EVOLUTION OF THE IMAGES OF THE MAIN CHARACTERS
IN THE PROCESS OF ALEXANDER OSTROVSKY'S WORK ON THE COMEDY «THE FOREST»
(BASED ON THE DRAFT AUTOGRAPH OF THE PLAY)**

The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00070 A

The proposed article assumes a continuation of the conversation about one of the most polemical texts by Alexander Ostrovsky, begun on the pages of this journal by Vladimir Tikhomirov, who in his article “Comedy «The Forest» by Alexander Ostrovsky: holding out for a hero. Experience of a comment” drew attention to the problem of evaluating the heroes of the comedy «The Forest» by critics of the 19th century. The genre-compositional features of the play, which included old and new types of heroes in familiar and new conflict collisions, acquired even more explicit outlines when referring to the manuscript sources of the play in the process of preparing the complete collected works of Alexander Ostrovsky. In our opinion, the reaction of the playwright's contemporaries, who did not see anything fundamentally new in the play «The Forest», is due, in particular, to the complex drawing of the images of the main characters, the concept of which took shape gradually. At the same time, the evolution of the characters of the heroes of the comedy had a direct impact on the formation of the author's intention. Also, the attempt to restore the general drawing of the author's work to create the characters of the main heroes of the play, to comprehend the specifics of the contradictions implicitly present in their images, is a logical continuation of the discourse begun earlier.

Keywords: handwritten source, play, system of images, hero image, image evolution, author's intention, character, hero type, dramatic conflict

Information about the author: Yelena N. Belyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: helenbel31@yandex.ru

Article received: October 16, 2020

For citation: Belyakova Ye.N. The evolution of the images of the main characters in the process of Alexander Ostrovsky's work on the comedy «The Forest» (based on the draft autograph of the play). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 89-93 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-89-93>

По справедливому замечанию В.В. Тихомирова, в творчестве А.Н. Островского пьеса «Лес» открывала «новую страницу в поисках героя» [Тихомиров: 84]. Однако представленная в комедии конфликтная ситуация была «достаточно традиционна для пьес Островского: прежде всего это противостояние, открытое или скрытое, богатства и бедности. Не случайно большинство рецензентов комедии... утверждали, что будто бы в этой пьесе нет ничего принципиально нового, что драматург повторяется в противостоянии хозяев жизни и их жертв» [Тихомиров: 85]. А между тем, согласно доказанному утверждению А.И. Журавлёвой, комедия «Лес» – «одно из самых совершенных и самых сложных произведений Островского, которое как бы аккумулировало в себе 3 типа его комедий (народная, сатирическая и комедия с высоким героем). “Лес” гармонично сочетает в себе многие их жанровые признаки, но в целом выходит за рамки каждой из этих жанровых разновидностей». «Герои-антагонисты вступают в борьбу, сочиняя и разыгрывая разные в жанровом отношении “пьесы”» [Журавлева: 234, 235]. Подмеченные обоими литературоведами жанрово-композиционные особенности пьесы, в которую оказались включены старые и новые типы героев в привычных и новых конфликтных коллизиях, обрели ещё более явные очертания при обращении к рукописным источникам пьесы в процессе подготовки полного собрания сочинений А.Н. Островского. Потому попытка восстановить общий рисунок авторской работы по созданию характеров главных героев комедии и осмыслить специфику противоречий, имплицитно присутствующих в их образах, кажется нам логичным продолжением начатого ранее дискурса.

Сохранившаяся авторская рукопись пьесы представляет собой черновой автограф (далее – ЧА), записанный карандашом на листах различного формата, с многочисленными исправлениями, сделанными рукой драматурга. Изучение его позволяет сделать вывод о том, что, согласно первоначальному замыслу, система образов новой пьесы включала в себя знакомую для драматурга триаду героев: злая помещица-ханжа, претендующая на роль проповедника нравственных норм; угнетаемая ею сирота-воспитанница; герой-освободитель (мнимый или реальный).

В первом действии комедии Раиса Павловна Гурмыжская именовалась Раисой Леонтьевной¹. Аксинья (Аксюша) в перечне действующих лиц значилась не дальней родственницей, а племянницей Гурмыжской. Можно предположить, что на ранних этапах работы характер помещицы Гурмыжской выстраивался драматургом по аналогии с образом Уланбековой («Воспитанница»). Гурмыжская была представлена самодурной барыней, наслаждавшейся ролью покровительницы

для многочисленной бедной родни. Об этом свидетельствуют вычеркнутая реплика Милонова к Гурмыжской: «...у вас так много родни и такое сердце» (л. 5 об.). Назначавшаяся ей роль блюстителя морали была усилена тем, что образ Гурмыжской сначала мыслился Островскому как образ старой девы. В ЧА присутствует рассказ Раисы Павловны о юношеской дружбе с матушкой Алексея Буланова, позже существенно переработанный автором: «...это (Буланов. – Е. Б.) сын моей приятельницы, с которой мы встретились в прошлом году в Петербурге. – Правда, лет двадцать тому назад мы жили с ней совершенно как сестры, но потом разошлись, она вышла замуж, а вы знаете мое отвращение к супружеству» (л. 5 об.). В ранних вариантах ЧА ключница Улита величала Гурмыжскую «матушка-барышня» (позже исправлено на «барыня»). В диалоге с Бодаевым Милонов произносил реплику: «Раиса Павловна наша дева Орлеанская...» (л. 5). В вычеркнутом Островским фрагменте текста шестого явления I действия Гурмыжская в разговоре с Восмибратовым о необходимости поскорее выдать замуж Аксюшу сообщала: «Сама я девица, да случись что-нибудь, куда мне со стыда деться» (л. 14 об.). В более поздних вариантах ЧА присутствовало указание на воинское звание покойного мужа Гурмыжской. В подписанной ею расписке, переданной Восмибратову, она значилась «Штаб-Капитанша» (л. 36).

А вот в характере Улиты, напротив имени которой в рукописи отмечено «ключница, любимица барыни» (л. 1), присутствовали живые черты когда-то любившей и страдавшей несчастной женщины. Судя по всему, образ Улиты должен был усиливать мотив неосуществлённой любви и, с одной стороны, подчёркивать безжизненное морализаторство никогда ранее не любившей Гурмыжской, с другой – служить имплицитным оправданием её поздней страсти. В образе Улиты чувствовалась затаённая драма сломленной женщины, в юности отчаянно мечтавшей о любви, «насчет» которой «большой запрет был» [Островский: 305]: «...а не совладаешь с собой, полюбишь, так тебя и посрамят, надругаются, косу обрежут, оденут в дерюгу. – Да и то, бывало, избитая, обруганная в деревне [идешь] бежишь украдкой к милому-то, точно в подвенечном платье. Теперь, конечно, всякому свобода, так ее и не ценят. А прежде-то? Одни топились, другие рукой махнули, притерпелись, одервенели, а третьи на хитрость пошли, к барын[ям] подделываться» (л. 44 об.). Тема неволи, удручающей зависимости от традиционных общественных норм ещё более отчётливо звучала и в диалогах Петруши с Аксюшей. На полях л. 45 об. ЧА (5-е явл. IV д.) записана вычеркнутая драматургом реплика Петра, обращённая к любимой: «Я тебя бить не стану; так разве когда пьяный для порядку, – чтоб не дразнили<?> меня, – чтоб

знали, что я муж есть. – Так я тебе потом в ножки поклонюсь».

О характерной особенности Гурмыжской, в первоначальном образе которой стремление морализировать являлось ключевым, свидетельствует и тот факт, что в ранних вариантах ЧА присутствовали упоминания о поступках героини, обусловленных её исключительным желанием поддерживать статус благотворителя и блюстителя нравов. Так, в рукописи присутствует характеристика, данная Бодаеву Гурмыжской. Согласно словам Раисы Павловны, она отказала Бодаеву, предлагавшему хорошую цену за лес, «потому что он человек безнравственный» (л. 14).

Кроме того, в ЧА упоминалась сестра Аксюши, к которой девушку после приезда Буланова «на время» удалили, «чтобы не было лишних разговоров» (л. 8 об.). Сестра Аксюши, согласно признанию самой Раисы Павловны, тоже когда-то была «пристроена» ею: выдана «замуж здесь в городе за чиновника», сильно пьющего и ведущего теперь беспорядочную жизнь (л. 8 об.). Судя по реплике Милонова (в ЧА – Милованова), не вошедшей в печатный текст, сестра Аксюши в замужестве оказалась крайне несчастна и «всегда жаловалась на бедность» (л. 8 об.).

Характер отношений Гурмыжской с купцом Восмибратовым определялся Островским постепенно, по мере выстраивания художественного пространства пьесы. На наш взгляд, здесь также немаловажное значение имело изменение авторского видения образа главной героини: из деспотичной ханжи, подобной Кабанихе или той же Уланбековой, Гурмыжская всё больше превращалась в ловкую обманщицу, пекущуюся о благообразном прикрытии собственного бесчестия. Потому и её реплики в диалоге с купцом, и его поведение в разговоре подвергались существенным авторским корректировкам.

В более ранних вариантах ЧА эти отношения прочитываются как отношения барыни и мужика, хитрого и ловкого в делах, но знающего своё место. Так, в шестом явлении I действия на реплику Восмибрата, обещающего завтра занести деньги за лес, Гурмыжская отвечала: «Принеси, сделай милость» (л. 12 об.). В окончательном варианте текста её ответ звучит заискивающе: «Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?» [Островский: 261]. Сам же Восмибрат в ранних вариантах ЧА обращался к помещице «матушка барыня» (исправлено на «сударыня»), отвечал ей с большей поспешностью и услужливостью. Например, в ЧА той же сцены, уточняя оговоренную цену за лес, купец излишне говорлив и даже простоват: «Да уж не извольте беспокоиться... [У меня записано-с. Уж я и лес-то ваш вывез весь и продал половину] Не торговаться ж нам...» (л. 12 об.; л. 14). В окончательный текст вошла только первая часть его реплики: «Да уж не из-

вольте беспокоиться» [Островский: 261]. По мере написания комедии Островский изменяет характер Восмибрата, изображая героя более уверенным и в собственной правоте, и в собственной безнаказанности. Поведение купца становится всё более дерзким. И вот на довод Гурмыжской, что за лес ей «давали» две тысячи рублей, Восмибрат вместо первоначальной реплики, вычеркнутой Островским, «Многонько, сударыня», отвечает: «Давали да из кармана не вынимали» (л. 14). Однако этот вариант также не вошёл в печатный текст.

Думается, помимо причины, связанной с эволюцией авторского замысла в отношении главной героини, есть ещё одно объяснение метаморфозам поведения Восмибрата. Драматург стремился представить изменяющийся характер взаимодействия разоряющихся дворян и крепко стоящих на ногах купцов в максимальном соответствии жизненной правде. На рубеже 1860–70-х гг. ни излишняя подобострастность со стороны купцов, ни излишняя дерзость их в отношениях с помещиками не были естественны. Потому в приведённой выше сцене Островский отказывается от обоих вариантов ответа Восмибрата, и в печатный текст включена реплика, подчёркивающая и сохраняющаяся почтение купца к дворянке, и его ощущение собственной силы: «Мой совет: отдавайте». И далее: «Дорогонько, да уж извольте-с...» [Островский: 263, 264].

Характер Буланова претерпел не слишком большие изменения в процессе работы над пьесой. Но изначально образ Буланова напрямую соотносился в сознании Островского с фигурой Молчалина. В 6-м явлении III действия Несчастливцев в ответ на фразу Алексея Сергеича о желании «всем вам угодить» (л. 33 об.), отвечал прямой цитатой из комедии А.С. Грибоедова: «Собаке дворника, чтоб ласкова была» (л. 34). Любимец барыни в ЧА представлен ещё более заискивающим перед нею, но в самом самоуничтожении героя слишком явно открывался простой и наивный расчёт. Вот несколько фрагментов речи Буланова, обращённой к Гурмыжской, из 1-го явления III действия, не вошедших в печатный текст: «Я все [стараюсь] вам угодить, а [как угодить не знаю-с] угодить не умею-с вам. [Вы моя благодетельница, через вас мне вся жизнь открывается, а вдруг я чем-нибудь не потрафлю, вот и конец. – Другой раз и хотел бы сделать для вас приятное, да боюсь, что вы рассердитесь] <...> [А уж вы лучше прикажите мне, как вам угодить. Скажите] Вот, кабы я знал-с... <...> [Вот если бы я знал, что вам нравится, так уж никто бы вам так не угодил, как я. Я бы уж всеми силами старался]» (л. 30 об.).

Второе действие комедии по первоначальному замыслу должно было открываться сценой встречи Счастливцева и Несчастливцева (2-е явление печатного текста). При этом герои именовались

Геннадий Счастливец и Аркадий Несчастливцев (он же Гурмыжский). Вероятно, именно такое сочетание имён предполагал драматург и при написании I действия пьесы, поскольку в ЧА пятого явления I действия письмо Григория Несчастливецова тётеньке сначала было подписано «Аркадий Гурмыжский», а затем исправлено на «Геннадий Гурмыжский» (л. 10 об.). По всей вероятности, идея об изменении имён героев на «Геннадий Несчастливцев» и «Аркадий Счастливец» возникла в процессе работы над авторским пояснением к сценической обстановке начала II действия и связана с нежелательным для Островского диссонансом между именем и фамилией героев в их изначальном варианте. Имя Аркадий восходит к древнегреческому Ἀρκάς и имеет значение «житель Аркадии», «паствух», а также «счастливый», «блаженный», что более согласуется с фамилией Счастливец. Геннадий восходит к древнегреческому Γεννάδιος, γεννάδας и переводится как «родовитый», «благородный», «благородного происхождения», что, в свою очередь, согласуется с характером и социальной ролью Несчастливецова.

Несчастливцев в рукописном тексте упоминается Гурмыжской то как сын брата, «убитого в венгерскую кампанию» (л. 10), то как племянник мужа: «У меня близких родных только двое: племянница и племянник моего мужа» (л. 9 об.). Герой сначала был представлен как человек «судьбы трудовой» (исправлено на: «беспокойной и невоздержанной жизни») (л. 21), который странствовал вдали от дома не 15 (в печатном тексте), а 10 лет (л. 31), то есть был на 5 лет моложе. В ЧА присутствуют сцены, свидетельствующие о первоначальном намерении Островского заострить в характере Несчастливецова черты юношеской восторженности, сентиментальности и впечатлительности. Вот, например, фрагмент диалога Несчастливецова и Гурмыжской, не вошедший в печатный текст (7-е явл. III д.):

Несчастливцев. [Вы] Благородная женщина! [Вы мне вместо матери в моем горьком одиночестве, но я должен отказаться от счастья быть подле вас. Мой путь другой] Я не могу... я не смею, [для вас я готов на все, но остаться здесь я не могу, моя душа не вынесет тех чувств, этот рай не для меня] Благодарю [вас], благодарю (*С жаром целует ее руку.*)

Гурмыжская (*показывает глазами Буланову, что она очень довольна.*) Как хочешь, мой друг: я думала, что тебе будет здесь покойнее.

Несчастливцев (*утирая слезы.*) Не проси! Я благоговею перед тобой! Не проси... Я сделаю <нрзб.> Я стану молиться за тебя. Благодарю, благодарю. [С меня довольно, больше мне не надо] Этот рай не для меня. (*Входит Карп.*) (л. 35).

В ранних вариантах письма племянника к тётушке (4-е явл. I д.) также проявлялась его восторженная и сентиментальная натура, о чём свидетельствуют такие обороты речи, как: «Скоро мое имя покроет бессмертие, а с ним и ваше никогда

не умрет для потомства»; «[Нежно любящий вас] Ваш покорный и преданный племянник. Дитя природы, взлелеянное несчастьем». Письмо пестрило словами восторженной благодарности: «Благодарю, Благодарю! <...> Еще раз благодарю за все, за все» (л. 10 об.). В окончательный вариант текста из всех выражений признательности вошли сдержанное обращение «Тётинька моя и благодетельница, Раиса Павловна!» и вежливое «но лобызаю вашу ручку».

Что касается Аркадия Счастливецова, то его возраст сначала был обозначен «лет 60», затем цифра «6» (плохо читаемая в ЧА) была исправлена на «4» (л. 21). Есть основание полагать, что изменение возраста обоих героев-актёров (в сторону уменьшения – у Счастливецова и увеличения – у Несчастливецова) может быть обусловлено постепенным усилением их значимости в драматическом конфликте и напрямую связано с театральными амплуа трагика и комика. «Не только автор, давший Несчастливецову и Счастливецову сценические псевдонимы-афиши, но и сами они воспринимают себя как “амплуа”, – замечает в интересном историко-театральном комментарии к комедии исследователь О.Н. Купцова. – Специализация актёра, тип роли, устойчивые индивидуальные игровые характеристики становятся частью их жизненного поведения»; «Трагик – высокий статус не только в сценическом существовании, но и в жизни. <...> Именно в соответствии с театральной иерархией старший по возрасту Счастливецов обращается к трагику уважительно по имени-отчеству, а более молодой Несчастливцев небрежно называет комика Аркашкой» [Купцова: 4, 5]. Думается, что «взросление» Несчастливецова и некоторое «омоложение» Счастливецова в процессе создания пьесы было обусловлено намерением Островского нивелировать слишком большую разницу в возрасте между актёром-трагиком и актёром-комиком, чьи амплуа становились всё более значимыми для выстраивания сюжетного поля комедии.

В образе экзальтированного юноши Несчастливецова всё отчётливее проявлялись черты человека действия, отличающегося чрезмерной порывистой силой и решительностью. Так, увлекшись воспоминанием о своём актёрском прошлом (л. 26), он «берет Счастливецова за грудки и приподнимает» (в печатном тексте «С силою опускает руку на плечо Счастливецову» [Островский: 276]). Предстать перед тётушкой он желал как «капитан в отставке или Подполковник» (л. 32) (в печатном тексте «капитан в отставке или майор»). Прямолинейность и решительность звучат в его нелестной характеристике Гурмыжской (2-е явл., II д.), не вошедшей в печатный текст: «[не люблю, братец, кто своими благодеяниями хвастается] Тетка у меня [есть, делает добро на грош, а расславит на всю Россию]» (л. 26 об.). Те же

ноты осуждения присутствуют и в обращении героя к Гурмыжской после объявления помолвки тётушки с Булановым: «Гг<оспода>, мы здесь все благородные люди и потому я могу говорить откровенно. Уж если старость падает так низко, что ждать от юности» (л. 61), и в прощальной реплике к «благородному обществу»: «Живите счастливо и плодите таких же дураков, как вы» (л. 63 об.). Неудивительно, что в ранних вариантах ЧА Счастливец заметно робел перед товарищем, о чём свидетельствуют ремарки во 2-м явлении I действия: «робко взглядывая в глаза Несчастливцеву»; «(робко). Да [где же]-с?» (л. 21 об.). А вот ремарка «(оби-дьясь)» [Островский: 275], описывающая состояние Счастливеца в ответ на реплику Несчастливцева «Ты... тоже!... Сравнял ты себя со мной», появляется только в поздних вариантах текста.

Видимо, драматург пробовал разные варианты изображения героя из актёрской среды, пытаясь соблюсти баланс между свободомыслием и отстранённостью от обывательской действительности, с одной стороны, и экзальтированностью, составляющей основу актёрского ремесла, с другой.

Обобщая наблюдения за становлением авторского замысла, можно сделать вывод, что в процессе написания пьесы сама по себе образная система героев, казалось бы, не претерпела существенных изменений. Изначально намеченный автором круг действующих лиц был почти полностью сохранён. Однако концепция образов главных героев, характеры действующих лиц комедии и система отношений между ними постепенно корректировались и менялись до неузнаваемости. А происходящие с героями преобразования, в свою очередь, рождали новые смыслы, формировали новые сюжетные линии. Так семейно-бытовая комедия, с традиционным для драматурга набором социальных типов, трансформировалась в социально-психологическую драму с многомерным и сложноструктурированным сюжетом. А сами герои лишь отдалённо напоминали прежних обитателей «тёмного царства», главным обличителем которого всё ещё виделся А.Н. Островский отечественным критикам XIX в., «настолько сильными оставались традиции гражданской тенденции в русской литературе и, соответственно, восприятия раннего творчества

Островского в добролюбовском духе» [Тихомиров: 86–87].

Примечания

¹ *Островский А.Н.* Лес. Черновой автограф пьесы (ЧА) // РГБ. Ф. 216. М. 3095. Л. 5. (В дальнейшем ссылки на этот источник в тексте статьи даются в круглых скобках с указанием листов.)

Список литературы

Журавлёва А.И. [при участии И.А. Овчининой]. Лес // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 234–237.

Купцова О.Н. Комедия А.Н. Островского «Лес»: опыт историко-театрального комментария // Вестник удмуртского университета. 2008. Вып. 1. С. 3–12.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1974. Т. 3. 560 с.

Тихомиров В.В. Комедия А.Н. Островского «Лес»: в поисках героя. Опыт комментария // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 84–88.

References

Zhuravleva A.I. [pri uchastii I.A. Ovchininoi]. *Les [Forest] A.N. Ostrovskii. Entsiklopediia, gl. red. i sost. I.A. Ovchinina* [Encyclopedia, editor-in-chief and compiler I.A. Ovchinina]. Kostroma, Kostromaizdat Publ.; Shuia, 2012, pp. 234–237. (In Russ.)

Kuptsova O.N. *Komediia A.N. Ostrovskogo «Les»: opyt istoriko-teatral'nogo kommentariia* [Ostrovsky “Forest”: the experience of historical and theatrical commentary]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2008, issue 1, pp. 3–12. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete collection of works in 12 vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, vol. 3, 560 p. (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Komediia A.N. Ostrovskogo «Les»: v poiskakh gerovia. Opyt kommentariia* [Comedy by A.N. Ostrovsky “Forest”: in search of a hero. Experience of commentary]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, № 3, pp. 84–88. (In Russ.)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЬЕСЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО
«БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ»

В статье рассматривается, как в комедии «Без вины виноватые» А.Н. Островского проявились черты мелодрамы, трагедии, эпических жанров. Предметом подробного анализа стали такие особенности комедии, как благополучная концовка пьесы, комические персонажи. Выделяются мелодраматические мотивы и приёмы: гиперболизированность, заострённость чувств и переживаний героев, внимание к внутреннему миру человека, исповедальность, мотив узнавания. Автор статьи делает вывод о том, что пьеса «Без вины виноватые» близка к мелодраме, хотя образы героев лишены условности и схематизма. В связи с этим особое внимание было уделено образам Отрадиной-Кручининой и Незнамова. Проявление эпического начала автор видит в объективности взгляда драматурга, наличии расширенного повествовательного элемента и предыстории. В ходе исследования привлекаются материалы из писем, адресованных драматургу, а также записок, в которых А.Н. Островский выражает свою позицию, взгляд на театр и драматическое искусство. По этой причине особенно актуален вопрос о том, как реализована в пьесе близкая драматургу тема театра и как осмысливается в контексте пьесы значение слов «актёр», «актриса», «артист», «артистка».

Ключевые слова: А.Н. Островский, жанр, комедия, мелодрама, жанровые особенности, драматургия, жанровая деканонизация

Информация об авторе: Медведева Наталья Александровна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>, аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: n.a.medv@mail.ru

Дата поступления статьи: 09.09.2020

Для цитирования: Медведева Н.А. Жанровые особенности пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 94-99. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-94-99>

Natal'ya A. Medvedeva
Ivanovo State University

GENRE FEATURES OF THE PLAY "GUILTY WITHOUT FAULT"
BY ALEXANDER OSTROVSKY

The article is devoted to the features of the genre structure of the comedy "Guilty without Fault", which includes elements of other dramatic (melodrama, tragedy) and epic genres. The subject of a detailed analysis was such features of the comedy as the successful ending of the play, comic characters. Melodramatic motifs and techniques are highlighted – hyperbolism, sharpness of feelings and emotions, confession, a motive for recognition. The author concludes that the play "Guilty without Fault" is close to melodrama, but it is not in its full sense, and the images of the heroes are devoid of conventionality and schematism. In this regard, special attention was paid to the images of Lyubov' Otradina AKA Yelena Kruchinina and Grigoriy Neznamov. During the research, materials are drawn from letters addressed to the playwright as well as notes in which Alexander Ostrovsky expresses his position, attitude towards theatre and dramatic art. For that reason, the question of how the theatre theme, intimate to Alexander Ostrovsky, is realised in the play and how the meaning of the words "actor", "actress", "performer" is interpreted in the context of the play, is quite topical.

Keywords: Alexander Ostrovsky, genre, comedy, melodrama, genre features, drama, genre decanonisation

Information about the author: Natal'ya A. Medvedeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1800-3931>, postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Article received: September 9, 2020

For citation: Medvedeva N.A. Genre features of the play "Guilty without Fault" by Alexander Ostrovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 94-99 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-94-99>

Пьеса «Без вины виноватые» имела для драматурга особое значение. «Повторения такого счастливого настроения едва ли уж дождёшься» – вспоминал Островский [Островский 12: 232]. Такое воодушевление явилось следствием поездки на Кавказ, которую он предпринял в 1883 г. вместе с братом М.Н. Островским. Южное путешествие оказало благотворное влияние на здоровье драматурга, как физическое, укреплению которого способствовал южный климат, так и душевное, обеспечило заряд творческой энергии и позволило на время забыть о тревогах и волнениях, связанных с обострившимися отношениями с театральным начальством и критикой, особенно несправедливой к Островскому в последний период творчества. Знакомство с представителями местной прогрессивной общественности, тёплый приём в артистической среде, которая горячо приветствовала и чествовала драматурга, – всё это давало ему возможность почувствовать заслуженное признание и увидеть плоды многолетних усердных и самозабвенных трудов на благо русского театра.

В творчестве Островского проявился характерный для середины XIX в. процесс жанровой деканонизации, который выражается во взаимодействии драматических, лирических и эпических жанров. Уже в пьесах 1850-х гг. заметно влияние народной песни, пословицы, поговорки, притчи, рассказа. Постепенно, с расширением сферы изображения, обогащается жанровый состав драматургии автора, оказавшегося чутким к восприятию художественных завоеваний повести и романа. Обладая особым жанровым мышлением, драматург постоянно искал новые неординарные художественные решения и подходы.

Мастерски пользуясь богатой жанровой палитрой, драматург создаёт многогранное и объёмное произведение, вопрос о специфике жанровой природы которого заслуживает особого внимания.

Комедия «Без вины виноватые» близка к поэтике мелодрамы, что многократно отмечалось, чаще всего в негативном ключе, ещё современниками Островского. По словам А.П. Варламовой, «применительно к драматическому театру слово “мелодрама” изначально употреблялось с оценочно-негативной окраской» [Варламова: 137]. При этом оно воспринималось как нечто безвкусное, неестественное. С неохотой называл мелодрамой пьесу А.С. Суворин, признавая её несомненные художественные достоинства [Незнакомец : 3].

Литературоведами также подчёркивается связь «Без вины виноватых» с мелодрамой, на что, в частности, указывают Т.И. Вознесенская [Вознесенская: 21] и Е.И. Горфункель [Горфункель: 203]. Н.П. Кашин [Кашин: 29–59] увидел много общего между комедией Островского и мелодрамой Карла Гуцкова «Ричард Сэведж». И.А. Овчинина, однако,

считает, что это лишь отдельные переключки, а не заимствования [А.Н. Островский. Энциклопедия: 51]. Сходства между этими двумя пьесами ограничиваются лишь отдельными мотивами, такими, как мотивы поиска матери и узнавания матерью потерянного сына. При этом реакция Кручининой прямо противоположна реакции леди Мекельсфильд: она ни на минуту не сомневается в том, что Незнамов – её сын, и принимает его с нежностью и материнской любовью. Леди Мекельсфильд недоброжелательно относится к актёрам, она считает, что им «редко случается изображать чувства, взятые из настоящей жизни». И поясняет: «страдания, невыражаемые криком и шумом, для них не есть страдания; радость, которая не беснуется с распущенными волосами, они называют холодностью» [Гуцков: 449]. Кручинина и Незнамов, в отличие от героев Карла Гуцкова, оба являются частью актёрской среды, в которую попали независимо друг от друга. Оба имеют за плечами тяжёлый жизненный опыт, который помогает им в их актёрской деятельности. Например, Кручининой личное горе позволило с максимальной достоверностью передавать чувства своих героинь и создавать правдивые сценические образы. По наблюдению И.А. Овчининой, «поведение героини автор обосновывает сильно развитой женской интуицией, которая когда-то, в молодости, ей ничего не подсказала. Горе, страдания, жизненный опыт, актёрская профессия обострили её чувства» [Овчинина: 215].

Первое действие, выполняющее роль пролога, отделяется от последующих значительным временным промежутком (17 лет), как и в классической мелодраме, например, в пьесе Виктора Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока», где между действиями проходит 15 лет. За эти 17 лет, прошедших с того момента, когда Отрадина узнаёт о предательстве Мурова и получает ложную весть о смерти сына, героиня благодаря упорному труду и своим душевным качествам добилась значительных перемен в своей жизни: она становится знаменитой актрисой, по праву пользуется любовью и уважением публики. Новый жизненный этап подчёркивается и новой фамилией (Кручинина), резко контрастирующей с настоящей (Отрадина) и отражающей произошедшую перемену. Своё же прежнее имя Любовь (а именно любовь к Мурову и их общему сыну во многом была смыслом её жизни) она меняет на имя Елена, которое означает «светлая». После потерь и предательства она не утратила своих душевных качеств, сохранила внутреннюю красоту и чистоту. В первом акте в списке действующих лиц Отрадина представлена как «девица благородного происхождения», а во втором акте, уже под фамилией Кручинина, она охарактеризована как «известная провинциальная актриса». Меняется положение героини: теперь

она имеет собственные заслуги, статус актрисы и любовь публики. Однако это досталось ей дорогой ценой, так как слава и признание непросто даются актёру: до того, как их получить, он должен сначала многое испытать и пережить, узнать много горя. «Лавры-то потом, а сначала горе да слёзы» [Островский 5: 375] – с горечью признаётся Кручинина.

В пьесе Островского нет прямого морализаторства, присущего мелодраме, однако в ней выражены идеалы и взгляды автора, который симпатизирует людям, подобным Кручинине, и верит в силу любви и искренности. Н.С. Гродская отмечает, что героиня «Без вины виноватых» представляет собой идеал актрисы, которая, по мнению драматурга, должна быть «личностью незаурядной, наделенной умом, талантом, темпераментом» и нести со сцены «правду жизни, искренность человеческих чувств, пробуждая людей и напоминая о забытом ими идеальном мире» [Гродская: 512]. В <Записке о театральных школах> Островский замечал: «Призванным к актёрству мы считаем того, кто получил от природы тонкие чувства слуха и зрения и вместе с тем крепкую впечатлительность. При таких способностях у человека с самого раннего детства остаются в душе и всегда могут быть вызваны памятью все наружные выражения почти каждого душевного состояния и движения» [Островский 10: 147].

Как замечает Н.С. Гродская, в процессе работы над пьесой Островский углублял психологический портрет Кручинины, придавая репликам героини особую точность и художественную выразительность, показывая «все грани» её «богатой натуры» [Гродская: 514]. В образе Кручинины выражены представления драматурга о том, какой в идеале должна быть актриса. Кручинина – эмоциональная, тонко чувствующая героиня, трудолюбивая, всецело преданная театру, обладающая жизненным опытом, незаурядным талантом и богатым, живым воображением. Приехав в город своей юности, она не просто воскрешает в своей памяти прежние события, но и словно заново их переживает, внутренним взором видя картины прошлого, в котором она была счастлива, а сын её был с ней. «Чувство совершенно владеет мною, захватывает меня всю, и я часто дохожу до галлюцинаций», – объясняет она Дудукину [Островский 5: 377]. Уже в юности ей были свойственны глубокие и искренние чувства: проявляя редкую самоотверженность, она готова пожертвовать всем для любимого человека и их общего сына. Она безгранично верит Мурову и готова отдать ему последние деньги, лишь бы он не нуждался. Отрадина не слушала предостережений обладающей трезвым взглядом на жизнь и практическим умом Аннушки о том, что мужчины «сначала очень завлекательны, а потом часто бывают даже и очень обманчивы» [Островский 5: 357].

Автор с особой теплотой изображает актёрскую среду, которая была ему очень близка и знакома. Его герои-актёры – эмоциональные, по-детски впечатлительные, искренние личности с чистой душой и большим сердцем. Каждый из них имеет свой особенный характер, яркую индивидуальность. Для Островского, который всегда подчёркивал просветительскую роль театра, труженики сцены – это люди с особенной судьбой и высоким предназначением. Драматургу хорошо известны трудности актёрской судьбы. Устами мецената Дудукина высказывает автор мысль о необходимости поддержки актёров, которые «как птицы небесные: где посыпано крупки, там и клюют, а где нет – голодают» [Островский 5: 372]. Артисты зависимы от публики, особенно от самой богатой её части. Жители провинциального города, по определению Дудукина, «относительно нравов и умственного развития находятся еще в самом первобытном невежестве и о существовании драматического искусства имеют представления самые смутные» [Островский 5: 372].

Характерно, что, по данным частотного словаря [А.Н. Островский. Энциклопедия: 531], слова «актёр», «актриса» (включая искажённое произношение: «ахтёр», «ахтриса»), «артист», «артистка» в целом встречаются в пьесах 1840-х гг. всего 8 раз, в пьесах 1850–60-х гг. – 4 раза, а в пьесах 1870–80-х гг. их количество возрастает до 155. Этот факт может свидетельствовать о потребности и готовности драматурга на определённом этапе творческой деятельности обратиться к столь значимой и близкой для него теме. Анализируя семантику этих слов, Д.А. Рыбакова приходит к выводу о том, что герои наполняют их дополнительными смыслами, в зависимости от точки зрения на обозначаемое понятие. Незнамов, например, размышляет о сущности актрисы и её поведении не только на сцене, но и в жизни, в какой-то момент убеждаясь, что Кручинина только играет роль перед ним. Много раз в задумчивости повторяет он это слово, которое теперь в его глазах обретает негативную окраску.

Цель мелодрамы, как правило, – воздействовать на чувства зрителей, заставить их сопереживать. Важным при этом оказывается то, насколько убедительно играют актёры, верит ли им зритель. Восхищение, например, вызвала П.А. Стрепетова в роли Кручинины. В письме к Островскому от 22 января 1884 г. Д.В. Григорович отмечал: «Замечательно была хороша Стрепетова; в сильных местах она была глубоко трогательна и вызвала слёзы, которых давно не видел Ал<ександринский> театр» [Неизданные письма: 85]. Восторгался блистательной игрой актрисы и А.С. Суворин: «Вы когда-нибудь посмотрите, что она делает после того, как срывает медальон и говорит “он, он”! Это вдохновенное у неё место, нечто такое, что и вообразить себе трудно. Такая радость ангель-

ская какая-то, блаженная, какой я никогда не видал ни в жизни, ни на сцене. По-моему, этому моменту в её игре даже подражать нельзя» [Неизданные письма: 560]. Эти отзывы свидетельствуют о том, как глубоко и точно передавала актриса чувства и переживания своей героини.

Заразительная эмоциональность мелодрамы, исповедальность приводили к тому, что в зрительском восприятии актёр отождествлялся со своей ролью, становился с ней одним целым [Варламова: 137]. И сам зритель тоже пропускает через себя переживания героев. Возможно, именно этим можно объяснить привлекательность мелодрамы для публики. Несмотря на условность и гиперболизированность, она даёт зрителю возможность подняться над реальностью, испытать яркие эмоции. Кручинина вызывает симпатии и сочувствие зрителей. В письме от 12 февраля 1884 г. А.С. Суворин описывает реакцию зрителей на пьесу: «Ваша последняя вещь растрогала всех так, что ничего подобного я никогда не видал. Мужчины, самые деревянные, плакали. Возле меня сидел один художник, любящий корчить Мефистофеля. Он всё время крепился, даже иронизировал надо мною, но последняя сцена так его захватила, что он приставил бинокль к глазам и продолжал в него смотреть на сцену даже после того, как занавес опустился» [Неизданные письма: 560]. Пьеса «Без вины виноватые» взволновала даже тех зрителей, которые не отличались излишней эмоциональностью. Особенно сильной и напряжённой оказывается финальная сцена, когда Кручинина узнаёт в Незнамове своего давно потерянного сына. Не только финал самой пьесы, но и заключительные сцены каждого акта имеют особенно акцентированное звучание, это точки наивысшего эмоционального подъёма: предательством Мурова и мнимой смертью сына Отрадиной завершается первый акт; в конце второго акта Отрадина-Кручинина узнаёт о том, что её ребёнок выжил; в конце третьего акта, перед обедом у Дудукина, достигают кульминации метания и сомнения Незнамова, завершающим же аккордом становится воссоединение матери и сына. По определению И.А. Овчининой, финал каждого акта является «отражением потрясённого сознания героев» [Овчинина: 216].

Ситуации узнавания, внезапного раскрытия происхождения героя, являющиеся существенной чертой мелодраматического жанра, придают сюжету загадочности и таинственности. Мелодраматическое звучание находит яркое воплощение в монологах Незнамова, которые носят исповедальный характер: «А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли, которому всегда и везде больно. У меня душа так наболела, что мне больно от всякого взгляда, от всякого слова; мне больно, когда обо мне говорят, дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнее,

когда меня жалеют, когда мне благодетельствуют!» [Островский 5: 380] – признаётся он.

Между тем, образ Незнамова лишён присущего героям мелодрамы схематизма, отличается глубиной и объёмностью. Тонкая натура, Незнамов скрывает свои истинные чувства за показной грубостью и цинизмом, в то время как в его душе происходит внутренняя борьба. Незнамов не видел в жизни ничего хорошего и не встречал людей, подобных Кручининой. Он сбив с толку её добрым и ласковым отношением, не знает, можно ли ей верить, поскольку привык доверять только себе, не раз сталкиваясь с коварством и жестокостью людей. Островский пояснял в письме к П.К. Дьяконову от 12 марта 1885 г.: «И в саркастической улыбке у него проглядывает румянец юности и конфуза. Когда он понял, что встретил чистую натуру, невиданную им, он остолбенел – он рот разинул от удивления, он потерялся, он ищет и не может найти тона; прежний его разговор показался ему не только дерзким, но, что ещё ужаснее для него, глупым» [Островский 12: 324].

Сам Незнамов признаётся в финале, что чувствует себя ребёнком и отказывается от мести Миловзорову и Коринкиной за то, что они пытались убедить его в неискренности Кручининой и распускали про неё слухи. Он словно перечёркивает этим свою прошлую жизнь и из дерзкого и циничного человека, каким его сделала судьба, вновь становится чистым и невинным ребёнком. Кручинина тоже искренне верит в то, что её материнская забота сделает Незнамова другим: «Господа! Не обижайте его, он хороший человек. А вот теперь он нашел свою мать и будет еще лучше» [Островский 5: 423], – говорит она.

«Без вины виноватые» – это не мелодрама в полном смысле, поскольку сюжет и образы лишены присущей этому жанру условности. У Островского элементы мелодраматизма не нивелируют комедийный пафос, органично вплетаясь в общую драматургическую ткань и способствуя решению стоящих перед драматургом художественных задач. Подобную способность к диффузии, к проникновению в другие жанры искусства и слиянию с ними Крутоус называет одним из важных свойств мелодрамы [Крутоус: 392]. Мелодраматические приёмы делают действие более напряжённым, вносят интригу и тайну. Однако Островский отказывается от чисто внешних мелодраматических приёмов, не прибегая к свойственным этому жанру ярким сценическим эффектам.

Жанровые подзаголовки, которые автор давал своим произведениям, не были случайными номинациями: они имеют большое значение для восприятия и интерпретации пьесы. Вот почему именно стихия комического оказывается в пьесе «Без вины виноватые» определяющей. Это выражено в благополучной концовке: терпение и стой-

кость Кручининой, её добродетели были вознаграждены, а справедливость восторжествовала. Незнамов, неизвестное происхождение которого стало для него причиной многих бед, обрёл мать. Муров же, напротив, был унижен. «Твой отец не стоит того, чтоб его искать, – отвечает Кручинина сыну на вопрос о нём, – Но я бы желала, чтоб он посмотрел на нас. Только бы посмотрел; а нашим счастьем мы с ним не поделимся. Зачем тебе отец? Ты будешь хорошим актером, у нас есть состояние... А фамилия... Ты возьмешь мою фамилию и можешь носить ее с гордостью; она нисколько не хуже всякой другой» [Островский 5: 424]. При этом разговоре Муров отворачивается, опасаясь негативных последствий для своей репутации, которые могли бы быть в случае его разоблачения. Став значительным лицом в городе, он вполне закономерно не желает, чтобы произошедшее между ним и Отрадиной стало достоянием общественности. Отметим, что реализовал себя он, в отличие от Кручининой, не благодаря душевным качествам и своим талантам, а исключительно через выгодный брак, до этого же никакого положения в обществе он не имел. Наиболее ярко это подчёркивается характеристикой Шелавиной: «Ваше высоко-ничего, вот и весь его чин» [Островский 5: 364]. Однако Муров был амбициозен, расчётлив и предприимчив, «человек молодой, ловкий», он обладал всеми качествами, необходимыми Шелавиной для того, чтобы сохранить и значительно приумножить её богатство. При том, что она характеризует его как человека, словам которого верить нельзя. Ради собственной выгоды он пренебрёг искренними порывами души Отрадиной, однако приходит к уже знаменитой и успешной Кручининой, в чём она его и упрекает: «Вы не даёте никакой цены свежему, молодому чувству простой любящей девушки и готовы унижаться перед женщиной пожившей, которой душа уж охладела, из-за того только, что она имеет известность!» [Островский 5: 404].

Комический характер имеет образ Шмаги. Его жизненная философия отличается предельной простотой: «У всякого своя нить, – обращается он к Миловзорову, – Ты вот любовник и на сцене, и в жизни, ты свою нить и тянешь, и нам надо было свою тянуть» [Островский 5: 395]. Своей роли Шмага остаётся верен, он «комик по жизни», как характеризует его Незнамов. Его реплики остры и афористичны, наполнены иронией, в том числе и над собой. Он рисует иронический образ артиста, которому «место в буфете» [Островский 5: 384], для которого душа лишняя. Незнамов же, который под благотворным влиянием Кручининой стал преобразовываться, по определению Шмаги, «нить потерял».

На долю Кручининой выпадают тяжёлые испытания: предательство любимого человека и известие о смерти сына. Ситуация, которая могла бы развиваться в трагическом ключе, в пьесе Остров-

ского получает благополучную развязку. Неслучайно пьеса заканчивается репликой Кручининой: «От радости не умирают» [Островский 5: 424].

В авторской объективности, наличии расширенного повествовательного элемента и развёрнутой предыстории проявляется эпическое начало. Драматург рисует широкую картину разных сторон жизни провинциального городка, показывая разные слои его общества, включая частную судьбу в общий контекст эпохи. Образы Отрадиной-Кручининой и Незнамова представлены в развитии, а их характеры мотивированы как внешними обстоятельствами, которые на них повлияли, так и внутренне, через их психические, душевные свойства. Д.А. Рыбакова приходит к выводу о том, что саморефлективные реплики Незнамова не столько характеризуют его как мелодраматического героя, сколько сближают с психологически сложными героями Достоевского, в частности с Ипполитом из романа «Идиот» [Рыбакова: 138], который, как и Незнамов, сталкивается с идеальным героем, князем Мышкиным, и приходит в замешательство от сочувственного к себе отношения.

Комедия Островского «Без вины виноватые» отмечена органичным сочетанием различных жанровых черт. С мелодрамой её сближают гиперболизированность, заострённость чувств и переживаний, исповедальность, мотив узнавания, встречи через много лет матери с сыном. В то же время расширенный повествовательный элемент, объективность, широкий охват действительности, наличие предыстории придают пьесе эпический характер.

Список литературы

- А.Н. Островский.* Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012.
- Варламова А.П.* Мелодрама // Театральные термины и понятия: Материалы к словарю / ред. А.П. Варламова, А.В. Сергеев. СПб., 2005. Вып. 1. С. 135–140.
- Вознесенская Т.И.* Поэтика мелодрамы и художественная система Островского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Горфункель Е.И.* «Без вины виноватые». Поэтика сюжета // А.Н. Островский. Новые исследования: сб. статей и сообщ. / ред.-сост. Л.С. Данилова, Т.В. Москвина. СПб., 1998. С. 199–219.
- Гродская Н.С.* Из творческой истории пьесы «Без вины виноватые» // Литературное наследство. Т. 88. А.Н. Островский. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1874. С. 511–532.
- Гуцков К.* Ричард Сэвидж, или Мать и сын // Пантеон и репертуар. СПб., 1845. Т. 10. С. 414–463.
- Кашин Н.П.* Этюды об Островском. М., 1912.
- Крутоус В.П.* Эстетика и время. Книга взаимоотношений. СПб.: Алетейя, 2012. 672 с.
- Незнакомец [Суворин А.С.]* Театр и музыка. Новая пьеса А.Н. Островского // Новое время. 1884. № 2838. С. 3.

Неизданные письма Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского и др. М.; Л.: Academia, 1932. 734 с.

Овчинина И.А. А.Н. Островский. Этапы творчества. М.: Энциклопедия сел и деревень, 1999. 220 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Рыбакова Д.А. Героиня-актриса пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые и русский театральный миф» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): в 3 ч. Ч. 2. С. 172–174.

Рыбакова Д.А. Об источниках и связях образа актера Незнамова в пьесе А.Н. Островского «Без вины виноватые» // Вестник СПбГУК. 2014. № 4 (21). С. 135–139.

References

A.N. Ostrovsky. *Enciklopedija* [A.N. Ostrovsky. Encyclopedia, ed. by I.A. Ovchinina]. Kostroma; Shuja, 2012. (In Russ.)

Varlamova A.P. *Melodrama* [Melodrama]. *Teatral'nye terminy i ponjatija: Materialy k slovarju* [Theatrical terms and concepts: Materials for the dictionary]. Saint-Petersburg, 2005, issue 1, pp. 135–140. (In Russ.)

Voznesenskaja T.I. *Pojetika melodramy i hudozhestvennaja sistema Ostrovskogo* [Poetik of melodrama and Ostrovsky's artistic system]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1997. (In Russ.)

Gorfunkel' E.I. "Bez viny vinovatye". *Pojetika sjuzheta* [Guilty without guilt. Plot poetics] *A.N. Ostrovskij. Novye issledovanija: sb. statej i soobshh.* [A.N. Ostrovsky New research: digest of articles and reports]. Saint-Petersburg, 1998, pp. 199–219. (In Russ.)

Grodskaja N.S. *Iz tvorcheskoj istorii p'esy "Bez viny vinovatye"* [From creative history Guilty without guilt]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 88. A.N. Ostrovskij. Novye materialy i issledovanija* [Literary heritage. Vol. 88. A.N. Ostrovsky. New materials and research. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1874, pp. 511–532. (In Russ.)

Guckov K. *Richard Sevidzh, ili Mat' i syn* [Richard Sevidzh, or Mother and son]. *Panteon i repertuar* [Pantheon and repertoire]. Saint-Petersburg, 1845, vol. 10, pp. 414–463. (In Russ.)

Kashin N.P. *Etjudy ob Ostrovskom* [Sketches about Ostrovsky]. Moscow, 1912. (In Russ.)

Krutous V.P. *Estetika i vremja. Kniga vzaimootrazhenij* [Aesthetics and time The book of mutual reflections]. Saint-Petersburg, Aletejja Publ., 2012, 672 p. (In Russ.)

Neznakomec [Suvorin A.S.]. *Teatr i muzyka. Novaja p'esa A.N. Ostrovskogo* [Theater and music. New play by A.N. Ostrovsky]. *Novoe vremja* [New time], 1884, № 2838, pp. 3. (In Russ.)

Neizdannye pis'ma L.N. Tolstogo, I.A. Goncharova, N.A. Nekrasova, F.M. Dostoevskogo, A.F. Pisemskogo i dr. [Unpublished letters by L.N. Tolstoy, I.A. Goncharov, N.A. Nekrasov, F.M. Dostoevsky, A.F. Pisemsky and others]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1932, 734 p. (In Russ.)

Ovchinina I.A. *A.N. Ostrovskij. Etapy tvorcestva* [A.N. Ostrovsky. Stages of creativity]. Moscow, *Enciklopedija sel i dereven'*, 1999, 220 p. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete collection of works in 12 vols.]. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1973–1980.

Ostrovskij A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* M., *Iskusstvo Publ.*, 1975, vol. 5, 543 p. (In Russ.)

Rybakova D.A. *Geroinja-aktrisa p'esy A.N. Ostrovskogo "Bez viny vinovatye i russkij teatral'nyj mif"*. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie* [The heroine-actress of the play by A.N. Ostrovsky "Guilty without guilt and the Russian theatrical myth" Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history]. *Voprosy teorii i praktiki* [Questions of theory and practice], 2013, № 12 (38): in 3 parts, p. 2, pp. 172–174. (In Russ.)

Rybakova D.A. *Ob istochnikah i svjazjah obraza aktera Neznamova v p'ese A.N. Ostrovskogo "Bez viny vinovatye"* [About the sources and connections of the actor Neznamov's image in the play by A.N. Ostrovsky "Guilty without guilt"]. *Vestnik SPbGUK* [Vestnik SPbGUK], 2014, № 4 (21), pp. 135–139. (In Russ.)

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРАЙНОСТИ РУССКОЙ РЕАЛЬНОЙ КРИТИКИ
В ОЦЕНКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЗИЦИИ И.А. ГОНЧАРОВА

В отечественном литературоведении закрепилось мнение о чрезмерной объективности, даже сухости и холодности И.А. Гончарова как писателя, не желавшего проявлять свое личное отношение к описываемым им событиям и лицам. В статье доказывается, что истоки такого мнения об авторе «Обломова» берут начало в критике натуральной школы. Выясняется, что мысль В.Г. Белинского о Гончарове как о писателе-живописце, никого не поучающем и не разоблачающем, стала основой для последующей критики Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова. В статье показано изменение отношения современной прогрессивной критики к Гончарову от положительного к отрицательному. Если первый роман писателя «Обыкновенная история» был принят представителями натуральной школы очень тепло, даже восторженно, то второй и самый известный – «Обломов» уже вызвал массу споров и разногласий, а последний – «Обрыв» и вовсе не был понят и оказался оценен как ретроградный роман, написанный человеком с очень устаревшими взглядами на социальную жизнь России, который фактически воспел ее крепостническое прошлое и резко осудил революционно настроенную молодежь. На примере аналитического изучения материалов нескольких критических статей делается вывод о том, что представители «реального» направления относили Гончарова к сторонникам чистого искусства. Новизна статьи заключается в выявлении противоречий и крайностей представителей натуральной школы в оценке Гончарова, оценке способов использования произведений классика для продвижения своей теории и программы.

Ключевые слова: Гончаров, авторское сознание, натуральная школа, критика, субъективность, объективность, чистое искусство, талант

Информация об авторе: Винокурцева Юлия Олеговна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2608-5519>, аспирант Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия

E-mail: aug17619@yandex.ru

Дата поступления статьи: 12.11.2020

Для цитирования: Винокурцева Ю.О. Противоречия и крайности русской реальной критики в оценке литературной позиции И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 100-106. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-100-106>

Yuliya O. Vinokurtseva
Kostroma State University

CONTRADICTIONS AND EXTREMES OF RUSSIAN REAL CRITICISM
IN ASSESSING THE LITERARY POSITION OF IVAN GONCHAROV

In Russian literary studies, the opinion about the excessive objectivity, if not dryness and coldness, of Ivan Goncharov as a writer, who did not want to show his personal attitude to the events and persons described by him in any way, was fixed. The article reveals the origins of this opinion about the author of «Oblomov», proves that it originates in the criticism of the natural school. It turns out that here was Vissarion Belinsky to start the party of considering Ivan Goncharov as someone who only portrays, paints, but does not lecture anyone and does not punish, does not expose his contemporary reality became the basis for subsequent criticism of the mid-19th century, represented by the names of Nikolay Dobrolyubov, Dmitry Pisarev, Nikolai Shelgunov. The article shows the change in the attitude of criticism of «Nikolai Gogol direction» to Ivan Goncharov from positive to negative – thus, if the first novel of the writer, «A Common Story» was perceived by supporters of the natural school very warmly, even enthusiastically, the second and the most famous – «Oblomov» – was not the same and caused a lot of controversy, and the last – «The Precipice» – was in fact misunderstood and considered to be a retrograde novel written by a man with very outdated views on the social life of Russia, the one who actually sang of Russia's serfdom past and sharply condemned revolutionary-minded youth. Based on the materials of several critical articles, it is concluded that representatives of the «real» direction attributed Ivan Goncharov to the supporters of pure art, or «art for art's sake».

Keywords: Ivan Goncharov, author's consciousness, natural school, criticism, subjectivity, objectivity, pure art, talent

Information about the author: Yuliya O. Vinokurtseva, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2608-5519>, post-graduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: aug17619@yandex.ru

Article received: November 12, 2020

For citation: Vinokurtseva Yu.O. Contradictions and extremes of Russian real criticism in assessing the literary position of Ivan Goncharov. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 100-106 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-100-106>

В конце 40-х гг. XIX в. на авансцену русской литературы вышла так называемая натуральная школа. Сторонники этого направления утверждали, что идут вслед за Гоголем в стремлении отражать жизнь такой, какая она есть, без прикрас и идеализации.

В начале своего существования натуральная школа приобрела множество сторонников, особенно среди прогрессивной молодежи. «Гоголевское направление» в 1840-х гг. быстро завоевало умы молодых писателей, а также сочувствующих им читателей и обрело последователей в лице критиков, внеся свою лепту в развитие русской литературы.

В.В. Тихомиров пишет: «Со времен позднего Белинского в отечественном литературоведении сохраняется убеждение, в соответствии с которым натуральная школа в русской литературе 1840-х годов, иногда называвшаяся также гоголевским направлением, представляет собой этап в литературном развитии, отличавшийся гражданским, обличительным характером, верностью действительности и гуманистическими тенденциями» [Тихомиров 2015: 98].

Душой и идеологом этого направления был В.Г. Белинский. В последней обзорной статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» автор касается творчества молодого писателя И.А. Гончарова. В романе «Обыкновенная история» Белинский увидел проявление большого таланта, но это был, по его мнению, талант живописца, а не бытописателя. Именно талант художника, в особенности портретиста, отмечает критик у Гончарова и в этом сходится с более поздним сравнением писателя с фламандцами, данным А.В. Дружининым.

Вот как оценивает авторскую позицию Гончарова Белинский: «Он поэт, художник – и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю, он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона» [Белинский: 32]. С этой позицией впоследствии согласится Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?».

Белинский относит Гончарова в стан враждебных ему сторонников «искусства ради искусства»: «Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство – и тем самым успевают. Все нынешние писатели имеют еще нечто, кроме таланта, и это-то нечто важнее самого таланта и составляет его силу; у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта» [Белинский: 32]. «Главная сила таланта г. Гончарова, – пишет Белинский, – всегда в изящности и тонкости кисти, верности рисунка; он неожиданно впадает в поэзию даже в изображении мелочных и посторонних обстоятельств» [Белинский: 34]. Отсюда критик делает вывод, что «в таланте

г. Гончарова поэзия – агент первый и единственный...» [Белинский: 34].

Таким образом, Белинский отказывает прозе Гончарова в актуальности, общественной значимости и злободневности. Он признает за писателем талант, но и только. Критик сожалеет об отсутствии у Гончарова четкой гражданской позиции и социальной риторики, которую в первую очередь ценили сторонники натуральной школы. Действительно, Гончаров был далек от политической борьбы своего времени. Его нельзя отнести в стан активных общественных деятелей. Спокойная, подчас апатичная натура Гончарова не позволяла ему идти на баррикады, быть агитатором социальных переворотов и рупором революции, какими были, к примеру, Герцен, Огарев или Чернышевский и каким хотели видеть его представители натуральной школы. Гончаров не мог не понимать губительности крепостного права, не мог не ратовать за преобразования в России, но, думается, он хотел, чтобы эти преобразования имели вид поступательных реформ. В этом плане Гончаров напоминал своего героя, Илью Ильича Обломова, которому «и хотелось бы, чтоб было чисто, да он бы желал, чтоб это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой» [Гончаров, 4: 14].

Со смертью Белинского интерес и актуальность его взглядов на литературу не иссякли. Вот что пишет о продолжателях дела Белинского на примере критика Н.Г. Чернышевского В.В. Тихомиров: «Заветы Белинского – вдохновителя натуральной школы, его литературно-критическая программа последних лет жизни оказались достаточно жизнестойкими и актуальными для последующего периода развития русской литературы и критики. Стремление Чернышевского поддержать и продолжить традиции натуральной школы («гоголевского направления»), как не совсем верно – вслед за Белинским – называет его новый идеолог прежнего метода) объясняется не только политическими причинами, но и близостью методологии и эстетики» [Тихомиров 2010: 26].

Тихомиров предлагает развести понятия «натуральная школа» и «гоголевское направление», считая, что «эмпирические в своей основе представления об искусстве как воспроизведении жизни в формах самой жизни предполагали и соответствующий метод критического анализа, основы которого разрабатывались Чернышевским, прямо ориентировавшимся на традиции “критики гоголевского периода”, то есть на Белинского последнего периода его деятельности. Формирование этого критического метода было завершено Добролюбовым, назвавшим свою литературную критику “реальной”, поскольку она имеет дело не только с художественным материалом: по поводу литературного произведения, по существу, подвергаются социальному и этическому анализу жизненные

реалии. Тем самым ликвидируется грань между действительной жизнью и ее условным, образным воплощением, каковым является литературное произведение» [Тихомиров 2010: 26–27].

В 1859 г. в свет выходит статья Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», написанная сразу после публикации романа «Обломов». Молодой критик начинает статью с обсуждения первой части романа «Обломов», которая, по его словам, «многим показалась скучною», «утомительною», иными словами, «произвела неблагоприятное впечатление на многих читателей» [Добролюбов: 35].

Следуя за Белинским, Добролюбов вынужден упрекнуть Гончарова в отсутствии четкой выраженной жизненной позиции, которая должна была бы найти свое отражение на страницах романа. Вместо призывов к социальному переустройству общества, вместо бичевания барских замашек Обломова и язва крепостного права Добролюбов столкнулся с описанием обетованной Обломовки, где хозяева и слуги живут душа в душу, где царят покой и уют, которые хотя и являют нам беспробудный сон души, но все-таки по-своему милы сердцу автора. «Мирный уголок» напоминает рай, где и «небо ближе жмется к земле... чтобы обнять ее покрепче, с любовью... как родительская надежная кровля», и «река бежит весело, шая и играя», и все вокруг представляет «ряд живописных этюдов, веселых, улыбающихся пейзажей» [Гончаров 4: 103].

Гончаров вовсе не намерен критиковать кого-либо и создавать карикатуры на русских помещиков. Да и как можно не любить Обломовку, если это Богом избранное место, где нет ни гроз, ни ураганов, ни ядовитых гадов, а только «бродят в обилии коровы жующие, овцы блеющие и куры кудахтающие». Это ли не рай на земле? Оттого Гончаров и не стремится изображать сатирические фигуры провинциального дворянства в духе Салтыкова-Щедрина. Нет, в романе Гончарова место сатиры занимает добрый юмор и легкая ирония к милым сердцу обломовцам, которые, как дети, наивны, доверчивы и беспомощны.

Вот что пишет В.И. Мельник по поводу этой особенности прозы Гончарова: «...парадокс состоит в том, что именно этот писатель, прекрасно представляющий себе актуальный срез сознания современного образованного русского человека, пишет о таких “младенчески-наивных” представлениях, как “ад” и “рай”, призывает современного человека, воодушевленного и подавленного великими научными открытиями своего времени и все новыми и новыми техническими достижениями, не отвергать жизнетворную силу “младенческой веры”» [Мельник: 151].

Добролюбов не замечает подобных призывов в тексте романа и заявляет о Гончарове безапелляционно: «Он вам не дает и, по-видимому, не хочет дать никаких выводов. Жизнь, им изображаемая,

служит для него не средством к отвлеченной философии, а прямою целью сама по себе. Ему нет дела до читателя и до выводов, какие вы сделаете из романа: это уж ваше дело. Ошибетесь – пеняйте на свою близорукость, а никак не на автора. Он представляет вам живое изображение и ручается только за его сходство с действительностью; а там уж ваше дело определить степень достоинства изображенных предметов: он к этому совершенно равнодушен. У него нет и той горячности чувства, которая иным талантам придает наибольшую силу и прелесть» [Добролюбов: 36].

Добролюбов прав в том, что талант Гончарова лишен «горячности чувства». Страстность не свойственна меланхолическому складу характера писателя. Но мы считаем это его отличительной чертой, а не недостатком. Смог ли бы человек другого темперамента создать мифологизированный образ Обломовки и фигуру самого Ильи Ильича, ставшего уже архетипом не только русской, но и мировой литературы? Для создания таких образов потребовался эпический талант писателя, изобразившего неторопливую картину жизни русского человека, медленно разворачивая ее во всех своих подробностях, подобно самому Гомеру.

Добролюбов уверен, что талант Гончарова «неподатлив на впечатления. Он не запоет лирической песни при взгляде на розу и соловья; он будет поражен ими, остановится, будет долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процесс в это время произойдет в душе его, этого нам не понять хорошенько...» [Добролюбов: 36]. Действительно, Гончарову чужды долгие лирические отступления, какими славились Пушкин и Гоголь, упоительные пейзажи в духе Тургенева, философские раздумья, свойственные Толстому. Позицию автора и его сердечное расположение к определенным персонажам можно найти в искусно построенных диалогах героев, будь то пространственные разговоры дяди и племянника Адуевых или долгие споры Обломова и Штольца. В тот или иной момент мы начинаем симпатизировать одному из героев и, очевидно, это происходит неслучайно: в уста его мастерски вложена мысль автора, который захотел, чтобы мы услышали ее и приняли как свою.

Так, в разговоре со Штольцем Обломов приносит несколько очень важных мыслей по поводу петербургской жизни: герою не нравится «вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, шелчки друг другу, это оглядывание с ног до головы; послушаешь, о чем говорят, так голова закружилась, одуреешь» [Гончаров 4: 179]. И когда Обломов вопрошает: «Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» [Гончаров 4: 179], мы можем догадаться, что это восклицает сам Гончаров. Как пишет Л.Н. Синякова, «во всех

формах этого суетливого проживания жизни Обломову видится утраченное величие человека, его неподлинность, суррогатность»: «Обломов, сам того не ведая, постулирует основной принцип христианской антропологии. Божий мир совершенен, несовершенен лишь человек – но исключительно по своей вине. Право свободного выбора добра и зла остается за человеком и требует осознанного решения» [Синякова: 165]. Обломов выбирает «недеяние». «Покой, – как отмечает В.И. Тюпа, – оказывается альтернативным суете образом жизни, а не уклонением от нее» [Тюпа: 69].

Отчего происходит так, что Гончаров не выражает напрямую своих мыслей, а вкладывает их в уста определенного героя: от недостатка красноречия или от скупости чувств? Добролюбов склоняется к последнему. Он нередко употребляет эпитет «беспристрастный» по отношению к Гончарову. Критик считает писателя неспособным на проявление эмоций, а подчас сомневается в их наличии и в жизни автора. «Он ничем не увлекается исключительно или увлекается всем одинаково, – пишет Добролюбов. – Он не поражается одной стороной предмета, одним моментом события, а вертит предмет со всех сторон, выжидает совершения всех моментов явления и тогда уже приступает к их художественной переработке. Следствием этого является, конечно, в художнике более спокойное и беспристрастное отношение к изображаемым предметам, большая отчетливость в очертании даже мелочных подробностей и ровная доля внимания ко всем частностям рассказа» [Добролюбов: 37]. Таким образом, Добролюбов, относя Гончарова в стан «бесстрастных бытописателей», пытается продвинуть идеи реальной критики.

В то же время, как бы противореча самому себе, Добролюбов пишет, что Гончаров «всем занялся с любовью, все очертил подробно и отчетливо. <...> Все приведено и изображено с полною отчетливостью и рельефностью» [Добролюбов: 38]. С этим утверждением критика трудно не согласиться. Вспомним хотя бы знаменитое описание халата Обломова.

И все же Добролюбов склонен называть творчество Гончарова «объективным»: «объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубеждениями и заданными идеями, не поддается никаким исключительным симпатиям. Оно спокойно, трезво, бесстрастно» [Добролюбов: 38]. Добролюбов заявляет: «...мы никогда не согласимся, чтобы поэт, тратящий свой талант на образцовые описания листочков и ручейков, мог иметь одинаковое значение с тем, кто с равною силою таланта умеет воспроизводить, например, явления общественной жизни» [Добролюбов: 40].

Сам же Гончаров, очевидно, не стремился встать в один ряд с такими писателями-общественниками. Так, в «Обломове» автор вложил в уста героя

гневную речь в адрес сторонников «гоголевского направления». В разговоре с журналистом Пенкиным Илья Ильич вопрошает: «Из чего же они бьются: из потехи, что ли, что вот кого-де не возьмем, а верно и выйдет? А жизни-то и нет ни в чем: нет понимания ее и сочувствия, нет того, что там у вас называется гуманитетом. Одно самолюбие только. Изображают-то они воров, падших женщин, точно ловят их на улице да отводят в тюрьму. В их рассказе слышны не “невидимые слезы”, а один только видимый, грубый смех, злость...» [Гончаров 4: 28]. Обломов искренне негодует по поводу современной ему литературной тенденции изображать только пороки и клеймить их нещадно. Апатичный и вечно заспанный герой в этой сцене, «вдруг воспламенившись», восклицает: «Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, – тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову...» [Гончаров 4: 28]. Думается, что в данном случае герой и автор слиты воедино и первый нужен для того, чтобы быть выразителем мыслей последнего.

В 1859 г. по поводу романа «Обломов» публикуется также статья Д.И. Писарева, про которого Тихомиров пишет следующее: «Если реальная критика Чернышевского и Добролюбова в качестве основного объекта анализа сохраняла литературные произведения, то развивавшая ее традиции критика Д.И. Писарева превратилась в реализм как жизненную философию явно позитивистского характера» [Тихомиров 2010: 29].

Для Писарева Гончаров – писатель бесстрастный и спокойный: «Полная объективность, спокойное, бесстрастное творчество, отсутствие узких временных целей, профанирующих искусство, отсутствие лирических порывов, нарушающих ясность и отчетливость эпического повествования, – вот отличительные признаки таланта автора, насколько он выразился в последнем его произведении» [Писарев: 69–70].

К слову, незадолго до этого, в 1858 году, Писарев опубликовал небольшую статью о только вышедших путевых очерках Гончарова «Фрегат “Паллада”». Статья эта была напечатана в женском журнале «Рассвет», где начинал работать совсем еще юный критик. Тогда Писарев не считал перо Гончарова «спокойным» и «бесстрастным». Напротив, он видел в заметках писателя «особенный характер задушевной теплоты и дружеской откровенности» и замечал, что «г. Гончаров постоянно говорит о себе, о своих впечатлениях,

о своем расположении духа, о влиянии внешней обстановки на его здоровье и духовную деятельность; личность автора не скрывается за описываемыми предметами; читатель не теряет ее из виду и коротко знакомится с нею к концу путевых заметок» [Писарев: 72].

Со временем отходя от позиции объективности, критик начинает подравнивать свою точку зрения под идеи реальной критики и уже в следующем году иначе судит о творчестве Гончарова.

Анализируя роман «Обломов», Писарев отдает должное таланту Гончарова и пишет следующее: «Редкий роман обнаруживал в своем авторе такую силу анализа, такое полное и тонкое знание человеческой природы вообще и женской в особенности» [Писарев: 72]. Писарев, как и Белинский, видит главным достоинством прозы Гончарова знание человеческой природы. Гончаров и вправду глубокий сердцевед. Вспомним, как точно он описывает состояние и мотивы главного героя в сцене с письмом: «Обломову в самом деле стало почти весело. Он сел с ногами на диван и даже спросил: нет ли чего позавтракать. Съел два яйца и закурил сигару. И сердце, и голова у него были наполнены; он жил. Он представлял себе, как Ольга получит письмо, как изумится, какое сделает лицо, когда прочтет. Что будет потом?.. Он наслаждался перспективой этого дня, новостью положения... Он с замиранием сердца прислушивался к стуку двери, не приходил ли человек, не читает ли уже Ольга письмо...» [Гончаров 4: 262]. По нашему мнению, талант Гончарова выражается в мастерстве изображения пограничных состояний героев, какими бы противоречивыми они ни были.

Итак, в своей первой статье Писарев высоко оценил творение Гончарова. В его статье есть очень лестные для автора слова: «“Обломов”, по всей вероятности, составит эпоху в истории русской литературы, он отражает в себе жизнь русского общества в известный период его развития. <...> Это вполне изящное, строго обдуманное и поэтически-прекрасное произведение» [Писарев: 82]. Такое наблюдение критика было не свойственно для натуральной школы. Эта пронизательность стала следствием молодости критика, точнее, его независимости от школ в то время. Позднее Писарев будет судить о Гончарове гораздо жестче.

Спустя два года Писарев в другой статье – «Писемский, Тургенев и Гончаров» – возвращается к мысли о том, что Гончаров по преимуществу писатель объективный, бесстрастный и даже холодный: «У Гончарова нет никакого конька, никакой любимой идеи; утопия всякого рода ему совершенно враждебна; ко всякому увлечению он относится с легким и вежливым оттенком иронии; он – скептик, не доводящий своего скептицизма до крайности; он – практик и материалист, способный ужиться с фантазером и идеалистом; он – эгоист,

не решающийся взять на себя крайних выводов своего мирозерцания и выражающий свой эгоизм в тепловатом отношении к общим идеям или даже, где возможно, в игнорировании человеческих и гражданских интересов» [Писарев: 85].

Первая статья о Гончарове была написана Писаревым в возрасте 18 лет (это была статья о «Фрегате “Паллада”»). Она содержала исключительно хвалебные отзывы в адрес автора. Вторая статья (про «Обломова») написана через год и уже содержит некую критику автора и его равнодушия. Третья статья написана уже в 1861 г., когда Писарев успел пересмотреть свои взгляды на литературное творчество. Теперь он неумолимо требует от писателя гражданских интересов и четкой общественной позиции. Как пишет по этому поводу Тихомиров, «быстрая эволюция философских и эстетических взглядов Писарева – от традиционных, в духе свободного творчества, воспринятых в студенческие годы, – до крайне радикальных и утилитарных, отрицающих все, что не несет непосредственной общественной пользы, свидетельствовала о большой популярности в России середины XIX века позитивистских идей, которые тогда ассоциировались с социальным прогрессом и защитой интересов человека» [Тихомиров 2010: 29].

В 1861 г. 21-летний критик уже подчеркивает совершенное равнодушие Гончарова к своим героям и ко всему действию, происходящему на страницах его романа. Он уверен в следующем: «Постоянно спокойный, ничем не увлекающийся романист наш развязно подходит к запутанным вопросам общественной и частной жизни своих героев и героинь; бесстрастно и беспристрастно осматривает он положение, отдавая себе и читателю самый ясный и подробный отчет в мелких его особенностях, становясь поочередно на точку зрения каждого из действующих лиц, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по-своему всех. Он обсуживает положение и свойства своих действующих лиц, но всегда воздерживается от окончательного приговора» [Писарев: 85]. Писарев сетует, что Гончаров «решительно не хочет выразить своего мнения, своего взгляда на вещи» [Писарев: 89]. Критик ждет от автора оценки поступков героев, обобщений, четкого разделения персонажей на положительных и отрицательных, то есть ждет дидактичности, назидательности. Гончарову же прямое морализаторство было не свойственно.

Свою вторую статью Писарев заканчивает весьма нелестной фразой: «В романе Гончарова я вижу только тщательное копирование мелких подробностей и микроскопически тонкий анализ. Ни глубокой мысли, ни искреннего чувства, ни прямодушных отношений к действительности я не замечаю» [Писарев: 99]. В третьей своей статье «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» Писарев снова заки-

дывает Гончарова упреками: «...создания г. Гончарова не выясняют нам ни одного явления жизни, и, следовательно, мы можем взглянуть на всю его деятельность как на явление чрезвычайно оригинальное, но вместе с тем в высокой степени бесполезное» [Писарев: 100].

Главенство общественной пользы литературы над ее художественными достоинствами Писарев будет пропагандировать до конца своих дней. Еще задолго до Маяковского он выскажет мысль о том, что место произведений Пушкина в лавке старьевщика. Критик не смог избежать «базаровской» крайности в суждениях, руководствуясь, возможно, не столько личными убеждениями, сколько модой на отрицание чистого искусства.

Другим продолжателем дела Белинского был Н.В. Шелгунов, который в разгромной статье «Талантливая бесталанность» 1869 г., посвященной только вышедшему роману Гончарова «Обрыв», отметил: «...уже и во времена Белинского чувствовалось, что писателю, кроме таланта, нужно иметь еще нечто... и только один г. Гончаров стремился к идеалу чистого искусства и пел как птица божия, потому что хотелось петь. <...> Что такое писатель, как не общественный деятель? что такое писатель, как не интеллектуальная сила, как не путеводная звезда, за которой идут те, кто понимать и рассуждать безошибочно не в состоянии? Чему же служит в этом случае талант, и для чего он нужен?» [Шелгунов: 236–237].

Этот ряд риторических вопросов не требует ответов. Они нам известны из самого названия статьи: автор бесталанен уже потому, что его творчество бесполезно для общества. И снова критики относят Гончарова к стану сторонников «чистого искусства». Ему ставится в вину неумение быть рупором эпохи, непонимание современных чаяний общества, отсутствие гражданской сознательности.

«Если талант не имеет подобной прогрессивной, просвещающей тенденции, – он не талант, а неудавшаяся сила, – пишет Шелгунов. – Бывали даже неудавшиеся гении, почему же г. Гончарову не быть неудавшимся талантом? А неудавшимся талантом будет всякий писатель, который не в силах иметь воспитательного значения, который не в состоянии пробуждать хороших, благородных чувств и гуманных мыслей» [Шелгунов: 244], – вот в чем искренне убежден автор статьи.

Таков был приговор современной Гончарову критики. Идея вневременности Гончарова не могла быть понята в пореформенную эпоху. Гончаров видел в своих героях прежде всего людей, а не социальную абстракцию. Недаром самый известный и, пожалуй, самый любимый герой Гончарова Обломов недоумевает по поводу сторонников натуральной школы: «Изображают они вора, падшую женщину, – говорил он, – а человека-то забывают или не умеют изобразить. Какое же тут искусство,

какие поэтические краски нашли вы? Обличайте разврат, грязь, только, пожалуйста, без претензии на поэзию» [Гончаров 4: 28]. Не логично ли предположить, что это негодует сам автор, творец Обломова? Разве не Гончаров это кричит, подобно древнему Диогену: «Человека, человека давайте мне!» [Гончаров 4: 28]?

В каждом своем герое Гончаров видел в первую очередь человека, а уже далее мог рассуждать о его слабостях и пороках. И поэтому он не спешил глумиться над персонажами, как это делали последователи натуральной школы, не торопился «извергнуть его из гражданской среды, из общества». Для писателя это значило бы «забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, то есть вы сами» [Гончаров 4: 29]. «А как вы извергнете из круга человечества, из лоно природы, из милосердия божия?», – вопрошает Обломов и вместе с ним сам автор романа. В этом риторическом вопросе слышится христианский гуманизм Гончарова и его нежелание ввязываться в политическую борьбу и принимать какую-то одну сторону среди враждующих лагерей. Он как художник должен быть над этой борьбой, не ставить сиюминутных целей, а смотреть со стороны и оценивать жизнь с позиции вечности.

Список литературы

Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 384 с.

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // И.А. Гончаров в русской критике. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 27–52.

Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост. Отрадин М.В. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 34–68.

Мельник В.И. «Крупный, мыслящий и осмысливающий синтез...» (Возникновение замысла романной трилогии И.А. Гончарова) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 118–199. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199>

Писарев Д.И. «Обломов». Роман И.А. Гончарова // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост. М.В. Отрадин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 69–106.

Синякова Л.Н. Персонология И.А. Гончарова: проблема самоидентификации личности в первой части романа «Обломов» // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 2: Филология.

Тихомиров В.В. От А.Н. Радищева до Л.Н. Толстого: статьи о русской литературе и литературной критике: сб. науч. ст. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. 372 с.

Тихомиров В.В. Русская литературная критика XIX века: теория, история, методология. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 376 с.

Тюна В.И. Увертюра к роману (поэтика начальных страниц «Обломова») // Русская литература XIX–XX вв.: Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, 2004. 212–219 с.

Шевырев С.П. Об отечественной словесности. М.: Высшая школа, 2004. 302 с.

Шелгунов Н.В. Талантливая бесталанность // И.А. Гончаров в русской критике. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 235–276 с.

References

Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Literaturnaja kritika* [Literary criticism]. Moscow, Sovremennik Publ., 1981, 384 p. (In Russ.)

Belinskij V.G. *Vzglyad na russkiju literaturu 1847 goda. Goncharov v russkoj kritike* [Russian literature of 1847. Goncharov in Russian criticism]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958, 27–52 pp. (In Russ.)

Dobroljubov N.A. *Chto takoe oblomovshchina? Roman I.A. Goncharova «Oblomov» v russkoj kritike* [What is oblomovshchina? I.A. Goncharov's novel “Oblomov” in Russian criticism: collection of articles]: sb. statej; comp. Otradin M.V. L. Leningr. un-t Publ., 1991, 34–69 pp. (In Russ.)

Melnik V.I. “*A large, thinking and comprehending synthesis...*” (The origin of the idea of the novel trilogy by Ivan Goncharov). *Two centuries of the Russian classics*, 2020, vol. 2, № 3, pp. 118–199. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199> (In Russ.)

Pisarev D.I. «*Oblomov*». *Roman I.A. Goncharova v russkoj kritike: sb. statej* [“Oblomov”. Roman I.A. Goncharova. I.A. Goncharov's novel “Oblomov” in Russian criticism: collection of articles], comp. Otradin M.V. L., Leningr. un-t Publ., 1991, 68–106 pp. (In Russ.)

Siniakova L.N. *Personologija I.A. Goncharova: problema samoidentifikatsii lichnosti v pervoi chasti romana “Oblomov”* [Personology I.A. Goncharova: the problem of personality self-identification in the first part of the novel “Oblomov”]. *Vestnik NGU. Ser.: Istorija, filologija* [Vestnik NSU. Ser.: History, Philology]. 2012, vol. 11, issue 2: Filologija. (In Russ.)

Tihomirov V.V. *Ot A.N. Radishheva do L.N. Tolstogo: stat'i o russkoj literature i literaturnoj kritike: sb. nauch. st.* [From A.N. Radishchev to L.N. Tolstoy: articles on Russian literature and literary criticism: collection of scientific articles]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2015, 372 p. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Uvertiura k romanu (poetika nachal'nykh stranijs “Oblomova”)* [Overture to the novel (poetics of the opening pages of “Oblomov”)]. *Russkaia literatura XIX–XX vv.: Poetika motiva i aspekty literaturnogo analiza*. [Russian literature of the XIX–XX centuries: Poetics of motive and aspects of literary analysis]. Novosibirsk, 2004, pp. 212–219. (In Russ.)

Shevyrev S.P. *Ob otechestvennoj slovesnosti* [About Russian literature]. Moscow, Vysshajashkola Publ., 2004, 302 p. (In Russ.)

Shelgunov N.V. *Talantlivaja bestalannost'* [Talented lack of talent]. *I.A. Goncharov v russkoj kritike* [I.A. Goncharov in Russian criticism]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958, 235–276 pp. (In Russ.)

РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»: К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В статье впервые проводится сравнительный анализ замечаний А.С. Пушкина о своей поэме «Кавказский пленник» и одноименного рассказа Л.Н. Толстого, написанного для детского чтения и помещенного в «Азбуке». Во второй половине 1850-х гг. Толстой внимательно читает биографию Пушкина, написанную П.В. Анненковым для подготовленного им собрания сочинений поэта. Можно считать, что с этого времени начинается сознательное изучение писателем прозы Пушкина, которая раньше не привлекала его. В этой книге Толстой отмечает карандашным отчеркиванием среди других сведений неотправленное письмо поэта к Н.И. Гнедичу, в котором автором поэмы критически разбираются ее недостатки. В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Толстой переживает серьезный творческий кризис, вызванный неудовлетворенностью современным состоянием художественной литературы, особенно языком. Он начинает ориентироваться на язык «народной литературы», впервые применив новые «приемы писания» при создании детских рассказов для «Азбуки». Сравнение критических замечаний Пушкина в адрес своего произведения с содержанием, образами героев и сюжетными линиями в рассказе Толстого «Кавказский пленник» убеждает в том, что писатель учел пушкинские замечания, получив от поэта подлинный урок мастерства.

Ключевые слова: Пушкин, Толстой, Анненков, рассказ, творческая история, «Азбука», «Кавказский пленник»

Информация об авторе: Николаева Евгения Васильевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>, доктор филологических наук, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

E-mail: nikolaeva.ev.vas@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.09.2020

Для цитирования: Николаева Е.В. Рассказ Льва Толстого «Кавказский пленник»: к вопросу о творческой истории // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 107-112. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-107-112>

Yevgeniya V. Nikolayeva
Moscow State Pedagogic University

LEO TOLSTOY'S NOVELLA "THE PRISONER OF THE CAUCASUS": ON THE QUESTION OF CREATIVE HISTORY

For the first time, the article presents a comparative analysis of Alexander Pushkin's remarks about his poem "The Prisoner of the Caucasus" and Leo Tolstoy's short story of the same name, written for children's reading and placed in «The Alphabet Book». In the second half of the 1850s, Leo Tolstoy carefully and with numerous notes read the biography of Pushkin, published by Pavel Annenkov for the collected works of the great author. We can assume that from this time the writer begins a conscious study of Pushkin's prose, which previously had not attracted him. In this book, Leo Tolstoy marks out in pencil, among other information, the unsent Pushkin's letter to Nikolay Gnedich, in which the author of the poem critically examines its shortcomings. In the late 1860s and the early 1870s, Leo Tolstoy was experiencing a serious creative crisis caused by dissatisfaction with the state of fiction, especially language, of that time. He begins to focus on the language of «folkish literature», for the first time applying new «writing techniques» when creating children's stories for «The Alphabet Book». Comparison of Pushkin's critical remarks about his work with the content, images of the main characters, minor characters and their storylines in Leo Tolstoy's story «The Prisoner of the Caucasus» convinces that the writer took into account Pushkin's remarks, having received from Puskin a genuine lesson in skill.

Keywords: Alexander Pushkin, Leo Tolstoy, Pavel Annenkov, novella, creative history, "Alphabet Book", "Prisoner of Caucasus"

Information about the author: Yevgeniya V. Nikolayeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621> Doctor of Philological Sciences, Moscow State Pedagogic University, Moscow, Russia

E-mail: nikolaeva.ev.vas@yandex.ru

Article received: September 28, 2020

For citation: Nikolayeva Ye. V. Leo Tolstoy's novella "The Prisoner of the Caucasus": on the question of creative history // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 107-112 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-107-112>

В начале 1870-х гг. Л.Н. Толстой много сил и времени отдает работе над «Азбукой», будучи уверен в том, что этой книгой он «памятник себе воздвиг». Рассказ «Кавказский пленник», написанный для помещения в «Азбуке», как известно, входит в состав четвертой Русской книги для чтения. Впервые он был напечатан во втором номере журнала «Заря» за 1872 г. С просьбой о публикации к писателю обратился Н.Н. Страхов, что послужило началом их переписки, длившейся четверть века, а затем личного знакомства и сотрудничества.

Напечатанное в «Заре» произведение не осталось незамеченным читателями. Среди отзывов – полученное Л.Н. Толстым в октябре того же 1872 г. письмо от А.А. Толстой, с которой писатель постоянно делился самыми дорогими для себя творческими планами и мнением которой весьма дорожил. В ее письме, датированном 3 октября 1872 г., содержится отзыв о прочитанном ею новом рассказе Л.Н. Толстого. В рассказе она выделяет основные черты, новые для писателя: «особый стиль», который «доступен пониманию всех», «аромат поэзии», а также сообщает, что в ее окружении многие читающие и обладающие литературным вкусом люди «находятся, как и я, под обаянием этой истории, которая интересна всем от 7 лет до сорока» [Толстой Л.Н. и Толстая А.А.: 297].

Тема «Азбуки» не первый раз возникла в переписке Толстого с его постоянной корреспонденткой и дальней родственницей. После окончания «Войны и мира» он начал непосредственно заниматься будущей «Азбукой». Планы, наброски, относящиеся к этой работе, содержатся в записной книжке 1868 г. В этот период Толстой получил письмо от Александры Андреевны с сообщением о том, что она с удовольствием перечитывает «Войну и мир». На это писатель ответил письмом, в котором признавался, что «Война и мир» ему теперь «противна вся», а занимает его работа над «Азбукой», которую он просит свою корреспондентку не смотреть, так как она не учила маленьких детей. В упомянутом выше письме Александра Андреевна не просто сообщает о факте знакомства с новым рассказом, но и выражает неподдельную заинтересованность в новом труде писателя.

Работе над рассказами для детского чтения предшествовал глубокий творческий кризис Толстого, выразившийся в неудовлетворенности «Войной и миром», главным образом, языком этого произведения. Большое влияние в период кризиса на писателя оказывала так называемая им «народная литература». В этом понятии он объединял произведения устного народного творчества и древнерусской литературы. Напряженная работа по переделке и улучшению «Азбуки» сопровождается для Толстого глубокими раздумьями о характере и смысле писательского труда, о под-

линной народности и языке литературного произведения. Эти мысли писатель подробнее всего выразил в письмах к Страхову, ставшему в период работы над «Азбукой» одним из его самых верных помощников и доверенных корреспондентов. По просьбе Толстого он взял на себя редактирование славянских отделов и наблюдение над печатанием всего труда. На протяжении марта 1872 г. Толстой написал два важнейших письма Страхову. Вероятно, писатель делился своими мыслями именно со Страховым не случайно. Впервые в семье Толстых узнали о Страхове после появления его критических статей о «Войне и мире», которые были приняты Толстыми сочувственно. Последующее знакомство и завязавшаяся переписка, дружеское расположение, интеллектуальное общение делали Страхова тем человеком, с которым Толстой мог делиться подобными размышлениями и мог надеяться на верное понимание.

3 марта 1872 г. Толстой пишет о том, что неотступно сопровождает его во время работы над «Азбукой» и что выражает суть того творческого кризиса, который сопутствовал этой работе. «Если будет какое-нибудь достоинство в статьях азбуки, то оно будет заключаться в простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка...» [Толстой 61: 274]. Собственный педагогический опыт Толстого в Яснополянской школе убедил его в том, что дети с трудом воспринимают или вообще не воспринимают язык художественной литературы. Они живо реагируют на язык, следовательно, и содержание произведений устного народного творчества. Это обстоятельство и побудило писателя напряженно работать над языком своих детских рассказов, добиваясь его точности и прозрачной ясности. Известно, что многие из небольших по объему детских рассказов «Азбуки» претерпевали по несколько редакций.

В двадцатых числах марта Толстой вновь пишет пространное письмо Страхову, возвращаясь к столь значимой для него теме. На этот раз свои мысли писатель выражает весьма эмоционально, сравнивая себя с некими абстрактными и добившимися определенного успеха зарубежными авторами, которым и в голову не пришло бы «остановиться на моем месте и задуматься о том – не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал, а русский, если он не безумный, должен задуматься и спросить себя: продолжать ли писать, поскорее свои драгоценные мысли стенографировать, или вспомнить, что и *Бедная Лиза* читалась с увлечением кем-то и хвалилась, и поискать других приемов и языка». В этом письме под горячую руку Толстому попала не только «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина, он резко выступил против всех приемов и языка современной литературы, утверждая, что даже Пушкин ему «смешон, не говоря уж о наших эзукубрациях» [Толстой 61: 278].

Свою гневную отповедь современной литературе, главным образом ее языку, Толстой продолжает довольно пространными рассуждениями о том, что следует приближаться к языку, которым говорит народ, в котором присутствуют все необходимые выразительные средства. Этот язык сам он, по собственному признанию, нашел в старинных песнях, сказках и былинах. Размышления писателя о языке литературы были, как известно, связаны с проблемой народности литературы, в которой он видел задатки возможного «выплывания» в народности и очень хотел бы участвовать в этом процессе.

Содержание «Кавказского пленника», отмеченное А.А. Толстой как интересное всем, связано с именем А.С. Пушкина, упоминаемым и во втором письме Толстого. Известно, что тема Кавказа, военных действий на Кавказе, жизни горцев – одна из самых популярных в литературе первой половины XIX в., и порождена она была не только романтическим пафосом литературных произведений, но и реальной исторической жизнью. Столь же актуальной для того времени была и тема кавказского плена. Кроме «Кавказского пленника» для «Азбуки» Толстым был подготовлен еще один, не вошедший в нее рассказ на «кавказскую» тему «Храбрый солдат», повествующий о солдате, который смело и отчаянно противостоит врагам, желающим пленить его ради получения выкупа.

Во второй половине 1820 г. А.С. Пушкин под впечатлением пребывания с семейством Раевских на Кавказских минеральных водах написал поэму «Кавказский пленник», которой сам дал жанровое определение «повесть». Ее содержание несложно и памятно всем. Схематически содержание этой «повести» выглядит так: в плену у черкесов оказывается молодой русский пленник. К мучительному для него пленению присоединяется тоска и тяжелые воспоминания: «Людей и свет изведаль он / И знал неверной жизни цену». В пленника влюбляется молодая черкешенка, но он не отвечает на ее чувство. Черкешенка укоряет его в холодности, но все же помогает бежать. А когда пленник, переправившись через речку, оглядывается, то никого не видит. Он все понимает.

Свое критическое отношение к этой юношеской поэме Пушкин выражал неоднократно в письмах, в статье 1830 г. «Опровержение на критики». В этой статье он, в частности, отмечал, что в этой поэме неудачен характер героя, но принята она была лучше всего им написанного [Пушкин 1956–1958. 7: 170]. Еще более ироничный отзыв о своей поэме Пушкин выразил в 1823 г. в письме к П.А. Вяземскому из Кишинева, в котором не соглашается с упреками в том, что его герой не горюет о черкешенке и не бросился за ней в воду [Пушкин 1956–1958. 10: 56].

Как известно, название пушкинской поэмы, равно как основу сюжета и целые строки из нее

воспроизвел в своей ранней юношеской поэме М.Ю. Лермонтов. Рассказы и воспоминания о плене у кавказцев неоднократно появлялись в печати. Например, барон Ф.Ф. Торнау, полковник кирасирского полка, в середине 1830-х гг. был в Абхазии с целью негласного обследования горских аулов, где попал в плен. В «Библиотеке для чтения» был напечатан рассказ «Кавказский пленник», подписанный инициалами «Н.М.» [Н.М.].

В начале 1850-х гг. Л.Н. Толстой служил на Кавказе и однажды, 13 июня 1853 г., сам чуть не попал в плен к чеченцам, которые напали на нескольких русских офицеров, отставших от «оказии», среди которых был и он. Спустя два десятилетия Толстой написал рассказ с таким же названием для «Азбуки».

В толстовском рассказе также прослеживаются некоторые пушкинские следы. Следует заметить, что в начале своей творческой работы Толстой недооценивал прозу Пушкина, не видя в ней развитого психологизма, к которому стремился сам. В дневнике 1853 г. он записал: «Я читал «Капитанскую дочку» и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара – не слогом, – но манерой изложения. Теперь справедливо – в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий. Повести Пушкина голы как-то» [Толстой 46: 187–188]. В первой половине 1850-х гг. Толстой особенно много читает, оставляя в дневнике свидетельства знакомства с выдающимися произведениями мировой литературы, в том числе и с произведениями А.С. Пушкина.

В Яснополянской библиотеке писателя сохранилось несколько собраний сочинений А.С. Пушкина, причем в основном они не были востребованы. Активно читалось в семье только одно собрание сочинений, в первую очередь, Л.Н. Толстым, оставившим в нем большое количество помет во всех сохранившихся томах. Это издание, подготовленное П.В. Анненковым [Пушкин 1855]. Сохранились не все тома этого издания: только 1, 2, 4, 5 и 6-ой тома. Самое большое количество помет, принадлежащих Толстому, осталось в первом томе этого собрания, представляющем собой первую научно подготовленную биографию поэта, составленную П.В. Анненковым на основе всех доступных ему в то время материалов: произведений поэта, черновики, писем, воспоминаний о нем, критических отзывов. Труд Анненкова по сути дела представляет собой органичный сплав биографии и анализа творческого наследия Пушкина [Тихомиров: 45].

Среди сохранившихся в первом томе помет Толстого одна прямо относится к поэме «Кавказский пленник». Анненков помещает оставшееся в черновике письмо Пушкина к Н.И. Гнедичу, в котором речь идет о «Кавказском пленнике»: «Недостатки этой повести, поэмы или чего вам

угодно – так явны, что я долго не мог решиться ее напечатать. Простота плана близко подходит к бедности изобретения, описание нравов Черкесских или отчет путешественника. Характер главного лица (а всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме, да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в каких-то несчастиях, неизвестных читателю? Его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости Горцев и к прелестям Кавказской девы могут быть очень естественны, но что тут трогательного? Легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собой истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего Русского, мог быть любовником его избавительницы; мать, отец и братья ее могли бы иметь каждый свою роль, свой характер – всем этим я пренебрег: во-первых, от лени; во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имел я духа... Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня на счет Кавказского Пленника, но, признаюсь, люблю его, сам не зная за что: в нем есть стихи моего сердца...» [Анненков: 97]. Весь этот текст (21 строку) Толстой отчеркивает в книге вертикальной чертой, что является одной из его характерных помет в зрелом возрасте, обнаруживающих факт повышенного внимания писателя к отмеченному тексту.

Рассказ («быль») Толстого «Кавказский пленник», как представляется, написан не без учета *всех замечаний*, которые Пушкин перечислил в письме Гнедичу. В этом предположении укрепляет то обстоятельство, что уже в пятидесятые годы Толстой начинает сознательно изучать слог Пушкина, вчитываясь и вдумываясь в его произведения, о чем свидетельствуют, кроме сохранившихся отзывов, все пометы, сделанные им в издании Анненкова, однако это является предметом отдельного рассмотрения.

Итак, Пушкин отмечает следующие особенности своей поэмы: простота плана, характер главного героя, отсутствие сведений о его предшествующей жизни, бездействие героя и равнодушие к жестокости горцев; сам же указывает на то, что могло бы легко «оживить» содержание (отношение пленившего черкеса к избавительнице, самостоятельная роль в действии каждого героя).

Работа «ужасная» над языком рассказов для детей привела к тому, что история офицера Жилина, действительно, написана очень просто и лаконично, что неумовимо приближает ее к пушкинской прозе. При этом в рассказе отсутствуют пространственные описания мыслей, чувств героев. Как в прозе Пушкина, действие героя, какая-то деталь повествования дает возможность читателю сделать заключение о побудительных мотивах их поступков, их внутреннем мире. Рассказ «Кавказский пленник» помещен Тол-

стым почти в конце последней книги для чтения, то есть рассчитан на восприятие уже достаточно подготовленного маленького читателя.

Толстой значительно усложняет план своего повествования по сравнению с большинством других рассказов, написанных для детей, а также по сравнению с поэмой Пушкина. Подробно описан эпизод пленения Жилина, что восходит, вероятно, к личному опыту автора и знанию обстоятельств его службы на Кавказе. По сравнению с пушкинской поэмой, в рассказе Толстого появляются не только два пленника, Жилин и Костылин, но и большое количество других героев: аул, в котором находятся в плену герои, населен довольно большим количеством людей, каждый из которых играет какую-то роль в действии. Наконец, Жилин совершает два побега, первый из которых оканчивается неудачей и еще более жестокими условиями жизни в плену.

Подробно для такого довольно лаконичного повествования, каким является его рассказ, Толстой разрабатывает образ главного героя. Он дает предысторию пленения Жилина, через которую во многом объясняются и его предшествующая и настоящая жизнь, и условия формирования характера: это получение письма от старухи матери, которая надеется повидать сына, что вызывает в герое ответное теплое чувство [Толстой 21: 304–305].

Герой Толстого, кроме мастеровитости, смекалки, смелости, обладает достаточно твердым характером, что видно не только из его поступков, но и из того, как он выстраивает с самого начала отношения с пленившими его горцами: «Эх, – думает Жилин, – с ними, что робеть, то хуже» [Толстой 21: 311].

Есть у Толстого и эпизод, также прямо перекликающийся с поэмой Пушкина – первая ночь в плену, когда Жилин «почти всю эту ночь не спал».

У Пушкина отмечено, что нет сведений о том, что было в прошлой жизни пленника, почему он потерял «чувствительность сердца». Этим замечанием Толстой тоже не пренебрег: он объясняет, почему Жилин отправляет на родину письмо, которое заведомо не может дойти по назначению, почему начинает целенаправленно думать о том, как бежать из плена: «Где, – думает, – матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться в конец. Бог даст – я сам выберусь» [Толстой 21: 312–313].

Подробное представление о жизни и быте горцев дают описания Толстого, не сосредоточенные в каком-то одном эпизоде рассказа – «были»: наблюдения Жилина за повседневными делами жителей аула, описание внутреннего вида дома, похороны убитого джигита, поминки и целый ряд других описаний и деталей. Таким образом, лаконичные толстовские описания складываются в довольно подробную этнографическую картину жизни горцев.

Учел Толстой и пожелание Пушкина самому себе о более подробном описании сюжетной роли других персонажей. В рассказе Толстого, помимо большого количества эпизодических лиц, действуют достаточно подробно описанные и охарактеризованные второстепенные персонажи: красивый татарин Кази-Мугамед, пленивший Жилина, и черноватый татарин Абдул-Мурат, отец Дины, перекупивший у Кази-Мугамеда пленника в счет долга. Большую роль в рассказе и судьбе пленников играет и старый татарин, живущий не в ауле, но настаивающий, как понял Жилин, на убийстве русских: «Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и 8 сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку – Богу молиться» [Толстой 21: 315].

Как положено в романтических историях, есть в рассказе Толстого и главная героиня, помогающая пленнику бежать – это татарская девочка Дина. Толстой дает очень подробное описание главной героини рассказа, ее необычной для русских детей внешности: «Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полях, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный» [Толстой 21: 309].

С одной стороны, Толстой соблюдает все заданные параметры романтического повествования, с другой стороны, он пишет рассказ для детей, в котором неуместна была бы какая-то любовная история. Дину отличает не только живость характера, любознательность, доброта, но и бесстрашие, великодушие, сообразительность. Она расположена к Жилину и как ребенок, которому интересно наблюдать за чужеземцем, получать от него игрушки, и как чистый человек, чье сознание в силу возраста и доброты не затуманено враждой и предрассудками.

В конце рассказа, после спора татар, решивших убить русских, опасаясь нападения на аул, Дина последний раз приходит к яме, где сидят пленники, чтобы принести немного еды:

« – Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! – Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко» [Толстой 21: 322–323].

В Дине пробуждается совершенно естественное чувство жалости к пленнику, что, безусловно, оправдано психологически. Смелые действия героини не только помогают Жилину при побеге, но и закономерно завершают ее сюжетную линию в рассказе.

Внимательное, сопровождающееся многочисленными пометами чтение Л.Н. Толстым труда П.В. Анненкова, дает возможность предположить, что оно было одним из уроков творческой работы, полученных писателем. Таким образом, даже при беглом анализе рассказа заметно, что в нем учтены практически все замечания, которые А.С. Пушкин сделал себе как автору поэмы. Это позволяет с большой долей уверенности предположить, что отмеченный при чтении биографии поэта отрывок его письма к Н.И. Гнедичу послужил для Л.Н. Толстого настоящей школой мастерства.

Список литературы

Анненков П.В. Материалы к биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А.С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и пр. СПб.: П.В. Анненков, 1855.

Н.М. Кавказский пленник // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXXI. С. 17–52.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1956–1958.

Пушкин А.С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и пр. СПб.: П.В. Анненков, 1855.

Тихомиров В.В. Литературная позиция А.С. Пушкина в осмыслении П.В. Анненкова // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 42–71. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71>

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Толстой Л.Н. и Толстая А.А. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011. 974 с.

References

Annenkov P.V. *Materialy k biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina [Materials for the biography of Alexander Sergeevich Pushkin]* Pushkin A.S. Sochineniia. S prilozheniem materialov dlia ego biografii, portreta, snimkov s ego pocherka i s ego risunkov i pr [Pushkin A.S. Compositions. With the attachment of materials for his biography, portrait, photographs from his handwriting and from his

drawings]. St. Petersburg, P.V. Annenkov Publ., 1855. (In Russ.)

N.M. *Kavkazskii plennik* [Prisoner of the Caucasus]. *Biblioteka dlia chteniia* [Library for reading]. 1838, vol. XXXI, pp. 17–52. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t* [Complete works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1956–1958. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Sochineniia. S prilozheniem materialov dlia ego biografii, portreta, snimkov s ego pocherka i s ego risunkov i pr* [Compositions. With the attachment of materials for his biography, portrait, photographs from his handwriting and from his drawings, etc.]. St. Petersburg, P.V. Annenkov Publ., 1855. (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Literaturnaia pozitsiia A.S. Pushkina v osmyslenii P.V. Annenkova* [Alexander Pushkin's literary position in the understanding of Pavel Annenkov]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics]. 2020, Vol 2, № 3, pp. 42–71. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-42-71> (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t*. [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Tolstoi L.N. i Tolstaia A.A. *Perepiska (1857–1903)* [Tolstoy L.N. and Tolstaya A.A. Correspondence (1857–1903)]. Moscow, Nauka Publ., 2011, 974 p. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119>
УДК 821.161.1.09"19"

Мякинченко Мария Александровна
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

В.М. КАРЕПИНА (ДОСТОЕВСКАЯ) – СЕСТРА И ГЕРОИНЯ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются различные аспекты взаимоотношений Ф.М. Достоевского с сестрой В.М. Достоевской (Карепиной) и их отражение в творчестве писателя. В.М. Карепина послужила прототипом различных по характеру героев писателя. Автор статьи подробно останавливается на образе В.М. Карепиной, собираемом из воспоминаний, констатирует, что история ее замужества и образ супруга Карепина также нашли яркие отражения в творчестве Ф.М. Достоевского. В статье проводятся отдельные ценные сопоставления жизненного облика В.М. Карепиной с Варенькой Доброселовой и многими другими женскими образами произведений Достоевского, делается вывод о том, что использование всевозможных, подчас противоположных, черт личности прототипа при создании образов героев произведений являлось особенностью творческого метода писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, В.М. Карепина, сестра, прототип, «Бедные люди», творчество

Информация об авторе: Мякинченко Мария Александровна, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия

E-mail: maria.myakinchenko@mail.ru

Дата поступления статьи: 23.10.2020

Для цитирования: Мякинченко М.А. В.М. Карепина (Достоевская) – сестра и героиня романов Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 113-119. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119>

Mariya A. Myakinchenko

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

VARVARA KAREPINA, NÉE DOSTOEVSKAYA – SISTER AND HEROINE OF FYODOR DOSTOEVSKY

The article discusses various aspects of the relationship between Fyodor Dostoevsky with his sister Varvara Karepina, née Dostoevskaya, and their reflection in the writer's work. Varvara Karepina served as the prototype for the writer's various characters. The author of the article dwells in detail on the image of Varvara Karepina, collected from her memoirs; the author states that the history of Varvara Karepina's marriage and the image of her husband were also vividly reflected in the work of Fyodor Dostoevsky. The article provides some valuable comparisons of Varvara Karepina with Varvara Dobroselova and various other female images of Fyodor Dostoevsky's works, the conclusion is drawn that the use of the prototype's all kinds of personality traits, sometimes opposite ones, when creating images of the heroes of the works, was a feature of the writer's creative method.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Varvara Karepina, sister, prototype, "Poor Folk", creative work

Information about the author: Mariya A. Myakinchenko, graduate student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: maria.myakinchenko@mail.ru

Article received: October 23, 2020

For citation: Myakinchenko M.A. Varvara Karepina, née Dostoevskaya – sister and heroine of Fyodor Dostoevsky. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 113-119 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-113-119>

Уже не раз отмечалось, что Ф.М. Достоевский на протяжении всего творчества возвращался к одним и тем же идеям и образам, разрабатывая и переосмысливая их по-новому. Так, Г.М. Фридендер указывал на присутствие в творчестве Ф.М. Достоевского «устойчивого набора основных типических идей и ситуаций» [Фридендер: 18].

Эти идеи и ситуации часто были отголосками жизненных впечатлений, «личных переживаний», являвшихся «важнейшей составляющей того “рудника”» [Степанян: 123], из которого черпал сюжеты Ф.М. Достоевский. Это подтверждается и словами А.Г. Достоевской: «Федор Михайлович ужасно любил вставлять в свои романы кусочки действительности, какие нам с ним встречались на жизненном пути» [Розанов: 5].

«В силу специфики творческого метода Достоевского связь его биографии с глубинным смыслом его произведений очень сильна, и если не принимать во внимание эту связь, наше понимание этих произведений может быть неполным или даже неверным», – отмечал К.А. Степанян [Степанян: 119].

Однако эти внешние образы и ситуации в силу особенностей творческого метода Достоевского никогда не являлись константой, чем-то раз и навсегда законченным, а свободно «использовались», перерабатывались писателем для решения текущих творческих задач.

К.А. Степанян для характеристики этой особенности творческого метода Достоевского использует предложенный П.Е. Фокиным термин «сдвиг» [Фокин: 193], применяя его однако «не только к словам и высказываниям, но и, главным образом, к тем жизненным ситуациям, которые из жизни Достоевского переходят в его произведения» [Степанян: 124].

Этот «сдвиг» всегда присутствует у Достоевского и при разработке нового образа, выражаясь в свободном использовании тех подмеченных им черт характера, особенностей личности прототипа, которые требовались ему на данном этапе творческого процесса. При этом одни черты прототипа, становясь как бы более «выпуклыми», заслоняли, отодвигали на задний план другие его черты, уже использованные в предыдущих произведениях. Во многом именно это, по нашему мнению, приводит к разногласию мнений исследователей при оценке того, насколько определенный человек из окружения писателя являлся прототипом того или иного героя.

Подобную особенность творческого метода Достоевского можно проследить на примере истории взаимоотношений писателя с его сестрой В.М. Достоевской-Карепиной.

Достоевская-Карепина Варвара Михайловна (05.12.1822 – 21.01.1893) – старшая дочь в семье Достоевских, названная, очевидно, в честь

бабушки по матери Варвары Михайловны Нечаевой. Старшие братья, Михаил и Федор, проводили больше времени друг с другом, а Варя была более близка со следующим за ней по возрасту братом Андреем: они спорили, кто из них главный «пестун» няни Алены Фроловны, вместе бегали смотреть, как кормилица поит сестру Верочку, их вместе клали спать в зале на перинах, постланных на полу, когда родился брат Николенька. Позже Варя учила Андрея закону Божию, французскому и немецкому. Именно А.М. Достоевский и оставил наиболее полный и ясный портрет В.М. Достоевской в своих воспоминаниях. В них Варя предстает спокойной и благоразумной девушкой, прекрасной сестрой.

Варя – любимица тети и дяди Куманиных. Она гостит у них все лето 1832 г., когда мать со старшими сыновьями отправилась хозяйничать в имение Достоевских Даровое. В письмах М.А. Достоевского к жене мы можем встретить упоминания о посещениях Варей Куманиных. «Вареньку я отвез на Покровку» [Нечаева 1939: 76], – пишет он жене 9 июля 1833 г. Скорее всего, близость к дому Куманиных определила и выбор учебного заведения для Вари. Это был пансион при лютеранской церкви Петра и Павла в Космодамианском (ныне Старосадском) переулке близ Покровки, где проживали тетя и дядя Куманины. Школа эта благодаря высокому качеству преподавания «пользовалась в Москве заслуженной славой» [Достоевский А.М.: 58–59]. Еще при жизни родителей, М.А. и М.Ф. Достоевских, Куманины часто брали Варю из пансиона к себе на выходные, «в особенности в зимние трескучие морозы» [Достоевский А.М.: 69].

Фактически после кончины матери в 1837 г. и отъезда отца со старшими сыновьями в Петербург, четырнадцатилетняя Варя, на попечении которой остались младшие братья и сестры делается «главою семьи» [Достоевский А.М.: 79]. В.С. Нечаева делает предположение, что мать перед смертью поручила младших детей заботам Вареньки, как «Александра Михайловна завещала Неточке заботу своих малютках» [Нечаева 1979: 59].

Оставшись одна с младшими братьями и сестрами, Варя успевала заниматься переводами из Коцебу. Вообще, В.М. Достоевская, судя по всему, отличалась умом живым и пытливым. Она участвовала в семейных чтениях у Куманиных, впоследствии с собственным сыном-студентом проштудировала весь университетский курс медицинских наук.

Варе с юности были присущи трезвость и житейская практичность. По возвращении отца из Петербурга, вся оставшаяся в Москве семья Достоевских, кроме Андрея, учившегося в пансионе, переезжает в Даровое, где Варя взяла в свои руки хозяйство. В.С. Нечаева предполагает, что девушке были свойственны хозяйственность и деловитость: она была близка хозяйничавшей ранее в деревне

матери, а после смерти родителей была в курсе забот об оставшемся без присмотра имени Достоевских. Это становится очевидным из писем М.М. Достоевского, написанных В. Достоевской уже после смерти отца. В письмах именно с юной сестрой старший брат советовался о ведении хозяйства в Даровом: «Мне <...> приходила в голову мысль об обращении в деньги крестьянских поборов, т.е. свиней, баранов и проч. <...> Не знаю, что делали нынешнее лето с нашими садами. Их можно было бы сдать внаем; это принесло бы рублей 400...» [Волгин: 566].

Есть некоторые сведения о том, что М.А. Достоевский и его дочь В.М. Достоевская были в плохих отношениях последний год перед его смертью. М.В. Волоцким со слов крестьян Дарового было записано следующее: «...И со старшей дочерью Варварой Михайловной плохо он (М.А. Достоевский – М. М.) жил. Она от него в Москву уехала, а как узнала, что его мужики убили, только, говорят, сказала – собаке, мол, собачья и смерть». Рассказ крестьянин, однако, вызывает вопросы, тем более что записан он был М.В. Волоцким в 1925 г., спустя почти 100 лет после смерти М.А. Достоевского. К тому же, к моменту смерти отца В.М. Достоевская уже переселилась к Куманиным. Более никаких правдоподобных подтверждений этому нет. Тем не менее, на основании этих предположений некоторые исследователи Достоевского делают вывод, что плохие отношения Карепиной с отцом могли послужить источником для создания начала «Неточки Незвановой» [Белов: 367]. Наоборот, дочь и отец, судя по всему, были близки. Так, из-за ухудшавшегося зрения отец не мог сам писать старшим сыновьям, и письма под его диктовку в Ревель и в Петербург писала Варя. Общей была у отца с дочерью любовь к музыке. В том же письме М.М. Достоевского к сестре читаем: «Фортепьяно лучшая твоя отрада теперь – я это знаю, или по крайней мере в этом уверен, потому что музыка была любимым наслаждением покойного папильки!» [Волгин: 566].

Скорее всего, не семейный разлад, а ухудшившееся здоровье и тяжелое психологическое состояние, в котором находился М.А. Достоевский после смерти жены заставило его отвезти старших дочерей в Москву, к Куманиным. У Куманиных В.М. Достоевскую поселили в третьем этаже особняка, где уже жили ее молодые тетки, кровные сестры ее матери – Ольга Нечаева (Шер), выданная замуж за архитектора, владельца иконостасной мастерской, Д.А. Шера и Екатерина Нечаева, 1823 г. р., т.е. бывшая всего годом моложе племянницы. Последняя была «красивенькой девочкой», по воспоминаниям А.М. Достоевского, и, безусловно, была знакома и самому Ф.М. Достоевскому.

Жизнь В.М. Достоевской у Куманиных послужила «исходным пунктом» [Нечаева 1979: 191]

для повествования о жизни Неточки Незвановой в доме у князя Х. В.С. Нечаева считала, что в главной героине писатель изобразил собственную сестру, «пережившую потерю матери, тяжелую жизнь с полусумасшедшим, пившим отцом, с его катастрофической смертью; она бедной сиротой, с надорванной несчастьями психикой, попадает в совершенно иной мир обеспеченных людей, где для нее начинается другая жизнь и где она находит близкого друга – красивую, не знавшую лишений и страданий Катю, заботливых и внимательных к ней дядю и тетку Куманиных» [Нечаева 1979: 187]. Как нами было упомянуто выше, у Екатерины Нечаевой, как и у княжны Кати, была старшая сестра, уже замужняя.

В феврале 1840 г. В.М. Достоевская обручилась с П.А. Карепиным, правителем канцелярии московского военного генерал-губернатора, 44-летним вдовцом, имевшим дочь от первого брака: «На Масленицу сестра Варенька сделалась невестой» [Достоевский А.М.: 105]. Жениха, по воспоминаниям А.М. Достоевского, рекомендовали родственники дяди Куманина.

Немолодые уже Куманины очевидно хотели лучшего для племянницы, которой нашли хорошего, по их представлениям, жениха и за которого дали 25000 приданого. К тому же дядя и тетка не упускали из виду и судьбу остальных племянников. «...Помню, в один из масленичных дней, в среду или в четверг, тетюшка позвала меня к себе в чайную и очень внушительно, но еще конфиденциально сообщила мне, что Бог посылает моей сестре Вареньке “судьбу”, т. е. попросту сказать, приличного жениха, который может быть будет и нам, сиротам, подпрою, как более близкий родственник...» [Достоевский А.М.: 105], – вспоминал А.М. Достоевский. Вскоре приехал знакомиться и сам П.А. Карепин. «По-бальному» одетая Варя встречала жениха. Им оказался «мужчина лет сорока, или с шишечком, видный, выше среднего роста, стройный, очень красивый и развязный. Видно было, что ему не впервые входить в большой и богатый дом и что он постоянный и желанный гость как богатых, так и знатных многочисленных своих знакомых» [Достоевский А.М.: 106]. Он «служил <...> во многих местах и везде получал солидное содержание», владел «чисто парижским французским языком» и «обворожил» всех у Куманиных [Достоевский А.М.: 107]. Сравним это описание с характеристикой, которую дает Макарь Девушкин жениху Вареньки помещику Быкову: «Видный, видный мужчина; даже уж и очень видный мужчина», а также описанием Лужина в «Преступлении и наказании»: «Это был господин немолодых уже лет, чопорный, осанистый, с осторожною и брюзгливою физиономией», «с красивой и солидной физиономией».

Сватовство это, видимо, вызвало возмущение со стороны юных пылких старших братьев,

которые еще после смерти отца порывались бежать в Москву, чтобы спасти младших братьев и сестер, оставшихся сиротами. В августе 1839 г. Ф.М. Достоевский в письме брату Михаилу просит его ехать в Москву спасти младших братьев и сестер [Достоевский Ф.М. 28, кн. 2: 61–63]. Любопытно, что именно в этом письме есть столь часто цитируемые слова Достоевского – «человек есть тайна».

У Ф.М. Достоевского отголоски сватовства надворного советника Карепина встретятся не только в «Бедных людях», а именно в сватовстве Быкова к Вареньке Доброселовой («Значимо, что в процессе работы над текстом, Достоевский сделал П.А. Карепина прототипом господина Быкова – пожилого человека при деньгах, заключающего неравный брак с сиротой Варенькой, «отомстив» опеку за долгую отсрочку выплаты денег, необходимых для литературного труда» [Сафронова: 41]), но и гораздо позже, в сватовстве надворного советника Лужина к Авдотье Раскольниковой – в «Преступлении и наказании». Вспомним характеристику Лужина, данную ему Пульхерией Раскольниковой в письме к сыну: «человек весьма почтенный», «положительный», «несколько как бы тщеславен и очень любит, чтоб его слушали, но ведь это почти не порок», человек «...деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждою минутой. <...> Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и как бы высокомерный» [Достоевский Ф.М. 6: 31]. Раскольников, возмущенный сватовством Лужина, спрашивает его, правда ли «что вы сказали вашей невесте... в тот самый час, как от нее согласие получили, что всего больше рады тому... что она нищая... потому что выгоднее брать жену из нищеты, чтоб потом над ней властвовать... и попрекать тем, что она вами облагодетельствована» [Достоевский Ф.М. 6: 118]. В душе же Раскольников приравнивает таковое замужество Дуни, если оно состоится, к участи Сонечки Мармеладовой: «Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!» [Достоевский Ф.М. 6: 38].

Для Достоевского равно ужасен и мужчина, положивший взять в жены девушку «честную, но без приданого, и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому <...> что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля» [Достоевский Ф.М. 6: 32], и женщина, соглашающаяся на подобный брак, т.к. это «...может быть, даже и хуже, гаже, подлее», чем судьба Сонечки, «потому что у вас, Дунечка, все-

таки на излишек комфорта расчет, а там просто-запросто о голодной смерти дело идет» [Достоевский Ф.М. 6: 38].

Лужин (надворный советник, как и П.А. Карепин, имеющий свой капитал и служащий в двух местах) грезил о невесте бедной, тихой и беззащитной: «Давно уже, уже несколько лет, со сластью мечтал он о женитьбе, но всё прикапливал денег и ждал. Он с упоением помышлял, в глубочайшем секрете, о девице благонравной и бедной (неприменно бедной), очень молоденькой, очень хорошенькой, благородной и образованной, очень запуганной, чрезвычайно много испытавшей несчастий и вполне перед ним приникшей, такой, которая бы всю жизнь считала его спасением своим, благоговела перед ним, подчинялась, удивлялась ему, и только ему одному. Сколько сцен, сколько сладостных эпизодов создал он в воображении на эту соблазнительную и игривую тему, отдыхая в тиши от дел!» [Достоевский Ф.М. 6: 235].

Конечно, обстоятельства женитьбы, о которой мечтает Лужин, не похожи на обстоятельства женитьбы Карепина, получившего за невестой неплохое приданное и породнившегося благодаря ей с известной купеческой семьей. И В.М. Достоевской брак с человеком гораздо старше ее, очевидно, не представлялся таким драматичным, как старшим братьям. «Варенька Достоевская вовсе не была мечтательницей подобно Вареньке Доброселовой» [Нечаева 1979: 147]. Вообще это была «рассудительная, далекая от сентиментальности девушка» [Нечаева 1979: 147], которую напрасно старший брат М.М. Достоевский пытался вовлечь в переписку и вызвать на откровенность, призывал читать «великого» Шиллера, чтобы впоследствии вместе «упиться гармонией, поплакать от очарованности его прекрасным миром», и позже пенявшей ей на то, что «милую простоту» ее писем убивают холодность и «какая-то неприятная неприступность». И действительно, стиль ее писем столь мало похож на эмоциональный, сентиментальный стиль писем Вареньки Доброселовой.

Варенька Доброселова – героиня первого романа Достоевского. Насколько отразились в ней черты сестры писателя? Все исследователи творчества Достоевского единодушны в том, что детство Вареньки Доброселовой окружено «реалиями детства Вареньки Достоевской» [Федоров: 124] и Ф.М. Достоевского. Г.А. Федоров указывает на единство инициалов Варвары Достоевской и Вареньки Доброселовой и полагает, что не только главной героине, но и ее двоюродной сестре Саше «Достоевский ... дал <...> имена своих родных сестер» [Федоров: 124].

Именно Варе Доброселовой в уста вложено описание Дарового, столь важного места детства Достоевского, «Фединой» рощи, деревенских пейзажей, имения, того самого, о котором Досто-

евский писал в «Дневнике писателя»: «...это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями».

Даже овраг – «самая характерная деталь даровского пейзажа» [Нечаева 1979: 143], фигурирующая в единственном рассказе Достоевского о своем детстве в Даровом (рассказ о встрече с мужиком Мареем) – присутствует и в рассказах о детстве Вареньки: «...где начинаются овраги, крутые, темные, заросшие лесом, глубокие, так что верхушки деревьев наравне с краями приходятся».

Во время написания своего первого романа Достоевский еще недавно потерял мать и отца, братья и сестры остались сиротами. Он был молод, весь полон этими, еще ничуть не потускневшими, переживаниями, поэтому он и «...вложил в роман не только мечты о литературном поприще, но и личные воспоминания, дорогие сердцу пейзажи», а «Вареньке Доброселовой (тезке любимой сестры Варвары) “поручил” описать счастливое время детства детей Достоевских, вспомнить няню, маменьку, отца и разговоры с ним об учителях, науках, французском языке» [Сараскина: 136], сделав ее беззащитной и нежной девушкой. То же можно сказать и о Неточке Незвановой.

Спустя почти 30 лет в черновых записях к «Подростку» Достоевский упоминает В. Карепину в качестве одного из прототипов Анны Андреевны Версиловой, дочери Версилова от первого брака: «Вроде какой-то дружбы у подростка с Анной Андреевной (Варя)». Заметим, что Анна Андреевна из «Подростка» уже совсем не столь проста и невинна, как Варенька Доброселова или Неточка Незванова, она умна и трезво мыслит. Анна Андреевна сама не прочь выйти замуж за богатого старого вдовца-князя. В романе она предстает интриганкой и составляет противоположность Ахмаковой, которой свойственно, по замечанию подростка Версилова, «бесконечное простодушие», детскость, застенчивость, и даже целомудренность.

Анна Андреевна является возможной будущей соперницей Ахмаковой в борьбе за наследство князя Сокольского. Возможно, это отголоски уже начавшейся к моменту написания «Подростка» ссоры из-за куманинского наследства, в дележе которого В.М. Карепина играла большую роль и последовавшего за ссорой «охлаждения» [Борисова: 50] в отношениях брата и сестры. Несомненно, что Достоевский и раньше замечал в сестре некоторую холодность, как одну из черт ее характера. Как писала Анна Григорьевна Достоевская, у него именно с этими качеством всегда ассоциировалось имя Анна [Достоевский Ф.М. 17: 419].

Тем не менее, то, что старшие братья Достоевские воспринимали как холодность, было становлением характера твердого, помогающего сносить

жизненные невзгоды. В то самое время, когда старший брат М.М. Достоевский в письмах упрекает Варю в нежелании ему открываться, Варенька с удовольствием участвует в домашних чтениях, устраиваемых теткой, и вообще весело и счастливо живет в доме Куманиных. Пока в голове у Ф.М. Достоевского зреет замысел «Бедных людей», где Варенька – бедная и беззащитная сиротка, В.М. Достоевская-Карепина, обретшая с замужеством статус и ставшая надворной советницей, счастливо живет с мужем в Харитоньевском переулке, недалеко от Чистых прудов, «жадно читает» и всегда радушно принимает своего брата Андрея, часто заглядывающего к Карепиным после учебы в пансионе Чермака.

Твердость характера, энергичность и деловитость позволили В.М. Карепиной, оставшись молодой вдовой, в одиночку вырастить трех детей, причем ее младшая дочь была больна с рождения. Ф.М. Достоевский не мог не ценить эти качества сестры. Когда Старшие братья Достоевские разрабатывали план, как получить от А.Ф. Куманикой 10000 для издания журнала «Эпоха», то надеялись заручиться содействием сестры Вари, обладающей влиянием на тетку: «...Тут и пустить <сестру> Варю, если она действительно захочет ходатайствовать; в противном же случае лучше пусть и не ездит. Если же Варя захочет, то совет ее много сделает...» [Достоевский Ф.М. 28, кн. 2: 80–81]. Да и вообще у Ф.М. Достоевского с сестрой, невзирая на разногласия из-за дележа куманинского наследства и эпистолярную ссору с ее мужем, П.А. Карепиным, на протяжении всей жизни сохранялись вполне теплые, дружеские отношения. Достоевский не раз отзывался о ней хорошо: «...она славная сестра и чудесный человек» [Достоевский Ф.М. 30, кн. 1: 229], «умная она и хорошая женщина» [Достоевский Ф.М. 30, кн. 1: 173].

А.М. Достоевский вспоминал, что его брат очень любил и уважал ее (В.М. Карепину – М.М.), не только как сестру, но и как женщину редкого ума и твердого характера. Карепина старалась помогать брату, когда он был в Семипалатинске (известно, что в августе 1856 г. она отправила ему 25 рублей, в ноябре 1856 г. отправила вместе с Куманиными и В.М. Ивановой 200 рублей) [Летопись: 225–229]. В ноябре 1859 г. Достоевский, проживавший в Твери, т.к. ему ещё нельзя было даже посещать столицу, без официального разрешения отлучался в Москву, где посетил В.М. Карепину. Брат с сестрой виделись каждый раз, когда Ф.М. Достоевский посещал Москву. А по воспоминаниям родственников, Карепина была радушной хозяйкой и всегда приветливо принимала родню.

И хотя Карепина, несомненно, не могла не сопоставлять подробности своего замужества с замужеством Вареньки Доброселовой и сватовства

Карепина со сватовством Лужина, но, видимо, не питала по отношению к брату никакой обиды. Она лишь недоумевала, почему же он так невзлюбил ее добрейшего, «ангельски доброго» мужа. Карепина писала брату Андрею о Достоевском: «Ежели бы он видел и знал Петра Андреевича, то не утерпел бы и полюбил бы его все душой, потому что этого человека не полюбить нельзя, ты знаешь любимый брат, его душу и доброту и сам можешь оценить его» [Литературное наследство: 373]. Но она с большим уважением относилась к писательскому труду старшего брата. В последнем из известных ее писем старшему брату Карепина советует Ф.М. Достоевскому все венки, подаренные благодарными поклонниками его творчества повесить на стену в кабинете, «... чтобы дети, взирая на них, гордились своим папашей» [Волгин: 570].

На примере взаимоотношений Ф.М. Достоевского с сестрой можно увидеть, как рождались в творческой фантазии писателя образы его героев из тех черт его родных и знакомых, в которых нуждался его творческий гений на этапе создания того или иного произведения. Разноголосица героев Достоевского – это подчас «голоса» одной души, души самого писателя, отражавшейся в героях подчас противоположных друг другу, считал В.В. Розанов. И Свидригайлов, и Алеша, и Иван, и Зосима являлись «Нехлюдовым» Достоевского, писал он [Розанов: 15]. И каждый отражал частичку души самого писателя. Поэтому неудивительно, что и в каждом своем знакомце писатель слышал разные *тональности* одной души, вольно используя в своих произведениях ту, в какой нуждался его творческий гений, чтобы «явить новое слово о человеке и мире» [Захаров: 212].

Список литературы

- Борисова В.В. Неизвестный Достоевский. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела». 2019. № 1. С. 46–69.
- Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение». СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 576 с.
- Волгин И.Л. Хроника рода Достоевских. М.: Фонд Достоевского, 2013. 1222 с.
- Достоевский А.М. Воспоминания. СПб.: Издательство «Андреев и сыновья», 1992. 397 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. М.: Издательство Индрик, 2013. 455 с.
- Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского / под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1. 530 с.
- Нечаева В.С. В семье и усадьбе Достоевских. М.: Соцэкгиз, 1939. 160 с.
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

Розанов В.В. О происхождении некоторых типов Достоевского (литература в переплетениях с жизнью). М.: Нобель-пресс, 2011. 40 с.

Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. 824 с.

Сафронова Е.Ю. Проблема правового жизне-текста Ф.М. Достоевского: дело с П.А. Карепиным // Культура и текст. 2016. № 3. С. 29–43.

Степанян К.А. Биография автора как источник комментария к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. С. 119–142.

Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное Наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86. 790 с.

Федоров Г.А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 459 с.

Фридендер Г.М. Творческий процесс Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1996. 280 с.

References

- Borisova V.V. *Neizvestnyi Dostoevskii. Nравstvennye i iuridicheskie aspekty "kumaninskogo dela"* [Unknown Dostoevsky. Moral and legal aspects of the "Cuman case"]. 2019, № 1, pp. 46–69.
- Belov S.V. *Entsiklopedicheskii slovar' "F.M. Dostoevskii i ego okruzenie"* [Encyclopedic Dictionary "F.M. Dostoevsky and his entourage"]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, vol. 1, 576 p.
- Volgin I.L. *Khronika roda Dostoevskikh* [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2013, 1222 p.
- Dostoevskii A.M. *Vospominaniia* [Memories]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Andreev i synov'ia Publ., 1992. 397 p.
- Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.
- Zakharov V.N. *Imia avtora – Dostoevskii* [Author's name - Dostoevsky]. Moscow, Izdatel'stvo Indrik Publ., 2013, 455 p.
- Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo* / pod red. N.F. Budanovoi i G.M. Fridlendera [Chronicle of the life and work of F.M. Dostoevsky, ed by N.F. Budanova and G.M. Friedlander]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1, 530 p.
- Nechaeva V.S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh* [In the family and estate of the Dostoevsky]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939, 160 p.
- Nechaeva V.S. *Rannii Dostoevskii. 1821–1849* [Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 288 p.
- Rozanov V.V. *O proiskhozhdenii nekotorykh tipov Dostoevskogo (literatura v perepletieniakh s zhizn'iu)*

[On the origin of some types of Dostoevsky (literature intertwined with life)]. Moscow, Nobel'-press Publ., 2011, 40 p.

Saraskina L.I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. 824 p.

Safronova E.Iu. *Problema pravovogo zhizneteksta F.M. Dostoevskogo: delo s P.A. Karepinym* [The problem of the legal life text of F.M. Dostoevsky: the case with P.A. Karepin]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text]. 2016, № 3, pp. 29–43.

Stepanian K.A. *Biografiia avtora kak istochnik kommentariia k romanu F.M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy"* [The author's biography as a source of commentary on F.M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura* [Dostoevsky and world culture]. 2018, № 3, pp. 119–142.

F.M. Dostoevskii. Novye materialy i issledovaniia. Literaturnoe Nasledstvo [F.M. Dostoevsky. New materials and research. Literary legacy]. Moscow, Nauka Publ., 1973, vol. 86, 790 p.

Fedorov G.A. *Moskovskii mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury XX veka* [The Moscow world of Dostoevsky. From the history of Russian artistic culture of the twentieth century]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 459 p.

Fridlender G.M. *Tvorcheskiĭ protsess Dostoevskogo* [Dostoevsky's creative process]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 12, St. Petersburg, Izdatel'stvo Dmitriĭ Bulanin Publ., 1996, 280 p.

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127>
УДК 821.161.1.09"19"

Михновец Мария Владимировна
Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского

«КИРГИЗСКИЕ СТЕПИ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОСТОЕВСКОГО: ОТ «ЗОНЫ НЕОСВОЕННОЙ ДИКОСТИ» К НОВОМУ ХАРТЛЕНДУ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-90020/19

Статья посвящена вопросу о месте так называемых «киргизских степей» в системе геополитических воззрений Ф.М. Достоевского. Исследование обращается к биографическим, историко-культурным и историко-литературным источникам знания писателя о регионе. В творчестве писателя можно выделить несколько периодов осмысления геополитического положения киргизских степей. Вначале Достоевский рассматривал этот регион как периферию Российской империи, «зону неосвоенной дикости», ведущей характеристикой которого был его пограничный статус. По мере того, как в творчестве писателя развивалась концепция единого православно-славянского мира, усиливалась и углублялась мысль о необходимости переориентации вектора развития России от Европы вглубь, в так называемую «зону суши», Достоевский приходит к мысли об особой ценности для Российской империи внутренних земель в целом и, в частности, киргизских степей. С точки зрения классической геостратегии, подобная переориентация соответствует переходу к сухопутному периоду расстановки геополитических сил в мире. В таком контексте можно говорить о том, что в геополитической картине мира Достоевского «киргизские степи» становятся территорией потенциального нового хартленда.

Ключевые слова: Достоевский, Российская империя, киргизские степи, «окраины», картина мира, геополитика, хартленд

Информация об авторе: Михновец Мария Владимировна, <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>, научный сотрудник Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Дата поступления статьи: 06.08.2020

Для цитирования: Михновец М.В. «Киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 120-127. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127>

Mariya V. Mikhnovets
Dostoevsky Literary Memorial Museum

THE GEOPOLITICS OF THE «KIRGHIZ STEPPE» IN THE WORKS OF FYODOR DOSTOEVSKY: FROM THE «ZONE OF UNDEVELOPED WILDERNESS» TO THE NEW HEARTLAND

The research was made with the financial support of the RFBR
as a part of the project No. 18-012-90020/19

The article aims to explore the geopolitics of the Kirghiz steppe in Fyodor Dostoevsky's sociopolitical works and novels. The paper is based on a collection of biographical, historical-cultural and historical-literary sources. When considering the representation of the geopolitical position of the Kirghiz steppe, several periods in the work of Dostoevsky have been distinguished. Initially, Dostoevsky considered the region to be a periphery of the Russian Empire, a so-called «zone of undeveloped wilderness» with «being on the frontier» as its defining characteristic. As the concept of a unified Orthodox-Slavic world developed in the writer's work, Dostoevsky's idea of reorienting Russia's development from Europe towards a so-called «land zone» became more prominent. The shift corresponds to Sir Halford John Mackinder's notion of land power in classical geopolitics. As a result, Dostoevsky recognises the significance of the Kirghiz steppe and its potential to become the new Heartland.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Russian Empire, Kirghiz Steppes, periphery, world-view, geopolitics, Heartland.

Information about the author: Mariya V. Mikhnovets, <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>, Dostoevsky Literary Memorial Museum, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Article received: August 06, 2020.

For citation: Mikhnovets M.V. The geopolitics of the «Kirghiz steppe» in the works of Fyodor Dostoevsky: from the «zone of undeveloped wilderness» to the new Heartland. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 120-127 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-120-127>

Художественное и публицистическое творчество Ф.М. Достоевского характеризуется особым вниманием к национальным, этнокультурным, конфессиональным вопросам, что дает богатый материал для описания геополитической картины мира писателя. Несмотря на европоцентричность его сознания, вопрос о месте в его мировоззренческой системе Средней Азии и так называемых «киргизских степей» представляется важным. В первую очередь это обусловлено тем, что система геополитических представлений Достоевского не ограничивается рамками империалистических установок и не может быть описана исходя исключительно из методологии современных постколониальных исследований. Отношение писателя к киргизским степям не сводится к оппозиции «центр» – «периферия». Задачи настоящей статьи – исследовать академические, биографические, литературные, публицистические, идейно-философские источники, под влиянием которых сложилось представление Достоевского о киргизских степях, и определить, какое место занимают «киргизские степи» в геополитической картине мира Достоевского.

Существует обширный круг исследований, посвященных изучению художественного образа степи в творческом наследии Достоевского, которые строятся на материале «Записок из Мёртвого дома» и «Преступления и наказания» [Акелькина; Борисова]. Степь традиционно рассматривается как обобщенно-символическое пространство, связанное с мотивами простора и свободы и контрастное острожному пространству несвободы. Литературоведами определено место творчества Достоевского в контексте так называемого «сибирского текста» русской литературы [Габдуллина]. Большое внимание ученые уделяют биографическому аспекту формирования образа киргизской степи: как непосредственному ссыльному опыту писателя, так и личным отношениям Достоевского с этнографом казахского происхождения Ч. Валихановым [Ауэзов; Ашимбаева; Уразаева]. В ряде работ поставлена задача осмысления художественного образа киргизских степей в контексте историософских воззрений писателя, в частности, так называемого «предъевразийства» [Сеитов]. Что же касается изучения киргизских степей не как художественного образа, а как конкретной территории в системе геополитических представлений писателя, то нам известна только одна работа, косвенно касающаяся этого вопроса [Цымбурский]. Это, безусловно, свидетельствует о целесообразности появления настоящего исследования.

С XVIII века в русских источниках, а затем и в европейской литературе «киргиз-казаками» и «киргиз-кайсаками» называли тех, кого сегодня называют «казаками». Ещё российский этнограф и географ Е.К. Мейендорф в книге «Путешествие

из Оренбурга в Бухару», написанной по итогам экспедиции по Средней Азии в 1820 г., писал: «Я закончу отступление о киргизах одним замечанием; они не называют себя киргизами, а именуют казаками, что означает „всадник“ – по мнению одних, „воин“ – по мнению других. Они утверждают, что киргизами их называют башкиры, но им неизвестно, откуда взялось это слово» [Мейендорф].

В 1925 г. в официальной науке СССР было восстановлено самоназвание народа «казак», а в 1936 г. введено в обращение широко распространенное ныне слово «казах». Из этого исторического контекста понятно, что Достоевский, говоря о киргизских степях, не имел в виду территории современной Киргизии, но земли, соотносимые с современным Казахстаном.

Теперь укажем на источники представлений Достоевского о киргизских степях. Первые систематические знания по географии Достоевский начал получать с осени 1833 г. благодаря домашнему учителю, диакону И.В. Хинковскому из Екатерининского института. Согласно труду В.А. Вагнера «Московское училище ордена святой Екатерины» [Московское училище: 281], в качестве учебников преподавателям института рекомендовалось «Краткое всеобщее землеописание по новому разделению...» Т.Т. Каменецкого. Издание представляет собой учебник по всемирной географии России. В сентябре 1837 г. шестнадцатилетний Достоевский успешно сдал вступительные экзамены, в том числе по географии, в петербургское Инженерное училище. Это дает основание утверждать, что будущий писатель хорошо знал содержание учебника.

В издании Каменецкого «Киргизские степи»¹ упоминаются в первом же абзаце, посвященном географии России: в разделе «Положение, границы и величина» указывается, что Россия к югу граничит «с Китайскими владениями, т. е. Даурием, Манжурием, Монголием и Зюнгорием, с Киргизскою степью, Каспийским морем, Персиею...» [Краткое всеобщее землеописание: 37]. Киргизская степь, таким образом, не входит в состав Российской империи, является по отношению к ней приграничной территорией. Однако сразу же после приведенной выше информации следует сноска о доле земель, приходящихся на европейскую и азиатскую часть России, где автор учебника указывает, что «Киргизская степь составляет 31,681 кв. м» [Краткое всеобщее землеописание: 51] от азиатской части государства. Возникает вопрос о том, куда всё-таки относятся эти земли: к России или же к чужим территориям. Например, в дальнейшем при описании Туркестана Каменецкий указывает, что ему принадлежат «Киргизская или Киргиз-Кайсацкая степь», земли которой «разделяются на три Орды», однако земли «Средней и Малой (запад-

ной) с 1761 г. подвластны России» [Краткое всеобщее землеписание: 257]. Подчеркнем, что в связи с «Киргизскими степями» автором неоднократно вводится понятие границы. Знакомство с материалом, согласно которому, с одной стороны, «Киргизские степи» в целом не входят в состав Российской империи, однако, с другой стороны, две составные части этих степей подчиняются России, позволяя нам установить неоднозначность исходной позиции автора учебника. Заранее скажем, что в творчестве Достоевского найдет свое выражение как то, так и другое понимание киргизских степей.

Характеристика края как пограничного, одновременно и «своего» и «чужого», оказывается устойчивой на протяжении всего творческого пути Достоевского. Так, например, описывая в «Записках из Мёртвого дома» скитальцев-бегунов, романист последовательно перечисляет пограничные территории Российской империи, и в ряду топонимов предсказуемо появляется киргизская степь: «Бывал он и на южной русской границе за Дунаем, и в киргизской степи, и в Восточной Сибири, и на Кавказе – везде побывал» [Достоевский 4: 174].

Далее текст учебника фиксирует положение степи не только как пограничной территории государства. В параграфе, связанном с описанием рек, указывается, что «Иртыш отделяет Томскую и Тобольскую губернии от Киргизской степи» [Краткое всеобщее землеписание: 43]. Омская область разделена «на четыре округа по четырем крепостям» и «внешнюю часть, степи Киргизской, к Сибирским линиям прилежащей» [Краткое всеобщее землеписание: 98]. Таким образом у читателя учебника, в том числе и юного Достоевского, формируется представление о киргизской степи как о территории с неустойчивым статусом. В связи с этим вспомним, что в эпилоге романа «Преступление и наказание» топоним широкой степи связывается с Раскольниковым, стоящим на пути «постепенного перерождения», «постепенного перехода из одного мира в другой» [Достоевский 6: 422].

Любопытно, что в учебнике киргизские степи не причисляются к Сибири, Каменецкий уделяет этому особое внимание: «Азиатскую Россию не должно смешивать с Сибирью. К первой относятся все земли, принадлежащие России в Азии, как то: собственно называемые четыре Сибирские губернии [Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская] со своими областями и Приморскими управлениями, Киргизская степь» и т. д., вплоть до территорий Кавказа и «Астраханских земель» [Краткое всеобщее землеписание: 51]. Сибирью же автор называет «часть Азии, простирающуюся от Уральского хребта до Восточного океана с островами оною» [Краткое всеобщее землеписание: 51]. С подобным разделением встречаемся позднее и в произведениях самого Достоевского. Например, в Записной книжке к «Дневнику писателя» за 1875–1876 гг. читаем: «Сибирь не Средняя Азия» [Достоевский 24: 83]. Или же в вариантах к главе «Вопросы и ответы» к Дневнику писателя за январь 1881 г.: «...только один клочок нашей русской Азии, только одну киргизскую землю с ее горами, озерами» [Достоевский, 27: 250]. Таким образом, видно, что представления о географии Российской империи, которые юный Достоевский почерпнул из учебника Каменецкого, во многом оказались определяющими для мировоззрения писателя в дальнейшем.

Докаторский период жизни и творчества Достоевского приходится на время интенсивного освоения Российской империей Средней Азии. Именно в 1840-х гг. начинается активная стадия присоединения Большой киргизской Орды (так называемого «Большого хуза»). Более того, вопрос об отношениях Российской империи и земель современного Казахстана неоднократно поднимался в кружке М.В. Петрашевского, который Достоевский начал посещать с 1848 г. Последнее обстоятельство освещено М.И. Фетисовым в книге «Литературные связи России и Казахстана. 30–50-е годы XIX века», целая глава которой называется «Петрашевцы и Казахстан» [Фетисов]. Автор попытался показать причины особого интереса Петрашевского и его политических соратников к Востоку вообще и к российским инородцам в частности. Исследователь объясняет особое внимание участников кружка к среднеазиатскому вопросу главным образом их востоковедческой подготовкой и общественной деятельностью, а также модой на изучение Востока, имевшей место в российском обществе того времени. Автор фиксирует особую, характерную для петрашевцев манеру осмысливать отношения России со своими инородцами: представлять скорейшее приобщение к русским и русской культуре в качестве единственного для них спасения. Этих же позиций, но уже в отношении конкретно казахов, как утверждает Фетисов, придерживался и поэт А.Н. Плещеев, деятельности которого на территориях современного Казахстана исследователь посвящает отдельную главу. К сожалению, письменных свидетельств, которые могли бы пролить свет на то, в какой степени принимал участие в этих обсуждениях Достоевский и какова была его позиция, нет.

При этом в художественной литературе 1840-х гг. не был сформирован круг произведений, который можно было бы определить как «киргизский текст» русской литературы, подобно тому как это уже было, например, с петербургским текстом, кавказским и усадебным. Тем не менее в круг чтения современников Достоевского входили произведения, в которых авторы обращаются к казахской теме. Например, ещё в 1828 г. вышла «повесть в стихах» Н.Н. Муравьева «Киргизский пленник». Другую повесть, «Киргиз-кайсака» В.А. Ушакова,

упоминает в одной из глав своих «Литературных мечтаний» В.Г. Белинский, к работам которого внимательно относился Достоевский: «Киргиз-Кайсак г. Ушакова был явлением удивительным и неожиданным: он отличается глубоким чувством и другими достоинствами истинно художественного произведения» [Белинский]. Знаком был писателю и роман Ф.В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин», главный герой которого оказывается в киргизской степи, Достоевский упоминает Выжигина в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» [Достоевский 19: 69]. В.И. Даль во время своего пребывания в Оренбурге с 1834 по 1839 г. публикует в «Библиотеке для чтения» сказки, отсылающие к окружающим его реалиям, а позднее печатает в «Отечественных записках» повести, в которых обращается к описанию быта и нравов уральских казаков, башкир и киргиз-кайсаков [Матвиевская, Прокофьева, Зубова]. На протяжении 1848 г. в том же журнале «Отечественные записки» выходит серия очерков «Четыре месяца в Киргизской степи», написанных бароном П.К. Усларом – отечественным военным инженером, лингвистом и этнографом. Скорее всего, Достоевский, сотрудничавший в этот же период с А.Н. Краевским, издателем «Отечественных записок», был знаком с названными выше произведениями, однако зафиксированных свидетельств об этом нет. Тем не менее допустимо предположить, что перечисленные художественные произведения, а также обсуждения в кружке Петрашевского, наложившиеся на знания Достоевского о киргизских степях, сформировали фундамент его представлений о регионе, куда ему помимо собственной воли предстояло отправиться в ссылку солдатом.

Непосредственной ссылкой Достоевского в Семипалатинск предшествовала его встреча в Омске в январе – феврале 1854 г. с Чоканом Валихановым, молодым путешественником, историком, этнографом казахского происхождения. Достоевский, судя по имеющимся мемуарным и эпистолярным свидетельствам, не проявил активного интереса к культуре, носителем которой был новый знакомый, несмотря на сложившиеся душевные отношения с ним. С одной стороны, это предсказуемо и объяснимо: встреча произошла в первые месяцы, последовавшие после четырех каторжных лет, и петербургские дебаты, в том числе обсуждение положения киргизских степей, вряд ли имели для Достоевского прежнюю остроту. С другой стороны, остается открытым вопрос о том, действительно ли в свете возможной ссылки именно в этот край он не обсуждал положение Средней Азии с человеком, являвшимся непосредственным представителем народа, населявшего степь.

Первое упоминание киргизских степей находим в письме брату Михаилу от 30 января – 22 февраля 1854 г., когда по окончании каторги Достоевский

узнает о назначении на службу солдатом в Семипалатинск. Он пишет: «Я командирован в Семипалатинск, почти в киргизскую степь». И далее: «Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, – все-таки Россия! Это мое пламенное желание, проси ради Христа!» [Достоевский, 28–1: 172]. Завершается письмо настойчивым повтором просьбы: «Я постараюсь тебе найти другой адрес из Семипалатинска, куда я отправлюсь через неделю. Я еще немного нездоров и потому на некоторое время задержан... <...> Но, ради бога, старайся и проси об моем переводе на Кавказ, да наведайся у людей знающих, можно ли мне будет печатать и как об этом просить» [Достоевский, 28-1: 173]. Из текста письма видно, что в картине мира писателя киргизские степи не являются собственно «Россией». По сравнению с ними даже Кавказ – зона геополитического напряжения на протяжении всего XIX века – является «своим», Россией, несмотря на продолжающуюся Кавказскую войну и то, что до пленения имама Шамиля остаётся ещё пять лет. До личного знакомства с киргизскими степями Достоевский наделяет этот регион ведущей характеристикой: вынесенностью за пределы России, принципиальной чужеродностью.

Через месяц в письме брату от 27 марта 1854 г. Достоевский описывает «киргизские степи» следующим образом: «Здесь уже начало киргизской степи. Город довольно большой и людный. Азиатское множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десятки, а может быть, и сотни верст. Здесь всё ель, сосна да ветла, других деревьев нету. Дичи тьма. Порядочно торгуют, но европейские предметы так дороги, что приступить нет. Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того» [Достоевский, 28-1: 178–179]. Климат Семипалатинска и киргизских степей Достоевский сравнивает с климатом Тобольска и Омска. С одной стороны, это объясняется тем, что три города: Тобольск, Омск, Семипалатинск – являют собой единство для ссыльного писателя, уже проследовавшего по этому маршруту. Но, с другой стороны, получается, что Достоевский, ставя в один ряд три эти города, символически сближает Семипалатинск с Сибирью.

Несмотря на обещание брату «когда-нибудь написать о Семипалатинске подробнее», к обстоятельному рассказу о городе Достоевский так и не обратился. Киргизские степи как особый, свойственный для Средней Азии ландшафт не изображаются подробно ни в переписке, ни в публицистических произведениях писателя. Исключение

составляют два художественных произведения писателя – «Записки из Мёртвого дома» и «Преступление и наказание», но о них речь пойдет отдельно далее.

Любопытно, что именно в семипалатинский период жизни в ближайшее окружение Достоевского входят выдающиеся этнографы и географы: Ч. Валиханов и П.П. Семенов Тянь-Шанский, – однако общение с ними не пробуждает в писателе интереса этнокультуролога, натуралиста или биолога. В письме Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 г. Достоевский советует молодому этнографу: «По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатает (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте, Вашем возрасте там и т. д.» [Достоевский, 28-1: 249]. Заметим: Достоевского больше занимает судьба товарища, нежели непосредственно исследование степи. Далее он пишет: «Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм<ер>: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских» [Достоевский, 28-1: 249]. Далее, несмотря на сердечный тон письма в целом, Достоевский высказывает суждение, характерное для империалистического, колониального, европоцентричного сознания: «Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг» [Достоевский, 28-1: 249]. Направление мысли писателя соответствует характеру обсуждения киргизского вопроса в кружке Петрашевского: чаемое писателем развитие жизненного пути Валиханова может быть сопоставлено едва ли не с путем аборигена, который должен отойти от своей первоначальной дикости и благодаря европейскому образованию, а также приобщению к европейским ценностям перейти на новый уровень развития.

Несмотря на несколько лет, проведенных в степи, на непосредственное общение с её жителями Достоевский не пришёл к мысли о необходимости пристального изучения и углубленного понимания этнокультурной специфики киргизских степей, собственного символического капитала в мировоззрении писателя регион не приобрел. Это может быть объяснено сосредоточенностью Достоевско-

го на событиях собственной жизни, стремлении изменить положение ссыльного, а также интенсивным духовным поиском, связанным с каторжным опытом. Другое объяснение может быть дано с опорой на текст черновиков к главе «Застарелые люди» в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 г., где Достоевский пишет: «Русский более любил и сближался с татаринном, чем татарин или киргиз с русским. Я там жил, я видел это. Никогда русский не враг киргиза, а киргиз русского» [Достоевский, 23: 296]. Вероятно, несмотря на преимущественно мирное сосуществование в Семипалатинске и его окрестностях русского населения с представителями местных этносов, стремления к сближению с представителями метрополии у последних не было. При этом именно в 1850-е гг. территория киргизских степей стала одним из фронтиров Российской империи с наибольшей степенью экспансии. Так, например, в 1854 г. была основана крепость Верный (современный г. Алма-Ата; Алматы), которая замышлялась как стратегический центр окружающих земель и практически сразу стала точкой притяжения как военных сил, так и гражданских специалистов и путешественников России.

Понятие «фронтира» было введено в научный оборот американским исследователем Ф. Тернером, который трактовал его как границу между освоенными и неосвоенными землями, как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [Turner: 23–27]. Изначально понятие применялось только к реалиям Северной Америки, Дикого Запада, но постепенно сфера его употребления стала расширяться. Представляется, что в значительной степени понятие «фронт» соответствует особенностям понимания Достоевским киргизских степей. Любопытны в связи с этим размышления писателя, зафиксированные в главе «Вопросы и ответы» в «Дневнике писателя» за январь 1881 г. Достоевский размышляет об убыточности или прибыльности строительства дорог в киргизских степях и проводит параллель между этим регионом Российской империи и дикими землями Северной Америки: «Затем, вы толкуете про убыток. О, если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? Да ведь мы-то всего только один клочок нашей русской Азии, только одну киргизскую землю с её горами, озерами, с её почвой, дающей местами сам-пятьдесят, и на которой лишь пасутся теперь бараны и которая могла бы, однако, прокормить всю Европу, – да что, что бы они из неё одной сделали. И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель?» [Достоевский 27: 37]. Отметим, что спустя двадцать лет после ссылки Достоевский уже

безусловно относит киргизские степи к «своим» территориям Российской империи. Более того, он говорит о киргизских степях как о богатстве своей страны, несмотря на то что это достояние находится на отдаленных рубежах государства.

В этот же период в Записной тетради за 1880–1881 гг. с подготовительными вариантами к «Дневнику писателя» Достоевский неоднократно называет киргизские степи «окраинами» [Достоевский 27: 73], а «окраиной», как известно, территория может быть считаться только по факту её включения в состав государства. При этом окраины восточной части России, о которых говорит Достоевский, вовсе не являются чем-то второстепенным, мало-значимым в системе его геополитических представлений. С открытым негодованием писатель пародирует высказывания либералов-западников о том, что России должно ориентироваться на Европу и «забыть об окраинах»: «Окраины всё это вздор, всё это мелочи и с другого боку, всё мелочи, Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам. Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь киргизскую землю это просто забудем. Россия-де в Европе, и мы европейцы и преследуем цели веселости. А более никогда и ничего, вот и всё» [Достоевский 27: 73].

Таким образом, можно говорить о том, что в конце творческого пути для Достоевского возросла ценность киргизских степей. Если обращаться к геополитической терминологии, то уместно утверждать, что писателю близко понимание киргизской степи как нового хартленда Российской империи. Понятие «хартленд» было введено английским географом и геополитиком первой половины XX века Х. Маккиндером для обозначения внутренней части евразийского материка. Маккиндер придавал особую ценность этим территориям из-за их природных богатств, а также из-за изолированности со стороны моря и, следовательно, неуязвимости от нападения морских держав.

Говоря о киргизских степях как о хартленде в картине мира Достоевского второй половины 1870-х – начале 1880-х гг., стоит иметь в виду не только особую ценность земель с точки зрения их геополитического положения. Необходимо учитывать тот символический капитал, которым наделяет их писатель. Так, приведенная выше цитата из записной тетради 1880–1881 гг. содержит в себе итог многолетних раздумий автора, проекции которых можно увидеть в его художественном творчестве 1860-х гг.

Киргизские степи, как мы уже отметили, описываются Достоевским в «Записках из Мёртвого дома», а также в эпилоге романа «Преступление и наказание». Вопрос об образе степи в творчестве писателя уже поднимался, повторим, в литературоведении, но в рамках настоящего исследования нас

интересует не образ вольной степи как таковой, а вопрос о том, что содержание этого образа дает для понимания места киргизских степей в геополитической картине мира Достоевского. Известный исследователь Б.Н. Тихомиров в примечаниях к эпилогу «Преступления и наказания» подчеркивает: «В этом смысле греза Раскольникова на берегу Иртыша и его каторжные сны сопоставлены и контрастно противопоставлены как отправная точка и трагический исход исторического пути человечества... Восприятие панорамы сибирской степи... дополняет и завершает в сознании Раскольникова то самоопровержение прежней философско-исторической концепции героя, которое символически обнаружилось в его бредовых видениях мира». Герой осознает, что «вектор движения этих сил в истории – нарастающий духовный распад и всеобщая катастрофа» [Тихомиров: 439].

Получается, что в эпилоге романа киргизские степи Достоевский наделяет символическим капиталом. В этом внутреннем регионе Российской империи он увидел потенциал для переориентации вектора развития страны от Европы в противоположную сторону, вглубь, в так называемую «зону суши». Безусловно, причина этого кроется в системе философских воззрений писателя и нарастающем неприятии им современного европейского пути развития цивилизации. При этом, с точки зрения теорий классической геостратегии, можно сказать, что Достоевский, рассматривая в таком ключе киргизские степи, фиксирует важнейший переход от одного периода расстановки геополитических сил в мире – морского, к другому – сухопутному. Не случайно в одном из приведенных ранее фрагментов Достоевский подчеркивает роль развития железных дорог в Средней Азии: именно это позволит активно развивать новые, внутренние центры Российской империи.

Более того, в системе идеофилософских воззрений Достоевского, где с современным путем развития общества связывается закат европейской цивилизации, показателен эпизод в романе «Игрок»:

«– Помилуйте, – отвечал я ему, – ведь, право, неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразие или немецкий способ накопления честным трудом?»

– Какая безобразная мысль! – воскликнул генерал.

– Какая русская мысль! – воскликнул француз; я смеялся, мне ужасно хотелось их раззадорить.

– А я лучше захочу всю жизнь прокочевать в киргизской палатке, – вскричал я, – чем поклоняться немецкому идолу.

– Какому идолу? – вскричал генерал, уже начиная серьезно сердиться.

– Немецкому способу накопления богатств» [Достоевский 5: 225].

Отклик генерала показателен: в его представлениях эта мысль без – образная, то есть безбож-

ная, дохристианская. Парадокс заключается в том, что немецкий способ накопления представлен языческим, а упоминание о киргизской кибитке вписывается в христианский контекст диалога. «Киргизская палатка» при всей её неустроенности оказывается для героя более привлекательной, чем тот самый «Ваал» – демон рациональности, индивидуализма и примата личного обогащения, о котором ранее Достоевский пишет в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

Подводя итоги, скажем: Достоевский полагал, что современному цивилизованному миру, геополитический вес которого сосредоточен в Европе, грозит катастрофа. Возможность её избежать для России писатель видит в смене вектора развития государства от Европы в сторону своей внутренней суши. При этом в качестве нового хартленда Достоевским рассматриваются не только славяно-православные территории Российской империи, но и киргизские степи.

Примечание

¹ В настоящем абзаце вслед за автором учебника мы будем употреблять при написании топонима заглавную букву.

Список литературы

Акелькина Е.А. Ф.М. Достоевский: Дорога в Сибирь (календарность, приметы, тексты – вехи традиционной культуры) // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 11–14.

Ауэзов М.О. Ф.М. Достоевский и Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1961.

Ашимбаева Н.Т. История одной дружбы. Федор Достоевский и Чокан Валиханов // Консул. 2008. № 4 (15). С. 15–19.

Белинский В.Г. Литературные мечтания (элегия в прозе) // В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988. Гл. 10. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0310.shtml (дата обращения: 6.08.2020).

Борисова В.В. «Гиблое место» или «золотой век» (Казакская степь в изображении Ф.М. Достоевского) // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений. Семипалатинск, 1989. С. 40–45.

Габдуллина В.И. «Сибирский текст» Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3. С. 93–106.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Краткое всеобщее землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на статского советника и кавалера И.А. Гейма, в пользу детей, начинающих учиться географии, Т. Каменецким. М., 1828. 382 с.

Матвиевская Г.П., Прокофьева А.Г., Зубова И.К. Жизнь и творчество В.И. Даля в Оренбурге. М., 2011.

Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. URL: http://az.lib.ru/m/mejendorf_e_k/text_0010.shtml (дата обращения: 6.08.2020).

Московское училище ордена св. Екатерины, 1803–1903 гг.: исторический очерк / сост. по поручению Совета Училища Комис. Преподавателей; под общ. ред. В.А. Вагнера. М., 1903. 560 с.

Сеитов М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010. 178 с.

Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

Уразаева К. Федор Достоевский и Чокан Валиханов: научный комментарий как источник евразийства // Via Eurasia. 2012. № 1. С. 228–240.

Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана. 30–50-е годы XIX века. М., 1956. 383 с.

Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика еждународных систем XVIII–XX вв. // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 92–98.

Turner F.G. The Frontier in American History. New York, 1920.

References

Akel'kina E.A. *F.M. Dostoevskij: Doroga v Sibir' (kalendarnost', primety, teksty – vехi tradicionnoj kul'tury)* [F.M. Dostoevsky: the Road to Siberia (CalendarMonth, signs, texts, and milestones of the traditional culture)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [The Newsteller of Omsk University], 2011, № 1, pp. 11–14. (In Russ.)

Ashimbaeva N.T. *Istorija odnoj družby. Fedor Dostoevskij i Chokan Valihanov* [The Story of a friendship. Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. *Konsul* [Consul], 2008, № 4 (15), pp. 15–19. (In Russ.)

Aujezov M.O. *F.M. Dostoevskij i Chokan Valihanov* [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. Alma-Ata, 1961. (In Russ.)

Belinskij V.G. *Literaturnye mechtanija (jelegija v proze). Gl. 10* [Literary dreams (Elegy in prose). Chapter 10]. V.G. Belinskij. *Vzglyad na russkiju literaturu* [View on Russian literature]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0310.shtml (access date: 06.08.2020). (In Russ.)

Borisova V.V. “*Gibloe mesto*” ili “*zolotoj vek*” (*Kazahskaja step' v izobrazhenii F.M. Dostoevskogo*) [“The Lost place” or «the Golden age» (the Kazakh steppe in the image of F. M. Dostoevsky)]. *Dostoevskij i sovremennost' (Materialy Dostoevskih chtenij)* [Dostoevsky and modernity (Materials of Dostoevsky readings)]. Semipalatinsk, 1989, pp. 40–45. (In Russ.)

Cymburskij V.L. *Morfologija rossijskoj geopolitiki i dinamika ezhdunarodnyh sistem XVIII–XX vv. Tetradi po konservatizmu*, 2015, № 1, pp. 92–98. (In Russ.)

Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.

Fetisov M.I. *Literaturnye svyazi Rossii i Kazahstana. 30-50-e gody XIX veka* [Literary relations of Russia and Kazakhstan. 30-50th of the 19th century]. Moscow, 1956, 383 p. (In Russ.)

Gabdullina V.I. “*Sibirskij tekst*” *Dostoevskogo: obraz provincii* [«Siberian text» of Dostoevsky: the image of the province]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2016, № 3, pp. 93–106. (In Russ.)

Kratkoe vseobshhee zemleopisanie po novomu razdeleniju, izdannoe po rukovodstvu g-na statskogo sovetnika i kavallera I.A. Gejma, v pol'zu detej, nachinajushchih uchit'sja geografii, T. Kameneckim. M., 1828, 382 p. (In Russ.)

Matvievskaja G.P., *Prokof'eva A.G., Zubova I.K. Zhizn' i tvorcestvo V.I. Dalja v Orenburge* [The Life and work of V.I. Dal in Orenburg.]. Moscow, 2011. (In Russ.)

Mejendorf E.K. *Puteshestvie iz Orenburga v Buharu* [Journey from Orenburg to Bukhara]. M., Nauka Publ., 1975. URL: http://az.lib.ru/m/mejendorf_e_k/text_0010.shtml (access date: 06.08.2020). (In Russ.)

Moskovskoe uchilishhe ordena sv. Ekateriny, 1803-1903 gg.: istoricheskij ocherk, sost. po porucheniju Soveta Uchilishha Komis. prepodavatelej pod obshh. red. V.A. Vagnera [Moscow school of the order of St. Catherine, 1803-1903: historical essay / comp. on behalf of the Council of the School of Comis. teachers under the General]. Moscow, 1903, 560 p. (In Russ.)

Seitov M.M. “*Predevrazijstvo*” *F.M. Dostoevskogo: istoki i hudozhestvennoe voploshhenie*: dis. ... kand. filolog. nauk [«pre-Eurasianism» by F.M. Dostoevsky: origins and artistic embodiment: PhD thesis]. Magnitogorsk, 2010, 178 s. (In Russ.)

Tihomirov B.N. “*Lazar'! grjadi von*”. *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-komentarij* [“Lazarus! come out”. F.M. Dostoevsky's novel “Crime and punishment” in modern reading: Book-comment]. SPb., Serebrjanyj vek Publ., 2005, 472 p. (In Russ.)

Urazaeva K. *Fedor Dostoevskij i Chokan Valihanov: nauchnyj kommentarij kak istochnik evrazijstva* [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov: scientific commentary as a source of Eurasianism]. *Via Evrasia*, 2012, № 1, pp. 228–240. (In Russ.)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ М.М. ПРИШВИНА
В ТРАКТОВКЕ Р.В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

Общеизвестно, что «открытие» М.М. Пришвина как самобытного писателя принадлежит Р.В. Иванову-Разумнику, с которым Пришвина связывали многолетние дружеские отношения. Однако интерпретация критиком художественного мышления Пришвина не освещена в литературоведении полно и объективно во многом в силу причин идеологического порядка. Иванов-Разумник, несмотря на несомненные заслуги в области российской культуры, как бывший видный эсер был «вычеркнут» из отечественного литературного процесса советской эпохи. Политизированность советского литературоведения также не способствовала адекватному исследованию пришвинского наследия. Далеко не случайно пришивиноведы «пропустили» очень важную страницу в жизни и творчестве писателя – его сотрудничество в 1912–1914 гг. в журнале эсеровского направления «Заветы», в котором литературным редактором и ведущим критиком был Иванов-Разумник. Различие мировоззренческих позиций Иванова-Разумника и писателя не помешало критику обозначить существенные черты художественного мышления Пришвина, что подтверждает исследование статей Иванова-Разумника, а также художественных произведений и дневников Пришвина.

Ключевые слова: М. Пришвин, Р. Иванов-Разумник, журнал «Заветы», литературная критика, неореализм, художественное мышление, творческое наследие, космизм, универсум

Информация об авторе: Холодова Зинаида Яковлевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8980-2119>, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: kholodova_z@rambler.ru

Дата поступления статьи: 29.10.2020

Для цитирования: Холодова З.Я. Художественное мышление М.М. Пришвина в трактовке Р.В. Иванова-Разумника // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 128-134. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-128-134>

Zinaida Ya. Kholodova
Ivanovo State University

MIKHAIL PRISHVIN'S ARTISTIC OUTLOOK
IN RAZUMNIK IVANOV-RAZUMNIK'S INTERPRETATION

It is well known that the discovery of Mikhail Prishvin as an original writer belongs to Ivanov-Razumnik with whom they were friends during a long period of time. However, the critic's interpretation of Mikhail Prishvin's artistic outlook is not covered well enough and objectively in the literary criticism due to serious ideological reasons. Ivanov-Razumnik who was in the most conspicuous place in socialist-revolutionary party was struck out from the Soviet literary process in spite of his undoubted merits in the Russian culture. The politicisation of the Soviet literary criticism did not promote to adequate research of Mikhail Prishvin's creative heritage too. It was no accident that the investigators of Mikhail Prishvin's heritage passed over very significant page in writer's life and heritage, which is his collaboration in the socialist-revolutionary direction journal «The Covenants» in 1912–1914 where Ivanov-Razumnik was literary editor and leading critic. The world-view positions difference did not promote for the critic to mark essential features of Mikhail Prishvin's artistic outlook, which is confirmed by researching the materials of Ivanov-Razumnik's articles and Mikhail Prishvin's creative heritage and diaries.

Keywords: Mikhail Prishvin, Razumnik Ivanov-Razumnik, «Zavety» Magazine, literary criticism, new realism, artistic outlook, creative heritage, genre, cosmism, universum

Information about the author: Zinaida Ya. Kholodova, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8980-2119>, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: kholodova_z@rambler.ru

Article received: October 29, 2020

For citation: Kholodova Z.Ya. Mikhail Prishvin's artistic outlook in Razumnik Ivanov-Razumnik's interpretation. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 128-134 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-128-134>

Пришвина и Иванова-Разумника, выдающегося общественного деятеля, социолога и историка литературы, крупнейшего критика предреволюционных лет, связывали взаимные уважительные и доверительные отношения более трех десятилетий [письма; Лавров; Варламов и др.]. Их многое сближало: глубокие знания в области философии и культуры, любовь к литературе, круг общения, во многом сходный жизненный опыт (оба прошли через аресты и ссылки в студенческие годы и после революции), интерес к взаимоотношениям народа и интеллигенции, к жизни народа.

Иванов-Разумник и Пришвин обращались в публицистике к одним и тем же проблемам, но их принципы и способы раскрытия темы народа существенно отличались. Об этом идет речь в статье Э. Мануэльян «Этнографическая публицистика Иванова-Разумника и М.М. Пришвина: “Деревня” после революции 1905 г.» (единственной работе, специально посвященной творческим связям Иванова-Разумника и Пришвина). Анализ раскрытия темы народа в неонароднической публицистике критика и писателя дан сквозь призму «этнографического субъективизма» (термин Д. Клиффорда, обозначающий такое отношение исследователя к изучаемой культуре, когда он, находясь внутри неё, остается сторонним наблюдателем и делает выводы о происходящем соответственно своим взглядам). В статьях Иванова-Разумника и Пришвина при сходстве внешних приемов (повествование от первого лица, инсценировка присутствия внутри среды, пересказ диалогов и т. д.) по-разному осмыслена культура деревни после первой русской революции. Хотя Иванов-Разумник «неоднократно ссылается на свою близость к событиям и объективность наблюдений (что подчеркивается подзаголовком первоначального журнального варианта статьи “Что думает деревня?” – “Впечатления очевидца”), все-таки деревня остается для автора сугубо *чужим* (курсив Э. Мануэльян. – З. Х.) культурным пространством» [Мануэльян: 64]. Он не стремился понять реальную деревню, а видел то, что соответствовало его собственным политическим установкам (по сути, использовал субъективный социологический подход, унаследованный от Михайловского и Лаврова). Пришвин же в очерках, заметках и корреспонденциях, публиковавшихся в 1905–1913 гг. (в газете «Русские ведомости» и в других изданиях), составивших сборник «Заворошка» (1913), «записывает свои сугубо личные, субъективные впечатления от деревенской среды, часто обнаруживая стремление вникнуть в совершенно чужой ему склад ума. Например, не разделяя суеверия своих крестьянских знакомых, он все-таки живо представляет себе психологическое пространство их культуры». Иванов-Разумник «обнаружил в Пришвине писателя, который не

только разделил его тяготение к народу, но и осознал сложность описания того, что он, собственно, нашел в “деревне”. На фоне раннего творчества Пришвина произведения XIX столетия, посвященные деревенской жизни, потеряли свою привлекательность. И, возможно, поэтому жанровое разнообразие пришвинских очерков, находящегося между художественной прозой, этнографическим описанием и журналистикой, так привлекало Иванова-Разумника» [Мануэльян: 65].

Пришвинские произведения привлекли критика не только глубоким пониманием жизни народа, он оценил по достоинству и художественное мастерство писателя-философа. Иванов-Разумник первым раскрыл особенности художественного мышления писателя, отметив, что в литературу тот вошел очерковыми книгами путешествий, в которых открыл поэзию русского Севера, Заволжья, Средней Азии, обретая известность как прекрасный стилист. В отличие от литераторов, считавших Пришвина этнографом, Иванов-Разумник в статье «Великий Пан» назвал его «чутким и тонким художником, может быть субъективнейшим из всех современных, художником в этнографии, художником в своей псевдо-публицистике» [Иванов-Разумник 1913: 45].

Пришвинская книга «В краю непуганых птиц» написана «с намеренной, плохо удающейся суховатостью», так что «могло у читателя сложиться впечатление полной “объективности” автора... Автор прячет самого себя, как будто хочет быть только фотографом, только объективным исследователем. Это ему не удается: всюду прорывается художник, дающий целые типы – сказочника и охотника Мануэлы, вопленицы Максимовны, колдуна Миколаича... не отдельные лица интересуют автора, а вся стихия народной жизни, стихия природы». Причина этого в том, что его «интересует общее, а не частное...: Великого Пана он ощущает в массе, а не в личности». В изображениях Надвоицкого водопада и Невского проспекта, в которых подчеркнуты гул и хаос, критик видит характерные для писателя ощущения и настроения и делает вывод, что «кажущийся “эпос” Пришвина есть в действительности интимнейшая “лирика”... глубокое субъективное проникновение художника в окружающий его мир». Начиная с книги «За волшебным колобком», Пришвин уже не старается скрыть «интимную субъективность своего творчества» [Иванов-Разумник 1913: 49]. После книги «У стен града невидимого», «нового шага со стороны формы, еще более сжатой и лапидарной», Пришвин «перешел к... форме рассказа, повести, перешел к фабуле, иной раз возвращаясь к прежнему типу своих писаний – к типу quasi-эпических описаний путешествия (“Черный араб”»». Видит критик прогресс и в стиле: Пришвин пишет «...ярко и просто, с такой художественной наивностью, с такой об-

манчиво-легкой простотой...» [Иванов-Разумник 1913: 50, 60].

Критик отметил творческое воздействие на писателя В.В. Розанова, подчеркнув, что Пришвин полубессознательно следует Розанову в разработке религиозных проблем (оба они ненавидят «черного бога»), но Розанов отождествляет монашеское христианство с Христом, а для Пришвина это нехарактерно. «Различна и их любовь: В. Розанов входит в космическое только в точке “пола”...; для М. Пришвина “святая плоть” – только частность религии Великого Пана; ему не надо входить в космическое – он весь в нем» [Иванов-Разумник 1913: 67]. Проницательный критик обозначил главнейшую особенность художественного мышления писателя – универсальность его художественной философии, назвал Пришвина «поэтом космического чувства», который подходит к решению вечных мировых вопросов: «Он описывает свои впечатления... это только фон. Вся сущность – в интимнейших переживаниях автора лицом к лицу с природой... перед нами всюду – тонко чувствующий, чуткий, субъективнейший художник, ищущий... у природы ответа на вековечные вопросы духа» [Иванов-Разумник 1913: 70].

Статья «Великий Пан» написана в 1911 г. Через год ставший литературным редактором ежемесячного литературно-политического журнала эсеровского толка «Заветы», Иванов-Разумник привлек Пришвина к сотрудничеству в нем. Иванов-Разумник, не будучи членом партии эсеров, проводил ее идейную политику в своих программных и литературно-критических выступлениях [Лавров; Новикова 2005; Новикова 2007], но прежде всего он стремился познакомить читателя с настоящей литературой, произведениями, вызывавшими полемику, и с лучшими современными писателями, имеющими разные идейно-художественные позиции.

Само название журнала подразумевало традиции «русского социализма» и преемственность идеологии народничества, что входило в круг интересов Пришвина начального периода его творчества. Пришвин вел в журнале раздел «По градам и весям», опубликовал в «Заветах» повесть «Иван Осляничек: (Из сказаний у Семибратского кургана)», цикл очерков «Славны бубны», несколько рассказов, рецензию на постановку драмы Ф. Соллогуба «Заложники жизни».

Имя Пришвина встречаем в нескольких статьях Иванова-Разумника. В программной статье «Черная Россия» (Заветы. 1912. № 8) критик сопоставил напечатанные в одной книге журнала «Шиповник» (1912. Кн. 18) рассказ Пришвина и повесть Ремизова, усмотрев «внутреннюю идейную связь между ними»: «“Никон Староколенный” как бы отвечает на те вопросы, которые встают перед нами после “Пятой язвы”», – о бытии и путях возрождения России, ее культуры. Своими произведени-

ями Ремизов и Пришвин включились в дискуссию о России, развернувшуюся в литературных кругах. Ремизов «убедил нас во внутренней осмысленности... жизненной трагедии» своего героя [Иванов-Разумник 2007: 205], а Пришвин, раскрыв «трагедию души человека, думавшего спасти Россию... который мог стать жестоким убийцей, представителем черной России» [Иванов-Разумник 2007: 198], дал возможность читателю «увидеть за черным и временным светлое и вечное». Главное в пришевском рассказе, по мнению критика, что «жива душа народная, что надо лишь ее понять» [Иванов-Разумник 2007: 205, 210].

Эти произведения противопоставлены роману З. Гиппиус «Иван-царевич», похожему, по словам критика, на «кинематографическую серую ленту», тогда как произведения Пришвина и Ремизова – «написанная красками картина подлинного художника и творца»: «Нет у него никакой “позиции”, не касается он современных вопросов, не фотографирует людей; пишет он то о каком-то захолустном пьянице-следователе (А. Ремизов, “Пятая язва”), то о каком-то диком новгородском мужике (М. Пришвин, “Никон Староколенный”), – и картина неизгладимо врезывается в нашу память. <...> И такое художественное произведение – подлинно живет в литературе; оно *есть* и оно будет. <...> Неужели же эти “черные, отрицающие жизнь произведения” и есть именно то, что нам нужно и ценно в литературе?» Задаваясь этим вопросом, критик признает, что от «разных Крайних и их подголосков» часто можно слышать, что современная русская литература «черна, мрачна, воспевает только смерть, только поражение жизни, только уход от жизни». Ему же «хотелось... показать, какое подлинно радостное чувство за человека выносишь из “Пятой язвы” А. Ремизова, этой, казалось бы, самой черной и убивающей жизнь картины: ее герой – герой трагедии и победитель жизни. И из темной драмы “Никона Староколенного” *выносишь бодрое и радостное чувство веры в жизнь и веры в русский народ* [Курсив Иванова-Разумника. – З. Х.]. Пробуждение и проявление этого чувства – вот что ценно и “нужно” всем нам в подлинно живой литературе минувшего года...» [Иванов-Разумник 2007: 57].

А. Крайний [З. Гиппиус] вступает в спор с автором статьи, видя в Пришвине «описателя», равнодушного к общественным проблемам, что подтвердил рассказ «без содержания», смысл которого однозначно определить невозможно, – «Никон Староколенный». Гиппиус недостаточно, что «рассказ по-современному хорошо написан». «Кому этого довольно, – говорится в статье «О “Я” и “Что-то”», – пусть радуется и желает, чтобы побольше писал Пришвин, побольше нарождалось таких талантливых, таких русских Пришевских <...>. Спокойнее, конечно, было бы отказать твердо от “Личности”, обрести красивое “Что-то” и прохо-

дять по жизни, как наши Пришвины по литературе, легконогими и ясными странниками с глазами вместо сердца» [Крайний: 166, 168].

В обзорной статье «Русская литература в 1913 году» (Заветы. 1914. № 1) Пришвин вновь упомянут Ивановым-Разумником рядом с Ремизовым: «Алексей Ремизов начал серию рассказов “Свет немерцающий” – в новых для него тонах; Михаил Пришвин дал рассказ “Саморок” (в стиле своего “Никона Староколенного”) и свои крымские впечатления – “Славны бубны”» [Иванов-Разумник 2007: 71].

В журнале «Заветы» имеется еще одна отсылка к Пришвину, правда, без упоминания его имени. Речь идет о мало кому известной рецензии Пришвина на постановку Вс. Мейерхольдом драмы Ф. Сологуба «Заложники жизни» в Александринском театре, напечатанной под псевдонимом Хрущёвский¹. Спектакль вызвал полемику в прессе: Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Блок, А. Волынский, А. Бенуа, В. Львов-Рогачевский и другие деятели литературы и искусства спорили о мастерстве Сологуба-драматурга, художественных достоинствах его символистской драмы, игре актеров; Пришвина занимал иной вопрос: причины неприятия творчества Сологуба обыкновенными людьми. Чтобы объяснить, почему пьеса не понравилась публике, заполнившей зрительный зал после премьеры, где присутствовали представители культурной элиты общества, он прояснил разницу в восприятии драмы эстетом и рядовым зрителем, который «есть прежде всего человек жизни». Обывателю чужд «сладостный» театральная обман, связанный с образом героини: не бывает в жизни, утверждал рецензент, чтобы «благороднейшая» девушка ради карьеры возлюбленного и благополучия родителей вышла замуж по расчету, а через восемь лет бросила «пошлую жизнь», семью. Поэтому «сочувствие зрителей остается на стороне пошлой жизни». Недоверие зрителей нарастает, а тут у девушки появляются «кисейные крылышки» за спиной, и что этим хотел сказать драматург, к чему он зовет: к небытию или иному бытию? Драматург свои символы ввел без «традиционного обмана», зритель не нашел «привычных крыльев для полета в иное бытие» [Хрущёвский: 165], рядовой зритель не в состоянии понять модернистскую драму потому, что средства раскрытия авторской мысли ему не знакомы. Говоря в обзорной статье «Русская литература в 1912 году» (Заветы. 1913, № 1) о враждебности критиков к роману Ф. Сологуба «Дым и пепел» (окончание романа «Навы чары»), Иванов-Разумник апеллировал к мнению рецензента пьесы, не раскрыв псевдоним: «... очень сердились на необычную “творимую легенду”, тесно сплетенную с самым что ни на есть обыденным и реальным. За то же самое сердились и на “Заложников жизни” того же автора; но по-

чему собственно сердятся – для меня это так-таки и осталось непонятным. Впрочем, причины эти довольно метко вскрывал автор заметки о “Заложниках жизни”» [Иванов-Разумник 2007: 54].

Сотрудничество Пришвина и Иванова-Разумника в одних изданиях («Скифы», «Речь») продолжалось до октябрьского переворота, затем пути их разошлись. Пришвинское негативное восприятие Октябрьского переворота как «самозванного» захвата власти большевиками² противоречило позиции Иванова-Разумника, поддержавшего революцию. Пришвин «скрылся» от ареста «в природу». Получив в октябре 1919 письмо от друга, в дневнике объяснил, почему он не мог примкнуть к большевикам: «Я не примкнул к ним оттого, что видел с самого первого начала насилие, убийство, злобу, и так все мое сбылось. У них не было чувства жизни, сострадания, и у всех от мала до велика самолюбивый задор – их верховный водитель, и что было верное, например, “царство Божие на земле”, то все замызгано. Между тем, все это наше, и большевики с коммуной, все наше; это очень важно чувствовать: что это все наша болезнь, ничего тайного, что не стало бы явным» [Пришвин 1994: 291]. Да и в то время, когда они познакомились, и в долгие годы их общения различие мировоззренческих позиций отчетливо проявлялось. Если Иванов-Разумник «подшел к обоснованию идейно-максималист[ской] позиции “скифства” <...> – своеобразного “почвенничества” с рев[олюционн[ым]] уклоном» [Лавров: 387], то Пришвин прошел путь «от марксизма к идеализму», от увлечения социалистическими идеями к убеждению о возможности гармоничного мироустройства при реализации христианской идеи этического равенства всех людей. Часто у друзей возникали споры, недовольство друг другом, а порой и отчуждение. Пришвин оказался прозорливее друга, не принявшего в советской действительности диктатуру одной мысли, государственное насилие над миллионами. Иванов-Разумник в 1930-е гг. дважды был арестован (по сфабрикованному обвинению в организации эсеровского подпольного центра, затем обвинен в распространении неонароднических идей), Пришвин оказывал материальную поддержку «опальному» другу в период ссылки, а после его освобождения вместе с А. Новиковым-Прибоем обратился к Л. Берии с просьбой разрешить Иванову-Разумнику жить недалеко от Ленинграда, чтобы тот имел возможность работать в архивах и библиотеке.

4 марта 1936 г. в дневнике Пришвина читаем: «26 февраля по 3 марта. ...Всю неделю с утра до ночи проговорил с Разумником. <...> Разумник со времени “Заветов” не сказал ни одного одобрит[ельного] слова о моих вещах, написанных при сов[етской] власти: он ревнует: Пришвина ведь он открыл. Я начинаю подозревать, что он вовсе и не понимал и не понимает, о чем я пишу. <...>

Ему, наверно, нравятся во мне некоторые стилистические приемы, по всей вероятности, действительно в прежнее время еще более четкие, чем теперь. А до А. Белого, как говорит Раз[умник], я и совсем не дошел» [Пришвин, 2010: 30–31].

Художник старался понять логику друга: «Рождение человека» (трагедия) у Разумника есть единственная тема литературы. Почему, напр., не рождение пана? Я очень боюсь, что “человек” у Разумника сливается с муками своего рождения и человека без необходимых мук он вовсе и не узнает. Как и все наши прежние народники, он по мукам только и узнает человека, втайне сладостно сливая эти муки со своими личными муками». Наконец, он решил, что догадался о причине недовольства друга: «Единственное слово, которое мог бы он сказать, – это: “подкоммунивает”» [Пришвин 2010: 31]. Но писатель ошибался. Иванов-Разумник противопоставлял жизненное и творческое поведение его и Андрея Белого, проявившего «слабость приспособленчества, которая, конечно, отразилась и на идеях и на искусстве» [из письма А.Г. Горнфельду. Письма 1998: 432]. По мнению критика, Пришвину «слабость приспособленчества» не была свойственна. Об этом речь идет в письме вдове Белого: «...Б.Н. считал, будто нельзя провести книгу через цензурно-издательские Фермопилы, не омарксичив ее, – и в этом он очень ошибался. Только что прочел замечательную книгу М.М. Пришвина “Золотой рог”... – совершенно не омарксиченную и вполне цензурную...» [Письма 1998: 442]. Но если Иванов-Разумник и писал К.Н. Бугаевой, что Пришвин держался достойнее поэта, то к нему самому предъявлял строгие требования. В книге «Писательские судьбы» критик разделил писателей советской России на три группы: уничтоженные, задушенные и приспособившиеся; и хотя имя Пришвина не названо, можно с уверенностью утверждать, что своего друга, как и самого себя, он относил ко второй группе.

В конце 1930-х гг. Иванов-Разумник готовил архив Пришвина к передаче в Литературный музей. Именно тогда он написал о Пришвине две статьи (до сих пор не опубликованы, хранятся в РГАЛИ). В.В. Перхин, изучив их, отметил значительный интерес содержащейся в них характеристики жанрового новаторства и творческой философии Пришвина. Очерки Пришвина рассмотрены Ивановым-Разумником в связи с русской и мировой очерковой традицией и с традицией народнической критики: подчеркнута «социальная подоплека художественно-публицистических очерков всех времен и народов», в том числе русского очерка XIX века, в котором художественное тесно переплетено с социальным. Пришвин унаследовал эту традицию и прежде всего традицию С.Т. Аксакова, в которой корни многих его будущих охотничьих рассказов, но развил ее: если у Аксакова «темати-

чески связанные очерки», то Пришвин сделал автобиографический роман «Кашеева цепь» «органическим сплетением ряда очерков», довел очерк «до органического синтеза в форме большого романа». Критик интерпретировал эволюцию жанра у Пришвина как «непрерывное обновление форм и “приближение к самому себе”, а это значит – “к свободе творчества и управлению своим талантом”». Развивая эту мысль, он писал, что Пришвин «боролся за свободу своей интуиции» и совершенствовал “свой стиль граверного реализма”» [цит. по: Перхин: 179]. В подчеркивании свободы интуиции слышится отзвук ранней мысли Иванова-Разумника о непрерывности процесса возрождения человеческого духа и особом значении индивидуальных ценностей. Иванов-Разумник писал о непрекращающемся поиске писателем исключительно художественной и самобытной формы. Назвав «Жень-шень» высшей точкой творчества Пришвина, он заметил, что в 1940 г. в «Новом мире» появилось «произведение в совершенно новом роде» – “поэма” о природе, творчестве и любви “Фацелия”. Основу постоянного творческого обновления Иванов-Разумник трактовал в соответствии со своей теорией противоборства «непримиримого духа» с «всесветным мещанством». В творчестве Пришвина он видел воплощение «борьбы творческого духа с “черным богом, с Кашеем”, который выражает “космическое и социальное зло” ...Единственный путь преодоления “Кашея” – “органическое творчество жизни”, а искусство “дает нам образцы для общего творчества жизни”» [цит. по: Перхин: 179].

Иванов-Разумник, творческая критика которого была нацелена на распознавание «философии» художника, стал одним из самых проникательных исследователей пришвинского наследия в XX в. Он лучше других понял своеобразие философии писателя и его художественного мира, присущие его художественному мышлению синтетизм и импрессионистическое мировосприятие, сближавшие его с символистами. Именно поэтому пришвинские пейзажи, в которых мир внешний и внутренний неразрывно связаны, стали «пейзажами души», а «этнографизм, эпичность» даже в очерковых книгах заменяются «субъективнейшей интимной лирикой души» [Иванов-Разумник 1913: 52].

Пришвинская художественно-философская концепция мира и человека сформировалась под воздействием идей русского космизма, ориентированного на восприятие человека в качестве органичной части космического единства, причем для «эстетического мировоззрения» (термин А.Ф. Loseva) Пришвина характерен синтез элементов поэтически-художественного и естественнонаучного направлений в космизме, для писателя важен эстетический образ мироздания, художественно-образное обнаружение многообразных граней отношения человека к природе.

Иванов-Разумник в какой-то степени подсказал Пришвину направление развития философской мысли. Так, в произведениях художника, созданных в 1920–1940-е гг., обнаруживается не только творческое развитие идей, воспринятых от русских мыслителей, но и превращение собственного мировоззрения в предмет художественного видения в книгах, составленных из лирико-философских миниатюр, – «Родниках Берендея», «Лесной капели», «Глазах земли», и в автобиографическом романе о духовном становлении русского интеллигента конца XIX века.

Статьи Иванова-Разумника обозначили направление исследований пришвинского наследия в конце XX – начале XXI вв.

Примечания

¹ Под псевдонимом «Хрущёвский» (отсылающим к месту рождения) Пришвин публиковал газетные очерки из цикла «Письма в провинцию» (Речь. 1916), «Вернисаж» (День. 1917) [Пришвин 2004: 599–600].

² Отношение Пришвина к революционным событиям 1917 г. освещено в работе З.Я. Холодовой [Холодова: 170–173].

Список литературы

Варламов А.Н. Пришвин. М.: Мол. гвардия, 2003. 560 с.

«Дорогая моя и любимая Варя...»: Письма Иванова-Разумника В.Н. Ивановой из саратовской ссылки / публ. В.Г. Белоуса // Минувшее: ист. альманах. Вып. 23. СПб.: Atheneum: Феникс, 1998. С. 419–447.

Иванов-Разумник Р.В. Великий Пан // Иванов-Разумник Р.В. Сочинения. Т. 2. Творчество и критика. СПб.: Колос, 1913. С. 42–70.

Иванов-Разумник Р.В. Статьи Иванова-Разумника в журнальном контексте // Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: учеб. пособие / сост. Н.В. Новикова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. С. 45–260.

Крайний А. [З. Гиппиус] О «Я» и «Что-то» // Новая жизнь. 1913. № 2. С. 163–172.

Лавров А.В. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917: библиографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия: Фанит, 1992. Т. 2. С. 385–389.

Мануэльян Э. Этнографическая публицистика Иванова-Разумника и М.М. Пришвина: «Деревня» после революции 1905 // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глаголь, 1996. С. 64–68.

Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник – редактор и автор журнала «Заветы» (1912–1914) // Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: учеб. пособие / сост. Н.В. Новикова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. С. 3–44.

Новикова Н.В. Литературно-критическая позиция Р. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» // Куприяновские чтения–2005: материалы межвуз. науч. конф. Иваново: Изд-во «Иваново», 2006. С. 80–89.

Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 308 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М.: Моск. рабочий, 1994. Кн. 2. 384 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. Кн. 9. 992 с.

Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов / сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. 608 с.

Холодова З.Я. Русская революция в художественном сознании М. Пришвина // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20, № 6. С. 170–173.

Хрущёвский [Пришвин М.]. На заложниках жизни // Заветы. 1912. № 8. Разд. 2. С. 163–165.

References

Varlamov A.N. *Prishvin*. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 2003, 560 s. (In Russ.)

«Dorogaia moia i liubimaia Varia...»: *pis'ma Ivanova-Razumnika V.N. Ivanovoi iz saratovskoi ssylki* [«My dear and beloved Varia...»: Ivanov-Razumnik's letters to V.N. Ivanova from Saratov exile], publ. V.G. Belousa. *Minuvshee: ist. al'manakh* [The Past: historical almanac]. Saint Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998, vol. 23, pp. 419–447. (In Russ.)

Ivanov-Razumnik R.V. *Velikii Pan* [Great Pan]. Ivanov-Razumnik R.V. Soch. T. 2. *Tvorchestvo i kritika* [Vol. 2. The creation and the criticism]. Saint Petersburg, Kolos Publ., 1913, pp. 42–70. (In Russ.)

Ivanov-Razumnik R.V. *Stat'i Ivanova-Razumnika v zhurnal'nom kontekste* [Ivanov-Razumnik's articles in magazines context]. *Literaturno-kriticheskie vystupleniia R.V. Ivanova-Razumnika in «Zavety» magazin* [R.V. Ivanov-Razumnik's literary-critical writs for «Zavety» magazin]: ucheb. pos., comp. N.V. Novikova. Saratov, Sarat. un-t Publ., 2007, pp. 45–260. (In Russ.)

Krainii A. [Z. Gippius] *O «Ia» i «Chto-to»* [About «I» and «Something»]. *Novaia zhizn'* [New life], 1913, № 2, pp. 163–172.

Lavrov A.V. *Ivanov-Razumnik. Russkie pisateli, 1800–1917: bibliograficheskii slovar'* [Russian writers, 1800–1917: bibliographic dictionary]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1992, vol. 2, pp. 385–389. (In Russ.)

Manuel'ian E. *Etnograficheskaiia publitsistika Ivanova-Razumnika i M.M. Prishvina: «Derevnia» posle revoliutsii 1905* [Ivanov-Razumnik's and M.M. Prishvin's ethnographic journalism: «A village» after revolution 1905]. *Ivanov-Razumnik. Lichnost'*.

Tvorchestvo. Rol' v kul'ture [Ivanov-Razumnik. The personality. The creation. The role in culture]. Saint Petersburg, Glagol' Publ., 1996, pp. 64–68. (In Russ.)

Novikova N.V. *R.V. Ivanov-Razumnik – redaktor i avtor zhurnala «Zavety» (1912–1914). Literaturno-kriticheskie vystupleniia R.V. Ivanova-Razumnika v zhurnale «Zavety»* [R.V. Ivanov-Razumnik's literary-critical writs for «Zavety» magazin]: ucheb. pos., comp. N.V. Novikova. Saratov, Sarat. un-t Publ., 2007, pp. 3–44. (In Russ.)

Novikova N.V. *Literaturno-kriticheskaia pozitsiia R. Ivanova-Razumnika v zhurnale «Zavety»* [R.V. Ivanov-Razumnik's literary-critical position in «Zavety» magazine]. *Kupriianovskie chteniia – 2005: materialy mezhvuz. nauch. konf. Ivanovo, Ivanovo Publ.*, 2006, pp. 80–89. (In Russ.)

Perkhin V.V. *Russkaia literaturnaia kritika 1930-kh godov: Kritika i obshchestvennoe soznanie epokhi* [Russian literary criticism of the 1930es:

Criticism and social consciousness of the epoch]. Saint Petersburg, S.-Peterb. un-t Publ., 1997, 308 p. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Dnevnik. 1918–1919*. Moscow, Mosc. rabochij Publ., 1994, iss. 2, 384 p. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Dnevnik. 1936–1937*. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2010, vol. 9, 992 p. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Tsvet i krest. Neizvestnye proizvedeniia 1906–1924 godov* [Prishvin M.M. The colour and the cross. The unknown works 1906–1924 godov], comp. V.A. Fateeva. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2004, 608 p. (In Russ.)

Kholodova Z.Ya. *Russkaia revoliutsiia v khudozhestvennom soznanii M. Prishvina* [The russian revolution in M. Prishvin's artistic outlook]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 20, № 6, pp. 170–173. (In Russ.)

Khrushchevskii [Prishvin M.]. *Na zalozhnikakh zhizni* [Hostages of Life]. *Zavety* [Testaments], 1912, № 8, ch. 2, pp. 163–165. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-135-147>
УДК 821.161.1.09"20"

Бондарчук Елена Михайловна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

ПРЕДМЕТНО-ВЕЩНАЯ ОНТОЛОГИЯ «ФИНАЛЬНОЙ КНИГИ» Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Статья обращена к проблеме типологической характеристики ряда романов, которые отличаются длительно реализующимся, масштабным замыслом и жанровой «протеистичностью». Условно обозначаемые как «финальная книга», данные произведения представляют собой попытку создания «универсального текста» культурной памяти. Такой текст призван раскрыть «тотальность бытия», дать ответ на главные жизненные вопросы. Через призму признаков «финальной книги» в данной статье рассматривается роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Основное внимание сосредоточено на исследовании онтологического аспекта предметного, вещного мира произведения, в частности объектов обихода и компонентов интерьера. В дескриптивных фрагментах выделены частотные лексемы «вещь» и «предмет», которые выступают в функции редуцированного описания. Их «собирающая» семантика создает условные, обобщенные образы материальных и идеальных объектов, реализующих идею контакта бытийного (сакрального) и обыденного и идею восстановления единства (целостности). Лексема «вещь» выступает как актуализатор смыслов, связанных с понятием уклада жизни, порядка вещей, гармоничного в большей или меньшей степени. Лексемой «предмет» чаще всего маркируются состояния «онтологической неуютности», «отчужденности» объектов внешнего мира от человека, возникшее вследствие распада «живых» связей, отсутствия «контакта» и упадка в целом. Оппозиция «вещь – предмет» реализует в повествовании «готовые/кодовые» философские обобщения, которые дифференцируются в зависимости от ситуаций, и выражает оценку действительности повествователем, чье мировосприятие во многих случаях предельно приближено к позицией главного героя.

Ключевые слова: финальная книга, вещь, предмет, визуальная репрезентация, память, забвение

Информация об авторе: Бондарчук Елена Михайловна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1021-5684>, кандидат филологических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

E-mail: elena_bondarchuk@mail.ru

Дата поступления статьи: 16.10.2020

Для цитирования: Бондарчук Е.М. Предметно-вещная онтология «финальной книги» Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 135-147. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-135-147>

Yelena M. Bondarchuk
Samara National Research University

SUBJECT-MATERIAL ONTOLOGY IN “DOCTOR ZHIVAGO”, THE “FINAL BOOK” BY BORIS PASTERNAK

The article is addressed to the problem of typological characteristics of a number of novels distinguished by a long-term, large-scale conception and genre «proteism». Conventionally referred to as the «final books», these works represent an attempt to create a «universal text» of cultural memory. Such a text is intended to reveal the «totality of being», to answer the main questions of life. Through the prism of signs of the «final book», this article examines the novel «Doctor Zhivago» by Boris Pasternak. The main attention is focused on the study of the ontological aspect of the objective, material world of the work, in particular, household objects and interior components. In descriptive fragments, the frequency lexemes «thing» and «object» are highlighted, which act as a reduced description. Their «collective» semantics creates conditional, generalised images of material and ideal objects that realize the idea of contact between the existential (sacred) and the ordinary and the idea of restoring unity (integrity). The lexeme “thing” acts as an actualiser of meanings associated with the concept of a way of life, an order of things, harmonious to a greater or lesser extent. The lexeme “object” is most often marked by the state of “ontological uncomfortableness”, “alienation” of objects of the external world from a person, which arose as a result of the disintegration of “living” connections, the absence of “contact” and decline in general. The opposition “thing-object” implements in the narrative “ready-made / code” philosophical generalisations, which are differentiated depending on situations, and it expresses the assessment of reality given by the narrator, whose worldview in many cases is extremely close to the position of the protagonist.

Keywords: final book, thing, object, visual representation, memory, oblivion

Information about the author: Yelena M. Bondarchuk, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1021-5684>, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara National Research University, Samara, Russia

E-mail: elena_bondarchuk@mail.ru

Article received: October 16, 2020

For citation: Bondarchuk Ye.M. Subject-material ontology in “Doctor Zhivago”, the “final book” by Boris Pasternak. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 135-147 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-135-147>

Художественной прозе XX века присуща «сопротивляемость», которая «в той или иной степени» проявляется при попытках определить жанровую принадлежность текста, выяснить его причастность «к какой бы то ни было типовой манифестации литературности» [Смирнов: 240]. К числу таких «глубоко самобытных произведений, которые отмечены печатью тесного художественного контакта различных родовых начал, порой самых невероятных жанровых мутаций, а значит, не могут уложиться ни в одну из уже имеющихся типологических “схем”» [Шпаковский: 129], в истории русской и зарубежной романистики XX века относят «Мастера и Маргариту» М. Булгакова, «Доктора Живаго» Б. Пастернака, «Пирамиду» Л. Леонова, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Осудареву дорогу» М. Пришвина, «Пути небесные» И. Шмелева, «Игру в бисер» Г. Гессе, «Иосифа и его братьев», «Признания авантюриста Феликса Круля» Т. Манна, «Волхва» Д. Фаулза.

При всех существенных различиях эти романы («уникаты» – И.П. Смирнов [Смирнов: 241]) имеют ряд общих характеристик. Во-первых, отличительной чертой является «растянутость» этапов первоначального «формирования замысла» (возникновения идеи, «инобытия текста») и его художественного воплощения в диапазоне от 10 до 50 лет. («Мастер и Маргарита» (1928–1940 гг. – 12 лет), «Доктор Живаго» (1933–1955 гг. – 22 года), «Пирамида» (1940–1994 гг. – 54 года), «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936 гг. – 11 лет), «Хождение по мукам» (1921–1941 гг. – 20 лет), «Осударева дорога» (1941–1951 гг. – 10 лет), «Пути небесные» (1935–1950 гг. – 15 лет), «Игра в бисер» (1931–1942 – 11 лет), «Иосиф и его братья» (1926–1943 гг. – 17 лет), «Признания авантюриста Феликса Круля» (1905(1913)–1954 гг. – 49 лет), «Волхв» (1950–1965 гг. – 15 лет)¹. Длительный процесс концептуирования и реализации замысла объясняется спецификой «когнитивной авторской интенции», направленной на постижение некоего «эзотерического смысла», и его переводом «на язык современности», после чего каждый получает возможность, так сказать, снова обрести доступ к глубочайшим источникам жизни, которые иначе остались бы для него за семью замками...» [Юнг: 84]. Как правило, в результате создание произведения сдвигается в сторону зрелого этапа творчества, когда автор проникается «более глубоким, по сравнению с первоначальной презумпцией, смыслом изображаемого события» [Бондарев: 34], и ему, по мысли Г. Юнга, становится доступной «тайна воздействия искусства» [Юнг: 84].

Во-вторых, замысел отличается масштабностью, которая продиктована стремлением создать нечто особое – «книгу книг», «книгу бытия», «текст текстов», «книгу мыслей» [Синявский; 361],

«мирскую священную книгу» [Лейдерман: 520], то есть некий универсальный текст культурной памяти, в котором будет раскрыта «тотальность бытия» [Смирнов: 175], собраны ответы на все вопросы и оценки всех аспектов жизни. Установка на всеохватность связана с мощной тенденцией к «онтологизации художественной реальности», возникшей на рубеже XIX–XX веков и наиболее ярко раскрывшейся в символизме. Художественный образ трансформируется и, с точки зрения Н. Бройтмана, «перестает быть только «отражением», условно-поэтической реальностью, а хочет стать бытийным» [Бройтман: 25]. «Универсальные тексты», с одной стороны, осуществляют завершающий охват культурных смыслов и кодов уходящего времени. С другой стороны, культурные тексты подобного рода определяют «основы “дебютного” ощущения (de'but de siecle) последующей эпохи» [Эпштейн], реализуя таким образом функцию имплицитивной антиципации («вестничества»), заложенную в их протомировоззренческом содержании. В этом контексте замысел понимается автором «иерофанически, как божественное откровение», как выпавший на его долю уникальный жизненный опыт, которому «суждено претвориться в новое знание о мире и человеке», что и побуждает его взяться за нелегкий и часто длительный труд воплощения [Бондарев: 8]. Тексты-вестники, считает К.Г. Исупов, «исправляют падшее время и выпрямляют историческую перспективу идеей «верного пути» [Исупов: 348] (ср.: Б. Пастернак «...я окончил роман, исполнил долг, завещанный от бога...» [Шаламов]).

В-третьих, для имманентной многосмысленности требуется структура, которая может быть создана обращением к широкой жанровой парадигме, где возможно совпадение альтернатив (coincidentia oppositorum) и нейтрализация различий «между полярными способами речеведения» [Смирнов: 240]. Жанровый синтез формируется реверсивным (вплоть до текстов дожанрового периода) движением художественной мысли, которое сопровождается инверсированием жанров. В созданной персональной жанровой модели, или «партиктурной жанроустанавливающей схеме» [Богин: 584], «мы имеем дело одновременно и с исповедями, и с проповедями, и с фрагментами, и с повествовательными целостностями...» [Смирнов: 240] Примечательно в этой связи использование условного, до- и метажанрового обозначения «книга» для идентификации типа художественной целостности и для композиционного членения текста. В последнем случае «книга» (ср.: «Доктор Живаго» – 2 книги, «Жизнь Арсеньева» – 5 книг)² «вызывает к жизни такие категории, как ретроспекция, континуум, переакцентуация и некоторые другие, связанные с пространственно-временными отношениями» [Гальперин: 51]. Таким образом манифестиру-

ется установка на относительную завершенность и самостоятельность «разделов» произведения, которые в совокупности составляют книгу-свод, подобную средневековым «суммам» или барочным компендиумам, что указывает на повышенную емкость содержания и отражает тяготение авторской мысли к свободе, к тотальному преодолению жанровых рамок, ведущее в идеале к текстовому ансамблю Первотолчки.

Для обозначения «жанрового класса» [Томашевский: 306] романов, которые отличаются длительно реализующимся, масштабным замыслом и жанровой «протеистичностью», используется условное обозначение «финальная книга», в настоящее время еще мало проработанное в теоретическом плане³. Оно отличается от «итоговой книги», которая всегда соотносится с последним произведением и имеет характер художественного завещания. «Финальная книга» не совпадает с оценочным суждением «вершинная книга» (в значении «лучшая»), поскольку вызывает много споров и противоречивых толкований (ср.: Б. Пастернак «Доктор Живаго»). Наряду с «итоговой книгой» «финальная книга» составляет свою оппозицию «первому (дебютному) произведению», которое, по М. Хайдеггеру, представляет собой соприкосновение с «источком», обозначающим, «откуда нечто пошло и посредством чего нечто стало тем, что оно есть, и стало таким, каково оно. То же, что есть нечто, будучи таким, каково оно, мы именуем его сущностью. Исток чего-либо есть происхождение его сущности» [Хайдеггер]. Согласно К. Штайн [Штайн: 4], первое произведение эвристично, выступает как некая гипотеза, «задание», точка единства в заданности развивающегося творчества, обусловленная «первотолчком пробуждения», в результате чего «история начинается или начинается заново» [Хайдеггер]. Антиномичная «финальная книга» не является неким решением «задания», но связывается скорее с максимально осознанным приближением к пониманию того, что стало «первотолчком пробуждения», «источком художественного творения» («истиной», «смыслом бытия»), «происхождением его сущности».

Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» содержит в себе основные черты «финальной книги». В первую очередь стоит сказать о длительности формирования замысла книги. «Доктор Живаго» создавался в течение послевоенного десятилетия – с 1945 по 1955 годы. Однако состояние «физической мечты о книге» владело Б. Пастернаком с первых шагов в творчестве, хотя и не имело однозначной соотнесенности с романом [Пастернак: 366]. В 1933 году в письме А.М. Горькому Б. Пастернак признавался: «Я давно, все последние годы мечтал о такой прозе, которая как крышка бы на ящик легла на все неоконченное и досказала бы все фабулы мои и судьбы» [Пастернак:

336]. Роман, таким образом, в буквальном смысле превратился в главное дело жизни Б. Пастернака. В письме О. Фрейденберг Б. Пастернак говорит о романе как о возможности выразить взгляды «на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории» [Пастернак: 128]. И далее уточняет: «Если прежде меня привлекали разностопные ямбические размеры, то роман я стал, хотя бы в намерении, писать в размере мировом» [С разных точек зрения: 128]. С точки зрения Н. Лейдермана, «этот мировой размер, масштаб всей двухтысячелетней новой эры и задан маркировкой сюжета романа по православному календарю. В этом масштабе судьба человека, жившего в XX веке, вполне может сопоставляться с судьбой того, с чьего рождения началось христианское летоисчисление. А коли так, то – по художественной логике – есть основания для их духовного сродства, которое может выявить соответствующая поэтика – поэтика, актуализирующая *память форм Священных книг*» (выделено мной. – Б. Е.) [Лейдерман: 802]. Д. Быков пишет о притчеобразном модусе осмысления русской полувекковой истории, о внимательности автора, идущего в русле традиций символистской прозы, «не к событиям, а к их первопричинам...»: «книга написана не о людях и событиях, а о тех силах, которые управляли и людьми, и событиями, и им (писателем. – Б. Е.) самим» [Быков]. Однако, с точки зрения М. Эпштейна, привычный смысл притчи инверсируется: художественная установка «высокое объяснять наглядным» меняется на изображение «плоти» повседневности, в которой «брезжит свет, поясняющий истину» и в которой «святость окружает человека» [Эпштейн 2000]. В результате «эти преходящие, подручные, обычные, повседневные, краткосрочные, вездесущие, живые, простые, примитивные, грубые вещи полны божественных искр, которые суть проявления самого Всемогущего» [Howard W. Polsky, Yaella Wozner: 497]. «Экзистенция от обратного» [Корнев: 8], родственная пушкинскому принципу «одномасштабности» бытия и быта, раскрывает бытийное в «пестрой эмпирике» жизни. «Метафизический смысл», с точки зрения П. Флоренского, «не надстраивается над чувственными образами, а в них содержится, собою их определяя, и сами-то они разумны не как просто физические, а как именно образы метафизические, эти последние в себе неся и ими просветляясь» [Флоренский 1993б: 312]. Эту художественную установку раскрывал и подзаголовок «Картины полувеккового обихода», существовавший в первых машинописных версиях романа (1948 г.) и акцентировавший внимание на категории «повседневной жизни».

Внимание к бытовой стороне жизни в «Докторе Живаго» выражается прежде всего в плотности предметного, вещного мира. В романе он «представлен как эксплицитно (композиционно развер-

нутое, синтаксически, семантически, иногда графически выделенное итеративное повествование, обычно именуемое описанием), так и имплицитно (фокализация, не прерывающая нарратива, когда при акцентировании внимания на немногих частных подробностях читательское сознание достраивает и само формирует ментальный образ характеризуемого пространства)» [Судосева, Тюпа: 250]. Художественный предмет, как и любой другой элемент действительности героя, воплощает в себе главные свойства и принципы художественной системы [Чудаков 1985: 260], поэтому закономерно предположить, что изображение предметного мира в «финальной книге» имеет свои специфические особенности.

Разные сегменты реальности – природа (пейзажи), интерьеры – представлены в творчестве Пастернака обильно. «Вполне предавшись вещам», отмечает В. Вейдле, Б. Пастернак находит способ раскрыть идею [Вейдле: 467]. М.Л. Гаспаров пишет об активности предметов в мире Б. Пастернака, их способности к самопроизвольным возникновением, которые постоянно «отодвигают» порыв субъекта, сбивая его сознание с пути. Однако сама непредвиденность этих перебивов, по мысли М.Л. Гаспарова, как раз и оказывается внутренне переживаемой дорогой к абсолютному, в отличие от символистского философского и поэтического сознания [Гаспаров: 157]. «Эмпирическая видимость предметов», «зрительный подход к миру» [Автухович], визуальный код, «зрительный опыт», восприятие мира через данное, наглядное принципиально для Б. Пастернака («образ мира, в слове явленный»). Эта художественная черта была отмечена Ю.М. Лотманом, считавшим визуальность для Пастернака одним из важнейших принципов творческой рефлексии: «подлинные связи, которые организуют мир Пастернака... это связи увиденные» [Лотман: 227]. Художественная оптика дает возможность Пастернаку максимально реализовать принцип «невторжения» в творчество, осуществляемое самой жизнью, поскольку «зрение есть способность наиболее гибкая, наиболее готовая в любой момент служить как чистое движение, как чистое осязание или как сплетение в любой пропорции того и другого» [Флоренский 1993а: 342]. Идущие от литературы романтизма и часто используемые в метаромане символизма и постсимволизма «метафоры “сверхзрения”» в «Докторе Живаго» связаны с «темой контакта» (термин А. Жолковского), взаимным притяжением трансцендентного... и творческого субъекта», – пишет Г.А. Жиличева [Жиличева: 213]. Художественное видение, реализуемое в «мотиве божественного видения», связывает воспринимаемый в настоящем «предмет» с образами и архетипами «памяти зрения» [Сегал: 345], то есть топикой эйдетической памяти художника, в основе которой

лежит причастность к Бытию, его сотворению и устройству. Согласно В.Н. Топорову, это «универсальное зрение, *открывающее* все, что есть в мире, и *объединяющее* это все в центрированное целое, сопоставляемое субъекту этого видения-зрения» [Топоров].

В исследованиях, посвященных предметному миру романа «Доктор Живаго», обозначения «предмет» и «вещь» чаще всего используются недифференцированно, как контекстные синонимы. Под художественной вещью (художественным предметом) понимаются «...мыслимые реалии, из которых состоит изображенный мир литературного произведения и которые располагаются в художественном пространстве и существуют в художественном времени» [Чудаков 1986: 254]. Однако если исходить из «визуального кода», то совокупность объектов обихода в художественном пространстве романа составляет именно «предметный» мир («предмет» – калька с лат. «objectum», от «objicere» – «бросать вперед, навстречу») [Цыганенко]. Таким образом подчеркивается именно зрительно воспринимаемая динамика объектов, их отношений, взаимной обусловленности. Дескриптивные фрагменты в романе создают «зрительные образы», развернутые в большей или меньшей степени, которые переключают внимание с развития главных сюжетных линий на процесс созерцания бытия.

«Визуальная» репрезентация образов «предметного мира» в романе строится на универсальном диалектическом взаимодействии двух тенденций, выделяемых, как правило, в композиции и повествовательной ткани: на сочетании дробной конкретности и генерализации. В изображении единичных объектов мастерство Б. Пастернака в поэзии и прозе считается общепризнанным. А одним из способов создания обобщений в поэтике романа является использование стилистически невыразительных лексем «вещь», «предмет», имеющих семантику «обобщенности». Их «кодовость» в тексте не вызывает сомнения, поскольку Б. Пастернак умеет находить «в хаосе своего словесного запаса те самые обозначения, которые необходимы...» [Вейдле: 467]. Отметим, что в дискурсах повествователя и героев лексема «вещь» встречается в тексте более 90 (93) раз и маркирует преимущественно «позитивные» ситуации, лексема «предмет» – 38 раз и, как правило, имеет «негативные» коннотации. Вполне закономерно, что в поэтике позднего Пастернака и единичные объекты (шкаф, лестница, рояль, портьера, окно, стол) также выступают как поливалентные смысловые структуры, или «готовые предметы» по А. Жолковскому. То есть речь идет о предметах, использующихся для обозначения «некоторого набора подлежащих выражению функций» или, наоборот, это «как бы затвердевшие в виде предмета» элементы

замысла, «для которого они являются конститутивными свойствами» [Жолковский, Щеглов: 212]. Исходя из идеи А. Жолковского, предположим, что такое же «готовое» (кодовое) значение в тексте романа имеют и упомянутые ранее лексемы/конституенты «вещь» и «предмет», которые представляют собой «мысленное образование», способное замещать «в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов: 269]. Их «собирательная» семантика создает в повествовании условные, обобщенные образы материальных и идеальных объектов, которые реализуют идеи контакта бытийного (сакрального) и обычного (ситуаций, обстоятельств, разговоров) и единства (целостности/раздробленности).

Лексема «вещь» используется в романе интенсивно и во всей совокупности имеющихся смыслов. Ее изобразительная стёртость непосредственно указывает на семантику чего-либо невыделяющегося, «обычного», «само собой разумеющегося», «не требующего дополнительного объяснения», не привлекающего особого внимания. «Обычность» понимается как способность «входить в обиход, срастаться со свойствами людей и становиться устойчивой и осмысленной формой их существования» [Эпштейн 1988: 305]. В разных частях сюжета лексема «вещь» выступает как редуцированное до одного слова описание, как актуализатор смыслов, связанных с понятием уклада жизни, порядка вещей, гармоничного в большей или меньшей степени. То есть лексема «вещь», буквально адресуя к чему-либо материально существующему, раскрывает «непредставимое», «непредметное», «нематериальное», то, что имеет отношение к «ценностному» пространству.

Во-первых, наиболее широкое значение лексемы «вещь» в романе связано с представлением об универсуме как о сотворенной «вещи» (to on), как о совокупности, единстве всего сущего, основанном на универсальной связи всех элементов и уровней бытия, которая обуславливает его целостность. Эта семантика реализуется в трех фрагментах дискурса повествователя, связанных с биографией Живаго: 1) в истории рода (кн. 1, ч. 1, гл. 3) – 2) в мировосприятии мальчика Юры (после смерти матери – кн. 1, ч. 3, гл. 15) – 3) в миропонимании взрослого Юры (смерть Анны Ивановны – кн. 1, ч. 3, гл. 15). Композиция фрагментов строится на развертывании «темы контакта», преодоления «разрыва» времен, восстановления пространства памяти.

История рода Живаго предстает как процесс творения вещного космоса, разворачивающийся по спирали и захватывающий все сферы жизни. «Маленьким мальчиком он [Живаго] застал еще то время, когда именем, которое он носил, называлось множество *саморазличнейших вещей*. Была мануфактура Живаго, банк Живаго, дома Живаго,

способ завязывания и закалывания галстука булавкою Живаго, даже какой-то сладкий пирог круглой формы, вроде ромовой бабы, под названием Живаго, и одно время в Москве можно было крикнуть извозчику «к Живаго!», совершенно как «к черту на кулички!», и он уносил вас на санках в тридцатое царство, в тридевятое государство» [Пастернак 1989: 7]. В перечислительном синтаксисе реализуется кумулятивный принцип архаического сюжета, «ранние формы которого не являются собственно повествовательными»: он выводит (возвращает) сюжет романа за рамки «развития», «хронологии и логики» в «донарративный вариант» существования [Волкова: 6]. Контурь созданного мира «вещей» избыточны в своей материальности и полноте. Процесс творения «вещей» выступает как инвариант космогонического мифа. Все созданное отмечено печатью уникальности, начиная от крупных (мануфактура Живаго) объектов и заканчивая незначительными (сладкий пирог круглой формы, вроде ромовой бабы, под названием Живаго). Имя собственное с семантикой «живого», которым наделяются вещи, раскрывает связь с живой материей. Реальность возникает как пресуществование жизненной энергии (эйдоса) в живую структуру вещи. Процесс создания вещей становится приобщением к эйдосу, а сами вещи становятся «вестниками», сообщающими о событии творения. Полнота и избыток взаимообусловлены и связаны с творческим началом жизни. Напротив, оскудение жизни в поэтике романа связывается именно с исчезновением «живого», «творящего» начала жизни из пространства, с утратой связи между «вещами», распадом универсума. Картина упадка жизни (*nudus vitae*) предстает перед глазами Живаго, вернувшегося с фронта Первой мировой войны (кн. 1, ч. 6, гл. 1). «Публика попроще торговала *вещами* более насущными: колючими, быстро черствевшими горбушками черного пайкового хлеба, грязными, подмокшими огрызками сахара и перерезанными пополам через всю обертку пакетиками махорки в полосьмушки» [Пастернак 1989: 158]. Трансформация бытия идет в сторону упрощения и снижения: вещи-вестники становятся «вещами насущными», то есть утрачивают свою метафизическую глубину, экзистенциальное ядро «закрывается», вещь «затвердевает» в рамках внешней формы материального существования. В распавшемся универсуме повседневности – хронотопе забвения – многие «вещи» лишаются места, ценности и смысла и превращаются в нелепые знаки прошедшего времени. Не случайна замена существительного «вещи» на неопределенное местоимение «*что-нибудь*»: на улицах Москвы старики и старухи безмолвно предлагают на продажу «*что-нибудь такое*, чего никто не брал и что никому не было нужно: искусственные цветы, круглые спиртовые кипятильники для кофе со стеклянной крышкой и свистком, вечерние

туалеты из черного газа, мундиры упраздненных ведомств» [Пастернак 1989: 158].

Второй фрагмент с лексемой «вещь», актуализирующий семантику единства и целостности, то есть «универсума», раскрывает противостояние «малого бытия» главного героя и «всех вещей на свете» [Пастернак 1989: 84], возникшее после смерти матери. Встреча героя с миром происходит в драматичном хронотопе, обозначенном мифологическим образом «леса», то есть границы между мирами. Перечисление разнородных «вещей» – природных и городских, которые входят в окоём героя и передают его взгляд на мир снизу вверх, раскрывает мотивы неравноправия, потерянности, одиночества и страдания: «...облака, городские вывески, и шары на пожарных каланчах, и скакавшие верхом перед каретой с божьей Матерью служки с наушниками вместо шапок на обнаженных в присутствии святыни головах. Этот лес составляли витрины магазинов в пассажах и недосыгаемо высокое ночное небо со звездами, боженькой и святыми» [Пастернак 1989: 84]. В точке существования героя пространство надделено враждебными свойствами: горизонталь мира уплотняется и тесно придвигается, а вертикаль мира вырастает и отдалается. И то и другое многократно превосходит героя, и внешний мир, «осозательный, непроходимый и бесспорный» [Пастернак 1989: 84], предстает как данность, с которой у героя нет связи.

Оппозиция устраняется, когда раскрывается тайна живой связи между вещами. Конфигурация отношений героя и мира меняется на противоположную. Третий фрагмент дискурса повествователя, отмеченный лексемой «вещь» в значении «универсум», раскрывает путь познания, пройденный Живаго (кн. 1, ч. 3, гл. 15). Степень обретенной героем близости к миру передается метафорически: «Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, все на свете, все *вещи* были словами его словаря. Он чувствовал себя стоящим на равной ноге со вселенною...» [Пастернак 1989: 84]. Постигание мира предстает как вхождение в пространство памяти и движение к тем его глубинам, где открывается понимание высшего порядка реальности. «Юра занимался древностью и законом Божьим, преданиями и поэтами, науками о прошлом и о природе, как семейною хроникой родного дома, как своею родословною» [Пастернак 1989: 84]. Таким образом в сюжете обозначены два механизма: движение линии жизни вперед и реверсивный ход памяти. Перечислительный синтаксис возвращает к фрагменту, связанному с историей рода Живаго. На первый план вновь выходит мотив личной причастности к действительности: предки Живаго, создавая вещи, наделяли их своим именем, Юрий Живаго изучает историю мира как свою родословную. Обеднение рода, которое происходит «вдруг», свидетельствует о качественном изменении талан-

та, является знаком преобразования, эволюционным скачком от избытка и переполненности к простоте и естественности. Талант в сфере материальной превращается в талант в сфере идеальной, духовной. Завершенная эпоха «вещного» изобилия смыкается с историей «нового» времени, в котором на первом плане оказываются идеи, книги, мыслители. Таким образом, возникает условный зрительный образ двух сфер – материальной и идеальной, соединенных в целостность – универсум.

Во-вторых, лексема «вещь» используется для маркировки некой совокупности материальных (больших и малых) объектов быта. Обычно указывается, какие действия производятся с вещами: «*Вещи* увязаны и стояли в келье» [Пастернак 1989: 6]. «Внутренние комнаты Свентицких были загромождены личными *вещами*, вынесенными из гостиной и зала для большего простора» [Пастернак 1989: 79]. «*Вещей* было много. Часть их уходила на другой день утром малой скоростью» [Пастернак 1989: 94]. Чаще всего лексемой «вещь» маркируются лиминальные ситуации «отъезда/приезда», из которых и состоит сюжет романа и которые включают в себя целый комплекс мотивов: «разлуки/встречи», «болезни/выздоровления», «утраты/приобретения», «смерти/рождения». Мифологические ситуации «порога» являются онтологически напряженными точками повествования («точками бифуркации»), где происходит «уплотнение, сгущение смысла» и определяется бытийная перспектива, «рисунок бытия будущего, надвигающегося и одновременно вызревающего в момент прохождения, преодоления порога» [Карасев]. Сюжет романа «Доктор Живаго» (безусловно, лирического), пишет В. Маринчак, «организуют поворотные пункты судьбы, последние встречи, прощанья, сцены и переживания героев, разворачивающиеся на пороге гибели, в ее предчувствии или уже за ее чертой» [Маринчак: 21]. Лексема «вещь» в этих случаях концентрирует смысл, связанный с «порядком вещей», с образом «обжитого» мира («чаши» – в метафорике М. Хайдеггера), сворачиваемого и сжимаемого до укладок, узлов, чемоданов, упаковок, корзин, мешков. «*Вещей* было много. Часть их уходила на другой день утром малою скоростью. Всё почти было уложено, но не до конца. Ящик и корзины стояли открытые, не доложенные доверху. Лара время от времени вспоминала про что-нибудь, переносила забытую *вещь* за перегородку и, положив в корзину, разравнивала неровности» [Пастернак 1989: 94]; «...Антонина Александровна занималась отбором *вещей* для упаковки. Она озабоченно похаживала по трем комнатам, числившимся теперь в доме за семьей Громеко, и без конца взвешивала на руке каждую мелочь, перед тем как отложить её в общую кучу *вещей*, подлежавших укладке» [Пастернак 1989: 202]. Манипуляции с вещами в этом

случае являются косвенной антитезой созданию вещного космоса, который дан в истории рода Живаго. Упаковывание представляется как процесс выведения «вещи» за пределы зрительного контакта, в пространство инобытия. Метаморфозе явленного состояния «вещей» в протоматериальное (неявленное) состояние сопутствует утрата отдельности их существования, появление новых общих (чемоданы, корзины), в том числе бесформенных (мешки, узлы), контуров. Оставляемые вещи утрачивают значимость («Столы и стулья в комнатах были сдвинуты к стенам...»). Напротив, извлечение вещи из дорожной укладки, которое осуществляется впоследствии, предстает как ее возвращение в жизнь из состояния «небытия», приравнивается к чудесному событию: «Антонина Александровна села согнувшись, протерла глаза, поправила волосы и, запустив руку в глубину *вещевого* мешка, вытащила, до дна перерыв его, вышитое петухами, парубками, дугами и колесами полотенец» [Пастернак 1989: 209]. Оголенность и пустота пространства в ситуации отъезда раскрывает сосредоточение быта и бытия в пространстве памяти героев, где «открывается сущность происходящего, его связь с прошлым и будущим. И все предстает в свете самого сокровенного, в свете наиболее глубинных характеристик экзистенции. Происходит актуализация всего значимого и ценного, замедление восприятия, когда миг вбирает в себя всю жизнь, может быть, даже вечность в приобщении к ней. И тогда открывается вся полнота трагизма существования, судеб лирического героя, и героев романа, и мира...» [Маринчак: 22]

Ситуации прибытия героев на место, их «вхождение» в новое пространство также маркируются мотивом «порога», который пересекается и буквально (порог дома, вокзала), и символически. В «контекстах утраты», считает А.А. Грякалов, соотношенность с простыми действиями выступает как способ обретения смысловых ориентиров [Грякалов: 4]. В локусе порога таким действием является «внесение вещей». Этот мотив отмечает буквально обретение пристанища (стабильности) и символизирует слияние с пространством, преодоление фрагментированности бытия, восстановление бытовой и бытийной континуальности, существования мира как единого целого: («Сейчас Маркел тебе *вещи* снесет» [Пастернак 1989: 159]; «...Маркел внес *вещи* в сени и захлопнул парадное...» [Пастернак 1989: 160]; «Поставь *вещи* на пол и спасибо, ступай, Маркел» [Пастернак 1989: 160]; «Вноси *вещи*, Вакх. Пособи приезжим» [Пастернак 1989: 262]; «Донат! Донат! *Вещи* снеси вот, пока суд да дело, в пассажирский зал, в ожидальную» [Пастернак 1989: 257]). Отсутствие «вещей» может выступать как знак отчужденности от пространства, от возможности восстановления живой связи с ним: «Приехала в Москву, сдала *вещи*

в камеру хранения, иду по старой Москве, половины не узнаю – забыла» [Пастернак 1989: 474].

Во-вторых, лексема «вещь» используется как компактный речевой субститут (замена) совокупности идей, мыслей, «живых», глубоко продуманных, «обжитых», которые выступают в значении «вести». Этимон существительного «вещь» восходит к ст.-сл. *вешть* (> *вещь*) – из **vektь*, производного посредством суф. *-ь* от той же основы, что и др.-инд. *vákti* «говорить», лат. *vox* «слово, голос», греч. *ἔπος* «слово». Первоначальным значением, вероятно, было «названное» [Шанский]. В ходе бесед, размышлений герои манифестируют свои взгляды, и лексема «вещь» является точкой вхождения в пространство смыслов «высшей гармонии», в сферу сверхличного. С особенной отчетливостью эти значения раскрываются в тех частях дискурса повествователя, которые имеют отношение к творчеству Живаго и раскрывают общее понимание философии искусства: «Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято *двумя вещами*. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь» [Пастернак 1989: 87]; «Потом от *вещей* отстоявшихся и законченных перешел к когда-то начатым и брошенным, вошел в их тон и стал набрасывать их продолжение, без малейшей надежды их сейчас дописать» [Пастернак 1989: 418]; «Он пил и писал *вещи*, посвященные ей, но Лара его стихов и записей, по мере вымарок и замены одного слова другим, все дальше уходила от истинного своего первообраза, от живой Катенькиной мамы, вместе с Катей находившейся в путешествии» [Пастернак 1989: 434]; «Беспорядочное перечисление *вещей* и понятий с виду несовместимых и поставленных рядом как бы произвольно, у символистов, Блока, Верхарна и Уитмана, совсем не стилистическая прихоть» [Пастернак 1989: 467]; «Я не раз замечал, что именно *вещи*, едва замеченные днем, мысли, не доведенные до ясности, слова, сказанные без души и оставленные без внимания, возвращаются ночью...» [Пастернак 1989: 272].

Другим значимым вариантом получения «вести» являются эпизоды романа, где «обычное» нагнетается, приобретая качество предельной обыденности или состояния, в котором, кажется, ничего нет, кроме конкретной данности. С.Г. Буров по этому поводу замечает: «По ходу повествования сакральное с «переднего» плана уходит «вглубь», остается лишь профанный план происходящего» [Буров: 8] Разговорная лексика, сталкиваясь с сакральным содержанием, усиливает профанный план: «...Пров Афанасьевич успел отбарабанить девять блаженств, *как вещь*, и без него всем хорошо известную» [Пастернак 1989: 48]. Текст «девяти блаженств» прочтен бегло и не останавливает внимание. Однако сравнение «как вещь» является точкой соединения с пространством истины. Эпи-

зод строится на контрасте видимого содержания ситуации (пустоватая церковь, толпа молящихся, староста, отчитывающий юродивую оборванку) и ее «невидимого», то есть неочевидного смысла (контакта – получения вести). Восстановленная связь раскрывается метафорически: в кольцевой композиции описательного фрагмента, части которой маркируются образом «окна», которое в поэтике Пастернака является «готовым предметом», актуализирующим событие контакта и открывающим перспективу бытия. «Нерасцвеченное стекло оконницы» соединяет внутреннее пространство церкви с серым заснеженным переулком за окном. Интенсивность происходящего усилена глаголами «сновали», «отбарабанил». Нахождение вблизи окна актуализирует бытийные смыслы, которые подчеркиваются абсурдностью происходящего: «У этого окна стоял церковный староста и громко, на всю церковь, не обращая внимания на службу, вразумлял какую-то глуховатую юродивую оборванку...» [Пастернак 1989: 48] Сравнительный оборот соединяет три разных компонента – окно, переулок, голос церковного старосты и, следовательно, три разных пространства – внутреннее церковное, внешнее уличное и звучащего голоса в единое целое, усиливая при этом значение «приземленности»: «и его голос был того же казенного будничного образца, как окно и переулок». Прозвучавшая «весть» восстанавливает связь с бытийным планом и внутреннюю целостность в душе Лары: «Блажени нищие духом... Блажени плачущие... Блажени алчущие и жаждущие правды... Лара шла, вздрогнула и остановилась. Это про нее» [Пастернак 1989: 48]. Состоявшееся событие откровения, «получения вести» не только констатируется в несобственно прямой речи героини, но и в сниженной метафорической параллели. «Какую-то глуховатую юродивую оборванку» вразумляют «громко и на всю церковь, несмотря на службу». Этот модус повествования, обозначенный Г.А. Жиличевой как «нарративный парадокс» [Жиличева: 228] романа, раскрывает одинаковость механизма взаимодействия субъекта с его границами – сверхличной и событийной, что выражается в повторях одних и тех же метафорических рядов для обозначения приобщения к истине и причастности к каким-либо обычным делам и обстоятельствам.

В разговорах героев лексема «вещь» отмечает возможность вхождения в пространство диалога, то есть в пространство понимания, «чистой мысли», не требующее долгих объяснений и многих слов для обозначения позиции. Сходство взглядов определяется причастностью к некоему общему знанию, которое обозначается в репликах лексемой «вещь». Диалогическое понимание предполагает совместное вхождение в пространство памяти, которое маркируется словами «помнишь», «минувшее», «воспоминания» и др. «Помнишь

ночь, когда ты принес листок с первыми декретами, зимой в метель. Помнишь, как это было неслыханно безоговорочно. Эта прямолинейность покоряла. Но такие *вещи* живут в первоначальной чистоте только в головах создателей и то только в первый день провозглашения» [Пастернак 1989: 232–233]. Реплика Александра Александровича Громеко, обращенная к Живаго при переезде в Варькино, завершает 26-ю главу. Отсутствие ответа со стороны Живаго (молчание) является знаком разделяемого мнения.

В отличие от лексемы «вещь», имеющей преимущественно позитивные смыслы и коннотации, лексема «предмет» в ДЖ в большинстве случаев соотносится с «негативными» значениями. Таким образом маркируются состояния «онтологической неуютности», «отчужденности» объектов внешнего мира от человека, возникшее вследствие распада «живых» связей, отсутствия «контакта» и упадка в целом. Во-первых, лексемой «предмет» обозначаются объекты интерьера, находящиеся не на месте: «Он прошел в ординаторскую, которую называли кабаком и помойной ямой, потому что вследствие тесноты, вызванной загруженностью больницы, теперь в этой комнате раздевались, заходя в нее в калошах с улицы, забывали в ней посторонние *предметы*, занесенные из других помещений, сорили окурками и бумагой» [Пастернак 1989: 101]. Во-вторых, признаком нарушенной гармонии и отсутствия целостности является единичность: «Мебель из расстроенных гарнитуров дополняли единичные *предметы*, которым до полноты комплекта не доставало парных» [Пастернак 1989: 191] (ср.: шкаф Анны Ивановны является предвестником грядущих разрушительных перемен. Его чужеродность подчеркнута рядом признаков: он громоздок – не проходит ни в одну дверь, поэтому его вносят по частям, ему никак не найдут место, он становится причиной болезни Анны Ивановны). В-третьих, лексема «предмет» обозначает несходные позиции в чем-либо, нахождение участников разговора в разных смысловых пространствах, исключающих возможность вхождения в пространство понимания, в диалогическое взаимодействие: «Однако вернемся к *предмету* спора. Вы не правы, доктор» [Пастернак 1989: 214]; «*Предмет* посещения был исчерпан» [Пастернак 1989: 40]. В-четвертых, окказионально лексема «предмет» является компонентом характеристики неестественной манеры идейного героя, толстовца Выволочнова, в контексте которой обычные вещи превращаются в предметы-помехи, препятствующие движению: «Разоблачаясь в прихожей, он не довел дело до конца. Он не снял шарфа, конец которого волочился у него по полу, и в руках у него осталась его круглая войлочная шляпа. Эти *предметы* стесняли его в движениях и не только мешали Выволочнову позвать руку Николаю Николаевичу, но

даже выговорить слова приветствия, здороваясь с ним» [Пастернак 1989: 40]. В-пятых, лексемой «предмет» маркируются темы, эмоции, чувства, отношения, в основе которых находится что-то неестественное, разрушительное, вызывающее отторжение: «Он (Комаровский. – Е. Б.) не мальчик, он должен понимать, что с ним будет, если из средства развлечения эта девочка, дочь его покойного друга, этот ребенок, станет *предметом* его помешательства» [Пастернак 1989: 45]; «*Предметом* еще большей ненависти был его бульдог Джек, которого он иногда приводил на поводке и который такими стремительными рывками тащил его за собою, что Комаровский сбивался с шага, бросался вперед и шел за собакой, вытянув руки, как слепой за поводырем» [Пастернак 1989: 24]. В-шестых, лексема «предмет» может входить в описание внешности героя, подчеркивая «неестественность»: «Это был белокурый юноша, наверное, очень высокого роста, судя по его длинным рукам и ногам. Они слишком легко ходили у него на сгибах, как плохо скрепленные составные части складных предметов» [Пастернак 1989: 150]. Вместе с тем многократный повтор лексемы «предмет» в контексте творчества Живаго отражает активность внешнего мира, его стремление к контакту с человеком. Предметы выстраиваются «в очередь», чтобы быть освоенными, встроиться в целостность жизни, пройдя через воображение художника: «*Предметы*, едва названные на словах, стали не шутя вырисовываться в раме упоминания» [Пастернак 1989: 422]; «В стихотворение, точно через окно в комнату, врываются с улицы свет и воздух, шум жизни, вещи, сущности. *Предметы* внешнего мира, *предметы* обихода, имена существительные, теснясь и насадая, завладевали строчками, вытесняя вон менее определенные части речи. *Предметы*, *предметы*, *предметы* рифмованной колонной выстраивались по краям стихотворения» [Пастернак 1989: 273]. Творческий процесс, раскрывая экзистенциальное содержание предмета, превращает его в вещь, что в поэтике Пастернака означает живое единство и целостность всего существующего.

Таким образом, «предметный мир» и «вещный мир» представляют собой разные уровни осмысления художественного пространства в романе «Доктор Живаго». «Предметный мир», то есть мир, явленный глазу, относится к поэтике и эстетике зримости. Визуальность, вырастающая на аристотелевском понимании зрения как «интеллектуального чувства» и «основы познания», является главным модусом творческой рефлексии Пастернака и отражает авторское созерцательное отношение к реальности. «Поле человеческого опыта являет собой систему», в которой «принципом кодирования повседневности выступает наглядность», – отмечает Т.Г. Струкова [Струкова: 80]. Зрительный образ повседневности, незаметной и обычной в своей беско-

нечности и повторяемости и вместе с тем имеющей в романе привилегированно онтологический статус, предстает как инвариант зрительного воспринимаемого образа памяти, который является основным местом и временем действия в сюжете.

«Вещный мир» выражает оценку действительности повествователем, чье мировосприятие во многих случаях предельно сближено с позицией главного героя, и строится на оппозиции лексем «вещь» и «предмет». С их помощью, т.е. на основе условного зрительного образа в повествовательной ткани реализуются «готовые/кодовые» философские обобщения, которые дифференцируются в зависимости от ситуаций. «Вещность» соотносится с идеей непосредственного контакта бытового и бытийного, с экзистенцией обжитого пространства и времени (хронотопа), основанного на связи смыслов, образующих память. Напротив, «предметность» связана с хронотопом забвения и небытия, куда входят разнообразные формы необжитого пространства и времени, искажения реальности, ее раздробленности, омертвелости. Хаосу «развеществления» мира в сюжете романа противопоставлен вечный процесс творения, восстанавливающий целостность бытия.

Примечания

¹ Для сравнения: И.В. Гете «Фауст» (1774–1831 гг. – 60 лет), Сервантес «Дон Кихот» (1605–1615 гг. – 10 лет), Г. Флобер «Искушения святого Антония» (1845–1874 гг. – 29 лет), И. Гончаров «Обломов» (1847–1859 – 12 лет).

² Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы» – 12 книг в романе, Н.С. Лесков «Некуда» – 3 книги, В.П. Астафьев «Прокляты и убиты» – 2 книги.

³ Кириллова И.В. Феномен финальной книги в русской прозе XX века: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 228 с.

Список литературы

Автухович Т. «Рождественская звезда» Бориса Пастернака и Иосифа Бродского: условный экфрасис как интерпретация евангельского сюжета // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica. 2015. № 8. С. 99–110. URL: <http://dSPACE.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/12391> (дата обращения: 26.09.20).

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 317 с.

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. URL: <http://scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/podvedenie-pod-izvestnyiy-26221.htm> (дата обращения: 27.09.20).

Бондарев А.П. Замысел и воплощение // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 23 (734). С. 7–37.

Бройтман С.Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». М.: Прогресс-Традиция, 2007. 607 с.

Буров С.Г. Полигенетичность художественного мира романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: дис. ... докт. филол. наук. Ставрополь, 2011. 650 с.

Быков Д.Л. Борис Пастернак. (Сер.: ЖЗЛ). URL: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/bykov-pasternak-zhzh/glava-xlii-doktor-zhivago.htm> (дата обращения: 26.09.20)

Вейдле В.В. Стихи и проза Пастернака // Современные записки. 1928. № 36. С. 459–470.

Волкова А.Г. Языковая репрезентация события: прием перечисления в византийской церковной поэзии // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С. 5–16.

Гаспаров Б. Борис Пастернак. По ту сторону поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 272 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

Грякалов А.А. «Монодрамы вещей» и субъективность: пределы забвений и незабвенное // *Mixtura verborum'* 2012: сила простых вещей – 2: философский ежегодник / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2013. С. 3–28.

Жиличева Г.А. Тайники, завесы, покровы, откровения. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: коллектив. монография; под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014. 512 с.

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.

Исупов К.Г. Мессианизм и вестничество // Исупов К.Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. С. 347–505.

Карасев Л.В. Флейта Гамлета: очерк онтологической поэтики. URL: http://www.telenir.net/kulturologija/fleita_gamleta_ocherk_ontologicheskoi_royetiki/p2.php (дата обращения: 26.09.20).

Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 250 с.

Лейдерман Н.Л. Теория жанра: науч. Издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник», УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.

Лотман Ю.М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам. IV. Ученые записки ТГУ. Тарту, 1969. Вып. 236. С. 206–238.

Маринчак В.А. Антиостранение в поэтике Пастернака // Настоятельность сказанного. Катастрофическое – сокровенное – сакральное в искусстве слова / Харьковская правозащитная группа. Харьков: Права людини, 2010. 344 с.

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. Куйбышев: Куйбышев кн. изд-во, 1989. 528 с.

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4: Повести; Статьи; Очерки. М.: Худ. литература. 1991. 910 с.

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Письма. М.: Худ. литература, 1992. 703 с.

Сегал Д.М. О некоторых аспектах смысловой структуры «Грифельной оды» // Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. М.: Водолей, 2006. С. 253–301.

Синяевский А. Некоторые аспекты поздней прозы Пастернака // Boris Pasternak and his times. Selected papers from the second international symposium on Pasternak. Berkeley slavic specialties, 1989. P. 359–371.

Смирнов И.П. Олитературное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. 264 с.

С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. М.: Советский писатель, 1990. 288 с.

Струкова Т.Г. Проблема обыденности в дискурсе о литературе // Вестник ВГУ. 2017. № 1. С. 72–83.

Судосева И.С., Тюпа В.И. Интерьеры // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: коллектив. монография; под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014. С. 250–263.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 334 с.

Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе. URL: <http://ec-dejavu.ru/v/Vesh.html#toporov> (дата обращения: 26.09.20).

Флоренский П.А. Анализ пространственности // Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил: Русская книга, 1993а. 366 с.

Флоренский П.А. Небесные знамения // Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил: Русская книга, 1993б. 366 с.

Хайдеггер М. Исток художественного творения. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Ist_intro.php (дата обращения: 26.09.20).

Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Рад. шк., 1989. 511 с. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-cyganenko/cyg-p.htm> (дата обращения: 12.02.2020).

Чудаков А.П. Вещь в мире Гоголя // Гоголь: история и современность: сб. ст. М.: Советская Россия, 1985. 496 с.

Чудаков А.П. Предметный мир литературы (к проблемам категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. 251–291 с.

Шаламов В. Переписка с Пастернаком Б.Л. URL: <https://shalamov.ru/library/24/1.html> (дата обращения: 12.02.2020).

Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. 399 с. URL: <https://>

lexicography.online/etymology/shansky (дата обращения: 12.02.2020).

Шпаковский И.И. «Непреднамеренный жанр нечаянного моего писания равен дневнику»: о жанровом своеобразии «Нечаянния» Б. Ахмадулиной // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2010. С. 129–135.

Штайн К.Э. К вопросу о семиологии первого произведения // Первое произведение как семиологический факт: сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 1997. Вып. 2. С. 4–13.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Renaissance IV Ewo-S&D, 1991. 85 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=104497&p=85> (дата обращения: 12.02.2020).

Эпштейн М.Н. Вещь и слово. О лирическом музее // Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. С. 304–333.

Эпштейн М.Н. Хасид и талмудист. Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда. 2000. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/4/hasid-i-talmudist-sravnitelnyj-opyt-o-pasternake-i-mandelshtame.html> (дата обращения: 12.02.2020).

Эпштейн М.Н. De'but de siecle, или От пост-к прото-. Манифест нового века // Знамя. 2011. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/> (дата обращения: 12.02.2020).

Howard W. Polsky, Yaella Wozner. Everyday Miracles. The Healing Wisdom of Hasidic Stories. Northvale, New Jersey. London, 1989, 497 p.

References

Avtukovich T. «Rozhdestvenskaya zvezda» Borisa Pasternaka i Iosifa Brodskogo: uslovny'j e'kfrasis kak interpretaciya evangel'skogo syuzheta [«Christmas Star» by Boris Pasternak and Joseph Brodsky: conventional ephrasid as an interpretation of the Gospel story]. URL: <http://dSPACE.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/12391> (access date: 26.09.20). (In Russ.)

Askol'dov S.A. *Koncept i slovo* [The concept and the word]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology]. Moscow, Academia Publ., 1997, 317 p. (In Russ.)

Bogin G.I. *Obretnenie sposobnosti ponimat'*: *Vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku* [Gaining the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics]. URL: <http://scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/podvedenie-pod-izvestnyiy-26221.htm> (access date: 27.09.20). (In Russ.)

Bondarev A.P. *Zamy'sel i voploshhenie* [Idea and the reality]. *Vestnik MGLU* [Bulletin MSLU], 2015, № 23 (734), pp. 7–37. (In Russ.)

Brojtman S.N. *Poe'tika knigi Borisa Pasternaka «Sestra moya -zhizn'»*. [Poetics of Boris Pasternak's book «My Sister - Life»]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2007, 607 p. (In Russ.)

Burov S.G. *Poligenetichnost' xudozhestvennogo mira romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago»*: dis. ... dokt. filol. nauk [The polygenetic nature of the artistic world of the novel by B. L. Pasternak «Doctor Zhivago»: DSc thesis]. Stavropol', 2011, 650 p. (In Russ.)

By'kov D.L. *Boris Pasternak. ZhZL* [Boris Pasternak. LRP]. URL: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/bykov-pasternak-zhzh/glava-xlii-doktor-zhivago.htm> (access date: 26.09.20). (In Russ.)

Vejdle V.V. *Stixi i proza Pasternaka* [Poems and prose of Pasternak]. *Sovremennyy'e zapiski* [Modern notes], 1928, № 36, pp. 459–470. (In Russ.)

Volkova A.G. *Yazykovaya reprezentaciya sobytiya: priem perechisleniya v vizantijskoj cerkovnoj poezii* [Language representation of the event: method of enumeration in Byzantine church poetry]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2014, № 4 (28), pp. 5–16. (In Russ.)

Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 144 p. (In Russ.)

Gasparov B. *Boris Pasternak. Po tu storonu poe'tiki* [Boris Pasternak. On the other side of poetics poetics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, 272 p. (In Russ.)

Gryakalov A.A. «*Monodramy' veshhej*» i sub'ektivnost': *predely' zabvenij i nezabvennoe* [«Monodrama of things» and subjectivity: the limits of forgetfulness and the unforgettable]. *Mixtura verborum' 2012: sila prosty'x veshhej-2: filosofskij ezhegodnik* [Mixtura verborum' 2012: the power of simple things-2: philosophical yearbook]. Samara, Samar. gumanit. akad. Publ., 2013, pp. 3–28. (In Russ.)

Zhilicheva G.A. *Tajniki, zavesy', pokrovy', otkroveniya*. [Hiding places, curtains, cover, revelation]. *Poe'tika «Doktora Zhivago» v narratologicheskom prochtenii. Kollektivnaya monografiya* [Poetics of «Doctor Zhivago» in narratological reading. Collective monography]. Moscow, Intrada Publ., 2014, 512 p. (In Russ.)

Zholkovskij A.K., Shheglov Yu.K. *Raboty' po poe'tike vy'razitel'nosti: Invarianty' – Tema – Priemy' – Tekst* [Works on the poetics of expression: Invariants - Theme - Techniques - Text]. Moscow, AO Izdatel'skaya gruppa «Progress» Publ., 1996, 344 p. (In Russ.)

Isupov K.G. *Messianizm i vestnichestvo* [Messianism and heraldism]. Isupov K.G. *Sud'by' klassicheskogo naslediya i filosofsko-e'stetcheskaya kul'tura Serebryanogo veka* [The fate of the classical heritage and the philosophical and aesthetic culture of the Silver Age]. Saint Petersburg, Russkaya xristianskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2010, pp. 347–505. (In Russ.)

Karasev L.V. *Flejta Gamleta: ocherk ontologicheskoy poe'tiki* [Hamlet's flute: an essay on ontological poetics]. URL: http://www.telenir.net/kulturologija/fleita_gamleta_ocherk_ontologicheskoi_poyetiki/p2.php (access date: 26.09.20). (In Russ.)

Kornev V.V. *Filosofiya povsednevny'x veshhej* [Philosophy of everyday things]. Moscow, OOO «Yunajted Press» Publ., 2011, 250 p. (In Russ.)

Lejderman N.L. *Teoriya zhanra: Nauchnoe izdanie* [Genre theory: Scientific publication]. Ekaterinburg, Institut filologicheskikh issledovaniy i obrazovatel'nykh strategiy «Slovesnik» UrO RAO; Ural. gos. ped. un-t. Publ, 2010, 904 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. *Stixotvoreniya rannego Pasternaka i nekotory'e voprosy` strukturnogo izucheniya teksta* [Poems of early Pasternak and some questions of the structural study of the text]. *Trudy` po znakovy'm sistemam. IV. Ucheny'e zapiski TGU* [Works on sign systems. IV. Scientific notes of TSU]. Tartu, 1969, vol. 236, pp. 206–238. (In Russ.)

Marinchak V.A. *Antiostranenie v poe'tike Pasternaka* [Anti-alienation in the poetics of Pasternak]. *Nastoyatel`nost` skazannogo. Katastroficheskoe – sokrovennoe – sakral`noe v iskusstve slova* [The urgency of what was said. Catastrophic - intimate - sacred in the art of the word]. *Xar`kovskaya pravozashhitnaya gruppya* [Kharkiv human rights group]. Kharkiv, Prava lyudini Publ., 2010, 344 p. (In Russ.)

Pasternak B.L. *Doktor Zhivago: roman* [Doctor Zhivago. Novel]. Kuibyshev, Kuibyshev. kn. izd-vo Publ., 1989, 528 p. (In Russ.)

Pasternak B.L. *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 4: Povesti; Stat'i; Ocherki.* [Collected works: in 5 vols. Vol. 4: Stories; Articles; Essays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991, 910 p. (In Russ.)

Pasternak B.L. *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 5: pis`ma* [Collected works: in 5 vols. Vol. 5: Letters]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1992, 703 p. (In Russ.)

Segal D.M. *O nekotory'x aspektax smy'slovoj struktury` «Grifel'noj ody`»* [On some aspects of the semantic structure of the «Slate ode»]. Segal D.M. *Literatura kak oxrannaya gramota* [Literature as a protection certificate]. Moscow, Vodoley Publ., 2006, pp. 253–301. (In Russ.)

Sinyavskij A. *Nekotory'e aspekty` pozdnej prozy` Pasternaka* [Some aspects of Pasternak's late prose]. *Boris Pasternak i yego vremya. Izbrannyye doklady vtorogo mezhdunarodnogo simpozium, posvyashchennogo Pasternaku* [Boris Pasternak and his times. Selected papers from the second international symposium on Pasternak]. Berkeley, Berkeley slavic specialties Publ., 1989, pp. 359–371. (In Russ.)

Smirnov I.P. *Oliteraturnoe vremya. (Gipo) teoriya literaturny'x zhanrov.* [Oliterated time. (Hypo)

theory of literary genres]. Saint Petersburg, Izd-vo RXGA Publ., 2008, 264 p. (In Russ.)

S razny'x toчек zreniya: «Doktor Zhivago» B. Pasternaka [From different points of view: «Doctor Zhivago» by B. Pasternak]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990, 288 p. (In Russ.)

Strukova T.G. *Problema oby`dennosti v diskurse o literature* [The problem of the ordinary in the discourse on literature]. *Vestnik VGU* [Bulletin VSU], 2017, № 1, pp. 72–83 (In Russ.)

Sudoseva I.S., Tyupa V.I. *Inter`ery`* [Interiors]. *Poe'tika «Doktora Zhivago» v narratologicheskoy prochtenii. Kollektivnaya monografiya* [Poetics of «Doctor Zhivago» in a narratological reading. Collective monograph]. Moscow, Intrada Publ., 2014, pp. 250–263. (In Russ.)

Tomashevskij B.V. *Teoriya literatury`. Poe'tika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 334 p. (In Russ.)

Toporov V.N. *Veshh` v antropocentricheskoy perspektive* [A thing in an anthropocentric perspective]. URL: <http://ec-dejavu.ru/v/Vesh.html#toporov> (access date: 26.09.20). (In Russ.)

Florenskij P.A. *Analiz prostranstvennosti.* [Analyses of spatiality]. Florenskij P.A. *Ikonostas: Izbranny'e trudy` po iskusstvu.* [Iconostasis. selected works of art]. Saint-Petersburg, Mifril, Russkaya kniga Publ., 1993a, 366 p. (In Russ.)

Florenskij P.A. *Ikonostas: Izbranny'e trudy` po iskusstvu* [Iconostasis: Selected Works on Art]. Saint Petersburg, Mifril, Russkaya kniga Publ., 1993b, 366 p. (In Russ.)

Xajdegger M. *Istok xudozhestvennogo tvoreniya* [The origin of artistic creation]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Ist_intro.php (access date: 26.09.20). (In Russ.)

Cyganenko G.P. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Kiev, Rad. shk. Publ., 1989, 511 p. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-cyganenko/cyg-p.htm> (access date: 12 February 2020). (In Russ.)

Chudakov A.P. *Veshh` v mire Gogolya* [The thing in Gogol's world]. *Gogol`: istoriya i sovremennost`: sbornik statej* [Gogol: History and Modernity: digest of articles]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985, 496 p. (In Russ.)

Chudakov A.P. *Predmetny`j mir literatury` (k problemam kategorij istoricheskoy poe'tiki)* [The subject world of literature (on the problems of categories of historical poetics)]. *Istoricheskaya poe'tika. Itogi i perspektivy` izucheniya.* [Historical poetics. Results and prospects of the study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 251–291. (In Russ.)

Shalamov V. *Perepiska s Pasternakom B.L.* [Correspondence with Pasternak B.L.]. URL: <https://shalamov.ru/library/24/1.html> (access date: 26.09.20). (In Russ.)

Shanskiy N.M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian

language]. Moscow, Drofa Publ., 2000, 399 p. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (access date: 12.02.2020). (In Russ.)

Shpakovskij I.I. «Neprednamerennyj zhanr ne-chayannogo moego pisaniya raven dnevniku»: o zhanrovom svoeobrazii «Nechayaniya» B. Akhmadulinoj [«The unintentional genre of my unintentional writing is equal to the diary»: about the genre originality of «An accident» by B. Akhmadulina]. *Russkaya i belorusskaya literatury` na rubezhe XX—XXI vv.: sbornik nauchny`x statej: v 2 ch. CH. 1* [Russian and Belarusian literature at the turn of the XX-XXI centuries: collection of scientific articles. In 2 hours. Part 1]. Minsk, RIVSh Publ., 2010, pp. 129–135. (In Russ.)

Shtajn K.E`. *K voprosu o semiologii pervogo proizvedeniya*. [To the question of the semiology of the first work]. *Pervoe proizvedenie kak semiologicheskij fakt: Sbornik statej nauchno-metodicheskogo seminar «Textus»* [A collection of articles of the scientific and methodological seminar «Textus»]. Saint Petersburg; Stavropol, Izd-vo SGU Publ., 1997, vol. 2, pp. 4–13. (In Russ.)

E`pshtejn M.N. *Veshh`i slovo. O liricheskom muzee* [The thing and the word. About the lyric museum]. E`pshtejn M.N. *Paradoksy` novizny`* [Paradoxes of novelty]. Moscow, Sovetskij pisatel` Publ., 1988, pp. 304–333. (In Russ.)

E`pshtejn M.N. *Xasid i talmudist. Sravnitel`nyj opyt` o Pasternake i Mandel`shtame* [Hasid and Talmudist. Comparative experience about Pasternak and Mandelstam]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/4/hasid-i-talmudist-sravnitelnyj-opyt-o-pasternake-i-mandelshstame.html> (access date: 26.09.20). (In Russ.)

E`pshtejn M.N. *De`but de siecle, ili Ot post- k proto-. Manifest novogo veka* [De`but de siecle, or From post- to proto-. New Age Manifesto]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/> (access date: 26.09.20). (In Russ.)

Yung K.G. *Arxetip i simvol* [Archetype and symbol]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=104497&p=85> (access date: 26.09.20). (In Russ.)

ОБРАЗ В ТЕОРИИ ЧТЕНИЯ М.О. ГЕРШЕНЗОНА

Работа посвящена теории чтения М.О. Гершензона в двойном отражении: с одной стороны, представлений о мифотворчестве, характерных для периода рубежа XIX–XX веков, с другой – критических выступлений по поводу стратегии интерпретации произведения, предложенной ученым. В статье рассматриваются принципы построения теоретической мысли Гершензона, которые позволяют по-новому увидеть именно такая двойная фокусировка. Полагая медленное чтение не методом, а искусством раскрытия видения поэта, Гершензон обращал мифотворческий потенциал поэзии (в широком понимании) в процессе толкования на само интерпретируемое произведение. Искусство чтения сродни искусству поэзии (художественного творчества), призванного найти в слове его живой источник – миф, возродить «тайнодействие слова». Так поэтический образ становится одновременно образом мысли, сливаясь с ним, влияя на саму форму мысли. Здесь ученый развивает, с одной стороны, теорию поэтического слова А.А. Потебни, с другой – опирается на понятие образа-посредника у А. Бергсона. Образ становится доминантой теории чтения Гершензона. В критике принципов медленного чтения отразился переход к формальному пониманию эволюции художественного творчества как стирания метафоры и устаревания приема.

Ключевые слова: теория литературы, теория чтения, М.О. Гершензон, искусство медленного чтения, миф, «Видение поэта», критика принципов медленного чтения

Информация об авторе: Смирнова Наталья Николаевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия

E-mail: nnsmirnova@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.08.2020

Для цитирования: Смирнова Н.Н. Образ в теории чтения М.О. Гершензона // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 148-154. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-148-154>

Natal'ya N. Smirnova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

IMAGE IN MIKHAIL GERSHENZON'S THEORY OF READING

The work is devoted to the theory of reading by Mikhail Gershenzon in a double reflection – on the one hand, ideas about myth-creatin specific to the period at the turn of the 19th–20th centuries, on the other hand, critical statements on interpretation strategy, suggested by the scholar. The article discusses the principles of constructing Mikhail Gershenzon's theoretical ideas in the double focusing view. Considering slow reading not as a method, but as the art of revealing the poet's vision, Mikhail Gershenzon drew the myth-making potential of poetry (in a broad sense) in the process of interpretation to the interpreted work itself. The art of reading is akin to the art of poetry (artistic creativity), designed to find in the word its living source – myth – to revive the “mystery of the word”. Thus, the poetic image becomes at the same time a way of thinking, merging with it, influencing the very form of thought. Mikhail Gershenzon developed, on the one hand, the theory of the poetic word of Alexander Potebnja, on the other hand, relies on Henri-Louis Bergson's concept of médiatrice image. Poetic image becomes the dominant feature of Mikhail Gershenzon's reading theory. The criticism of the principles of slow reading reflected the transition to a formalists view on of evolution of artistic creativity as erasure of metaphor and obsolescence of technique.

Keywords: theory of literature, theory of reading, Mikhail Gershenzon, art of slow reading, myth, “Poet's Vision”, slow reading principles criticism

Information about the author: Natal'ya N. Smirnova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: nnsmirnova@mail.ru

Article received: August 11, 2020

For citation: Smirnova N.N. Image in Mikhail Gershenzon's Theory of Reading. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 148-154 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-148-154>

Более ста лет минуло с тех пор, как М.О. Гершензон определил в программной работе «Видение поэта» (1911–1919) важнейшие принципы *медленного чтения*, ставшие объектом пристального внимания поколений литературоведов и вошедшие в золотой фонд отечественного и мирового гуманитарного знания. Многие говорят о методе медленного чтения, в то время как сам ученый называл свой подход искусством [Гершензон IV: 306]¹. Искусство чтения сродни искусству поэзии (в широком смысле, художественного творчества), призванного найти в слове его живой источник – миф.

В данной работе будет сделан акцент на особенностях теоретического мышления Гершензона, включавшего в свою исследовательскую программу элементы мифотворческого видения мира. Эти особенности рельефно выделились в свете критических выступлений оппонентов «медленного чтения». Аргументы Б.В. Томашевского, высказывавшегося против метафорического толкования пушкинских образов, наиболее отчетливо высветили существенные черты принципов Гершензона-теоретика.

Современные исследователи видят в мифотворческом потенциале медленного чтения его ключевые особенности в духе поэтической традиции Серебряного века в целом [Проскурина, 66, 366–383; Ханзен-Леве: 6–37]. Однако для самого Гершензона его принципы интерпретации были выходом в пространство изучения языка как единого становящегося здания бытия.

Гершензон еще с 1900-х гг. обдумывает, а затем и оформляет свое видение поэзии как формы новой метафизики, где язык приобретает центральное значение [Смирнова 2018: 5–74, 146–184]. По мнению ученого, несмотря на преодоление древнего синкретизма, современная наука продолжает развивать те же мыслительные импульсы, что и воображение первобытного человека, в котором содержались «прообраз и семя нынешнего научного знания» [Гершензон I: 303]. Гершензон подвергает тщательному анализу поэтическое слово Пушкина до тех пор, пока не обнаруживает в нем те самые образы элементарных стихий, несущих в себе энергию жизни – вечного «*движения, полного разумности*», которое и есть «*Огонь, он же Логос Гераклита*» (Гольфстрем, 1922) [Гершензон I: 303]. Видение поэзии Пушкина становится для ученого начальным чертежом, заготовкой плана нового здания бытия.

Используя в своих теоретических построениях отсылающий к мифу сокрытый смысл образов (таких как первоэлементы материи: *огонь, вода, воздух*), Гершензон как будто бы пренебрегает историческим временем в пользу абсолютного, в котором существует и вечно творится миф. Он порывает с историзмом в духе культурно-исторической

школы и приближается к осмыслению эволюции искусства посредством смены индивидуальных взглядов на творчество, но *не с точки зрения самого творца, как это сделали формалисты, а с позиции читающего, и в процессе чтения создающего новую историческую реальность*. Ученый неизбежно мифологизирует прошлое, сознательно допуская анахроническое видение, в частности, сокращающее дистанцию между временами². Сам Гершензон так выражал это свое стремление: «...будь моя воля, я пошел бы ногами не по полу, а вверх, я стал бы временами жить не в будущее, а назад в молодость и дальше в детство <...> а завтра хотел бы воздвигнуть опять Ассирийское царство»³. В этом взгляде, кроме прочего, совмещены личная и мировая история. Классический филолог по образованию, Гершензон видит в мифе ключ к преодолению времени, разгадке тайн мироздания: в движении «гольфстремов духа» от Гераклита к Пушкину открывается путь тайнодействию огненной стихии духа: «Поэзия есть искусство слова, и действие, производимое ею, есть тайнодействие слова. Поэтому правильно читать поэта способен лишь тот, кто умеет воспринимать слово. Между тем в наше время это умение почти забыто. Сам Пушкин многократно с горечью утверждал, что только поэт понимает поэта, толпа же тупо воспринимает поэзию и оттого судит о ней бессмысленно. Наше слово прошло во времени три этапа: оно родилось как миф; потом, когда драматизм мифа замер и окаменел в слове, оно стало метафорой, и, наконец, образ, постепенно бледнея, совсем померк – тогда остался безобразный, бесцветный, безуханный знак отвлеченного, то есть родового, понятия. Таковы теперь почти все наши слова. Но поэт не знает мертвых слов...» [Гершензон I: 220].

При этом Гершензон подчеркивает *неметафоричность* пушкинского (и всякого подлинно поэтического) образа [Гершензон I: 172]. Подлинность, неметафоричность образа определяют его познавательное значение как изначального *мифа*. Художественное творчество есть постижение тех древних законов, добытых опытом предков, к которым должно привести человечество и развитие современной науки, как это описано в финале книги *Гольфстрем*: наука и древнее знание, воплощенное в мифе, должны встретиться в некоторой условной точке будущего. Путь от Пушкина к Гераклиту через огненные «гольфстремы духа» и далее в глубь веков, к огненной стихии ветхозаветного Бога определяет парадигму всего исследования, в котором поэтическое мышление в его изначальном синкретическом виде (видящем в образе подлинную реальность, а не фигуру речи) подспудно внедряется в теоретическое.

Именно такая парадигма исключалась из рассмотрения оппонентами Гершензона, выступавшими с критикой принципов медленного чтения. Так,

важнейшие возражения против принципов медленного чтения были сформулированы Б.В. Томашевским в 1925 году.

Томашевский так выражает свое понимание сущности принципов медленного чтения Гершензона: «Медленное чтение применяется к разгадыванию загадочных картинок, к выискиванию “запратанных” намеков, к воссозданию того духовного строя, который объяснил бы закономерность этих намеков. Медленное чтение процеживает текст для уловления этих намеков» [Томашевский: 66]. Одно из возражений прямо касается принципа замедления: «Художественная речь, особенно речь стихотворная, ритмическая, обладает своим, присущим ей эстетическим темпом. Ускоряя и замедляя ее – мы разрушаем эстетический принцип ее построения, снимаем “конструктивный” принцип» [Томашевский: 67]. Здесь, конечно, следует обратить внимание на то, что для Гершензона медленное чтение никогда не было чтением, только замедляющим поток восприятия; это – лишь второй этап чтения, перечитывание. Гершензон и сам всегда утверждал, что сначала необходимо получить целостное впечатление от произведения. Другое возражение Томашевского, являясь продолжением предыдущего, затрагивает самые основы понимания поэтического языка: «Смысл принадлежит не словам, а фразам. Фраза имеет некоторое единство интонационного порядка, а одним из слагаемых интонации является темп. Замедляя чтение, мы как бы переакцентируем (в смысловом, логическом плане) речь, разбивая ее на более мелкие фразы... Смыслы начинают копошиться там, где их не было, каждое слово начинает выскакивать из контекста, вырабатывая себе какую-то суррогатную фразовую среду» [Томашевский: 67]. Утверждая, что «в прочно построенном художественном произведении значение слова определяется всецело контекстом», Томашевский ограничивает понятие контекста до рамок данного конкретного произведения. Вместе с тем контекстом даже такого широкого исследования пушкинского языка, как «Гольфстрем», является все творчество Пушкина⁴. Говоря о том, что значение слова за пределами контекста данного произведения неизбежно рождает в субъективном восприятии читателя «паразитические ассоциации», не имеющие отношения к данному произведению и выражающие произвол интерпретатора, Томашевский уточняет: «Субъективны они в том смысле, что характеризуют не произведение в его единственном значении, а самопроизвольно возникающие у читателя мысли, определяемые его, читательской, психикой» [Томашевский: 67].

Однако с позиции Гершензона, как уже отмечалось, слово содержит в своем ядре «первоначальный миф», что по сути прямо противоположно пониманию субъективности. Здесь ученый наследует традицию мысли А.А. Потебни, согласно которой

слово, миф и поэтическое произведение имеют в своем генезисе структурную общность, а именно: они носят в себе отпечаток познавательного акта, основанного на переносе, смещении значения с уже известного (познанного) на неизвестное таким образом, что все свойства первого, зафиксированные в значении первообразной смысловой единицы, целиком переносятся в познаваемое (еще не известное), становясь его неотъемлемой частью, *знаком значения* вновь образованной смысловой единицы. Этот перенос значения образует, в частности, *внутреннюю форму слова*, которая может осознаваться или не осознаваться носителем языка. По мнению Потебни, перенос значения не осознается в мифологии и на ранних этапах словесного творчества, соответственно, факт иносказания там не отмечается [Потебня: 259–261]. Поэзия в позднем, риторическом, смысле отчетливо свидетельствует об осознании метафоры, и значения метафорических образов четко регламентированы конвенциями той поэтической традиции, к которой принадлежит данное произведение. На это и указывал Томашевский, говоря о «единственном значении» произведения и «безразличных» словах, каковыми являются «постоянные эпитеты, стертые метафоры» [Томашевский: 68]. Как можно заметить, дело здесь далеко не в скорости восприятия, ведь Гершензон утверждал, что «поэт не знает мертвых слов» [Гершензон I: 220], и поэзия Пушкина не знает метафор в этом позднем смысле (см.: [Гершензон I: 172]).

Иными словами, принципы медленного чтения предполагают также особое понимание поэтического слова как вечно живого, обновляющегося в каждом поколении творцов, и в то же время вечно, первобытного, в котором слышен голос далеких предков. Они предполагают понимание поэтического слова, живущего в *мифическом* способе мышления, как характеризовал это Потебня: «Образ считается объективным и потому целиком переносится в значение и *служит основанием для дальнейших заключений о свойствах означаемого*» (выделено мной. – Н. С.) [Потебня: 243]. Тогда огонь будет не метафорой сильного чувства, а реальным огнем. Таков, например, образ «горючего сердца»: «Отвлекаясь от того, что *сердце* в смысле душевных движений есть переход от орудия к действию (метонимия), для поэтического (нашего) мышления *горючесть* сердца есть *метафора*⁵. Если же приписать горючести собственное значение, это будет обозначение предмета по признаку, в нем заключенному, мыслимому в нем *implicite*, следовательно, от части к целому, синекдоха» [Потебня: 243]. Потебня приводит выдержку из «Истории России с древнейших времен» С. Соловьева о событиях около 27 июня 1547 года: «Здесь царский духовник, благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский,

Иван Петрович Челяднин начали говорить, что Москва сгорела волшебством: чародеи вынимали сердца человеческие, мочили их в воде, водою этою кропили по улицам – от этого Москва и сгорела» [цит. по: Потебня: 243]. Из такого мифического способа мышления исходит Гершензон, говоря об огненной природе духа в понимании Пушкина, которую он выводит из образов поэта, считая их недвусмысленными, неметафорическими. Однако для Томашевского пылающее сердце у Пушкина – галлицизм, имеющий «в лучшем случае оттенок гиперболю» [Томашевский: 68]. Итак, сущность возражений против принципов медленного чтения – в самом понимании специфики литературы и природы поэтического слова.

Гершензон вслед за Потебней понимал литературу как «поэтическое слово», поэзию в широком смысле и также вслед за Потебней, совмещавшем в одном фокусе развитие поэтического слова и языка, рассматривал поэзию как деятельность (развивая известную формулировку В. фон Гумбольдта)⁶. Гершензон вскрывает в интерпретируемом образе его внутреннюю форму, анализируя, что было заимствовано из предыдущего образа и что является знаком значения образа актуального («представление» как основа внутренней формы, по Потебне), считая только этим предыдущим образом «первобытный миф». Наследуя психологическому направлению в литературоведении, и опять-таки в трактовке Потебни, автор «Мудрости Пушкина» (1912–1919), «Видения поэта» и «Гольфстрема» изучает жизнь поэтического слова в сознании читателя, с той существенной разницей, что Потебня эту жизнь рассматривал как эволюцию слова (переход представления из одного слова в другое, затем его забвение, переход нового представления... и т. п.) и, следовательно, эволюцию смысла [Потебня: 222], а Гершензон – как эволюцию восприятий первобытных смыслов, по отношению к которым читающий и пишущий выступают практически в равных позициях – в акте самопознания приобщаясь к мифу [Гершензон IV: 300, 316].

При этом теоретические основы интерпретации поэтического произведения, заложенные Потебней, не были осмыслены последователями в полной мере⁷. Говоря, что каждое прочтение неизбежно субъективно, ученый тем не менее выделил несколько важнейших следствий самой объективности существования образа, которыми следует руководствоваться. Так, «вечность» образа далеко не означает неизменности его значения⁸. Сам образ обладает некоторыми качествами, которые привлекают к нему внимание, заставляют его переосмысливать: «Не подлежит сомнению, что ценность поэтического произведения, его живучесть или то, в силу чего оно целые века переходит из уст в уста, то, почему, например, известная пословица служит правилом в жизни, решении споров, – это зави-

сит не от того неопределенного *X*, которое стояло перед первым создателем в виде вопроса, и не от того объяснения, которое дал бы сам автор или посторонний критик, а от неопределенной силы сцепления элементов самого образа» (выделено мной. – Н. С.) [Потебня: 231]. Именно сцепление элементов подлежит прочтению, но так как и значение не является исторически неизменным, а какие-то из предыдущих представлений могут забыться, каждое событие перечитывания сохраняет образ в жизни народа. Отсюда, «мы должны заботиться о том, чтобы объяснить состав и внутреннюю форму произведения и приготовить читающего к созданию своего значения, – но не более; если же мы сами сообщаем значение, то в этом случае не объясняем, а только говорим, что сами думаем по поводу данного поэтического произведения. Итак, мы должны признать относительную неподвижность образа и изменчивость его значения» (выделено мной. – Н. С.) [Потебня: 232].

Вместе с тем изменчивость значения образа не была той необходимой характеристикой, которая учитывалась бы в практике медленного чтения самим Гершензоном, обращавшимся к «первобытному мифу» как онтологически неизменному. Признать изменчивость значений было бы почти равносильно признанию эволюции видений⁹. Глубина образа бесконечна, но он не изменчив, как слова естественного языка. Более того, по мнению Гершензона, есть слова, которые в полной мере хранят в себе древнее значение. Им посвящены «Мудрость Пушкина» и «Гольфстрем», эссе «Дух и душа. Биография двух слов» (1918) и «Демоны глухонемые» (1922). Такая характеристика, как *беспределельность* образа, может вводить в заблуждение, поскольку и для Потебни «значение образа беспредельно» [Потебня: 233], и для Гершензона, но только в том смысле, что его нельзя охватить весь целиком, хотя он и существует как одно (как Бог и человек, согласно автору «Ключа веры» (1922), в конце времен «будут одно» [Гершензон IV: 165]. Иначе говоря, для Потебни эта беспредельность вырастает за счет бесконечного развития языка, для Гершензона же она – лишь следствие неспособности человека четко видеть в творении картину грядущего совершенства, из-за чего и возможна эволюция восприятий одного и того же образа.

Важным инструментом осознания читателем видения поэта (то есть инструментом медленного чтения) является «образ-посредник» (*image médiatrice*) А. Бергсона, вдохновивший Гершензона. В «Видении поэта» он приводит обширную цитату из речи французского философа на конгрессе в 1911 году в Болонье о некоем сущностном единстве иногда столь разнообразных, обусловленных различными историческими обстоятельствами философских систем. Неизменность образа совершенства не подразумевает его полной определен-

ности, узнаваемости, отчетливости для сознания. То, что поэт, художник пытается воплотить в зримом образе, контактирующем с наличной действительностью, – воплощенный образ, – другим своим полюсом затрагивает не само сокровенное, а лишь образ-посредник, неизменно устанавливающий границы выразимого.

Этот же образ, как тень, как призрак, который преследует всякого подлинного мыслителя, преследует и изучающего его творчество, самого внимательного его читателя. Только таким способом, по мнению А. Бергсона, и можно проникнуть в самую суть философской системы, а именно: при помощи этого проводника, образа-посредника, «который еще почти материя, поскольку его можно видеть, и почти дух, поскольку его нельзя более осязать, – того призрака, который не покидает нас, пока мы бродим вокруг системы, и к которому следует обратиться, чтобы получить решительный знак, решительное указание, какое нам занять положение, с какой точки зрения начать рассматривать доктрину» [цит. по: Гершензон IV: 317–318]¹⁰. В формулировке А. Бергсона образ, возникающий у читателя, может никак не совпадать с тем, что был «в голове самого изучаемого мыслителя», но «в то же время был эквивалентным ему, как эквивалентны между собой два перевода на различных языках одного и того же оригинала» [Гершензон IV: 318].

Путь к пониманию образа может проложить только образ. Ссылаясь на знаменитое письмо Л. Толстого Н.Н. Страхову о «сцеплении мыслей» в произведении, которое «составлено не мыслью» [Гершензон IV: 319], Гершензон подчеркивает общность интуиции философа и художника, которым в равной степени предстоит, возможно, то, что и Потебней было названо «*неопределенной силой сцепления элементов самого образа*».

Принципы медленного чтения были сформулированы Гершензоном во многом на основе его пушкиноведческих работ – в определенный исторический момент задача истолкования пушкинского слова становится очевидной. О смене культурных и языковых горизонтов, а также о том, что Пушкин «отделился от своего времени и вышел в открытое море истории, и ему, как Софоклу или Данту, предстоит образы толкованиями и комментариями» высказывался В. Ходасевич¹¹, в оценке которого голос поэта отчетливее, чем историка литературы: «Многое в Пушкине почти непонятно иным молодым поэтам, – потому, между прочим, что они не всегда достаточно знакомы со всем окружением Пушкина, потому, что дух, стиль его эпохи им чужд и остатков его поры они уже не застали. То же нужно сказать о языке. Быть может, они даже следуют пушкинскому завету учиться языку у московской просвирни, но просвирня сама уже говорит не тем языком. Многие оттенки пушкинского словаря, такие многозначительные для нас, – для

них не более как архаизмы. Иные слова, с которыми связана драгоценнейшая традиция и которые вводишь в свой стих с опаской, не зная, имеешь ли внутреннее право на них, – такой особый, сакраментальный смысл имеют они для нас, – оказываются попросту бледными перед судом молодого стихотворца, и не подозревающего, что еще значат для нас эти слова сверх того, что значат они для всех по словарю Даля. Порой целые ряды заветнейших мыслей и чувств оказываются неизъяснимыми иначе, как в пределах пушкинского словаря и синтаксиса, – и вот это заветнейшее оказывается всего только “стилизацией”!»¹² [Ходасевич: 158]. Это – оборотная сторона критического взгляда на принципы медленного чтения: поэт может быть понятен только поэту в русле непосредственной традиции. Там, где происходит разрыв, возможность понимания утрачивается навсегда. Для Гершензона, как «историка литературы», такой непрерывной традиции, передающейся из поколения в поколение, не существовало. Но была другого рода традиция – вне прямой передачи – «гольфстремы духа», несущие сквозь века неизменный первобытный миф. Разрывы в любой исторический период были слишком осязаемы, а иногда и ощущались как трагическая необходимость¹³.

Гершензон полагал, что искусство возрождения первоначального мифа в слове и новое мифотворчество неизбежны в исторический период, в котором утрачена способность видеть в поэзии (и, шире, в художественном творчестве) опыт предков как основание бытия. В эпоху тотального разрушения жизненных устоев понимание строгой исторической обусловленности творческого процесса, его замкнутости в своем времени сужает горизонт новых возможностей. Именно поэтому ученый делает акцент не на стирании метафоры (осколка мифа), а на ее прямом, изначальном, подлинном смысле. Гершензон вводит в исследовательскую программу элементы мифологического мышления, призванные вернуть в поле гуманитарного знания стихию живого языка¹⁴.

Примечания

Архивные материалы: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 746: М.О. Гершензон.

¹ Искусству, равно как и методу Гершензона, было посвящено множество исследований, среди которых можно назвать: [Проскурина; Горовиц; Смирнова 2011: 184–193; Смирнова 2017: 299–328; Смирнова 2018; Смирнова 2020: 186–209; Хрусталева 2009: 288–298; Хрусталева 2011: 97–103; Левит: 56–68 и др.]. Так, работы В.Ю. Проскуриной, А.В. Хрусталевой целиком посвящены методологическим проблемам научного творчества Гершензона. Вместе с тем есть и обыкновение использовать понятие метода в контексте рассуждений об

«искусстве медленного чтения» вне возникающего противоречия между методом и искусством (ср., напр.: [Левит: 56–68]).

² При этом относительно образов, попавших в течение «гольфстремов духа», не только время Пушкина приближается к времени Гераклита, но и, наоборот, совмещаясь в дальней точке ветхозаветной истории. Такой взгляд во многом предвосхищает современные теории, объясняющие исторические корни разрывов между буквальным и метафорическим [Handelman], историческим и анахроническим [Rood, Atack, Phillips].

³ НИОР РГБ. Ф. 746, К. 10. Ед. хр. 40. Л. 25.

⁴ В этом смысле интересно, что, говоря о перспективе составления словаря языка Пушкина, Томашевский отрицал целесообразность создания общего словаря, утверждая, что есть смысл составлять только словари отдельных произведений (см.: [Томашевский: 60–61]).

⁵ То есть когда «образ рассматривается лишь как субъективное средство для перехода к значению и ни для каких дальнейших заключений не служит» [Потебня: 243]. Иными словами, такое сердце не воспламеняется, а горячность только указывает на некоторые душевные свойства (даже не на само *сердце*).

⁶ «Как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить его собственную, так и в искусстве каждый случай понимания художественного образа есть случай восприятия этого образа и создания значения. Отсюда вытекает, что поэзия есть сколько произведения, столько же и деятельность» [Потебня: 232].

⁷ Даже если учесть, что для оппонентов Гершензона, формалистов, представителей ОПОЯЗа, было важнее сделать акцент на специфике литературы (см., например: [Умнова]), и, следовательно, все искажения исходили от неизбежного подчеркивания одной группы значимых элементов в ущерб другой, некоторые искажения меняли позицию Потебни до неузнаваемости. Так, Ю.Н. Тынянов в 1923 году писал о теории образа Потебни: «Несовершенства этой теории теперь более или менее явны. Если *образом* в одинаковой мере являются и обычное, повседневное разговорное выражение – и целая глава “Евгения Онегина”, – то возникает вопрос: в чем же специфичность *поэтического образа*?»

Для Потебни этого вопроса не существовало. Это происходило потому, что центр тяжести он перенес за пределы той или иной *конструкции*. «Каждый образ, каждое поэтическое произведение сходятся в одной точке, – в *идее*, лежащей за пределами образа или произведения. Эта точка – Х – оставляла широкое поле для иксовых метафизических спекуляций. В сущности, этим втихомолку отмечается *динамизм* поэзии: если образ ведет к Х, важно не протекание образа (и не самый об-

раз), а этот одновременный (симультанный) Х. Х. этот – вне образа; стало быть, в этом Х могут сойтись многие (как угодно) образы» [Тынянов: 253]. Никакой идеи, лежащей за пределами образа, для Потебни не существовало: «...Объяснения, стоящие вне произведения и даже исходящие от самого художника, бывают чаще всего не нужны, а иногда комичны, напоминая известную надпись: “се лев, а не собака”» [Потебня: 231].

⁸ «Нередко приходится слышать и читать о вечности образа, точнее, о вечности понимания, пользования им. Конечно, не критика произвела то, что и мы еще читаем «Одиссею» своим детям, не те общественные и семейные вопросы, которые волновали душу создателя поэмы, и не горячее желание разрешить эти проклятые вопросы» [Потебня: 231–232].

⁹ От этой идеи Гершензон решительно отказался (см. подробнее: [Смирнова 2020: 188–192]).

¹⁰ Текст А. Бергсона, приводимый М.О. Гершензоном в «Видении поэта», цитируется по: [Гершензон 2000].

¹¹ Его «Поэтическое хозяйство Пушкина» (1924) также критически рассматривалось Б.В. Томашевским как пример исследования с использованием принципов медленного чтения.

¹² При этом автор «Мудрости Пушкина», «историк литературы Гершензон, выступая истолкователем Пушкина, оказался человеком слишком иного уклада, нежели сам Пушкин: Гершензон стоит уже на той незримой черте, которой история разделяет эпохи» [Ходасевич: 156].

¹³ Что стало главным предметом спора с Вяч. Ивановым в «Переписке из двух углов».

¹⁴ Опыт XX столетия показал громадный потенциал такого подхода, особенно в философской традиции, идущей от М. Хайдеггера.

Список литературы

- Гершензон М.О. Избранное: в 4 т. М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000.
- Горовиц Б. Михаил Гершензон – пушкинист. Пушкинский миф в Серебряном веке русской литературы. М.: Минувшее, 2004. 265 с.
- Левит С.Я. Искусство медленного чтения М. Гершензона // Вестник культурологии. 2017. № 3 (82). С. 56–68.
- Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 634 с.
- Проскурина В.Ю. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб.: Алетейя, 1998. 512 с.
- Смирнова Н.Н. Искусство медленного чтения М.О. Гершензона // Академические Тетради. М.: 2011. Вып. 14. С. 184–193.
- Смирнова Н.Н. Исследовательские принципы и язык М.О. Гершензона-теоретика // Гершен-

зон М.О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 299–328. (Сер.: «Российские Пропилеи»).

Смирнова Н.Н. «Видение поэта» и «искусство медленного чтения» в творчестве М.О. Гершензона // Искусство медленного чтения: История, традиция, современность: коллектив. монография / отв. ред. Н.Н. Смирнова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 186–209.

Томашевский Б.В. Пушкин. Работы разных лет. М.: Книга, 1990. 670 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.

Умнова М.В. «Делать вещи нужные и веселые...»: Авангардные установки в теории литературы и критике ОПОЯЗа. М.: Прогресс-Традиция, 2013. 172 с.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.

Ходасевич В.Ф. Тяжелая лира / предисл. С.Г. Бочаров. М.: Панорама, 2000. 443 с.

Хрусталева А.В. Медленное чтение М.О. Гершензона: у истоков метода // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 6 (74). С. 288–298.

Хрусталева А.В. М.О. Гершензон и проблема научно-исследовательского метода // Известия саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 3. Т. 11. С. 97–103.

Handelman S.A. The Slayers of Moses: The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory. New York, SUNY Press, 1982, 290 p.

Rood T., Atack C., Phillips T. Anachronism and Antiquity. London, Bloomsbury Publishing PLC, 2020, 296 p.

References

Gershenzon M.O. *Izbrannoe*: v 4 t. [Works. In 4 vols.]. Moscow; Jerusalem, Universitetskaya kniga Publ., Gesharim Publ., 2000. (In Russ.)

Gorovits B. *Mikhail Gershenzon – pushkinist. Pushkinskii mif v Serebriannom veke russkoi literatury* [The Myth of A.S. Pushkin in Russia's Silver Age: M.O. Gershenzon]. Moscow, Minushee Publ., 2004, 265 p. (In Russ.)

Levit S.Ia. *Iskusstvo medlennogo chteniia M. Gershenzona* [M. Gershenzon's Art of Slow Reading]. *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of cultural studies], 2017, № 3 (82), pp. 56–68. (In Russ.)

Potebnia A.A. *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989, 634 p. (In Russ.)

Proskurina V.Iu. *Techenie GOLFstrema: Mikhail Gershenzon, ego zhizn' i mif* [The Flow of Gulfstream:

Mikhail Gershenzon, His Life and Myth]. SPb., Aleteiia Publ., 1998, 512 p. (In Russ.)

Smirnova N.N. *Iskusstvo medlennogo chteniia M.O. Gershenzona* [M.O. Gershenzon's Art of Slow Reading]. *Akademicheskie Tetradi* [Academic notebooks]. Moscow, 2011, vol. 14, pp. 184–193. (In Russ.)

Smirnova N.N. *Issledovatel'skie printsipy i iazyk M.O. Gershenzona-teoretika* [Research principles and language of M.O. Gershenzon, theorist]. Gershenzon M.O. *Demony glukhonemye. Stat'i, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Works, essays, notes], ed., comp. N.N. Smirnova. Moscow, SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017, pp. 299–328. (Ser.: Rossiiskie Propilei). (In Russ.)

Smirnova N.N. «Videnie poeta» i «iskusstvo medlennogo chteniia» v tvorchestve M.O. Gershenzona [M.O. Gershenzon's "The Poet's Vision" and "The Art of Slow Reading"]. *Iskusstvo medlennogo chteniia: Istorii, traditsii, sovremennost': kollektivnaia monografiia* [The Art of Slow Reading. History, Tradition, Modernity], ed. by N.N. Smirnova. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2020, pp. 186–209. (In Russ.)

Tomashevskii B.V. *Pushkin. Raboty raznykh let* [Works on Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1990, 670 p. (In Russ.)

Tynianov Iu.N. *Poetika. Istorii literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 574 p. (In Russ.)

Umnova M.V. «Delat' veshchi nuzhnye i veselye ...»: Avangardnye ustanovki v teorii literatury i kritike OPOIaZa [“Doing things that are necessary and cheerful...”: Avant-garde attitudes in literary theory and criticism of OPOJAZ]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2013, 172 p. (In Russ.)

Hansen-Löve A.A. *Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm* [Russian symbolism. The system of poetic motives. Early symbolism]. SPb, Akademicheskii proekt Publ., 1999, 512 p. (In Russ.)

Khodasevich V.F. *Tiazhelaia lira* [Heavy Lyre]. Moscow, Panorama Publ., 2000, 443 p. (In Russ.)

Khroustaleva A.V. *Medlennoe chtenie M.O. Gershenzona: u istokov metoda* [M.O. Gershenzon's Slow Reading: at the Sources of Method]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Bulletin. Humanities], 2009, № 6 (74), pp. 288–298. (In Russ.)

Khroustaleva A.V. *M.O. Gershenzon i problema nauchno-issledovatel'skogo metoda* [M.O. Gershenzon and the Problem of the Scientific Research Method]. *Izvestiia saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistska* [Proceedings of the Saratov University. Philology. Journalism], 2011, № 3, vol. 11, pp. 97–103. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160>
УДК 821(4).09»19/20»

Велигорский Георгий Александрович
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

**ВАРВАРСКАЯ СТРАНА ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКОЕ ЦАРСТВО:
НЕГАТИВНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РНФ
№ 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд»

В детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века, в период ее наибольшего расцвета, известного также как «золотой век детской литературы», формируется негативный миф о России. Первоначально она предстает как страна варваров, убийц и головорезов, впоследствии – как «полицейское государство», страна тюрем, холодных застенков, политических узников, где правит несправедливость, торжествует тиран, а правда – поправа и задавлена. В нашей статье мы попробуем проследить генезис этого мифа, историю его развития, основные произведения, в которых он возникает, – и возможные тенденции его дальнейшего существования. Очевидно, что именно детская литература формирует читательское сознание на его ранних стадиях, а потому возникновение ярко выраженного – а тем более негативного – мифа может иметь значительные последствия, колоссальное влияние на дальнейший образ мыслей и восприятие читающей аудитории.

Ключевые слова: детская литература, викторианская литература, «детский миф», Д.М. Мьюлок, Ч. Кингсли, Дж.Х. Юинг, Э. Несбит

Информация об авторе: Велигорский Георгий Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
E-mail: screamer90@mail.ru

Дата поступления статьи: 16.11.2020

Для цитирования: Велигорский Г.А. «Полицейское царство Россия» в детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 155-160. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160>

George A. Veligorsky

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

**A BARBARIC COUNTRY OR A POLICE KINGDOM:
A NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA IN THE CHILDREN'S LITERATURE
OF GREAT BRITAIN OF THE LATE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY**

In the children's literature of Great Britain in the late 19th – early 20th centuries, during its greatest heyday, also known as the "golden age of children's literature," is forming a negative myth about Russia. Initially, Russia appears to be a country of barbarians, murderers and thugs, later – as a "police state", a country of jails, cold dungeons, political prisoners, where injustice rules, a tyrant triumphs, and truth is trampled and suppressed. In our article we will try to trace the genesis of this myth, the history of its development, the main works in which it appears – and the possible tendencies of its further existence. It is obvious, that the children's literature forms the reader's consciousness in its early stages, and therefore the emergence of a pronounced – and even more negative – myth can have significant consequences and a colossal impact on the further way of thinking and perception of the reading audience.

Keywords: children's literature, Victorian literature, "children's myth", D.M. Mulock, C. Kingsley, J.H. Ewing, E. Nesbit

Information about the author: George A. Veligorsky, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>, Candidate of Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia
E-mail: screamer90@mail.ru

Article received: November 16, 2020

For citation: Veligorsky G.A. "The Police Kingdom of Russia" in the children's literature of Great Britain of the late 19th – the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 155-160 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160>

В мировой литературе широко распространено такое понятие, как миф о той или иной стране. Миф этот возникает, когда наряду со страной реальной – формируется другая, параллельная ей, не существующая наяву, но живущая в народном сознании. В зависимости от целого ряда факторов, эта страна получает очертания, характеристики и т. п., нередко отличающиеся от действительной картины и обстоятельств. Существует, разумеется, и миф о России¹, а особой его разновидностью является «детский миф», или миф, сформировавшийся в детской литературе той или иной страны.

Если говорить об Англии (и впоследствии Великобритании), то первые упоминания России в художественной литературе относятся еще в XIV веке (ср. у Дж. Чосера в «Кентерберийских рассказах»: «Ходил он на Литву, ходил на русских...» (пер. И.А. Кашкина)), однако формирование полноценного русского мифа относится к XVI веку; он складывался на основе отчетов английских путешественников, дипломатов и послов при русском дворе (Ричард Ченслер, «Книга о великом и могущественном царе Руси и князе Московском и о владениях, порядках и произведениях сюда относящихся» (1583); Джайлз Флетчер, «О государстве русском» (1591); Ричард Хорси (Горсей), «О России и других северных странах» (опубл. 1627) и т. п.). Обобщенно он может быть сформулирован так: Россия – дикая страна, населенная варварами, над которыми стоит царь-тиран; народ здесь «лукавый», «хитрый», «склонный к пьянству», «порочный нравами» [Красавченко: 40–41], а «люди грубые и толкаются» [Berry, Crummeу: 75]. К этому же времени относится и первое упоминание о суровом климате – и Россия в первый раз выводится в описаниях как страна вечных снегов [Красавченко: 40].

Отношения между Россией и Англией – на протяжении, по крайней мере, последних пяти веков (с XVI по XXI) – были в лучшем случае прохладными. Краткие периоды «оттепелей» (к примеру, союзническое участие в военных конфликтах – в особенности мировых) сменялись в них неприязнью и открытой враждебностью. В XIX веке в Англии господствовали русофобские настроения, обострившиеся в 1840–1850-е годы в связи с Крымской войной (1853–1856 гг.) и сохранившиеся на этой «волне» до конца столетия. Россия в художественной литературе представляется как дьявольская страна, черный, крошечный ад (А.Ч. Суинберн, «Россия: ода» («Russia: an ode», 1890)). Это – царство «иконы и топора», где народ убивает царя-освободителя (Д.Г. Россетти, «Царь Александр II» («Czar Alexander The Second», 1881)), а мать ради спасения собственной жизни бросает младенца на растерзание волкам, преследующим в зимнем лесу ее сани (Р. Браунинг, «Иван Иванович» («Ivan Ivanovich», 1879)) [Красавченко: 47–49].

Возникновение авторской детской литературы в Англии, как известно, относится к середине XVIII века. Однако поскольку первые произведения носили скорее дидактический, нежели развлекательный характер, а авторы их редко обращались к истории столь дальних и столь «экзотичных» стран, то и образ России впервые проникает в нее значительно позже – в 1840-е годы, то есть в начале того периода, который принято называть «золотым веком» британской детской литературы. Отношения между Россией и Великобританией в это время, повторимся, были заострены, а поскольку «детский» миф следует обыкновенно за мифом «взрослым», то и образ России в литературе для подрастающих англичан получил соответствующую окраску².

Первое из обнаруженных нами упоминаний России в детской литературе Великобритании встречается в стихотворном предисловии к переводу басен Вильгельма Хейя (Wilhelm Hey; 1789–1854), выполненному в 1844 году детской писательницей Мэри Хоуитт (Mary Howitt; 1799–1888):

'Tis loved when sterner winter chills;	Ее [эту книгу] любят, когда свирепеет зимний холод,
When summer gilds the wine;	Когда лето золотит виноградную лозу, –
From Russia to the Tyrol hills;	[По всему свету,] от России и до тирольских холмов,
From the Black sea to the Rhine	От Черного моря до Рейна.
[Howitt: 1]	

Образ России здесь, как видим, не раскрывается, но косвенно она, противопоставленная холмам Тироля (в ключе параллелизма «зимний холод» – лето, что «золотит виноградную лозу»), ассоциируется с морозом и стужей, что вполне традиционно для взрослого мифа.

Более полноценно «Россия» и «русское» проникают в детскую литературу на рубеже 1850–1860-х годов – во времена Крымской войны. В этот период русский человек предстает в ней разновидностью «хладного Московита» («cold-hearted Muscovite») из сонета А. Теннисона «По поводу недавнего вторжения России в Польшу» («On the Result of the Late Russian Invasion of Poland», 1833); это – вояка-мародер, «окровавленный варвар», убийца, палач и головорез. Едва ли не единственными упоминаемыми персонажами в этот период оказываются русские солдаты, изображаемые в негативном ключе. В историческом романе Дины Марии Мьюлок (1826–1887) «Жизнь за жизнь» («A Life for a Life», 1859; рус. пер. – 1860), рассчитанном как на взрослого, так и на подрастающего читателя³, неоднократно упоминаются русские солдаты и пули (действие происходит на годы Крымской войны): «<...> в Крыму

почти столько же померло от пьянства, обжорства, от безмерного куренья, как от русских пуль» [Мьюлок: 257]; «В Крыму наше войско больше всего пострадало от пьянства. От него погибло больше людей, чем от русских пуль» [Мьюлок: 309]; «<...> ощущая более внутренней робости чем, бывало, при встрече с русским полком <...>» [Мьюлок: 328]. Фигурирует там и русская девочка, которую англичанин, военный врач мистер Эркурт, обнаружил в подвале, когда английские войска вошли в Севастополь и, привезя ее в Англию, «стал бы воспитывать на место дочери, если б она так скоро не умерла» [Мьюлок: 246].

Синонимом слова «русский» в этот литературный период становится негативно окрашенное «казак» (kozack), приобретающее коннотацию «варвар», «убийца». Так, в вольном переложении скандинавской сказки «Приключения Джона Дитриха» («Adventures of John Dietrich») из сборника Д.М. Мьюлок «Книга фей» («The Fairy Book») действие происходит «во времена Карла XII», когда «на остров пришли русские» и «казаки даже церкви разграбили и вынесли всё подчистую» [Mulock: 66].

Остро негативно высказывался о России Чарлз Кингсли (Charles Kingsley; 1819–1875), писатель и богослов, один из основоположников христианского социализма. К примеру, в путевом дневнике «Напоследок: Рождество в Западной Индии» («At Last: A Christmas in the West Indies», 1871) он так описывает впечатления от встречи с темнокожими местными жителями: «<...> о неграх можно сказать то же, что о русских; это отполированные дикари: поскребите их чуть-чуть – и варварство проступит наружу» [Kingsley 1871: 1, 111]. В других сочинениях Кингсли звучат и откровенно русофобские настроения; так, его проповедь «Добрый воин Иисуса Христа»⁴ («The Good Soldier of Jesus Christ», 1884), адресованная английским солдатам и офицерам, начинается со слов: «Представим себе, что враги – русские, например – наводнили Англию <...>» [Kingsley 1884: 182]. С другой стороны, в его сочинениях, рассчитанных на юного читателя, или в исторических романах, вошедших в круг детского чтения, Россия предстает в иной ипостаси – как далекая, непостижимая и неизведанная страна. В книге «Герои, или Греческие волшебные сказки» («The Heroes, or Greek Fairy Tales», 1855), вольном пересказе для детей мифов Древней Греции, русские корабельщики – наряду с турками, англичанами и французами – упоминаются как храбрые мореходы, бороздящие мировой океан [Kingsley 1855: 93]. Однако и в таком случае Россия не утрачивает своего варварского характера. Так, в историческом романе «Гервард Зоркий, последний из англичан» («Hereward the Wake: Last of the English», 1866), одном из любимейших детских произведений викторианской эпохи о приключениях саксонского мятежника (возможном прототипе легендарного

разбойника Робин Гуда [Сергеева: 821–825]), говорится: «Для них (Герварда и его спутников. – Г. В.) страна <...>, что раскинулась на том берегу Форта (река в Шотландии. – Г. В.), была как Россия или Китай, где картографы на бескрайних просторах “рисуют пальмы и слонов / За неимением городов” (цитата из стихотворения Дж. Свифта “О поэзии: рапсодия” (“On Poetry, A Rhapsody”, 1733), приводится в пер. Ю.Д. Левина. – Г. В.)» [Kingsley 1866: 1, 70]. Упомянутый Кингсли Китай (архаическое название Китая, производное от имени династии Кидани (Khitani), правившей в 907–1125 гг.), ассоциировался с варварством, неразвитостью, необразованностью – и противопоставлялся цивилизованному миру Британской империи; ср. строки из знаменитого стихотворения А. Теннисона «Локсли-Холл» («Locksley Hall», 1833): «Вместе с вихрем мы ворвемся в новый день – трудись, мечтай! / Лучше двадцать лет в Европе, чем на двести лет – Китай» (пер. С.Б. Лихачёвой).

Грубость и неотесанность – еще один аспект, прочно ассоциирующийся в британской детской литературе с Россией. Даже русские пословицы, встречающиеся в произведениях викторианских авторов, приводились в контексте, указывающим на неразвитость страны, в которой они придуманы. В сборнике Маргарет Гэтти (Margaret Gatty; 1809–1873) «Притчи, природой данные» («Parables from Nature», 1855) приводится в буквальном переводе пословица «Гром не грянет, мужик не перекрестится» («If it had not thundered, the peasant had not made the sign of the cross») – и далее следует уточнение: «<...> так гласит *грубая* (rude) поговорка одной далекой страны <...>» [Gatty: 100] (курсив наш. – Г. В.).

Начиная с 1860-х годов детские писатели Великобритании предпринимают первые – пока еще неуверенные – попытки ввести в свои сочинения русских людей как активных, действующих персонажей. К примеру, в сказке Джулианы Хорейши Юинг (Juliana Horatia Ewing; 1841–1885) «Кусачий дракон»⁵. История, случившаяся под Рождество» («Snap-Dragons. A Tale of Christmas Eve») главными героями выступает семейство Скраджей (Skratdj), которые «с виду... были не то русские, не то поляки, хотя жили, вне всяких сомнений, в Англии» [Ewing: 115]. В дебютном романе Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив» («Mrs. Overtheway's Remembrances», 1869) маленькая сирота Ида, тяготясь обществом своего нечуткого и грубоватого дядюшки, заводит дружбу с пожилой дамой, живущей в доме через дорогу, и начинает ходить к ней в гости на чай. После очередной ссоры с дядюшкой (нетактично, хотя и нечаянно, упомянувшего о смерти ее отца), Ида ищет утешения в обществе дружелюбной старушки; в гостиной, где они пьют чай, она видит рисунок старинного дома и ведущей к нему извиристо-жи-

вописной дороги, которая сразу привлекает внимание девочки. Побуждаемая расспросами Иды, старушка рассказывает историю этого дома, который ее семья когда-то снимала у русских (Roosky) эмигрантов, носивших фамилию Смит⁶. Небольшой особняк на живописном побережье, он назывался «Reka Dom» (вероятно, неточный перевод английского River House – «Речной Дом»), по крайней мере, эти слова были выведены на табличке над воротами «крупными римскими капиталами» [Ewing 1869: 157]. Сами Смиты в этой истории обозначены очень контурно: старшая женщина, мать семейства (и, вероятно, вдова), две ее дочери, Мария и Марфа (сама Юинг проводит параллель с библейскими сестрами-гостеприимцами из Вифании [Ewing 1869: 167]), и мальчик-инвалид, любимец семьи, в скором времени умирающий. Сестры очень скромны, приветливы и услужливы; однако, несмотря на это, Смитов в деревне считают язычниками (heathens) – опять же в духе стереотипа о варварах-русских – хотя они очень набожны и каждое воскресенье посещают церковь [Ewing 1869: 161]. История дружбы рассказчицы с сестрами отчасти развивается в развязке романа, однако почти сразу же утрачивает русский колорит.

В конце XIX века на смену «старого» русского типажа – варвара, убийцы, солдата-головореза – является «новый»: русский – полицейский или тайный агент⁷. Как раз в это время – не в последнюю очередь благодаря резонансному делу Веры Засулич и группы «Народная воля» – популярность получает тема нигилистов. Колоссальными тиражами в «дешевых» сериях печатаются романы и пьесы «на русскую тему»; литературу наводняют террористы-народники, полицейские жандармы, убитые градоначальники, беглые княжны и сыщики из тайной полиции – «блеклые кальки» с Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» Достоевского [Newton: 35–52]. Не адресованные юным читателям, эти романы неизбежно попадали в круг если не детского, то по крайней мере подросткового чтения и пользовались популярностью в бесплатных библиотеках (нововведение этого периода). А к началу XX века образ «полицейской» России прочно входит и в детскую литературу, кристаллизованный в популярнейшей повести Эдит Несбит (Edith Nesbit; 1858–1924) «Дети железной дороги» («The Railway Children», 1906).

Если основной сюжет повести, согласно распространенной гипотезе, является «краденым» [Adami: 61], то русская линия вне всяких сомнений была введена самой Несбит – одной из основательниц Фабианского движения, известной своими антироссийскими взглядами [Fitzsimons: ch. 15]. В четвертой главе трое детей, придя на станцию встречать возвращающуюся из города маму, слышат странную речь. «Невидимый им человек говорил на каком-то совершенно непонятном <...>

иностранным языке» [Нэсбит: 120]. А вскоре вслед за речью появляется и ее «носитель»: «У него были длинные волосы, безумный взгляд и потрепанная одежда такого фасона, которого Питер ни разу в жизни и ни на ком не видел» [Нэсбит: 121]⁸. Особенно Несбит акцентирует глаза незнакомца: «Безумные и затравленные» – по замечанию местного фермера, «как у лисы, коль в капкан угодила» [Нэсбит: 124]. Собравшаяся на станции толпа окружает человека, разглядывая как диковинку и отпуская замечания вроде «клиент для полиции», «скорей для больницы» [Нэсбит: 120]; а когда начальник станции «совершенно по-доброму» хватается за руку, тот, «испугавшись резкости <...> жеста, вырвался и <...> отступил к стене, прижавшись к которой начал, трясаясь всем телом и кашляя, отпихивать [его] от себя» [Нэсбит: 123]. Удивленный начальник станции предлагает без задней мысли вызвать полицию; но Ребекка, старшая из детей, отговаривает его, заметив, что человек напуган и даже плачет.

Постепенно выясняется, что незнакомец по национальности русский (дети показывают ему почтовые марки различных стран, и он выбирает нужную). Узнав об этом, собравшиеся не демонстрируют к нему ненависти, однако у некоторых из них в речах и поступках сквозит открытая неприязнь. Когда мама трех главных героев предлагает русскому остановиться у них в доме, начальник станции замечает: «Надеюсь, вам не придется потом обнаружить, что вы пригрили змею» [Nesbit 1906: 110] (в оригинале: «frozen viper» – отсылка к басне Эзопа № 51: «Крестьянин и змея», в англ. традиции: «The Farmer and the Frozen Viper» – «Фермер и замерзшая гадюка»). (Любопытно отметить, что в цитируемом нами переводе Иванова – Устиновой фраза передана ошибочно: «Надеюсь, вам не придется потом обнаружить, что вы привели домой замороженного вампира» [Нэсбит: 128] (viper => vampire); таким образом, в переводной версии повести русский человек (пусть неосознанно, в силу переводческой ошибки) ассоциируется и с вампиром – еще одним символом диких «восточных» стран, кодифицированным Б. Стокером в знаменитом романе «Дракула» («Dracula», 1897.) Ухмыляется и доктор, друг семьи, когда Ребекка говорит ему, что эмигрант на станции плакал [Нэсбит: 130], – вероятно считая, что иных слез, кроме «крокодиловых», у русского человека не бывает.

Вечером, когда эмигрант засыпает, мама рассказывает детям услышанную от него историю. Оказывается, этот человек – знаменитый писатель, автор «прекрасных», «чудесных книг», призывающих к правде и справедливости. Однако «в России, на его родине, цари запрещали рассказывать о пороках богатых и о том, что следует обеспечить бедным право на лучшую жизнь и счастье. Тех, кто решался к этому призывать, сажали в тюрьму»:

В России можно попасть в тюрьму просто за книгу, если она властям не понравилась. А он как раз написал прекрасную книгу про бедных людей, которым необходимо помочь. Я читала ее. Она полна доброты и любви к людям. И за это его посадили в тюрьму. Три года он просидел в ужасающей одиночной камере – сырой, холодной, почти без света [Нэсбит: 134].

Питер, средний по старшинству из детей, с недоверием воспринимает эти слова и замечает, что «такого не может происходить в наши дни»: «Прямо какой-то учебник истории про времена Инквизиции» [Нэсбит: 134]. Но мама грустно говорит, что это – «сплошная и страшная правда», и предлагает детям помолиться о том, чтобы Бог явил «милость Свою ко всем заключенным и узникам» [Нэсбит: 136], подразаемая и русского эмигранта, и их собственного отца, посаженного в тюрьму по навету и ложному обвинению в измене родине (вероятная параллель к знаменитому делу Дрейфуса [Fitzsimons: ch. 15]), и, возможно, всех жителей страшной, жестокой и кровавой страны, полицейского царства – России.

* * *

Итак, как мы видим, в детской литературе на сломе викторианской и эдвардианской эпох формируется негативный образ России – варварской страны, «полицейского царства», края угнетенных крестьян, изувеченной правды, полицейских агентов, убийц-казаков, язычников, детоубийц и холодных тюремных застенков. Конечно, параллельно с ним формируется и другие – и волшебная страна снегов и метелей (каковой она предстает в переводах народных сказок и в авторских сборниках, массово публикуемых на рубеже веков), и «сакральная» России, святая страна, каковой она предстает в знаменитых травелогах Стефена Грэма. И все-таки именно образ «полицейского царства», России как варварского царства или огромной тюрьмы высвечивается в это период максимально рельефно – и, преломившись в образе кровавой Страны Советов, сохраняется отчасти до наших дней.

Примечания

¹ Русскому мифу во «взрослой» английской литературе посвящено множество работ. Отметим некоторые из них: [Cross; Beasley, Bullock; Королёва].

² В скобках отметим, что русский «детский» миф о Великобритании сформируется значительно позднее – в начале XX века, полноценно оформившись в 1920-е годы, – и будет не менее негативным, хотя и в иных тонах [Goodwin: 16–18].

³ Романы мисс Мьюлок пользовались огромным спросом в бесплатных библиотеках, немалый процент посетителей которых составляли дети и подростки [Anonimoys, 127].

⁴ «Кусачий дракон» (Snap-dragon) – знаменитая английская рождественская игра, по ходу которой

участники должны по очереди хватать изюминки с блюдца с горящим спиртом.

⁵ Слова из Второго послания к Тимофею (Тим. 2: 3).

⁶ Смит (Smith – букв.: «Кузнецов(а)») – распространенная английская фамилия (ср. рус. Иванов), которую часто берут эмигранты или англичане, желающие скрыть свое прошлое.

⁷ Этот мотив встречается и в автобиографической литературе. К примеру, известный детский писатель (и по совместительству тайный агент) Артур Рэнсом (Arthur Ransome; 1884–1967), рассказывая в автобиографии о своем первом приезде в Россию в 1913 году, вспоминал, что первым его впечатлением стали русские жандармы в тяжелых сапогах, усадые и с широкими поясами, а также запомнившиеся на всю жизнь слова соседа по паровой каюте: «Когда в Англии неожиданно прерывается разговор и наступает внезапная тишина, мы говорим – прошел ангел; в России говорят – полицейский родился» [Ransome: 159].

⁸ Еще один русский эмигрант, также «очень неопрятный и очень потрепанный», возникает во «взрослом» романе Э. Несбит «Дафна с Фицрой-стрит» («Daphne in Fitzroy Street», 1909). В этом же романе русские также представлены неприглядно, а также обыгрывается старый стереотип «русский казак – убийца». Ср. заголовки русских газет, которым с ужасом внимают героиня, слушая рассказ русского революционера: «Массовая резня евреев в Одессе», «Триста крестьян расстреляны казаками», «Дети замучены русскими властями» и т. п. [Nesbit 1909: 71].

Список литературы

Королёва С.Б. Британский миф о России. М.; Берлин: DirectMedia, 2016. 239 с.

Красавченко Т.Н. Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки // Отечественные записки. 2007. № 5 (38). С. 40–52.

Мьюлок Д.М. Жизнь за жизнь (A Life for a Life): роман / соч. автора «Джона Галифакса» // Приложение к журналу «Русский Вестник». 1860. Т. 30. С. 225–527.

Нэсбит Э. Дети железной дороги / пер. с англ. А.Д. Иванова, А.В. Устиновой. М.: Эксмо, 2015. 350 с.

Сергеева В.С. Примечания // Робин Гуд / изд. подгот. В.С. Сергеева. М.: Наука: Ладомир, 2017.

Adami Esterino. Railway Discourse: Linguistic and Stylistic Representations of the Train in the Anglophone World. Cambridge Scholars, 2019, 161 p. [Anonymous]. Story of the Author's Life. The Little Lame Prince, by Miss Mulock, pictures by H. Dunlap. Rand-McNally & C°, 1909, pp. 123–128.

Beasley Rebecca, Bullock Philip Ross. Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford University Press, 2013, 336 p.

Cross Andrew. «A People Passing Rude...»: British Responses to Russian Culture. Open Book Publishers, 2012, 348 p.

Crummey Robert, Berry Lloyd. Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. University of Wisconsin Press, 1968, 414 p.

Ewing Juliana Horatia. Mrs. Overtheway's Remembrances. Society for Promoting Christian Knowledge, 1869, 250 p.

Ewing Juliana Horatia. «The Peace Egg» and Other Tales. Society for Promoting Christian Knowledge, E. & J.B. Young & C°, [n. d.], 178 p.

Fitzsimons Eleanor. The Life and Loves of E. Nesbit: Victorian Iconoclast, Children's Author. Bloomsbury Publishing, 2018, 400 p.

Gatty Alfred (Mrs.). Parables from Nature. First and Second Series. George Bell & Sons, 1861, 195 p.

Goodwin Elena. Translating England into Russian: The Politics of Children's Literature in the Soviet Union and Modern Russia. Sydney, Bloomsbury Publishing, 2019, 272 p.

Howitt Mary. To English Children. [Hey Wilhelm]. The Child's Picture and Verse Book, Commonly Called «Otto Speckter's Fable Book»; with the Original German and with French, translated into English by M. Howitt. Longman, Brown, Green & Longmans, 1844, p. 1.

Kingsley Charles. At Last: A Christmas in the West Indies, in 2 vol. Harper & Brothers, 1871, 317 + 320 p.

Kingsley Charles. Hereward the Wake, Last of the English, in 2 vol. Bernard Tauchnitz, 1866, 634 + 644 p.

Kingsley Charles. The Heroes; or, Greek Fairy Tales for My Children. Macmillan & C°, 1855, 248 p.

Kingsley Charles. True Words for Brave Men: A Book for Soldiers' and Sailors' Libraries. Eleventh Thousand. Kegan Paul, Trench & C°, 1884, 124 p.

Mulock Dina Maria. The Fairy Book: The Best Popular Stories Selected and Rendered Anew. Harper & Brothers, 1863, 368 p.

Nesbit Edith. The Railway Children. N. Y.; L.: Macmillan & C°, 1906, 310 p.

Nesbit Edith. Daphne in Fitzroy Street. Doubleday & Page, 1909, 418 p.

Newton Michael. Exporting Russian Nihilism in 1880s. Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford University Press, 2013, pp. 35–52.

Ransome Arthur. The Autobiography, ed., with Prologue and Epilogue by Rupert Hart-Davis. Jonathan Cape, 1976, 368 p.

References

Koroleva S.B. *Britanskiy mif o Rossii* [British myth about Russia]. Moscow, Berlin, DirectMedia Publ., 2016, 239 p. (In Russ.)

Krasavchenko T.N. *Zagadka, zavernutaya v taynu i pomeshchennaya vnutr' golovolomki* [A riddle wrapped in mystery and placed inside a puzzle]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2007, № 5 (38), pp. 40–52. (In Russ.)

Myulock D.M. [Mulock D.M.] *Zhizn' za zhizn' (A Life for a Life): roman* [a novel]. *Soch. avtora «Dzhona Galifaksa»* [By the author of «John Halifax»]. *Prilozheniye k zhurnalu «Russkiy Vestnik»* [Supplement to the magazine «Russian Bulletin»], 1860, vol. 30, pp. 225–527. (In Russ.)

Nesbit E. *Deti zheleznoy dorogi* [Children of the railway]. A.D. Ivanov, A.V. Ustinova (Transl.). Moscow, Eksmo Publ., 2015, 350 p. (In Russ.)

Sergeeva V.S. *Primechaniya* [Notes]. *Robin Gud* [Robin Hood]. Sergeeva V.S. (Comp.). Moscow, Nauka Publ., Ladomir Publ., 2017. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-161-166>
УДК 821(4).09"19"

Цветков Юрий Леонидович
Ивановский государственный университет

ОТ БАРОЧНОЙ ДРАМЫ К ТРАГЕДИИ: ПЕРВАЯ И ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИИ ПЬЕСЫ ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ «БАШНЯ»

Впервые изучаются проблемы жанровой типологии двух редакций пьесы «Башня» (1925, 1927) известного австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофманшталя (1874–1929). Первая редакция «Башни» воплощает авторскую «австрийскую идею», которая представляет собой концепцию «консервативной революции» и нацелена на утверждение монархического порядка в обществе. Первая пьеса, написанная по мотивам кальдероновской барочной драмы «Жизнь есть сон» (1634), утверждает власть «духовного» начала принца Сигизмунда при разрешении конфликта, обусловленного астрологическими предсказаниями, и развивается без волевого участия принца. Он становится справедливым правителем, а затем отдаёт власть Детскому королю (из Библии). В третьей редакции кардинально меняется картина мира. События надвигающегося фашизма в Германии и Австрии изменили утопические представления Гофманшталя. В новой редакции полностью меняется мотивация поступков персонажей: принц Сигизмунд становится активным участником событий, а реальной властью обладает солдат Оливье, который организует убийство короля и принца. Автор создаёт трагедийное развитие конфликта и осуждает единоличную диктатуру. Резкий разворот от признания верховенства монаршей власти к изображению жертвы диктаторского произвола изменил диалог согласия первой редакции на императивную картину мира третьей редакции.

Ключевые слова: жанр, барочная драма, трагедия, картина мира, конфликт, идиллия, гротеск, Гуго фон Гофманшталя, «Башня»

Информация об авторе: Цветков Юрий Леонидович, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5732-977X>, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: jzvetkov@mail.ru

Дата поступления статьи: 20.10.2020

Для цитирования: Цветков Ю.Л. От барочной драмы к трагедии: первая и третья редакции пьесы Гуго фон Гофманшталя «Башня» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 161–166. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-161-166>

Yury L. Tsvetkov
Ivanovo state University

FROM BAROQUE DRAMA TO TRAGEDY: THE FIRST AND THIRD EDITIONS OF THE PLAY «DER TURM» BY HUGO LAURENZ AUGUST HOFMANN VON HOFMANNSTHAL

The problems of genre typology of two editions of the play «Der Turm» (1925, 1927) by the famous Austrian poet and playwright Hugo Laurenz August Hofmann von Hofmannsthal (1874–1929) are studied for the first time. The first edition of the “Der Turm” embodies the author’s «Austrian idea», which is a concept of a «conservative revolution» and is aimed at establishing a monarchical order in society. The first play, based on Baroque drama «Life Is a Dream» (1634) by Pedro Calderón de la Barca asserts the power of the «spiritual» principle of Prince Sigismund in resolving the conflict caused by astrological predictions, and develops without Prince’s willful participation. He becomes a just ruler; and then gives power to the Child king (from the Bible). In the third edition, the picture of the world changes dramatically. The events of impending Nazism in Germany and Austria changed Hofmannsthal’s utopian ideas. The new edition completely changes the motivation of the characters’ actions: Prince Sigismund becomes an active participant in the events, and the real power is possessed by the soldier Olivier, who organises the murder of the king and Prince. The author creates a tragic development of the conflict and condemns the sole dictatorship. A sharp reversal from the recognition of the supremacy of the monarch to the image of the victim of dictatorial arbitrariness changed the dialogue of consent of the first edition to the imperative picture of the world of the third edition.

Keywords: genre, Baroque drama, tragedy, world picture, conflict, idyll, grotesque, Hugo von Hofmannsthal, «Turm»

Information about the author: Yuriy L. Tsvetkov, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5732-977X>, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: jzvetkov@mail.ru

Article received: October 20, 2020

For citation: Tsvetkov Yu.L. From Baroque drama to tragedy: the first and third editions of the play «Der Turm» by Hugo Laurenz August Hofmann von Hofmannsthal. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 161–166 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-161-166>

В последнее десятилетие общепринятое понятие «жанр» постепенно вытесняется «дискурсом». Как известно, два разных термина имеют свою понятийную парадигму. Если определение жанровых слагаемых насчитывает многовековую историю, а нормативные поэтики успешно разрабатывали правила и жанровые виды (подвиды) всех трёх родов литературы, то анализ дискурсивных практик только в наше время находит своих теоретиков и защитников. Историческая поэтика приобрела богатейший опыт обобщений во всех национальных литературах. В центре внимания исторической поэтики находится диахроническое развитие литературы и её категориально-аппарата. По мнению М.М. Бахтина, предмет исторической поэтики включает в себя содержание эстетической деятельности, что учёный называл «эстетическим объектом», то есть произведением в его целом, не равным его «тексту» [Бахтин: 17].

Инструментарий исторической поэтики, как считали структуралисты, недостаточно гибок и подвижен с позиций анализа текста, основанного на коммуникативных событиях и процессах. Выдвижение на ведущие роли в теории текста языка, речи и дискурса привело к новой «**коммуникативной модели**, описывающей отношения между текстом и другими субъектами литературного процесса **автором** (адресантом текста), **читателем** (адресатом текста), **языком** (использованной автором для создания текста системы знаков) и **реальностью** (миром фактов, получившим отображение в тексте)» [Михайлов: 33]. Дискурс представляет собой сложный и многогранный языковой и социокультурный феномен, а определения дискурса, предлагаемые учёными разных научных школ и направлений, объединяет связь, что очень важно, с культурно-историческим контекстом, в котором используется язык.

И.В. Силантьев, например, считает, что «жанр есть тип высказывания в рамках определённого дискурса» [Силантьев: 17]. Так, драматический дискурс расположен в поле эстетических коммуникативных стратегий, и собственные, присущие жанру интенции драмы отвечают стратегиям эстетического дискурса, а отдельные дискурсивные роли соотносятся с жанровой системой дискурса. «Можно заметить, – продолжает И.В. Силантьев, – что мы в характеристике коммуникативной стратегии дискурса фактически пришли к терминологическому удвоению понятия жанра и дискурсивной формы. Это, действительно одно и то же...» [Силантьев: 20].

Другие исследователи полагают, что дискурс никак не может заменить жанр. Жанр и дискурс необходимы как два аспекта одного и того же, как соотношение собирательной категории дискурса с инвариантной категорией жанра. По мнению В.И. Тюпы, «жанр – это *инвариант одноименного дискурса* (если их имена совпадают), или, точнее,

субдискурса, ибо речевые “жанры” всегда – модификации некоторого более широкого сегмента словесной культуры (“рода”)» [Тюпа 2018]. М. Фуко также далёк от отождествления двух понятий, он писал: «Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [Фуко: 74].

В исторической поэтике жанр предстаёт в неразрывной связи с жизненной ситуацией, в которой он функционирует, и с адресатом-читателем при создании «образа мира» – определённого мирозерцания (общего или авторского). В области драмы особую роль приобрела теория трагедии Аристотеля – *учение о катарсисе*, который формирует структуру драмы, находящейся на границе между эстетической реальностью и внеэстетической действительностью, а также о взаимодействии этих миров. В театре, традиционном месте встречи сознания героя и зрителя, происходит переживание катастрофы героя, то есть *катарсис*, характеризующий античную трагедию и английскую трагедию Елизаветинской эпохи (У. Шекспир).

Аристотелевское понимание трагедии, как и многих средневековых драматических жанров, неприменимо к барочной драме, «так как она не носит характер кulta; её цель не катарсис, не “ужас и сострадание”, а “честь Божия и наставление для бюргера” (З. фон Биркен). Поэтому, с другой стороны, катарсис часто связывается здесь с религиозным обращением» [Рымарь: 28]. По мнению немецкого историка литературы Х.-Д. Гелфферта, драма барокко является продуктом контрреформации абсолютистской Европы, в первую очередь Испании. Главная её черта – резкость противоречий: «Если представление о порядке (*ordo*) в средневековье ориентировалось на иерархическую модель общества, то в барокко действительна яркая антитеза: низ – верх, посюсторонность – потусторонность, наслаждение – аскеза. Мысль, которая лежит в основе барочной философии, выражалась в декартовском дуализме *res cogitans* (мыслящая субстанция) и *res extensa* (протяжённая субстанция), этот дуализм является прежде всего идеологическим выражением конкретного дуализма носителя верховной власти и народа» [Gelfert: 78–79].

Политическая проблематика в драме испанского драматурга Кальдерона де ла Барки (1600–1681) «Жизнь есть сон» заключалась в признании народом справедливой королевской власти, пришедшей на смену всеобщего хаоса. Испанский автор использовал многие характерные приёмы барочной поэтики: параллелизм действия (сновидение и реальность), отношения различия и тождества в конструировании судеб персонажей (отец-король – сын-принц), аллегоризм фигур (король – насилие, принц – справедливость), эмблематичность (башня – пространство насилия и высшей справедливости), нацеленных на разгадывание смыслов учёной публикой.

Отказ Гофманшталя от барочной поэтики в «Башне» в пользу трагедийного сценария обусловлен изменением его мировоззрения в течение двух лет, когда появилась реальная угроза прихода к власти пока ещё немногочисленных фашиствующих групп. «Пивной путч» Гитлера 1923 г. в Мюнхене с целью захвата власти и выступления жителей Вены в июне 1927 г. с требованием решительных действий против произвола фашистов положили конец представлениям Гофманшталя о воссоздании Австрии как «семьи народов» в центральной части Европы, что получило название «австрийской идеи» [Цветков 2015: 220–227]. Гофмансталь видел в восстановлении власти Габсбургов традиционные ценности: порядок, толерантность по отношению к нациям и интерес к культурам разноязыкой империи. Однако утопическая «австрийская идея» Гофманшталя не выдержала испытания временем и превратилась в Габсбургский миф о гармоническом прошлом некогда великой западноевропейской державы [Magris 2000].

Сложный замысел Гофманшталя в первой редакции «Башни» при использовании многочисленных литературных источников не отменил воплощения идеи «консервативной революции», которая занимала умы многих выдающихся интеллектуалов того времени, например Томаса Манна [Манн 2015]. В противопоставлении отца – короля Басилио и его преемника – сына Сигизмунда австрийского автора привлекла возможность демонстрации справедливой монаршей власти. Работа над несколькими вариантами «Башни» Гофманшталя заканчивает поиски автором «нового театра», предназначенного для всего общества в целом, как это было во времена древнегреческих полисов, когда театр своим искусством поднимал ключевые вопросы гражданского общества [Гофмансталь: 697].

В барочной пьесе Кальдерона «Жизнь есть сон» польский король Басилио заключил в башню сына Сехизмундо, поскольку астрологами было предсказано, что он станет тираном и убьёт своего отца. Король решил проверить справедливость предсказания: принца во сне перенесли во дворец и, когда он проснулся, его объявили наследником престола. Принц неожиданно проявил необузданный нрав, и во сне его снова перенесли в башню, назвав произошедшее сновидением. Народ Польши узнал о законном наследнике и восстал против короля, требуя передачи власти в руки Сехизмундо. Он встал во главе заговорщиков для того, чтобы «над самим собой победу одержать» и «добро творить» [Кальдерон: 660]. В 1677 году Кальдерон преобразовал этот сюжет при создании духовной пьесы – «auto sacramental», в которой Басилио предстает аллегорией присутствия Бога на земле, а Сехизмундо – олицетворением человека, подчинённого Божьим заповедям. Главная задача барочной и духовной драмы – преодолеть хаос и «обрес-

ти позицию, позволяющую выйти из лабиринта кажимостей к истине – Божественному порядку, *ordo dei*» [Рымарь: 27].

Гофмансталь в первой редакции «Башни» близок к развитию конфликта в драме Кальдерона. Место действия – «польское королевство, но скорее из легенды, чем истории» [Гофмансталь: 351], время действия – «одно из прошлых столетий, по атмосфере своей напоминающее XVII век» (351). Сигизмунд заключён в клетку, прикован к тяжёлому ядру, носит волчью шкуру и спит на соломе. У него добрая душа, он читает книги на латыни и уверен в будущем: «Всё перемешалось, но протрубит ангел – и порядок восстановится» (360). Он говорит о себе: «Свет – это хорошо. Где свет, там нет бед. Так светят звёзды. В душе моей горит звезда. Душа моя свята» (361). Рядом с ним начальник крепости Юлиан. Он защищал наследника от грубого произвола и не раз спасал ему жизнь. Он поучает Сигизмунда: «Ты даже и близко не представляешь себе, что значит жить. Знай же: в мире весят только деяния» (396). Наставления Юлиана были очень важны для принца, поскольку многие годы заточения сломали волю узника.

Атмосферу доверия и высокой духовности башни нарушает сержант Оливье. Он радикально настроен на разрушение: «Все против всех. Ни один дом не устоит. Церкви снесут с лица земли» (354). Имя этого головореза Гофмансталь заимствовал из романа Г.Я.К. Гриммельсгаузена (1621–1676) «Симплициссимус» (1669). Несмотря на грубость тона, Оливье ему отвечает Инвалид с деревянной ногой, слова которого звучат пророчески: «Они вызволят его (принца. – Ю. Ц.), и последние станут первыми, а он будет королём бедняков и будет скакать на белом коне, а перед ним понесут меч и весы» (354). В самом начале драмы появляются два контрастных лейтмотива: разрушение основ прежнего порядка и появление спасителя – короля бедняков. Абсолютная власть в королевстве принадлежит королю Басилию: он «король и отец», его власть исходит непосредственно от воли Всевышнего, что подтверждает наследственный порядок передачи власти. На стороне короля выступают богатые дворяне и вельможи. Однако среди них есть отряды воевод, возмущённые неограниченной властью короля. Они требуют от Сигизмунда клятвы верности решениям Государственного совета.

В ключевой сцене встречи короля и сына, перенесённого из клетки, король просит о прощении. Сигизмунда охватывает чувство страха, он знает только одного Бога-отца. Король даёт сыну приказ убить мятежника – коменданта Юлиана – и поучает: «Смирять злокозненных прежде, чем они перейдут от смутного недовольства к бунту. Натравливай сословие на сословие, край против края, имеющих дом против бездомных, крестьян против господ» (415). Сигизмунд принял короля за сата-

ну, ударил по лицу, отнял меч и замахнулся им. Так стало очевидно, что предсказания астрологов сбылись. Камердинеры набрасываются на Сигизмунда и связывают его. Король-отец, размышляя о предсказании, приказывает убить сына.

Вдруг слышится буйство восстания простолюдинов. Они хотят видеть нищего принца, «безымянного мальчика в цепях» своим вождём, несущего с собой «царство справедливости» (453). Сигизмунд ждёт часа, чтобы возглавить восстание бедноты. Появившийся Оливье, только что убивший Юлиана, угрожает Сигизмунду: «Ну так я живо отправлю тебя на свалку, зашив в собачью шкуру. Но до того я ещё вволю потешусь над тобой!» (434).

Но Сигизмунда одевают в золотые одежды и выводят из башни. Толпа приветствует его, поскольку он разрушил «оковы отцовского насилия» и может называться «великим»: «Но хочу пояснить: самонадеянность моя простирается так далеко, что я хочу двух вещей сразу: устройства порядка в мире и упразднения старого порядка» (453). Вельможи предлагают короновать Сигизмунда. Так по логике барочной драмы воплощается идея монаршей власти и установления нового справедливого общества.

Внезапно раздаётся звон колокольчика. Появляются два мальчика: «*В руках у одного – колокольчик, у другого – ивовый прут. Детский король входит вслед за мальчиками, он в белой одежде и со шлемом на голове...*» (457). Детский король произносит: «Я! Ибо меня возвысили те, кому дано жить в будущем» (457). Склоняясь к Сигизмунду, он произносит: «Ты должен отдать мне меч и весы, ибо ты был королём безвременья... Мы дали миру новые законы, ибо законы должны исходить от молодых» (458). Сигизмунд произносит: «Будьте свидетелями: я был. Хоть никто и не знал меня» (459) и отдаёт власть Детскому королю.

Концовка первой редакции возвращает зрителя к приёмам античной драматургии. В ней «*deus et machina*» («Бог из машины») означал неожиданную развязку, не связанную с ходом событий. Олимпийские боги, чаще всего Зевс, помогали героям в опасных ситуациях. Финал первой редакции дезорганизовывал основной барочный прием повтора мотива сна и реальности, о котором писал В. Беньямин: «В драме “Жизнь есть сон” повторение основной ситуации оказывается в центре действия» [Беньямин:138]. Политические противоречия, намеченные в драме, снимаются немотивированным вмешательством добрых сил и создают идиллию отношений монарха и народа. Детский король говорит словами из Библии о спасении человека (Ветхий завет. Книга пророка Исайи 2:4; 3:4).

В редакции пьесы 1927 г. Гофмансталь использовал ту же исходную ситуацию – освобождение принца Сигизмунда из заключения в атмосфере

мятежа и беспорядков. Если в первой редакции справедливость монархического правления получила подтверждение, то в новой редакции духовному миру Сигизмунда противопоставит не только всеобщий хаос, но и угроза установленному миропорядку и ему самому. Контрастные концовки подготовлены диаметрально противоположными концепциями о власти (власть Детского короля vs единоличная власть диктатора).

Осознание искусственности финала первой редакции и утопического существования на сцене двух королей стало причиной создания новой редакции. После серьёзной критики в прессе Гофмансталь более всего прислушивался к мнению немецкого режиссёра Макса Рейнхардта (1873–1943), поскольку все предыдущие инсценировки драм Гофмансталь под его руководством были успешными. Гофмансталь изучил политические трактаты К. Шмитта, теорию драмы В. Беньямина, труды М. Бубера, К. Маркса, исследования по русской революции и творчеству Ф.М. Достоевского, а также драмы Ф. Шиллера, оперы Р. Вагнера и др.

Гофмансталь полностью изменил четвёртый и пятый акты. Новые черты приобрёл образ Юлиана. Он остался воспитателем Сигизмунда в башне, однако у него появились коварные планы: использовать примирение короля с сыном для завоевания власти. Под его начальством находился Оливье. В начавшемся народном бунте мятежники захватили короля Базилия, который стал идеально добрым. Он заявил, что не совершал зла, не был убийцей, просил сохранить ему жизнь и отправить в монастырь, поскольку король являлся «верховным духовным пастырем» [Hofmannsthal: 450]. Базилий с упреками обратился к сыну Сигизмунду: «У меня детское сердце, но его испортил мир вокруг» (450).

Воеводы возвели на трон Сигизмунда, а он в свою очередь назначил министром Юлиана, который собрал тысячи воинов от имени короля, обещая назначить судный день для всех, кто применял насилие. Юлиан назвал имя главного человека, у которого сосредоточена власть – сержант Оливье. В третьей редакции Сигизмунд впервые совершил решительные действия: он участвовал в бою, был ранен, и его признали королём бедняков. Простой народ обращался к Сигизмунду как к «агнцу Божьему» и видел в нём символ «церкви на колёсах» (461).

Внезапно с вооружёнными пиками людьми появился Оливье: «...весь в железе и коже, с пистолетом за поясом, в шлеме и с железной булавой в руках» (462). Он предложил Сигизмунду новую роль: «Когда мы здесь пройдем маршем, ты будешь ехать на повозке, а они будут проходить тысячами мимо тебя и кричать «Хайль» и повторять слова, что ты прогнал своего отца с трона» (464). Сигизмунд задал вопрос, кто дал Оливье власть? Он ответил: «У меня булава, и я в руках судьбы» (465).

Сигизмунд робко возразил: «...но я здесь, и меня здесь нет... Я вижу: у тебя затылок быка и глаза собаки» (465). В это время пришло известие о расстреле короля Базилия. Оливье заявил: «Отменён язык павлинов и комедиантов. В мире настал день здравого смысла. Человек стоит перед своим судьёй. Настал наш суд над теми, кто обманывал народ» (467). Слышатся голоса за пределами башни: «Сигизмунд, будь с нами!» (468). Он подошёл к окну. Снаружи раздался выстрел. Сигизмунд умер со словами: «Будьте свидетелями: я был. Хоть никто и не знал меня» (469).

В третьей редакции воспроизводится императивная картина мира, у которой возможен один единственный путь развития. События привели к победе насильственной власти бунтаря-одиночки. Гофмансталь называл в письмах Оливье «большевиком», а критик М. Твелманн отмечал близость образа Оливье ленинской аргументации необходимости личной диктатуры в революционных переворотах [Twellmann: 138–140]. Гофмансталь, создавая гротескный образ «революционера» Оливье, предполагал сходство событий драмы с революцией в России. Однако историческая ситуация в трагедии была далека от реальных событий в России: цели и задачи социальной революции в драме не определены. Во-первых, Сигизмунд был ставленником воевод, требовавших конституционной монархии, и народа, который требовал справедливого короля. Во-вторых, на фоне многих заговорщических планов мятежников возникает гротескный образ Оливье – экстремиста и убийцы. Он предельно карикатурен и схематичен, поскольку жёстко руководствуется идеей узурпировать власть. Оливье – крайний случай проявления грубой авторитарной силы – определяет и авторский замысел, непримиримый как по отношению к наступающему фашизму в Западной Европе, так и радикальному обновлению общества в форме революционного переустройства мира на примере Советской России. Отвергая и то, и другое, Гофмансталь имплицитно сохранял верность старому монархическому укладу жизни.

Трагедия, закончившаяся катастрофой персонажа (Сигизмунда), поставила перед зрителем огромное количество неразрешимых проблем и оттолкнула их, во-первых, жестокостью образа Оливье, а во-вторых, пессимистическим видением будущего Германии и Австрии, прогнозируя апокалипсис. Гофмансталь предстал во всех вариантах драмы менее всего историком и социологом, а более всего идеалистом, активно работающим с предтекстами и сохраняющим высокую нравственность как завет русской литературы, о чем он не раз писал своим друзьям [Цветков 2016: 30–36].

Проблема политической власти в обществе и путей её достижения как основное проблемное поле «Башни» позволила Гофмансталю противо-

поставить две диаметрально противоположных картины мира – барочную и трагедийную. Резкие колебания авторского сознания от признания верховенства власти справедливого монарха к неприятию диктаторского режима можно объяснить целым комплексом причин как политических (отстранённость от идей реформирования общества), социокультурных (приверженность Габсбургскому наследию), этических (высокая нравственность как завет мировой литературы), психологических (неуверенность в себе), так и личных (семейная нестабильность). Следует вспомнить, что в 1929 году Гофмансталь умер в день похорон старшего сына Франца, совершившего самоубийство.

При всех состоявшихся постановках «Башни» зрительского успеха они не имели. Первая редакция была инсценирована в военное и послевоенное время: в Цюрихе («Шаушпильхаус», 1943), в Венском «Бургтеатре» (1948), возобновлена в 1958 году. Третья редакция нашла воплощение через год после написания (1928) в трёх театрах одновременно: мюнхенском «Принц-регент-театре», гамбургском «Шаушпильхаузе» и вюрцбургском «Штадттеатре» [König 2017]. После нескольких спектаклей они снимались с репертуара.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. 288 с.
- Гофмансталь Г. фон.* Башня // Гофмансталь Г. фон. Избранное / пер. с нем. Ю. Архипова. М.: Искусство, 1995. С. 350–460. (Далее сноски по этому изданию приводятся в круглых скобках с указанием страницы.)
- Гофмансталь Г. фон.* Заветы античности / пер. А. Назаренко // Гофмансталь Г. фон. Избранное. Указ. соч. С. 694–698.
- Кальдерон П.* Жизнь есть сон / пер. Д.К. Петрова // Кальдерон П. Драмы: в 2 кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 529–663.
- Манн Т.* Рассуждения аполитичного / пер. Е.В. Шукшиной. М.: АСТ, 2015. 542 с.
- Михайлов Н.Н.* Теория художественного текста. М.: ЯСК, 2006. 224 с.
- Рымарь Н.Т.* Барокко поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 27–30.
- Силантьев И.В.* Газета и роман: риторика дискурсивных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.
- Тюпа В.И.* Жанр и дискурс. URL: <http://philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения 20.09.2019).
- Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Цветков Ю.Л. «Австрийская идея» Гуго фон Гофманстала в публицистике Первой мировой войны // Литература и война: ситуация 1914–1918 годов. Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 12. М., 2015. С. 220–227.

Цветков Ю.Л. Роль нравственного начала русской литературы в эстетике Г. фон Гофманстала // Вестник ИВГУ. Сер.: Гуманитарные науки. Филология. Вып. 1 (16). 2016. С. 30–35.

Gelfert H.-D. Die Tragödie: Theorie und Geschichte. Göttingen, Vanderhoeck und Ruprecht, 1995, 175 s.

Hofmannsthal H. von. Der Turm. Neue Fassung. Gesammelte Werke in zehn Einzelbänden. Dramen III. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1986, s. 383–469. (Перевод автора статьи; далее сноски по этому изданию приводятся в круглых скобках с указанием страницы.)

Koenig Ch. Wie kann man über Hofmannsthals Trauerspiel “Der Turm” sprechen? URL: <https://networks.h-net.org/node/79435/discussions/156861/zs-musil-forum-studien-zur-literatur-der-klassischen-moderne-34> (дата обращения: 10.10.2019).

Magris C. Der Habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur. Wien, Zsolnay, 2000, 414 s.

Twellmann M. Das Drama der Souveränität. Hugo von Hofmannsthal und Carl Schmitt. München, W. Fink, 2004, 245 s.

References

Bahtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1975, 504 p. (In Russ.)

Ben'yamin V. *Proiskhozhdenie nemeckoj barochnoj dramy* [The origin of German Baroque drama]. Moscow, Agraf Publ., 2002, 288 p. (In Russ.)

Gofmanstal' G. fon. *Bashnya* [Tower]. Gofmanstal' G. fon. *Izbrannoe* [Selected works], trans. by Yu. Arhipov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, pp. 350–460. (In Russ.)

Gofmanstal' G. fon. *Zavety antichnosti* [The covenants of the ancient world], trans. by A. Nazarenko. Gofmanstal' G. fon. *Izbrannoe* [Selected works], op. cit., pp. 694–698. (In Russ.)

Kal'deron P. *ZHizn' est' son* [Life is a dream], trans. by D.K. Petrov. Kal'deron P. *Dramy* [Dramas]: in 2 vol. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 2, pp. 529–663. (In Russ.)

Mann T. *Rassuzhdeniya apolitichnogo* [Reasoning apolitical], trans. by E.V. SHishkina. Moscow, AST Publ., 2015, 542 p. (In Russ.)

Mihajlov N.N. *Teoriya hudozhestvennogo teksta* [Theory of artistic text]. Moscow, YASK Publ., 2006, 224 p. (In Russ.)

Rymar' N.T. *Barokko poetika* [Baroque poetics]. *Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij* [Poetics: dictionary of actual terms and concepts]. Moscow, Publ. Kulaginoj; Intrada Publ., 2008, pp. 27–30. (In Russ.)

Silant'ev I.V. *Gazeta i roman: ritorika diskursivnyh smeshenij* [Newspaper and novel: rhetoric of discursive mixes]. Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2006, 224 p. (In Russ.)

Tyupa V.I. *ZHanr i diskurs* [Genre and discourse]. URL: <http://philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (20.09.2019). (In Russ.)

Foucault M. *Poryadok diskursa* [The Order of discourse]. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow, Kastal' Publ., 1996, 448 p. (In Russ.)

Tsvetkov YU.L. «Avstrijskaya ideya» Gugo fon Gofmanstalya v publicistike Pervoj mirovoj vojny [“The Austrian idea” by Hugo von Hofmannsthal in the journalism of the First world war]. *Literatura i vojna: situaciya 1914-1918 godov* [Literature and war: the situation of 1914-1918]. *Russkaya germanistika* [Russian German studies]: *Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* [Yearbook of the Russian Union of germanists]. Moscow, 2015, vol. 12, pp. 220–227. (In Russ.)

Tsvetkov YU. L. *Rol' npravstvennogo nachala russkoj literatury v estetike G. fon Gofmanstalya* [The role of the moral principle of Russian literature in the aesthetics of H. von Hofmannsthal]. *Vestnik of Ivanovo State University. Ser.: Gumanitarnye nauki. Filologiya* [Series: Humanitarian Sciences. Philology], vol. 1 (16), 2016, pp. 30–35. (In Russ.)

ПРИНЦИП КЛИНАМЕНА В ПОЭТИКЕ АЛЬФРЕДА ЖАРРИ

В статье исследуется специфика эстетической программы одного из самых неординарных писателей рубежа XIX–XX веков, в творчестве которого сконцентрировались черты переходного периода, отчетливо просматривается разрыв с предшествующими традициями. Изучаются основы художественных взглядов Жарри. Главное внимание при этом уделяется принципу «клинамена», который лежит в основе его художественной системы. С этой целью анализируются такие его произведения, как «Песочные часы памяти», «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика», «Безграничная любовь» и другие, в которых особенности писательской манеры Жарри отразились наиболее отчетливо. Констатируется, что художественная система Жарри, построенная на принципе «клинамена», утверждает стихию всеобщего релятивизма, соединяющего противоположности. Пределы знания, границы смысла в творчестве Жарри все время отодвигаются: субъективный произвол у него – результат разочарования в метафизическом мышлении. На этом основании делается вывод о том, что стратегия познания, заданная такими координатами, как истина, Бог, центр, универсальный смысл, утрачивает для Жарри значение. Безликий «клинамен» приходит на смену Богу-смыслу. Слово Жарри, работающее по принципу «клинамена», – единственная возможность противостоять хаосу бытия. Своевольно опровергая изначальный существующий порядок, оно создает особенный мир, построенный на семантическом произволе, возникающем в результате отклонения смысла от изначального значения слова.

Ключевые слова: *fin de siècle*, «смерть Бога», метафизика, патафизика, клинамен, герметизм, *Deus ex machina*

Информация об авторе: Таганов Александр Николаевич, ORCID <https://orcid.org/0000-003-3270-1277>, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: shishtag@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.11.2020

Для цитирования: Таганов А.Н. Принцип клинамена в поэтике Альфреда Жарри // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 167-171. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-167-171>

Aleksandr N. Taganov
Ivanovo State University

THE CLINAMEN PRINCIPLE IN THE POETICS OF ALFRED JARRY

The article examines the specificity of the aesthetic programme of one of the most extraordinary writers in the turn of the 20th century, in whose creative activity the features of the transition period are concentrated, and the gap with previous traditions is clearly visible. The basics of Alfred Jarry's artistic views are studied. The main attention is paid to the principle of «clinamen», which is the foundation of his artistic system. Taking this into consideration, we analyse such his works as «Les Minutes de Sable mémorial», «Exploits and Opinions of Dr. Faustroll, Pataphysician», «Absolute Love» and the others, in which the features of Alfred Jarry's writing style are reflected most obviously. It is stated that Alfred Jarry's artistic system, based on the «clinamen» principle, approves the power of universal relativism that connects oppositions. The limits of knowledge, the limits of meaning in Alfred Jarry's work are constantly being pushed back – Alfred Jarry's absolute subjectivism is the result of disappointment in metaphysical thinking. In this connection, it is concluded that the strategy of knowledge, determined by such coordinates as truth, God, centre, universal meaning, loses its value. The faceless «clinamen» replaces the God-meaning. Alfred Jarry's word, which acts on the principle of «clinamen», is the only way to withstand the chaos of existence. Willfully rejecting the original existing order, it creates its own world, which is built on semantic despotism, resulting from the deviation of meaning from the original meaning of the word.

Keywords: *fin de siècle*, «death of God», metaphysics, pataphysics, clinamen, Hermeticism, *Deus ex machina*

Information about the author: Aleksandr N. Taganov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of Foreign Philology Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: shishtag@mail.ru

Article received: 15.11.2020

For citation: Taganov A.N The clinamen principle in the poetics of Alfred Jarry. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 167-171 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-167-171>

Место Альфреда Жарри (1873–1907), одного из самых парадоксальных писателей fin de siècle, в мировом литературном процессе обозначено современным литературоведением предельно четко: он предтеча европейского литературного авангарда, автор причудливого абсурдистского учения под названием «патафизика». Жарри создавал свои произведения в период, когда кризис позитивистских концепций в философии и натуралистического художественного опыта в литературе привел к появлению множества новых течений и школ, в деятельности которых прослеживались попытки пересмотра устоявшихся представлений и антирационалистическая направленность. Наряду с символизмом, в культурной жизни Франции того времени заметную роль играют различного рода мистические и оккультные идеи, в той или иной мере и в разной форме проявившиеся у многих писателей и мыслителей эпохи, например, таких как Жорис-Карл Гюисманс (1848–1907), Леон Блуа (1846–1917), Жозефен Пеладан (1859–1918), Папюс (1865–1916), Станислас де Гюайта (1860–1898).

Жарри живо реагирует на особенности современной ему духовной жизни. «Его мысль, – как справедливо замечает один из исследователей, – перемешивает совершенно своеобразным и оригинальным образом чисто символистские идеи с христианством и эзотеризмом» [Alfred Jarry: 26]. Кроме того, следует отметить внимание Жарри к философским учениям [Stehlin], подтверждающееся, в частности, и упоминанием в его произведениях имен известных мыслителей (Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Бэкона и т. д.), а также увлечение научными идеями, рождающими у него фантастические образы странных механизмов, вроде машины Клинамен из романа «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» или любовной человекомашины из романа «Суперсамец». Разнообразие интересов Жарри рождает в его произведениях широкий спектр тем и проблем, относящихся как к социальной, повседневной, профанной жизни, так и к явлениям потаенной, сакральной реальности. Как следствие этого в его текстах возникают и сосуществуют различного рода дискурсы, реализующие полифонию проявления жизненного пространства.

Человек в большинстве случаев представлен у Жарри на фоне бытия, законы которого, как правило, сокрыты и требуют особого гносеологического усилия для проникновения в них. В результате этого многие тексты Жарри приобретают форму герметических книг, насыщенных сложной символикой и затемненностью смысла, что проявляется в большинстве его произведений, особенно таких, как «Песочные часы памяти» («Les Minutes de Sable mémorial», 1894), «Кесарь-Антихрист» («César-Antéchrist», 1895), «Другой Альцест»

(«L'Autre Alceste», 1896), «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» («Gestes et opinions du docteur Faustroll, pataphisicien», 1898), «Безграничная любовь» («L'Amour absolu», 1899). В этой связи стоит прислушаться к словам французского философа Жюль Делеза, который считает Жарри «неведомым предшественником Хайдеггера» [Делез: 125], видит в его творчестве своеобразный способ преодоления традиционного, метафизического мышления, которое ведет к «забвению бытия» [Хайдеггер: 181].

Прояснить мысль Делеза во многом помогает присутствующее в романе Жарри «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» и уже упоминавшееся слово «клинамен», которое служит названием одной из глав указанной книги и находит воплощение в образе красильной машины, создающей произведения искусства, исходя из своей произвольной внутренней механической воли.

Понятие «клинамен» восходит к учению Эпикура об атоме. Атом, с его точки зрения, способен осуществлять незначительные произвольные отклонения от прямой линии падения, что является свидетельством наличия свободы в природе и необходимым условием образования различных форм материи. М. Ямпольский, посвятивший рассмотрению феномена «клинамена» применительно к сфере искусства специальную главу в одной из своих книг, справедливо замечает, что теория «клинамена» оказывается чрезвычайно актуальной для художественного творчества в целом и художественного слова в частности. Подтверждением тому становится писательская деятельность некоторых литераторов рубежа XIX–XX веков, у которых Бог, как первопричина и смысл всего сущего, заменяется «клинаменом», то есть случаем, не подчиненным никакому детерминизму [Ямпольский]. К числу таких писателей можно отнести и Жарри.

Единственная возможность противостоять абсурду существования, непроясненности бытия, с точки зрения Жарри, – творить свой собственный мир, личностный экзистенциальный смысл посредством спонтанного действия (что Жарри и осуществлял в своей повседневной жизни, давая повод для возникновения многочисленных анекдотов [Besnier: 13–17]) или художественного слова, опирающегося на патафизическое мышление. По замыслу Жарри, «патафизика есть наука о вообразимых решениях, которая образно наполняет контуры предметов свойствами, пока что пребывающими лишь в потенции» [Жарри: 274–275]. Это учение о том, что «дополняет метафизику как в рамках оной, так и за ее пределами, причем за эти самые пределы “патафизика простирается столь же далеко, как метафизика – за границы обычной физики”, предметом ее описания будет “мир, который мы можем – а вероятно, и должны – видеть на месте привычного...”» [Жарри: 274].

К числу «воображаемых решений» у Жарри относится и создание художественных смыслов, предполагающее особое обхождение с языком. В книге «Песочные часы памяти» Жарри так определяет задачи литературного творчества: «Внушать вместо того, чтобы говорить. Создавать на дороге фраз перекресток из всех слов» [Жарри 1932: 8].

«Перекрестки из слов» у Жарри создаются из отклонения от прямой линии свободного «падения» смыслов слов, в результате чего возникает особая многозначная структура текста. Конкретный факт социальной или культурной жизни может стать у него поводом для лингвистической игры со словами, в результате чего создается новая реальность, замещающая исходную. Реальное у Жарри часто переходит в литературное, а литературное становится реальным. Миметический принцип уступает место логике, согласно которой слово обретает независимость по отношению к объективной действительности и позволяет извлекать из себя потенциальные смыслы, не соотносимые напрямую с этой реальностью. Герметизм, закрытость, субъективный произвол у Жарри – результат разочарования в метафизическом мышлении. Стратегия познания, заданная такими координатами, как истина, Бог, центр, универсальный смысл, утрачивает значение. Безликий «клинамен» приходит на смену Богу-смыслу. Мотив единого Бога, создателя мира, его первопричины проходит через все творчество Жарри. Вместе с тем художественная стратегия Жарри, заданная логикой «клинамена», направлена не на утверждение идеи предустановленного порядка как условия существования мира, а скорее на ее опровержение. Постоянное обращение к теме Бога необходимо Жарри лишь для того, чтобы развенчать мысль о божественной первооснове бытия как гарантии его гармоничного, упорядоченного строения.

Контуры понятия «Бог» у Жарри деформируются, абсурдизируются, как это происходит в романе «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» («± Бог есть кратчайший путь от нуля к бесконечности – так или иначе, в ту или иную сторону» [Жарри: 348]), иногда подвергаются буффонному переосмыслению (оперетта-буфф «Леда»). Мысль Жарри о непроницаемости бытия отражается и в самом употреблении слова «Бог». Это слово, призванное означать всеобъятность вселенной, у Жарри размывается в своих границах – может заменяться земным именем, например Эмманюэль (роман «Безграничная любовь»), соединяться с другими божественными именами (Zeus/Dieu – Dzeus – в пьесе «Леда»). По сути, таким образом в текстах Жарри по-своему реализуется ницшеанский тезис о смерти Бога.

Художественная система Жарри, построенная на принципе «клинамена», утверждает стихию всеобщего релятивизма, соединяющего против-

положности: плюс и минус, жизнь и смерть, Бога и Антихриста. Контаминируя философский, эзотерический и научный дискурсы, Жарри выстраивает свое учение в виде философского диалога, доверяя свои идеи вымышленному мудрецу Ибикрату-геометру, который, опираясь на созданного воображением писателя основателя учения о патафизике Софротатоса Армянского и используя символику карт Таро, определяет понятие «Бог» через соединение полярных противоположностей. В результате создается причудливое образование: «И третьей отвлеченной фигурой Таро, по мысли Софротатоса Армянского, является та, что зовем мы тrefами, каковая есть Дух Святой, загнутый о все четыре угла, с двумя крыльями, хвостом и головою Птицы, а если его перевернуть – то стоящий прямо Люцифер, рогатый, брюхатый и крылатый, похожий на аптекарскую сепию, в особенности ежели убрать с его лица все отрицательные (читай: горизонтальные) линии; или – третий вариант – *tau*, он же крест, символ религии милосердной и человеколюбивой; или, наконец, фаллос – дактилическое выражение тройственной истины...» [Жарри: 345]

Слово Жарри, работающее по принципу «клинамена», – единственная возможность противостоять хаосу бытия. Своевольно опровергая изначально существующий порядок, оно создает свой мир, построенный на семантическом произволе, возникающем в результате отклонения смысла от изначального значения слова. Пределы знания, границы смысла в творчестве Жарри все время отодвигаются: Фаустроль и его спутники пускаются, подобно героям Рабле, в путешествие в поисках абсолютной истины. Однако путешествие это принимает фантазмагорические формы, оказываясь путешествием по кругу, замкнутым на себе странствием из Парижа в Париж по земной тверди на челне. Его конечный итог – констатация того, что «Бог есть точка, в которой сходятся ноль и бесконечность». А финальная фраза («*Патафизика есть наука...*» [Жарри: 348]) переводит проблему поиска смысла бытия в разряд гипотетических, потенциальных смыслов.

Слово Жарри не стремится вывести нас в конечном итоге к потаенной истине, заданной божественным порядком. Окунаясь в глубины эзотерического смысла, оно тут же стремится «всплыть» на поверхность жизни. В романе о Фаустролле есть глава «О герметическом мраке и короле, ожидавшем смерти». Горизонт читательского ожидания, направленного на слова «герметический мрак», оказывается размытым, так как Жарри затевает здесь пародийную словесную игру, обыгрывая название романа Рашильд «Принцесса сумерек» («*La Princesse des Ténèbres*», 1895), а определение «герметический» отсылает к журналу «Меркюр де Франс» (Меркурий/Гермес), с которым сотрудничал Жарри. Так глубинное здесь оборачивается по-

верхностным и, напротив, за поверхностью жизни открывается хаос «клинамена». Мистика у Жарри в конце концов оборачивается мистификацией. Поиски сакрального знания завершаются констатацией того, что истина – всего лишь иллюзия. При этом излюбленной формой художественного мышления у Жарри становится иронический дискурс, комическое начало, соединенное с гротеском, в результате чего возникает уникальный специфический «черный юмор» Жарри, который он исповедовал и в реальной жизни.

Принцип «клинамена» порождает в текстах Жарри свою орфографию: «rhyrance» («фуйнансы»), «oufficiers» («уфицеры»), «oneilles» («ухи»). Алфавит, представленный в «Иллюстрированном альманахе Папаша Убю (XX век)» («Almanach illustré du Père Ubu <XX Siècle>», 1901), вызывает ассоциации с известным сонетом Рембо «Гласные» («Voyelles», 1883). Подобно Рембо, Жарри наполняет буквы содержанием, идущим от его субъективного видения, при этом совершается соединение духовного, плотского, чувственного начал: «А. Голод (брюхо Папаша Убю). I. Ликование Папаша Убю. Е. Кровожадность (челюсть Папаша Убю). О. Восторг (пупок Папаша Убю). У. Боль (слезы Папаша Убю)» [Жарри: 216–217]. Французский исследователь М. Арриве не без основания усматривает в особом внимании Жарри к буквам и их материальным формам, дающим повод к довольно фривольным словесным играм, которые возникают в одном из текстов указанного альманаха, эротический подтекст [Arrivé: 68–69].

Механизм «клинамена» проявляет себя в творчестве Жарри и на уровне фразового единства, образуя причудливые связи между словами, создавая «перекрестки из слов», «ошеломляющие образы», предвещающие сюрреалистические опыты, примером чему может служить, скажем, название одной из уже упоминавшихся книг писателя – «Les minutes de Sable mémorial» («Минуты памятного песка»).

Тот же принцип работает у Жарри на уровне жанра: в его творчестве, весьма часто в рамках одного произведения соединяется поэтическое и прозаическое, гиньольное, фарсовое, и ужасное, трагическое. Так же причудливо в произведениях Жарри может выстраиваться и сюжет. В романе «Беспредельная любовь» разворачивается история, главным персонажем которой является Эмманюэль Дьё (Emmanuel Dieu; Эмманюэль – в переводе с древнееврейского означает «С нами/перед нами Бог»; Дьё (фр. Dieu) – «Бог»). Текст романа – слово, порожденное Жарри, но представляющее нам мир, творимый сознанием Эммануила Дьё – Бога. В конечном итоге слова автора и героя, субъект и объект смыкаются, совпадают. Творя сознание героя, автор создает новую реальность, которая перестает подчиняться привычным законам. Ми-

метическая функция слова здесь сосуществует с демиургической.

Исходным понятием для Жарри оказывается изначальный хаос бытия, включающий в себя все сущее. В результате «смерти Бога» человек в художественном мире Жарри перекладывает его функции на себя: «Если души независимы и свободны, человек есть Бог (Мораль)» [Жарри: 346]. Он отныне претендует как на земную власть, подобно герою знаменитых пьес Жарри – папаше Убю, – так и на небесную: доктор Фаустроль объявляет себя Богом и творит мир наоборот в течение семи дней, лишая жизни все живое вокруг, считая, что «вселенная есть опровержение самой себя» [Жарри: 336]. То ли Бог, то ли Антихрист, скорее, и то, и другое в одном, он проповедует свое учение, создает свой Завет и на этом основании – новую реальность бытия. В начале и в конце творения Фаустроля находится слово, и слово это – «патафизика», а в основании слова – образ мира-хаоса.

Будучи уверенным, что Бог покинул этот мир, Жарри в одной из своих хроник, предназначенных для периодических изданий, обращаясь к пьесе Октава Мирбо «Дела есть дела» («Affaires sont les affaires», 1903), парадоксально переосмысливает известное изречение «Deus ex machina» на примере судьбы одного из персонажей указанной драмы – Ксавье, который по сюжету попадает под машину. Этот случай для Жарри – пример реализации в XX веке знаменитого античного театрального приема, приобретающего, однако, особый смысл: «В данном случае машина одна и сама по себе выполняет работу Бога. *Deus ex machina*. БОГ БЫЛ ИЗВЛЕЧЕН ИЗ МАШИНЫ. И машина от этого испытывала лишь меньшее трение» [Jarry 2007: 253]. Знакомое изречение, вынесенное в заголовок хроники, трактуется здесь в духе патафизической теории Жарри: «Бог из машины» – Бог, находящийся в машине, управляющий машиной, превращается в Бога, извлеченного из машины, Бога, покинувшего машину. Машина обретает свободу. Привычная нам фраза, фраза-клише поворачивается новыми, неожиданными смысловыми гранями. Мир, оставленный Богом, развивается по законам имманентного саморазвития, по принципу «клинамена».

Список литературы

Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. 240 с.

Жарри А. «Убю король» и другие произведения: пьесы, романы, эссе. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2002. 603 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Ямпольский М.Б. Наблюдатель: Очерки истории видения. М.: Ad Marginem, 2000. 287 с.

Alfred Jarry. Une étude par Jacques-Henry Levesque. Oeuvres choisies, bibliographie,

dessins, portraits, fac-similiées. Paris, Seghers («Poètesd'aujourd'hui»), 1967, 217 p.

Arrivé M. Lire Jarry. Bruxelles, Editions Complexe, 1976, 172 p.

Besnier P. Alfred Jarry. Paris, Fayard, 2005, pp. 13–17, 724 p.

Jarry A. La chandelle verte. Le Castor Astral, 2007, 325 p.

Jarry A. Les Minutes de Sable mémorial suivies de Césaire-Antéchrist. Paris, Fasquelle éditeurs, 1932, 262 p.

Stehlin C. Jarry, le cours Bergson et la philosophies. Europe, 1981, № 623–624, pp. 34–51.

References

Delez Zh. *Kritika i klinika* [Criticism and clinic]. Sankt-Peterburg, Machina Publ., 2002, 240 p. (In Russ.)

Zharri A. «Ubu korol'» i drugie proizvedeniia: p'esy, romany, esse ["Ubu the king" and other works: plays, novels, essays]. Moscow, B.S.G.-PRESS Publ., 2002, 603 p. (In Russ.)

Khaidegger M. *Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 447 p. (In Russ.)

Iampol'skii M. B. *Nabludatel'. Ocherki istorii videniia* [Observer: Essays on the history of vision]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000, 287 p. (In Russ.)

Alfred Jarry. *Une étude par Jeacque-Henry Levesque. Oeuvres choisies, bibliographie, dessins, portraits, fac-similiées*. Paris, Seghers («Poètesd'aujourd'hui»), 1967, 217 p. (In French)

Arrivé M. *Lire Jarry*. Bruxelles, Editions Complexe, 1976, 172 p. (In French)

Besnier P. *Alfred Jarry*. Paris, Fayard, 2005, pp. 13–17, 724 p. (In French)

Jarry A. *La chandelle verte*. Le Castor Astral, 2007, 325 p. (In French)

Jarry A. *Les Minutes de Sable mémorial suivies de Césaire-Antéchrist*. Paris, Fasquelle éditeurs, 1932, 262 p. (In French)

Stehlin C. Jarry, le cours Bergson et la philosophies. Europe, 1981, № 623–624, pp. 34–51. (In French)

КЕНИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭКСПАТРИАНТОВ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
МАРДЖОРИ МАКГОЙ И СТИВЕНА ПАРТИНГТОНА

Англоязычная поэзия Кении возникает и начинает развиваться в 70-х гг. XX в., на десятилетие позже угандийской. Именно в это время появляются первые по-настоящему блистательные примеры поэтического творчества – стихи ставших впоследствии классиками кенийской литературы Джаредда Ангиры и Мисере Гитхэ Муго, чье творчество характеризует два основных направления кенийской англоязычной поэзии второй половины XX в. – критико-реалистическое и философски-мистическое [Фролова: 75–90]. Изучение англоязычной поэзии Кении заставляет обратить внимание на такой интересный феномен, как кенийская поэзия авторов британского происхождения. Это писательница Марджори Олудэ Макгой и поэт Стивен Партингтон, чье творчество нельзя назвать типичным явлением восточноафриканской словесности. И Макгой, и Партингтон – этнические англичане, перебравшиеся, каждый в свое время, в Кению и посвятившие себя литературе и, главное, назвавшие Кению своей родиной, а себя – кенийцами. В их стихах – искренняя любовь к земле, которая стала для них родным домом, боль за терпящих невзгоды африканцев, осмысление африканской действительности глазами европейца. Каждый по-разному решает свою писательскую задачу.

Ключевые слова: англоязычная поэзия Восточной Африки, поэзия Кении, Марджори Макгой, Стивен Партингтон, писатели-эмигранты

Информация об авторе: Фролова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия

E-mail: samaki@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.09.2020

Для цитирования: Фролова Н.С. Кенийская поэзия эмигрантов на примере творчества Марджори Макгой и Стивена Партингтона // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 172-178. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-172-178>

Natal'ya S. Frolova
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

EXPATRIATE KENYAN POETRY:
MARJORIE PHYLLIS OLUDHE MACGOYE AND STEPHEN DERWENT PARTINGTON

English-language poetry in Kenya emerges and begins to develop in the 1970s, a decade later than the Ugandan one. It was at this time that the first truly brilliant examples of poetic work appeared – these are poems of Jared Angira and Micere Githae Mugo, who later became classics of Kenyan literature, whose work characterises the two main directions of Kenyan English-language poetry of the second half of the 20th century – critical-realistic and philosophical-mystical [Frolova: 75–90]. Studying the English-language poetry of Kenya draws attention to such an interesting phenomenon as the Kenyan poetry of expatriate writers. These are the creative work of Marjorie Oludhe Macgoye and the Stephen Partington, whose creative work cannot be called typical for East African literature. Both Macgoye and Partington are ethnic British, who had moved, each at own time, to Kenya and devoted themselves to literature, and, what is most important, called Kenya their homeland and themselves, Kenyans. In their poems, one can feel sincere love for the land, which has become their home, sympathy for Africans who suffer social injustice, and huge efforts to understand African reality through the eyes of a European.

Keywords: English-language East African poetry, Kenyan poetry, Marjorie Phyllis Oludhe Macgoye, Stephen Derwent Partington, expatriate writers

Information about the author: Natal'ya S. Frolova, Candidate of Philological Sciences, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: samaki@mail.ru

Article received: September 28, 2020

For citation: Frolova N.S. Expatriate Kenyan poetry: Marjorie Phyllis Oludhe Macgoye and Stephen Derwent Partington. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 172-178 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-172-178>

Кенийская писательница Марджори Олудэ Макгой (1928–2015), уроженка Великобритании, автор нескольких романов и двух поэтических сборников – «Песня ньярлоки»¹ (1977) и «Пусть запоет» (1998) по праву заслужила прозвище «матери кенийской литературы»². Марджори Кинг впервые оказалась в Кении в 1954 г., в период самых серьезных политических потрясений (восстание мау-мау находилось в своей острой фазе), в качестве миссионера-книготорговца. Спустя несколько лет она получила гражданство, вышла замуж. После женитьбы глубоко погрузилась в изучение культуры народа луо, к которому принадлежала семья мужа.

Поэтическое творчество Марджори Макгой во многом демонстрирует неразрывную связь автора с британской культурой, с одной стороны, и активную вовлеченность в культуру и общественно-политическую реальность Восточной Африки. Этот симбиоз заметен даже на формальном уровне: использование традиционной формы суахилийского стиха в англоязычном произведении «Shairi la Ukombozi»³ (*Шаири об освобождении*).

Песня – ключевое понятие поэзии Макгой: благодаря четкому ритму, который демонстрирует экспрессию сродни музыкальному произведению, эти стихи действительно хочется пропеть. Стихи Макгой насыщены фольклорными элементами, многие из них представляют собой стилизацию под народные песни с характерными повторами, междометийными вставками и т. п.

Творчество Макгой проникнуто болью и состраданием к кенийскому народу, ставшему для нее родным. Поэтесса глубоко переживает тяготы и лишения своих соплеменников, кенийцев. В стихотворении «Песня свобода» (*A freedom song*), написанной в форме народной песни, рассказ о девочке по имени Атьено, на чью долю выпала несчастливая судьба детей, лишенных детства, судьба многих кенийских (и, шире, африканских) детей и подростков, вынужденных вместо игр и учебы много работать по дому, торговать на рынке. В этом необычайно грустном стихотворении поэтесса выступает против порочной практики эксплуатации молодого поколения в странах Африки:

Atieno washes dishes,
Atieno pluckes the chicken,
Atieno gets up early,
beds her sacks down in the kitchen,
Atieno eight years old,
Atieno – yo.

...
Visitors need much attention,
specially when I work nights.
That girl stays too long at market;
who will teach her what is right?
Atieno rising fourteen.
Atieno – yo.

Атьено моет посуду,
Атьено потрошит курицу,
Атьено рано встает,
Тряпье в углу кухни – ее постель,
Атьено восемь лет,
Атьено, эй!

...
Покупателям нужно больше внимания,
особенно когда я работаю по ночам.
Эта девочка слишком долго стоит на рынке;
кто научит ее правильно жить?

Атьено уже 14.
Ох, Атьено.

[Macgoye 1998: 73–74]

Судьба девочки-подростка в Африке предreshена, смерть Атьено после неудачного разрешения от бремени – таков привычный финал многих ее ролевнищ, как бы говорит нам поэтесса:

Atieno's had a baby
so we know that she is bad
Fifty-fifty it may live
to repeat the life she had,
ending in post-partum bleeding
Atieno – yo.

Atieno's soon replaced.
Meat and sugar more than all
she ate in such a narrow life
were lavished on her funeral.
Atieno's gone to glory,
Atieno – yo.

У Атьено ребенок –
дрянная девчонка.
Вряд ли выживет он, иначе
повторит судьбу матери.
у той послеродовое кровотечение
Эх, Атьено.

Быстро Атьено нашли замену.
На ее похоронах было больше
мяса и сладостей, чем она съела
за всю свою жалкую жизнь.
Упокой душу
твою, Атьено.

[Macgoye 1998: 74]

Однако это не означает, что Макгой стремится к некоему литературному обобщению, напротив, чувствуется невероятно личностный подход поэтессы к проблемам, существующим в современном кенийском обществе. Для нее важно назвать жертву по имени, оставить о ней память, в том числе и у виновных, пусть и невольно, в трагедии этой жертвы. Макгой ценит человеческую жизнь, кому бы она ни принадлежала, для нее важно оплакать любое замученное, нелепо погибшее или подвергнутое несправедливому обращению человеческое существо, будь то никому не известная девочка Атьено или дети, затоптанные во время визита первого президента Кении Джомо Кеньяты в город Кисуму в 1969 г.:

sleep, Alnoor, my son.
Lie quietly, My baby Ochieng⁴,
Hush, they may hear you fidget
as though those little graves did not content you.
Rest quietly, now the big men are counting
the living, not the dead.

спи, Алноор, сынок.
Тихо лежи, дитя мое Очъенг,
Тсс, они могут услышать вашу возню,
как будто вам мало ваших могил.
Сейчас большие дяди считают
живых, а не мертвых.
«Песня о Кисуму» (*Song of Kisumu*)
[Macgoye 1998: 13]

Оплакивает Макгой и несчастных безвестных жителей деревеньки Мворото, которую в одну ночь сровняли с землей бульдозеры по приказу городской комиссии Найроби в стихотворении:

This phosphorescent night
– jagged, noisy, chill –
as the river crawls with its curd of refuse,
followed a day of ragged alarm,
machines like hippos' open jaws
shredding a doll's house world,
scattering kids and clothes,
battering heads and bloody limbs
near drowning among poilythene island.

Сверкающая ночь
– рваная, шумная, холодная –
пока река ползет прокисшим молоком отказа,
за нею день, истерзанный тревогой,
машины бегемотами открыли пасти,
кромсая кукольного домика мирок,
расшвыривая детей, одежду,
разбивая головы и руки-ноги в кровь
посреди мусорных островов⁵.
«Мворото» (*Muoroto*)
[Macgoye 1998: 82]

Обращает на себя внимание вводное пояснение к стихотворению, в котором поэтесса не без сарказма приводит фрагмент заметки из найробийской газеты «The Weekly Review», опубликованной после описанной Макгой злосчастной ночи: «Life was slowly returning to normal in Nairobi's Muoroto shanty village two weeks after it was razed to the ground...» (Жизнь медленно возвращалась в деревеньку Мворото через две недели после ее уничтожения...)

Такой представляется Марджори Макгой настоящему правдивая история – в ней нельзя замалчивать даже самые ничтожные события. Приезд президента становится в ее стихах печально известен благодаря затоптанному малышам, а снос уродующих столичный облик трущоб – варварски загубленными жизнями.

Несмотря на частые минорные настроения поэзии Маоджори Макгой, стоит отметить главную позитивную черту, характерную для стихов поэтес-

сы, – ее любовь к Кении, стране, которой ей очень хотелось стать нужной и которая ей стала близка. В предисловии к сборнику читаем: «Марджори рассказывает о жизни этого народа (кенийцев. – *Н. Ф.*) в каждом стихотворении... В большинстве ее стихов прославляется Кения – ее народ...» [Иконуа, viii] И далее: «С самого начала она стала истинной дочерью своего народа, луо... Она пыталась глубже понять жизнь народа, частью которого стала...» [Иконуа, xi]. Восхищение Африкой, черным цветом кожи, самобытной африканской природой, культурой, одеждой дает право Марджори сетовать на потерю африканской самобытности, особенно в таком африканском мегаполисе, как Найроби:

Never has there been more fashion-consciousness
Then ours in Africa,
Always eclectic,
Always ambitious...
But today I saw a moran
Wearing blanket and ear-rings,
Orange socks and *lada* from Bata.

Нигде никогда не было такого чувства моды
кроме как у нас в Африке,
столько эклектики,
столько задора...
Но сегодня я видела морана⁶
Одетого в плед, с серьгами,
В оранжевых носках и ботинках из Bata⁷.
«Африканский город» (*The African city*)
[Macgoye 1998: 21]

Нельзя не отметить патерналистские нотки поэзии Марджори Макгой, что неудивительно, ведь юная Марджори Кинг прибыла в Кению в качестве миссионера в 1950-е гг. При этом цель своей миссии отчасти она воплотила в таких стихотворениях, как «Иисус» (*Jesus*), «Леонида и форт Иисус» (*Leonida and Fort Jesus*), «Канун Пасхи» (*Easter Eve*).

Пик активной социальной и творческой деятельности Макгой пришелся на середину 60-х – 70-е гг. XX в., первое время становления и развития новообразованных независимых африканских государств, в том числе и Кении; время, когда память о колониальной зависимости была еще очень свежа, но уже достаточно явно обнаружили себя язвы постколониальной африканской действительности – нищета и несправедливость народа, гигантские проблемы социального характера, «воцарение» вчерашних борцов за независимость. Будучи интегрирована в этот водоворот перемен, живя и работая в стране в самый непростой для нее период, Макгой все же еще не до конца африканка, кенийка, она искренне и со всем энтузиазмом оценивает эту жизнь как бы со стороны, выступая в качестве некоего посла мира и справедливости, представляя развитую европейскую державу, каковой, несомненно, является Великобритания. Не случайно на пике своей творческой и активной социально-

политической деятельности Марджори общается со многими видными представителями восточно-африканской интеллигенции, уделяя значительное место обращению к ним в своих стихах. Среди адресатов Макгой – писатели Окот п’Битек и Нгуги ва Тхионго, политик Том Мбойя, памяти которого Макгой посвящает полное боли и отчаяния стихотворение⁸:

The grass is trampled,
Only vultures overhead
swoop, rend and darken,
All else is down.
the buffalo is down,
elephant fallen,
lion torn and unmanned.

Трава вытоптана,
Только стервятники кружась
бросаются вниз, кромсают, порочат,
Все живое поникло.
Буйвол упал,
слон обессилел,
лев повержен.

«Посвящается Тому» (*To Tom*)
[Macgoye 1998: 31]

Поэзия Марджори Олудхэ Макгой – это своего рода энциклопедия кенийской жизни тех времен, по крайней мере, благодаря ее творчеству, в том числе поэтическому, можно составить картину культурной и социально-политической жизни 60–80-х гг. XX в., истории Кении и африканского континента. Пусть даже глазами европейки. Творчество Макгой – литература для интеллектуально подготовленного читателя, способного считывать аллюзии, которыми буквально нашпигованы стихотворные произведения Макгой.

Возможно, отчасти поэтому таким покиплинговски покровительственным может показаться читателю оплакивание Марджори девочки Атьено или по-матерински снисходительным сетование по поводу масаи, нацепившего европейскую обувь. Недаром опорным словом в вышеназванном прозвище Макгой является слово «мать», буквально – родитель, опекун. Что, повторимся, не удивительно, так как для того времени разрыв культур был еще слишком велик и, возможно, на тот момент казался даже непреодолим в силу культурных и исторических реалий, в которые была погружена Марджори Макгой. Именно поэтому таким ощутимым представляется контраст иммигрантской поэзии Макгой 60–90-х гг. XX в. и творчества другого кенийского поэта, британского происхождения, Стивена Партингтона, пишущего уже в наши дни.

Представитель англоязычной кенийской поэзии 2000-х гг. англичанин Стивен Партингтон, преподаватель литературы, публицист, в своем творчестве демонстрирует ироническое отношение к окружающей действительности, поэт больше тяготеет

к изображению комического, страдания и боль не в фокусе его писательского внимания. Особенно это характерно для стихов на тему расовых взаимоотношений. Партингтон зачастую демонстрирует ироническое отношение к своему неафриканскому происхождению, непониманию вещей, очевидных для коренных жителей Кении. Так, в стихотворении «Смешная штука, культура» (*It's Funny Thing, Culture*) он подшучивает над слишком серьезным восприятием европейцев некоторых обычаев кенийских этносов:

Because my future wife's Akamba
I have bought myself a longbow
and a quiverful of arrows.
For a laugh, you understand.
Still, I would like to learn the recipe
the old Akambas used to tip
these funny-looking weapons –
I am told that it could kill you in
an instant. What a laugh! I'd
love to make it. Maybe venom from
a cobra? Just don't know. But
I'm excited, for my Kamba watch-
men tell me they will show me
just how strong it is... someday,
some future pay-day. Someday soon.
I cannot fathom why their offer
makes them double-up with laughter.

Поскольку моя будущая жена из народа акамба,
Я купил себе лук
и стрелы.
Ради хохмы, поймите.
Хотел я узнать рецепт
того зелья, в которое акамба окунают
стрелы –
Мне сказали, оно способно убить
в мгновение. Забавно! Я бы хотел
сварить его. Может, из яда
кобры? Просто не знаю. Но я
Поражаюсь, когда другие акамба
говорят, что покажут,
насколько силен этот яд... однажды,
когда придет час. Когда-нибудь вскоре.
Не могу объяснить, почему эта фраза
их заставляет так смеяться.

[Partington: 51]

Тему комической непохожести белых и чернокожих развивает поэт в таких стихах, как «Способ общения» (*Communication*), где описывает способ коммуникации посредством СМС и электронной почты, которым европейцы с легкостью заменяют реальное общение и который перенимают африканцы; или в стихотворении «Что значит загар для белого» (*Sunburn for a mzungu*):

It is sleeping in agony: sheets rub like
emery...
...Is peeling and sloughing
like snakes...Is

to look like a bloody flamingo, a traffic-light, strawberry-lollipop-red-headed geek.

Твое тело в агонии: простыни трут как наждак...
...кожа слезает
как у змеи... а ты
словно фламинго, как красный сигнал светофора,
пугало с пунцовой как леденец головой.
[Partington: 52]

Стивен Партингтон дебютировал сборником с характерным названием «СМС или разговор лицом к лицу» [Partington], который разделен на главы, каждая из которых посвящена той или иной тематике – любовь, расизм, охрана природы, религия. Каждая глава предваряется развернутым комментарием автора. К примеру:

«Любовь странная штука. Забудем, что это эмоция, и вспомним, что это абстрактное существительное: то, что невозможно почувствовать, понюхать или адекватно определить... Необъятная тема, Любовь: ее не измеришь валентинкой для определения отношений мужчины и женщины. Бывает любовь друзей, родительская любовь, страсть, романтическая любовь, любовь супругов, любовь к Богу... Любовь заставляет нас болеть, смеяться, плакать, она заставляет нас чувствовать себя... человеком» [Partington: 19]

При этом, говоря о любви, поэт не склонен к патетике и романлизации чувства и пишет о продажной любви в стихотворении «Проститутка» (*Malaya*)⁹:

Don't pity her unwashed plastic braids
or the tattered designer fakes she wears,
her wasting slimline hunger, or her AIDS.

...
And do not pity her lack of self-respect,
her loose morality, or frown
She-just-ain't African
or Christ-says-this-and-that!

Не жалейте ее за косички немывтые,
За паленые шмотки,
За ее худобу и за СПИД.

...
Не ругайте, что нет уваженья к себе,
что бесстыдница, «не африканка»,
что «забыла Христа»!

[Partington: 21]

Здесь же, на противоположной странице сборника, читаем стихотворение «Не английская роза» (*No English Rose*), в котором поэт обращается к своей кенийской возлюбленной – произведение, неизбежно вызывающее в памяти аллюзию на шекспировское «*что значит имя, роза пахнет розой*»:

In British verse, your sort's not celebrated anywhere.
And so I will discover you, like Thompson, Krapf or Livingstone,
those arrogants who wrote about this continent as if it

hadn't been before they came. I share their need to name –
not lakes and hills and falls, but you, your beauty.
It is wrong, some folk will say, and clearly racist. So?
I love you, so I'll sing you and I'll praise you. It is wrong,
some folk will say, and clearly sexist. Still I'll sing you for I love you; love your ploughed-field hair, your sanded hardwood cheeks, your lips as dusky as the fabled tents of Kedar, and your eyes like polished baobab seeds...

В стихах английских слов таких не встретишь.
И я открою заново тебя, как Томпсон, Крапф и Ливингстон
те выскочки, которые писали о вашем континенте, словно бы
его и не было до них. Я чувствую потребность ту же дать имя –
не озерам и холмам, не водопадам, но тебе.
Неправильно все это, кто-то скажет, расизм чистейший. Ну так что ж?
Ведь я люблю тебя, я буду петь тебе и славить тебя. неправильно все это,
кто-то скажет, дискриминация мужчиной женщины.
И все же
я буду петь тебе, ведь я тебя люблю; люблю волну волос, и щеки,
что древесной черноты черней, и губ изгиб, темнеющих, как кроны
сказочного Кедра, и семена начищенных до блеска баобаба глаз твоих...

[Partington: 20]

Здесь нельзя не отметить, что Партингтон, как и Макгой, привлекает образы британской культуры для того, чтобы рассказывать о вечных темах, не перестающих оставаться таковыми в контексте африканской действительности.

Элегический настрой Партингтона сменяют экспрессивность и чувственность, когда речь заходит о природе тропиков. Стихотворение «Ливень» (*The Rains*) – поэзия бурлящей в недрах земли жизни, пробуждающейся под каскадами тропических ливней, читатель словно чувствует плеск хлещущих струй и биение пульса с новой силой оживающей после дождя природы:

But, come tomorrow, we will witness,
in an instant, Birth:
a greening and a hatching and a chirping
and a lowing and a trumpeting, a bleating
barking roaring crowing singing,
life emerging, eyelids opening, a push,
a parturition of the Earth.

Но завтра мы увидим
в мгновение Рождение:
цветение, проклевывание, чирикание,
мычание и трубный глас, и бляенье,
лай, рев и карканье, и пение, жизнь
пробуждающуюся, распахнутость ресниц,
толчок – и вот Земля рождает.

[Partington: 30]

Восторг, вызванный африканской природой, столь свойственный писателям-эмпатриантам (характерный, как мы помним, и для творчества Марджори Макгой), тем не менее, не так примечателен в творчестве Стивена Партингтона, хотя и занимает в нем заметное место. Гораздо более интересной представляется раскрываемая в его стихах проблематика межрасовой и межкультурной коммуникации. Задача Партингтона – высмеять пошлые стереотипы, которые мешают за этническими, гендерными, расовыми ограничениями увидеть людей, стереотипы, которые порождают глупость и вражду:

Our children will be... sepia.
Like all daguerreotypes,
but snapshots of the future...

They'll chat in Sheng.
they'll grow, in time, to eat ugali
with hint-of-light-crisp-lemon-
luscious Chardonnay.

No doubt they'll translate Ngugi
into English as a near Shakespearean
Sonnet sequence. Suerly they'll be
multi-skilful *Übermenschen*,

fluent in a thousand tongues or...
Cut the crap! Our children
will be children. Simply that. For
when the shit's all said and done

they'll be, not pioneers nor symbols,
but our daughters and our sons.

Наши дети будут цвета... сепии
Как дагерротипы,
только в будущем...

Примутся болтать на *шенге*,
вырастут, *угали* будут
запивать лимонно-желтым
и блестящим Шардоне.

Нгуги переведут Тхионго
на манер шекспировских
сонетов. Явно будут
Суперлюди,

говорить свободно смогут на любом из
языков или...
Хватит! наши дети
будут просто дети – точка!

не пионерами и не символами,
а нашими сыновьями и дочерьми.
«Скрещивание» (*Misgenation*)
[Partington: 53]

Поэзия Марджори Макгой и Стивена Партингтона – с одной стороны, блестящий пример того, как сближение культур формирует у европейской интеллигенции, иммигрировавшей в Африку, за-

прос на литературное самовыражение в контексте интеграции в инокультурный социум.

С другой стороны, на примере творчества этих двух авторов мы видим, как со временем развивается отношение поэта к теме Африки и африканцев, к своему собственному месту в мире и культуре, в которые они оказались интегрированы. Если в творчестве Марджори Макгой, пишущей преимущественно в 60–80-е гг. XX в., чувствуются явные патерналистские, просветительские нотки, Партингтон, живущий в одно время с нами, в эпоху последних технологических достижений, которыми одинаково пользуется и он, и пасущий скот масаи (недаром на обложке его первой книги стихов изображен масаи в национальной одежде, который говорит по мобильному телефону), уже не несущий на себе пресловутое бремя белого человека, выступает с этим миром на равных, пытается разобраться в природе стереотипов, сложившихся в отношении межкультурных и межрасовых взаимоотношений, чтобы побороть их, в том числе и в себе самом, разобраться в проблемах социального характера, никого при этом не осуждая, но пытаясь понять.

Примечания

¹ Приблизительный перевод – *Песня невесты с другого берега*. *Nyarloka* в переводе с языка луо – девушка, которая прибывает из чужих земель, чтобы стать женой и принять новую землю как свою вторую родину.

² Автор использует именно суахилиязычное название. *Shairi, шаири* – один из двух основных жанров традиционной суахилийской поэзии.

³ https://en.wikipedia.org/wiki/Marjorie_Oludhe_Macgoye (дата обращения: 24.09.2020).

⁴ Автор уточняет в примечании, что это реальные имена жертв инцидента.

⁵ В оригинале выражение *polythene islands* (полиэтиленовые острова) – намек на захламленность трущоб Найроби полиэтиленовыми пакетами, этой большой экологической проблемы всей Африки.

⁶ Юный воин народа масаи.

⁷ Широко распространенная марка недорогой обуви.

⁸ Кенийский политик Том Мбойя был убит в 1969 г.

⁹ Суахилийский термин.

Список литературы

Фролова Н.С. Столкновение Востока и Запада: восточноафриканский взгляд. Англиязычная лирика Джаредда Ангиры и поэзия протеста Мисере Муго // Встреча Востока и Запада. Взаимодействие литературы и традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 75–90.

Ikonya Philo. Introduction. Make it Sing and other poems. Nairobi, 1998, pp. vii-xii.

Macgoye M. Song of Nyarloka and other poems. Oxford University Press, 1977, 60 p.

Macgoye M. Make it sing and other songs. Nairobi, 1998, 112 p.

Partington Stephen. SMS & Face to Face. Nairobi, 2003, 112 p.

References

Frolova N.S. *Stolknovenie Vostoka i Zapada: vostochnoafrikanskii vzgliad. Angloiazychnaia lirika*

Dzhareda Angiry i poeziia protesta Misere Mugo [The Clash of East and West: An East African View. English lyrics of Jared Angira and protest poetry of Micere Mugo]. *Vstrecha Vostoka i Zapada. Vzaimodeistvie literatur i traditsii* [Meeting of East and West. Interaction of literature and tradition]. Moscow, IMLI RAS, 2020, pp. 75–90. (In Russ.).

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-179-186>
УДК 821.161.1.09"20"

Столетова Анна Сергеевна
Вологодский государственный университет

**ПИСАТЕЛЬСКИЙ АВТОРИТЕТ В ПРОЦЕССАХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1960–1970-Х ГГ.
(МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА)**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ
«Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269

В статье охарактеризовано усиление писательского интереса к простому, рядовому человеку, к народным проблемам и тяготам послевоенного времени. В тексте акцентируется внимание на зарождении критической линии в литературном творчестве писателей Русского Севера – территории, где были сильны крестьянские ментальные связи и духовные скрепы. Рассматриваются идеологические дискуссии относительно публиковавшейся остросоциальной составляющей печати – повестей «Вологодская свадьба» Александра Яковлевича Яшина и «Вокруг да около» Федора Александровича Абрамова. Новизна исследования состоит в том, что показаны политико-идеологические механизмы воздействия на писательский авторитет. Особое внимание уделяется периоду 1960-х гг., связанному с кардинальной социальной трансформацией деревенской бытности, ломкой ее традиционного уклада, товарищеской трудовой отношений, сменой хозяйственных ориентиров и видоизменением крестьянских ценностей. Исследователь приходит к выводу, что непримиримость писателей к деформациям социально-экономического развития и проблемам жизни сельского социума, в том числе перестройки и ломки институтов семьи, собственности, роли обычая в крестьянской жизни, сыграли важную роль в идеологических представлениях общественности, являясь своеобразной формой протеста, призывом к действию.

Ключевые слова: писатель, деревенская проза, социалистический реализм, идеологическая кампания, литературная репутация

Информация об авторе: Столетова Анна Сергеевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Дата поступления статьи: 14.09.2020

Для цитирования: Столетова А.С. Писательский авторитет в процессах общественных трансформаций 1960–1970-х гг. (мировоззренческая проекция и идеологическая подоплека) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 179–186. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-179-186>

Anna S. Stoletova
Vologda State University

**WRITER'S AUTHORITY IN THE PROCESSES
OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE 1960S AND 1970S
(WORLDVIEW PROJECTION AND IDEOLOGICAL BACKGROUND)**

The study was supported by the RSF "Transformation of Russian society of the 1950–1990s: class genesis and the evolution of the economic system", project No. 19-18-00269

The article describes the strengthening of writer's interest in the common, ordinary person, in the Soviet deteriorations and hardships of the post-war period. The text focuses on the emergence of a critical line in the literary work of the writers of the Russian North – a territory where peasant mental ties and spiritual bonds were especially strong. The article considers the ideological discussions regarding the published acutely social component of the press – the stories "Vologda Wedding" by Alexander Yashin and "Round and around" by Fyodor Abramov. The novelty of the study lies in the fact that it shows the political and ideological mechanisms of influence on the authority of a writer. Special attention is paid to the period of the 1960s, associated with the cardinal social transformation of rural life, the breakdown of its traditional way of life, the commodification of labour relations, the change in economic guidelines and the modification of peasant values. The researcher comes to the conclusion that the irreconcilability of writers to the deformations of socio-economic development and the problems of the life of the rural society, including the restructuring and breaking of family institutions, property, the role of custom in peasant life, played an important role in the ideological ideas of the public, being a kind of protest, an appeal to action.

Keywords: writer, village prose, socialist realism, ideological campaign, literary reputation

Information about the author: Anna S. Stoletova, ORCID 0000-0002-2167-072X, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian history of the Institute for the Humanities, Vologda State University, Vologda, Russia

E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Article received: September 14, 2020

For citation: Stoletova A.S. Writer's authority in the processes of social transformations of the 1960s and 1970s (worldview projection and ideological background). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 179–186 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-179-186>

Послевоенная советская литература была призвана к содействию в воспитании трудящихся в духе преданности коммунистическим идеалам, выполнению производственных планов и социалистических обязательств, укреплению трудовой дисциплины. Сюжеты художественных произведений строились на проблемах, связанных с обеспечением усиления развития промышленности, строительства, подъемом сельского хозяйства, повышением производительности труда. В этом, несомненно, был большой созидательный смысл. Другой стороной литературного процесса был псевдореализм и механизм его политико-идеологического обеспечения. Установки и ориентиры руководящей линии партии, одобрение власти и ее щедрость в плане выдачи литературных премий, гонораров, комфортабельного благоустроенного жилья являлись мощнейшими факторами «писательского роста».

С начала 1960-х гг. в общественном сознании постепенно укоренялся дух перемен. Отдельные авторы решались на написание остросоциальной прозы. Далеко не все читатели в силу идеологических шор осознавали истинную позицию литераторов, задумавшихся о людях, их судьбах. Между тем специфика мировидения и мироощущения литературных деятелей, в первую очередь писателей-деревенщиков, одними из первых решившихся на откровенное изложение действительности, актуализируется при рассмотрении вопроса о процессах общественных трансформаций 1960–1970-х гг., а также при обозначении роли повседневных гражданских представлений и традиций в экономическом устройстве России.

Жизнедеятельность обозначенных писателей становилась предметом изысканий литературоведов, библиотековедов, филологов. Личности А.Я. Яшина посвящена серия воспоминаний [Земляки помнят; Яшина 1977; Романов 2007], творческая деятельность поэта описана в работах В.В. Дементьева, А. Михайлова и др. [Дементьев; Михайлов; Литературные традиции]. В контексте настоящего исследования несомненный интерес представляет повествование об идеологической кампании, направленной против прозаика, составленное А.А. Павловым [Павлов А.А. 2003]. Примечательно исследование особенностей деревенской прозы 1960–1980-х гг. А.И. Разуваловой. А. Яшин обозначен автором как родоначальник процесса культурной реабилитации крестьянства, встретившей сопротивление со стороны власти, считавшей данную позицию антимодернизационной [Разувалова].

Жизнеописанием и анализом творчества Ф.А. Абрамова также занимались многие исследователи [Золотолуцкий; Турков; Ханбеков; Крутикова-Абрамова 2015; Романов 1995; Недзвецкий; Попов], в том числе зарубежные [Burgun Françoise]. Стоит отметить, что за гранью исследовательского

внимания остается вопрос, связанный с трактовкой аспектов, связанных с самосознанием и авторитетом писателей-деревенщиков, зарождением и обоснованием темы внутреннего диссидентства, раскрываемых через призму истории российских трансформаций, влияния общественной позиции авторов на судьбы культурно-географической периферии, северной деревенской провинции.

Начало жизненного пути писателей-северян Ф.А. Абрамова и А.Я. Яшина, посвятивших свое творчество деревне, ее исчезающему укладу, трансформирующимся семейным ценностям и крестьянским идеалам, удивительно схоже. Александр Яковлевич Яшин родился 27 марта 1913 г. в деревне Блудново Никольского уезда Вологодской губернии. Писатель Федор Александрович Абрамов появился на свет 29 февраля 1920 г. в селе Веркола Пинежского района, Архангельской губернии. Детство А. Яшина было не из легких, как и у всех детей, родившихся в крестьянской семье. «Отца не помню. Отчим оказался человеком тяжелым, работать в полную силу мне пришлось очень рано, и поэтому золотого детства у меня не было. Мы бедствовали и часто голодали», – рассказывал Александр Яшин в автобиографии¹. «Мой отец рано умер. Нас было много детей у матери. В 6–7 лет я взялся за грабли, косу и начал добывать хлеб насущный», – вспоминал Федор Абрамов [Быть гражданином].

Подобных связующих линий в деятельности литераторов немало. Оба писателя ушли на фронт добровольцами и стали непосредственными свидетелями и участниками боевых действий. Так, А.Я. Яшин являлся не только военным корреспондентом и журналистом, но и непосредственным участником боевых действий на Балтике в 1941–1942 гг. (в том числе пребывал в блокадном Ленинграде), Волге, в Сталинграде в 1942–1943 гг., на Черном море в 1943–1944 гг. [Столетова 2019: 29]. Ф.А. Абрамов был дважды ранен: сравнительно легко в сентябре 1941 г. в руку, второй раз в ноябре 1941 г. – тяжело, в ноги. В блокадную зиму 1941–1942 гг. Федор Абрамов лечился в ленинградском госпитале, был вывезен по знаменитой «дороге жизни» – через Ладогу [Ханбеков: 10, 11]. С июля 1942 г. Ф. Абрамов находился в тылу, на нестроевой службе, при этом служил в том числе в контрразведке «Смерш» (1943–1945) [Крутикова-Абрамова 2005: 3]. Как вспоминал А. Рубашкин, к людям своего поколения отношение писателя формировалось исходя из ответа на вопрос: «Где был в годы войны?» [Старкова 1997]. Безусловно, перенесенные тяготы военного периода оказали сильнейшее влияние на систему взглядов авторов.

Единомышленников объединяли творческие убеждения, мировоззренческие идеалы. Так, Ф. Абрамов охарактеризовал «Сироту» А. Яшина как «умное и смелое произведение, вызванное к жизни глубокими раздумьями писателя о сегод-

няшнем дне» [Турков: 58]. А. Яшин в 1963 г. сделал запись в дневнике: «Знакомимся. Лицо жесткое. Прямо в суждении и резок, как я. Почти во всем сходимся...» [Турков: 58]. Последующая дружба литераторов была непростой и, как признавался сам Федор Абрамов, «то вскипала шумно и радостно, как весенний ливень, то опять месяцами тлевшая и чадившая дымной головешкой, уцелевшей от большого костра» [Крутикова-Абрамова 2010]. «Мы начали с пламенной дружбы, взаимного обожания, а кончили отчуждением, чуть ли не враждой», – вспоминал Федор Александрович [Абрамов 1988]. Вспыльчивость характера была свойственна обоим мастерам художественного слова.

Следует подчеркнуть, что важнейшим фактором, обуславливающим характер литературной репутации писателей в 1960–70-е гг., являлась позиция государственной власти. Отхождение от метода социалистического реализма, переориентация творчества с демонстрации благолепных картин жизни к критическому описанию ее теневых сторон рассматривались как вредительство советскому строю. Руководящие структуры власти оказались не готовы к реалистичному описанию действительности, поэтому противодействовали. Неприятные ситуации вылились в организацию идеологических кампаний, аккумулирующих в себе гонения и нападки в прессе, во время специально организованных конференций, обсуждений в ЦК партии и местных органах власти.

«1952 год. В благостно-сладчайшем тоне звучала “деревенская тема”. Но в каком контрасте это было с действительностью», – вспоминал Г. Троепольский [Ханбеков: 16]. В это время в представлениях отдельных авторов происходил поворотный момент, переоценка ценностей. Они зывали к необходимости правдивого описания действительности, в первую очередь в повествовании о послевоенной сельской реальности. На выбор тематики, несомненно, влияли опытные писатели. В 1951 г. в газете «Известия» в статье «Молодые писатели Вологды» А. Яшин писал о задаче глубокого изучения жизни [Яшин]. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г., указавшего на отставание сельского хозяйства от роста промышленности и принявшего программу ликвидации запущенности ряда важнейших отраслей, Ф. Абрамов отмечал, что среди художественных произведений почетное место занимали книги, в которых изображался трудовой подвиг деревенских жителей. В сочинении «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» Федор Александрович Абрамов выступал против одностороннего, поверхностного, преувеличенного и «прикрашенного» описания жизни, лакировки действительности [Абрамов 1954]. Для 1954 г. это был прорыв. Федора Абрамова заставили признать под угрозой увольнения из университета ошибочность статьи. Писателю пришлось подчиниться, но впоследствии, какой бы партийной критике не

подвергался, больше он не шел на компромисс [Рубашкин 2008: 220].

Земляков А. Яшина и Ф. Абрамова сближало не только увлечение деревенской прозой, а еще и остродискуссионная составляющая художественного творчества, постепенно вызревающая все более отчетливо. В декабре 1954 г. на II Всесоюзном съезде советских писателей А.Я. Яшин вызвал возмущение многих делегатов. Говоря о вредных тенденциях в литературе, А.Я. Яшин отметил, что на основе одного положительного примера писатель сочинял роман, в котором этот единичный пример преподносился в виде картины всеобщего благоденствия. «Нельзя сказать, что мы все поголовно не видели сложностей жизни послевоенной колхозной деревни. Но мы бежали от них», – утверждал литератор [Павлов 1993].

В 1956 г. яшинские «Рычаги», опубликованные в «Литературной Москве», подверглись критике в журнале «Коммунист», где автора обвиняли в очернительстве и злопыхательстве [Триумф совести: 3]. А.Я. Яшин избежал репрессий в 1956 г., хотя за рассказ «Рычаги» собратья по перу прогнозировали ему не меньше двадцати пяти лет [Слово о писателе]. Публицист нарисовал удручающую картину двойной морали у членов колхозной парторганизации. Удар, нацеленный на формализм и ложь в партийной работе, бумерангом ударил по автору. В итоге роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» и «Рычаги» А.Я. Яшина ЦК КПСС обозначил как произведения с «непатриотичной» позицией авторов, содержащей клевету на партию [Павлов 1993].

В первой половине 1960-х гг. А.Я. Яшиным было опубликовано два прозаических произведения: «Сирота» в журнале «Москва» и «Вологодская свадьба» в «Новом мире» (1962). На повесть «Сирота» Ф.А. Абрамов написал рецензию в журнал «Звезда» № 3 за 1963 г. После этого состоялась встреча на Бобришном угоре (живописное место в окрестностях Никольска, где у А.Я. Яшина находился дом и где он любил проводить время, творчески вдохновляясь). «Нам с Яшиным было нелегко, и вполне понятно, что мы потянулись друг к другу...» [Слово о писателе], – описывая данный исторический момент в судьбах писателей, изъяснялся Ф. Абрамов. В месте яшинской творческой силы «очернители» общались две недели, ездили по Никольскому району, встречались с прототипами «Вологодской свадьбы». [Каплин]. После смерти А. Яшина Ф. Абрамов запечатлел эти памятные события в воспоминаниях под названием «Семь верст до небес» [Абрамов 1984].

Повесть «Вологодская свадьба» вызвала всплеск негодования в ЦК партии. Как извещала В. Старкова, Москва гудела, кипела от негодования, Вологда, Ленинград – от удивления, на дискуссиях «кричали ради своей карьеры». Все были потрясены яшинской правдой [Старкова 1995].

Ее резонанс состоял в том, что пределы истины, о которой поведал автор, вызвали острое противодействие власти. Откровенный разговор повлек травлю А. Яшина. В начале 1963 г. в Вологде проводились читательские конференции и организовывались так называемые «письма читателей». Для этого от ЦК комсомола в Вологду и Никольск был командирован журналист Петерсон. В начале 1960-х гг. прошла серия конференций в районах Вологодской области, публиковались статьи в прессе. Участники организуемых мероприятий, земляки автора впоследствии признавались, что текст «писем» составлялся в Москве, подписи они ставили неосознанно, на скорую руку. Безусловно, сфальсифицированные тексты, в том числе скомпированные профессиональными критиками, особым бременем ложились на сердце автора [Столетова 2018: 102–106]. Как отмечал А.М. Турков, «перечитывая “Вологодскую свадьбу”, мы видим яшинскую тревогу за судьбу родного края, его боль от бессилия совершить поворот к лучшей жизни и в материальном, и духовном направлениях». И на эту тревогу и боль обрушился поток газетной и журнальной напраслины, демагогической трескотни. «Ржа ест железо, лжа – душу», – писал А. Яшин заступившемуся за него публично поэту А.А. Романову (14 февраля 1963 г.) [Турков: 60].

Впоследствии многие писатели выступили в защиту А.Я. Яшина. В.И. Белов был вдохновлен на написание «Привычного дела». С.П. Щипачев признавался в письме от 26 марта 1963 г.: «Милый Саша! Я люблю тебя и глубоко уважаю. Я всегда чувствую в тебе, в твоём характере что-то присущее мне. Это, вероятно, некий сплав прямоты и застенчивости, ума и своеобразной наивности, целомудренной скрытности и простодушной непосредственности. За все это крепко тебя обнимаю. А на житейские горести – плюнь. Радости у нас еще будут, поверь моему пророчеству»². В письме от 22 января 1963 г. Г. Троепольский признавал: «Такое может написать только тот, кто очень любит человека. Родными запахами мне повеяло от «Свадьбы». Чую я твою большую любовь к своему народу. И слышу правду. Все у тебя здесь – правда. Меня, например, редко можно «стронуть» писаниями о селе, но сегодня ты покоришь, захватил со всеми потрохами. И потому кланяюсь тебе до земли... Спасибо большущее» [Столетова 2018: 115]. А. Твардовский говорил об этом произведении как об «отличном, полном поэзии очерке». К.Г. Паустовский на титуле первого тома его собрания сочинений, подаренного А. Яшину в феврале 1963 г., отметил: «Александр Яковлевич, Саша, дорогой! Вы прямой, мужественный человек – ни в чем не «сумлевайтесь», народ Вас отблагодарит за правду и за Вашу сыновнюю к нему любовь» [Столетова 2018: 115]. Ф. Абрамов, оценивая творчество А. Яшина, писал: «Ну, а “Вологодская свадьба” для меня была откровением. Давно уже у нас никто не

писал так задушевно и любовно (прав Твардовский!) о деревне». Говоря о «Рычагах» и «Вологодской свадьбе», писатель восклицал: «И вещи эти эпохальные!» [Столетова 2018: 116]. В письме от 14 декабря 1964 г. А. Романов с надеждой сообщал А.Я. Яшину: «В Вологодской областной библиотеке была сделана большая выставка всех ваших книг, в том числе там была выставлена и “Вологодская свадьба”, – журнал развернут. Видите!»³. В воспоминаниях А.П. Пшеничникова отражены свидетельства принятия «Вологодской свадьбы» в крестьянской среде: «В течение двух месяцев читали очерк во многих деревнях, а разговаривали о нем везде, где собирались по два-три человека. Я видел декабрьскую книжку «Нового мира» 1962 г. и поразился ее зачитанностью. Довести книгу до такого состояния могли руки, которые перевернули каждый листок тысячи раз» [Пшеничников: 44]. В контексте рассуждений важно отметить, что своей литературной родиной А.Я. Яшин всегда считал Архангельск. Он приехал на архангельскую землю в 1965 г. – опереться, вдохнуть студенческого воздуха. Борис Пономарев впоследствии свидетельствовал: «От нахлынувших воспоминаний Александр Яковлевич заметно растрогался и, думая о чем-то своем личном, сказал, глядя на Северную Двину: “Наверное, уж больше здесь не бывать”» [Столетова 2018: 53–54]. Эти слова оказались пророческими, вскоре А.Я. Яшина не стало.

Писательская судьба Ф.А. Абрамова также складывалась негладко. В июне 1963 г. земляки писателя, не разобравшись в содержании, подписали организованное «сверху» открытое письмо под названием «К чему зовешь нас, земляк?» (Правда Севера. 1963. 11 июня) против повести «Вокруг да около» [Абрамов 1963]. Писателя обвинили в потворстве «частноблагородническим настроениям», в подрыве колхозного строя, в призыве крестьян к обогащению и др. [Рубашкин 2008: 220; Рубашкин 2010: 202]. В свою очередь Ф. Абрамов заявлял, что является приверженцем реалистичного направления в литературе о послевоенной деревне, начало которому было положено В. Овечьим [Турков: 60–61]. Письмо опубликовала газета «Известия», с комментарием в духе: «У нас все хорошо, а писатель Ф. Абрамов очернил своих односельчан». Дело заключалось в том, что Ф. Абрамов восстал тогда, когда необходимость в этом была ясна далеко не всем и мало кем признавалась», – справедливо отмечал критик Б. Панкин [Турков: 61]. «Суровая правда абрамовского письма», как определил характер этого произведения Г. Радов, многих озадачила [Турков: 61]. Тем не менее болевые точки действительности были зафиксированы и еще долго давали о себе знать. Начались критические баталии. Едва ли не единственным положительным откликом был отзыв Г. Радова, в котором он писал о правдивости и мужественности очерка [Турков: 63]. В газете «Известия» пред-

полагалась публикация одобрительного отклика публициста М. Хитрова – «Вокруг главного», но по сигналу из ЦК он был снят, о чем писателю сообщил автор. После данного события прозаика не печатали около четырех лет [Рубашкин 2010: 202]. Да и позднее он числился в «неблагонадежных», что, впрочем, как писала Т.М. Димони, для популярного писателя 1960–70-х гг. было достаточно обычным явлением [Димони: 172].

Ф.А. Абрамов и его творчество прорабатывались не раз. Во второй половине 1960-х гг. и позже его произведения «Пелагея» (1968), «Пути-перепутья» (1973) и «Дом» (1979) вызвали резкое осуждение. Готовились и новые акции. К примеру, с разномом абрамовской прозы («Пелагеи») на пленуме горкома партии собирався выступить главный редактор «Звезды» Г.К. Холопов. Критик А.И. Рубашкин вспоминал, как сказал Г. Холопову, что он «костей не соберет» после выступления [Рубашкин 2010: 204]. «Пути-перепутья» также были изданы после столкновений с цензурой. Друзья поддерживали Ф. Абрамова. Однако в начале 1970-х гг. он с досадой отмечал: «Очень страшно писать, ибо все время чувствуешь себя бунтарем. Все время выдавливаешь из себя раба. Но иначе нельзя. Писатель должен быть впереди во всем» [Рубашкин 2008: 221].

Сильнейшей критике подвергся роман Ф. Абрамова «Дом». Так, 2 февраля 1979 г. в «Литературной России» появилась статья В. Сахарова «Люди в доме» с упреками в нагнетании мрачных красок. 7 февраля в «Литературной газете» была опубликована статья Ю. Андреева «Дом и мир». За ней последовала горькая запись в дневнике писателя: «Ни единого доброго слова о романе! Героев убил, Михаил бездуховен, что делать с деревней, автор не знает... Как будто «Дом» – это и не роман, а экономический трактат» [Крутикова-Абрамова 2015: 256]. Л. Крутикова-Абрамова в защиту мужа написала статью под названием «Размышления о романе Федора Абрамова “Дом”», однако журнал «Русская литература» напечатать ее отказался, как не осмелились сделать это в Воронеже, Риге, Москве. Впервые статья была опубликована в 1984 г. в урезанном виде в журнале «Север» (№ 5), а полностью вошла в 1986 г. в сборник «Земля Федора Абрамова». Сам же роман отдельным изданием был выпущен в 1979 г. [Крутикова-Абрамова 2015: 260]. В читательской среде произведение вызвало шквал восторженных откликов – в письмах, личных беседах, телефонных разговорах. Приведем пример одного из них: «Очень значительная, серьезная книга. Самая сильная из всех деревенщиков. И самая нужная. Говорится о сильном и страшном в деревне. Конечно, речь идет не только о деревне, но и о всей жизни. Передайте Ф. А. самые лучшие слова Д.В. Тевекелян. Март 1978 г.» [В мире: 238–239].

В заключение следует подчеркнуть, что литературное творчество писателей-северян отражало не

только критику реальности, но и призыв к конкретным действиям. Прозаики старались привлечь внимание государственной власти и ее представителей к обозначившимся и имеющим негативные последствия тенденциям социально-экономической жизни второй половины XX в. Историческая динамика требовала рассмотрения ключевых проблем, препятствующих кардинальным сдвигам в развитии советского села и разрешению наболевших вопросов в развитии сельского хозяйства. Осознание того, что политика власти приводила к уничтожению традиционной крестьянской бытности, служило основой к литературной фиксации новых злободневных фактов и явлений. А.Я. Яшин писал: «Всей кожей я чувствую и жду, когда освободится земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом. Не могу я не думать изо дня в день и о том, построен ли уже в моей деревне навес для машин или все еще они гниют и ржавеют под открытым небом, и когда же, наконец, будет поступать запчастей для них столько, сколько нужно, чтобы работа шла без перебоев, и о том, когда появятся первые проезжие дороги в моих родных местах, и когда сосновый сруб станет клубом, и о том, когда мои односельчане перестанут, наконец, глушить водку, а женщины горевать из-за этого» («Угощаю рябиной», 1965 г.). Ф. Абрамов признавался: «Часто меня подозревали в том, что я, дескать, нигилист и очернитель. Конечно, все это сущая чепуха. Мои претензии и мой разговор о жизни идут от одного желания, чтобы в жизни было лучше, а чтобы это было так – надо говорить о недостатках нашей жизни, а как же иначе лечить-то прикажете? Все это первостепенная обязанность писателя» [Павлов 1987].

В 1965 г. А. Яшин опубликовал лирический рассказ-эссе «Угощаю рябиной», в котором есть такие строки: «...дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, – а я есть сын крестьянина. Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живется и пишется» [Яшина 2005]. На наш взгляд, эта цитата очень близка к изречениям Ф. Абрамова, наполненности его творчества, его жизненным целям, ориентирам и идеалам. Оба писателя своим повествованием демонстрировали заинтересованность в делах и жизни деревни, страны, а главное – хозяйничанию на земле.

Несмотря на родство судеб, дружба А. Яшина и Ф. Абрамова была отнюдь не гладкой. А. Яшин часто критиковал произведения Ф. Абрамова. Однако посвятил ему стихотворение под названием «Запасаемся светом» [В мире: 12]. Во время встреч в Москве Александр Яковлевич знакомил Федора Александровича с литераторами, водил в редакции журналов и издательств. «Наконец благодаря

стараниям Яшина меня пригласили в июне 1964 г. в Краснодар на выездной пленум Союза писателей РСФСР по вопросам литературы и сельского хозяйства. Краснодарская общественность встретила меня неприязненно – разносной статьей. Яшин просто клокотал по этому поводу, а потом махнул рукой – “Да бросьте вы переживать из-за этой хреновины! Пойдемте, лучше я вас познакомлю с Василием Беловым”», – вспоминал Ф. Абрамов [Триумф совести: 40].

Таким образом, 1960-е гг. – сложный и вместе с тем емкий для творчества период в жизни писателей-деревенщиков. Недаром А. Твардовский в письме В.В. Овечкину от 26 февраля 1963 г. констатировал: «Информировать тебя о журнальных делах нечего, ты не мог не знать хотя бы по газетам, что сначала началась пристрелка, а там и обстрел. Паники в наших рядах нет, но сознание трудности удержания позиций, конечно, есть [Твардовский]. После смерти А. Яшина в 1968 г. идейные основы его творчества развивали Ф.А. Абрамов и В.И. Белов. 1970-е гг. стали временем критического осмысления картин жизни и отображения их сюжетов в очерках полемично-реалистичного плана. На севере, в глухих и отдаленных деревнях расточительность и вместе с тем скудость, застой жизни проявлялись гораздо отчетливее. Факты бесхозяйственности и безответственности, примеченные в реальности советского села, как никогда нуждались в огласке, научной и литературной фиксации. Наконец, отметим, что осуждение авторских убеждений со стороны власти демонстрировало базовые болевые точки российской действительности второй половины XX в. Среди них: разрушение традиционного хозяйственного уклада и нравственный облик труженика, бедность, бытовая и материальная необустроенность. Обнародование конкретных наблевших фактов социальной жизни порождало проработки писательских позиций с участием центральных газет и писательских парторганизаций, практиковались язвительные «открытые письма» земляков. Составной частью механизма давления и воздействия, популяризации патриотического направления в литературе являлись мероприятия цензоров и партийных чиновников. Тем не менее остросоциальная проза имела своих последователей как среди писателей, так и среди читателей. Несмотря на политическую конъюнктуру и поток критики, А.Я. Яшину и Ф.А. Абрамову удалось выразить свою мировоззренческую проекцию развития деревни, систему взглядов, отличную от той, что диктовалась жизнью посредством культивации власти денег, стремлений к индивидуальной собственности и обуржуазиванию. Писатели стремились обнажить то модернизационное движение, которое утверждалось в духовной сфере жизни советского общества, в поведенческих стереотипах социальных классов, в конечном итоге приведшее к утверждению частнособственнической морали.

Между тем процесс реформирования жизненного уклада привел к трансформации социалистических идеалов советских граждан, идеологии партийно-советской номенклатуры, а в конечном итоге способствовал распаду советского альянса.

Примечания

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 613. Оп. 7. Д. 436. Л. .

² Российская государственная библиотека. (РГБ. Отдел рукописей). Ф. 647. К. 24. Ед. хр. 31. Л. 1.

³ РГБ. Отдел рукописей. Ф. 647. К. 25. Ед. хр. 55. Л. 28.

Список литературы

Абрамов Ф. Семь верст до небес: Главы из воспоминаний об Александре Яшине // Авангард. 1984. 7 июля. С. 4.

Абрамов Ф.А. «Семь Верст до небес» // Земляки помнят / сост. В.А. Оботуров. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zem/4.htm#9> (дата обращения: 22.04.2020).

Абрамов Ф.А. Вокруг да около: [очерк] // Нева. 1963. № 1. С. 109–137.

Абрамов Ф.А. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. 1954. № 4. С. 210–231.

Быть гражданином / Фёдор Абрамов; репортаж Г. Силиной // Литературная газета. 1983. 13 апреля. С. 6.

В мире Федора Абрамова: сборник / подгот. Л.В. Крутикова-Абрамова, Г.Г. Мартынов. Санкт-Петербург: Лик, 2005. 383 с.

Дементьев В.В. Поэзия и жизнь. Вологда: Вологодское кн. изд-во, 1960. 120 с.

Димони Т.М. История колхозной деревни в романе-тетралогии Ф.А. Абрамова // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 166–179.

Земляки помнят: Александр Яшин в воспоминаниях северян. Архангельск; Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, Вологодское отделение, 1988. 205 с.

Золотулусский И.П. Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. Москва: Советская Россия, 1986. 160 с.

Каплин В. В деревеньках лесных // Авангард. 1999. 27 марта. С. 2, 3.

Крутикова-Абрамова Л.В. Абрамов Федор Александрович. Мы не ждали повесток... // Двина. 2005. № 1. С. 3–9.

Крутикова-Абрамова Л.В. В поисках истины: Воспоминания и размышления о прожитой жизни; [ред. Т. Овчинникова]. Архангельск: Лоция, 2015. 325 с.

Крутикова-Абрамова Л.В. По заветам Федора Абрамова // Авангард. 2010. 25 февраля. С. 5.

Литературные традиции Русского Севера: исследования и материалы. Кн. 1. Писатель и его время / под ред. С.А. Тихомирова. Вологда: Книжное наследие, 2008. 518 с.

Михайлов А. Александр Яшин. Москва: Советская Россия, 1975. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/uash/index.htm> (дата обращения: 23.02.2020).

Недзвецкий В.А. Война и мир в Пекашине: «Братья и сестры» Ф. Абрамова // Литература в школе. 2000. № 3. С. 32–40.

Павлов А. Тревожная совесть // Авангард. 1993. 10 июля. С. 2.

Павлов А. Яшин и Абрамов // Авангард. 1987. 26 марта. С. 3.

Павлов А.А. Высоко пылают сосны над Югрекой. Никольск: Редакция газеты «Авангард», 2003. 55 с.

Попов М.К. Поморские страницы: постскрип-тум. Архангельск: Правда Севера, 2001. 93 с.

Пишечников А.П. Приезжайте в Кожаево. Никольск: Редакция газеты «Авангард», 2003. 63 с.

Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 612 с.

Романов А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 461–483.

Романов А.А. Вдовий поклон // Искры памяти. Вологда, 1995. С. 50–53.

Рубашкин А.И. «Я, разумеется, отказался»: к 90-летию Федора Абрамова // Звезда. 2010. № 1. С. 200–207.

Рубашкин А.И. Еще о Федоре Абрамове (1920–1983). Взгляд из XXI века // Русская литература. 2008. № 4. С. 219–224.

Слово о писателе // Русский Север. 1993. 25 марта. С. 3.

Старкова В. Негаснущие искры памяти // Авангард. 1995. 11 июля. С. 1.

Старкова В. Штрихи к портрету Федора Абрамова // Авангард. 1997. 30 января. С. 4.

Столетова А.С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография; М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2018. 143 с.

Столетова А.С. Военные дневники и письма писателя А.Я. Яшина как документы эпохи // Вопросы истории. 2019. № 12 (4). С. 21–33. DOI 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi92.

Твардовский А.Т. Раскрывая квадратные скобки // Книжное обозрение. 1990. 31 августа. С. 10.

Триумф совести: литературный альманах: [под общ. ред. М.В. Бересневой]. Никольск [Вологод. обл.: б. и.], 2008. (Ред. газ. «Авангард»). 53 с.

Турков А.М. Федор Абрамов: очерк. Москва: Советский писатель, 1987. 240 с.

Ханбеков Л. Веленьем совести и долга: Очерк творчества Федора Абрамова. Москва: Современник, 1989. 222 с.

Яшин А.Я. Молодые писатели Вологды // Известия. 1951. 6 марта. С. 3.

Яшина Н.А. Воин Александр // Литературная газета. 2005. 22–28 июня. С. 6.

Яшина Н.А. Воспоминание об отце. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1977. 158 с.

Burgun Françoise. Le monde rural chez les écrivains de l'école de Vologda (1953–1983) [Деревня в творчестве вологодских писателей]: A. Iachine, F. Abramov, V. Belov: (Romans, nouvelles et recits): [на фр. яз.]; Université de Paris - Sorbonne (Paris IV), UFR de Slavistique. Б. м.: Б. и., 1997.

References

Abramov F. *Sem' verst do nebes: Glavy iz vospominanij ob Aleksandre Jashine* [Seven versts to heaven: Chapters from the memoirs of Alexander Yashin]. Avangard Publ., 1984, 7 July, p. 4. (In Russ.)

Abramov F.A. "Sem' Verst do nebes" ["Seven Versts to heaven"], comp. V.A. Oboturov. Arkhangel'sk, Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1988, URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zem/4.htm#9> (access date: 22.04.2020). (In Russ.)

Abramov F.A. *Vokrug da okolo*: [oчерk] [Around and about: (essay)]. Neva, 1963, № 1, pp. 109–137. (In Russ.)

Abramov F.A. *Lyudi kolkhoznoi derevni v poslevoennoi proze* [People of the collective farm village in post-war prose]. Novymir [New world], 1954, № 4, pp. 210–231. (In Russ.)

Byt' grazhdaninom. Fjodor Abramov; reportazh G. Silinoj [Be a citizen, Fyodor Abramov; reporting by G. Silina]. Literaturnaja gazeta [Literary newspaper], 1983, 13 April, p. 6. (In Russ.)

V mire Fedora Abramova: sbornik [In the world of Fyodor Abramov: (collection)], podgot.: L.V. Krutikova-Abramova, G.G. Martynov. SPb., Lik Publ., 2005, 383 p. (in Russ.)

Demytyev V.V. *Poeziya i zhizn'* [Poetry of life]. Vologda, Vologodskoe knizhnoe izd-vo, 1960, 120 p. (In Russ.)

Dimoni T.M. *Istoriya kolkhoznoi derevni v romane-tetralogii F.A. Abramova* [The history of a collective farm village in a novel-tetralogy by F.A. Abramov]. *Istoriya Rossii XIX–XX vekov: Novye istochniki ponimaniya* [History of Russia in the XIX–XX centuries: New sources of understanding]. Moscow, Moskovskii obshchestvenny i nauchnyi fond Publ., 2001, pp. 166–179. (In Russ.)

Zemljaki pomnjat: Aleksandr Jashin v vospominanijah severjan [Countrymen remember: Alexander Yashin in the memoirs of the northerners]. Arkhangel'sk, Vologda, Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo, Vologodskoe otdelenie Publ., 1988, 205 p. (In Russ.)

Zolotolusskii I.P. *Fedor Abramov: Lichnost'. Knigi. Sud'ba* [Fedor Abramov: a person, a book, the fate of]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1986, 160 p. (In Russ.)

- Kaplin V. *V dereven'kahlesnyh* [In the villages of the forest]. Avangard Publ., 1999, 27 March, pp. 2–3. (In Russ.)
- Krutikova-Abramova L.V. *Abramov Fedor Aleksandrovich. My ne zhdali povestok...* [Fyodor Abramov. We were waiting for the summons...]. *Dvina* [Dvina]. Arkhangel'sk, 2005, № 1, pp. 3–9. (In Russ.)
- Krutikova-Abramova L.V. *V poiskakh istiny: Vospominaniya i razmyshleniya o prozhitoizhizni* [In search of truth: memories and reflections on a life lived], ed. by T. Ovchinnikova. Arkhangel'sk, Lotsiya Publ., 2015, 325 p. (In Russ.)
- Krutikova-Abramova L.V. *Po zavetam Fedora Abramova* [According to the precepts of Fyodor Abramov]. Avangard Publ., 2010, 25 February, p. 5. (In Russ.)
- Literaturnye traditsii Russkogo Severa: issledovaniya i materialy* [Literary traditions of the Russian North: research and materials]. Kn. 1. Pisatel' i ego vremya, ed. by S.A. Tikhomirova. Vologda, Knizhnoe nasledie Publ., 2008, 518 p. (In Russ.)
- Mikhailov A. *Aleksandr Yashin* [Aleksandr Yashin]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1975. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/uash/index.htm> (data obrashcheniya: 23.02.2020). (In Russ.)
- Nedzvetskii V.A. *Voinimir v Pekashine: "Brat'yaisestry" F. Abramova* [War and peace in Paceline: "Brothers and sisters" by F. Abramov]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 2000, № 3, pp. 32–40. (In Russ.)
- Pavlov A. *Trevozhnaja sovest'* [An uneasy conscience]. Avangard Publ., 1993, 10 July, p. 2. (In Russ.)
- Pavlov A. *Jashini Abramov* [Yashin and Abramov]. Avangard Publ., 1987, 26 March, p. 3. (In Russ.)
- Pavlov A.A. *Vysoko pylayut sosny nad Yug-rekoi.* [The pines are burning high above the South river]. Nikol'sk, Redaktsiya gazety "Avangard", 2003, 55 p. (In Russ.)
- Popov M.K. *Pomorskie stranitsy: postskriptum* [Pomeranian pages: PostScript]. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 2001, 93 p. (In Russ.)
- Pshenichnikov A.P. *Priezzhaite v Kozhaevo* [Come to Kozaeva]. Nikol'sk, Redaktsiya gazety "Avangard" Publ., 2003, 63 p. (In Russ.)
- Razuvalova A. *Pisateli- "derevenshchiki": literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* [Village writers: literature and conservative ideology of the 1970s.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 612 p. (In Russ.)
- Romanov A. *Narodnye korni literatury: iz istorii Vologodskoj pisatel'skoj organizatsii* [Folk roots of literature: from the history of the Vologda writers' organization]. *Literaturnaja Vologda* [Literary Vologda]. Vologda, Knizhnoe nasledie Publ., 2007, pp. 461–483. (In Russ.)
- Romanov A.A. *Vdovij poklon* [Widow's bow]. *Iskry pamjati* [Sparks of memory]. Vologda, 1995, pp. 50–53. (In Russ.)
- Rubashkin A.I. «*Ja, razumeetsja, otkazalsja*»: k 90-letiju Fedora Abramova [“I, of course, refused”: to the 90th anniversary of Fyodor Abramov]. *Zvezda* [Star], 2010, № 1, pp. 200–207. (In Russ.)
- Rubashkin A.I. *Eshche o Fedore Abramove (1920–1983). Vzglyadiz XXI veka* [More about Fyodor Abramov (1920–1983). A view from the XXI century]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 2008, № 4, pp. 219–224. (In Russ.)
- Slovo o pisatele* [A word about the writer]. *Russkij Sever* [Russian North], 1993, 25 March, p. 3. (In Russ.)
- Starkova V. *Negasnushhie iskry pamjati* [Unquenchable sparks of memory]. Avangard Publ., 1995, 11 July, p. 1. (In Russ.)
- Starkova V. *Shtrihi k portretu Fedora Abramova* [Touches to the portrait of Fyodor Abramov]. Avangard Publ., 1997, 30 January, p. 4. (In Russ.)
- Stoletova A.S. *Aleksandr Yashin: stanovlenie ideologii derevenskoi prozy i pisatel'skoe pole Russkogo Severa: monografiya* [Alexander Yashin: the formation of the ideology of village prose and the writing field of the Russian North: monograph], Vologda, gos. un-t. Vologda, VoGU Publ., 2018, 143 p. (In Russ.)
- Stoletova A.S. *Voennye dnevniki i pis'ma pisatelya A.Ya. Yashina kak dokumenty epokhi* [Military diaries and letters of the writer A.Ya. Yashin as documents of the epoch]. *Voprosy istorii* [Question of history], 2019, no. 12 (4), pp. 21–33. DOI 10.31166/VoprosyIstori-i201912Statyi92. (In Russ.)
- Tvardovskij A.T. *Raskryvaja kvadratnye skobki* [Opening square brackets]. Knizhnoe obozrenie Publ., 1990, 31 January, p. 10. (In Russ.)
- Triumf sovesti: literaturnyj al'manah* [Triumph of conscience: a literary almanac], ed. by M.V. Beresnevoj. Nikol'sk, 2008, 53 p. (In Russ.)
- Turkov A.M. *Fedor Abramov: ocherk* [Fyodor Abramov: an essay]. M., Sovetskii pisatel' Publ., 1987, 240 p. (In Russ.)
- Khanbekov L. *Velen'em sovesti i dolga: ocherk tvorchestva Fedora Abramova* [The dictates of conscience and duty: an Essay on the work of Fyodor Abramov]. M., Sovremennik Publ., 1989, 222 p. (In Russ.)
- Jashin A.Ja. *Molodye pisateli Vologdy* [Young writers of Vologda]. *Izvestija* Publ., 1951, 6 March, p. 3. (In Russ.)
- Jashina N.A. *Voin Aleksandr* [Warrior Alexander]. *Literaturnaja gazeta* [Literary newspaper], 2005, 22–28 June, p. 6. (In Russ.)
- Jashina N.A. *Vospominanie obotce* [A memory of my father]. Arkhangel'sk, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1977, 158 p. (In Russ.)
- Burgun Françoise. *Le monde rural chez les écrivains de l'école de Vologda (1953–1983)*. A. Iachine, F. Abramov, V. Belov: (Romans, nouvelles et récits); Université de Paris - Sorbonne (Paris IV), UFR de Slavistique, 1997. (In France)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-187-193>
УДК 821.161.09"20":004

Чернов Александр Валентинович
Череповецкий государственный университет
Дворянова Мария Валерьевна
Череповецкий государственный университет

**СКРИНЛАЙФ:
АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ ЭПОХИ WEB 2.0**

В статье рассматривается авторское осмысление комплекса технологий создания художественных и документальных произведений мобильного кин – скринлайфа. Его создатели видят в нем новый язык изобразительности и новый формат сторителлинга, оптимальные для эпохи Web 2.0 (Веб 2.0). Рассмотрены более 20 интервью, мастер-классов и выступлений 2008–2020 гг. создателя и пропагандиста скринлайфа Т. Бекмамбетова. На основе их анализа предпринимается попытка выявить и структурировать особенности скринлайфа как языка новой цифровой эпохи в представлении его создателей. Эти особенности рассматриваются в контексте актуальной гуманитарной проблематики медиакоммуникаций эпохи Web 2.0. В центре анализа оказываются социальные изменения как следствие и как причина технологических инноваций. Декларации создателей скринлайфа сопоставляются с ключевыми положениями цифровой этики новой эпохи: гуманизация интернета, общедоступность, открытость творческого процесса, оперативность (журнализм). В этом же ключе рассматриваются и новые угрозы конфиденциальности, идентичности, столкновение традиционной и вновь формирующейся этической парадигм как основа межпоколенческих и межличностных конфликтов. Делается вывод о существенном совпадении концепции скринлайфа как нового языка изобразительности в его авторской трактовке и актуальных исследований в сфере этики современных медиакоммуникаций.

Ключевые слова: Web 2.0, Веб 2.0, скринлайф, Тимур Бекмамбетов, этика Web 2.0

Информация об авторах: Чернов Александр Валентинович, профессор, доктор филологических наук, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

E-mail: avchernov@bk.ru

Дворянова Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

E-mail: mvf80@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.08.2020

Для цитирования: Чернов А.В., Дворянова М.В. Скринлайф: авторская рефлексия в контексте проблематики медиакоммуникации эпохи Web 2.0 // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 187-193. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-187-193>

Aleksandr V. Chernov
Cherepovets State University
Mariya V. Dvoryanova
Cherepovets State University

**SCREEN LIFE:
AUTHOR REFLECTION IN THE CONTEXT
OF MEDIA COMMUNICATION PROBLEM OF WEB 2.0 EPOCH**

The article is devoted to the author consideration of creating technologies of scree life fiction and documentaries. Its creators consider it to have a new form of visual comprehension and storytelling suitable for Web 2.0 epoch. More than 20 Timur Bekmambetov's interviews, workshops and speeches are analysed in the article. The authors of the article try to find out and structure screen life features as a new digital epoch language in its creators' understanding. These features are considered in the context of topical media communication problem of Web 2.0 epoch. The social changes as a consequence and as a cause of technological innovations are on the analysis focuses. The declarations of the creators of screenlife are compared with the key provisions of the digital ethics of the new era: humanisation of the Internet, accessibility, openness of the creative process, efficiency (journalism). In the same way, new threats to privacy, identity, the clash of traditional and newly emerging ethical paradigms as the basis of intergenerational and interpersonal conflicts are also considered. It is concluded that the concept of screenlife as a new language of fine art in its author's interpretation and current research in the field of ethics of modern media communications is significantly matched.

Keywords: Screenlife, Timur Bekmambetov, digital ethics, Web 2.0, media communications, Internet humanisation, network identity

Information about the author: Aleksandr V. Chernov, Doctor of Philological Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia

E-mail: avchernov@bk.ru

Mariya V. Dvoryanova, Candidate of Philological Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia

E-mail: mvf80@mail.ru

Article received: August 7, 2020

For citation: Chernov A.V., Dvoryanova M.V. Screen life: author reflection in the context of media communication problem of Web 2.0 epoch. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 187-193 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-187-193>

Скринлайф – новое явление в мире визуальной образности. Поэтому изучение его находится на начальной стадии, специальные исследования, посвященные скринлайфу, пока отсутствуют. Тем не менее, поскольку феномен скринлайфа в рассматриваемом нами аспекте затрагивает такие темы, как специфика Web 2.0, интернет-этика, кинематограф и медиакommunikации, при его изучении могут быть использованы исследования и наработки в этих областях. Наиболее масштабная исследовательская база сформировалась в зарубежных и отечественных исследованиях по первым двум направлениям. В рамках наших задач мы будем опираться на классическую работу теоретика Web 2.0 Тима О'Рейли (Tim O'Reilly), отечественных продолжателей и оппонентов (М. Елашкин, А. Прохоров). В аспекте интернет-этики мы ориентируемся на парадигму, заданную обстоятельной обзорной статьей Computer and Information Ethics Стэнфордской философской энциклопедии¹. В отношении кинематографической составляющей наиболее близки к исследуемой проблематике параллели с иммерсивным кино (Эмили Вэй (Emily Wei) и десктоп-фильмами (М. Родионова).

Уже сама сущность скринлайфа как явления вызывает разногласия создателей, критиков, практиков кино и медиа. Для создателя технологии и изобретателя термина «скринлайф» Т. Бекмамбетова это не просто новый набор технических приемов съемки и монтажа, даже не просто новый формат кинематографа. Это особый язык и новая идеология, отражающая оформившиеся социальные практики и систему ценностей цифровой эпохи. Ценностей, которые полностью не осознаны, не отрефлексированы сегодня как раз в силу отсутствия адекватного языка описания². По авторскому прогнозу именно скринлайф займет лидирующее положение как универсальный язык социальной среды, стремительно перемещающейся в digital-измерение. Ему предстоит внести подлинную социальность в цифровое пространство и социализирующие цифровые технологии в повседневных оффлайн-практиках³.

Для осторожно или скептически настроенных критиков и аналитиков скринлайф – всего лишь новый технический прием, приспособивший вновь появившиеся цифровые возможности к давно известным кинематографическим жанрам и техникам съемки. Это дань моды, в силу своей очевидной и даже вызывающей актуальности – явление

интересное, но преходящее. По их мнению, в ближайшее время скринлайф будет включен в привычные форматы как специфический и важный, но частный технологический прием.

Кинокритики, рецензенты, исследователи медиакommunikаций стремятся вскрыть типологические истоки скринлайфа, свести новое к известному.

Эмили Вэй (Emily Wei) в статье «Screenlife Films and Immersion Cinema» связывает скринлайф с традицией иммерсивного кино, строящегося на технологических приемах создания иллюзии реальности происходящего и непосредственного участия зрителя в действии на экране. Наиболее популярной технология иммерсивного кино стала в различных поджанрах фильмов-ужасов, поэтому и скринлайф первоначально обратился именно к ним: фильмы ужасов, выпущенные Бекмамбетовым и его студией⁴.

В этой логике скринлайф вписывается в традицию псевдодокументалистики и сближается с жанром «найденная пленка» (Found footage): «Прямо на наших глазах рождается новый тип кино – screenlife («экранная жизнь»), способный в перспективе стать тем же, чем для рубежа девяностых и нулевых были фильмы жанра «найденной плёнки»⁵.

Псевдодокументальный жанр игрового кино (мокьюментари) в классическом варианте и «найденная пленка» предполагают разные установки и создаваемые эффекты. Если первый чаще имеет сатирическую, пародийную тональность, то второй обыгрывает документальность в поэтике фильмов ужасов.

Еще одна исследовательская версия предистории скринлайфа – отнесение его к традиции десктоп-фильмов и более ранним версиям этого направления, с которыми экспериментировали кинематографисты еще до появления самого термина⁶.

Так или иначе, популярность скринлайфа растет, фильмы и проекты, созданные в этой форме, набирают все больше поклонников, получают все больше призов зрительских симпатий на престижных фестивалях, начинают доминировать среди масштабных сетевых медиапроектов⁷.

Лидерство скринлайфа предопределено его базовыми характеристиками и преимуществами: общедоступностью, демократичностью, дешевизной процесса производства и размещения, предложением набора актуальных ценностей, способных укрепить или в чем-то заменить стре-

нительно размывающуюся традиционную ценностную иерархию⁸.

Скринлайф как феномен цифровой вселенной связан с конкретным этапом эволюции цифрового мира – эпохой Web 2.0. Хотя сам автор, насколько удалось проследить по источникам, термин Web 2.0 не употребляет, но те сущностные свойства всемирной сети, о которых он говорит, внутри которых и при помощи которых работает, относятся именно к новой эпохе всемирной сети. Данное утверждение требует отдельного комментария.

С момента появления термина Web 2.0 в 2004–2005 годах вокруг его сущностного наполнения продолжают споры практиков и исследователей. Одним из центральных пунктов разногласий является утверждение о наличии или отсутствии принципиальных различий «традиционного» интернета и Web 2.0.

Скептики утверждают, что никакого нового феномена не возникло. В эпоху кризиса доткомов было необходимо репозиционировать скомпрометировавшую себя идею перспективности интернет-технологий как универсальной бизнес-стратегии «новой экономики». Маркетинговым ответом на эту необходимость и стал концепт Web 2.0. Происходит развитие уже известной технологии и только [Elashkin]. «Поскольку концепции и технологии Web 2.0 ускоряют людей и процессы, это хорошая вещь, и они сыграют свою небольшую роль в достижении изменений. Но они не изменят мир»⁸.

Сторонники отстаивают принципиальные отличия и совершенно новые возможности коллективных практик в этом мире [Prohогоv].

Этот спор необходимо учитывать, потому что для идеологии скринлайфа принципиально важны те категории и отличия Web 2.0, на которых настаивают сторонники этой концепции. Выступления Т. Бекмамбетова представляют интерес не только и, может быть, не столько в качестве продвижения приемов технологии съемки и монтажа через экран компьютера. Они интересны в силу последовательного отстаивания тезиса о неразрывной и органической связи этой технологии с происходящими и уже свершившимися социальными изменениями⁹. Это тот случай, когда взаимосвязь между технологическими новациями и изменениями социальными, по мнению автора, уже сформировалась, стала свершившимся фактом социальных практик эпохи Web 2.0, но остается неотрефлексированной на творческом и этическом уровнях. Без этого понимания невозможно формирование адекватной реакции на происходящее, учет его специфики в индивидуальном существовании человека, в повседневных межличностных отношениях и, конечно, массовых коммуникациях.

Авторская рефлексия в отношении скринлайфа – это достаточно целостная и во многом революционная программа. Поэтому на основании

анализа многочисленных выступлений авторов и комментаторов феномена скринлайфа мы попытаемся описать не столько технологические, сколько социальные аспекты феномена. Те последствия трансформации социального пространства эпохи Web 2.0, для которых, как считают его авторы, скринлайф предлагает наиболее изоморфные языки выражения.

Новый способ говорения о новых социальных практиках в то же время подталкивает и к переосмыслению уже наличествующих социальных практик к более глубокому осознанию их последствий для индивидуума и общества. Скринлайф, по мысли разработчиков, – ведущий дискурсивный тренд эпохи социальных сетей и мессенджеров, способ реализации, осмысления и гуманизации уже сложившихся и только еще формирующих моделей поведения, ценностных иерархий и идентичностей.

Важно, что скринлайф в такой трактовке ликвидирует или пытается ликвидировать очевидный разрыв между уже вошедшими в жизнь, в повседневность действиями, мотивациями, отношениями и архаичной системой норм и правил, которыми пытаются руководствоваться при их объяснении и оценке. Это разрыв – источник множества конфликтов межличностных, групповых, межпоколенческих. Скринлайф мыслится технологическим проявителем оформляющейся новой социальной реальности.

По Бекмамбетову, в сферу рефлексии по поводу нового изобразительного языка попадают базовые этические категории и многие константы повседневности¹⁰. Они требуют переосмысления в новых условиях и перевода на язык категорий цифровой реальности, что вовсе не означает отказа от традиционного кинематографического языка, все еще остающегося общепринятым и общепонятным в зрительских аудиториях.

Для скринлайфа в его авторской версии важен выход за границы собственно кинематографа, распространение этого языка на всю сложность разноплановых медиакоммуникаций. Учитывая нарастающий интерес к объяснению скринлайфа представителями различных областей искусства и медиа, остановимся на его ключевых характеристиках.

Начнем с особенности, которую можно было бы назвать «новая искренность и моральные выборы». По мнению Т. Бекмамбетова, сфера приватности человека постоянно сжимается. Все больше ситуаций, когда индивидуум ощущает на себе внешний контроль, старается соответствовать тем или иным ожиданиям, перестает быть искренен. Но пока еще люди не боятся, что кто-то видит экраны их компьютеров, и поэтому ведут себя на этих экранах совершенно искренне. Поэтому воспроизведение действий пользователя на экране его компьютера

становится наиболее правдивым отражением процессов, происходящих внутри человеческого сознания. Задача заключается в том, чтобы увидеть в совокупности этих действий логику и закономерности, придающие им языковые свойства.

Элементы этого языка необычны: траектория движения компьютерной мыши, дрожание курсора, скорость и направление его перемещений по экрану, меню браузера, плейлист, видимый на экране, процесс набора текста. Движение мышки, которое определяет то остановку, то паузу, то направление курсора, колебания самого курсора, отражающее сомнения, размышления героя... Эта динамическая графика экрана образует целостную знаковую систему, раскрывающую происходящее во внутреннем мире персонажа. И она способна напрямую решать те задачи, которые в традиционном кинематографе решались только при помощи посредника – закадрового текста.

Язык скринлайфа динамичен. Для передачи сообщения о состоянии героя ему необходима постоянная смена знаков и их сочетаний, наглядная демонстрация изменений, отражающих совершаемые героем выборы, его колебания, метания от одного варианта к другому. Поэтому скринлайф сфокусирован на нравственных выборах героя и особом способе их визуализации. И движение курсора, и его остановка, и, наконец, «клик» всегда означают процесс поиска и принятия решения. Масштаб совершаемого выбора различен, цена также. Но сам факт его совершения фиксируется неизменно, определяя динамику внутреннего сюжета – от выбора до выбора... Кстати именно эта составляющая скринлайфа оказалась глубоко созвучна историософской концепции М. Зыгаря [Чернов: 155–160], что проявилось в совместных проектах последнего и студии Т. Бекмамбетова.

Важным элементом языка скринлайфа является обладающий огромной выразительной силой тайпинг. Это демонстрация на экране того, как герой набирает печатный текст, правит, удаляет, оставляет, копирует, сохраняет и, наконец, отправляет окончательный вариант. Тайпинг – наиболее понятная и знакомая зрителю визуализация происходящих в сознании процессов. Письменная традиция закрепила множество изобразительных «алгоритмов», выражающих мыслительную деятельность человека в процессе написания текста. Поэтому прием традиционно используется в кинематографе и на телевидении. Скринлайф расширяет его значимость, наполняет новыми смыслами за счет включения в общий динамический «экранный контекст».

В этом языке изменяется и звуковая составляющая. Она перестает быть только фоном, подчеркивающим настроение героя. Здесь саундтреки выбирает сам персонаж, на экране представлен его плейлист, зритель видит, как он направляет курсор

на тот или иной трек. Тем самым представлены и музыкальные пристрастия в целом, и его состояние в момент выбора. Вся эта информация дается комплексно, одновременно, сконцентрирована на едином пространстве¹¹.

Само наполнение экрана компьютера героя – открытый зрителю медиамир персонажа, внутри или в рамках которого разворачивается действие. Он воплощен в конструируемое режиссером и дизайнером смысловое пространство папок, ссылок, браузеров, user's picture, аватарок и т. д. Это предыстория персонажа, внутренний мир героя в части тех выборов и решений, которые уже сделаны им на момент начала действия, он изменяется вместе с персонажем по ходу сюжета.

Следующая особенность скринлайфа в трактовке автора – гуманизация интернета. Под этим понимается широкий комплекс разноуровневых эффектов, порождаемых форматом. Прежде всего, демократичность означает доступность, низкий «порог входа» в производство, открывающая доступ начинающим авторам. Но это и понятность широкому зрителю.

Демократичность и общедоступность – извечная утопическая идея сетевого мира. Но Бекмамбетов делает и следующий шаг – от деклараций он переходит к приглашению к сотрудничеству и соучастию в создаваемом им новом пространстве. Запускается проект медиаплатформы screenlifer.com¹², где представлены разнообразные сервисы для начинающих авторов, свободные ресурсы и блоги, библиотеки продуктов и обучающие материалы, музыка и игры, пользовательский контент и т. д. Формат должен быть доступен всем, желающим снимать фильмы и не боящимся экспериментов, желающим участвовать в этом «IT-инкубаторе для инструментов, помогающих киноиндустрии двигаться вперед».

Призыв Бекмамбетова к смелому экспериментированию, утверждение гибкости, пластичности, непрерывного развития формата – еще один признак гуманистичности как признания свободы творчества.

При этом скринлайф как новый язык изобразительности универсален. Это не только киноязык, это медиаязык в целом. Для него несущественны различия между фикшн и нон-фикшн, между художественным кино и журналистикой. Совместные проекты М. Зыгаря и студии «Базилевс» «2017. Свободная история»¹³, «1968 digital»¹⁴ наглядно демонстрируют потенциал скринлайфа в сфере документалистики и исторической журналистики.

Специфический «журнализм» – важная особенность формата. Связь с журналистикой отчетливо намечается и проявляется по-разному. Например, в тяготении наиболее успешных проектов к жанру журналистского расследования, наиболее полно воплотившегося в фильме «Профиль» (PROFILE),

2018. В основе сюжета этого скринлайф-фильма – книга французской журналистки Анны Эрель «Я была джихадисткой». Она изучала механизмы вербовки европейских женщин в ИГИЛ. После успешной премьеры фильма Бекмамбетов не раз рассказывал о глубинной соприродности этого журналистского расследования его собственному мироощущению¹⁵.

«Журнализм» формата проявляется и в стремлении к актуальности, максимально быстрому отражению темы, проблемы, ситуации. Скринлайф оптимален для «репортажных» проектов на злобу дня. Таков, например, развивающийся в условиях пандемии конкурс короткометражных фильмов скринлайф «История карантина» («Tales from the Quarantine»), который был объявлен Бекмамбетовым в конце марта. На конкурс принимались сценарии, идеи, концепции, по сути, любые материалы, отражающие происходящее в условиях карантина и самоизоляции. И уже 6 апреля был объявлен первый победитель – фильм Аксиньи Гог «Удаленка», в основе сюжета которого некое рабочее заседание в формате видеоконференции в Zoom.

Общая миссия скринлайфа, по формулировке режиссера, «очеловечивание» интернета. По убеждению Бекмамбетова, скринлайф вносит в интернет понятие добра и зла. Это утверждение режиссер повторяет многократно. Следовательно, оно не случайно, является важнейшей частью авторской рефлексии по поводу формата и его социальных эффектов.

Сегодняшний интернет не определился с четкой системой ценностей, с их иерархией, с тем, что можно и что нельзя, что есть добро и что есть зло. Оценивать происходящее в нем с точки зрения классической «доцифровой» этики отношений, конечно, можно, но малоэффективно и часто приводит к ошибочным суждениям и решениям, порождает бесконечные конфликты.

В пространстве Web 2.0 происходит исчезновение анонимности, которая так ценилась или так пугала в эпоху традиционного интернета. Режиссер фиксирует этот принципиальный слом и подчеркивает, что «любая анонимность исчезает, когда выходишь в интернет»¹⁶. Но деанонимизация «нового» интернета не делает личность более защищенной, а лишь усиливает уязвимость приватной сферы для недружественного внимания и вмешательства.

Переосмысления и переоценки настоятельно требует вся структура человеческих отношений: семейная, дружеская, конкурентная и т. д. Каждый из ее элементов требует определенных договоренностей в его оценке и трактовке. Но объективной оценки не может быть в отсутствии консенсуса в отношении языка. Иными словами, источник непониманий и конфликтов сегодня в том, что не сформирована конвенциональная норма в новой системе ценностей. А не сформирована она пото-

му, по мысли Бекмамбетова, что не было адекватного языка говорения о ее необходимости.

Автор скринлайфа уверен, что созданный им формат находится в мейнстриме этических поисков современности: «Ближайшие пять-десять лет развития общества будут посвящены именно этому: как адаптировать существующие или сформировать новые правила, устои нашего общества. Не через законы и инструкции, а через сопереживание. Для этого и существует кино со всеми его спецэффектами, монтажными склейками, сюжетными поворотами и захватом экрана – чтобы добиться эмоции. Через смех, слезы, страх люди познают мир, иначе они просто не будут ничего запоминать. Заучивание, зубрежка не дает никакого эффекта. Только эмоции создают нейронные связи. А уже мысли образуют душу, сознание»¹⁶.

Анализ авторской рефлексии режиссера Тимура Бекмамбетова в отношении созданного им нового формата – скринлайфа – показывает, что в пространстве Web 2.0 технологическое решение может стать первоисточником и толчком к формированию нового языка выразительности, пытающегося с наибольшей точностью описать уже произошедшие благодаря новым технологиям социальные изменения. Новый язык описания предназначен, по мысли его разработчиков, ликвидировать опасные лакуны между традиционными иерархиями, поведенческими моделями, оценочными формулами и стереотипами и де-факто наступившим новым социальным устройством, требующим своего осознания через эмоциональный язык образов, который только и способен привести к гуманизации среды обитания современного человека, именуемой интернетом эпохи Web 2.0.

Стремительно меняющийся современный мир все прочнее закрепляет за собой префикс VUCA (от volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность), ambiguity (изменчивость)). В его непрерывной динамике, как правило, технологии обгоняют этику. Сначала возникают процессы и механизмы, оформляются и даже запускаются технические решения и лишь затем начинает осознаваться или сразу ощущаться их противоречивые социальные эффекты.

Цифровая реальность создает мир больших данных, которые позволяют сделать жизнь человека максимально комфортной и безопасной. Но Big Data создают прямые угрозы правам человека потенциалом тотального наблюдения и контроля, способны усугубить неравенство и дискриминировать целые сообщества и социальные страты. Роботизированные системы, наряду с огромным экономическим потенциалом, генерируют социальные риски, связанные не только с рынком труда, но и этичностью принимаемых решений в различных ситуациях. Перевод в цифровой формат

чувствительной, конфиденциальной информации усиливает угрозы недружественного или враждебного вторжения в персональную сферу человека. Нейронные сети демонстрируют фантастический потенциал микротаргетинга, но одновременно делают пространство социальных сетей настоящей «зоной свободной охоты» за глубинными, неочевидными при других, линейных, способах наблюдения мотивами и предпочтениями людей.

Концепция скринлайфа в изложении его создателя – один из вариантов ответа на эти угрозы и вызовы. Ответа художника, режиссера, базирующегося на трансформации в новой среде важнейших аттракторов художественного повествования: эмоциях, выборах, поступках героев.

Примечания

¹ Computer and Information Ethics. Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/ethics-computer/> (дата обращения 10.05.2020)

² Grate T. ‘Searching’ Producer Timur Bekmambetov To Shoot World’s First Vertical Format Blockbuster / Deadline. URL: <https://deadline.com/2020/02/searching-timur-bekmambetov-strictly-business-podcast-screenlife-russia-1202897648/> (access date: 23.03.2020); Littleton C. Director Timur Bekmambetov Talks ‘Screenlife’ Technology Push, U. S.-Russia Divide. Variety. URL: <https://variety.com/2018/biz/news/timur-bekmambetov-strictly-business-podcast-screenlife-russia-1202897648/> (access date: 21.03.2020); Тимур Бекмамбетов. Новые технологии видео. Трансформация. Университет СИНЕРГИЯ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DpwwLF95v1c> (access date: 23.04.2020).

³ Macnab J. Timur Bekmambetov interview: The filmmaker who shoots on laptops and mobiles instead of conventional cameras. The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/films/features/timur-bekmambetov-screenlife-movie-films-laptop-mobile-camera-unfriended-dark-web-a8484261.html> (access date: 21.03.2020); Загвоздкина Е. Тимур Бекмамбетов: screenlife-фильмы – единственно возможное современное кино. Информационное агентство «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/interview/630859> (access date: 18.04.2020).

⁴ «Убрать из друзей» (Unfriended, 2014, режиссера и продюсера Левана Габриадзе). URL: <https://www.uphe.com/movies/unfriended>; «Убрать из друзей. Дарк Веб» (Unfriended: Dark Web (2018, режиссерский дебют Стивена Суско). URL: <https://www.unfriended-darkweb.com/>.

⁵ «ScreenLife»: мастер-класс Тимура Бекмамбетова / медиалаборатория Яндекс.Такси. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JTcvhJ8HuPs> (access date: 11.04.2020).

⁶ «Онлайн. Секс, ложь и Интернет» («On_Line», США, 2002), реж. Дж. Уайнтроп.

⁷ Долин А. «Профиль» Тимура Бекмамбетова: десктоп-триллер о вербовщиках ИГ на Берлинале показали фильм о войне с исламским терроризмом. Интернет-издание «Медуза». URL: <https://meduza.io/feature/2018/02/19/profil-timura-bekmambetov-desktop-triller-o-verbovschikah-ig> (дата обращения 28.04.2020); Москвитин Е. «Поиск»: Тимур Бекмамбетов спродюсировал еще один фильм, действие которого разворачивается на экране компьютера и убедил Голливуд, что это серьезный жанр. Интернет-издание «Медуза». URL: <https://meduza.io/feature/2018/01/31/poisk-timur-bekmambetov-sprodusiroval-esche-odin-film-deystvie-kotorogo-razvorachivaetsya-na-ekrane-kompyutera> (дата обращения: 28.04.2020).

⁸ Web 2.0, хайп или просто хайп. Web 2.0, hype or just hype? An IT Skeptic Special Report. The Skeptical Informer, March 2007, vol. 1, no. 2 (дата обращения: 21.03.2020).

⁹ Варшавская Ю., Баянова Н., Родин А. Тимур Бекмамбетов: разрушительная сила соцсетей очень велика. Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/5103533> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁰ Гугнин Е. «Мы еще не научились обманывать экраны»: интервью с Тимуром Бекмамбетовым. Cinema & Holics. URL: <https://cinemaholics.ru/bekmambetov-interview/> (дата обращения: 12.04.2020); Тимур Бекмамбетов: Люди хотят смотреть фильмы “скринлайф”. Deutsche Welle (DW). URL: <https://bit.ly/38RIhCb> (дата обращения: 10.04.2020).

¹¹ «Screenlife: Как устроен новый киноязык. Дискуссия». Strelka Institute / Институт Стрелка. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P1L90gK0RWk> (access date: 22.04.2020).

¹² Медиaplatforma Screenlife. URL: <https://records.screenlife.com/feed>

¹³ Мультимедийный проект 1917 «Свободная история». URL: <https://project1917.ru/> (дата обращения: 21.03.2020).

¹⁴ Мультимедийный проект 1968. Компьютерная революция. Год, когда все началось. URL: <https://1968.digital.ru/main> (дата обращения: 21.03.2020).

¹⁵ Bazelevs. URL: <https://www.facebook.com/bazelevscompany/photos/a.125329234154881/1695276180493504/?type=1&theater> (access date: 21.03.2020).

¹⁶ Карцев Н. Тимур Бекмамбетов: Любая анонимность исчезает, когда ты выходишь в интернет. Информационное агентство РБК. URL: <https://style.rbc.ru/people/5bade2c89a7947415cc9cd87> (дата обращения: 14.04.2020).

Список литературы

Елашкин М. Ожидания и реальность Web 2.0. Открытые системы. СУБД. 2007. № 1.

Прохоров А. Равнение на WEB 2.0. Компьютер-Пресс. 2007. № 2.

Родионова М. Десктопфильм как художественная модель коммуникации в цифровой среде // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 159–170.

Чернов А.В. Журналистская оптика в историческом дискурсе. «Историческое письмо» М. Зыгаря и Л. Парфенова (часть 2). Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 4. С. 155–160.

What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. by Tim O'Reilly. URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 25.03.2020).

Elashkin M. Ozhidaniya i real'nost' Web 2.0. Otkrytye sistemy. SUBD. 2007. № 1. URL: <https://www.osp.ru/os/2007/01/3999213/> (access date: 08.05.20).

Prohorov A. Ravnenie na WEB 2.0 [web 2.0 alignment]. Komp'yuter Press. № 2. 2007. URL.: <https://compress.ru/article.aspx?id=17259> (access date: 22.04.2020)

Rodionova M.N. Desktopfil'm kak hudozhestvennaya model' kommunikatsii v cifrovoj srede [Desktop film as an artistic model of communication in a digital environment]. КиберЛенинка [Cyberleninka]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/desktopfilm-kak->

hudozhestvennaya-model-kommunikatsii-v-tsifrovoy-srede (access date: 18.03.2020)

What Is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. by Tim O'Reilly. URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (access date: 06.04.2020).

References

Elashkin M. Ozhidaniya i real'nost' Web 2.0 [Expectations and Reality]. Otkrytye sistemy. SUBD [Open systems. DBMS], 2007, № 1. (In Russ.)

Prokhorov A. Ravnenie na WEB 2.0 [Equalization on WEB 2.0]. Komp'yuter Press [Computer Press], 2007, № 2. (In Russ.)

Rodionova M. Desktopfil'm kak hudozhestvennaya model' kommunikatsii v tsifrovoy srede [Desktop film as an artistic model of communication in the digital environment]. Kul'tura i tekst [Culture and text], 2019, № 1 (36), pp. 159–170. (In Russ.)

Chernov A.V. Zhurnalistikaia optika v istoricheskom diskurse. "Istoricheskoe pis'mo" M. Zygaria i L. Parfenova. Chast' 2 [Journalistic optics in historical discourse. "Historical letter" M. Zygar and L. Parfenov. Part 2]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kostroma State University], 2018, № 4, pp. 155–160. (In Russ.)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-194-201>
УДК 321

Коваль Сергей Петрович
Ивановский государственный университет

Таибова Оксана Юркиновна
Ивановский государственный университет

Цветков Михаил Юрьевич
Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы теории, связанные с пониманием и важными проблемами правового регулирования института конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, анализируется категория «личная заинтересованность служащего», а также проведено сравнительное изучение применения административной и дисциплинарной ответственности к гражданскому государственному служащему в данной конфликтной ситуации. Анализируется деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих. Авторы на основе действующего законодательства проводят анализ особенностей конфликта интересов. Особое внимание уделяется вопросам повышения эффективности практической деятельности государственных органов по выявлению и предотвращению данных конфликтов. Исследуются пробелы в положениях законов РФ, связанных с конфликтом интересов. Имеются предложения по эффективному разрешению конфликтных ситуаций на государственной службе. Анализируя изменения в законодательстве РФ, рассматривая суждения ученых по противодействию коррупции, авторы делают собственные выводы. Ключевой позицией авторов по данному вопросу является то, что совершенствование мер юридической ответственности государственных служащих в ситуации конфликта интересов есть необходимая задача науки административного права, эффективное средство предупреждения правонарушений и укрепления исполнительской дисциплины в государственном аппарате.

Ключевые слова: личная заинтересованность, конфликт интересов, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, комиссия по урегулированию конфликтов интересов, коррупция

Информация об авторах: Коваль Сергей Петрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4346-9469>, кандидат исторических наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: retrovitsch17@mail.ru

Таибова Оксана Юркиновна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9014-9586>, кандидат юридических наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: taibova.2020@mail.ru

Цветков Михаил Юрьевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4488-543X>, кандидат философских наук, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС РФ, г. Иваново, Россия

E-mail: kleopatra-lebedeva@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.09.20

Для цитирования: Коваль С.П., Таибова О.Ю., Цветков М.Ю. Актуальные проблемы правового регулирования института конфликта интересов на государственной гражданской службе в РФ // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 194-201. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-194-201>

Sergey P. Koval'

Ivanovo State University

Oksana Yu. Taibova

Ivanovo State University

Mikhail Yu. Tsvetkov

Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

TOPICAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF CONFLICT OF INTEREST IN THE STATE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines theoretical issues related to understanding and important problems of legal regulation of the institution of conflict of interest in the state and municipal service, it analyses the category of "personal interest of an employee", and also conducts a comparative study of the application of administrative and disciplinary responsibility to a civil servant in this conflict situations. The activity of the commissions on compliance with the requirements for official behaviour of civil servants is analysed. The authors analyse the specifics of the conflict of interest based on the current legislation. Particular attention is paid to the issues of increasing the efficiency of practical activities of state bodies to identify and prevent these conflicts. Gaps in the provisions of the laws of the Russian Federation related to conflicts of

interest are investigated. There are proposals for the effective resolution of conflict situations in the civil service. Analysing the changes in the legislation of the Russian Federation, considering the opinions of scientists on combating corruption, the authors draw their own conclusions. The key position of the authors on this issue is that improving the measures of legal responsibility of civil servants in a situation of conflict of interest is a necessary task of the science of administrative law, an effective means of preventing offences and strengthening executive discipline in the state apparatus.

Keywords: *personal interest, conflict of interests, administrative responsibility, disciplinary responsibility, disciplinary offence, commission for settlement of conflicts of interest, corruption*

Information about the authors: Sergey P. Koval', ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4346-9469>, Candidate of Historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: petrovitsch17@mail.ru

Oksana Yu. Taibova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9014-9586>, Candidate of Jural Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: taibova.2020@mail.ru

Mikhail Yu. Tsvetkov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4488-543X>, Candidate of Philosophical Sciences, Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, Ivanovo, Russia

E-mail: kleopatra-lebedeva@mail.ru

Article received: September 12, 2020

For citation: Koval' S.P., Taibova O.Yu., Tsvetkov M.Yu. Topical problems of legal regulation of the institution of conflict of interest in the state civil service in the Russian Federation. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 4, pp. 194-201 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-194-201>

В период серьезного преобразования института государственной службы в РФ ставился вопрос об устранении негативных факторов, которые препятствуют эффективной деятельности органов государственной власти, к числу которых были отнесены коррупционное поведение государственных служащих, а также ситуация, именуемая «конфликт интересов». О перспективе возникновения данной ситуации упоминалось в Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации. Развернутого толкования, как следует понимать конфликт интересов, в этом документе не содержится, что актуализировало проблему научного исследования данного понятия. Заметный толчок решению этого вопроса придала кампания по борьбе с коррупцией, где конфликт интересов обсуждался в качестве наказуемого деяния, посягающего на охраняемые законом отношения в обществе, возникающие в области деятельности публичной власти. Сегодня в законодательстве РФ о противодействии коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления нормативно закреплено понятие «конфликт интересов». Под конфликтом интересов в части 1 статьи 10 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» понимается ситуация, при которой личная заинтересованность лица, находящегося на должности, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)¹. В юриспруденции, в том числе в науке административного права, данное определение вызвало далеко не однозначное понимание.

Многие специалисты в данной сфере считают его неудачным, создающим множественность ва-

риантов толкования правовой сути конфликта интересов и вызывающего сложности и противоречия в квалификации жизненных ситуаций как конфликтных. Новое в законодательстве явилось катализатором научного внимания к вопросу понимания правового содержания конфликта интересов, проблемам выявления и оптимального урегулирования конфликтных ситуаций, актуализировали исследования в сфере научной классификации жизненных ситуаций, которые подпадают под определение «конфликт интересов» на государственной и муниципальной службе. Только в 2017–2020 гг. появились монографические исследования, научно-практические пособия, публикации в периодических изданиях, посвященные вопросам конфликта интересов на государственной службе. Большой перечень литературных источников по исследуемой тематике содержится в статье А.Ф. Ноздрачева и А.С. Автономова [Ноздрачев, Автономов: 12–15]. А.Ф. Ноздрачев рассматривает конфликт интересов в качестве купли-продажи или других видов эквивалентного обмена государственно-властных полномочий с целью получения материальных или других значимых благ. Конфликт интересов, полагает автор, как и коррупция в целом, порождается в большей степени несовершенством законодательства [Ноздрачев: 22–25]. Интересно мнение Е.В. Трофимова в статье об эффективном управлении в сфере конфликта интересов, где он утверждает, что случаи, когда государственные служащие реализуют свои полномочия с целью удовлетворения своих личных потребностей при нарушении законодательства, ведут к неэффективному функционированию органов государственной власти, повышению коррупционной составляющей, формированию отрицательного имиджа государственной службы, снижению доверия к представителям государственной власти [Трофимов: 102–105].

Важное следствие конфликта интересов – снижение качества выполнения должностных обязанностей. Существующее нормативное закрепление понятия «конфликт интересов» нуждается в серьезном научном анализе с целью конкретизации его существенных признаков и поиске более удачной формулировки. По этому поводу Т.Р. Мещерякова заметила, что еще одной мерой, которая касается усовершенствования законодательства России, может являться изменение понятия в законе «О противодействии коррупции» в статье, касающейся конфликта интересов [Мещерякова: 59–63]. В данном законе конфликт интересов затрагивает только государственных и муниципальных служащих, однако целесообразно было бы расширить круг лиц закреплением понятия «публичное должностное лицо». По мнению А.В. и Т.Л. Козловых, настоящее определение конфликта интересов касается узкого круга субъектов права, а именно государственных и муниципальных служащих, в то время как существует ряд должностей, не охватываемых понятием государственного и муниципального служащего. В связи с этим возникает необходимость в совершенствовании данного определения [Кудашкин, Козлов: 12–15]. Например, А.Д. Ильяков утверждает, что конфликт интересов на государственной службе может выражаться в противоречиях между интересами государства, общества, с одной стороны, и интересами государственного служащего – с другой стороны. Автор предлагает различать в понятии «личный интерес» два важных аспекта, один из которых связан с интересами службы, а другой – с личным имущественным и неимущественным интересом. На основе проведенного изучения данной проблемы А.Д. Ильяков делает заключение: «Изучая различные подходы к толкованию понятия “конфликт интересов”, можно прийти к выводу, что для целей, касающихся функций организаций, понимание рассматриваемого понятия выходит за пределы материальной выгоды» [Ильяков: 28–34].

Связанным с понятием «конфликт интересов» в действующих нормативных актах рассматривается понятие «личная заинтересованность», под которой согласно нормативному положению Закона о противодействии коррупции понимается возможность получения доходов в виде денег, другого имущества, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод лицом и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами, гражданами или организациями, с которыми лицо и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями. На данное понятие имеется ссылка и в статье 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 79-

ФЗ). В науке административного права и на практике возникла также необходимость толкования понятия «личная заинтересованность»². Официальным является разъяснение, данное Пленумом Верховного суда РФ, в котором закрепляется, что при решении вопроса о наличии в деянии подсудимого состава преступления, предусмотренного статьей 285 Уголовного кодекса РФ (злоупотребление должностными полномочиями), под личной заинтересованностью понимается стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить положение и т. п. Под личной заинтересованностью государственного и муниципального служащего, которая может повлиять на объективное и надлежащее исполнение им должностных обязанностей, положения постановления Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» предлагают понимать возможность получения в обход установленного нормативными актами порядка, в связи с исполнением служебных обязанностей, доходов в виде имущественных или неимущественных выгод или услуг имущественного или неимущественного содержания³. Концептуально необходимо отказаться от попыток включать новые признаки в определение личной заинтересованности, оставив лишь содержательные характеристики этого явления. Широкий подход к толкованию понятия «личная заинтересованность» позволит отнести к личной заинтересованности любое поведение, деяние государственного служащего, которое по своему смыслу противоречит интересам общества и государства. В итоге это явится дополнительным препятствием попыткам недобросовестных служащих избежать ответственности за создание условий для осуществления противоправного деяния или непринятие действенных мер к урегулированию конфликта интересов. В этом случае реализуется правовой принцип о неотвратимости ответственности за содеянное служащего в ситуации конфликта интересов, которое фактически является личной заинтересованностью, но по юридическому основанию к таковой не может быть отнесено. Регламентирующие юридические документы о государственной службе не в состоянии охватить большое многообразие ситуаций, складывающихся в реальной жизни, как конфликтных. Неправомерное поведение служащего, особенно должностного лица, которое выражается в протекционизме, поддержке личных интересов, в покровительстве «нужным лицам», преследовании «неудобных лиц», также может рассматриваться в качестве личного интереса, как действие, подрывающее доверие к институтам государственной и местной

власти, должно быть наказуемо хотя бы в дисциплинарном порядке. Важно обеспечить, чтобы дефект действующего законодательства не позволил служащему совершать деяния, которые по каким-то причинам не попадают под реальное понятие личной заинтересованности, но при внимательном анализе обстоятельств дела есть не что иное, как покушение на извлечение в личных интересах административной ренты из своего служебного положения [Гольцова, Рамазанов: 101–103]. В этом случае может возникнуть проблема избыточности скрытых полномочий должностного лица, которое противодействует коррупции. Свобода усмотрений возможна и необходима, важно лишь ограничить ее определенными границами. На это обстоятельство обращают внимание зарубежные юристы в области административного права тех государств, где эффективно применяется законодательство об административных процедурах и где осуществляется реальный судебный контроль за исполнением скрытых полномочий органами публичной власти. «Понятие усмотрения, – отмечает А.В. Соловьев, – является одним из центральных понятий административного права. Если какая-либо норма права предоставляет органу управления усмотрение (другими словами, дискреционные полномочия), то под этим подразумевается, что данный орган имеет определенный диапазон для самостоятельного принятия решений, которые могут быть перепроверены судом в ограниченном объеме». Если государственному органу управления предоставляется усмотрение, то это не значит, что данный орган управления теперь может делать все, что захочет [Соловьев: 56–60]. В нашей современной правовой действительности необходимо изменить отношение к категории личного усмотрения с отрицательного на позитивное, восприняв различные подходы, серьезно разработанные в зарубежных государствах. Изживать существующие стандарты в сфере государственного управления следует осторожно, руководствуясь основаниями соблюдения законности и развития различных видов контроля. Данный нормативный акт о противодействии коррупции много раз исправлялся с целью устранения некоторых дефектов. В итоге доработки правовых источников основанием наступления юридической ответственности является противоправное поведение в виде бездействия служащего или его непосредственного руководителя в ситуации реального или возможного конфликта интересов. Автор данного закона не уточняет, каким конкретно правонарушением является бездействие указанных субъектов. Если исследовать санкции, то можно рассуждать о дисциплинарном проступке, за совершение которого применяется самое строгое дисциплинарное взыскание в виде увольнения с государственной службы. Бездеятельность гражданского служащего рассматривается законо-

дателем как правонарушение, влекущее его увольнение. Подобно квалифицируется и поведение представителя нанимателя в случае непринятия им мер по предотвращению конфликта интересов, возникшего у подчиненного ему сотрудника (часть 3.2, 4.1 статьи 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ»). Субъектами ответственности в этом случае являются гражданские служащие, не принявшие мер к предотвращению или урегулированию конфликта интересов, вне зависимости от их должности, а также другие лица, указанные в части 3 статьи 10 Федерального закона «О противодействии коррупции». Задачи, сформулированные в законодательстве РФ о противодействии коррупции в системе государственной службы России, серьезно повлияли на изменение императивных правовых норм, обязывающих государственного служащего принимать все зависящие от него меры к урегулированию конфликта интересов. По сравнению с первоначальной редакцией пересмотру подверглась статья 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ». Особенно необходимо обратить серьезное внимание на определение составов дисциплинарных проступков, предусмотренных частями 3.2 и 4.1 статьи 19 данного федерального закона. Сравнительный анализ норм права законов «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе РФ» не оставляет сомнений в том, что поведение гражданских служащих при непринятии мер по предотвращению конфликта интересов, вовлеченных в конфликт, есть не что иное, как особое проявление коррупционного поведения. Вопрос о виде юридической ответственности, применяющейся в этой ситуации, не возникает хотя бы на том основании, что увольнение с гражданской службы является дисциплинарным взысканием, предусмотренным статьей 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ». Следует отметить, что на соответствующих должностных лицах лежит обязанность принимать меры воздействия в соответствии с требованиями закона о безусловном увольнении сотрудника-нарушителя [Чаннов: 58–60]. В Федеральном законе «О государственной гражданской службе РФ» содержатся и другие юридические нормы, взаимосвязанные с ситуацией конфликта интересов на данной службе. В соответствии с положениями статьи 15 данного закона гражданский служащий обязан проинформировать представителя нанимателя о личной заинтересованности при исполнении служебных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов. Опять же, согласно положениям статьи 15 в отношении гражданского служащего, замещающего должность категории «руководители», установлены дополнительные правовые ограничения с целью избежать конфликта интересов. Появление конфликта инте-

ресов влечет юридические последствия, предусмотренные положениями статьи 17 (в условиях владения гражданским служащим ценными бумагами и при осуществлении лицом трудовой деятельности после завершения гражданской государственной службы). Нарушение требований о предотвращении конфликта интересов и неисполнения обязанностей, созданных в целях противодействия коррупции, предусмотренных положениями статьи 37, является основанием утраты доверия к гражданскому служащему. В этом случае наступает дисциплинарная ответственность в виде дисциплинарного взыскания, предусмотренного положением статьи 57 данного закона. Неясность некоторых базовых законодательных определений, характеризующих условия конфликта интересов, создают трудности с ответственностью гражданских служащих за непринятие мер к предотвращению и урегулированию конфликта интересов. В современное время можно с уверенностью утверждать, что в ситуации конфликта интересов на гражданской государственной службе основными видами юридической ответственности являются дисциплинарная и административная [Дедов: 112–116]. В сфере дисциплинарной ответственности составы дисциплинарных проступков не формулируются, за исключением грубых нарушений служебной дисциплины. Непонятно обстоит дело с административной ответственностью государственного служащего за неисполнение антикоррупционных обязанностей. В КоАП РФ содержится довольно ограниченное количество таких составов, а основным наказанием является административный штраф, значительно реже может применяться дисквалификация. Важнейшее условие ее применения – признак повторности. Дисквалификация как административное наказание к государственным служащим практически не применяется. За весь 2019 г. отмечены единичные случаи ее применения. Это можно объяснить тем, что гражданский служащий, подвергнутый дисквалификации, подлежит увольнению с гражданской службы. Необходимо отметить, что по последствиям для государственного служащего дисквалификация равнозначна увольнению с государственной службы, например в связи с утратой доверия. Гораздо проще уволить гражданского служащего в дисциплинарном порядке, нежели осуществить увольнение вследствие применения к нему административного наказания в виде дисквалификации. Возникает еще одна проблема увольнения со службы сотрудника-правонарушителя, которая заключается в том, что за одно и то же деяние одновременно наступает и административная, и дисциплинарная ответственность. Срок действия дисквалификации от шести месяцев до трех лет, а увольнение с государственной гражданской службы никакими сроками не ограничено. Вместе

с тем не существует запретов на восстановление на государственную службу ранее уволенного с нее лица [Добробаба: 17–21]. К числу административных правонарушений, предусмотренных Кодексом РФ об административных правонарушениях, за которые закон допускает применение дисквалификации к государственным служащим, обладающим положением должностного лица, можно отнести следующие юридические нормы: нарушение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций (статья 5.57); нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (статья 5.63) и другие. Важным вопросом совершенствования административной ответственности государственных служащих озаботились и законодатели субъектов РФ. Например, в Закон Ивановской области об административных правонарушениях включена специальная статья, предусматривающая административную ответственность за неправомерный отказ в предоставлении государственной услуги, нарушение сроков ее выполнения. Данные деяния с 2013 г. стали административно наказуемыми для должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления, а также сотрудников МФЦ. Штрафная санкция составит на должностных лиц исполнительных органов государственной власти Ивановской области или должностных лиц органов местного самоуправления до 3 тысяч рублей, а на работников многофункционального центра, работников государственных (муниципальных) учреждений – до 2 тысяч рублей. Руководствуясь нормативными предписаниями, государственный служащий может по-разному рассматривать жизненную ситуацию: как бесконфликтную, или потенциально конфликтную, или как реальный конфликт. В соответствии с положениями статьи 15 Федерального закона № 79 государственный служащий обязан самостоятельно оценить данную жизненную ситуацию. Если добросовестно исполнить данную обязанность, служащий должен обладать соответствующими знаниями в области юриспруденции, финансов, управления, а также навыками распознавания реального конфликта интересов. Если данные навыки отсутствуют, то служащий оказывается в сложном положении, у него возникает задача с выбором варианта поведения. Будет правильным, если закон предоставит государственному служащему право воспользоваться правовой помощью юридического подразделения государственного органа или иных подразделений, способных решать практические вопросы квалификации данной ситуации как конфликтной [Братановский, Зеленов: 16–23]. В данных случаях важное значение приобретает деятельность комиссий государственного органа по служебному пове-

дению и урегулированию конфликта интересов. В соответствии со статьей 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» комиссия по урегулированию конфликтов интересов образуется правовым актом государственного органа в порядке, определяемом Президентом РФ. Таким актом является Указ Президента РФ от 1.07.2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов». В соответствии с п. 3 Положения основной задачей данных комиссий является содействие государственным органам в обеспечении соблюдения федеральными государственными служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов. Согласно Указу Президента РФ № 821 комиссии создаются в соответствии с положением о них, которое оформляется специальным актом руководителя соответствующего государственного органа. Необходимо отметить, что состав такой комиссии складывается на паритетных началах из представителей соответствующего государственного органа, научных учреждений, образовательных заведений (не менее ¼ состава) с таким расчетом, чтобы исключить возможность появления конфликтных ситуаций⁴. Исследование документов, регламентирующих деятельность данных комиссий, показывает их максимальную одинаковость при незначительных отличиях технического характера. Одним из оснований для проведения заседаний данных комиссий является представление руководителем государственного органа материалов проверки, которые свидетельствуют о несоблюдении служащим требований к служебному поведению или требований об урегулировании конфликта интересов. Изучив представленные документы и заслушав объяснения гражданского служащего, не сообщившего о появившемся конфликте интересов или не принявшего мер к его урегулированию, комиссия принимает один из двух вариантов решения, предписанных типичным положением. В первом варианте данная комиссия приходит к выводу, что служащий соблюдал требования к урегулированию конфликта интересов, во втором – не соблюдал данных требований. Члены комиссии могут изложить свое мнение о возможном применении к служащему мер юридической ответственности. Это могут быть дисциплинарные взыскания, а в случае установления членами комиссии факта совершения служащим деяния, содержащего признаки состава административного правонарушения или преступления, председатель комиссии обязан в трехдневный срок передать документы в соответствующие правоохранительные органы⁵. Действующее законодательство РФ обязывает должностных лиц привлекать к ответственности служащих, не сообщав-

ших о личной заинтересованности у них, которая может повлечь за собой или повлекла конфликт интересов. Однако правовая неясность некоторых базовых категорий не позволяет эффективно разрешать данные конфликтные ситуации. Не лучшим образом отражаются на воплощении в жизнь положений нормативных актов об урегулировании конфликта интересов и некоторые оценочные взгляды, отсутствие конкретных оснований разграничения ситуации возможного конфликта интересов с иными жизненными условиями, которые могут иметь внешнее сходство с назревающим или уже возникшим конфликтом. В данной ситуации необходим поиск баланса между правовыми регуляторами и сферой некоторых полномочий должностных лиц. Важно сместить внимание на превенцию конфликтов частного и публичного интересов. Серьезных результатов возможно ожидать от расширения ресурсов общественного контроля за такими сферами государственной службы, где наиболее вероятны коррупционные проявления, от эффективного реагирования должностных лиц на сообщения граждан о фактах недостойного поведения государственных служащих. В постоянном развитии нуждаются меры контроля и надзора за должностными лицами, осуществляющими закупки для публичных нужд, распределяющими финансовые и другие материальные ресурсы, занимающимися вопросами проверки служебной деятельности, карьерного продвижения лиц, состоящих на государственной службе. Таким образом, совершенствование мер юридической ответственности государственных служащих в ситуации конфликта интересов есть необходимая задача науки административного права, эффективное средство предупреждения правонарушений и укрепления исполнительной дисциплины в государственном аппарате.

Примечания

¹ О противодействии коррупции: Федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2009. № 33 (часть 1). Ст. 3418.

² О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2005. № 31 (часть 2). Ст. 3401.

³ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 12; СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

⁴ Об утверждении Положения о Комиссии Министерства финансов Российской Федерации по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и работников организаций, находящихся

в ведении Министерства финансов Российской Федерации, и урегулированию конфликта интересов: Приказ Минфина России от 14 октября 2014 г. № 115н // Российская газета. 2014. 28 ноября.

⁵ Об утверждении Положения о Комиссии Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и работников организаций, находящихся в ведении Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, и урегулированию конфликта интересов: Приказ Минстроя России от 30 июня 2014 г. № 352/пр // Российская газета. 2014. 28 августа.

Список литературы

Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе как объект антикоррупционного контроля // Государство и право. 2012. № 6. С. 16–23.

Гольцова Д.О., Рамазанов К. Н. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной гражданской службе как механизм борьбы с коррупцией // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество: сб. научн. ст. Саратов: Поволжск. ин-т упр. им. П.А. Столыпина, 2015. С. 101–103.

Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 288 с.

Добробаба М.Б. Формализация оснований дисциплинарной ответственности государственных служащих: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 17–21.

Ильяков А.Д. Конфликт интересов на государственной службе. М., 2017.

Костина О.В., Елизарова И.А. Препятствия выявления и устранения конфликта интересов на государственной гражданской службе и муниципальной службе // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2. С. 28–34.

Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Порядок регулирования конфликта интересов нуждается в совершенствовании // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 12–15.

Мещериакова Т.Р. Некоторые проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 59–63.

Ноздрачев А.Ф. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: науч.-практ. пособие. М., 2016. 223 с.

Ноздрачев А.Ф., Автономов А.С. Меры профилактики и контроля конфликта интересов по законодательству Российской Федерации и зарубежных государств // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 12–15.

Соловьев А.В. Конфликты на государственной службе: типология и управление: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. 210 с.

Трофимов Е.В. Об административно-правовых средствах повышения уровня нетерпимости к коррупции // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7 (110). С. 102–105.

Чаннов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / под ред. В.В. Володина. М.: Ось-89, 2009. 220 с.

References

Bratanovskii S.N., Zelenov M.F. *Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhbe kak ob'ekt antikorrupsionnogo kontroliia* [Conflict of interests in the state and municipal service as an object of anti-corruption control]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2012, № 6, pp. 16–23. (In Russ.)

Gol'tsova D.O., Ramazanov K.N. *Predotvrashchenie i uregulirovanie konflikta interesov na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe kak mekhanizm bor'by s korrupsiei* [Prevention and resolution of conflicts of interest in the public civil service as a mechanism to combat corruption]. *Protivodeistvie korrupsii: gosudarstvennaia politika i grazhdanskoe obshchestvo: sb. nauchn. st. Saratov: Povolzhsk. in-t upr. im. P.A. Stolypina* [Anti-Corruption: State Policy and Civil Society], 2015, pp. 101–103. (In Russ.)

Dedov D.I. *Konflikt interesov* [Conflict of interest]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2004, 288 p. (In Russ.)

Dobrobaba M.B. *Formalizatsiia osnovanii distsiplinarnoi otvetstvennosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: problemy i perspektivy* [Formalization of grounds for disciplinary responsibility of civil servants: problems and prospects]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 2017, № 5, pp. 17–21. (In Russ.)

Iliakov A.D. *Konflikt interesov na gosudarstvennoi sluzhbe* [Conflict of interest in public service]. Moscow, 2017, 198 p. (In Russ.)

Kostina O.V., Elizarova I.A. *Prepiatstviia vyivleniia i ustraneniia konflikta interesov na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe i munitsipal'noi sluzhbe* [Obstacles to identifying and eliminating conflicts of interest in the state civil service and municipal service]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik* [Siberian legal bulletin], 2018, № 2, pp. 28–34. (In Russ.)

Kudashkin A.V., Kozlov T.L. *Poriadok regulirovaniia konflikta interesov nuzhdaetsia v sovershenstvovanii* [The procedure for regulating conflicts of interest needs to be improved]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2010, № 10, pp. 12–15. (In Russ.)

Meshcheriakova T.R. *Nekotorye problemy uregulirovaniia konflikta interesov na gosudarstvennoi sluzhbe* [Some problems of conflict of interest

resolution in the public service]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local government], 2015, № 9, pp. 59–63. (In Russ.)

Nozdrachev A.F. *Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhbe, v deiatel'nosti organizatsii: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie* [Conflict of interests in the state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, resolution]. Moscow, 2016, 223 p. (In Russ.)

Nozdrachev A.F., Avtonomov A.S. *Mery profilaktiki i kontrolya konflikta interesov po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh gosudarstv*: [Measures to prevent and control conflicts of interest under the legislation of the Russian Federation and foreign countries]. *Administrativnoe pravo i protsess*

[Administrative law and process], 2017, № 5, pp. 12–15. (In Russ.)

Solov'ev A.V. *Konflikty na gosudarstvennoi sluzhbe: tipologiya i upravlenie*: [Conflicts in the public service: typology and management]. Moscow, 2018, 210 p. (In Russ.)

Trofimov E. V. *Ob administrativno-pravovykh sredstvakh povysheniia urovnia neterpimosti k korruptsii* [On administrative and legal means of increasing the level of intolerance to corruption]. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2017, № 7 (110), pp. 102–105. (In Russ.)

Channov S. E. *Sluzhebnoe pravootnoshenie: poniatie, struktura, obespechenie* [Service relationship: concept, structure, security]. Moscow, Os'-89 Publ., 2009, 220 p. (In Russ.)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ В 1917 Г.

В статье проанализированы основные особенности нормативного правового регулирования кооперации в 1917 г. Выделены новые положения, регулировавшие деятельность кооперативных товариществ, принципиально отличавшиеся от норм кооперативного законодательства царского правительства. Автором проанализированы идеологические основы кооперативной политики Временного правительства, оказавшие влияние на формирование основных положений кооперативного законодательства в 1917 г. Сделан вывод о том, что основными особенностями кооперативного законодательства 1917 г. являлись: 1) определение юридического статуса кооперативных товариществ; впервые законодателем было закреплено определение понятия «кооперативное товарищество»; 2) явочный характер регистрации юридического лица, введенный законодателем впервые, поскольку до 1917 г. регистрация юридического лица имела разрешительный характер. Особенностью нормативного правового регулирования кооперативного движения в России, принципиально отличавшего его от дореволюционного периода, являлось то, что впервые несовершеннолетним гражданам с семнадцатилетнего возраста разрешалось становиться членом кооперативного товарищества, однако не допускалось включение их в органы контроля и управления. Кооперативные товарищества рассматривались не только как институт, повышающий материальное благосостояние населения, но и как институт его духовного развития.

Ключевые слова: кооперация, кооперативные товарищества, потребительская кооперация, кооперативное движение, кооперативное законодательство, потребительская коммуна, кооперативное строительство

Информация об авторе: Новикова Юлия Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия

E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.10.2020

Для цитирования: Новикова Ю.О. Правовое регулирование кооперации в России в 1917 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 202-208. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-202-208>

Yuliya O. Novikova

The Stoletovs Vladimir State University

LEGAL REGULATION OF COOPERATION IN RUSSIA IN 1917

The article deals with the features of the normative legal regulation of cooperation in 1917. New provisions regulating the activities of cooperative associations, that were fundamentally different from the norms of the cooperative legislation of the tsarist government, are defined. The author highlights the ideological foundations of the cooperative policy of the Provisional government, which influenced the formation of the main provisions of the cooperative legislation in 1917. Key features of the cooperative legislation of 1917 stand out: the determination of the legal status of cooperative companies for the first time a legislator was fixed definition of the concept of «cooperative partnership»; an accomplished fact of registration of a legal entity, this provision was introduced by the legislator for the first time since before the 1917 registration of a legal entity was permissive. This provision greatly facilitated the creation of cooperative associations, which contributed to their rapid growth. Another feature was that minors were allowed to become a member of a cooperative partnership from the age of seventeen, but they were not allowed to be included in the control and management bodies. Cooperative societies were now considered not only as an institution that increased the material well-being of the population, but also as an institution for its spiritual development. Since 1917, there had been a rapid growth of Union associations of cooperative associations both in the provincial and all-Russia ones. This was also a consequence of the new cooperative legislation. It is concluded that the rules of law that completely re-built the cooperative network, defined the status of cooperative partnerships, gave a new impetus to the development of cooperation as a powerful social movement that can mobilize huge masses of the population.

Keywords: cooperation, cooperative partnerships, consumer cooperation, cooperative movement, cooperative legislation, consumer commune, cooperative construction

Information about the author: Yuliya O. Novikova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia

E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

Article received: October 27, 2020

For citation: Novikova Yu.O. Legal regulation of cooperation in Russia in 1917. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 202-208 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-202-208>

Среди научных и социально значимых проблем, которые стоят перед современной Россией, одной из актуальных задач является поиск альтернатив социально-экономического развития.

Кооперация в Российской Федерации играет существенную роль в материальном обеспечении населения и гармоничном, сбалансированном развитии территорий. В связи с этим особый интерес представляет изучение опыта такого уникального явления, каким была кооперация в начале прошлого столетия. С начала зарождения кооперативного движения в России в конце XIX в. до 1917 г. кооперация превратилась в весьма развитую систему. Однако общеккооперативное законодательство до 1917 г., которое бы, с одной стороны, отражало суть кооперативной идеи – деятельность кооперативных товариществ на основе широких демократических начал, а с другой – четко регламентировало их деятельность, царским правительством так и не было принято.

Именно с приходом к власти Временного правительства в 1917 г. кооперация получила тот круг нормативных правовых актов, которые отвечали потребностям и идеям кооперативных деятелей, тем самым давший сильнейший импульс к дальнейшему развитию сети кооперативных объединений. В 1917 г. кооперативное движение в России достигло широкого размаха. Стремительно увеличивалось количество кооперативных объединений. По подсчетам теоретика и практика отечественной кооперации М.Л. Хейсина, к 1 января 1917 г. их насчитывалось около 45 000 [Хейсин: 219]. А по оценке Л.Е. Файна, численность членов кооперативных объединений в 1917 г. составила 24 млн человек [Файн: 26].

Стремительное развитие кооперативного движения к 1917 году историками, исследовавшими данный вопрос, объяснялось многими причинами, однако, на наш взгляд, одной из основных можно назвать разработку проекта кооперативного закона о товариществах и их союзах. Данный проект обсуждался и разрабатывался кооператорами на протяжении нескольких лет (кооперативные съезды в Москве (1908 г.), Санкт-Петербурге (1912 г.), Киеве (1913 г.)). Киевский съезд кооператоров 1913 г. окончательно выработал основные положения законопроекта. Однако, несмотря на то, что царское правительство признавало экономическую обоснованность кооперации для повышения благосостояния населения, кооперативный закон так и не был принят.

Уже после прихода к власти Временного правительства российские кооператоры одними из первых ощутили реализацию основных направлений его государственной политики. За несколько месяцев 1917 г. (с марта по август) были приняты основные нормативные правовые акты в отноше-

нии кооперативных товариществ, которые дали широкие демократические свободы их деятельности и наиболее полно определили их правовой статус: Положение от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах»; Положение от 21 июня 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов»; Положение от 1 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений» [2]. Эти нормативные правовые акты существенно расширили направления деятельности кооперативных товариществ и упорядочили их структуру, тем самым убрав все барьеры, которые стояли на пути развития кооперативного движения в России до 1917 г.

Положение от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах» явилось результатом коллективных усилий теоретиков и практиков кооперативного движения. Следует отметить, что в его создании принимали участие видные деятели кооперативной мысли: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Прокопович, А.Е. Кулыжный, В.В. Хижняков, В.Ф. Тотоманц, А.М. Анциферов и др.

Анализируя основные положения данного нормативного правового акта, мы можем выделить несколько особенностей, принципиально отличавших его от всего кооперативного законодательства дореволюционного периода.

Так, одной из главных особенностей Положения от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах» являлось то, что оно впервые с начала кооперативного движения в России выделило кооперативное товарищество как особый вид юридического лица из ряда других кооперативных объединений, давая его общее понятие.

А именно, в ст. 1. данного положения под «кооперативным товариществом» признавалось юридическое лицо с переменным составом и капиталом, имеющее целью содействие материальному и духовному благосостоянию своих членов за счет совместной деятельности хозяйствующих субъектов или трудовой деятельности своих членов. Эта норма закона имела принципиальный характер, поскольку кооперативное законодательство царской России не регулировало данное понятие. В теории и на практике до февральской революции 1917 г. понятие «кооперативное товарищество» приобрело самое широкое толкование. «Записка о кооперативном движении», подготовленная в Особом отделе Департамента полиции показывала, что кооперативным товариществом признавалось товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя особой фирмой, имело целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов. Кредитные и ссудосберегательные товарищества, потребительные общества, товарищества для производства, по со-

вместной закупке, сбыту, транспорту, хранению и т. д. – все эти формы кооперативных объединений были подведены под понятие кооперативных товариществ [Петрова: 34].

Известный теоретик кооперативного движения В.Ф. Тотомианц определил кооперативное товарищество как союз лиц, созданный с целью устранения капиталистической прибыли [Тотомианц: 3]. М.И. Туган-Барановский показал, что «кооперативы – это предприятия. А предприятие – это хозяйственная организация, преследующая частнохозяйственные цели, которые достигаются посредством обмена» [Петрова: 17].

В статье «К теории кооперации» М. Хейсин подчеркивал, что кооперация – это «контрастное явление», а «кооперативы – это организованные для хозяйственных целей предприятия, в состав которых входят по преимуществу малоимущие слои населения» [Хейсин: 8].

Исходя из этих определений, видно, что и теории кооперативного движения, и практики, осуществляющие государственное воздействие и правовое регулирование деятельности кооперации в России, допускали в своих подходах самые широкие интерпретации сути понятия «кооператив», исходя из того, что оно четко не определялось на уровне законодательства.

В ст. 1 Положения «О кооперативных товариществах и их союзах» 1917 г. законодатель определил следующие виды кооперативных товариществ:

- 1) кредитные и ссудо-сберегательные товарищества;
- 2) потребительные общества;
- 3) товарищества для производства, по совместной закупке, сбыту, транспорту и хранению товаров;
- 4) товарищества для совместного пользования средствами производства, для переработки продуктов хозяйства, страховые;
- 5) товарищества для совместного приобретения и пользования землей;
- 6) строительные товарищества;
- 7) общества для удовлетворения жилищных нужд;
- 8) трудовые и биржевые артели;
- 9) иные виды товариществ смешанного типа.

Исходя из определения понятия «кооперативное товарищество», данного законодателем в ст. 1 рассматриваемого нормативного правового акта, видно, что кооперативному товариществу теперь отводилась роль не только института повышения благосостояния населения, но и института повышения его духовного и культурного уровня.

На наш взгляд, появление еще одного важного направления деятельности кооперативных товариществ – повышение духовного и культурного уровня населения – было обусловлено теми политическими событиями, которые проходили в стране начиная с 1914 г. Практические потреб-

ности кооператоров в деле распространения товариществ стали поводом к усилению культурно-просветительской и образовательной работы с населением. В связи с начавшейся войной многие опытные работники были призваны в армию. Кооперация приобретала первенствующее значение в деле укрепления народного хозяйства. Вопрос о роли кооперативного движения в деле культурно-просветительской работы вызвал разногласия среди кооператоров. В целом все члены кооперативных товариществ были согласны с тем, что развившееся кооперативное движение должно было взять на себя ответственность за просвещение членов кооперативов в деревне, однако вопрос о доле ответственности вызывал разногласия. Большая часть кооперативных деятелей считали, что просвещение – дело государственных органов, земских и городских учреждений [Лубков: 57]. Однако, несмотря на некоторые разногласия в кооперативной среде, можно отметить тот факт, что просветительская деятельность кооперативных товариществ к 1917 г. достигла широкого масштаба во всех регионах России. Способы этой деятельности были весьма разнообразны: создание школ, выплата в них стипендий, выдача книг и брошюр; подписка на издания периодической печати; организация лекционных курсов на кооперативные и общеобразовательные темы; показ спектаклей, концертов; проведение литературных вечеров; создание библиотечного дела, организация читальных залов; проведение экскурсий и пр. [Земство и кооперация: 44].

Наряду с этим принципиальным изменением правового статуса кредитных товариществ, внесенным Положением от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах», явился характер их учреждения. Регистрация кооперативного объединения как юридического лица, согласно ст. 4, приобрел явочный характер. В той же статье законодатель установил, что «для учреждения кооперативного товарищества разрешения правительственной власти не требуется». По нашему мнению, именно с этого времени кооперативные объединения стали создаваться свободно по инициативе граждан, желающих их создать, в явочном порядке, то есть для их регистрации не требовалось разрешение органов государственной власти, в том числе финансовых. На наш взгляд, это явилось еще одной из основных причин быстрого распространения кооперативных товариществ в России в 1917 г., поскольку время регистрации объединений значительно сокращалось за счет упразднения бюрократических процедур регистрации.

Однако, несмотря на явочный характер создания, кооперативные товарищества организовывались с соблюдением условий и порядка их регистрации, установленных кооперативным законодательством 1917 г. В частности, в соот-

ветствии со ст. 8 Положения от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах» кооперативные товарищества могли создаваться на основании устава или договора, выработку которых в положении было рекомендовано возложить на «общественные организации и правительственные учреждения». Следует отметить, что данное положение ставило некоторые общие требования к содержанию уставов кооперативных объединений. Так, ст. 9, 11, 12, 29, 34, 57 регламентировали вопросы, которые утверждались постановлениями, однако содержание данных постановлений не раскрывалось, тем самым давая возможность товариществам в основном самим определять содержание своего устава.

При этом ст. 9 рассматриваемого нормативного правового акта устанавливала основные положения устава для утверждения юридического лица:

1) название фирмы товарищества, каковое должно отличаться от фирм других кооперативных товариществ, внесенных товариществ, внесенных в реестр того же окружного суда;

2) место нахождения правления товарищества;

3) цели товарищества;

4) срок, на который товарищество учреждается, в том случае, если оно имеет своим предметом временное предприятие;

5) условия вступления в члены товарищества, выбытия и исключения из него, а равно наименьшего возраста членов товарищества;

6) ответственность членов товарищества по его обязательствам;

7) условия и порядок образования капиталов, если по уставу таковые капиталы предусмотрены;

8) размер товарищеского пая, если товарищество паевое;

9) сроки и порядок составления, проверки и утверждения отчетов;

10) порядок распределения прибылей и убытков;

11) состав правления, порядок избрания и срок полномочий его членов;

12) состав ревизионной комиссии, порядок избрания и срок полномочий ее членов;

13) порядок созыва общих собраний или собраний уполномоченных, условия их действительности, порядок постановления решений и составления протоколов;

14) порядок ликвидации товарищества.

По нашему мнению, это существенно облегчило работу членам товарищества по формированию нормативных актов локального характера вновь учреждаемого кооперативного товарищества. Тем более что теоретиками и практиками кооперативного движения признавалась сложность в работе объединений по организации их деятельности в силу малой грамотности их членов.

В соответствии со ст. 8. Положения «О кооперативных товариществах и их союзах» данный устав

должен был быть зарегистрирован в окружном суде для внесения товарищества в реестр кооперативных товариществ. При этом данное Положение той же статьей устанавливало единственную причину отказа в его регистрации – несоответствие кооперативному законодательству. Данными мерами законодатель организовал структуру локальных актов кооперативных объединений и привел ее к единообразию в оформлении.

В ст. 8 Положения «О кооперативных товариществах и их союзах» 1917 г. законодатель расширил права товарищества как юридического лица и в отношении регистрации товарищества. В случае отказа окружного суда кредитное товарищество имело право обжаловать данное постановление в судебной палате. По нашему мнению, данная норма Положения явилась еще одним направлением демократизации деятельности объединений и защиты их прав.

Как было сказано выше, помимо уставов, товарищества могли учреждаться на основании договора. В соответствии со ст. 7 данного документа содержание данного договора также не закреплялось положением, однако все нормы договора должны были соответствовать общеккооперативному законодательству относительно признаков «кооператива», и гражданскому – «о составлении и действительности договоров».

При этом следует принять во внимание, что Свод законов Российской империи достаточно детально регламентировал правила составления договоров. В частности, ст. 1528–1531 книги 4 тома 10 Свода законов Российской империи устанавливала, что договор составлялся по взаимному согласию договаривающихся лиц, при этом его объектом могло стать как имущество, так и действие лиц, его касающихся. Вместе с этим ст. 1529 определила факт того, что договор должен не противоречить законам, «благочинию и общественному порядку».

Кроме того, вышеуказанные статьи, регламентировавшие договорные отношения в 10-м томе Свода законов Российской империи, определили четыре существенных условия действительности договора: 1) согласие сторон; 2) способность лиц, вступающих в договорные отношения, заключать договор; 3) предмет договора и 4) цель договора [Томсинов: 10].

Исходя из изложенного, по нашему мнению, по смыслу кооперативного законодательства 1917 г. в качестве признаков «кооператива» можно выделить следующие:

1) кооперативное товарищество являлось самостоятельным юридическим лицом, осуществляющим финансово-хозяйственную деятельность;

2) кооперативное товарищество имело переменный состав членов, то есть вступление и выход из учредителей объединения был свободный;

3) материальное и духовное благосостояние членов объединения в области потребления и производства явились целью кооперативного товарищества.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 3 данного нормативного правового акта впервые в состав учредителей кооперативного товарищества допускались несовершеннолетние лица начиная с 17 лет и юридические лица. Однако та же статья не разрешала допускать таких лиц к органам управления и контроля товарищества. Юридические лица осуществляли свои права через представителей по одному от каждого. Тем самым Положение «О кооперативных товариществах и их союзах» расширило круг лиц – членов кооперативного товарищества.

В соответствии со ст. 11 Положения от 20 марта 1917 г. законодатель обязывал товарищества, образованные до обнародования данного документа (т. е. до 31 марта 1917 г.), преобразовывать свою деятельность в соответствии с его нормами в течение двух лет с вышеуказанного срока, то есть до 31 марта 1919 г.

В промежутке с 31 марта 1917 г. до 1 мая 1917 г. был установлен временный порядок утверждения уставов вновь возникающих товариществ губернскими земскими управами, областными правительственными комиссарами и т. д. Более того, кооперативный закон 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах» предусматривал особые правила регистрации кооперативов, которые были утверждены Временным правительством 21 июня 1917 г.

Ст. 52 данного документа допустила свободное объединение кооперативов в союзы. При этом допускалось формирование союзов из разных типов кооперативных объединений. Это положение также было введено законодателем впервые. Как было указано выше, данный документ достаточно полно раскрывал юридический статус кредитных товариществ. Он регулировал вопросы прав и обязанностей членов кооперативов, административное управление делами товарищества, причины и регламент его ликвидации.

Следующим шагом на пути решения задачи наиболее полно и детально определить правовой статус кооперативных товариществ стало принятие Временным правительством 21 июня 1917 г. Положения «О регистрации товариществ, обществ и союзов». Данный документ детально регламентировал процедуру регистрации товариществ и их союзов, предоставляя эти полномочия регистрационным отделам окружных судов. Интересно отметить, что после закрытия окружных судов в 1918 г. данная обязанность была возложена Положением от 29 мая 1918 г. «О регистрации кооперативных товариществ и их союзов» на регистрационные комиссии, состоящие при губернских советах народного хозяйства или, в случае их отсутствия, на

регистрационные комиссии при советах рабочих и крестьянских депутатов. Действия данных комиссии распространялись на соответствующие губернию или район, которые были определены советами народных рабочих и крестьянских депутатов.

Исходя из норм ст. 1462 Положения от 21 июня 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов», устав, составленный учредителями кооперативного товарищества или союза кооперативных товариществ, должен был быть зарегистрирован в соответствующей регистрационной комиссии Государственного совета народного хозяйства, а уставы всероссийских союзов кооперативных товариществ регистрировались в кооперативном отделе Высшего совета народного хозяйства.

Данным положением был четко прописан алгоритм подачи заявления в вышеуказанные органы. Заявление о регистрации кооперативного товарищества в пяти экземплярах, подписанное всеми учредителями в количестве 7 человек, подавалось в соответствующий орган регистрации, при этом все подписи учредителей должны были быть удостоверены местными органами власти, наделенными соответствующими полномочиями (нотариус, совет рабочих депутатов, волостной или уездный комитет).

В полномочиях создаваемых специальных регистрационных отделов со штатом аппарата, занимающегося регистрацией уставов кооперативных объединений, входило: 1) осуществление реестра кооперативных объединений и их союзов различного уровня; 2) ведение реестра обществ и союзов, не имеющих целью привлечения прибыли; 3) ведение реестра выдаваемых отделом выписок и копий; 4) ведение журнала регистрации всех проводимых операций.

Более того, данным документом регулировались процедуры обжалования решения окружных судов в случае отказа в регистрации юридических лиц, процедура ликвидации кооперативных товариществ, делопроизводство регистрационного отдела и пр.

Исходя из вышесказанного, нам представляется, что Положением от 21 июня 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов» не только детально отрегулирована процедура их регистрации, но и были созданы специальные органы, которые осуществляли регистрационную деятельность.

Можно утверждать, что этот нормативный правовой акт также стал значимым событием в кооперативном строительстве и вызвал бурное учреждение кооперативных союзов. По подсчетам А.П. Корелина, уже к осени 1917 г. кооперативных союзов потребительских обществ насчитывалось более 400. Большая часть их сосредоточилась в центрально-промышленном (20 % всех союзов), центрально-земледельческом (1/7), южном (1/10) и юго-западном (1/11) регионах [Корелин: 341].

Следующим шагом Временного правительства на пути демократизации деятельности кооперативных товариществ стало утверждение Положения от 1 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений».

Поскольку Положение от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах», как сказано выше, ставило целью товариществ повышение не только материального, но и духовного благосостояния населения, в связи с этим законодателем создавались кооперативные съезды, которые ставили своей задачей выяснение и обсуждение вопросов, касающихся нужд кооперативных объединений. По нашему мнению, создание данных интеграционных союзов кооперативных объединений в значительной степени облегчило ведение кооперативного дела, поскольку на них обсуждались самые насущные вопросы относительно их учреждения, ведения делопроизводства, решения финансовых вопросов.

Статьей 2 данного документа создавалась целая сеть кооперативных съездов не только трех уровней (районные, областные и всероссийские), но и по направлениям подведомственности кооперативных объединений (по общим вопросам и по отдельным видам и группам кооперативов). Цели, которые решали данные съезды, были достаточно широкими. Это представление интересов кооперативных товариществ в правительственных, общественных и судебных организациях, а также открытие кооперативных, научных институтов, информационных и юридических бюро, организация выставок, музеев, издание книг, периодики и пр.

Положение от 1 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений» статьей 4 обязывало регистрационные отделы окружных судов предоставлять «Совету всероссийских съездов» сведения о регистрации каждого кооперативного товарищества, а также по одному экземпляру их уставов. В ст. 10 законодатель определил, что съезды могли быть очередными (один раз в год) и чрезвычайными (по постановлению совета или по заявлению не менее 1/5 части его членов).

Главным исполнительным органом съездов, на основании ст. 20 данного документа, являлся «Совет», состав и количество членов которого, а также его месторасположение устанавливались постановлением съезда. Выход членов съезда был свободным на основании предоставления совету съезда соответствующего заявления.

Таким образом, исходя из вышесказанного, Постановление Временного правительства от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах»; Постановление Временного правительства от 21 июня 1917 г. «О регистрации товариществ, обществ и союзов»; Постановление Временного правительства от 1 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений» впервые

наиболее полно определили правовой статус российской кооперации, ее структуру и направления деятельности, основанные на самоуправлении и самодеятельности. Эти принципы, на которых строилось кооперативное движение в 1917 г., явились ответом Временного правительства на широкий размах кооперации в России. На Всероссийском кооперативном съезде, который состоялся 25–28 марта 1917 г. и включал в себя 183 союза и объединения из 49 губерний, кооперация провозглашалась его участниками как «могучая демократическая организация народа» [Корелин: 333].

Действительно, за годы войны и революции российская кооперация заметно выросла в численном, хозяйственном и организационном отношении. К 1917 году была выстроена целая кооперационная система от низовых ячеек (объединений) на местах и их отраслевых и смешанных союзов до Всероссийских кооперативных съездов с системой исполнительных органов. Государственная власть, признавая экономическую силу кооперативного движения, а также его мобилизационную способность вести за собой огромные массы населения шло на большие уступки в направлении пересмотра сложившейся нормативной правовой базы и практики ее реализации. Законы, которые были приняты Временным правительством после Февральской революции, дали новый импульс развитию кооперации в России и активизации ее деятельности. По данным, приведенным А.П. Корелиным, к концу 1917 г. в России насчитывалось более 63 тысяч кооперативных товариществ, в деятельности которых участвовали более 24 млн человек.

Так, с одной стороны, после Февральской революции государственной власти удалось устранить причины конфликта с кооператорами путем создания круга нормативных правовых актов, которые удовлетворили последних. Однако кооперация в 1917 г., как мы видим, несмотря на такие уступки со стороны власти, так и не стала до конца свободной и независимой в своих действиях.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 1913, Д. 307, Л. Б. Ч. II. Л. 103.

² О кооперативных товариществах и их союзах: Постановление Временного правительства от 20 марта 1917 г. // Сборник Постановлений Временного правительства по кооперации. М.: б. м., 1917. С. 13–28.

³ О регистрации товариществ, обществ и союзов: Постановление Временного правительства от 21 июня 1917 г. // Сборник Постановлений Временного правительства по кооперации. М.: б. м., 1917. С. 29–36.

⁴ О съездах представителей кооперативных учреждений: Постановление Временного правительства от 1 августа 1917 г. // Сборник Постановле-

ний Временного правительства по кооперации. М.: б. м., 1917. С. 27–41.

⁵ Свод законов Российской Империи. Т. 10. Ст. 1529.

Список литературы

Земство и кооперация // Союз потребителей. 1915. № 12–13. С. 40–56.

Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 391 с.

Лубков А.В. Кооперативное движение центральной России. 1907–1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. 479 с.

Петрова Ю.О. Становление и развитие кредитной кооперации во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009. 230 с.

Томсинов В.А. Условия действительности договора в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX – начала XX в. // История государства и права. 2019. № 1. С. 10–40.

Тотомианц В.Ф. Место кооперации среди других социальных движений. Тверь: б. м., 1906. 16 с.

Туган-Барановский М.И. Теория кооперации // Вестник кооперации. СПб., 1914. № 1. С. 7–25;

Файн Л.Ф. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново: ИвГУ, 1994. 275 с.

Хейсин М.Л. История кооперации в России. Ленинград: Время, 1926. 386 с.

Korelin A.P. *Kooperatsiia i kooperativnoe dvizhenie v Rossii 1860-1917 gg.* [Cooperation and the cooperative movement in Russia 1860-1917]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2009, 391 p. (In Russ.)

Lubkov A.V. *Kooperativnoe dvizhenie tsentral'noi Rossii* [Cooperative movement of central Russia], 1907–1918 gg: dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 1998, 479 p. (In Russ.)

Petrova Y.O. *Stanovlenie i razvitie kreditnoi kooperatsii vo Vladimirskoi gubernii v kontse XIX - nachale XX veka:* dis. ... kand. ist. nauk [Formation and development of credit cooperation in the Vladimir province in the late 19th - early 20th centuries]. Vladimir, 2009, 230 p.

Tomsinov V.A. *Usloviia deistvitel'nosti dogovora v proekte Grazhdanskogo ulozheniia Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX v.* [Conditions for the validity of the contract in the draft Civil Code of the Russian Empire of the late 19th - early 20th centuries]. *Istoriia gosudarstva i prava*, 2019, № 1, pp. 10–40. (In Russ.)

Totomians V.F. *Mesto kooperatsii sredi drugikh sotsial'nykh dvizhenii* [The place of cooperation among other social movements]. Tver, b. m., 1906, 16 p.

Tugan-Baranovskii M.I. *Teoriia kooperatsii* [Cooperation theory]. *Vestnik kooperatsii*, SPb., 1914, № 1, pp. 7–25. (In Russ.)

Fain L.F. *Otechestvennaia kooperatsiia: istoricheskii opyt* [Domestic cooperation: historical experience]. Ivanovo, IvGU Publ., 1994, 275 p. (In Russ.)

Kheisin M.L. *Istoriia kooperatsii v Rossii* [History of cooperation in Russia]. Leningrad, Vremia Publ., 1926, 386 p. (In Russ.)

References

Zemstvo i kooperatsiia [Zemstvo and cooperation]. *Soiuz potrebitelei* [Consumer Union], 1915, № 12–13, pp. 40–56. (In Russ.)

Романовская Вера Борисовна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Иммаева Бика Абдулкаримовна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)¹

Конфессиональный состав современного общества характеризуется большим разнообразием. Кроме традиционных религиозных организаций, в нем действуют и новые (нетрадиционные) религиозные и социально-духовные движения, представляющие собой целый спектр религиозных, квазирелигиозных и псевдорелигиозных культов, чьи учения и практики могут иметь как деструктивный, так и конструктивный характер. Осуществляя правовое регулирование деятельности религиозных объединений, государство должно, с одной стороны, обеспечить гарантированную Конституцией свободу совести и вероисповедания, а с другой – оградить общество от деструктивных культов, способных причинить вред нравственности, здоровью, правам и законным интересам граждан, конституционному строю и безопасности государства. Поэтому одной из важнейших задач современных социальных наук, в том числе правовых, является изучение духовной «температуры» общества; проведение исследований, направленных на выявление причин возникновения негативных и позитивных процессов, происходящих в духовной сфере общества, а также определение специфики нетрадиционной религиозности как особой формы социальной активности. Авторами на основе анализа и интерпретации богатого эмпирического материала был сформулирован перечень критериев, по которым можно отделить деструктивные (тоталитарные) секты от новых религиозных или интеллектуальных (духовных) движений позитивного толка. Предложенный перечень критериев может быть использован правотворческими и правоприменительными органами в рамках совершенствования правового регулирования деятельности религиозных объединений и выстраивания государственно-конфессиональной политики в целом.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, новые религиозные движения, секты, деструктивные и тоталитарные секты, духовно-нравственное воспитание, критерии деструктивности, предупреждение экстремизма

Информация об авторах: Романовская Вера Борисовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7938-5171>, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Н. Новгород, Россия

E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Иммаева Бика Абдулкаримовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4720-4452>, магистр юридического факультета, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Н. Новгород, Россия

E-mail: 1997immaeva@gmail.com

Дата поступления статьи: 10.09.2020

Для цитирования: Романовская В.Б., Иммаева Б.А. Определение критериев противоправности в деятельности новых религиозных движений (теоретико-правовой аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 209-215. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-209-215>

Vera B. Romanovskaya

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Bika A. Immaeva

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

DETERMINATION OF THE CRITERIA OF DESTRUCTIVENESS IN THE ACTIVITIES OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS (THEORETICAL AND LEGAL ASPECT)

The confessional composition of modern society is characterised by great diversity. In addition to traditional religious organisations, new (non-traditional) religious and socio-spiritual movements operate in it, representing a whole spectrum of religious, quasi-religious and pseudo-religious cults, whose teachings and practices can be both destructive and constructive. In carrying out legal regulation of the activities of religious associations, the state must, on the one hand, ensure the freedom of conscience and religion guaranteed by the Constitution, and on the other hand, protect society from destructive cults that can harm morality, health, rights and legitimate interests of citizens, the constitutional order and security of the state. Therefore, one of the most important tasks of modern social sciences, including legal ones, is the study of the spiritual «temperature» of society; conducting research aimed at identifying the causes of negative and positive processes occurring in the spiritual sphere of society, as well as determining the specifics of non-traditional religiosity as a special form of social activity. Based on the analysis and interpretation of rich empirical material, the authors formulated a list of criteria by which one can separate destructive (totalitarian) sects from new religious or intellectual (spiritual) movements of a positive nature. The proposed list of criteria can be used by law-making and law enforcement bodies in the framework of improving the legal regulation of the activities of religious associations and building state-confessional policy in general.

Keywords: state-confessional legal relations, new religious movements, sects, destructive and totalitarian sects, spiritual and moral education, criteria of destructiveness, prevention of extremism

Information about the author: Vera B. Romanovskaya, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7938-5171>, Candidate of Jural Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Bika A. Immayeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4720-4452>, Master of Law Faculty, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: 1997immaeva@gmail.com

Article received: September 10, 2020

For citation: Romanovskaya V.B., Immayeva B.A. Determination of the criteria of destructiveness in the activities of new religious movements (theoretical and legal aspect). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 209-215 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-209-215>

Неотъемлемым правом гражданина Российской Федерации является «право на свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»².

В Российской Федерации существует более 60 вероисповедных направлений и огромное количество духовных направлений внерелигиозного толка. Сведения о государственной регистрации религиозных организаций по состоянию на 1 января 2020 г.³ представляют следующую картину. Министерством юстиции Российской Федерации официально зарегистрировано более 31 000 религиозных организаций, из них помимо православных, которых большинство (18 653), еще действуют 238 организаций Римско-католической церкви, 107 – Армянской апостольской церкви, около 6 тыс. организаций различных протестантских направлений, около 6 тыс. мусульманских и около 300 буддийских общин. Все вышеперечисленные религиозные организации представляют традиционные религии.

Однако, как верно замечает профессор О.И. Сгибнева, не только они «составляют профессиональный портрет современной России. С конца 80-х гг. прошлого века активно распространяются организации и движения, смысл которых по-разному интерпретировался исследователями современной религиозной ситуации в стране. Их называли нетрадиционными культурами, неорелигиями, тоталитарными сектами, внеконфессиональными и неканоническими верованиями» [Сгибнева: 80–85].

Большинству приверженцев традиционных религиозных культов свойственна определенная «неприязнь» по отношению к другим религиозным и нерелигиозным духовным движениям. Это вполне понятно и исторически обусловлено. Однако в последнее столетие появляется все большее количество людей, которые не причисляют себя ни к какому вероисповеданию, это так называемые «религиозно неаффилированные». Эти люди индифферентны по отношению к любым конфес-

сиям, но в тоже время не безразличны по отношению к духовным и интеллектуальным исканиям. По данным исследований Pew Research Center, проводившихся в 44 странах мира, самая большая распространенность религиозно неаффилированных граждан отмечается в странах Центральной Европы, Северной Америки, Северной Европы, Японии, Южной Кореи (от 30–50 %), в России – 18 %. В исламских странах, Израиле и Индии их доля минимальна – менее 1 %⁴. Эти показатели однозначно указывают на то, что в технологически развитых странах уровень религиозности населения значительно ниже, чем в странах третьего мира, особенно тех, которых в теории права относят к странам с религиозной правовой системой. Соответственно, в этих государствах нет проблем с новыми религиозными движениями, поскольку практически все население этих стран исповедует традиционную религию.

Таким образом, новые религиозные движения – это феномен прежде всего западной культуры, и в том числе – знаковое явление в российском гражданском обществе, которое требует пристального внимания со стороны правоведов, социальных психологов, педагогов и других специалистов, изучающих «духовную температуру» общества.

В России действуют в качестве зарегистрированных религиозных организаций либо религиозных групп множество новых движений, отпочковавшихся от традиционных религий или появившихся в результате прозелитизма западных проповедников или восточных гуру. Новые религиозные движения (далее – НРД) приобрели широкую популярность и привлекли к себе часть паствы Русской православной церкви и других традиционных конфессий, представители которых крайне отрицательно оценивают это явление. Все НРД априори стали рассматриваться как угроза традиционным религиям и их последователям. Понятно, что такая однозначная оценка не имеет ничего общего с объективностью. Положительное или отрицательное влияние НРД на современное российское общество является вопросом, безусловно, серьезным. Он требует вдумчивого анализа и проведения полевых исследований.

Юридическая наука призвана, в частности, анализируя различные социальные явления, определить их значимость, необходимость включения в предмет правового регулирования, а если явление обладает признаками общественной опасности, то указать законодателю на необходимость его криминализации.

В настоящее время у всех на слуху информация о росте исламского фундаментализма, наносящего моральный урон и ослабляющего традиционный ислам, приводящего к образованию деструктивных сект, использующих религиозную тематику в целях распространения экстремистских и террористических идей [Yemeljanova: 129–132].

Кроме движений подобного характера появляются секты чисто тоталитарного плана, не имеющие политических целей, но не менее опасные для психики человека, его здоровья и жизни. Руководители таких сект полностью контролируют все стороны жизни членов, их круг общения и контакты. В некоторых из них используются травмирующие психотехники, подавляющие волю адептов. Участие в таких сектах часто приводит их членов к психическим расстройствам и стойкой утрате здоровья, а порой и массовым самоубийствам. Так, в 1978 г., адепты культа Джима Джонса «Народный храм» совершили массовое самоубийство и убийство более 900 человек в городке Джонстаун, основанном ими в джунглях южноамериканской Гайаны⁵.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала важность влияния социокультурных факторов на уровень самоубийств среди взрослого населения, это подтверждают и разнообразные исследования по профилактике самоубийств [De Leo D.: 155–156].

Деструктивные секты, экстремистские и террористические организации представляют собой одну из серьезных социокультурных угроз для современного российского общества, поэтому предупреждение вовлечения молодых людей в такие секты является важнейшей задачей молодежной политики, о чем говорится в соответствующих официальных правовых документах⁶.

Почему или зачем человек обращается к нетрадиционной религиозности? «Согласно концепции Дж. Лофлэнда, при исследовании религиозной конверсии рекрутирования в новые религиозные движения требуется комплексное понимание трех основных факторов «обращения» к новому религиозному выбору: длительная неудовлетворенность имеющимся духовным выбором, убежденность в решении жизненных проблем с помощью новой религии, самоопределение человеком себя как искателя такой религии, которую он сможет считать «истинной»; все они формируют психологическую детерминированность «обращения»» [Смирнов: 152].

Появились научные работы, изучающие данный феномен, в частности, книга Айлин Баркер «Новые религиозные движения: перспектива для понимания общества», в которой и был закреплен этот термин [Barker]. В предисловии к русскоязычному изданию протоирей Владимир Федоров анализирует общехристианское понимание проблемы НРД. Он справедливо отмечает, что «<...> проблема НРД для Церкви – проблема не только для православных, но также и для католиков, англикан, лютеран, реформатов и других христианских исповеданий. Не случайно ею на Западе занимаются давно. В большинстве Церквей в каждой епархии есть священник, который занимается проблемой НРД и научно, и практически (причем, как правило, не имеет других послушаний и полностью сосредоточен на этой теме). Проблематикой НРД занимаются кафедры на богословских факультетах, издается множество статей, книг и брошюр»⁷.

Показательным веянием последних десятилетий является всплеск интереса к восточным философским учениям и религиям как традиционным, так и нетрадиционным, а также к иным формам духовного поиска, не связанным с религиозностью. При этом данная тенденция наблюдается только начиная со второй половины 2000-х гг., в начале XXI в. роль НРД в структуре религиозных организаций России была крайне незначительна, а их появление воспринималось только как часть проникновения в российское общество западных трендов⁸.

Параллельно нарастанию интереса к нетрадиционной религиозности происходит снижение доверия к традиционным религиям. Если в российском обществе всплеск интереса к традиционным религиям ярко наблюдался в 80-х гг. XX в., то в настоящее время он себя практически исчерпал. Молодые люди в большинстве своем либо совсем не интересуются жизнью церкви, либо формально причисляют себя к православным, но не посещают службы и не соблюдают посты и другие обязательные религиозные правила. Интерес к классическому православию сменился для многих ищущих интересом к иным религиозным учениям, нетрадиционным для России. Обратная картина наблюдается в мусульманских регионах страны, где нарастает интерес к исламу, к его традициям и предписаниям. Это наглядно проявляется в поведении молодых людей, изменению повседневной моды у девушек и женщин. В кавказских регионах нашей страны в качестве повседневной одежды девушки носят платки и длинные юбки (например, в Чеченском государственном университете это фактически обязательная форма одежды для студенток), массовые мероприятия (свадьбы, похороны и др.) проводятся без спиртных напитков, на добровольной основе большая часть населения соблюдает религиозные ритуалы («саум», «закят»,

«хаджж», «никах» и др.). Вероятно, данная тенденция способствует укреплению классического миролюбивого ислама, но вместе с тем является почвой для проникновения учений экстремистского толка со стороны иностранных акторов.

Нельзя не отметить такое важное обстоятельство современного мира, как появление и развитие ряда НРД позитивного характера, которые направлены на решение нравственных задач, развитие личности, на гуманизацию общества в целом, изменение отношения человека к природе (формирование эко-мышления). Представители этих направлений исповедуют бескорыстное служение обществу, показывают пример здорового образа жизни, проповедуют вегетарианство, заботу о животных, осуждают алкоголизм, наркоманию, нравственные пороки и преступность⁹. Подобные объединения способствуют снижению криминальной угрозы, улучшению межличностных отношений, укреплению семьи, а также снижению социального напряжения в обществе в целом. Новые нравственно-ориентированные религиозные или нерелигиозные движения являются своего рода противовесом от агрессивных сект и различных деструктивных движений, прикрывающихся масками восстановления чистоты религии.

В настоящее время в общественном пространстве существуют разные НРД, зарегистрированные и не зарегистрированные как религиозные организации, различные до противоположности по своим истинным целям. Движения «светлого пути», как правило, не имеют четкой организационной формы, они открыты для входа и выхода, их мероприятия добровольны, носят волонтерский характер. Отсутствуют всякие требования материального характера, внимание участников направлено на самоанализ, работу над своим характером, отказ от вредных привычек. Возрастные границы размыты, приветствуются все поколения. Деструктивные секты, напротив, ориентированы прежде всего на молодых людей, пик социальной активности которых приходится на возраст от 14 до 25 лет. В подростковом и раннем юношеском возрасте молодые люди, не имеющие устойчивых убеждений, легко попадают под влияние разного рода агитаторов, и становятся участниками сект, выйти из которых потом самостоятельно не могут. Часто обязательным условием вхождения в группу является существенный материальный вклад в виде имущества или работы.

Осознание опасности распространения таких организаций, усиление их влияния в молодежной среде стало предметом многочисленных обсуждений на различных площадках. В частности, в Новосибирске в 2004 г. была проведена конференция «Тоталитарные секты и демократическое государство». В итоговой декларации мероприятия было заявлено: «Мы, участники Международной на-

учно-практической конференции “Тоталитарные секты и демократическое государство”, организованной Новосибирской епархией РПЦ – религиоведы, теологи, священнослужители, эксперты по проблемам сект и культов, психологи, психиатры, журналисты, юристы, представители общественных организаций и госструктур, центров информирования о деструктивных культах и служители традиционных религий – граждане разных стран, люди разных национальностей, убеждений и вероисповеданий, констатируем угрозу, нависшую над Россией и другими государствами – угрозу правам человека и демократическим свободам. Одним из главных источников этой угрозы являются тоталитарные деструктивные секты и стоящие за некоторыми из них отдельные государства и международные экстремистские организации. Бесконтрольная деятельность тоталитарных деструктивных сект имеет характер неприкрытой экспансии, наносящей непоправимый вред здоровью людей, попирающей фундаментальные права человека, создает угрозу семье, обществу и государству»¹⁰.

В феврале 2017 г. в Совете Федерации была создана Рабочая группа по подготовке предложений по совершенствованию законодательства в сфере защиты российских граждан от мошеннических действий сект. Разрабатываются поправки в законы «О свободе совести и о религиозных объединениях», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в Кодекс РФ об административных правонарушениях, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ¹¹.

В декабре 2018 г. в Совете Федерации состоялся круглый стол на тему «Основные направления совершенствования Федерального закона “О свободе совести и религиозных объединениях” в целях защиты граждан от противоправной деятельности религиозных объединений»¹². Организатор мероприятия – заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Е.Б. Мизулина. В обсуждении приняли участие представители федеральных и региональных органов государственной власти, религиозных организаций, общественности, эксперты.

Таким образом, проблема новых религиозных движений имеет несколько преломлений. Однако главный вопрос, который стоит перед законодателем и государством, сводится к определению оснований, позволяющих четко понять, какие движения представляют реальную угрозу для общества и личности, и противодействовать этому административными и уголовными мерами, а какие движения способствуют развитию гражданского общества и личности, и их необходимо поддерживать.

Чтобы разобраться в большом разнообразии новых движений, необходимо опираться на определенные критерии. Такие маркеры позволят отде-

Таблица 1

Критерии, определяющие социальную вредность (опасность), деструктивность НРД	Критерии, определяющие социальную полезность, конструктивность НРД
Наличие обязательного материального (имущественного, денежного) вклада для входа	Отсутствие обязательного материального взноса для входа
Затруднительность выхода	Беспрепятственный выход
Внесение материальных средств обязательно	Любые пожертвования производятся исключительно по желанию
Тотальный контроль за личной жизнью	Признание личной свободы и пространства каждого участника
Разрыв с близкими родственниками	Приветствуется семья, семейные ценности
Обязательное совместное проживание членов секты	Совместное проживание не является обязательным, только личное волеизъявление
Обожествление руководителя	Отношения с руководителем строятся на основе уважения к его высокому моральному авторитету
Особые правила в отношении с руководителем	Отсутствие особых правил в отношении с руководителем
Наличие жесткой иерархии участников движения	Равенство всех участников
Эксплуатация adeptов в интересах руководителя	Отсутствие эксплуатации
Асоциальность	Нацеленность на социальное служение
Закрытый характер НРД – отсутствие диалога с другими движениями	Готовность к диалогу с другими движениями, участие в волонтерских акциях
Совместные ритуалы закрытого характера с опасностью для здоровья	Совместные ритуалы открытого характера, полезные для здоровья
Радикальное решение проблем	Самоанализ, работа над своим характером, отказ от вредных привычек
Манипуляция сознанием через применение различных психотехник	Отсутствие манипуляций. Самостоятельное повышение осознанности
Употребление специальных психоделических препаратов	Неприятие подобных практик
Тревожность, страх как типичное состояние	Спокойствие, уверенность, безопасность как типичное состояние
Оппозиционность в отношении к традиционным религиям	Открытость к сотрудничеству с традиционными религиозными организациями
Индифферентное отношение к экологии	Экологичное мышление, бережное отношение к природе, к животным
Проведение закрытых мероприятий исключительно для членов секты	Проведение открытых культурных, «экологических» мероприятий
Ограничение круга интересов только жизнью секты	Приветствуется творчество, получение образования, стремление к знаниям
Конкуренция членов секты за внимание лидера и продвижение в иерархии	Взаимопомощь членов общества

лить опасные НРД от движений, не представляющих опасности ни для личности, ни для общества, ни для государства.

На основе анализа и интерпретации богатого эмпирического материала, собранного в результате изучения деятельности разнообразных НРД, сект, духовно-социальных движений, в том числе общения с их членами, лидерами, бывшими членами, а также исследования их сетевых стратегий (контента сайтов, групп в социальных сетях, YouTube-каналов и др.) были определены и сформулированы следующие критерии деструктивности/конструктивности НРД (см. табл. 1).

Опираясь на предложенные критерии, любой человек, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, может определить конструктивную или деструктивную направленность религиозной организации. Учитывая, что молодежь с активным духовным поиском и недостаточным

жизненным опытом находится в группе риска по вовлечению в деструктивные секты и экстремистские организации, чрезвычайно важно на уровне образовательных организаций разъяснять молодым людям способы, методики и техники манипуляции, которые могут применяться при вербовке, критерии, на которые нужно обращать внимание, прежде чем сделать свой выбор.

Еще одна проблема заключается в том, что среди взрослых людей, в том числе и педагогов, укоренилось понимание НРД как однозначно негативного явления. Для многих представителей старшего поколения термин НРД ассоциируется с сектами, то есть имеет негативную коннотацию. Тогда как в современном интеллектуальном пространстве при устойчивом интересе к различным духовным практикам такое понимание является крайне однобоким и даже опасным, препятствующим нравственному развитию современного общества

в условиях девальвации традиционных нормативно-ценностных систем и признании свободы выбора мировоззренческих позиций.

Новые религиозные движения не должны подвергаться стигматизации ни со стороны государства, ни со стороны общественных институтов (традиционных религий, научного сообщества, образовательных организаций и др.). К ним необходим дифференцированный подход, позволяющий, с одной стороны, обеспечить религиозную безопасность общества, а с другой – максимально раскрывать и реализовывать позитивный потенциал НРД.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31235.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.09.2020).

³ Предоставление информации о зарегистрированных организациях // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://to34.minjust.gov.ru/node/2483> (дата обращения: 01.10.2020).

⁴ Левые и ЛГБТ-френдли: что мы знаем о религиозно неаффилированных? // Религия сегодня. Информационно-консалтинговая компания. URL: <https://reldtoday.com/news/levye-i-lgbt-frendli-что-мы-знаем-о-религиозно-неаффилированных/> (дата обращения: 08.10.2020).

⁵ The Assassination of Representative Leo J. Ryan and the Jonestown, Guyana Tragedy // Time. URL: http://web.archive.org/web/20030628183911/http://www.freedomofmind.com/resourcecenter/groups/peoplestemple/jonestown_doc_1.htm (дата обращения: 10.10.2020).

⁶ Об утверждении «Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года»: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 25.09.2020).

⁷ Айлин Баркер. Новые религиозные движения // Яков Кротов. Путешественник во времени URL: http://yakov.works/history/20/1990/berker_01.htm (дата обращения: 02.10.2020).

⁸ Так, Ф.Ч. Лукас и Т.Роббинс в своей монографии 2004 года отмечают: «...текущие данные показывают, что группы, которые обычно рассматриваются на Западе как НРД, составляют лишь небольшой сегмент российской религиозной сцены, и нет никаких оснований утверждать, что на протяжении 1990-х годов число членов таких орга-

низаций превышало 40 000 человек – около 0,025 процента населения» (см.: P.C. Lucas, T. Robbins. *New Religious Movements in the Twenty-First Century. Legal, Political, and Social Challenges in Global Perspective*. Florence, Taylor & Francis Group, 2004, 103 p.

⁹ Примеры социально полезных движений: Союз борьбы за народную трезвость // URL: <http://www.sbnt.ru/> (дата обращения: 08.10.2020); Александр Меньшиков // URL: <http://www.alexmenchikov.com/2020/04/blog-post.html> (дата обращения: 08.10.2020); Lobsang Tenpa // URL: <https://lobsangtenpa.com/> (дата обращения: 08.10.2020); урокимедитации.рф // URL: <https://xn--80ahclcbajtrv5aebc.xn--p1ai/> (дата обращения: 08.10.2020); Фонд КонTEMPLАТИВНЫХ Исследований // URL: <https://www.contemplative.ru/> (дата обращения: 08.10.2020) и др.

¹⁰ Международная конференция «Тоталитарные секты и демократическое государство» // Русская Православная Церковь. Новосибирская митрополия. Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского. URL: <https://evolkov.net/cults/official.docs/eurprt96.html> (дата обращения: 01.10.2020).

¹¹ В Совете Федерации состоялось первое заседание рабочей группы по защите российских граждан от мошеннических действий сект // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/79320/> (дата обращения: 08.10.2020).

¹² В Совете Федерации состоялся «круглый стол», посвященный совершенствованию закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации URL: <http://council.gov.ru/events/news/99603/> (дата обращения: 02.10.2020).

Список литературы

Сзибнева О.И. Религиозные конверсии в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. 2017. № 181. С. 80–85.

Смирнов М.Ю. Социология религии: словарь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 412 с.

De Leo D. Suicide prevention is far more than a psychiatric business. *World Psychiatry*, 2004, 3 (3), pp. 155–156. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1414698/> (дата обращения: 12.10.2020).

Eileen Barker (ed.). *New Religious Movements: A Perspective for Understanding Society*. Edwin Mellen Press, Cambridge University Press, 1982, pp. 393. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/religious-studies/article/eileen-barker-ed-new-religious-movements-a-perspective-for-understanding-society-pp-393-edwin-mellen-press-1982-4400-paper/28F03057F7334D13BA7544-D8CC774E80> (дата обращения: 02.10.2020).

G. Yemelianova. Divergent trends of Islamic radicalization in Muslim Russia. *Russia and islam: State, society and radicalism*, ed. by R. Dannreuther, L. March. Taylor & Francis Group, 2010, pp. 129–132.

P.C. Lucas, T. Robbins. *New Religious Movements in the Twenty-First Century. Legal, Political, and Social Challenges in Global Perspective*. Florence, Taylor & Francis Group, 2004, pp. 103.

References

Sgibneva O.I. *Religioznye konversii v sovremennoi Rossii* [Religious conversions in modern Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2017, № 181, pp. 80–85. (In Russ.)

Smirnov M. Iu. *Sotsiologiya religii: slovar'* [Sociology of religion: a dictionary]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2011, 412 p. (In Russ.)

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
ПО УПРАВЛЕНИЮ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00658*

В статье рассматривается наказание в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами в качестве средства обеспечения транспортной безопасности. Такое наказание часто назначается за совершение преступлений при управлении транспортными средствами. При этом судебная практика применительно к различным статьям Особенной части УК РФ складывается по-разному. Автором проанализированы приговоры и другие судебные акты по уголовным делам о преступлениях, совершаемых при управлении транспортными средствами. На основе обобщения теоретического материала и судебной практики по рассматриваемой проблеме автором сформулированы предложения по изменению действующего законодательства и рекомендации для правоприменителя. В статье обосновывается необходимость обязательного обсуждения судом возможности назначения наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами во всех случаях совершения преступления при управлении транспортом. Предлагается закрепить в УК РФ новую меру уголовно-правового характера (запрет заниматься определенной деятельностью), применяемую по преступлениям, совершенным при управлении транспортным средством, при освобождении от уголовной ответственности. Срок применения меры пресечения в виде запрета управления транспортным средством необходимо засчитывать в срок отбывания наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами.

Ключевые слова: транспортная безопасность, наказание, лишение права, управление транспортным средством, преступление

Информация об авторе: Ларина Любовь Юрьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9366-1291>, кандидат юридических наук, доцент, директор юридического института Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

E-mail: larina1708@yandex.ru

Дата поступления статьи: 04.10.2020

Для цитирования: Ларина Л.Ю. Лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством за совершение преступления как средство обеспечения транспортной безопасности // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 216-221. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-216-221>

Lyubov' Yu. Larina
Yesenin Ryazan State University

**THE PROHIBITION OF DRIVING A VEHICLE FOR COMMITTING A CRIME AS A MEANS
OF ENSURING TRANSPORT SECURITY**

The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00658

The article deals with the penalty of deprivation of the right to engage in vehicle management activities as a means of ensuring transport security. This penalty is often imposed for crimes committed while driving vehicles. At the same time, judicial practice in relation to various articles of the special part of the criminal code of the Russian Federation develops in different ways. The author analyses sentences and other judicial acts in criminal cases on crimes committed while driving vehicles. Based on the generalisation of theoretical material and judicial practice on the problem under consideration, the author formulated proposals for changing the current legislation and recommendations for law enforcement. The article substantiates the need for mandatory discussion by the court of the possibility of imposing a penalty in the form of deprivation of the right to engage in activities for driving vehicles in all cases of committing a crime while driving.

Keywords: transport security, punishment, disqualification, driving, crime

Information about the author: Lyubov' Yu. Larina, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9366-1291>, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Director of the legal Institute of Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia

E-mail: larina1708@yandex.ru

Article received: October 04, 2020

For citation: Larina L. Yu. The prohibition of driving a vehicle for committing a crime as a means of ensuring transport security. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 216-221 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-216-221>

Для обеспечения транспортной безопасности используются различные правовые средства, в том числе положения уголовного законодательства. Ученые разных стран озабочены состоянием преступности в транспортной сфере. Одни обращают внимание на необходимость обеспечения безопасности на отдельных видах транспорта, например железнодорожном [Pawlik] или общественном [Situational prevention: 29], другие – на вопросы безопасности отдельных категорий лиц на транспорте [Smith], третьи – на предпринимаемые меры в этой области [Fear of crime]. Обеспечение транспортной безопасности средствами уголовного закона не ограничивается нормами Особенной части УК РФ. Значительную роль в соответствующем механизме играют нормы института уголовного наказания. Одним из наказаний, которое выполняет указанную роль, является лишение права заниматься определенной деятельностью.

Такой вид наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусмотрен санкциями норм об ответственности за различные преступления, затрагивающие транспортную безопасность (например, ст. 263, 263.1, 264, 264.1 УК РФ). В то же время данный вид наказания может назначаться в качестве дополнительного наказания даже в тех случаях, когда это не предусмотрено санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Это позволяет судам реализовать принцип индивидуализации уголовного наказания.

В санкциях ст. 264 УК РФ до изменений, внесенных 31 декабря 2014 года¹, встречался такой вид наказания, как лишение права управлять транспортным средством. При этом в научной литературе обоснованно отмечалось, что такое наказание не соответствует требованиям общей части УК РФ [Бадамшин, Козун, Поезжалов: 35]. Тем не менее проведенный нами анализ судебной практики показывает, что такое наказание, как лишение права заниматься определенной деятельностью, применительно к преступлениям, связанным с транспортной безопасностью, наиболее часто судами назначается в виде «лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами»² либо «лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами»³. Несмотря на внешнюю схожесть данных формулировок, вторая гораздо шире по смыслу, поскольку включает не только деятельность по управлению транспортными средствами, но и иную (например, деятельность диспетчеров, штурманов, шкиперов). Поэтому при назначении наказания в виде лишения права необходимо обращать особое внимание на его формулировку. В отдельных случаях судами назначалось наказание в виде «лишения права заниматься деятель-

ностью, связанной с эксплуатацией транспортных средств»⁴. На наш взгляд, такое наказание целесообразно назначать лишь в случае, когда совершенное преступление связано с нарушением правил эксплуатации транспортных средств.

В санкциях статей главы 27 УК РФ лишение права заниматься определенной деятельностью как дополнительное наказание встречается достаточно часто. Верховный суд РФ разъяснил, что в случае указания на обязательный характер дополнительного наказания «его неприменение судом допускается либо при наличии условий, предусмотренных статьей 64 УК РФ, либо в силу положений Общей части УК РФ о неприменении соответствующего вида наказания»⁵. Однако, учитывая, что в ст. 47 УК РФ не содержится никаких ограничений для назначения данного вида наказания, то его неприменение возможно только при установлении судом указанных в ст. 64 УК РФ исключительных обстоятельств. Аналогичные разъяснения даются Верховным судом РФ применительно к транспортным преступлениям⁶.

На сегодняшний день в судебной практике однозначно решен вопрос о том, что лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами назначается вне зависимости от того, имеется ли у лица полученное в установленном законом порядке удостоверение на право управления каким-либо транспортным средством. Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку позволяет не допускать к управлению транспортом лиц, допустивших нарушения, повлекшие преступные последствия. Тем самым данное наказание направлено на обеспечение транспортной безопасности.

Проведенный нами анализ 86 приговоров и иных судебных актов по уголовным делам о преступлениях, совершенных при управлении транспортным средством, показал, что только в 9 % случаев судами обсуждался вопрос о назначении дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортным средством. Так, например, рассматривая уголовное дело в отношении В., который, управляя маломерным судном, не обеспечил безопасность его пассажиров при следовании на данном судне, что повлекло смерть пассажира, суд при вынесении приговора даже не обсудил вопрос о назначении дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортным средством⁷. Такая ситуация не отвечает задачам обеспечения транспортной безопасности, а также не соответствует такой цели уголовного наказания, как предупреждение преступлений. Сохранение за такими лицами права управления транспортными средствами может повлечь за собой совершение аналогичного преступления. Поэтому в каждом случае совершения преступления при управлении транспортным средством суду надлежит рассма-

тривать вопрос о целесообразности назначения наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством. Такую рекомендацию нужно, на наш взгляд, закрепить на уровне постановления Пленума Верховного суда РФ.

Одним из сложных вопросов относительно лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами является определение круга транспортных средств, в отношении которых действует запрет. В судебной практике нет единства по этому вопросу. Так, апелляционным постановлением Вологодского областного суда разъяснено, что приговор суда первой инстанции «в части лишения права заниматься определенной деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на срок 2 года 6 месяцев, не распространяется на лишение осужденного Кудрявцева И.А. занимать должность помощника машиниста и лишение права управления электровозом на указанный срок»⁸. Вместе с тем Верховный суд РФ занял иную позицию, указав, что наказание в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами касается всех видов транспорта⁹. Некоторые авторы критикуют такой подход высшей судебной инстанции со ссылкой на нарушение принципа справедливости [Беларева: 27]. Представляется, что далеко не во всех случаях необходимо лишать права управлять абсолютно всеми видами транспорта. Существенную роль здесь могут сыграть обстоятельства совершения преступления и причины совершения преступления. Так, например, если пилот самолета в силу малого опыта вождения автомобиля совершит преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, то нет никаких оснований лишать его права управления воздушным транспортом. Иное касается управления транспортом в состоянии опьянения. В последнем случае целесообразно лишать права управления всеми видами транспортных средств.

На практике возникают сложности, касающиеся соотношения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством и административного наказания в виде лишения права управления транспортным средством. Согласно позиции Верховного суда РФ, если за те же действия, которые вменяются как преступление, лицо уже в административном порядке лишено права управления транспортным средством, то отбытый им срок лишения права управления транспортным средством подлежит зачету в срок назначенного по уголовному делу дополнительного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами⁶. В научной литературе такой подход справедливо подвергается критике ввиду разной правовой природы данных наказаний [Половинко: 255]. Соглашаясь

с такой критикой, мы, однако, считаем, что при определении срока уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством суд должен учесть отбытый к моменту вынесения приговора срок лишения в административном порядке права управления транспортным средством. Иными словами, исполнение части административного наказания становится основанием для смягчения уголовного наказания.

Еще одна сложность, возникающая на практике и требующая разрешения на законодательном уровне, связана с тем, что в случае освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и прекращении уголовного дела лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние, не лишается права управления транспортным средством, поскольку наказание ему не назначается. Как правило, такие лица не могут быть привлечены и к административной ответственности, как минимум из-за истечения сроков давности. Складывается парадоксальная ситуация: лица, совершившие преступления и освобожденные от уголовной ответственности, оказываются в более привилегированном положении, чем лица, совершившие административные правонарушения. В таких случаях налицо нарушение закрепленного в ст. 6 УК РФ принципа справедливости и создание угрозы транспортной безопасности.

Для решения данной проблемы можно ввести новую меру уголовно-правового характера – запрет совершения определенных действий. Применительно к рассматриваемой проблеме эта мера может заключаться в лишении права управления транспортным средством на определенный срок. Эта мера должна будет применяться в случае освобождения от уголовной ответственности за преступления, совершенные при управлении транспортными средствами.

В литературе высказываются мнения о недостаточности максимального размера данного вида наказания [Силкин: 273] и предложения относительно увеличения максимального срока дополнительного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами за преступления, предусмотренные ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, до двадцати лет [Бохан: 68]. На наш взгляд, такие предложения не должны быть приняты. Во-первых, указанные преступления, как правило, являются неосторожными и судимость за них при рецидиве не учитывается. Во-вторых, столь долгий срок лишения права не соотносится с общественной опасностью указанных преступлений.

Не меньший интерес вызывают случаи обеспечения транспортной безопасности средствами уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ суд во

время расследования и рассмотрения уголовного дела может возложить запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Исходя из формулировки, указанный запрет касается запрета управления только механическими транспортными средствами и применяется только при нарушении правил дорожного движения. В этом проявляется достаточно серьезное ограничение применения такого запрета. К примеру, при совершении преступления, связанного с нарушением правил вождения водного, воздушного или железнодорожного транспорта, такой запрет применить нельзя. Это существенным образом снижает уровень законодательного обеспечения транспортной безопасности. Нет никаких оснований ограничивать применение данной меры процессуального принуждения исключительно в отношении обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 264–264.1 УК РФ. Поэтому в целях обеспечения транспортной безопасности необходимо расширить применение данного запрета на все преступления, совершаемые при управлении транспортными средствами.

Кроме того, встает вопрос о возможности зачета времени установленного запрета в срок отбытия наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством. В научной литературе в связи с этим обоснованно ставится вопрос о внесении изменений в ст. 72 УК РФ. Так, М.Х. Гельдибаев, А.В. Кафиатулина предложили включить в ч. 5 ст. 72 УК РФ норму о том, что «время запрета определенных действий также может влечь смягчение основного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» [Гельдибаев, Кафиатулина: 6]. Соглашаясь с самой необходимостью корректировки ст. 72 УК РФ, мы не можем согласиться с высказанным предложением. Авторы предлагают установить правило смягчения наказания, в то время как перечень смягчающих наказание обстоятельств регламентируется в иной главе УК РФ и имеет несколько иную правовую природу. Применение мер уголовно-процессуального принуждения, схожих по своей сущности с уголовным наказанием, традиционно рассматривается в уголовном праве основанием для зачета срока применения таких мер в срок отбытия наказания. Поэтому представляется необходимым включить в ст. 72 УК РФ часть 6, в которой закрепить правило о зачете срока запрета управления транспортным средством в срок отбытия наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами.

Стоит отметить, что изложенное в настоящей статье в полной мере можно отнести к другому «транспортному» наказанию – лишению права

заниматься деятельностью по управлению движением транспортных средств. Преступления, совершаемые при осуществлении такой деятельности, встречаются гораздо реже, но также затрагивают сферу транспортной безопасности.

Таким образом, лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством за совершение преступления как средство обеспечения транспортной безопасности с учетом сформулированных предложений может иметь различные проявления:

- применение уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами;
- применение меры пресечения в виде запрета управления автомобилем или иным транспортным средством с последующим зачетом в срок отбытия уголовного наказания;
- применение запрета управления транспортными средствами как иная мера уголовно-правового характера.

Примечания

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 528-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. № 1 (часть I). Ст. 81.

² Приговор Кораблинского районного суда Рязанской области от 13 июля 2016 г. по делу 1-34/2016. URL: https://korablinsky--riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6401529&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.08.2020); Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 22 августа 2019 г. по делу № 1-159/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TdzhEOKxRZJQ/> (дата обращения: 10.08.2020).

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 июня 2020 года по делу № 10-5337/2020. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/9825fe57-f46f-4ece-b567-28c9d0ea31d8> (дата обращения: 10.08.2020); Апелляционное постановление Московского городского суда от 13 июня 2019 г. по делу № 10-9840/2019. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/73fa4014-68b4-45c8-9883-f65f4a24319e> (дата обращения: 10.08.2020).

⁴ Обобщение практики рассмотрения судами Курской области уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 264.1 УК РФ. URL: http://oblsud.krs.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=757 (дата обращения: 10.08.2020); Приговор Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 5 февраля 2020 г.

по делу № 1-22/2020. URL: https://tahtamukaysky-adg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9191786&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.08.2020).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2020).

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2020).

⁷ Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам суда Ненецкого автономного округа от 31 марта 2014 г. по уголовному делу 22-14/2014. URL: https://sud--nao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=60663&case_uid=dc04a5c4-f3db-493f-a275-4322134b44bb&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 10.08.2020).

⁸ Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 18 апреля 2016 г. по делу №10-25/16. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mGzOdH2sINmC/> (дата обращения: 10.08.2020).

⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2017 г. № 56-КГ16-46 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2020).

Список литературы

Бадамшин И.Д., Козун А.В., Поезжалов В.Б. Законодательная конструкция уголовно-правовой санкции за нарушение правил дорожного движения и проблемы ее совершенствования // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 1 (23). С. 33–36.

Беларева О.А. Сущность лишения права заниматься определенной деятельностью как наказания за преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ // Вестник Кузбасского института. 2019. № 2 (39). С. 23–29.

Бохан А.П. К вопросу о пожизненном лишении права управлять транспортным средством // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2015. № 5. С. 64–69. С. 67–68.

Гельдибаев М.Х., Кафиатулина А.В. Актуальные проблемы назначения уголовного наказания в виде лишения прав занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в судебной практике // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 48–4. С. 5–7.

Половинко Д.С. О некоторых особенностях назначения наказания в виде лишения права зани-

маться деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами // Преступление, наказание, исправление: материалы IV Междунар. пенитенциарного форума и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России. Рязань, 2019. С. 254–255.

Силкин В.П. О размерах уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом: сб. материалов круглого стола междунауч.-практ. конф. Вологда, 2018. С. 270–274.

Natarajan M., Clarke R., Carcach C. et al. Situational prevention and public transport crime in El Salvador. *Crime Sci*, 2015, vol. 4, s. 29.

Pawlik M. Rail Transport Systems Safety, Security and Cybersecurity Functional Integrity Levels. In: Siergiejczyk M., Krzykowska K. (eds) *Research Methods and Solutions to Current Transport Problems. ISCT21 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol. 1032, pp. 317–329.

N. Power, M. McManus, R. Lynch, et al. Fear of crime on the rail networks: Perceptions of the UK public and British Transport Police. *Crime Prevention and Community Safety*, 2016, vol. 18, № 2, pp. 91–104.

Smith M.J. Addressing the Security Needs of Women Passengers on Public Transport. *Security Journal*, 2008, № 15, pp. 117–133.

References

Badamshin I.D., Kozun A.V., Poezhalov V.B. *Zakonodatel'naia konstruktsiia ugovovno-pravovoi sanktsii za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniia i problemy ee sovershenstvovaniia* [Legislative structure of the criminal-legal sanction for violation of traffic rules and problems of its improvement]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika* [Legal state: theory and practice.], 2011, № 1 (23), pp. 33–36. (In Russ.)

Belareva O.A. *Sushchnost' lisheniia prava zanimat'sia opredelennoi deiatel'nost'iu kak nakazaniia za prestuplenie, predusmotrennoe st. 264¹ UK RF* [The essence of deprivation of the right to engage in certain activities as a punishment for a crime under article 264¹ of the criminal code of the Russian Federation]. *Vestnik Kuzbasskogo institute* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2019, № 2 (39), pp. 23–29. (In Russ.)

Bokhan A.P. *K voprosu o pozhiznennom lishenii prava upravliat' transportnym sredstvom* [On the issue of life deprivation of the right to drive a vehicle]. *Intellektual'nye resursy - regional'nomu razvitiu* [Intellectual resources for regional development], 2015, № 5, pp. 64–69. (In Russ.)

Gel'dibaev M.Kh., Kafiatulina A.V. *Aktual'nye problemy naznacheniiia ugovovnogo nakazaniia v vide lisheniia prav zanimat' opredelennye dolzhnosti ili*

zanimat'sia opredelennoi deiatel'nost'iu v sudebnoi praktike [Current problems of assigning criminal penalties in the form of deprivation of rights to hold certain positions or engage in certain activities in judicial practice]. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia* [Trends in the development of science and education], 2019, № 48–4, pp. 5–7. (In Russ.)

Polovinko D.S. *O nekotorykh osobennostiakh naznachenii nakazaniia v vide lisheniia prava zanimat'sia deiatel'nost'iu, svyazanoi s upravleniem transportnymi sredstvami* [About some features of sentencing in the form of deprivation of the right to engage in activities related to driving vehicles]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: mater. IV mezhdunarodnogo penitentsiarnyi foruma i kruglogo stola, k 140-letiiu ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiiu Akademii FSIN Rossii* [Crime, punishment, correction: materials of IV international

penitentiary forum and round tables dedicated to the 140th anniversary of the Russian penal system and the 85th anniversary of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia], Riazan' Publ., 2019, pp. 254–255. (In Russ.)

Silkin V.P. *O razmerakh ugovovnogo nakazaniia v vide lisheniia prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sia opredelennoi deiatel'nost'iu* [On the amount of criminal punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities]. *Problemy naznachenii i ispolnenii ugovovnykh nakazanii v Rossii i za rubezhom: Sb. mater. kruglogo stola mezhdun. nauch.-prakt. konf.* [Problems of appointment and execution of criminal punishments in Russia and abroad: Sat. mater. round table Intern. scientific-practical conf.]. Vologda, 2018, pp. 270–274. (In Russ.)

Груздев Владислав Владимирович
Костромской государственной университет
Ганжа Наталья Владимировна
Костромской государственной университет

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НЕКОТОРЫХ СТРАН ГАНЗЕЙСКОГО СОЮЗА НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье представлен анализ источников нормативно-правового регулирования различного уровня по вопросам противодействия коррупции в отдельных странах Ганзейского союза Нового времени. Целью анализа является сопоставление подходов к правовому регулированию указанной сферы общественных отношений и изучением опыта реализации на практике многолетних взаимоотношений между территориальными общинами местного самоуправления в некоторых странах Ганзейского союза Нового времени. Актуализируются вопросы позитивного многовекового взаимодействия ассоциации ганзейских городов в условиях развития межгосударственных институтов противодействия коррупции. Исследуются особенности правового регулирования основ противодействия коррупции в ФРГ, Нидерландах и Российской Федерации. Делаются выводы об общих чертах в подходах правового регулирования противодействия коррупции в вышеуказанных государствах. Авторы обращают внимание на последовательную политику государств по снижению уровня коррупции в указанных государствах.

Ключевые слова: конституционные основы противодействия коррупции, Ганзейский союз Нового времени, торговые отношения.

Информация об авторах: Груздев Владислав Владимирович, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>, доктор юридических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия

E-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

Ганжа Наталья Владимировна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>, кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия

E-mail: nat_ganzha@mail.ru

Дата поступления статьи: 17.09.2020

Для цитирования: Груздев В.В., Ганжа Н.В. Сравнительно-правовой анализ конституционных основ противодействия коррупции некоторых стран Ганзейского союза Нового времени // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 222-226. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-222-226>

Vladislav V. Gruzdev
Kostroma State University
Natal'ya V. Ganzha
Kostroma State University

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CONSTITUTIONAL BASES OF COMBATING CORRUPTION IN SOME STATES OF THE NEW HANSEATIC LEAGUE

The article presents an analysis of sources of legal regulation at various levels on anti-corruption issues in certain countries of the Hanseatic League of Modern times. The purpose of the analysis is to compare approaches to the legal regulation of this sphere of public relations and to study the experience of implementing in practice long-term relationships between territorial communities of local self-government in some countries of the Hanseatic League of Modern times. The issues of positive centuries-old interaction of the Association of Hanseatic cities in the context of the development of interstate anti-corruption institutions are updated. The article examines the features of legal regulation of the anti-corruption framework in Germany, the Netherlands and the Russian Federation. Conclusions are drawn about the general features in the approaches to legal regulation of anti-corruption in the above-mentioned states. The authors draw attention to the consistent policy of states to reduce the level of corruption in these states.

Keywords: anti-corruption constitutional bases, New Hanseatic League, trade relations

Information about the authors: Vladislav V. Gruzdev, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>, Doctor of Jural Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

Natal'ya V. Ganzha, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: nat_ganzha@mail.ru

Article received: September 17, 2020

For citation: Gruzdev V.V., Ganzha N.V. Comparative legal analysis of the constitutional bases of combating corruption in some states of the New Hanseatic League. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 222-226 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-222-226>

В последние десятилетия в связи с процессами глобализации возрастает роль как межгосударственного взаимодействия, так и взаимоотношений между территориальными общинами местного самоуправления. Историческим примером таких процессов может служить Ганзейский союз, просуществовавший с середины XII века до середины XVII века и позволивший его участникам в течение нескольких столетий развивать торговые отношения в рамках городов, входивших в его состав. Это объединение включало более ста городов Северной Европы. В период расцвета в состав Ганзейского союза входили Великий Новгород и Псков.

Уникальный опыт мультикультурного взаимодействия ганзейских городов исследовался специалистами разных отраслей знаний: историками, экономистами, правоведами. В отечественной научной литературе главным образом рассматриваются внешнеэкономические связи Ганзейского союза и Великого Новгорода [Давыдова 2015; Костюкова 2015; Митряев 2016; Vasilyeva 2017]. Некоторые зарубежные исследователи в Ганзе позднего Средневековья и начала Нового времени находят черты транснационального института управления конфликтами как между отдельными лицами, так и между городами – участниками Ганзейского союза [Wubs-Mrozewicz 2017]. Другие авторы отмечают среди причин процветания Ганзейского союза геополитический, социальный и организационный аспекты [Jiang 2017].

Стандарты крупнейшей торговой ассоциации ганзейских городов, выработанные веками, оказались востребованы в последнее время, особенно в контексте крупнейших геополитических преобразований в Европе, связанных с демонтажем социалистической системы. Семисотлетний юбилей с момента основания Ганзы послужил импульсом к созданию Ганзейского союза Нового времени. В мае 1980 года в голландском городе Зволле была образована международная неправительственная межмуниципальная организация, к 2015 году объединившая 182 города из 16 европейских стран [Давыдова 2015]. К настоящему времени число ганзейских городов выросло до 192 при том же количестве стран [Association – The Hanseatic League 2019].

И хотя вопрос о соотношении национального и международно-правового регулирования внешнеэкономических отношений между участниками Ганзейского союза Нового времени остается малоисследованным, особого внимания, на наш взгляд, заслуживают конституционные основы противодействия коррупции в отдельных странах, некоторые города которых являются участниками Новой Ганзы.

Самое большое объединение городов Новой Ганзы традиционно находится на территории Федеративной Республики Германия. Так, в состав

Ганзейского союза Нового времени входят 102 города, которые находятся в северной части ФРГ в землях Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония-Анхальт. Кроме этих четырех земель в состав данного международного неправительственного муниципального объединения входят также вольные ганзейские города Бремен и Гамбург [Association – The Hanseatic League 2019]; последние имеют статус земель.

Для того чтобы оценить различные подходы к правовому регулированию противодействия коррупции в рассматриваемых государствах, следует привести некоторые независимые данные. Например, по оценкам международной неправительственной организации Transparency International, ФРГ в течение многих лет является страной с одним из самых низких уровней коррупции в мире. По состоянию на 2018 год в рейтинге стран по уровню восприятия коррупции Германия занимает одиннадцатую строчку [Corruption perception index 2018].

Одним из факторов, влияющих на этот показатель, служит Основной закон Федеративной Республики Германия от 23.05.1949 года с изменениями и дополнениями (по состоянию на 23.12.2014 года) [Basic Law for the Federal Republic of Germany 2019]. В целом ряде статей вышеуказанного акта важнейшее место занимают положения, которые устанавливают основополагающие и фундаментальные начала, позволяющие данному государству эффективно бороться с большинством проявлений коррупции внутри, формулируются конституционно-правовые основы осуществления правоохранительной деятельности. Среди них следует отметить основные права человека (ст. 1–19), включая права на создание объединений (ст. 9), неприкосновенность жилища (ст. 13); систему государственного устройства и институты государственной власти, работа которых базируется на принципе разделения властей и дополняется системой сдержек и противовесов (ст. 1, п. 3; ст. 20, п. 2–3; ст. 73–74 и др. положения).

Отдельно следует отметить правило, изложенное в ст. 34 Основного закона ФРГ, в котором устанавливается ответственность должностных лиц в публичных отношениях за нарушение возложенных на них обязанностей.

Немаловажное значение имеют основы взаимодействия общефедеральной власти и власти на уровне земель – субъектов федерации в Германии. В ст. 28, п. 1 Основного закона ФРГ установлено: «The constitutional order in the Länder must conform to the principles of a republican, democratic and social state governed by the rule of law within the meaning of this Basic Law. In each Land, county and municipality the people shall be represented by a body chosen in general, direct, free, equal and secret

elections. In county and municipal elections, persons who possess the citizenship of any member state of the European Community are also eligible to vote and to be elected in accordance with European Community law. In municipalities a local assembly may take the place of an elected body» [Basic Law for the Federal Republic of Germany 2019]. При этом ассоциации общин пользуются правом самоуправления в рамках своих полномочий, включая основы собственной финансовой ответственности, налоговые поступления и установление ставок налогов.

Следующим блоком являются конституционные нормы о международных договорах и примате международного права (ст. 23–25 Основного закона ФРГ и др. нормы). Однако проблемы соотношения национального и международного права по вопросам регулирования противодействия коррупции выходят за рамки данной статьи и требуют дальнейшего изучения. Отметим лишь, что Германия ратифицировала Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции более чем через десять лет после ее подписания (09.12.2003 года), а именно 12.11.2014 года [Signature and Ratification Status 2019].

Помимо Основного закона ФРГ и международных актов правовыми источниками борьбы с коррупционными преступлениями в ФРГ являются *Strafgesetzbuch* от 15.05.1871 г. (в редакции 19.6.2019 г.) [*Strafgesetzbuch* 2019]; *Gesetz zur Bekämpfung der Korruption* от 20.11.2015 г. [*Gesetz zur Bekämpfung der Korruption* 2019]; *Dreizehntes Gesetz zur Änderung dienstrechtlicher Vorschriften (Zweites Nebentätigkeitsbegrenzungsgesetz)* от 09.09.1997 г. [*Dreizehntes Gesetz zur Änderung dienstrechtlicher Vorschriften* 2019] и др. (более подробно см.: [Lord 2014; Chernyak 2016; Vorontsov, Mamychev, Ponedelkov, Medvedev, Magomedkhanov 2018]).

На уровне субъектов – земель ФРГ с целью противодействия коррупции также принимаются нормативные правовые акты: [*Richtlinie zur Korruptionsprävention und Korruptionsbekämpfung in der Landesverwaltung (Antikorruptionsrichtlinie)* от 01.04.2014 г.; *Verwaltungsvorschrift zur Vermeidung und Bekämpfung der Korruption in der öffentlichen Verwaltung der Freien Hansestadt Bremen Land und Stadtgemeinde* от 26.02.2013 г.].

В сфере противодействия коррупции высокий показатель занимает и Королевство Нидерланды, 19 городов которого также входят в состав Ганзейского союза Нового времени (среди них Зволле, Девентер, Кампен, Олдензал, Хардервейк, Зютфен) [*Städtebund die Hanse* 2019]. По состоянию на 2018 год в рейтинге стран по уровню восприятия коррупции Нидерланды занимают восьмую строчку [*Corruption perceptions index* 2018]. Отметим, что, по сведениям международной неправительственной организации Transparency International,

Нидерланды традиционно оцениваются как государство с одним из самых низких уровней коррупции в мире.

Конституционные основы по противодействию коррупции в Нидерландах находят свое закрепление опосредованно через установление основных прав человека (ст. 1–23), институтов государственной власти (ст. 24–111), правосудия (ст. 112–122), правоохранительной системы (ст. 57, 117) в Конституции Королевства Нидерландов от 24 августа 1815 г. (с изменениями от 21.12.2018 г.) [*Конституция Королевства Нидерландов* 2019].

Еще в 1983 г. в Конституции Нидерландов действовали конституционные нормы, согласно которым должностные лица Совета министров и депутаты Генеральных штатов приносили торжественную присягу королю в том, что они «будут честно исполнять все обязанности, возложенные на них, и обещают не принимать прямо или косвенно каких-либо подношений или подарков от каких-либо лиц за какие-либо действия или бездействие по должности» (цит по: [Кислухин 2010]). В этих нормах-обычаях возможно усмотреть конституционный фундамент по противодействию коррупции в этой стране. В настоящее время Конституция Королевства Нидерландов уже не содержит таких норм.

В ст. 90, 92–95, 97, 100 Конституции Нидерландов закреплены положения о поддержании мирового правопорядка и заключении международных договоров. В ст. 93, 94 вышеуказанного акта закрепляется приоритет международного права над национальным. В соответствии с этими нормами, 31.10.2006 Королевством Нидерланды была ратифицирована Конвенция ООН против коррупции.

Кроме Основного закона, в Королевстве действует Уголовный кодекс от 03.03.1881 г. с изменениями и дополнениями от 01.10.2012 г., где в ст. 126, 363, 364 устанавливается ответственность за коррупционные преступления, совершенные гражданами, должностными лицами и судьями [*Criminal Code Act* 2019].

В Ганзейском союзе Нового времени участвуют 15 российских городов, среди них Великий Новгород, Псков, Калининград, Смоленск, Тверь, Вологда, Великий Устюг, Торжок и др. [*Städtebund die Hanse* 2019].

По состоянию на 2018 год в списке стран по индексу восприятия коррупции Российская Федерация занимает 136 место, что означает, по мнению экспертов, значительный уровень коррупции в государстве [*Corruption perceptions index* 2018].

К правовым основам противодействия коррупции следует отнести, прежде всего, Конституцию Российской Федерации, как и в двух вышеупомянутых государствах, некоторые города которых входят в Новую Ганзу, и это обстоятельство свидетельствует об общности в подходах закрепления

соответствующих положений по противодействию коррупции. Специальные нормы об ответственности за коррупционные преступления содержатся в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019), Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) и некоторых других документах на общенациональном и региональном уровнях. В связи с тем, что проблемы противодействия коррупции в России требуют, на наш взгляд, более детального и подробного изучения, в рамках настоящего исследования останавливаться на них не будем. Отметим лишь, что наряду с 185 странами Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции 09.05.2006 г.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что в Федеративной Республике Германия, Нидерландах и Российской Федерации основы противодействия коррупции находят свое правовое регулирование и закрепление не только в конституциях этих стран, но и в других нормативных правовых актах, прежде всего в уголовных кодексах и в специальных законах. Кроме того, общим фактом является участие этих государств в Конвенции ООН против коррупции. Однако первые два государства демонстрируют высокий уровень противодействия коррупции, что подтверждается и значениями индекса восприятия коррупции, а в то же время при других равных условиях в России уровень противодействия коррупции является низким. Основным (хотя и не единственным) препятствием проведения успешной антикоррупционной политики в Российской Федерации является, на наш взгляд, проблема реализации антикоррупционного законодательства. Этот вопрос требует проведения дальнейших исследований, нацеленных на решение вопросов, связанных с повышением правовой культуры и ответственности должностных лиц.

Источники и документы

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 30.06.2020).

Конституция Королевства Нидерландов от 24 августа 1815 г. (с изменениями от 21.12.2018). URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001840/2018-12-21> (дата обращения: 30.06.2020).

Association – The Hanseatic League. Städtebund die Hanse. URL: <https://www.hanse.org/en/hanseatic-cities> (access date: 29.06.2020).

Basic Law for the Federal Republic of Germany. Federal Ministry of Justice and Consumer Protection. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.pdf (access date: 30.06.2020).

Corruption perceptions index 2018. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/cpi2018/results> (access date: 30.06.2020).

Gesetz zur Bekämpfung der Korruption. URL: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl115s2025.pdf (access date: 30.06.2020).

Signature and Ratification Status. URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/corruption/ratification-status.html> (access date: 30.06.2020).

Strafgesetzbuch. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (access date: 30.06.2020).

Dreizehntes Gesetz zur Änderung dienstrechtlicher Vorschriften (Zweites Nebentätigkeitsbegrenzungsgesetz). URL: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl197s2294.pdf (access date: 30.06.2020).

Richtlinie zur Korruptionsprävention und Korruptionsbekämpfung in der Landesverwaltung (Antikorruptionsrichtlinie). URL: <http://www.nds-vor.de/jportal/?quelle=jlink&query=VVND-204800-LReg-20140401-SF&psml=bsvorisprod.psml&max=true> (access date: 30.06.2020).

Verwaltungsvorschrift zur Vermeidung und Bekämpfung der Korruption in der öffentlichen Verwaltung der Freien Hansestadt Bremen Land und Stadtgemeinde. URL: https://www.zaks.bremen.de/sixcms/media.php/13/2013_03_11_ABI_Nr_0060_Antikorruption%20Gesellschaften%20der%20FHB_signed.pdf (access date: 30.06.2020).

Criminal Code Act of 3 March 1881 (Text valid on 01.10.2012). URL: http://www.ejtn.eu/pagefiles/6533/2014%20seminars/omsenie/wetboekvanstrafrecht_eng_pv.pdf (access date: 30.06.2020).

Список литературы

Давыдова С.Г., Дружнова М.П. Внешнеэкономические связи Великого Новгорода в рамках Ганзейского торгового союза: история и современность // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2015. № 1. С. 196–208.

Кислухин В.А. История борьбы с коррупцией в Нидерландах и роль полиции в этой деятельности // История государства и права. 2010. № 2. С. 9–13.

Костюкова А.В. Межмуниципальное сотрудничество как фактор развития Новгородской области // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2015. Т. 2. № 4–2 (2). С. 129–138.

Митряев М.В. Роль международного сотрудничества и экономических союзов для региональной экономики // Наука, бизнес, власть – триада регионального развития: сб. ст. / отв. ред. Р.А. Тимофеева, Л.А. Киркорова. СПб.: Изд-во ГНИИ «Нацразвитие», 2016. С. 112–119.

Chernyak T.V. Mechanisms of preventing conflict of interests and fight against corruption in public service:

experience of European community. 2nd All-Russian Scientific Conference on Current Issues of Scientific Support for the State Anti-Corruption Policy in the Russian Federation. Ekaterinburg, 2016, pp. 205–216.

Jiang H. Research on the Reasons for the Prosperity of Hanseatic League. International Conference on Humanities, Arts and Language (HUMAL), 2017, pp. 9–12.

Lord N. Regulating corporate bribery in international business: Anti-corruption in the UK and Germany. Farnham, England, Ashgate Publishing Limited, 202 pp.

Vasilyeva N.A., Kosov Yu.V. Modern hanseatic trends in the Baltic region. Baltic region, 2017, vol. 9, № 2, pp. 104–113. DOI 10.5922/2079-8555-2017-2-8.

Vorontsov S.A., Mamychev A.Yu., Ponedelkov A.V., Medvedev V.G., Magomedkhanov R.G. Fighting against corruption in modern Russia: problems and prospects. Amazonia investiga, 2018, vol. 7, № 14, pp. 322–331.

Wubs-Mrozewicz J. The late medieval and early modern Hanse as an institution of conflict management. Continuity and change, 2017, vol. 32, № 1, pp. 59–84. DOI 10.1017/S0268416017000066.

References

Davydova S.G., Druzhnova M.P. *Vneshneekonomicheskie svyazi Velikogo Novgoroda*

v ramkakh Ganzeiskogo torgovogo soiuz: istoriia i sovremennost' [Foreign economic relations of Veliky Novgorod within the framework of the Hanseatic trade union: history and modernity]. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANhIGS* [Bulletin of the Novgorod branch of RANHIGS], 2015, № 1, pp. 196–208. (In Russ.)

Kislukhin V.A. *Istoriia bor'by s korruptsiei v Niderlandakh i rol' politicii v etoi deiatel'nosti* [The history of the fight against corruption in the Netherlands and the role of the police in this activity]. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2010, № 2, pp. 9–13. (In Russ.)

Kostiukova A.V. *Mezhmunitsipal'noe sotrudnichestvo kak faktor razvitiia Novgorodskoi oblasti* [Intermunicipal cooperation as a factor in the development of the Novgorod region]. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANhIGS* [Bulletin of the Novgorod branch of RANHIGS], 2015, vol. 2, № 4–2 (2), pp. 129–138. (In Russ.)

Mitriaev M.V. *Rol' mezhdunarodnogo sotrudnichestva i ekonomicheskikh soiuзов dlia regional'noi ekonomiki* [The role of international cooperation and economic unions for the regional economy]. *Nauka, biznes, vlast' – triada regional'nogo razvitiia* [Science, business, power – the triad of regional development: collection of articles]. St. Petersburg, Natsrazvitie Publ., 2016, pp. 112–119. (In Russ.)

Кириллов Дмитрий Александрович
Тюменский государственный университет
Сеченова Екатерина Григорьевна
Тюменский государственный университет

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «TOLERANCE» В ДОКУМЕНТАХ ООН В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ РЕЗОЛЮЦИИ О РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

До 12.12.2018 в официальных документах ООН англоязычному понятию «tolerance» всегда соответствовало русскоязычное понятие «терпимость». Оба понятия использовались для обозначения оптимального принципа взаимоотношений между людьми с различающимися имманентными признаками (далее – «оптимальный принцип взаимоотношений»). Однако начиная с 12.12.2018 англоязычному понятию «tolerance» соответствует в русскоязычных документах ООН не только понятие «терпимость», но и понятие «толерантность». Наличие подобного дуализма создает трудности при толковании положений Конституции России о правах человека, других законов. Поэтому возникла необходимость установить, какое из двух понятий больше соответствует содержанию «оптимального принципа взаимоотношений». В ходе исследования изучены более двух тысяч документов на официальных языках ООН, научные источники, соотношение понятий «tolerance», «терпимость» и «толерантность» в официальных документах. Сделаны, в частности, выводы о том, что из документов на русском языке определенно установить, какое из понятий больше соответствует содержанию «оптимального принципа взаимоотношений», не представляется возможным; из содержания документов ООН на всех языках, а также научных работ следует, что семантически данному принципу соответствует понятие «толерантность». Полная характеристика принципа представлена в документе «Декларация принципов “tolerance”»; это позволяет использовать содержание декларации при толковании статьи 2 и других положений Конституции.

Ключевые слова: религиозная толерантность, терпимость, толерантность, декларация принципов толерантности, резолюция ООН, права человека, взаимоотношения людей, Устав ООН, имманентные признаки

Информация об авторе: Кириллов Дмитрий Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>, кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: kdakda@yandex.ru

Сеченова Екатерина Григорьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5500-8972>, кандидат филологических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-mail: e.g.sechenova@utmn.ru

Дата поступления статьи: 07.09.2020

Для цитирования: Кириллов Д.А., Сеченова Е.Г. Конституционно-правовое исследование понятия «tolerance» в документах ООН в связи с принятием Резолюции о религиозной толерантности // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 227-232. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-227-232>

Dmitriy A. Kirillov
Tyumen State University
Ekaterina G. Sechenova
Tyumen State University

CONSTITUTION-LAW STUDY OF THE CONCEPT OF “TOLERANCE” IN THE UN DOCUMENTS IN CONNECTION WITH THE ADOPTION OF THE RESOLUTION ON RELIGIOUS TOLERANCE

Before 12.12.2018 in the official UN documents, the English-language concept of «tolerance» always corresponded to the Russian-language concept of «forbearance». Both these concepts were used to denote the optimal principle of relationships between people with different immanent features (hereinafter – «the optimal principle of relationships»). However, starting with 12.12.2018, the English-language concept of «tolerance» corresponds not only to the concept of «forbearance» in the Russian-language UN documents, but also to the concept of «tolerance» proper. The existence of such dualism creates difficulties in interpreting the provisions of the Russian Constitution on human rights and other laws. Therefore, it became necessary to understand which of the two concepts is more consistent with the content of the «optimal principle of relations». The study examined scientific sources, more than two thousand documents in the official languages of the UN, and examined the relationship between the concepts of «tolerance»: «forbearance» and «tolerance» proper in official documents. Conclusions were made that it is not possible to definitely establish from documents in Russian which of the concepts is more consistent with the content of the «optimal principle of relationships»; from the content of the UN documents in all languages, as well as scientific papers, it follows that semantically this principle corresponds to the concept of «tolerance». The full description of the principle is presented in the document «Declaration of the Principles of Tolerance»; this allows the content of the declaration to be used in interpreting article 2 and other provisions of the Constitution.

Keywords: religious tolerance, forbearance, tolerance, declaration of principles of tolerance, UN resolution, human rights, human relations, UN Charter, immanent features.

Information about the authors: Dmitriy A. Kirillov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>, SPIN-код 9203-6927, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: kdakda@yandex.ru

Ekaterina G. Sechenova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5500-8972>, Candidate of Philological Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: e.g.sechenova@utmn.ru

Article received: September 07, 2020

For citation: Kirillov D.A., Sechenova E.G. Constitution-law study of the concept of “tolerance” in the UN documents in connection with the adoption of the Resolution on religious tolerance. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 4, pp. 227-232 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-227-232>

Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации объединенных наций от 12.12.2018 № 73/128 «Просвещение и религиозная толерантность» (далее по тексту, соответственно, ООН, ГА ООН, «Резолюция 73/128»)¹ знаменательна по целому ряду оснований. Наиболее существенное из них заключается в том, что впервые в истории ООН в качестве смыслового аналога термину «tolerance» из англоязычной версии документа использован термин «толерантность» в версии «Резолюции 73/128» на русском языке. Данное обстоятельство, в числе прочего, поставило под сомнение состоятельность сложившегося за долгие годы в документах ООН подхода к русскоязычному терминологическому обозначению оптимального принципа взаимоотношений между различными людьми и их группами.

Так, начиная с Устава ООН² и в течение более семидесяти лет существования этой международной организации, термину «tolerance» в официальных документах на английском языке соответствовал русскоязычный термин «терпимость» в этих же документах на русском языке. И даже «Declaration of principles of tolerance»³, разработанная в 1995 году по прямому поручению ГА ООН, в Резолюции от 14.02.1994 № 48/126 (далее – «Резолюция 48/126»)⁴ в русскоязычной версии на официальном сайте ООН именуется как «Декларация принципов терпимости» (далее – «Декларация»). При этом из содержания «Декларации» следует, что функционально она представляет собой адресованную мировому сообществу политическую рекомендацию ООН об оптимальном принципе взаимоотношений между людьми, различающимися по имманентным признакам, указанным, в частности, в пункте 2 статьи 19 Конституции РФ (национальность, раса, религия, язык, социальные характеристики) и смежным с ними (далее – «оптимальный принцип взаимоотношений», «имманентные признаки», «Конституция»).

Таким образом, до принятия «Резолюции 73/128» вопросов о том, какое понятие ООН считает правильным использовать в качестве русскоязычного аналога англоязычного «tolerance» и, соответственно, каким термином обозначать оптимальный принцип взаимоотношений между носителями различных имманентных признаков, у адресатов документов ООН на русском языке не возникало. Эти понятие и термин, как исходило от

самой ООН, определялись лексемой «терпимость». Провозгласив же в декабре 2018 года в русскоязычной версии «Резолюции 73/128», что «...поощрение религиозной толерантности будет способствовать реализации целей всеобщего мира...», ООН предложила подход, согласно которому наиболее предпочтительной основой межрелигиозных отношений является религиозная толерантность.

Если тексты документов ООН понимать буквально, то складывается достаточно рассогласованная картина. Получается, что одновременно есть два оптимальных принципа взаимоотношений. Во-первых, в религиозной сфере (между последователями различных вероучений, верующими, агностиками и атеистами и т. п.) это толерантность. И, во-вторых, во всех остальных сферах, то есть между людьми со всеми иными имманентными признаками, это терпимость, охарактеризованная в «Декларации». Можно было бы предположить, что указанное различие в подходах обусловлено как особенностями религиозной среды, в которой каждое из нескольких тысяч вероучений «убеждено» только в своей монополии на истину [Карпушкин: 93], так и важностью дистанцироваться в «Резолюции 73/128» от понятия «веротерпимость». Последнее для российского «постимперского» пространства исторически негативно [Якутин, Князев: 21]. Между тем ни в документах ООН, ни в литературе не выявлено явных свидетельств особой мотивации выбора в русскоязычной версии резолюции именно толерантности «для религиозной сферы» вместо «общепринятой» терпимости.

Крайне важным представляется и то обстоятельство, что по тексту самой «Резолюции 73/128» на русском языке термин «толерантность» используется для характеристики взаимоотношений не только межрелигиозных, но и между носителями иных имманентных признаков. В качестве примеров можно привести ряд фрагментов, в частности такие, как: «...поощряя толерантность... между различными культурами, цивилизациями и народами...», «...о поощрении культуры толерантности и мира на всех уровнях...» и другие.

Отсутствие в «Резолюции 73/128» особой мотивации использования понятия «толерантность» применительно к религиозной среде, а также распространение этого понятия на более широкий круг ситуаций, чем религиозные, позволяет сделать важный вывод о функциональном значении

данного документа. Позиция «Резолюции 73/128» в русскоязычной версии о том, что оптимальным принципом взаимоотношений является толерантность, универсальна; она относима не только к религиозной сфере, а и ко всем сферам взаимоотношений субъектов с различными имманентными признаками.

Следовательно, если анализировать всю совокупность документов ООН на русском языке, то получается, что сегодня с точки зрения ООН «оптимальный принцип взаимоотношений» одновременно сопрягается с двумя разными понятиями на русском языке. Первое понятие – «терпимость»; содержание понятия раскрыто в «Декларации». Второе понятие – «толерантность»; содержание понятия в русскоязычном сегменте документов ООН не раскрыто, но данное понятие распространено «Резолюцией 73/128» на все сферы взаимоотношений субъектов с различными имманентными признаками.

Налицо предпосылки к тому, чтобы говорить о дуализме в позиции ООН, то есть о допустимости и даже фактическом применении разных «инструментов», оценок и стандартов в практически тождественных ситуациях. Поскольку согласно традициям международного политико-правового пространства такого, в принципе, быть не должно, мы сочли необходимым произвести еще одну верификационную процедуру.

В целом разделяя логику позиции В.В. Диденко о недостаточности только филологического подхода для отграничения терпимости от толерантности [Диденко: 167–168], мы – для иллюстрации очевидного дуализма в подходе ООН – посчитали уместным полнее обеспечить сопоставимость исходных условий толкования сравниваемых единиц исследования. Для этого проанализированы русскоязычные аналоги фрагментов Резолюций ГА ООН, англоязычные версии фрагментов которых отвечают следующим требованиям:

- во фрагменте использован термин «tolerance»;
- фрагмент тождественен или имеет несущественное редакционное отличие от фрагмента «Резолюции 73/128»;
- фрагмент находится в резолюции, которая принята не ранее и не позднее одного года в сравнении с «Резолюцией 73/128»;
- фрагмент находится в резолюции, тематика которой схожа с тематикой «Резолюции 73/128».

Таким требованиям, как мы установили, отвечает не менее ста фрагментов резолюций ГА ООН. В их числе, в частности, русскоязычные аналоги англоязычного текста «...States... have an important role to play in promoting *tolerance*... for... diversity...» из «Резолюции 73/128», а также Резолюций ГА ООН № 72/177 от 19.12.2017⁵ и 73/328 от 25.07.2019⁶ (далее, соответственно, «Резолюция № 72/177» и «Резолюция № 73/328»). В версии

на русском языке данный фрагмент представлен в первом случае текстом «...государства... призваны играть важную роль в поощрении *толерантного*... отношения к... многообразию...», а во втором и третьем случаях – текстом: «...государства... призваны играть важную роль в поощрении *терпимого*... отношения к многообразию...»

Приведенный пример, являясь показательным, в полной мере, по нашему мнению, подтверждает дуализм позиции ООН.

Несмотря на то, что, по общему правилу, международно-правовые нормы не обязывают приводить внутреннее законодательство государств-участников в соответствие с текстами Резолюций ГА ООН, можно вести речь о своего рода политико-правовой неопределенности характеризуемой ситуации для стран, где русский язык является государственным или официальным. Как, собственно, и для ряда других стран и иных субъектов, использующих документы ООН преимущественно на русском языке.

В правовом пространстве России, к примеру, вопрос об «оптимальном принципе взаимоотношений» возникает при толковании в конкретных правоприменительных ситуациях статьи 2 Конституции в части приоритета неотъемлемых прав и свобод человека по отношению к правам «второго порядка», предопределенным разного рода групповой принадлежностью людей с различными имманентными признаками. Не учитывать при толковании позицию ООН, выраженную в поддержанном Россией документе, по меньшей мере нелогично.

В связи с тем, что для обозначения на русском языке «оптимального принципа взаимоотношений» ООН использует два разных понятия, представляются уместными их лингво-правовой анализ, выявление различий и выбор того и них, которое точнее отражает суть рассматриваемого принципа, в том числе с точки зрения «Декларации» и Конституции.

Анализ понятия «терпимость» представляется логичным начать с установления значения, в котором данная лексема используется в документах ООН. Для этого представляется целесообразным сравнить дефиниционную характеристику понятия «терпимость» из «Декларации», принятой в 1995 году, с текстами документов ООН, принятых позже. При этом следует иметь в виду, что характеристика из «Декларации» не только раскрывает существенные признаки рекомендуемого ООН «оптимального принципа взаимоотношений», но и является базовым элементом «Декларации» как в целом источника официальных положений для толкования понятия «терпимость» при его использовании в документах ООН.

Как видно из документов ООН последних двадцати пяти лет, их содержание в части использования понятия «терпимость» явным образом про-

тиворечит его дефиниционной характеристике из «Декларации».

Рассмотрим пример, который представляется показательным. Пункт 1.1 «Декларации» на русском языке содержит, в частности, следующий текст: «...терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия...» В Резолюциях же ГА ООН от 10.11.2009 № 64/14⁷, от 06.07.2015 № 69/312⁸ и целого ряда других содержится текст: «...сознавая все разнообразие мира и... поощряя терпимость, уважение, диалог...» Как видно, в «Декларации» понятие «уважение» уже включено в качестве одной из составляющих частей в объединяющее составное понятие «терпимость». Потому во фрагментах резолюций «терпимость» и «уважение» однородными членами предложения быть не должны. Логическая абсурдность приведенных фрагментов становится очевидной, если заменить в них слово «терпимость» на характеристику понятия «терпимость» из «Декларации».

Нами обнаружено не менее полутора тысяч фрагментов Резолюций ГА ООН, принятых после 16.11.1995, во фразопостроительных конструкциях русскоязычных версий которых в качестве однородных членов предложения присутствуют и объединяющее составное понятие «терпимость», и понятие, являющееся частью составного. При этом случаев корректного с точки зрения текста «Декларации» использования понятия «терпимость» и входящей в него части в резолюциях ГА ООН обнаружить не удалось.

Мы пришли к выводу, что существующая ситуация с использованием понятия «терпимость» в документах ООН осталась такой же, какой была до принятия «Декларации». То есть с принятием «Декларации» подход к использованию в текстах документов ООН понятия «терпимость» не изменился. Так, например, в положении Резолюции ГА ООН № 36/55 от 25.11.1981, в частности, указывается, что ГА считает «...важным содействовать пониманию, терпимости и уважению в вопросах свободы религии и убеждений...»⁹. Данный фрагмент с «Декларацией» не согласуется.

То есть подход к построению перечня однородных членов предложения с использованием понятия «терпимость» был до принятия «Декларации» таким же, как и в документах, принятых после «Декларации». Очевидно, до принятия «Декларации» данный подход был обоснованным. В документах же, принятых после «Декларации», подход стал противоречить не только «Декларации», но и специальной тематической «Резолюции № 48/126». В ней еще за полтора года до даты принятия «Декларации» ГА ООН, руководствуясь Уставом ООН, провозгласила (в русскоязычной версии), что терпимость заключается «...в признании и уважении других, умении жить вместе

с другими и прислушиваться к ним», то есть является составным понятием.

Заметим, что документы ООН на русском языке как на одном из шести официальных языков организации существуют не «сами по себе». Они согласуются с версиями на пяти других официальных языках ООН. Более того, в основной своей массе документы подготавливаются на одном из двух рабочих языков – английском или французском, а только потом воспроизводятся на остальных официальных языках¹⁰, включая русский.

Исследовав документы ООН на рабочих языках, мы обнаружили, что с принятием «Декларации» подход к использованию в текстах документов ООН иноязычных аналогов понятия «терпимость» не изменился. Для иллюстрации обратимся к англоязычным фрагментам текста «...States... have an important role to play in promoting *tolerance and respect*...» из уже упоминавшихся нами «Резолюции № 72/177» и «Резолюции № 73/328», а также к такому же фрагменту «Резолюции 73/128» и сравним их с текстом «Декларации».

Как видно, в пункте 1.1 «Декларации» на английском языке, понятие «*respect*» включено в качестве части в объединенное составное понятие «*tolerance*». Потому совершенно очевидно, что в приведенной цитате из резолюций «*tolerance*» и «*respect*» однородными членами предложения, если исходить из логики «Декларации», быть не должны.

То же самое, как мы с достаточной репрезентативностью проверили, имеет, но не должно иметь места на всех официальных языках ООН.

В отношении термина «толерантность» следует заметить, что он, кроме «Резолюции 73/128», не употребляется ни в одной из Резолюций ГА ООН, ни в других официальных документах ООН. При этом важно, что имеется множество интернет-ресурсов, предлагающих различные варианты русскоязычных версий «Декларации», в том числе в части используемого аналога термина «*tolerance*». В версиях большинства из таких ресурсов, в противоположность подходу ООН, и в названии («Декларация принципов толерантности»), и по тексту англоязычному «*tolerance*» соответствует «толерантность», а не «терпимость». Одним из таких ресурсов является авторитетный тематический русскоязычный ресурс «*tolerance.ru*». Здесь в пункте 1.1 альтернативной русскоязычной версии «Декларации» указывается, что именно «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия...»¹¹

По аналогии с подходом к анализу терпимости обратим внимание, что в русскоязычной версии «Резолюции 73/128» содержится текст: «...поощряя толерантность, уважение... между...» Как видно, в альтернативной русскоязычной версии «Декларации» «уважение» включено в объединяю-

щее составное понятие «толерантность». Поэтому по аналогии со сказанным выше в отношении понятия «терпимость», в «Резолюции 73/128» «толерантность» и «уважение» однородными членами предложения быть не должны. Иными словами, ситуация с некорректным использованием термина «толерантность» аналогична ситуации с использованием термина «терпимость».

Охарактеризованное положение вещей, по нашему мнению, вопиюще. Получается, что при подготовке текстов важнейших официальных документов вся ООН вот уже почти 25 лет работает так, как будто «Декларации» вообще не существует. В русскоязычном же сегменте, к тому же, для обозначения единого предпочтительного с точки зрения ООН принципа взаимоотношений между людьми с различающимися имманентными признаками используются различные понятия. Сложившаяся ситуация свидетельствует, на наш взгляд, о предпосылках к формулированию целого «поля» выводов и предложений, причем не только и даже не столько лингво-юридического, сколько, как нам представляется, управленческого и политико-правового характера.

Мы же обозначим лишь выводы и предложения, относимые к контексту.

1. В документах ООН на русском языке для описания тождественных политико-правовых ситуаций, а также «оптимального принципа взаимоотношений» используются два разных термина. Это означает, что, основываясь на содержании документов ООН на русском языке, возможность установить, какое из понятий – «терпимость» или «толерантность» – характеризует «оптимальный принцип взаимоотношений», отсутствует.

2. В «Декларации» на русском языке, безотносительно к терминологии, представлена развернутая содержательная характеристика «оптимального принципа взаимоотношений». Это позволяет в полной мере использовать «Декларацию» при толковании статьи 2 и других положений Конституции.

3. Вспомогательная группа выводов, которые можно в общих чертах сформулировать по результатам проведенного исследования документов ООН.

3.1. Исходя из рассогласованности между текстами резолюций ГА ООН и «Декларации», можно утверждать, что понятие «tolerance» и соответствующие аналоги на других языках использованы в Резолюциях ГА ООН после 1995 года в значениях, содержание которых не согласуется с текстом «Декларации».

3.2. В документах ООН выявлена системная внутренняя противоречивость; их составители не придерживаются смысла «Декларации».

3.3. Сложившееся положение вещей мешает распространению в мировом сообществе идеи об

«оптимальном принципе взаимоотношений», охарактеризованном в «Декларации».

После приведенного анализа понятий «терпимость» и «толерантность» в контексте их упоминания в документах ООН, следует определиться, использование которого из них при толковании положений Конституции в большей степени корректно для характеристики «оптимального принципа взаимоотношений», описанного в «Декларации».

По вопросу соотношения терпимости и толерантности высказано немало суждений. По нашему мнению, один из наиболее удачных с точки зрения соотношения «краткость – ясность» подходов к разграничению этих понятий изложен в статье «Термин “толерантность”/“терпимость”». В ней, в частности, указывается, что «...в слове “терпимость” присутствует оттенок непротивления неприятным или неблагоприятным факторам... Толерантность же отражает... позицию, которая заключается в одобрении, поддержке разнообразия мира и права на различие людей и мнений...» [Рылова]. То есть состав «терпимости» включает непротивоправную «инаковость», существованию претерпевающий субъект вынужден «не противиться». Такая вынужденность, в частности, означает следующее. Претерпевающее лицо, будь его воля, в большинстве случаев предпочло бы – с целью снижения уровня свойственного терпимости дискомфорта – выйти из контакта с нежелательным фактором. Толерантности же подобная оценка внешних факторов как нежелательных не свойственна.

По нашему же мнению, включение в официальный источник положения о терпимости как основе взаимоотношений представляет собой особого рода пропаганду превосходства над носителями отличающихся имманентных признаков. Такая пропаганда в ряде случаев запрещена даже Конституцией, о чем подробно говорится в одной из наших работ [Кириллов, Сеченова: 82].

Таким образом, из двух терминов, используемых в документах ООН для обозначения «оптимального принципа взаимоотношений», термин «толерантность» является корректным. Использование же термина «терпимость» представляется некорректным.

Примечания

¹ Просвещение и религиозная толерантность: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 12.12.2018, № 73/128. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/128> (дата обращения: 07.09.2020).

² Устав ООН: (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945). URL: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/preamble/index.html> (дата обращения: 07.09.2020).

³ Declaration of principles of tolerance: Resolution 5.61 of the UNESCO General Conference of November 16, 1995. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 07.09.2020).

⁴ Год ООН, посвященный терпимости: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 14.02.1994, № 48/126. URL: <https://undocs.org/en/A/RES/48/126> <https://undocs.org/ru/A/RES/48/126> (дата обращения: 07.09.2020).

⁵ Свобода религии или убеждений: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 19.12.2017, № 72/177. URL: <https://undocs.org/en/A/RES/72/177> (дата обращения: 07.09.2020).

⁶ Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и терпимости в контексте борьбы с ненавистническими высказываниями: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 25.07.2019, № 73/328. URL: <https://undocs.org/en/A/RES/73/328> (дата обращения: 07.09.2020).

⁷ Альянс цивилизаций: Резолюция ГА ООН, 10.11.2009, № 64/14. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/14> (дата обращения: 07.09.2020).

⁸ Альянс цивилизаций Организации Объединенных Наций: Резолюция ГА ООН, 06.07.2015, № 69/312. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/312> (дата обращения: 07.09.2020).

⁹ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: Резолюция 36/55 ГА от 25 ноября 1981 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/36/55> (дата обращения: 07.09.2020).

¹⁰ Правила о языках: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 01.02.1946, № 1/2. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2%28I%29> [https://undocs.org/en/A/RES/2\(I\)](https://undocs.org/en/A/RES/2(I)) (дата обращения: 27.08.2020).

¹¹ Декларация принципов толерантности: утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 07.09.2020).

Список литературы

Диденко В.В. Анализ значения лексем tolerance, толерантность и терпимость в английском и русском языках // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4–2 (28). С. 151–173.

Карпушкин А.В. Конституционно-правовые аспекты религиозной толерантности во взаимоот-

ношениях государства с религиозными объединениями // Общественные науки. Политика и право. 2008. № 4. С. 91–95.

Кириллов Д.А., Сеченова Е.Г. О рассогласованности в регулировании религиозной толерантности Конституцией России и национальным законодательством о свободе совести // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 1. С. 74–91.

Рылова А. Термин “толерантность”/“терпимость”: досье. ТАСС. 16.11.2015. URL: <https://tass.ru/info/2441674> (дата обращения: 07.09.2020).

Якутин Н., Князев А. На началах веротерпимости // «Экономика и жизнь». 2010. № 37. С. 21.

References

Didenko V.V. *Analiz znacheniiia leksem tolerance, tolerantnost' i terpimost' v angliiskom i russkom iazykakh* [Analysis of the meaning of the tolerance, толерантность and терпимость lexemes (in English and Russian languages)]. *Sovremennyye issledovaniia sotsial'nykh problem* [Modern studies of social issues], 2016, № 4–2 (28), pp. 151–173. (In Russ.)

Karpushkin A.V. *Konstitutsionno-pravovyye aspekty religioznoi tolerantnosti vo vzaimootnosheniakh gosudarstva s religioznymi ob"edineniiami* [Constitutional and legal aspects of religious tolerance in relations between the state and religious associations]. *Obshchestvennyye nauki. Politika i pravo* [Social Sciences. Politics and law], 2008, № 4, pp. 91–95. (In Russ.)

Kirillov D.A., Sechenova E.G. *O rassoglasovanosti v regulirovanii religioznoi tolerantnosti Konstitutsiei Rossii i natsional'nykh zakonodatel'stvom o svobode sovesti* [On the Mismatch in the Regulation of Religious Tolerance by the Russian Constitution and National Legislation on Freedom of Conscience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovyye issledovaniia* [Tyumen State University Herald. Social, economic and law research], 2019, vol. 5, № 1, pp. 74–91. (In Russ.)

Rylova A. *Termin “tolerantnost”/“terpimost”: dos'e* [The term “tolerance”/“patience”: dossier]. *TASS* [TASS], 16.11.2015. URL: <https://tass.ru/info/2441674> (access date: 07.09.2020). (In Russ.)

Iakutin N., Kniazhev A. *Na nachalakh veroterpimosti* [On the basis of religious patience]. *Ekonomika i zhizn'* [Economy and Life], 2010, № 37, pp. 21. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-233-237>
УДК 347.61

Груздев Владислав Владимирович
Костромской государственный университет

Груздева Мария Львовна
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

Ершов Владимир Николаевич
Костромской государственный университет

Смирнов Владимир Алексеевич
Костромской государственный университет

О ВОЗДЕЙСТВИИ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УГРОЗ НА СЕМЬЮ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного задания FZEW-2020-0005

В статье рассматривается проблема, возникшая при столкновении глобализационных процессов в экономике, финансах, политике и традиционных социальных институтов, прежде всего – семьи. Авторы приходят к выводу, что особую роль приобретает вопрос сохранения традиционных семейных ценностей, являющихся для всех проживающих в России народов основой и условием существования и успешного развития. Наибольший общественный резонанс имеет вопрос о традиционных и «нетрадиционных» концепциях семьи, который актуализирует проблему правовой защиты традиционных ценностей семьи в России. Проводится анализ конституционных поправок 2020 г.

Ключевые слова: глобализация, государство, право, культурная идентичность, конституция, законодательство, семья

Информация об авторах: Груздев Владислав Владимирович ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>, доктор юридических наук, Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

E-mail: VGruzdev@ksu.edu.ru

Груздева Мария Львовна ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>, доктор философских наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Россия

E-mail: maria.gruz2020@yandex.ru

Ершов Владимир Николаевич ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3697-4459>, кандидат технических наук, Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

E-mail: yvn@ksu.edu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1228-9318>, доктор социологических наук, Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

E-mail: va_smirnov@ksu.edu.ru

Дата поступления статьи: 17.10.2020

Для цитирования: Груздев В.В., Груздева М.Л., Ершов В.Н., Смирнов В.А. О воздействии больших вызовов и социокультурных угроз на семью и семейное право // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 233-237. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-233-237>

Vladislav V. Gruzdev
Kostroma State University

Mariya L. Gruzdeva
Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy
of Radiation, Chemical and Biological Defence

Vladimir N. Yershov
Kostroma State University

Vladimir A. Smirnov
Kostroma State University

THE IMPACT OF GREAT CHALLENGES AND SOCIOCULTURAL THREATS TO THE FAMILY AND FAMILY LAW

The study was carried out with the financial support of the State Task FZEW-2020-0005

The article deals with the problem that arose in the collision of globalisation processes in economics, finance, politics and traditional social institutions, primarily the family. The authors come to the conclusion that the issue of preserving traditional family values, which are the basis and condition for existence and successful development for all peoples living in Russia, acquires a special role. The greatest public resonance is the issue of traditional and “non-traditional” concepts of the family, which actualises the problem of legal protection of traditional family values in Russia. The 2020 constitutional amendments are analysed.

Keywords: globalisation, state, law, cultural identity, constitution, legislation, family

Information about the authors: Vladislav V. Gruzdev, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>, Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: VGruzdev@ksu.edu.ru

Mariya L. Gruzdeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>, Doctor of Philosophical Sciences, Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence, Kostroma, Russia

E-mail: maria.gruz2020@yandex.ru

Vladimir N. Yershov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3697-4459>, Candidate of Technical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: yvn@ksu.edu.ru

Vladimir A. Smirnov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1228-9318>, Doctor of Sociological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: va_smirnov@ksu.edu.ru

Article received: 17.10.2020

For citation: Gruzdev V.V., Gruzdeva M.L., Yershov V.N., Smirnov V.A. The impact of great challenges and sociocultural threats to the family and family law. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 4, pp. 233-237 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-233-237>

Глобализация прочно вошла во многие стороны общественной жизни. Международная миграция культурных стандартов и правил приводит к быстрому размыванию и стиранию границ между различными социальными группами. Различия между ними, еще недавно казавшиеся прочными и долговечными, под натиском унификации сдвигаются или исчезают. Это формирует условия для потери национальной и культурной идентичности российских граждан, утраты суверенитета государства.

В пункте 11 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹ (далее – Стратегия) констатируется, что современный этап характеризуется наличием как конкурентных преимуществ Российской Федерации, так и неразрешенных проблем, препятствующих научно-технологическому развитию страны. Негативные факторы и тенденции создают риски отставания России от стран – мировых технологических лидеров и обесценивания внутренних инвестиций в сферу науки и технологий, снижают независимость и конкурентоспособность России в мире, ставят под угрозу обеспечение национальной безопасности страны, а также становятся существенным барьером, препятствующим долгосрочному росту благосостояния общества и укреплению суверенитета России (пункт 12 Стратегии).

В подпункте б пункта 4 Стратегии большие вызовы определяются в качестве объективно требующих реакции со стороны государства совокупности проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов.

Особое внимание заслуживает трактовка больших вызовов, изложенная в подпункте е пункта 15 Стратегии. В соответствии с ней, к таковым относятся «новые внешние угрозы национальной безопасности (в том числе военные угрозы, угро-

зы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан), обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, глобальной и региональной нестабильностью, и усиление их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности».

В основе национальной идентичности лежит ценностный ряд, включающий понятия «национальное самосознание», «свободы», «патриотизм», «уважение к истории и культурным традициям». При этом уровень национально-культурной идентичности выступает в качестве интегративного и рационально конструируемого феномена, образующего «культурную скрепу» для проживающей на одной территории коллективной общности [Астафьева: 256]. В данном случае четко прослеживается связь с понятием культурная идентичность, понимаемая в качестве совокупности устойчивых социокультурных, национальных и индивидуальных параметров, позволяющих человеку осознавать свою принадлежность к определенной группе, с помощью которой он может свободно ориентироваться в окружающем мире и иметь представления о своем месте в социокультурном пространстве [Копрянцева: 140]. При этом мы соглашаемся с тем, что основной причиной утраты национальной и культурной идентичности является глобализация.

Для России кризис национальной и культурной идентичности выступает прямой и явной угрозой устойчивости существования государства, общества и личности. Слом общественно-экономических отношений в 1990-х гг. нанес сильный удар по таким базовым качествам, традиционно имевшим приоритет в иерархии, как соборность, коллективизм и духовность. Произошла не просто утрата духовно-нравственных ценностей, но их подмена ценностями общества потребления. В то же время задача по органическому соединению национально-культурного кода российских граждан с современными реалиями необратимого процесса интеграции и унификации многих сфер общественной жизни не была решена. В этой связи особую роль

приобретает вопрос сохранения традиционных семейных ценностей, являющихся для всех народов, проживающих в России, основой и условием существования и успешного развития.

К основным задачам государственной семейной политики относятся: повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, а также содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи².

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что традиционные ценности – это общепризнанные в российском обществе (и разделяемые всеми традиционными религиозными конфессиями) представления о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве, которые получили свое формально-юридическое закрепление в Конституции Российской Федерации³.

Наибольший общественный резонанс имеет вопрос о традиционных и «нетрадиционных» концепциях семьи. Традиционная семья, оставаясь для многих людей основной формой семейных отношений между мужчиной и женщиной, в то же время в ряде государств уже не рассматривается в качестве единственной и доминирующей формы семьи. Ее нетрадиционные формы отражают идущие изменения в обществах, наиболее сильно вовлеченные в процессы глобализации и утратившие под их воздействием духовные ценности, определявшие развитие в течение тысячелетия.

Однополые браки как добровольные семейные союзы между лицами единого пола все чаще встречается в различных странах мира и часто проявляется в виде гражданских партнерств, поскольку официальное придание такого статуса, как «брак», однополый союз получил лишь в некоторых странах мира: Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, Аргентина, Мексика, Дания, Бразилия, Франция, Великобритания, Япония, США и другие [Кудрявцева]. Всего к началу 2020 г. законодательство 27 государств допускали существование однополых браков.

В то же время А.Г. Щелкин справедливо отмечает тот факт, что если декриминализация гомосексуализма в целом заняла в западном мире более 30 лет, а «победоносное» шествие закона «Брак для всех» свершилось за последние несколько лет, то на сегодняшний момент феномен однополых браков в своем поступательном движении застрял в довольно парадоксальном положении. С одной стороны, во многих западных странах уже больше половины рядовых граждан не видят ничего противозаконного в гомосексуальных браках, а с другой – этот «успех» начинает вызывать реакцию сопротивления сил, молчавших ранее [Щелкин: 152].

Трансформация восприятия традиционной семьи в качестве референтной формы семейных

отношений мужчины и женщины в комплексе с другими факторами воздействует на демографическую ситуацию в России. С 2014 г. число зарегистрированных браков сокращается: в 2014 г. было заключено 8,4 браков на 1000 человек; в 2015 г. – 7,9 браков на 1000 человек; в 2016 г. – 6,7 браков на 1000 человек; в 2017 г. – 7,1 браков на 1000 человек; в 2018 г. – 6,1 браков на 1000 человек. Также идут увеличение числа разводов [Якушев: 3].

Вопрос о правовой защите традиционных ценностей семьи в России актуализировался несколько лет назад. Так, в пункт 4 части 2 статьи 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ № 436) были внесены изменения, и к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, стала относиться не только информация, отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи, но и информация, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения⁴. Также часть 2 статьи 5 ФЗ № 436 была дополнена пунктом 3.1, и к данной информации были отнесены сведения, содержащие изображение или описание сексуального насилия.

К информации, распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено, относится информация, представляемая в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной (пункт 3 части 3 статьи 5 ФЗ № 436). И, видимо, в отношении данной нормы некоторыми авторами высказывается достаточно странная позиция, состоящая в том, что «ситуация, когда через принимаемые законы отдельные категории граждан оказались в бесправном положении, дискредитирует власть и обесценивает право в целом» [Шульга: 59–60]. Почему отдельные категории граждан оказались в бесправном положении, и в чем состоит такая «дискредитация» власти и права, автор не обосновывает и не уточняет. На наш взгляд трудно, а скорее всего, невозможно опровергнуть достаточно очевидный тезис о необходимости ограничения распространения среди детей определенных возрастных категорий вышеуказанной информации.

С 2013 г. в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях был введен новый состав – пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (статья 6.21)⁵.

Значимы поправки 2020 г. в Конституцию Российской Федерации после всенародного голосования, проведенного 1 июля 2020 г. в части поддержки института семьи, защиты прав детей и обеспечения приоритета семейного воспитания.

Так Конституция РФ была дополнена статьей 67.1, часть четвертой которой определяет, что дети являются важнейшим приоритетом госу-

дарственной политики России [Крашенинников, Бадулина]⁶. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения⁷.

В соответствии с п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, институт брака определен в качестве союза мужчины и женщины.

В статье 114 Конституции РФ к полномочиям Правительства РФ отнесено обеспечение проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды.

В этом отношении ученые отмечают в понимании брака определенный прогресс, поскольку Семейный кодекс РФ данное определение не содержит, на что неоднократно ранее указывалось в юридической литературе [Романовская: 17–20].

Предложения, высказанные заместителем главы Всемирного русского народного собора К.В. Малофеевым, о необходимости закрепления в Конституции РФ традиционных ценностей семьи [Лафитский: 211], к сожалению, в дальнейшем не были поддержаны.

Являются ли поправки к Конституции Российской Федерации обоснованными и закрывают ли они полностью вопрос о развитии и защите семьи и семейных отношений?

С одной стороны, они создают предпосылки для решения вопросов социальной политики, в том числе – укрепления семейных устоев общества, защиты материнства и детства.

С другой стороны, они явно недостаточны для преодоления глубокого демографического кризиса, который является производной от глобальных культурных трансформаций, изменений в самоидентификации людей и групп, а также ценностных модификаций сознания. Ученые справедливо отмечают, что абсолютизировать значимость конституционных норм, регулирующих вопросы брака и семьи, не следует. «Они не самодостаточны, какой бы совершенной ни была правотворческая обработка соответствующих формул, конструкций, средств обеспечения их действия» [Лафитский: 211].

Поэтому дальнейшая конституционная корректировка не только желательна, но и неизбежна. В этом случае задача по преодолению последствий демографического кризиса выйдет на стадию реализации в качестве элемента системы конституционно-правового проектирования.

Примечания

¹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2016, № 49, ст. 6887.

² Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 01.09.2014, № 35, ст. 4811.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова // Российская газета, № 226, 03.10.2014.

⁴ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. № 297. 31.12.2010.

⁵ Федеральный закон от 29.06.2013 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. № 141. 02.07.2013.

⁶ П.В. Крашенинников и Е.В. Бадулина отмечают: «При подготовке Закона о поправке к Конституции РФ созданная Президентом РФ рабочая группа долго искала самую подходящую формулировку. Сначала хотели указать, что дети – это важнейшая ценность России. Потом выбрали вариант: дети – это достояние Российской Федерации. Но в итоге приняли формулировку, гласящую, что дети являются приоритетом государственной политики России. Это в определенном смысле развитие положений Закона № 124-ФЗ, согласно которому государственная политика в интересах детей является приоритетной».

⁷ Конституция РФ в ред. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. № 55. 16.03.2020.

Список литературы

Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 255–281.

Копрянцева М.В. Формирование культурной идентичности под воздействием глобализации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 11. С. 140–141.

Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 21–22.

Кудрявцева Л.В., Бурлаченко М.А. Однополые браки как одна из коллизивно-правовых проблем брака и семьи // Аллея Науки. 2018. №9(25).

Лафитский В.И. Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизаций за выживание. М.: Проспект, 2021. 224 с.

Романовская О.В. Конституция, либертарианский патернализм и приватизация брака // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 17–20.

Шульга Р.Ю. Вопросы морали и нравственности в фокусе правового регулирования: российский и зарубежный контекст // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 59–60.

Щелкин А.Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–160.

Якушев П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: автореф. ... дисс. докт. юрид. наук. М., 2019. 49 с.

References

Astaf'eva O.N. *Restrukturizatsiia i demarkatsiia kollektivnykh identichnosti v usloviakh globalizatsii: budushchee natsional'no-kul'turnoi identichnosti* [Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity]. *Voprosy sotsial'noi teorii* [Questions of social theory]. 2010, vol. IV, pp. 255–281. (In Russ.)

Kopriantseva M.V. *Formirovanie kul'turnoi identichnosti pod vozdeistviem globalizatsii* [Formation of cultural identity under the influence of globalization]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences]. 2017, № 11, pp. 140–141. (In Russ.)

Krasheninnikov P.V., Badulina E.V. *Podderzhka instituta sem'i: konstitutsionnye popravki* [Support for the institution of the family: constitutional amendments]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law]. 2020, № 4, pp. 21–22. (In Russ.)

Kudriavtseva L.V., Burlachenko M.A. *Odnopolye braki kak odna iz kollizionno-pravovykh problem braka i sem'i* [Same-sex marriage as one of the conflict-of-law problems of marriage and family]. *Alleia Nauki* [Alley of Science]. 2018, №9(25). (In Russ.)

Lafitskii V.I. *Konstitutsionnye tsennosti sem'i v bor'be tsivilizatsii za vyzhivanie* [Constitutional values of the family in the struggle of civilizations for survival]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 224 p. (In Russ.)

Romanovskaia O.V. *Konstitutsiia, libertarianskii paternalizm i privatizatsiia braka* [Constitution, libertarian paternalism and the privatization of marriage]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2020, № 7, pp. 17–20. (In Russ.)

Shul'ga R.Iu. *Voprosy morali i npravstvennosti v fokuse pravovogo regulirovaniia: rossiiskii i zarubezhnyi kontekst* [Questions of morality and ethics in the focus of legal regulation: Russian and foreign context]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local government]. 2019, № 12, pp. 59–60. (In Russ.)

Shchelkin A.G. *Legalizatsiia odnopol'nykh brakov: k voprosu o sotsial'no-tsivilizatsionnykh posledstviakh* [Legalization of same-sex marriage: on the issue of socio-civilizational consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research]. 2019, № 11, pp. 152–160. (In Russ.)

Iakushev P.A. *Traditsionnye tsennosti v mekhanizme pravovogo regulirovaniia semeinykh otnoshenii v Rossii i stranakh Evropy: avtoref. ... diss. dokt. iurid. nauk.* [Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries: DSc thesis, summary]. Moscow, 2019, 49 p. (In Russ.)

**О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА
В ПРОЕКТАХ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА СССР**

Статья посвящена анализу основных направлений развития авторского права в проектах ГК СССР. Предмет исследования – институты авторского права в проектах ГК СССР 1939–1951 годов. Основным методом исследования является историко-правовой. Проведенные в статье исследования позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, проекты Гражданского кодекса СССР породили существующую до настоящего времени традицию регулирования авторско-правовых отношений на уровне кодифицированных актов. Во-вторых, существенной особенностью регулирования авторско-правовых отношений в проектах Гражданского кодекса СССР являлось использование преимущественно императивных норм. В-третьих, основной целью регулирования авторско-правовых отношений в проектах ГК выступало обеспечение баланса личных и общественных интересов. В-четвертых, важным новшеством проектов ГК, сохраняющим актуальность до настоящего времени, явилось установление соотношения авторского права и личных прав – права на тайну переписки и права на собственное изображение.

Ключевые слова: авторское право, кодификация, проект Гражданского кодекса СССР, советское право, гражданское право

Информация об авторе: Богустов Андрей Алексеевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6557-1494>, кандидат юридических наук, доцент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

E-mail: bogustow@mail.ru

Дата поступления статьи: 21.09.2020

Для цитирования: Богустов А.А. О некоторых направлениях развития авторского права в проектах Гражданского кодекса СССР // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 238-242. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-238-242>

Andrey A. Bogustov

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

**ON SOME DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF COPYRIGHT
IN THE PROJECTS OF THE CIVIL CODE OF THE USSR**

The article analyses the directions of the development of copyright in the projects of the Civil Code of the USSR. The subject of the research is institutions of copyright in the projects of the Civil Code of the USSR of 1939–1951. Historical methodology for legal science is the main research method applied in these investigations. The research conducted in the article leads to the following conclusions. Firstly, the projects of the Civil Code of the USSR created the existing tradition of copyright relations at the level of codified acts. Secondly, a significant feature of regulating copyright relations in the projects of the Civil Code of the USSR was the use of predominantly mandatory norms. Thirdly, the main goal of regulating copyright relations in the projects of the Civil Code was to ensure a balance of personal and public interests. Fourthly, an important innovation of the projects of the Civil Code, which remain topical to the present day, was the establishment of a relationship between copyright and personal rights – the right to confidentiality of correspondence and the right to own image.

Keywords: copyright, codification, Soviet Civil code projects, Soviet law, civil law

Information about the author: Andrey A. Bogustov, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6557-1494>, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

E-mail: bogustow@mail.ru

Article received: September 21, 2020

For citation: Bogustov A.A. On some directions of the development of copyright in the projects of the civil code of the USSR. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 238-242 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-238-242>

Конституция СССР 1936 г. отнесла «...уголовный и гражданский кодексы» к ведению Союза ССР (п. «х» ст. 14)¹. Работа по составлению Проекта ГК СССР началась во Всесоюзном институте юридических наук 1 октября 1938 г. До начала Великой Отечественной войны было подготовлено два варианта проекта – в 1939 г. и 1940 г.², а «на протяжении 1947–1951 гг. были разработаны три варианта проекта ГК СССР» [Братусь 1971: 7]. В пояснительных ма-

териалах к довоенным проектам содержалась информация о составе редакционной комиссии³, в которую входили Я.Ф. Миколенко (председатель), М.М. Агарков, Д.М. Генкин, К.А. Граве, С.Н. Братусь, М.В. Зимелева и В.И. Серебровский.

ГК СССР должен был не просто воспроизвести действовавшее на тот момент гражданское законодательство на более высоком уровне, но и существенно его модернизировать в соответствии с изменившимися социально-экономиче-

скими условиями жизни общества. В литературе отмечалось, что при всех положительных чертах ГК РСФСР «крайне устарел и отстал от требований жизни» [Братусь 1947: 47], высказывалось мнение о том, что «гражданские кодексы союзных республик, разработанные в восстановительный период, во многом уже не отвечают строю нашего социалистического общества» [Генкин: 30], а также указывалось, что в ГК СССР должны «получить выражение все те изменения в общественно-производственных отношениях, регулируемых гражданским правом, которые произошли за четверть века действия ГК РСФСР и гражданских кодексов других союзных республик, но вплоть до последнего времени не получили в этих кодексах полного отражения» [Венедиктов 1947: 7].

Ни один из подготовленных проектов ГК так и не обрел юридической силы до момента, когда их разработка лишилась правовых оснований. В 1957 г. в Конституцию СССР были внесены изменения⁴, которые отнесли принятие ГК к компетенции союзных республик, а в ведении Союза оставили лишь установление основ гражданского законодательства. Но, на наш взгляд, анализ проектов ГК СССР является весьма актуальным. Он позволяет не только выявить существовавшие в 30–50 гг. XX в. тенденции развития отечественной правовой доктрины, но и их возможное влияние на современное гражданское законодательство. Это относится как к гражданскому праву в целом, так и к отдельным его институтам (например, к авторскому праву).

Нормы, призванные урегулировать авторско-правовые отношения, содержались во всех проектах ГК СССР. Так, в проектах 1939 и 1940 годов им была посвящена гл. 40 «Авторское право» раздела 6 «Авторское и изобретательское право», в проекте 1947 г.⁵ – часть «Авторское право, издательский, постановочный, сценарный договоры», в проекте 1948 г.⁶ – раздел 5 «Авторское право», а в проекте 1951 г.⁷ – раздел VI «Авторское право». Проекты не ограничивались воспроизведением действовавшего законодательства об авторском праве, но развивали и дополняли его. Например, разработчики проекта 1947 г. среди предлагаемых новелл называли «право автора переведенного произведения на получение гонорара (ст. 574), регламентацию права научного учреждения на использование произведения, созданного в порядке выполнения служебного задания этого учреждения (ст. 582), авторское право на письма личного характера (ст. 583) и др.»⁸.

В проектах ГК была заложена существующая до настоящего времени традиция регулирования авторских отношений кодифицированными актами. Подобный подход был вызван, прежде всего, стремлением к установлению единства регулирования гражданско-правовых отношений. Например, в объяснительной записке к проекту 1947 г.

указывалось, что ГК СССР «должен охватить все основные положения действующего советского социалистического гражданского права, изложенные в чрезвычайно большом числе отдельных законов и постановлений, систематизировать их и в соответствующих случаях усовершенствовать и дополнить»⁹. Еще одним мотивом включения норм об авторском праве в ГК выступала общественная значимость авторско-правовых отношений. Например, Д.М. Генкин высказывал мнение, что «среди прав советских граждан авторское право и право на изобретения занимают почетное место... Пройти мимо этих двух видов прав не может будущий Гражданский кодекс» [Генкин: 33]. Регулирование этих отношений в рамках ГК не было свойственно советскому гражданскому законодательству, действовавшему на момент разработки проектов. В праве союзных республик авторско-правовые нормы в этот период содержались только в ГК Азербайджанской ССР [Сравнительные материалы: 265]. Более того, регулирование авторских и изобретательских отношений гражданскими кодексами не было свойственно и зарубежному законодательству, что использовалось в качестве аргумента противниками применения подобного механизма в ГК СССР. Стоит обратить внимание на то, что одним из возражений на подобную критику являлось то, что ранее намерение внести правовое регулирование указанных отношений в ГК высказывалось в проекте Гражданского уложения Российской Империи [Райгородский: 9]. То есть проекты ГК испытывали определенное влияние дореволюционной правовой доктрины. Выраженная в проектах ГК идея о регулировании авторско-правовых отношений на уровне кодексов нашла практическую реализацию в Основах гражданского законодательства Союза и союзных республик 1961 г.¹⁰ С точки зрения исторической преемственности логичным выглядит включение норм о праве интеллектуальной собственности и в гражданские кодексы большинства постсоветских государств.

Однако наличие норм об авторском праве в проектах ГК отнюдь не исключало использования в этой сфере и специальных нормативных актов. А.В. Венедиктов высказывал следующее замечание, которое не утрачивает актуальности до сегодняшнего дня: «Если бы наличие специального нормативного акта, регулирующего ту или другую область имущественных отношений, исключало возможность и целесообразность включения основных норм о тех же отношениях в будущий ГК СССР, за его пределами оказалась бы едва ли не большая часть гражданско-правовых институтов» [Венедиктов 1954: 27]. Например, проекты ГК¹¹ относили регулирование отдельных аспектов авторских отношений к компетенции правительства (например, размеры и порядок уплаты авторского вознаграждения, предельные размеры используемых отрывков

из чужих произведений и типовые издательский, постановочный и сценарный договоры).

В проектах ГК предписания об авторском праве имели императивный характер, что выступало частным проявлением природы норм, предполагавшихся для регулирования гражданско-правовых отношений. По замечанию Д.М. Генкина, в плановом социалистическом обществе установка, связанная с предоставлением сторонам возможности устанавливать иные, чем предусмотренные в законе, права и обязанности, «...как правило, неприемлема. Нормы Гражданского кодекса должны презумироваться как императивные, отступление от которых по соглашению сторон, как правило, недопустимо» [Генкин: 32]. В качестве примера использования императивных предписаний для регулирования авторско-правовых отношений в проектах ГК служат нормы, посвященные издательскому, постановочному и сценарному договорам. Во всех вариантах проекта ГК предусматривалось, что если в таких договорах отсутствуют какие-либо условия, предусмотренные типовым договором, либо в них включены условия, ухудшающие положение автора, то права и обязанности сторон должны определяться типовым договором¹². Но одновременно закреплялось, что предельный размер авторского вознаграждения определяется в порядке, установленном постановлением Правительства СССР¹³.

Сказанное выше иллюстрируют не только механизмы императивного регулирования гражданских отношений, но и построение проектов ГК, исходя «из сочетания личных интересов с общественными, из абсолютной недопустимости такого использования гражданских прав, которое в той или другой степени нарушало бы общественные интересы» [Генкин: 31].

Можно привести еще ряд примеров включения в проекты ГК правил, направленных на обеспечение баланса интересов личности и общества.

Во-первых, проекты ГК ограничивали права авторов в пользу создателей новых произведений. Допускалась переработка произведения без согласия автора, если в результате создавалось новое творческое произведение, кроме переработки литературных произведений в драматические либо киносценарии и наоборот, а также переработка драматических произведений в киносценарии и наоборот¹⁴. Причем в проектах 1939–1940 гг. предусматривалось, что помимо автора разрешение на переработку вправе был выдать и Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР.

Во-вторых, право автора ограничивалось в целях развития науки, производства, образования и искусства.

Проекты ГК разрешали перевод произведения без согласия автора. Право на вознаграждение возникало у автора, только если переведенное произведение издавалось либо публично представлялось¹⁵.

Без получения согласия автора, но с выплатой ему вознаграждения допускалось:

- публичное исполнение изданного либо ранее публично исполненного произведения. Вознаграждение не выплачивалось, когда такое исполнение имело место в культурно-просветительских учреждениях без взимания платы с посетителей¹⁶;

- запись изданного литературного или музыкального произведения для механического воспроизведения¹⁷;

- использование опубликованных чертежей, планов и проектов технических или архитектурных сооружений для возведения самих сооружений¹⁸;

- применение произведений изобразительного искусства либо фотографий в промышленных изделиях¹⁹.

Без согласия автора и без выплаты ему вознаграждения допускалась передача по радио ранее изданного либо публично исполненного произведения²⁰.

В-третьих, приоритет общественных интересов проявлялся в проектах ГК в установлении относительно небольших сроков действия авторского права, которые колебались от пятнадцати²¹ до двадцати²² лет, начиная с первого января года смерти автора.

В-четвертых, предусматривались широкие возможности перехода авторского права государству. Любое произведение, на которое срок действия авторского права не истек, могло быть специальным постановлением Правительства СССР объявлено достоянием государства. Одновременно должны были определяться порядок выплаты вознаграждения автору и использования произведения²³. Даже после истечения срока действия авторского права использование такого произведения допускалось лишь в порядке, предусмотренном Правительством СССР²⁴. Автор также мог особым заявлением передать все или часть своих прав государству²⁵. В последующих редакциях проектов говорилось уже лишь о возможности принудительного отчуждения в пользу государства только имущественных прав автора²⁶. Проекты 1947–1951 гг.²⁷ предусматривали возможность объявить достоянием государства произведение, в отношении которого срок действия авторского права истек.

В проектах ГК впервые в советском праве была предпринята попытка определить соотношение авторского права и личных прав. Во-первых, был предложен механизм обеспечения баланса авторских прав и тайны переписки. Во всех вариантах проектов ГК²⁸ закреплялось существование у автора прав на письма личного характера. Но возможность их опубликования обуславливалась наличием согласия как автора, так и адресата, а в случае смерти кого-либо из них – согласия пережившего супруга и детей умершего. Во-вторых, в проектах ГК²⁹ решался вопрос о соотношении авторского

права и права лица на собственное изображение. Авторское право на изображение должно было принадлежать тому, кто его выполнил – художнику, фотографу и т. п. Но по общему правилу воспроизведение и распространение такого изображения допускалось лишь с согласия изображенного лица, а после его смерти – с согласия пережившего супруга и детей. Без получения подобного разрешения изображение могло воспроизводиться в государственных или общественных интересах.

Необходимо обратить внимание на то, что правила о соотношении авторского права и личных прав в проектах ГК имели определенное сходство с положениями ст. 1276 и ст. 1318 проекта Гражданского уложения Российской Империи³⁰, что еще раз подчеркивает связь проектов ГК СССР с дореволюционной правовой доктриной.

Использованный в проектах ГК механизм определения соотношения авторского права и права на изображение, в дальнейшем так и не получивший повсеместного признания в ГК союзных республик, оказал влияние на современное гражданское право некоторых постсоветских стран (например, России и Казахстана).

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Влияние проектов ГК СССР на последующее регулирование авторско-правовых отношений выражается во включении норм регламентирующих данную группу отношений как в принятые впоследствии кодифицированные акты советского периода, так и в гражданские кодексы большинства постсоветских стран. Роль проектов ГК в этом процессе обусловлена тем, что на момент их разработки включение норм об авторском праве в гражданские кодексы не было свойственно ни зарубежному законодательству, ни действовавшему в тот период советскому праву. В свою очередь, проекты ГК в этом вопросе испытывали влияние проекта Гражданского уложения Российской Империи, то есть дореволюционной правовой доктрины. Однако наличие норм об авторском праве в проектах ГК отнюдь не исключало принятия специальных нормативных актов в данной сфере.

2. Существенным отличием механизма правового регулирования авторско-правовых отношений, применявшегося в проектах ГК от современного законодательства, является использование в них норм преимущественно императивного характера.

3. Основной целью регламентации авторско-правовых отношений в проектах ГК выступало обеспечение баланса личных и общественных интересов. Приоритет общественных интересов проявлялся в ограничении права авторов в пользу создателей новых произведений и целях развития науки, производства, образования и искусства, установлении относительно коротких сроков действия авторского права и широких возможностей

для перехода авторского права государству. При этом интересы автора обеспечивались установлением права на получение фиксированных сумм вознаграждения в большинстве случаев использования охраняемого произведения без его согласия.

4. Важной новеллой проектов ГК, сохраняющей актуальность до настоящего времени, является закрепление соотношения авторского права и личных прав – на тайну переписки и изображение. Механизм установления баланса авторского права и права на изображение, использованный в проектах ГК, был практически реализован в современных ГК некоторых постсоветских государств (например, России и Казахстана). В современном праве не установлен механизм определения соотношения авторского права и права на тайну переписки. На наш взгляд, подход, использованный в проектах ГК, может быть использован в процессе совершенствования гражданского законодательства постсоветских государств.

Примечания

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 32 с.

² Проект Гражданского кодекса Союза ССР: Предварительный вариант / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. М., 1939. 261 с.; Проект Гражданского кодекса Союза ССР (второй предварительный вариант) / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ Союза ССР. М., 1940. 258 с.

³ Проект ГК СССР 1939 г. С. 2–3; Проект ГК СССР 1940 г. С. 2.

⁴ Закон СССР «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» от 11.02.1957 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 63.

⁵ Проект Гражданского кодекса Союза ССР. М.: Тип. «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», 1947. 164 с.

⁶ Проект Гражданского кодекса Союза Советских Социалистических Республик. М., 1948. 163 с.

⁷ Проект Гражданского кодекса Союза Советских Социалистических Республик. М., 1951. 191 с.

⁸ Проект Гражданского кодекса СССР 1947 г. С. 12.

⁹ Проект Гражданского кодекса СССР 1947 г. С. 1.

¹⁰ Основы гражданского законодательства Союза и союзных республик: утв. Законом СССР от 08.12.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

¹¹ Ст. 613 проекта 1947 г. и ст. 649 проекта 1948 г.

¹² Ст. 646 проекта 1939 г., ст. 618 проекта 1940 г., ст. 592 проекта 1947 г., ст. 628 проекта 1948 г., ст. 695 проекта 1951 г.

¹³ Ст. 647 проекта 1939 г., ст. 619 проекта 1940 г., ст. 593 проекта 1947 г., ст. 629 проекта 1948 г., ст. 696 проекта 1951 г.

¹⁴ Ст. 625 проекта 1939 г., ст. 596 проекта 1940 г., п. «б» ст. 581 проекта 1947 г., п. «а» ст. 616 проекта 1948 г., п. «а» ст. 685 проекта 1951 г.

¹⁵ Ст. 626 проекта 1939 г., ст. 597 проекта 1940 г., ст. 574 проекта 1947 г., ст. 609 проекта 1948 г., ст. 678 проекта 1951 г.

¹⁶ Ст. 626 проекта 1939 г., ст. 597 проекта 1940 г., п. «в» ст. 581 проекта 1947 г., п. «б» ст. 616 проекта 1948 г., п. «а» ст. 686 проекта 1951 г.

¹⁷ Ст. 629 проекта 1939 г., ст. 601 проекта 1940 г., п. «и» ст. 581 проекта 1947 г., п. «д» ст. 616 проекта 1948 г., п. «б» ст. 686 проекта 1951 г.

¹⁸ Ст. 633 проекта 1939 г., ст. 604 проекта 1940 г., п. «л» ст. 581 проекта 1947 г., п. «ж» ст. 616 проекта 1948 г. В п. «к» ст. 685 проекта 1951 г. было предусмотрено, что подобное использование чертежей, планов и проектов не требует выплаты авторского вознаграждения.

¹⁹ Ст. 636 проекта 1939 г., ст. 607 проекта 1940 г., п. «н» ст. 581 проекта 1947 г., п. «з» ст. 616 проекта 1948 г., п. «г» ст. 686 проекта 1951 г.

²⁰ Ст. 628 проекта 1939 г., ст. 600 проекта 1940 г., п. «в» ст. 581 проекта 1947 г., п. «б» ст. 616 проекта 1948 г., п. «е» ст. 685 проекта 1951 г.

²¹ Ст. 641 проекта 1939 г., ст. 611 проекта 1940 г., ст. 585 проекта 1947 г., ст. 690 проекта 1951 г.

²² Ст. 621 проекта 1948 г.

²³ Ст. 650 проекта 1939 г., ст. 621 проекта 1940 г.

²⁴ Ст. 650 проекта 1939 г., ст. 621 проекта 1940 г.

²⁵ Ст. 650 проекта 1939 г. ст. 622 проекта 1940 г.

²⁶ Ст. 607 проекта 1947 г., ст. 643 проекта 1948 г., ст. 708 проекта 1951 г.

²⁷ Ст. 608 проекта 1947 г., ст. 644 проекта 1948 г., ст. 709 проекта 1951 г.

²⁸ Ст. 639 проекта 1939 г., ст. 609 проекта 1940 г., ст. 583 проекта 1947 г., ст. 67, ст. 619 проекта 1948 г., ст. 688 проекта 1951 г.

²⁹ Ст. 640 проекта 1939 г., ст. 610 проекта 1940 г., ст. 584 проекта 1947 г., ст. 68, ст. 620 проекта 1948 г., ст. 689 проекта 1951 г.

³⁰ Комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатшан. СПб.: Изд. книжн. магазина «Законоведение», 1910. Т. 1. 1215 с.

Библиографический список

Братусь С.Н. 25 лет Гражданского кодекса РСФСР и некоторые проблемы разработки Гражданского кодекса СССР // Тезисы докладов V науч. конф., посвящ. тридцатилетию советского гос-ва и права, 4–10 дек. 1947 г. / Военно-юридическая академия Вооруженных сил СССР. М.: Изд. РИО ВЮА, 1947. С. 47–51.

Братусь С.Н. К десятилетию Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Правоведение. 1971. № 6. С. 7–10.

Венедиктов А.В. К проекту Гражданского кодекса СССР // Социалистическая законность. 1947. № 1. С. 7–11.

Венедиктов А.В. О системе гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 26–40.

Генкин Д.М. Содержание и система Гражданского кодекса СССР // Социалистическая законность. 1946. № 11–12. С. 30–34.

Райгородский Н.А. Проект Гражданского кодекса СССР и изобретательское право // Социалистическая законность. 1947. № 7. С. 7–10.

Сравнительные материалы к проекту Гражданского кодекса СССР. М.: Тип. «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», 1948. 324 с.

References

Bratus' S.N. *25 let Grazhdanskogo kodeksa RSFSR i nekotorye problemy razrabotki Grazhdanskogo kodeksa SSSR* [25 years of the RSFSR Civil Code and some problems in the development of the USSR Civil Code]. Tezisy dokladov V nauch. konf., posviash. tridsatiletiiu sovetskogo gosudarstva i prava, 4–10 dek. 1947 g., Voenno-iuridicheskaiia akademiia Vooruzhennykh sil SSSR. Moscow, RIO VYuA Publ., 1947, pp. 47–51. (In Russ.).

Bratus' S.N. *K desiatiletiiu Osnov grazhdanskogo zakonodatel'stva Soiuzu SSR i soiuznykh respublik* [To the tenth anniversary of the Basic of Civil Legislation of the USSR and the Union Republics]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1971, № 6, pp. 7–10. (In Russ.).

Venediktov A.V. *K projektu Grazhdanskogo kodeksa SSSR* [To the project of the Civil Code of the USSR]. *Sotsialisticheskaiia zakonnost'* [Socialist legality], 1947, № 1, pp. 7–11. (In Russ.).

Venediktov A.V. *O sisteme grazhdanskogo kodeksa SSSR* [On the system of the Civil Code of the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1954, № 2, pp. 26–40. (In Russ.).

Genkin D.M. *Soderzhanie i sistema Grazhdanskogo kodeksa SSSR* [Content and system of the Civil Code of the USSR]. *Sotsialisticheskaiia zakonnost'* [Socialist legality], 1946, № 11–12, pp. 30–34. (In Russ.).

Raigorodskii N.A. *Proekt Grazhdanskogo kodeksa SSSR i izobretatel'skoe pravo* [The project of the Civil Code of the USSR and Inventor's Law]. *Sotsialisticheskaiia zakonnost'* [Socialist legality], 1947, № 7, pp. 7–10. (In Russ.).

Sravnitel'nye materialy k projektu Grazhdanskogo kodeksa SSSR [Comparative material on the project of the Civil Code USSR.]. Moscow, Izvestii Sovetov deputatov trudiashchikhsia SSSR Publ., 1948, 324 p. (In Russ.).

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-243-248>
УДК 347.963

Бердинских Светлана Владимировна
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПО ЗАЩИТЕ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В статье рассматривается актуальная проблема определения пределов межфункционального комплексного ненадзорного направления деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). В соответствии с законодательством защита осуществляется прокурором во всех видах судопроизводства: конституционном, уголовном, гражданском, арбитражном, административном, включая производство по делам об административных правонарушениях. Точное определение пределов изучаемой деятельности прокурора необходимо для формирования единого подхода к оптимальной организации работы, реализации всех предоставленных прокурору полномочий и выбора адекватных средств прокурорского реагирования для осуществления эффективной защиты в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны ООПТ. Автором проанализированы положения федерального законодательства и организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации, имеющиеся в литературе точки зрения ученых на содержание внешних и внутренних пределов прокурорского надзора и ненадзорных направлений прокурорской деятельности. На основании проведенного исследования автором сформулированы выводы о пределах данной деятельности, предложен перечень оснований, при наличии которых защита публичного интереса осуществляется исключительно в судебном порядке.

Ключевые слова: прокурорская деятельность, пределы, судебная защита, публичный интерес, особо охраняемые природные территории, меры реагирования, целесообразность, недопустимость подмены.

Информация об авторе: Бердинских Светлана Владимировна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8168-3592>, прокурор Второго отдела (апелляционно-кассационного) (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге) апелляционно-кассационного управления Главного гражданско-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, младший советник юстиции, Генеральная прокуратура Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: berdinskix@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.08.2020

Для цитирования: Бердинских С.В. К вопросу о пределах деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 243-248. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-243-248>

Svetlana V. Berdinskikh
The St. Petersburg Institute (branch)
of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF THE LIMITS OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY FOR THE PROTECTION OF PUBLIC INTEREST IN THE SPHERE OF USE AND PROTECTION OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES IN COURT

The article deals with the topical problem of determining the limits of the cross-complex non-Supervisory direction of the Prosecutor's activity for the protection of public interest in the sphere of use and protection of specially protected natural territories (hereinafter – protected areas). In accordance with the law, protection is provided by the Prosecutor in all types of legal proceedings – constitutional, criminal, civil, arbitration, administrative, including proceedings on administrative offences. The precise definition of the limits of the Prosecutor's activity under study is necessary for the formation of a unified approach to the optimal organisation of work, the implementation of all the powers granted to the Prosecutor and the selection of adequate means of prosecutorial response for effective judicial protection of public interest in the use and protection of protected areas. The author analyses the provisions of Federal legislation and organisational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, scientists' points of view on the content of external and internal limits of Prosecutor's supervision and non-Supervisory areas of Prosecutor's activity, available in the literature. Based on the research, the author draws conclusions about the limits of this activity, and she offers a list of grounds on which the protection of public interest is carried out exclusively in court.

Keywords: Prosecutor's activity, limits, judicial protection, public interest, specially protected natural territories, response measures, expediency, impermissibility of substitution.

Information about the author: Svetlana V. Berdinskikh, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8168-3592>, Prosecutor of the Second Division (Appeal and Cassation) (with deployment in St. Petersburg) of the Appeals and Cassation Department

of the Main Civil Court Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, The Prosecutor General's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

E-mail: berdinskix@mail.ru

Article received: August 06, 2020

For citation: Berdinskikh S.V. On the issue of the limits of the prosecutor's activity for the protection of public interest in the sphere of use and protection of specially protected natural territories in court. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 243-248 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-243-248>

Защита прокурором в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий является межфункциональным комплексным ненадзорным направлением прокурорской деятельности. Защита осуществляется во всех видах судопроизводства: конституционном, уголовном, гражданском, административном, включая производство по делам об административных правонарушениях. Пределы осуществления полномочий прокурора в ненадзорных направлениях деятельности законодателем не предусмотрены.

Автором проанализированы подходы к пониманию пределов прокурорского надзора и участия прокуроров в рассмотрении дел судами.

Законом определено, что особо охраняемые природные территории (далее ООПТ) – участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, изъятые решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования, для которых установлен режим особой охраны¹. ООПТ являются объектами общенационального достояния, а их использование и охрана находятся под контролем государства и уполномоченных им органов.

От имени государства осуществление надзора за исполнением законов и защита публичного интереса возложены в том числе на органы прокуратуры Российской Федерации. Прокурорами проводятся проверки исполнения законов на поднадзорных объектах, при наличии оснований принимаются меры реагирования и осуществляется защита нарушенного публичного интереса в указанной сфере в судебном порядке.

В настоящее время в соответствии с федеральными нормативными правовыми актами прокурор вправе осуществлять защиту публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий в судебном порядке во всех видах судопроизводства, установленных ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации, что позволяет рассматривать ее как комплексное ненадзорное направление деятельности.

В ходе исследования указанной деятельности нами было проведено изучение истории ее становления и развития, в результате чего был сделан вывод о том, что изучаемое направление деятель-

ности прокурора является достаточно молодым, не имеющим длительного периода становления, ведущим отчет с конца XX века. Вероятно, по этой причине защите прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий в судебном порядке не посвящались монографические теоретические исследования и диссертации.

В связи с этим представляется важным точное определение возможности реализации прокурором полномочий в этом комплексном направлении и применения правовых средств, для чего надлежит в первую очередь составить представление о предмете и пределах деятельности прокурора.

Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) не содержит указания на предмет (предметы) деятельности прокурора ненадзорного характера. При определении содержания предмета деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ следует учитывать, что названная деятельность осуществляется во всех видах судопроизводства, а также рассматривать предмет как то, на что направлена деятельность прокурора.

Единый предмет деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ включает в себя предметы деятельности прокурора по защите публичных интересов в конкретных видах судопроизводства, особенности которых определяются Законом о прокуратуре и соответствующими процессуальными федеральными нормативными правовыми актами.

В соответствии с действующим законодательством деятельность суда не входит в предмет надзора за исполнением законов, предмет участия прокурора в рассмотрении дел судами.

На наш взгляд, единый предмет деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ включает в себя защиту публичного интереса в сфере использования и охраны ООПТ, соответствие законам действий (бездействия) и решений лиц, в том числе лиц, участвующих в деле, законность и обоснованность судебных постановлений в целях фактического устранения выявленных нарушений законодательства об ООПТ, возмещение вреда, обеспечение неотвратимости наказания виновных лиц.

Установление содержания предмета деятельности неразрывно связано с рассмотрением вопроса о ее пределах (границах).

Точное определение пределов изучаемой деятельности дополнит ее доктринальную основу, выступит необходимым базисом для обоснования полномочий прокурора, позволит сформулировать единые подходы к реализации полномочий прокурора во всех видах судопроизводства и обеспечить оптимальную организацию работы для осуществления эффективной защиты публичного интереса в сфере охраны и использования ООПТ в судебном порядке.

Для правильного разрешения вопроса о пределах деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ, которая зачастую, особенно в инициативной форме, является продолжением надзорной деятельности, необходимо проанализировать нормативно закрепленные положения и высказанные в научных публикациях точки зрения по определению содержания пределов прокурорского надзора за исполнением законов и пределов участия прокурора в рассмотрении дел судами.

Вопрос о пределах прокурорского надзора за исполнением законов до настоящего времени является дискуссионным, точное единое мнение не сформировано, однако имеется воспринятый многими авторами подход, к которому необходимо обратиться.

По устоявшемуся пониманию в теории прокурорской деятельности пределы надзора, то есть представления о должном, возможном и запрещенном, определяются следующими основными критериями: а) характером нормативных правовых актов, надзор за исполнением которых обеспечивают прокуроры; б) кругом объектов надзора за исполнением законов; в) объемом полномочий прокуроров, применяемых для выявления нарушений законов, их причин и способствующих им условий, устранения и предупреждения таких нарушений.

Статьями 21, 26 Закона о прокуратуре установлены такие требования к пределам прокурорского надзора, как недопустимость подмены иных государственных органов, должностных лиц, которые наделены компетенцией по контролю соблюдения прав и свобод человека и гражданина; проведение проверок на основании поступивших в органы прокуратуры сведений о нарушениях законов, требующих принятия мер; проведение проверок на основании соответствующих решений, для которых строго регламентированы порядок вынесения, основания, предмет, сроки; запрет на вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность организаций; установление исчерпывающего круга органов и должностных лиц – поднадзорных субъектов, в число которых не включаются физические лица.

Конечно, необходимость исключения подмены иных уполномоченных государственных органов и должностных лиц не вызывает сомнений, поскольку при дублировании функций органов контроля «прокуратура в ущерб имеющимся приоритетам растрчивает свой уникальный надзорный потенциал и безграничные организационно-штатные ресурсы на необоснованное вторжение в сферу компетенции специально уполномоченных органов контроля (надзора), начинает конкурировать с ними за выполнение не свойственных ей задач» [Проверка: 17].

Вместе с тем прокурорская практика свидетельствует о том, что органы прокуратуры в настоящее время являются таким органом государства, который повсеместно принимает действенные меры к устранению нарушений. В этой связи сохраняется научная дискуссия о компенсаторном характере деятельности прокуратуры. Так, по мнению одних ученых, прокуратура признается компенсатором в механизме государства, что находят не противоречащим принципу разделения властей [Артамонова: 6–7], и в сфере надзора за исполнением законов такая роль прокуратуры оценивается положительно [Казарина: 15], поскольку устраняются недочеты работы органов контроля.

Другие ученые полагают, что прокуратуре не присуща компенсаторная роль, такая ситуация является скорее исключительной и временной, необходимо постепенно замещать прокуратуру в конкретных сферах правоотношений создаваемыми органами контроля [Ашурбеков: 25].

На наш взгляд, в настоящее время с учетом роли прокуратуры в защите прав и свобод граждан, публичных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, в том числе в судебном порядке, вывод о возможности прекращения компенсаторной роли прокуратуры являлся бы преждевременным [Бердинских: 51].

Учеными Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации на основании действующего законодательства о прокуратуре, правовых позиций Конституционного суда РФ и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, анализа научной литературы [Проверка: 17] предложены критерии [Прокурорский надзор: 14], которыми необходимо руководствоваться в целях недопущения фактов подмены органами прокуратуры в своей деятельности иных государственных органов.

Защиту публичного интереса в судебном порядке в сфере использования и охраны ООПТ прокурор осуществляет, в частности, участвуя в рассмотрении судами в порядке пересмотра по жалобам лиц и по протестам прокурора возбужденных прокурором дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 8.39 КоАП РФ (Нарушение

правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях).

В соответствии со ст. 28.4 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 8.39 КоАП РФ, могут быть возбуждены как уполномоченными органами, так и прокурором.

В этой связи полагаем необходимым остановиться на таком критерии пределов деятельности прокурора, как возбуждение прокурором дела об административном правонарушении только в случае нереализации органами контроля полномочий по привлечению виновных лиц к ответственности.

Результаты анализа прокурорской и судебной практики свидетельствуют о наличии фактов волокиты уполномоченных органов при возбуждении дел об административных правонарушениях, в частности, предусмотренных ст. 8.39 КоАП РФ, что нашло отражение, например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2013 № 09АП-5902/2013 по делу № А40-135578/12-130-1315. Бездействие сотрудников органа контроля повлечет, как следствие, истечение сроков привлечения к административной ответственности и невозможность применения санкций за совершенное правонарушение.

Вместе с тем ст. 8.39 КоАП РФ единственная из всех норм КоАП РФ устанавливает административную ответственность за совершение правонарушений в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий. В этой связи с учетом компенсаторного характера деятельности прокуратуры, в целях обеспечения неотвратимости наказания виновных лиц в случае выявления прокурорами признаков состава административного правонарушения, необходимо в соответствии с полномочиями, предоставленными ст. 25 Закона о прокуратуре, ст. 25.11, 28.4 КоАП РФ, выносить постановления о возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 8.39 КоАП РФ, обеспечивая оперативность в пресечении нарушения.

Также мы соглашаемся с позицией о том, что при внесении актов реагирования необходимо оценивать возможные негативные последствия исполнения требований прокурора, акты реагирования не должны усложнять и разрушать существующие правоотношения [Бессарабов, Кузьменко, Ерофенко: 36; Прокурорский надзор: 14].

В настоящее время пределы осуществления полномочий прокурора в ненадзорных направлениях деятельности Законом о прокуратуре не предусмотрены. Публикации, в которых были бы отражены результаты исследования пределов осуществления полномочий прокурора в рамках темы настоящей статьи, с учетом доступных источников, нами не были выявлены.

Представляется уместным разграничить общие пределы участия прокурора в судопроизводстве

в защиту публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ на две группы – внешние и внутренние.

Внешние пределы участия прокурора в конституционном, уголовном, административном, гражданском судопроизводстве, включая производство по делам об административных правонарушениях, определяются согласно установленным законом во всех видах судопроизводства основаниям для обращения прокурора в суд, вступления в дело для дачи заключения или поддержания государственного обвинения и процессуальным полномочиям прокурора.

Внутренние пределы деятельности прокурора, участвующего в рассмотрении судами дел, определяются его компетенцией, которая определяется и реализуется в соответствии с должностью в органе прокуратуры и распоряжением (приказом) о распределении служебных обязанностей. Так, прокурор, участвующий в рассмотрении дел судами, не проверяет исполнение законов судебными приставами [Основные направления: 100].

Кроме этого, применительно к пределам участия в рассмотрении дел судами в инициативной форме, например, следует отметить различие в полномочиях по предъявленному заявлению (иску). Распорядительными полномочиями в данном случае наделяется то лицо, которое подписало заявление (иск). Такими правами наделяются только руководители органов прокуратуры и их заместители. В связи с этим участвующие в рассмотрении дел судами прокурорские работники не всегда вправе самостоятельно совершать те или иные действия, принимать решения в рамках судопроизводства по делу.

Следует отметить, что участие прокурора в конституционном судопроизводстве отличается от участия в иных видах судопроизводства, однако эта особенность не препятствует защите прокурором публичного интереса. Например, в соответствии с постановлением Конституционного суда РФ от 18.07.2003 № 13-П Генеральный прокурор Российской Федерации вправе инициировать проверку соответствия учредительных актов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации.

Приведенные результаты анализа нормативных правовых актов, существующих научных подходов, а также результаты обобщения правоприменительной практики позволяют обосновать следующие пределы деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий.

Исходя из требования единства организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации, учитывая, что защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных тер-

риторий во многом является продолжением надзорной, уместно применить пределы надзора за исполнением законов – как закрепленные нормативно, так и разработанные теорией прокурорской деятельности.

Внешними пределами деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ являются:

– предусмотренные процессуальным законодательством основания участия прокурора в рассмотрении дел судами в инициативной форме, путем вступления в процесс для дачи заключения и поддержания государственного обвинения,

– недопустимость подмены органов контроля (надзора) (при этом необходимо разграничивать случаи подмены и такие обстоятельства, когда в силу, например, бездействия уполномоченного органа и пр. прокурору надлежит принять меры к защите публичного интереса самостоятельно),

– целесообразность [Ергашев: 19; Коншунова: 88; Смирнов: 42] (уместность, рациональность) конкретного способа реагирования.

Уместность (целесообразность) применения тех или иных мер должна определяться с учетом оценки возможных негативных последствий исполнения требований прокурора, безусловной направленности мер реагирования не на разрушение существующих правоотношений, а на приведение их в соответствие с действующим законодательством.

Говоря об уместности при выборе способа реагирования, надлежит отметить, что защита публичного интереса в сфере использования и охраны ООПТ возможна исключительно в судебном порядке в случаях:

– оспаривания незаконных сделок (можно с уверенностью отметить, что при намерении исполнить сделку стороны не исполняют требования прокурора, указанные в представлении);

– невозможности принятия иных мер прокурорского реагирования (например, в случае совершения правонарушений физическими лицами, включая индивидуальных предпринимателей);

– принятия мер к возмещению вреда, причиненного окружающей среде (в случае отказа в его возмещении в добровольном порядке);

– инициирования привлечения лиц к гражданско-правовой и уголовной ответственности;

– необходимости принятия обеспечительных мер (например, в виде запрета продолжать противоправную деятельность на участке ООПТ).

Кроме того, обращение за судебной защитой требуется в случае отклонения актов прокурорского реагирования (представлений, протестов), принятых в досудебном порядке, при пересмотре принятых решений по делам об административных правонарушениях в судебном порядке.

Зная о таких особенностях защиты публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, при подведении итогов проверки и решении вопроса о принятии тех или иных мер надлежит ориентироваться на перспективу применения судебного порядка защиты, оперативно подготавливать необходимые заявления (иски) в суд и доказательства. В ситуации противоположного характера приоритетными будут досудебные меры.

Сформулированные нами выводы и предложения о пределах деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичного интереса в сфере использования и охраны ООПТ могут быть учтены в дальнейшей разработке теоретических основ деятельности прокурора, при подготовке федеральных нормативных правовых актов и ведомственных организационно-распорядительных актов Генеральной прокуратуры РФ, регулирующих деятельность органов прокуратуры в этой сфере, при формировании организационно-методических основ осуществления данной деятельности.

Примечания

¹ Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ: (в ред. 31 июля 2020 г. № 254-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

Список литературы

Артамонова Е.М. Защита прокурором прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004, С. 27.

Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 66.

Бердинских С.В. Проблемы защиты прокурором публичных интересов при нарушениях законодательства об особо охраняемых природных территориях // «Юриспруденция в России: история и современность»: материалы Первой молодежной междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2018. С. 51–56.

Бессарабов В.Г., Кузьменко В.Р., Ерофеенко Д.Л. Предмет, объект и пределы прокурорского надзора за соблюдением социальных прав человека и гражданина // Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан: сб. метод. материалов. М., 2013. С. 36.

Ергашев Е.Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 40

Казарина А.Х. Истоки и современное состояние общего надзора прокуратуры в сфере экономики //

Организация прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов: сборник научных трудов. М., 2003. С. 19–45.

Коришунова О.Н. Законность и целесообразность в организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации // Законы России: Опыт, Анализ, Практика. 2019. № 5. С. 88–93.

Основные направления прокурорской деятельности: учеб. пособие. СПб., 2011. С. 132.

Проверка прокурором исполнения законов: пособие / под общ. ред. Н.В. Субановой. М., 2015. С. 170.

Прокурорский надзор за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов и законностью правовых актов: учеб. пособие / И.И. Головкин, Э.Р. Исламова, Д.И. Плугарь. СПб., СПбЮИ (Ф) АГП РФ, 2017. С. 147.

Смирнов А.Ф. Принцип целесообразности в деятельности прокуратуры // Практика реализации судами и прокуратурой требований закона о защите прав участников экономической деятельности: сб. статей по материалам круглого стола, проведенного в рамках V Московского юрид. форума / под ред. Т.И. Отческой. Общество с ограниченной ответственностью «РГ-Пресс», 2018. С. 208–214.

References

Artamonova E.M. *Zashhita prokurorom prav i zakonnyh interesov neopredelennogo kruga lic v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Protection by the Prosecutor of the rights and legitimate interests of an indefinite number of persons in civil proceedings]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2004, 27 p. (In Russ.)

Ashurbekov T.A. *Pravovye i organizacionnye osnovy nadzornoj i inoj funkcional'noj dejatel'nosti prokuratury v sfere nacional'noj bezopasnosti* [Legal and organizational bases of Supervisory and other functional activities of the Prosecutor's office in the field of national security]: avtoref. dis. ... doct. jurid. nauk. Moscow, 2009, 66 p. (In Russ.)

Berdinskih S.V. *Problemy zashhity prokurorom publicnyh interesov pri narushenijah zakonodatel'stva ob osobo ohranjaemyh prirodnyh territorijah* [Problems of protection of public interests by the Prosecutor in cases of violations of legislation on specially protected natural territories]. *Jurisprudencija v Rossii: istorija i sovremennost'*. St. Petersburg, 2018, pp. 51–56. (In Russ.)

Bessarabov V.G., Kuz'menko V.R., Erofeenko D.L. *Predmet, obekt i predely prokurorskogo nadzora za sobljudeniem social'nyh prav cheloveka i grazhdanina* [Subject, object and limits of Prosecutor's supervision over the observance of social rights of a person and citizen]. *Prokurorskij nadzor za sobljudeniem social'nyh prav grazhdan*. Moscow, GP RF, AGP RF Publ., 2013, 36 p. (In Russ.)

Ergashev E.R. *Principy prokurorskogo nadzorno-ohranitel'nogo prava i ego institutov* [Principles of prosecutorial Supervisory and protective law and its institutions]: avtoref. dis. ... doct. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2008, 39 p. (In Russ.)

Kazarina A.H. *Istoki i sovremennoe sostojanie obshhego nadzora prokuratury v sfere jekonomiki* [Origins and current state of General supervision of the Prosecutor's office in the sphere of economy]. *Organizacija prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov i zakonnost'ju pravovyh aktov*. Moscow, 2003, pp. 19–45 (In Russ.)

Korshunova O.N. *Zakonnost' i celesoobraznost' v organizacii i dejatel'nosti prokuratury Rossijskoj Federacii* [Legality and expediency in the organization and activity of the Prosecutor's office of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2019, № 5, pp. 88–93. (In Russ.)

Osnovnye napravlenija prokurorskoj dejatel'nosti: uchebnoe posobie [The main directions of the activities of public prosecutors: a training manual]. The St. Petersburg, 2011, 132 p. (In Russ.)

Proverka prokurorom ispolnenija zakonov: posobie [Prosecutor's Check of law enforcement: manual], ed. by N.V. Subanovoj. Moscow, 2015, 170 p. (In Russ.)

Prokurorskij nadzor za sobljudeniem Konstitucii RF, ispolneniem zakonov i zakonnost'ju pravovyh aktov: uchebnoe posobie [Prosecutor's supervision of compliance with the Constitution of the Russian Federation, execution of laws and legality of legal acts: textbook], I.I. Golovko, Je.R. Islamova, D.I. Plugar'. St. Petersburg, SPBJul (f) AGP RF Publ., 2017, 147 p. (In Russ.)

Смирнов А.Ф. *Princip celesoobraznosti v dejatel'nosti prokuratury* [The principle of expediency in the Prosecutor's office]. *Praktika realizacii sudami i prokuraturoj trebovanij zakona o zashhite prav uchastnikov jekonomicheskoj dejatel'nosti*. Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «RG-Press» Publ., 2018, pp. 208–214. (In Russ.)

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-249-254>
УДК 347.97

Бахтеев Дмитрий Валерьевич
Уральский государственный юридический университет
Тарасова Людмила Валерьевна
Уральский государственный юридический университет

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РФ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-29-16001*

*«Комплексное исследование правовых, криминалистических и этических аспектов,
связанных с разработкой и функционированием систем искусственного интеллекта»*

Статья посвящена возможностям и проблемам применения систем искусственного интеллекта (ИИ) в арбитражных судах Российской Федерации: в аналитико-организационной работе, в работе по вынесению судебных решений, анализе и толковании норм права, контроле за принятием и исполнением судебных решений, в судебной экспертизе. В ходе исследования проанализирован зарубежный опыт применения систем искусственного интеллекта в судебных системах Великобритании, США, Нидерландов, выделены три основных направления применения ИИ в судопроизводстве. На основании практики применения систем ИИ, законодательства, принципов Европейской этической хартии использования ИИ в судебной и правоохранительной системах, прогнозов исследователей обозначены как ожидаемые положительные, так и возможные негативные последствия применения искусственного интеллекта в данной сфере. Вместе с тем, что применение ИИ в судопроизводстве способно оптимизировать работу судебной системы, способствовать пресечению предвзятого, субъективного отношения, коррупции и возможности судебной ошибки, выявлен ряд проблем и рисков. К ним относятся: соблюдение ИИ этических принципов, невозможность обеспечения прозрачности и проверяемости судебных решений, принимаемых системой искусственного интеллекта, отсутствия их законодательного закрепления и правомерности, защиты персональной информации. В заключении даны рекомендации по предотвращению негативного влияния внедрения систем ИИ в арбитражное судопроизводство.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), арбитражное судопроизводство, преимущества, угрозы, пути решения

Информация об авторах: Бахтеев Дмитрий Валерьевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: dmitry.bakhteev@gmail.com

Тарасова Людмила Валерьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2565-3206>, член научного коллектива, студент Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: tlv.arb@yandex.ru

Дата поступления статьи: 17.08.2020

Для цитирования: Бахтеев Д.В., Тарасова Л.В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 249-254. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-249-254>

Dmitriy V. Bakhteyev
The Urals State Law University
Lyudmila V. Tarasova
The Urals State Law University

THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COMMERCIAL COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PERSPECTIVES AND ISSUES

The study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16001

The article is devoted to the description of the main directions of artificial intelligence application in the Commercial courts of the Russian Federation – in analytical and organisational work, in the work on adjudication, analysis and interpretation of the rule of law, in control over the adoption and execution of court decisions, in forensic examination. The experience of using artificial intelligence systems in the judicial systems of the Great Britain, the USA, the Netherlands was analysed, and three main directions of using the AI in legal proceedings were distinguished. Based on the practice of using the AI systems, legislation, the principles of the European Ethical Charter for the use of the AI in judicial and law enforcement systems, researchers' forecasts, both the expected positive and possible negative consequences of the use of artificial intelligence in this area are indicated. Use of the AI in legal proceedings can optimise the work of the judicial system, contribute to the suppression of biased, subjective attitudes, corruption and the possibility of judicial error; and at the same time it causes some

problems and risks. These include the abundance of ethical principles by the AI, the impossibility of ensuring transparency and verifiability of court decisions made by the artificial intelligence system, the lack of legislative consolidation and legality, and the protection of personal information. In the conclusion, recommendations for prevention of the negative impact of the introduction of the AI systems into arbitration proceedings are given.

Keywords: artificial intelligence (AI), Commercial judicial proceeding, advantages, threats, solutions

Information about the authors: Dmitriy V. Bakhteyev, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Urals State Law University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: dmitry.bakhteyev@gmail.com

Lyudmila V. Tarasova, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2565-3206>, member of the research team, student of the Urals State Law University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: tlv.arb@yandex.ru

Article received: August 17, 2020

For citation: Bakhteyev D.V., Tarasova L.V. The application of artificial intelligence in commercial courts of the Russian Federation: perspectives and issues. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 4, pp. 249-254 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-249-254>

Н а сегодняшний день наиболее активно современные технологии внедряются в систему арбитражных судов России: применяются системы автоматизации процессов судопроизводства и делопроизводства, электронное распределение дел, АИС публикации судебных актов «Банк решений арбитражных судов» (БРАС), информационные сервисы «Картотека арбитражных дел», «Мобильная картотека», «Электронный страж», «Мой арбитр», используются возможности видеоконференц-связи [Лазарева: 88].

Следующим этапом, судя по мировым тенденциям, будет применение в деятельности арбитражных судов систем искусственного интеллекта (ИИ).

Интервью председателя Совета судей России В.В. Момотова на VI Московском юридическом форуме в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина также свидетельствуют в пользу этого утверждения. В.В. Момотов отметил, что суды планируют использовать блокчейн-технологии для формирования электронных дел, а системы искусственного интеллекта могут подключиться к рассмотрению бесспорных требований в порядке приказного производства: «Не исключается применение искусственного интеллекта при рассмотрении уже упоминавшихся бесспорных требований, прежде всего в приказном производстве, поскольку такая работа не связана с анализом правоотношений сторон и в большей степени носит технический характер».

Первые попытки применения ИИ в сфере права были предприняты в 1970-х гг. Сегодня в Великобритании ИИ даёт прогноз, на основании которого выносятся решения о возможности выпуска подозреваемых под залог, а в США ИИ используется при рассмотрении вопросов УДО и вероятности рецидива; системы, анализирующие материалы дела и дающие на этом основании прогноз судебного решения, находят всё более широкое применение в США, Великобритании, частично внедряются в Китае, Южной Корее и Японии. В 2010 г. в Нидерландах был учреждён первый частный онлайн-суд. В Федеральном суде Австралии нако-

плен большой опыт по внедрению и управлению электронными судебными документами, применяется eCourtroom – онлайн-зал судебного заседания.

В качестве базовых принципов использования ИИ в судебной системе можно принять 5 основополагающих принципов, закреплённых в Европейской этической хартии использования ИИ в судебной и правоохранительной системах (принята Европейской комиссией в декабре 2019 г.):

- принцип уважения фундаментальных прав (права на доступ к суду, на равенство сторон и состязательность, сохранение принципа верховенства закона и независимости судьи, «право на получение обоснования принятого с использованием ИИ решения вплоть до раскрытия используемых больших данных и применяемых алгоритмов их разработки» [Апостолова: 138]);

- принцип недискриминации («запрет осуществлять с применением ИИ обработку, классификацию, использование данных, приводящие к дискриминационным действиям» [Апостолова: 139]);

- принцип качества и безопасности («обработка судебных решений и иных судебных данных с применением сертифицированных технологий ИИ должна обеспечивать безопасное и эффективное осуществление правосудия в установленных законодательством рамках» [Апостолова: 138]);

- принцип относительной прозрачности (использование открытого исходного кода, доступных для внешнего изучения баз данных (датасетов) для обучения системы, доступность документации и понятные человеку алгоритмы нейронных сетей и результаты);

- принцип пользовательского контроля (право на получение данных, использование услуги по их обработке сертифицированной системой ИИ для определения обоснованности использования рекомендаций, предложенных ИИ, при принятии судебного решения).

М. Симажкевич отмечает, что потенциальная возможность применения ИИ в судопроизводстве в большей степени зависит «от особенностей системы права конкретной страны, так, например, в странах континентальной системы права при-

менение ИИ для анализа судебных актов не будет играть значимой роли» [Морхат 2019: 64].

Можно выделить четыре ключевых направления деятельности по внедрению ИИ в систему арбитражного судопроизводства:

1) создание ИИ-советника судьи (информационно-аналитическая поддержка), либо непосредственно электронного зала судебного заседания с ИИ-судьёй, либо ИИ-эксперта (позволяющего принимать более обоснованные решения, контроль за их исполнением и поиск в их структуре коррупционных и иных опасных факторов);

2) создание систем анализа и толкования норм права (автоматизированное исследование судебных решений для разрешения правовых проблем);

3) применение ИИ для проведения экспертиз правовых актов;

4) применение ИИ в делопроизводстве.

Внедрение ИИ в судопроизводство по первому направлению, в первую очередь, имеет целью снижение нагрузки на аппарат суда путём передачи ИИ отдельных направлений рутинной работы. Так, К. Фрей и М. Осборн, изучающие возможности автоматизации различных профессий вплоть до полной замены специалиста системой ИИ, для представителей профессий, связанных с судопроизводством, указывают следующие вероятности такой замены:

– судьи по делам гражданско-правового характера – 40 %;

– судьи по делам административно-правового характера – 64 %;

– секретари судебных заседаний – 50 %;

– иные служащие судов – 46 %.

Х. Накад-Вестстрат, Э. Джонглоуд, Х. ван ден Херик и А.Б. Салем указывают на следующие факторы, влияющие на успешность применения ИИ на практике: взвешенность рисков применения ИИ, «финансовые ресурсы, особенности законодательства и консервативность правовой культуры, которая обуславливает недоверие к применению новых технологий» [Морхат 2019: 64].

Ожидаемыми положительными изменениями по данному направлению, по мнению П.М. Морхата, являются:

– «автоматизация некоторых этапов арбитражного процесса;

– обеспечение доступа граждан к правосудию (ИИ как система информирования и поддержки заявителей);

– автоматизация процесса принятия решений (в будущем)» [Морхат 2019: 66].

Система ИИ при применении её для выполнения функций и полномочий судьи, по мнению ряда исследователей, обладает следующими преимуществами:

– неподверженность коррупции;

– отсутствие эмоций;

– способность строго соблюдать требования закона;

– способность учитывать больше факторов, быстрее обрабатывать информацию при вынесении решения, чем судья-человек;

– обеспечение широкого доступа населения к правосудию;

– большая эффективность (сокращение сроков на принятие решений или для получения информации);

– отсутствие возможности оказания административного давления.

Х. Накад-Вестстрат, Х. ван ден Херик, Э. Джонглоуд и А.Б. Салем выделяют следующие преимущества систем ИИ при выполнении ими функций судьи:

– высокая скорость работы;

– объективность, полная беспристрастность;

– отсутствие математических ошибок при расчётах присуждаемых сумм.

П.М. Морхат выделяет следующие функции по выявлению предвзятости/непредвзятости судьи, правосудности/неправосудности и ошибочности/безошибочности выносимых судьёй решений:

– «помощь в осуществлении процессуальных действий;

– содействие принятию выносимых судьёй решений;

– интеллектуальный мониторинг судебных ошибок и условий, содействующих судебным ошибкам» [Морхат 2019: 84];

– «оценка ИИ юридической и фактической обоснованности аргументов стороны, выдвигающей требование об отводе судьи» [Морхат 2017: 99–100].

В области информационно-документарного обеспечения арбитражного судопроизводства ИИ может применяться при:

– «автоматизированной классификации юридических документов, формировании и документарном ведении дел» [Миролюбова: 31];

– разработке проектов решений различных правовых проблем (обучение на основе баз данных) [Миролюбова: 31; Морхат 2017: 101];

– прогнозировании результата рассмотрения дела (один из действующих примеров – применение ИИ для прогнозирования результатов раздела имущества супругов при разводе в судах Великобритании) [Миролюбова: 30] и прогнозирование судебных решений (применяется Верховным судом США) [Миролюбова: 32];

– медиации [Морхат 2017: 99].

Применение ИИ при экспертной оценке правовых актов и судебных решений может осуществляться по следующим направлениям:

– предоставление экспертных оценок в рамках судебной экспертизы (применение ИИ в экспертных юридических системах, автоматизированных

системах поддержки правовых решений на основе ИИ, иных экспертных системах, в том числе используемых в самой судебной системе, так и назначаемых в сторонних организациях);

- выявление фактов, указывающих на возможное злоупотребление правом, намеренное затягивание судебного разбирательства, фальсификацию предоставленных материалов, то есть такого рода направление способствует оперативности и точности судебного разбирательства;

- содействие принятию решений по делам большого объёма, на основе неточной или недостаточной информации, требующих больших объёмов специфических знаний как в области юриспруденции, так и в иных дисциплинах.

Вместе с тем процесс интеграции систем искусственного интеллекта в арбитражное судопроизводство осложнён комплексом как реальных, так и потенциальных рисков, к которым относятся:

- снижение уровня профессионализма сотрудников судебных органов, применяющих автоматизированные информационные системы, в том числе и на основе ИИ в качестве советника;

- опасность некорректного обучения, программирования системы ИИ, вносимых в неё данных, в результате которого ошибки и искажения человека-разработчика могут быть ретранслированы и на решения, принимаемые системой;

- применение ИИ в судопроизводстве (особенно вместо судей) может привести к дегуманизации правосудия [Морхат 2018: 329]: общество может негативно воспринимать такие решения и в отдельных случаях требовать участия судьи-человека;

- полное вытеснение системами ИИ судей;

- «усмотрение» ИИ (в отличие от усмотрения судьи-человека) приведёт к формализованным решениям, из-за чего ИИ не будет применяться потенциальными пользователями;

- наличие большого числа оснований для обжалования судебных решений, выносимых при участии ИИ, при вероятной невозможности проверки детального механизма принятия решения (современные системы ИИ на основе искусственных нейронных сетей по сути представляют непознаваемую по структуре систему);

- зависимость судей и лиц, участвующих в деле, от заранее сделанных прогнозов относительно итогов процесса, основанных исключительно на объективных статистических расчетах, что, с одной стороны, приводит к единству правосудия, но такие решения больше основаны на аналогии, а не на скрупулёзном изучении материалов дела;

- невозможность обеспечения понимания ИИ юридических норм и принципов (таких как применение аналогии, умение толкования текста в соответствии с определёнными принципами).

Последняя проблема относится в большей степени к возможности применения ИИ в рабо-

те с материальными нормами права. Что касается применения ИИ в ситуациях, требующих соблюдения процессуально-правовых норм, то, согласно сформированной к настоящему времени позиции, в этом направлении он может превзойти человека.

Отдельно можно отметить проблему, связанную с опытом внедрения первого «цифрового судьи» в «электронном суде» Нидерландов. Она связана с отсутствием законодательного закрепления правового статуса такого судьи. Практика складывается следующим образом: «цифровой судья» принимает решение от лица судьи-человека, а задачей судьи-человека является проверка при наличии возражения сторон о законности либо правомерности вынесенных «цифровым судьёй» решений.

Д. Гарсия выделил следующие правовые проблемы, связанные с применением систем ИИ в юридической практике:

- обеспечение конфиденциальности личной информации;

- отсутствие законодательного закрепления и регулирования возможности их применения;

- отсутствие механизмов, обеспечивающих соблюдение системой ИИ этических принципов.

Следует также добавить, что наиболее сходные с человеческим мышлением системы искусственного интеллекта, функционирующие на основе машинного обучения, характеризуются отсутствием такой важной для судопроизводства характеристики, как прозрачность. Если принятие большого количества решений может быть оценено статистически, то отдельное решение, по сути, не может быть исследовано на предмет корректности его логики. Однако в этом случае всегда остаётся возможность изучения материалов дела судьёй.

Таким образом, при применении ИИ в качестве советника/эксперта/судьи необходимо предусмотреть возможность:

- обжалования решения ИИ у судьи-человека;

- предотвращения неправильной настройки как обучения, так и функционирования системы;

- соблюдения принципов справедливости и разумности, возможности применения ИИ аналогии права и закона;

- «выработки и законодательного закрепления обязательных технологических требований к созданию и сертификации систем ИИ» [Апостолова: 137];

- «закрепления обязанности постановки систем ИИ на учёт в специальном реестре» [Апостолова: 137];

- создания надёжной системы защиты, не позволяющей воздействовать на принимаемые ИИ решения извне;

- решения проблем уязвимости ИИ (технические неполадки и зависимость от внешних ресурсов).

В судебной экспертизе для арбитражных судов наиболее перспективным направлением приме-

нения ИИ является почерковедческая экспертиза и экспертиза документов на предмет подлога. Анализ судебной практики российских арбитражных судов свидетельствует о том, что при рассмотрении дел, в которых оспаривается подлинность подписи, применяется программа ОКО-1 для определения, достаточно ли информативна представленная подпись, чтобы сделать вывод о её принадлежности или непринадлежности определённому лицу. Право решения о применении данной программы предоставлено эксперту и никак нормативно не урегулировано. Наиболее перспективным направлением, по нашему мнению, является экспертиза формальных процедур процессуального характера: соблюдение процессуальных сроков, регламента, недопущение ошибок и опечаток в текстах судебных решений. При использовании ИИ в экспертизе необходимо решить вопросы о законодательном закреплении правового положения ИИ в судебной экспертизе, основаниях его применения и определения «допустимой погрешности», за пределами которой необходимо привлечение эксперта-человека.

Системы ИИ в делопроизводстве помогут оптимизировать работу аппарата суда на любом этапе судопроизводства. На сегодняшний день рутинная, монотонная, но важная работа – сортировка бумаг, формирование дел и повесток, распечатка копий, оформление и отправка корреспонденции, поиск дел для приобщения новых документов – ложится непомерным грузом на плечи работников суда. Р.С. Поскряков предлагает идею об использовании промышленных технологий, а именно роботов *Вахтер* и *Sawyer*, для решения не только вышеперечисленных рутинных задач, но и в формировании документов по определённому шаблону, переписке с другими государственными органами без участия человека, а также при сортировке дел по заданным основаниям и их доставке.

На сегодняшний день в научном и практическом сообществах идея продолжения автоматизации судопроизводства находит всё увеличивающееся подкрепление. Однако для полноценной реализации систем искусственного интеллекта, в том числе в правовых областях человеческой деятельности, следует свести к необходимому минимуму возможные негативные последствия такой интеграции, что, в свою очередь, ставит перед современной юридической наукой задачу изучения не только правовых, но и технологических основ систем искусственного интеллекта.

Список литературы

Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 135–141.

Закиров Р.Ф. Использование современных ИТ-технологий как средство достижения основных

задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 211–219.

Интервью с председателем Совета судей России Виктором Момотовым на VI Московском юридическом форуме в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина // Российская газета. Столичный выпуск. 2019. 5 апреля.

Лазарева И.В. Актуальные вопросы развития электронного судопроизводства в России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 4. С. 86–95.

Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2018. 416 с.

Мирюлюбова С.Ю. Перспективы использования искусственного интеллекта в правосудии и вопросы правового регулирования в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 5. С. 30–38.

Морхам П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

Морхам П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

Морхам П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 61–85.

Серікұлы А. Как искусственный интеллект меняет юридическую профессию и чем это грозит юристам // Forbes. Kazakhstan, 2019. 14 августа. URL: https://forbes.kz/process/technologies/kak_iskusstvennyiy_intellekt_menyaet_yuridicheskuyu_professiyu_i_chem_eto_grozit_yuristam (дата обращения: 14.02.2020).

Frey C.B. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization, C.B. Frey, M.A. Osborne. Oxford, UK, University of Oxford, 2013. P. 28. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

Garcia D. Preparing for Artificial Intelligence in the Legal Profession. Lexis Practice Advisor Journal. 2017. URL: <https://www.lexisnexis.com/lexis-practice-advisor/the-journal/b/1pa/archive/2017/06/07/preparing-for-artificial-intelligence-in-the-legal-profession.aspx> (дата обращения: 07.02.2020).

References

Apostolova N.N. *Iskusstvennyy intellekt v sudoproizvodstve* [Artificial intelligence in legal proceeding]. *Severo-Kavkazskiy juridicheskij vestnik* [North-Caucasian legal bulletin.], 2019, № 3, pp. 135–141. (In Russ.)

Zakirov R.F. *Ispol'zovanie sovremennyh IT-technologij kak sredstvo dostizhenija osnovnyh zadach sudoproizvodstva* [The use of modern IT-technologies

as a means of achieving the main objectives of legal proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa* [Civil Procedure Bulletin], 2018, № 1, p. 211–219. (In Russ.)

Interv'ju s predsedatelem Soveta sudej Rossii Viktorom Momotovym na VI Moskovskom juridicheskom forume v Moskovskom gosudarstvennom juridicheskom universitete imeni O.E. Kutafina [Interview with Viktor Momotov the Chairman of the Council of Judges of Russia at the VI Moscow Legal Forum at the Moscow State Law University]. *Rossijskaja gazeta. Stolichnyj vypusk* [Russian newspaper. Capital release], 2019, April 5. (In Russ.)

Lazareva I.V. *Aktual'nye voprosy razvitija jelektronogo sudoproizvodstva v Rossii* [The main issues of the development of electronic legal proceedings in Russia]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in Dalniy Vostok], 2012, № 4, pp. 86–95. (In Russ.)

Larina E.S., Ovchinskij V.S. *Iskusstvennyj intellekt. Bol'shie dannye. Prestupnost'* [Artificial Intelligence. Big data. Crime]. Moscow, *Knizhnyj mir Publ.*, 2018, 416 p. (In Russ.)

Miroljubova S.Ju. *Perspektivy ispol'zovanija iskusstvennogo intellekta v pravosudii i voprosy pravovogo regulirovanija v Rossijskoj Federacii* [Prospects for the use of artificial intelligence in justice

and issues of legal regulation in Russian Federation]. *Zhurnal konstitucionnogo pravosudija* [Constitutional Justice Magazine], 2019, № 5, pp. 30–38. (In Russ.)

Morhat P.M. *Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzgljad* [Artificial intelligence: a legal view]. Moscow, *Buki Vedi Publ.*, 2017, 257 p. (In Russ.)

Morhat P.M. *Pravosubektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: DSc thesis, summary]. Moscow, 2018, 420 p. (In Russ.)

Morhat P.M. *Primenenie iskusstvennogo intellekta v sudebnom processe* [The use of artificial intelligence in the judicial proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa* [Bulletin of civil procedure], 2019, № 3, pp. 61–85. (In Russ.)

Serikuly A. *Kak iskusstvennyj intellekt menjaet juridicheskuyu professiju i chem jeto grozit juristam* [How artificial intelligence is changing the legal profession and how it threatens lawyers]. *Forbes. Kazakhstan*, 2019, August 14. URL: https://forbes.kz/process/technologies/kak_iskusstvennyiy_intellekt_menyaet_yuridicheskuyu_professiyu_i_chem_eto_grozit_yuristam (access date: 14.02.2020). (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-255-259>
УДК 821.161.1.09"19"

Мосалева Галина Владимировна
Удмуртский государственный университет

ДЕРЖАВНАЯ ТРАДИЦИЯ И ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII–XIX ВВ.¹

Работа представляет собой обзор Международной конференции, прошедшей в ИМЛИ РАН в октябре 2020 г. Автор анализирует структуру конференции, состав ее участников, особенности ее проведения в режиме онлайн; проблематику докладов, прозвучавших на разных секциях, новые подходы и концепции, пересматривающие и оспаривающие негативное восприятие, идеологемы и стереотипы в отношении российской государственности. В обзоре обращается внимание на актуальность и перспективу дальнейшего развития заявленной на конференции проблематики.

Ключевые слова: аксиология русской литературы, национальная государственность, XVIII–XIX вв., писатель и власть, православная миссия государства, державная традиция

Информация об авторе: Мосалева Галина Владимировна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия

E-mail: mosalevagv@yandex.ru

Дата поступления статьи: 02.11.2020

Для цитирования: Мосалева Г.В. Державная традиция и духовное измерение российской государственности в русской литературе XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 255–259. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-255-259>

Galina V. Mosalyova
Udmurt State University

SOVEREIGN TRADITION AND SPIRITUAL DIMENSION OF RUSSIAN STATEHOOD IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH–19TH CENTURIES

The work is an overview of the International Conference held at the IMLI RAS in October 2020. The author analyses the structure of the conference, the composition of its participants, and the specifics of its online conduct; the problems of the reports presented at different sections, new approaches and concepts that revise and challenge negative perceptions, ideologemes and stereotypes in relation to Russian statehood. The review draws attention to topicality and prospects of further development of the problems stated at the conference.

Keywords: axiology of Russian literature, Russian national sovereignty, 18th–19th centuries, writer and power, Orthodox mission of state, sovereign tradition

Information about the author: Galina V. Mosalyova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>, Doctor of Philological Sciences, Professor of Udmurt State University, Izhevsk, Udmurtia autonomy, Russia

E-mail: mosalevagv@yandex.ru

Article received: November 11, 2020

For citation: Mosalyova G.V. Sovereign tradition and spiritual dimension of Russian statehood in Russian literature of the 18th–19th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 255–259 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-255-259>

¹ Рецензия-обзор на Международную научную конференцию: «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.» (13–15 октября 2020, Москва, ИМЛИ РАН) на платформе Zoom.

13–15 октября 2020 г. в ИМЛИ РАН состоялась Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.», ставшая знаковым событием в жизни отечественного литературоведения.

К конференции вышли тезисы с подзаголовком «К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 300-летию провозглашения Российской империи». К сожалению, в программе конференции данный подзаголовок не фигурировал, но его исторический посыл связал два века существования государства, народа и его культуры.

Проблематика конференции, посвященная диалогу русской литературы и государственности на протяжении двух веков, казалось, могла бы привлечь внимание средств массовой информации и транслироваться по Первому Всероссийскому каналу или по каналу Культура, о чем, кстати, говорили ее участники – представители многочисленных российских и зарубежных вузов и исследовательских институтов уже на Заключительном заседании. Из 71 участников конференции 22 – представители академической науки из Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Иванова, Костромы, Твери, Ульяновска, Ярославля, Ижевска, 6 – ученые из Сербии, Азербайджана, Польши, Черногории.

Конференция получилась живая, интересная, эмоциональная, серьезная, подлинная, несмотря на формат онлайн и сопутствующие ему технические помехи. Чтобы минимизировать их, хорошо было бы закрепить за каждой секцией сопровождающего модератора, который бы устранял возникающие в процессе работы проблемы технического характера. Допустим, когда участник конференции неожиданно «уходил» из режима онлайн из-за технических помех, стоило бы передавать эстафету другому участнику, а не дожидаться неведомого времени его появления. Кстати, в дальнейшем руководители некоторых секций брали на себя функции модераторов и успешно с ними справлялись, как, к примеру, Ольга Сергеевна Кругликова (к.ф.н., Санкт-Петербургский университет), ведущая секции «*Державная традиция и революция в творчестве русских писателей*». По ходу работы секции она подсказывала решения возникающих технических сложностей, замечательно вела саму секцию, проявляя интерес к каждому докладу и задавая вопросы. В рамках своей секции О.С. Кругликова выступила с интересным и содержательным докладом «Эволюция образа Петра Великого в публицистике А.И. Герцена».

Конференция началась с Пленарного заседания, на котором прозвучали 7 докладов, тематически связанных с широким культурным, историческим и мировоззренческим контекстом.

Конференцию открыл доклад Питирима (Творогова), епископа Звенигородского «Мысль державная в проповедях свт. Феофана, Затворника Вышенско-

го». Доклад владыки Питирима – это отрадное свидетельство возвращения церковного слова в сферу академической науки и светского образования, не так давно насильственно и искусственно изгнанного из нее. Изучив гомилетические сочинения свт. Феофана Затворника, владыка Питирим показал, что святитель, основными темами проповедей которого были «богоизбранность государевой власти, роль народа в жизни Отечества», хорошо знал «современную ему эпоху с ее духовно-нравственными проблемами»; он был убежден, что «вера и благочестие лежат в основе благополучия народа».

Вслед за владыкой Питиримом с докладом «Государственническая и геополитическая мысль в русской литературе и публицистике XI–XIX вв.» выступил Владимир Алексеевич Котельников (д.ф.н., ИРЛИ РАН). В своем докладе он проследил появление и развитие темы национальной государственности от «Слова о Законе и Благодати» до творчества К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского. В качестве важного этапа развития этой темы В.А. Котельников назвал послание старца Филофея (XVI в.) с идеей «Москва – третий Рим», воплощающей модель христианского мироустройства. Представление о России как имперском универсальном царстве, управляемом монархом – «богоподобным человеком» (Петром I), В.А. Котельников рассмотрел на примере творчества Ф. Прокоповича и Г.Р. Державина, а «движение» к «новому взгляду» на Россию, обосновывающему ее роль на европейской арене, увидел в творчестве А.С. Пушкина. «Проекцию будущего России» как «последнего царства», «православной русской державы» В.А. Котельников обнаружил в «Русской географии» Тютчева. Вместе с тем докладчик отметил как «идеалистичность» русских писателей, ценящих более не «прагматические цели государства», а «религиозные и нравственные ценности», так и на другом полюсе – «индифферентное» и «негативистское отношение ко всем аспектам русского этатизма».

Новым в докладе «Творчество А.С. Пушкина как державное служение» руководителя и главного организатора конференции Александра Вадимовича Гулина (д.ф.н., ИМЛИ РАН) явилось развитие мысли об органической связи творчества Пушкина и державного служения, проявляющейся уже в ранний период. Проясняющими «государственную картину мира» были для Пушкина, как выявил А.В. Гулин, русская победа 1812 г. и «наполеоновский реванш» друзей-декабристов. По убеждению докладчика, открытие поэтом национальной истории произошло не эволюционно, а «внезапно», в пору работы над «Борисом Годуновым» – «прозрением Святой Руси». Именно с этого времени можно говорить об «освобождении от либеральных идей», о «прорыве» национальной и государственной мысли поэта.

Как и в двух предыдущих докладах, в выступлении В.Н. Захарова (д.ф.н., Петрозаводский Государственный университет) «Имперская идея Ф.М. Достоевского» государственная мысль писателя была рассмотрена в контексте большого времени и творчества. По мысли В.Н. Захарова, Достоевский в своих ранних произведениях еще указывает на конфликт между личностью и государством, а уже после каторги, где писатель пережил «перерождение убеждений», он видит «спасение в авторитете власти». Выражением новых убеждений писателя стали, как проясняет их В.Н. Захаров, патриотические стихотворения Достоевского 1854–1856 гг. (нужно отметить, что стихотворения Достоевского чрезвычайно редко становятся предметом научной рецепции), почвенническая программа журналов «Время», «Эпоха», еженедельника «Гражданин», идеи «Дневника Писателя». Сущность имперской идеи Достоевского, прояснил В.Н. Захаров, состоит в Православии и «назначении русского народа»: «явить миру божественный образ Христа во всей чистоте».

В докладе «Образ Государства Российского в русской литературе XVIII в.: некоторые парафразические параллели» Иван Андреевич Есаулов (д.ф.н., Литературный институт им. А.М. Горького) обозначил «позитивное отношение к русской земле, к стране» отечественной словесности еще с ее домосковского периода, с «осознания православной миссии государства». Ссылаясь на «Слово о Законе и Благодати», И.А. Есаулов подчеркнул «духовную установку» на преображение Русской земли, вследствие обретения «веры благодатной», явившуюся «магистральной для формирования идеала государства и его осмысления в русской литературе», приводя выразительную цитату из Илариона: «уже не капище сатанинское городим, но Христовы церкви зиждем». Вместе с тем, по мысли И.А. Есаулова, в исследованиях советского, революционно-демократического, либерального направлений наблюдается разрыв между аксиологией предмета исследования и самих исследователей, тенденциозно оценивающих взаимоотношения русских писателей с Государством Российским, конструируя его образ в негативном ключе вне понимания его «высокой заданности», обозначенной Иларионом. Обобщая опыт воплощения образа Государства Российского в литературе XVIII в., И.А. Есаулов высказался о создании ею «высокого, грозного, но весьма позитивного образа». Для его корректного истолкования И.А. Есаулов предложил концепцию парафразиса, «тотального» присутствующего в литературе XVIII в.

В докладе «Гоголь как политический мыслитель» Владимир Алексеевич Воропаев (д.ф.н., МГУ им. М.В. Ломоносова) согласился с мнением В.В. Зеньковского о недооцененности Гоголя как политического мыслителя, апеллируя к статье Го-

голя «О преподавании всеобщей истории» (1835) и «Выбранным местам из переписки с друзьями» (1847). «Гоголевская апология России», как определил В.А. Воропаев, «опирается не на внешние благоустройства, а на духовные устои национального характера». В связи с чем «для Гоголя понятие христианства выше цивилизации». Взгляды Гоголя В.А. Воропаев сближает с воззрениями Карамзина и славянофилов, отмечая, что мысли Гоголя «о губительности для человека прогресса и цивилизации» предвзвешают «К.Н. Леонтьева и богословов XX века».

Завершил Пленарное заседание доклад «Совокупность всех сил русской жизни» (И.А. Гончаров о сильной России) Владимира Ивановича Мельника (д.ф.н., независимый исследователь, г. Москва).

В своем выступлении В.И. Мельник развил тезис о чуждости Гончарова «славянофильской и западнической идеологии». Одной из причин отставания от Европы Гончаров, по мнению В.И. Мельника, считал «разрозненность национальных сил», а «основой национального единства» – язык. Причину «национальной разладности», как показал в своем докладе В.И. Мельник, Гончаров видел в «элите» русского общества, тогда как основой «сильной России», по мысли классика, является православная вера, «часовня над обрывом».

В каждом из докладов был продемонстрирован высокий уровень филологического мастерства, интеллектуальной и гражданской заинтересованности проблематикой исследования. К сожалению, после докладов не прозвучали вопросы. Скорее всего, сработал «коварный» фактор времени. Доклады располагали к их серьезному и неспешному обсуждению, а в условиях онлайн это, пожалуй, было проблематично.

Затем началась работа секций. Всего за три дня конференции состоялись заседания 9 секций. И названия секций, и докладов на них, как это было и на Пленарном, свидетельствовали об освобождении отечественного литературоведения от советских штампов и клише, от негативной и тенденциозной мифологии в отношении образа Государства Российского.

За Пленарным заседанием в этот же день одновременно в разных аккаунтах началась работа двух секций. Секция «Христианский государственный идеал и аксиология русской литературы» открылась докладом «Исторические истоки государственной доктрины “Православие. Самодержавие. Народность”» Александра Николаевича Ужанкова (д.ф.н., Московский государственный институт культуры). Докладчик представил полную картину истоков формирования государственной доктрины, начиная с Киевского периода русской книжности, затем через Московскую средневековую Русь до времени создания в XVIII–XIX вв. образа «Нового Рима» – Санкт-Петербурга как столицы «новой

светской империи» России. Именно с этого времени, как заключил в своем докладе А.Н. Ужанков, Россию «стараясь переформатировать на западный образец, поменять ее культурный код». Возвращение к истокам начинается с эпохи романтизма, с открытия им «русской истории», в результате чего возрождается «Русская идея», присущая как Киевской, так и Московской Руси, но обретающая «новую словесную форму». Юлия Николаевна Сытина (к.ф.н., Московский государственный областной университет) в докладе «Об основах государственности в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина» убедительно оспаривает представление некоторых исследователей (довольно авторитетных) о «подмене» Карамзиным «церковного пафоса» в «Истории Государства Российского» патриотическим и эстетическим. Ключевая мысль ее доклада такова: Православие является у Карамзина «абсолютной категорией», «основой государственности» и залогом «величия России».

Интересный доклад с опорой как на авторскую художественную литературу, так и на устное народное творчество представил Юрий Владимирович Лебедев (д.ф.н., Костромской государственный университет), обратившись к изучению укорененности монархического инстинкта в русском национальном сознании. Весомые результаты изучения «законодательной базы» в творчестве Гоголя, характеризующие писателя как государственного мыслителя, продемонстрировал в своем выступлении Игорь Алексеевич Виноградов (д.ф.н., ИМЛИ РАН).

Свою работу конференция продолжила в последующие два дня. Остановимся на некоторых докладах, представленных на различных секциях. Церковной ветви русской словесности на конференции была посвящена целая секция «Теория государственности в творениях духовных писателей XVIII–XIX вв.». На ней прозвучали несколько докладов, посвященных свт. Феофану. В докладе «Затвор свт. Феофана как иное служение» Марина Ивановна Щербакова (д.ф.н., ИМЛИ РАН) указала на разнообразие жанрового состава наследия святителя Феофана (экзегетические и аскетические сочинения, гомилии, переводы, публицистика, письма) и обозначила разные формы служения свт. Феофана в затворе: молитву, службу в келейной церкви и книжничество. Актуальные для сегодняшнего дня мысли свт. Феофана Затворника о духовных основах государственности представлены в докладе В.В. Кашириной (д.ф.н., Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова). Как показывает В.В. Каширина, Святитель во всех своих проповедях утверждал мысль о первенстве святой веры, духовной жизни в любой созидательной деятельности, в том числе и общественной, приводя актуальную и для нашего времени цитату: «бич народа и окончательный подрыв

всех основ его благоденствия – охлаждение духа ревности ко св. вере и богоугодной жизни».

И вот что важно: все выступающие отмечали, что представители обеих ветвей словесности, церковной и светской, являлись в своих убеждениях твердой опорой русской государственности, а во все не ее честолюбивыми ниспровергателями, готовившими почву для революции. Это лишний раз убеждает, что наша словесность, светская и церковная, на самом деле едина.

Одним из сильных впечатлений на конференции, на наш взгляд, стали доклады на секции «*Правители России и русская литература XVIII–XIX вв.*». Еще, пожалуй, лет 10–20 назад невозможно было бы представить конференцию с подобным названием секции вне критической или даже сатирической подачи материала. Одним из ярких докладов на секции стал доклад Виктора Андреевича Кожевникова (ст. науч. сотр. ИМЛИ РАН). «“Учуся в Истине блаженство находить...”». Пушкин и Александр I». Докладчик опровергает мнение советских пушкинистов о революционных устремлениях Пушкина, приводя суждение о нем как стороннике конституционной монархии. Изменение во взглядах Поэта на царя, по наблюдениям В.А. Кожевникова, происходит после 1825 г. Докладчик предлагает пересмотреть посвящение эпитафии «К бюсту завоевателя», ошибочно связываемой советскими комментаторами с Александром I. В качестве основания для пересмотра В.А. Кожевников называет автограф, опубликованный Л.М. Гофманом в 1824 г. с вариантами названий «Бюст Наполеонов», «Кумир Наполеонов». Не все в правлении царей нравилось Пушкину, подытожил В.А. Кожевников, но Поэт «верил в неколебимую славу России и ее великое предназначение».

Новое видение взаимоотношений государя и народа представлено в докладе Валерии Геннадьевны Андреевой (д.ф.н., ИМЛИ РАН) «Образ императора в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». Не идеализируя царя, показывая его как человека с присущими ему «малозначащими действиями», Толстой, тем не менее, отражает «глубинную связь царя и православного народа». Замечателен по многообразию литературного материала и его подаче доклад «Образы правителей России в творчестве А.К. Толстого» Алексея Владимировича Федорова (д.ф.н., издательство «Русское слово»). Информативным и иллюстративным был доклад Елены Сергеевны Сониной (к.ф.н., Санкт-Петербургский государственный университет) «Точка невозврата: почвенники о реформах Петра Великого».

Хочется надеяться, что опробованная проблематика конференции явится жизнестойким ростком, из которого произрастет целая новая область научных исследований, одно или даже несколько направлений. По единодушному высказыванию

участников конференции, стоит начать хотя бы с продолжения ее работы, с выпуска вслед за ее тезисами монографии. Практически все участники конференции выступали не с частными выводами, а с обобщением результатов своих многолетних фундаментальных исследований, интересных не только узкому кругу специалистов-филологов, но и самой широкой общественности и не в последнюю очередь чиновникам-государственникам.

Ученые-гуманитарии, связанные работой со своими университетами и исследовательскими институтами, говорили о России сегодняшней, о катастрофе, происходящей с высшей школой, тотальном сокращении часов и ставок по русской литературе в вузах Российской Федерации, особенно в провинции. Как сообщила одна из участниц, из 15 ставок на их кафедре в одном из провинциальных вузов России осталось 1,5 ставки. А ведь русская литература, как показала конференция, деятельная и созидательная строительница, духовная опора основ справедливой государственности. Однако для всех очевидно разрушение этой опоры. Необходимость исправления этой ситуации на государственном уровне настолько очевидна, что сама конференция явилась как отрадным явлением, так и сигналом бедствия на общенародном государственном корабле.

Если такими темпами наше образование будет разрушаться и дальше, то уже скоро некому будет учить русской литературе, а значит, и всему доброму, вечному. Этой теме была посвящена лишь часть разговора на Заключительном общем заседании, когда всем не хотелось расходиться или, точнее, отключаться от *зума*. Может быть, еще и потому, что наша русская классика, освобожденная от советской атеистической и антигосударственной мифологии, учит неистребимому духу свободы, жертвенной и деятельной любви, созиданию и сотворчеству.

Список литературы

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь как политический мыслитель // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 74–85. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85>.

Тарасов Б.Л. Понятия «христианской империи» в историософии Ф.И. Тютчева // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 94–103. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-94-103>.

Гулин А. В. Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.»: замысел, итоги и перспективы // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 260–271. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-260-271>.

References

Voropaev V.A. N.V. Gogol' kak politicheskii myslitel' [Nikolai Gogol as a political thinker]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics]. 2020, vol. 2, № 4, pp. 74–85. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-74-85> (In Russ.).

Tarasov B.L. Poniatiia "khristsianskoi imperii" v istoriosofii F.I. Tiutcheva [The concept of "Christian empire" in the historiography of Fyodor Tyutchev]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics]. 2020, vol. 2, № 4, pp. 94–103. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-94-103> (In Russ.).

Gulin A. V. *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Russkaia literatura i natsional'nai gosudarstvennost' XVIII–XIX vv.»: zamysel, itogi i perspektivy* [International scientific conference "Russian Literature and National Sovereignty of the 18th — 19th Centuries": concept, results and prospects]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics]. 2020, vol. 2, № 4, pp. 260–271. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-260-271> (In Russ.).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотографий и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES**

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г. (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет).

Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки «*»*, если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “*”*.”
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2020 – Т. 26 – № 4

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 02.11.2020.
Дата выхода в свет 28.01.2021.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 33,0.
Уч.-изд. 34,3 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 176.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна